

НОВАЯ

ISSN 0130-3864

И

НОВЕЙШАЯ

ИСТОРИЯ

В НОМЕРЕ:

**РОССИЯ В ВОЙНЕ ЗА ЧУЖИЕ ИНТЕРЕСЫ:
ПЕРЕГОВОРЫ БРИТАНСКИХ И РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ
О СУБСИДНЫХ КОНВЕНЦИЯХ 1747 года**

**НАЧАЛО БОРЬБЫ ЗА ОРЕГОН:
ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XVIII – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX века**

**ВИЛЬГЕЛЬМ II И СИСТЕМА ВЛАСТИ В ГЕРМАНИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX века**

**ФОРМИРОВАНИЕ И СОЗДАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР (1920–1945)
В ТРУДАХ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ**

**СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА
В КОНЦЕ 1930-х – 1940-е годы: ЛИНИЯ МИШУЛИНА**

**МОСКОВСКИЕ МУЗЕИ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОРГАНИЗАЦИЯ,
СТРУКТУРА, ЭВАКУАЦИЯ**

**ГЕРОИ И АНТИГЕРОИ 1940-х годов:
МАЯТНИКОВЫЕ КОЛЕБАНИЯ ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

**«СИЛАМ СОЦИАЛИЗМА ВЫГОДНО, ЧТОБЫ АМЕРИКАНЦЫ
ПОКРЕПЧЕ ЗАВЯЗЛИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ»:
ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС И ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ
ЛИНИИ СССР ВО ВТОРОЙ ИНДОКИТАЙСКОЙ ВОЙНЕ В 1965 году**

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

3

2023

УДК 94(100)"15/21"(082)
ББК 63.3(0)5я43+63.3(0)6я43

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК**

**НОВАЯ
II
НОВЕЙШАЯ
ИСТОРИЯ**

**№ 3
МАЙ–ИЮНЬ**

2023

**ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД**

**УЧРЕДИТЕЛИ:
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ
ИСТОРИИ РАН**

Главный редактор **В.С. Мирзеханов**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Одд Арне Вестад (США), А.Б. Давидсон (Россия), Штефан Карнер (Австрия),
Элен Каррер д'Анкосс (Франция), Николаус Катцер (Германия), Доминик Ливен
(Великобритания), Г.Ф. Матвеев (Россия), В.С. Мясников (Россия), В.В. Наумкин (Россия),
Рольф Тоштендаль (Швеция), А.О. Чубарьян (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Йорг Баберовски (Германия), Л.С. Белоусов (Россия), Д.М. Бондаренко (Россия),
В.И. Журавлева (Россия), Владислав Зубок (Великобритания), Суви Кансикас (Финляндия),
С.Я. Карп (Россия), М.А. Липкин (Россия), Леонид Люкс (Германия),
А.Г. Матвеева, зам. главного редактора (Россия),
В.С. Мирзеханов, главный редактор (Россия), Мари-Пьер Рей (Франция),
Дональд Рейли (США), Л.П. Репина (Россия), И.М. Савельева (Россия),
Е.Ю. Сергеев (Россия), В.В. Согрин (Россия), Грегори Фриз (США), Б.Л. Хавкин (Россия),
П.П. Черкасов (Россия), Франтишек Штеллнер (Чехия)

Ответственный секретарь **И.А. Фадеев**

*Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32А
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru*

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

№ 3
MAY–JUNE
2023

ESTABLISHED IN MAY, 1957
PUBLISHED SIX TIMES A YEAR

ESTABLISHED BY
THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES

Editor-in-Chief **Velikhan Mirzekhanov**

EDITORIAL OF EDITORS

Aleksander Chubaryan (Russia), **Apollon Davidson** (Russia), **Stefan Karner** (Austria),
Hélène Carrère d'Encausse (France), **Nikolaus Katzer** (Germany), **Dominic Lieven** (United Kingdom),
Gennadiy Matveev (Russia), **Vladimir Myasnikov** (Russia), **Vitaliy Naumkin** (Russia),
Rolf Torstendahl (Sweden), **Odd Arne Westad** (USA)

EDITORIAL BOARD

Jörg Baberowski (Germany), **Lev Belousov** (Russia), **Dmitriy Bondarenko** (Russia),
Petr Cherkasov (Russia), **Gregory Freeze** (USA), **Suvi Kansikas** (Finland), **Sergey Karp** (Russia),
Boris Khavkin (Russia), **Michail Lipkin** (Russia), **Leonid Luks** (Germany),
Anna Matveeva, Deputy Editor-in-Chief (Russia), **Velikhan Mirzekhanov**, Editor-in-Chief (Russia),
Donald Raleigh (USA), **Lorina Repina** (Russia), **Marie-Pierre Rey** (France), **Irina Saveleva** (Russia),
Yevgeny Sergeyev (Russia), **Vladimir Sogrin** (Russia), **František Stellner** (Czech Republic),
Victoria Zhuravleva (Russia), **Vladislav Zubok** (United Kingdom)

Secretary **Ivan Fadeyev**

Editorial Office Address: 119334, Moscow, Leninskiy Prospekt, 32A
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Ватлин А.Ю., Невский С.И., Турыгин А.А. Вильгельм II и система власти в Германии в конце XIX – начале XX века	7
Керимова-Коджаева Т. (Азербайджан). Формирование и создание Академии наук Азербайджанской ССР (1920–1945) в трудах азербайджанских и зарубежных ученых	28
Петрунина О.Е. Герои и антигерои 1940-х годов: маятниковые колебания греческой историографии ..	43

НОВОЕ ВРЕМЯ

Лабутина Т.Л. Россия в войне за чужие интересы: переговоры британских и российских дипломатов о субсидных конвенциях 1747 года.....	54
Петров А.Ю., Троицкая Л.М. Начало борьбы за Орегон: последняя треть XVIII – первая четверть XIX века	67

XX ВЕК

Посадский А.В., Ланник Л.В. «Саратовский ключ» к кампании 1918 года	84
Бухарин М.Д. Советская историческая наука и внешнеполитическая динамика в конце 1930-х – 1940-е годы: линия Мишулина	101
Безугольный А.Ю. Московские музеи накануне и в начальный период Великой Отечественной войны: организация, структура, эвакуация	117
Наумкин В.В., Скороспелов П.П. «Силам социализма выгодно, чтобы американцы покрепче завязли в Юго-Восточной Азии»: Президиум ЦК КПСС и определение стратегической линии СССР во Второй индокитайской войне в 1965 году	131
Груздинская В.С., Сак К.В. Комиссия историков СССР и ЧССР: специфика создания и деятельности в 1960-е годы	154

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ

Шахалилов Ш.Ш. Политический ислам: от истории к современности	169
---	-----

СООБЩЕНИЯ

Чернов О.А. Н.В. Чарыков и Ф.Ф. Мартенс: карьеры двух дипломатов	182
Лихарев Д.В. Артур Джейкоб Мардер – певец британской морской мощи	195

ПУБЛИКАЦИИ

Беглов А.Л., Фадеев И.А. Американские представители в СССР и судьба советской религиозной политики в начале Великой Отечественной войны. Из корреспонденции отца Леопольда Брауна 1941 года	207
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Иерусалимский Ю.Ю., Иерусалимская С.Ю. Исторические уроки северо-восточного направления геополитики Петра I: политический, социальный и социокультурный аспекты (А.Ю. Петров. Петровская эпоха и освоение северной части Тихого океана. Рязань, 2022)	228
Ипатов А.М. «Что русскому хорошо, то немцу – смерть?» (В.С. Дударев. Бисмарк и Россия. 1851–1871 гг. СПб., 2021).....	231
Козлова А.А. Индия – путь к независимости и диалогу с Россией (В.П. Кашин. Индия. Независимость, раздел и диалог с Россией / отв. ред. Т.Л. Шаумян. М., 2022)	234
Попов А.А. Между ФРГ и СССР: торговля как фактор экономических реформ в ГДР в 1950–1970-е годы (Б.В. Яблоков. СССР и ГДР. Экономическая дипломатия в условиях «Новой экономической системы». М., 2021)	236
Ерохин В.Н. Историческая имагология и понимание межкультурных коммуникаций («Свои» / «Другие» / «Чужие»: из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2021)	240

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Богдашкин А.А., Теплухин В.В. Конференция в Воронеже по проблемам фашизма и антифашизма 248

Вашкау Н.Э., ХавкинБ.Л. Россия и Германия в судьбах российских историков. Конференция в Липецке к 90-летию со дня рождения А.И. Борозняка..... 250

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY

Vatlin A.Yu., Nevskiy S.I., Turygin A.A. Wilhelm II and the Power System in Germany in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries	7
Kerimova-Kodjaeva T. (Azerbaijan). Formation and Creation of the Academy of Sciences of the Azerbaijani SSR (1920–1945) in the Works of Azerbaijanian and International Scholars	28
Petrunina O.E. Heroes and Anti-Heroes of the 1940s: Pendulous Swings in Greek Historiography	43

MODERN HISTORY

Labutina T.L. Russia in War for Foreign Interests: Negotiations Between British and Russian Diplomats on the Subsidy Conventions of 1747	54
Petrov A.Yu., Troitskaia L.M. The Struggle for Oregon in the Last Third of the Eighteenth – First Quarter of the Nineteenth Century.....	67

20th CENTURY

Posadsky A.V., Lannik L.V. “Saratov Key” to the 1918 Campaign	84
Bukharin M.D. Soviet Historical Science and Foreign Policy Dynamics in the Late 1930s and 1940s: The Mishulin Line.....	101
Bezugolny A.Yu. Moscow Museums on the Eve and in the Initial Period of the Great Patriotic War: Organization, Structure, Evacuation	117
Naumkin V.V., Skorospelov P.P. “It Is Favorable To the Forces of Socialism to Keep the Americans in Southeast Asia Longer”: The Presidium of the CPSU Central Committee in the Determination of the Strategic Line of the USSR in the Second Indochina War of 1965	131
Gruzdinskaya V.S., Sak K.V. The USSR – Czechoslovakia Commission of Historians: Particularities of Creation and Activities in the 1960s	154

CONTEMPORARY HISTORY

Shahalilov Sh.Sh. Political Islam: from History to Modernity	169
---	-----

MESSAGES

Chernov O.A. Nikolay Charykov and Friedrich Martens: The Careers of Two Diplomats	182
Likharev D.V. Arthur Jacob Marder: A Glorifier of the British Sea Power	195

ANALYSING ORIGINAL DOCUMENTS

Beglov A.L., Fadeyev I.A. American Representatives to the USSR and the Fate of Soviet Religious Policy at the Beginning of the Great Patriotic War: From Father Leopold Braun’s Correspondence of 1941	207
---	-----

REVIEWS

Ierusalimskiy Yu.Yu., Ierusalimskaya S.Yu. Historical Lessons of the North-Eastern Geopolitics of Peter the Great: Political, Social, and Socio-Cultural Aspects (A.Yu. Petrov. Petrovskaya Age and Development of the Northern Part of the Pacific Ocean. Ryazan, 2022)	228
Ipatov A.M. “What is Good for a Russian, is Death for a German?” (V.S. Dudarev. Bismarck and Russia 1851–1871. Saint-Petersburg, 2021)	231
Kozlova A.A. India – The Path to Independence and Dialogue with Russia (V.P. Kashin. India. Independence, Partition and Dialogue with Russia / ed. T.L. Shaumyan. Moscow, 2022).....	234
Popov A.A. Between West Germany and the USSR: Trade as a Factor of Economic Reform in the GDR in the 1950s–1970s (B.V. Yablokov. USSR and GDR. Economic Diplomacy in the Conditions of the “New Economic System”. Moscow, 2021).....	236
Yerokhin V.N. Historical Imagology and Understanding of Intercultural Communications (“Own” / “Others” / “Alien”): From the History of Interaction and Confrontation Between the West, the East and Russia / ed. T.L. Labutina. Saint-Petersburg, 2021).....	240

ACADEMIC LIFE

Bogdashkin A.A., Teplukhin V.V. Conference in Voronezh on the Problems of Fascism And Anti-Fascism 248

Vashkau N.E., Khavkin B.L. Russia and Germany in the Fates of Russian Historians. Conference in Lipetsk Marking the 90th Anniversary of the Birth of Alexander Boroznyak 250

DOI: 10.31857/S013038640024400-8

© 2023 г. А.Ю. ВАТЛИН, С.И. НЕВСКИЙ, А.А. ТУРЫГИН

ВИЛЬГЕЛЬМ II И СИСТЕМА ВЛАСТИ В ГЕРМАНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX века

Ватлин Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: vatlin_alex@mail.ru

Scopus Author ID: 56209861500; ORCID: 0000-0002-6673-7633; Researcher ID: W-2922-2017

Невский Сергей Игоревич – кандидат экономических наук, доцент кафедры истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: nevskij@econ.msu.ru

Scopus Author ID: 57195592468; ORCID: 0000-0001-9312-9863; Researcher ID: N-1691-2013

Турьгин Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Костромского государственного университета (Кострома, Россия).

E-mail: aturigin@mail.ru

Scopus Author ID: 57219485475; ORCID: 0000-0003-0758-6422; Researcher ID: Y-3378-2018

Аннотация. На основании историографического анализа в статье сделана попытка осмыслить 30-летний период правления германского императора Вильгельма II с учетом исторически сформировавшихся тенденций власти, идеологии, общественно-политической организации, а также представлений о монархии и государстве у самого императора. Статья систематизирует оценки историками понятий «двойной модернизации», «режима личной власти императора» и «вильгельминизма», а также интерпретации феномена радикализации общественного мнения, деятельности политических партий и массовых объединений. По общему убеждению авторов статьи, далеко идущие конституционные гарантии и полномочия, провозглашенные и предоставленные немецкому обществу Конституцией 1871 г., в действительности оказались существенно ограниченными. Рейхстаг как общественно-политический институт власти на деле так и не стал главным субъектом законодательного процесса с контролирующими исполнительную власть полномочиями. Немецкая буржуазия не смогла обеспечить себе «классические прерогативы парламентаризма» (Г. Иггерс). Конституционно закрепленный перевес монархической власти был подкреплен союзом князей с аграрной верхушкой, которая продолжала доминировать в экономическом и политическом отношении, заняв ключевые позиции в бюрократическом аппарате и армии. Поэтому из-за сравнительно позднего объединения страны, сохранения средневековой монархической культуры и структур господства субъектами модернизационных изменений в этот период времени становятся общественные группы, ассоциации, союзы, политические движения и партии. Развязанная германской монархией война и ее последующий трагизм отчетливо показали обратную сторону национального единения. Все эти события рассматриваются в фокусе трансформации монархии, однако не в сторону ограничения личной власти правителя, а в сторону традиционного представления о ней («союз алтаря и трона»), что и предопределило финальную катастрофу правления императора Вильгельма II.

Ключевые слова: Германская империя, Вильгельм II, «режим личной власти», авторитаризм, «вильгельминизм», «двойная модернизация», «особый путь», «мнимый конституционализм», милитаризм, колониализм.

A.Yu. Vatlin, S.I. Nevskiy, A.A. Turygin

Wilhelm II and the Power System in Germany in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries

Alexander Vatlin, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: vatlin_alex@mail.ru

Scopus Author ID: 56209861500; ORCID: 0000-0002-6673-7633; Researcher ID: W-2922-2017

Sergey Nevskiy, Department of History of Economics and History of Economic Thought, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: nevskij@econ.msu.ru

Scopus Author ID: 57195592468; ORCID: 0000-0001-9312-9863; Researcher ID: N-1691-2013

Alexander Turygin, Department of History, Kostroma State University (Kostroma, Russia).

E-mail: aturigin@mail.ru

Scopus Author ID: 57219485475; ORCID: 0000-0003-0758-6422; Researcher ID: Y-3378-2018

Abstract. On the basis of a historiographical analysis, the authors of this article attempt to reflect on the thirty-year reign of German Emperor Wilhelm II, taking into account the historically shaped tendencies of power, ideology, social and political organisation, as well as the Emperor's own ideas of monarchy and state. The authors systematise historians' assessments of the concepts of "dual modernization", the "regime of personal rule by the emperor" and "Wilhelminianism" as well as interpretations of the phenomenon of radicalisation of public opinion and the activities of political parties and popular associations. It is their shared opinion that the far-reaching constitutional guarantees and powers proclaimed and granted to the German public by the 1871 Constitution were in fact substantially circumscribed. The Reichstag, as a social and political institution of power, never really became the main actor in the legislative process with controlling powers over the executive. The German middle class failed to secure the "classical prerogatives of parliamentarianism" (Georg Iggers). The constitutionally enshrined preponderance of monarchical power was reinforced by the alliance of the princes with the agrarian elite, which continued to dominate both economically and politically, occupying key positions in both the bureaucracy and the army. Therefore, due to the comparatively late unification of the country, the preservation of medieval monarchical culture and structures of domination, social groups, associations, unions, political movements and parties became the subjects of modernisation changes during this period of time. The war unleashed by the German monarchy and its subsequent tragedy clearly showed the other side of national unity. All these events are considered in the context of the transformation of the monarchy, which however was not progressing in the direction of limiting the personal power of the ruler, but towards the traditional view of it ("the alliance between throne and altar"), which predetermined the final disaster of the reign of Emperor Wilhelm II.

Keywords: German Empire, Wilhelm II, "personal rule regime", authoritarianism, "Wilhelminianism", "double modernization", Sonderweg, "imaginary constitutionalism", militarism, colonialism.

«ВИЛЬГЕЛЬМИНИЗМ» КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

Германский император Вильгельм II (1859–1941) принадлежит к числу тех исторических личностей, споры о которых не утихают до настоящего времени. Историки продолжают находить в его биографии множество фактов, опровергая ими любое более или менее устоявшееся в историографии мнение. По этой причине один из самых известных современных специалистов по эпохе Вильгельма II, посвященный в рыцари королевой Елизаветой II в 2015 г. за развитие англо-германских отношений, кембриджский профессор Кристофер Кларк в своих многочисленных публикациях предлагает читателю самому определиться с оценкой. В статье «Насколько могущественным был император?» он приводит один из таких фактов. В январе 1904 г. король Бельгии Леопольд II (1835–1909) был приглашен в Берлин на обед в честь дня рождения императора. Оба монарха сидели

рядом, и все шло хорошо, пока император внезапно не поднял вопрос о возможном нападении Франции на Германию. Вильгельм объяснил, что в случае войны между Германией и Францией он ожидает, что бельгийцы встанут на сторону Германии. В обмен на это он лично побеспокоится о вознаграждении Бельгии аннексированными у северной Франции территориями. Сам Леопольд, добавил он, проникаясь его темой, может рассчитывать на корону Старой Бургундии. Когда король Бельгии, встревоженный этими мыслями, возразил, что министры и парламент его страны вряд ли одобряют столь далеко идущие планы, Вильгельм начал выходить из себя. Он начал говорить, что не может уважать короля, который считает себя ответственным перед министрами и парламентом, а не перед одним лишь Богом. Сославшись на школу Фридриха Великого и Наполеона, Вильгельм дал понять, что тогда сам он будет руководствоваться исключительно стратегическими соображениями. Выслушав императора, король Леопольд был так расстроен, что, встав из-за стола, надел шлем задом наперед¹. Приведенный К. Кларком пересказ встречи монархов способен навести читателя на мысль о неограниченной вере Вильгельма II в незыблемость монархии и неприятие им конституционных рамок, что в начале XX в. казалось многим средневековым пережитком.

Однако еще один эпизод жизни императора демонстрирует иную тактику поведения, основанную на заинтересованности Вильгельма II в выстраивании отношений с государственными служащими, уважении их мнения и понимании реальности конституционной монархии. Описание этого случая мы находим в воспоминаниях графа Владимира Николаевича Коковцова (1853–1943), председателя Совета министров Российской империи. На встрече в городе Балтийский порт (ныне – Палдиски, Эстония) 22 июня 1912 г. В.Н. Коковцову представился шанс пообщаться с Вильгельмом II о строительстве общеевропейского нефтяного треста, который мог бы конкурировать с американским Standard Oil. Этот разговор состоялся при явном равнодушии со стороны Николая II (1868–1918). В.Н. Коковцов в своих воспоминаниях отметил, что эта тема, напротив, интересовала германского императора, «так как за полгода перед тем он имел на ту же тему беседу с Э.Л. Нобелем». Строительство треста уже тогда занимало мысли Вильгельма II, «в числе которых была мысль о необходимости бороться с Америкой и сделать Европу менее зависимой от нее. Беседа приняла чрезвычайно оживленный характер и затянулась даже за предел, дозволенный по придворному этикету. Солнце жгло беспощадно. Государь не решался прервать нашего разговора, но делал мне за спиной Императора Вильгельма знаки нетерпения, вся свита стояла поодаль и не знала, что делать; а Вильгельм все с большим и большим жаром парировал мои аргументы, и, когда Государь, очевидно потерявши терпение, подошел к нам и стал вслушиваться в наш разговор, Император Вильгельм обратился к нему с такими словами (по-французски): “Твой Председатель Совета очень отрицательно относится к моим идеям, и мне очень не хочется, чтобы оказался прав он, а не я. Я прошу Твоего разрешения постараться доказать ему аргументами, собранными в Берлине, и, когда мы приготовим нашу защиту, я попрошу Тебя дать мне возможность возобновить этот разговор с ним”»².

Попытки историков понять противоречивый стиль Вильгельма II привели к формулировке термина «вильгельминизм», которым можно обозначить как личное видение императором государства, возглавляемого сильным правителем (которым Вильгельм II стремился стать), так и особый период в развитии Германии, характеризовавшийся «рывком к мировому господству»³ и падением монархии. Дискуссионный характер термина,

¹ Clark C. How powerful was the Kaiser? // London Review of Books. 2015. Vol. 37. № 8. URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v37/n08/christopher-clark/how-powerful-was-the-kaiser> (дата обращения: 30.01.2023).

² Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг.: в 2-х т. Т. 2. Париж, 1933. С. 77–78.

³ Понятие «рывок к мировому господству» (Griff nach der Weltmacht) отсылает к известной работе немецкого историка Фрица Фишера, инициатора соответствующей исторической дискуссии. См.: Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / пер. с нем. Л. Ланника. М., 2017.

что относится и к современной историографии, выводит его за рамки сугубо политических или индивидуально-психологических значений. Историки время от времени соотносят его с «социокультурным климатом эпохи», выражением которого стало причудливое сочетание консервативных политических ориентаций, подобных «викторианской эпохе» в Великобритании и оправдывающих притязания Германии на мировое господство, с набирающими силу антиконсервативными общественными тенденциями и ожиданиями демократических изменений, основанных на вере в прогресс⁴. Так или иначе, в стремлении интерпретировать период «вильгельминизма», приведший к Первой мировой войне, важно понимать те его основания, которые стали зародиться еще до Вильгельма II в рейхе, скованном «железом и кровью».

Для современной российской историографии попытка систематизации мнений ведущих западных специалистов по истории эпохи Вильгельма II, предложенная в настоящей статье, продиктована отсутствием ее комплексного исследования. Отдельные работы российских историков затрагивают «вильгельминизм» лишь частично. Так, на основании глубокого изучения документов Архива внешней политики Российской империи А.Г. Матвеева доказывает связь внешней колониальной политики Вильгельма II с целенаправленным отвлечением общественного внимания от внутренних проблем, где «деструктивная энергия пролетариата» экстраполировалась на расширенные колониальные захваты⁵. Этот вывод повторяет уже устоявшийся тезис немецкого историка Ганса-Ульриха Велера о «социальном империализме», о котором речь пойдет далее. Ю.А. Левшина рассматривает «вильгельминизм» с точки зрения общественного мнения, полагая, что оно стало решающим фактором формирования образа власти в самом начале XX в.⁶ Исследование Л.Н. Полубояриновой посвящено формированию образа власти на стыке консервативных и модернистских тенденций развития немецкой культуры⁷. В.В. Таран обращает внимание на то, что «вильгельминизм» как индивидуальный стиль императора стал возможен только в тени «Великого О. Бисмарка», поскольку особенностью политики Вильгельма II становится предпочтение монархом лояльных и безынициативных канцлеров, которое создавало лично для него массу преимуществ в осуществлении самостоятельной политики⁸.

Отставка канцлера Отто фон Бисмарка (1815–1898) 20 марта 1890 г., опекой которого тяготился молодой монарх⁹, ознаменовала новый этап в истории Германской империи. После стабильной союзнической политики, исходящей из практических соображений, а не идеологических или моральных ценностей, в эпоху кайзера Вильгельма II, продолжавшуюся с 1888 по 1918 г., стремление к мировому могуществу и поиску «места под солнцем» становится новым ориентиром для Германской империи. В соответствии с концепцией «особого пути», объясняющей специфическую роль Германии в мировой истории начала XX в. уникальностью ее исторического развития, в эту эпоху империя модернизировалась, не становясь демократизированной, в отличие от таких стран, как Великобритания, Франция или США¹⁰. Основанием для этого стало предпочтение немецкой

⁴ Lemke A. Gedächtnisräume des Selbst: Walter Benjamins "Berliner Kindheit um neunzehnhundert". Würzburg, 2005. S. 90.

⁵ Матвеева А.Г. Некоторые аспекты германской колониальной политики в 1880–1890-е гг. (по материалам Архива внешней политики Российской империи) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 8 (94). С. 18.

⁶ Левшина Ю.А. К вопросу о влиянии прессы на формирование общественного мнения Германии в начале XX века // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 4 (54). С. 68–72.

⁷ Полубояринова Л.Н. Литературный образ Берлина в эпоху кайзера Вильгельма II: между консерватизмом и модерном // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 1. № 4. С. 23–32.

⁸ Таран В.В. Кайзер и канцлер в эпоху правления Вильгельма II Гогенцоллерна // Colloquium-Journal. 2019. № 14 (38). С. 48–50.

⁹ Матвеева А.Г. Вильгельм II и отставка О. фон Бисмарка // Новая и новейшая история. 2022. № 5. С. 92–103.

¹⁰ Wehler H.-U. Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918. Göttingen, 1980. S. 11–18.

буржуазии пойти на компромисс с земельной аристократией и князьями перед желанием вступить в союз с народом — марксистский тезис, не утративший своей актуальности и по сей день¹¹. Этот компромисс, повлекший за собой концентрацию власти за консервативным феодально-аристократическим центром, резко противоречил бурным индустриальным процессам, не давая империи «разумно ответить на новые вызовы времени»¹². Консерватизм германских элит ярче всего передает немецкая литература времен кайзера Вильгельма II, создавшая выразительный образ человека, сознание которого определялось вековым монархическим укладом. Так, незадолго до начала Первой мировой войны был опубликован роман Генриха Манна «Верноподданный», наполненный социальной иронией и пессимизмом¹³.

«Вильгельминизм» как фактор, определявший общественно-политическое развитие Германской империи в конце XIX — начале XX в., напрямую не тождественен тридцатилетнему периоду правления кайзера Вильгельма II, хотя и добавляет ему некоторой специфики. «Вильгельминизм» не является концепцией общества, связанной с именем Вильгельма II, а гораздо больше соотносится с габитусом кайзера и режимом его личной власти. Составляющими этого образа были помпезные военные парады, ставшие предметом особой гордости монарха, возвеличивание героики прошлого, борьба с социалистической идеологией, а также личные амбиции Вильгельма II превратить Германию в великую державу, подогреваемые колониальными приобретениями в южных морях и на африканском континенте. Военный шлем с пикой из парадного атрибута прусской армии становится символом эпохи, отражая милитаристскую идеологию вильгельминистской Германии. Этот образ дополняет «режим личной власти» кайзера, носящий в целом деструктивный характер¹⁴. Он был авторитарным, основанным на полном неприятии конституционных изменений, отказе понимать монархию иначе, чем в соответствии со средневековыми формулами ее легитимности, маниакальных напоминаниях о божьей милостью данных полномочиях, особенно по отношению к тем, кто осмеливался критиковать речи кайзера, а также характеризовался навязчивым сравнением себя с Цезарем и мыслями об исключительности императорского достоинства¹⁵. Гораздо выразительнее о власти монарха высказался сам кайзер, сделав публичное заявление через год после отставки Бисмарка 4 мая 1891 г.: «В империи есть только один господин; этот господин — я, и я не потерплю никого другого»¹⁶. Далее Вильгельм II сетовал на распространение в империи духа неповиновения и происки лжеучителей, которые пытались ввести в заблуждение его подданных, заканчивая свою речь призывом к немцам следовать за своим кайзером ради спасения и величия Германии.

Оценки «режима личной власти» Вильгельма II — термина, введенного немецким историком Эрихом Эйком, — расходятся в понимании его эффективности. С одной стороны, признается значительное влияние кайзера на формирование внутренней и внешней политики, прежде всего кадровой, которая позволяла монарху осуществлять личную

¹¹ *Genton F.* La “misère allemande”, un problème du socialisme européen vers 1900. La controverse Jaurès-Mehring à propos de Frédéric II de Prusse et de l’Aufklärung // *Chroniques allemandes.* 1998–1999. № 7. P. 77–80.

¹² *Радкау Й.* Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера / пер. с нем. Н. Штильмарк; под науч. ред. С. Ташкенова. М., 2017. С. 271.

¹³ *Mann H.* Der Untertan. Roman. Leipzig, 1918 (на русском языке: *Манн Г.* Верноподданный. М., 1985).

¹⁴ *Cecil L.* Wilhelm II: Prince and Emperor, 1859–1900. Chapel Hill, 1989; *Mommsen W.J.* War der Kaiser an allem schuld? Wilhelm II. und die preußisch-deutschen Mächtigsten. Berlin, 2002; *Макдона Дж.* Последний кайзер. Вильгельм Неистовый / пер. с англ. А.М. Филитова. М., 2004; *Röhl J.C.G.* Wilhelm II. Der Weg in den Abgrund 1900–1914. 3. Aufl. München, 2017; *Schabas W.A.* The trial of the Kaiser. Oxford, 2018; *Hasselhorn B.* Nach dem Königstod. Zum Umgang Wilhelms II. mit seinem Erbe nach 1918 // *Preußendämmerung. Die Abdankung der Hohenzollern und das Ende Preußens: Kulturgeschichte Preußens. Colloquien / Hrsg. von T. Biskup, T. Vu Minh, J. Luh.* Vol. 8. Heidelberg, 2019. S. 39–51.

¹⁵ *Рель Дж. К. Г.* Вильгельм II Германский император (1888–1918) // Шиндлер А., Циглер В. Кайзеры. Ростов-на-Дону, 1997. С. 531.

¹⁶ *Die politischen Reden Kaiser Wilhelms II. Eine Auswahl / Hrsg. M.A. Obst.* Paderborn, 2011. S. 77.

власть. С другой стороны, проблема здесь видится в том, что Вильгельм II использовал ее весьма и весьма неэффективно. В понимании Эйка это стало возможным ввиду архаичности самой монархии, которая не была реформирована, хотя бы в направлении разумного распределения политической и военной власти, а также «совершенной некомпетентности» кайзера, от решений которого зависела судьба целого народа¹⁷. Немецкий историк Фриц Хартунг, который также видит в Вильгельме II самодержавного монарха, самостоятельно устанавливающего руководящие принципы политики и следящего за их соблюдением, в итоге заключает, что кайзера не интересовал строгий и непрерывный контроль над министрами и статс-секретарями. Ему не хватало «истинной серьезности, благоговения перед кропотливой работой», и по этой причине Вильгельм II не стал «выдающейся личностью», а его собственная власть являлась скорее политической риторикой, чем реальным институтом¹⁸.

Иной подход к пониманию «режима личной власти» Вильгельма II, предложенный британским историком Джоном Рёлем, напротив, оправдывает его эффективность, исходя из идеи о «королевском механизме». Ее автор, немецкий социолог Норберт Элиас, понимал под «королевским механизмом» возможность монарха использовать придворные противоречия в личных интересах, как правило имиджевых, оставляя своему окружению определенную свободу в принятии решений¹⁹. Политик и доверенное лицо кайзера граф Филипп цу Эйленбург (1847–1921), канцлер Бернгард фон Бюлов (1849–1929) и поначалу дипломат Фридрих Август фон Гольштейн (1837–1909), позже превратившийся в убежденного противника Вильгельма II, как и многие другие придворные чиновники, работали на поддержание «режима личной власти». В обмен на свободу действий в своих ведомствах они нарочито демонстрировали верноподданнические чувства и добивались благосклонности монарха, манипулируя имперской политикой, превратив соперничество за доверие императора в доминирующую черту системы. В итоге Вильгельм II часто оставался в неведении, получая от своих придворных чрезмерную лесть и желаемую покорность. Поэтому Дж. Рёль говорит не о личном режиме, а скорее о негативном внешнем эффекте механизма королевской власти²⁰.

И, наконец, полное отрицание «режима личной власти» кайзера предложил историк из Билефельда Ганс-Ульрих Велер. В соответствии со своей социально-исторической концепцией и пониманием эпохи «вильгельминизма» он обнаружил «полость на вершине пирамиды власти», образовавшуюся «после высадки бонапартистского пилота»²¹. Называя этим «пилотом» Вильгельма II, Г.-У. Велер имел в виду, что основные направления внешней и внутренней политики были заложены без участия императора задолго до его воцарения. Они сформировались без участия монарха в союзе олигархии с функциональной чиновничьей элитой. Это был уже сложившийся, обезличенный альтернативный союз интересов, способный принимать самостоятельные политические решения, которого, по словам историка, было достаточно для защиты власти и без харизматичного Бисмарка; союз, который для себя избрал ошибочную стратегию усиления авторитарной власти монарха, предоставив Вильгельму II больше свободы действий, что привело к катастрофе Первой мировой войны. Этим тезисом Г.-У. Велер отверг идею «режима личной власти» монарха в пользу структурных объяснений политического развития Германии²².

¹⁷ Eyck E. Das persönliche Regiment. Politische Geschichte des Deutschen Kaiserreiches von 1890 bis 1914. Erlenbach-Zürich, 1948. S. 782.

¹⁸ Hartung F. Deutsche Geschichte vom Frankfurter Frieden bis zum Vertrag von Versailles 1871–1919. Bonn, 1930. S. 149.

¹⁹ Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования: в 2-х т. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.; СПб., 2001. С. 98.

²⁰ Röhl J. C. G. Kaiser, Hof und Staat. Wilhelm II. und die deutsche Politik. München, 1995. S. 126.

²¹ Wehler H.-U. Das Deutsche Kaiserreich 1871–1914. Göttingen, 1973. S. 220.

²² Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. 4 Bde. Bd. 3. Von der “Deutschen Doppelrevolution” bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges 1849–1914. München, 1995. S. 1154.

За «блестящим фасадом авторитарной монархии тлел перманентный государственный кризис», который в конечном итоге привел к установлению в результате борьбы придворных группировок за внимание кайзера «поликратии соперничающих центров власти». Следствием этого соперничества стала постоянно меняющаяся расстановка сил и «зигзагообразный курс», который в первую очередь отражался на внутренней и внешней политике империи²³.

Новый взгляд на «вильгельминизм» предлагает берлинский историк Вольфганг Кёниг, предпринимая попытку связать политику императора с научно-технологическим прорывом и становлением модерна²⁴. Предметом его изучения стали личные интересы и покровительство Вильгельма II науке и технике, что соответствовало духу «второй технологической революции», когда происходил уверенный индустриальный и хозяйственный подъем Германии, несмотря на негативное воздействие «кризиса грюндерства» и последовавшей мировой экономической рецессии («долгой депрессии») 1873–1896 гг.²⁵ Конечно, поддержка императором различных отраслей хозяйства осуществлялась избирательно. Так, несмотря на увлечение Вильгельма II строительством каналов, авиацией и электротехникой, военно-морским флотом и радио, — что отвечало задачам вооружения и превращения Германии в ведущую мировую державу — он в значительной мере оставался равнодушным к станкостроению, химической промышленности и к железнодорожному строительству. Его в первую очередь интересовало «только новое, сенсационное, самое большое и лучшее»²⁶. Историк привел массу примеров того, как поддержка императора способствовала реализации лучших научно-технических (в том числе инфраструктурных) проектов: Миттелландский канал (1906), ради которого император пошел на отчуждение от прусских консерваторов, проекты по улучшению системы водных путей Северной Германии (1900–1914), содействие развитию автомобилестроения, автономизация технических университетов и финансовая поддержка их научно-исследовательской деятельности и проч.

Делая выводы, В. Кёниг заключает, что технологическая политика Вильгельма II способствовала освобождению буржуазии от чрезмерного чиновнического контроля и, следовательно, стимулировала социальную модернизацию Германии. В оценках этой политики историк приходит к выводу, что император видел в ней средство обновления института монархии с точки зрения придания ей имиджа успешной, современной и прогрессивной. Для этого использовались всевозможные инсценировки: от прибытия монарха на новейшем автомобиле до демонстрации запуска пускового механизма с обязательным присутствием средств массовой информации. Однако, несмотря на крайне важный для Вильгельма II внешний эффект, он действительно мечтал поставить науку на службу монархии, рассматривая ее достижения прежде всего в контексте модернизации армии и флота.

Исторические дискуссии о «режиме личной власти» Вильгельма II и его последствиях помогают пониманию противоречивого характера политической реальности Германской империи и ключевых тенденций ее развития в конце XIX — начале XX в.

«МНИМЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ» ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Проблемы, скрывавшиеся за блеском империи, созданной Бисмарком, по-прежнему были связаны с наследием средневековья. Как ни пытались талантливые политики

²³ Ibid. S. 1000.

²⁴ König W. Wilhelm II. und die Moderne. Der Kaiser und die technisch-industrielle Welt. Paderborn, 2007.

²⁵ Абельсхаузер В. Экономика кайзеровской Германии: благоприятная среда для развития постиндустриальных институтов // Экономическая история Германии: от эпохи камерализма до наших дней. Монография: в 3-х т. Т. 1. Экономическая история Германии в Новое время: от аграрного общества к мировой промышленной державе / сост., пер. с нем., науч. ред. С.И. Невского. М., 2016. С. 224.

²⁶ König W. Op. cit. S. 267.

приблизить величие рейха к идеалам Священной Римской империи германской нации, существовавшей тысячу лет, «германская мечта» все еще витала в облаках, скрываясь за традиционным союзом немецких монархий, возрожденным на скорую руку 18 января 1871 г. Император по-прежнему сохранял полноту власти, являясь верховным главнокомандующим и направляя деятельность правительства. С согласия парламента император объявлял войну и заключал мир (ст. 11), руководил федеральной администрацией, назначая, вводя в должность и смещая всех федеральных руководителей (ст. 18), включая канцлера (ст. 15), что фактически давало ему право определять курс федерального правительства. Вместе с тем его власть уже не являлась абсолютной. Конституция не давала ему общего права издавать указы — права, типичного для конституционного монарха. Более того, все его действия требовали контрасигнатуры канцлера, бравшего на себя всю ответственность (ст. 17)²⁷.

Так называемый «мнимый конституционализм», понятию которого соответствовала политическая система рейха, по сути, выводил императора из-под контроля конституции. Он превращал монарха в носителя государственного суверенитета и гаранта самой конституции²⁸. У такого политического порядка были как сильные, так и слабые стороны. Позитивным фактором являлась органическая связь монарха с подданными и концентрация власти в политическом центре империи. Проблема была лишь в том, что роль кайзера в развитии политической системы была отделена от юридического развития его должности²⁹. Речь в данном случае идет о сознательном превышении императором своих полномочий и практике нарушения Конституции 1871 г., подтверждавшейся «феноменами негласных изменений конституции» и «конституционного права»³⁰. Это создавало опасный прецедент для империи, зависящий от воли монарха, тем более что сторонники и противники «режима личной власти» априори исходили из идеи расширения конституционной дееспособности кайзера после отставки Бисмарка³¹. Такое расширение характеризовалось постепенным появлением у кайзера права законодательной инициативы и права налагать вето на законы парламента, чего не было в тексте конституции. Согласно ее тексту предложения могли быть внесены в законодательный процесс либо правительствами земель в бундесрате, либо рейхстагом (ст. 7, 23)³². Однако в течение последующих лет возникло право внесения законодательных инициатив «от имени Его Величества Императора» или «от имени Императора»³³.

В стремлении к абсолютизму Вильгельм II вовсе не противился рейхстагу, хотя с детства не мог терпеть все, что хоть как-то относилось к Великобритании. Политическая система с парламентом во главе была частью наследства великого деда, которое Вильгельм II стремился приумножить, увековечив свое собственное имя. Подтверждением лояльности императора парламенту может считаться своеобразный символ эпохи — здание в центре столицы, работы над которым были завершены в 1894 г. Характерной точкой отсчета нового царства должны были стать выборы нового парламента в феврале 1890 г., вот только крупнейшей фракцией в нем стала фракция партии «Центр», остававшейся в оппозиции официальному курсу. В то же время большинство голосов на выборах

²⁷ Конституция Германской империи // Собрание конституций. Вып. 1. М., 1905. С. 31–40.

²⁸ Медушевский А.Н. Что такое мнимый конституционализм (исторический опыт Германии) // Социологические исследования. 1994. № 2. С. 71–86; *Его же*. Монархический конституционализм в Германии и России // Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. Москва; Берлин, 2015. С. 376.

²⁹ Ostermann T. Die verfassungsrechtliche Stellung des Deutschen Kaisers nach der Reichsverfassung von 1871. Frankfurt a.M., 2009.

³⁰ Штоляйс М. История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм. М., 2017. С. 77–78.

³¹ Röhl J.C.G. Kaiser Wilhelm II. Cambridge, 2014. P. 54; Clark C. Kaiser Wilhelm. London, 2000. P. 64.

³² См.: Конституция Германской империи. С. 30–31, 33.

³³ Fischer R. Das Recht des Deutschen Kaisers. Berlin, 1895. S. 150.

получила СДПГ (Социал-демократическая партия Германии), хотя по количеству мест в парламенте партия заняла лишь пятую позицию, уступив католикам, консерваторам, либералам и национал-либералам. Заигрывание Вильгельма II с рабочими доказывала проведенная по воле самого монарха Берлинская конференция о международной охране труда, которая, однако, так и не создала международно-правового механизма его защиты, чем вызвала критику социал-демократов и либералов. По существу, он продолжал начатую Бисмарком двойственную политику постепенных уступок и ограничений политического участия рабочих, сведения к минимуму их способности оказывать давление на государство. Однако вышло так, что истечение срока «исключительного закона против социалистов» обернулось для социал-демократов настоящим триумфом³⁴. Выйдя из тени нелегальности, СДПГ очень быстро завоевала симпатии избирателей.

Тот факт, что социал-демократическая фракция стала крупнейшей в парламенте Вильгельма II, вселил в императора уверенность, что с помощью монаршей снисходительности он может завоевать доверие рабочих. Этим было продиктовано желание императора начать свое правление с «социального вопроса». Была запрещена воскресная работа для детей, как и любая фабричная работа для детей в возрасте до 13 лет. Рабочее время для женщин ограничивалось 11 часами в день, а для молодых людей в возрасте до 16 лет – до 10 часов в день. Однако эти реформы не привели к желаемому воодушевлению рабочих, более того, они способствовали их отмежеванию от монархии. Ни император, ни его политические советники не понимали, что «социальный вопрос» конца XIX в. не мог быть решен монаршей снисходительностью, что «рабочий вопрос» касается конституционной интеграции социальных низов в государство и общество.

Убеденный в божественном праве своей монархии и традиционном общественном порядке, император решительно отверг все попытки ввести парламентскую демократию, которая урезала бы его имперские права и расширила бы права его подданных. Очень скоро Вильгельм II отказался заигрывать с рабочими, перейдя к жестким мерам. Основанием для такого курса стала радикализация рабочего движения. Так, на партийной конференции в Эрфурте в 1891 г. была принята новая программа СДПГ; в ее основу была положена марксистская логика свержения существующей социально-экономической системы. Социал-демократы провозгласили курс на завоевание политической власти в стране, посчитав необходимыми условиями этого всеобщее и равное избирательное право и восьмичасовой рабочий день.

Недавно завоеванная политическая свобода улучшила мобилизационные возможности социал-демократов, так что они смогли увеличить свою долю голосов на последующих выборах в рейхстаг. 12 января 1912 г. СДПГ становится крупнейшей фракцией парламента, получив на выборах большинство голосов избирателей. Но дух социального изгнания по-прежнему витал в воздухе: в эпоху военных кризисов и роста национальных настроений клевета и борьба с социал-демократами стали обычным делом, в то время как политические союзы между другими партиями превращаются в реальную силу. Полагая, что требовать широкой конституционной реформы, укрощения Пруссии и удаления монарха от власти, открывавшего дорогу новым преобразованиям, было еще слишком рано,

³⁴ Имперский закон «Против общественно опасных устремлений социал-демократии» (*Gesetz gegen die gemeingefährlichen Bestrebungen der Sozialdemokratie / Sozialistengesetz*), принятый 21 октября 1878 г., был направлен на запрет всех социал-демократических, социалистических или коммунистических союзов, обществ, собраний и печатных органов, деятельность которых рассматривалась как угроза существующему государственному или общественному строю. Подробнее см., например: *Ольховская О.В.* «Исключительный закон о социалистах» 1878 года и партия «Центр» // *Вестник Брянского государственного университета*. 2010. № 2. С. 35–38; *Устинова Ю.Н.* Гонения против социал-демократии в Германской империи и национал-либералы: 1878 год // *Вестник Брянского государственного университета*. 2010. № 2. С. 46–50; *Суворов Ю.В.* Страницы истории германской социал-демократии. Ч. 2. Партия в последней трети XIX века. Петрозаводск, 2013. С. 9–16.

либералы предпочли стать «совестью нации», выдвинув вперед интеллектуалов Макса Вебера (1864–1920) и Вернера Зомбарта (1863–1941). Незадолго до войны либералы образовали Прогрессивную народную партию во главе с политиками нового поколения – Фридрихом Науманом (1860–1919) и Густавом Штреземаном (1878–1929)³⁵.

«Новый курс» канцлера Георга Лео фон Каприви (1837–1899) с понижением торговых пошлин на импорт и свободной торговлей отвернул от монарха консервативные партии, державшиеся курса на укрепление протекционизма. Наиболее радикальные из них даже перешли к жесточайшей критике правительства, сославшись на непопулярный договор с Великобританией от 1 июля 1890 г.³⁶ Хотя консервативные остальбские аграрии не имели массовой поддержки, они пользовались значительным влиянием на патриотические и националистические союзы. Одним из самых многочисленных среди них стал Пангерманский союз, образованный 9 апреля 1890 г. и реорганизованный в 1894 г. на идеях государственной поддержки и последующего объединения всех немцев как в Европе, так и в колониях³⁷.

Своеобразную роль в политическом пространстве рейха играла католическая партия «Центр». Ее основание (13 декабря 1870 г.) стало итогом медленной политизации католической церкви, начавшейся после наполеоновских войн. Антиклерикальная кампания Бисмарка, который видел в любой организации немецких католиков тайных проводников влияния Папы римского, привела лишь к их сплочению. После завершения политики Культуркампа католики вышли из «осажденной крепости», продолжая добиваться защиты католического меньшинства и активизации государственной церковной политики³⁸. Энциклика папы Льва XIII *Regum Novarum* (лат. – «Новые веяния») от 15 мая 1891 г. придала политическому католицизму в Германии новый импульс. С помощью этого послания католическая церковь стремилась модернизировать и расширить свое влияние в решении социальных, экономических, политических и культурных задач современного общества, призывая к его обновлению и противостоянию набравшей силу социал-демократии.

«Мнимый конституционализм» политической системы и довольно устойчивые структуры монархического государства, апологетом которого была прусская императорская династия, не позволяли партиям сколько-нибудь существенно влиять на государственную политику, выталкивая их в сферу теоретических, часто оторванных от реальности дискуссий, и делая весьма иллюзорными хрупкие партийные коалиции. Вильгельм II не раз давал понять, что в любой момент может заявить о своих божественных правах и поступиться конституционными механизмами, причем для императора само понятие «политические партии» было равносильно формальному объединению его подданных. Так, когда речь зашла о войне, он напрямую обратился к партийным лидерам за поддержкой, подчеркнув, что обращается к ним, как к лучшим представителям немецкого народа. В своей

³⁵ Reich K. Die liberalen Parteien in Deutschland 1918 bis 1933. Osnabrück, 1979; Sheehan J. Der deutsche Liberalismus von den Anfängen im 18. Jahrhundert bis zum Ersten Weltkrieg, 1770–1914. München, 1983; Langewiesche D. Liberalismus in Deutschland. Frankfurt a.M., 1988; Баранов Н.Н. Левый политический либерализм в вильгельмовской Германии (1858–1918 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2012.

³⁶ Речь идет о Гельголандско-Зензибарском договоре, который разграничивал сферы колониальных интересов двух держав в Восточной и Юго-Западной Африке.

³⁷ Турыгин А.А. Карл Петерс и образование Пангерманского союза // Актуальные проблемы современных социально-гуманитарных наук: материалы Всероссийской научно-практической конференции 15 декабря 2012 г. / сост. С.К. Булдаков, А.А. Турыгин, Е.А. Чугунов. Кострома, 2013. С. 89–97; *Ego же*. «Если бы я был императором...»: Идеи и суждения Генриха Класса о пангерманской альтернативе развития Германии (первая четверть XX в.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63). Т. 2. С. 57–60; *Ego же*. Пангерманцы и монархия: критика и видение перспективы // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 4. С. 36–40.

³⁸ Lill R. Die Wende im Kulturkampf // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. Bd. 50. Rom, 1971. S. 276; Franz G. Kulturkampf. Staat und katholische Kirche in Mitteleuropa von der Säkularisation bis zum Abschluß des preußischen Kulturkampfes. München, 1954. S. 240.

знаменитой «балконной речи» в Берлине 31 июля и «тронной речи» в рейхстаге 4 августа 1914 г. кайзер заявил, что лично для него не существует никаких партий, а есть только немцы³⁹.

Как и политические партии, свой конституционный потенциал полностью не использовали и чиновники империи. Если члены верхней палаты рейхстага были убеждены, что их полномочия ограничиваются только границами земель, интересы которых они представляли, то министерские чиновники полагали, что их деятельность не должна выходить за пределы ведомственных компетенций; выполняя поручения канцлера, они не имели собственного политического веса. Об их обращении напрямую к императору не могло идти и речи.

Георг Лео фон Каприви в своем стремлении сплотить нацию, отказавшись от репрессивных методов Бисмарка против тех, кого создатель империи считал врагами — социал-демократов, католиков и поляков⁴⁰, как рейхсканцлер оказался неспособен сопротивляться придворным интригам аристократической элиты. Обладая организационным талантом и способностями к управлению, канцлер «запутался в лабиринте ущербной демократии и процветающего византизма»⁴¹, став тем политиком, кто не пришел к двору. Политика «нового курса» канцлера Каприви, министра торговли Ганса Германа фон Берлепша (1843–1926) и министра финансов Иоганна фон Микеля (1828–1901) в целом оказалась противоречивой⁴². Несмотря на цели, — достичь примирения монархии и подданных, вывести рабочих из-под влияния социал-демократии, сблизиться с либералами и конфессиональной партией «Центр», провести прогрессивные социальные и налоговые реформы, а также переориентироваться на Великобританию, отказавшись от сближения с Россией, — политика «нового курса» не выдержала сопротивления консервативных элит и самого кайзера, желавшего править самостоятельно. Она была рассчитана на активную парламентскую деятельность и сближение монархии с рейхстагом, что не вписывалось в планы Вильгельма II⁴³.

Исключением среди рейхсканцлеров Вильгельма II являлся Бернгард фон Бюлов (1849–1929)⁴⁴, поддержавший намерения кайзера править самостоятельно. В период его канцлерства (1900–1909) активизировалась колониальная политика «свободных рук», при которой государство предпочитало временные соглашения коалициям, чтобы в перспективе не связывать себя союзными обязательствами. Кроме того, при Бюлове были поддержаны военно-морские законы Альфреда фон Тирпица (1900, 1908) и продолжено строительство военных кораблей, начато строительство Багдадской железной дороги (1900–1910) и железных дорог в колониальных владениях Германии, расширено социальное законодательство и проведена финансовая реформа. В результате колониального конфликта (восстание племени готтентотов в Намибии в 1904–1907 гг.) и отсутствия партийного единства в этом вопросе рейхстаг был распущен и избран вновь с реакционным и проканцлерским «готтентотским» или «бюловским блоком». Этот блок стал первой проправительственной коалицией, продержавшись около двух лет⁴⁵. Создание такого блока, по мнению калининградского историка И.П. Максимова, в очередной раз

³⁹ Цит. по: *Schoeps J.H.* Kriegsbegeisterung und Ernüchterung: Über das Selbstverständnis und die Befindlichkeiten deutscher Juden im Ersten Weltkrieg und danach // *Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte*. 2014. Vol. 66. № 1. S. 76.

⁴⁰ *Матвеева А.Г.* Канцлер Каприви и поляки. «Новый курс» в политике Германии в 1890–1894. М., 2008.

⁴¹ *Mann G.* Deutsche Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. Frankfurt a.M., 1992. S. 502.

⁴² *Nipperdey T.* Deutsche Geschichte 1866–1918. Machtstaat vor der Demokratie. München, 1992. S. 708.

⁴³ *Mann G.* Deutsche Geschichte. S. 502; *Nipperdey T.* Op. cit. S. 708.

⁴⁴ Бюлов занимал пост рейхсканцлера Германской империи с 1900 по 1909 г.

⁴⁵ *Eschenburg T.* Das Kaiserreich am Scheideweg. Bassermann, Bülow und der Block. Berlin, 1929; *Hartmann H.-G.* Die Innenpolitik des Fürsten Bülow 1906–1909. Kiel, 1950; *Winzen P.* Reichskanzler Bernhard von Bülow. Regensburg, 2013; *Максимов И.П.* Бюлов и «готтентотский блок» 1907–1909 годов. Реализация «политики сплочения» на практике // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2017. № 4. С. 90–96.

продемонстрировало «приспособляемость» Бюлова и управляемость парламента в интересах монархии и консервативных элит⁴⁶.

Отставка Бюлова в июле 1909 г. последовала за неудачей налоговой реформы. Стремление канцлера ввести налог на наследство натолкнулось на решительное сопротивление аристократических элит. Вильгельм II отказался защищать своего «нового Бисмарка», так и не простив ему упреков в том, что, по мнению Бюлова, императору следовало согласовывать свои официальные заявления с парламентом. Инцидент, который дал повод канцлеру «отчитать» своего патрона, произошел годом ранее, когда император дал интервью британской газете «Дэйли телеграф» (28 октября 1908 г.). В нем Вильгельм II критически высказался о внешней политике Великобритании, что спровоцировало международный скандал и воодушевило оппозицию монархии в рейхстаге⁴⁷.

Новый канцлер Теобальд фон Бетман-Гольвег (1856–1921)⁴⁸ был противоположностью своего предшественника. Не обладая дипломатическими способностями, канцлер был настоящим бюрократом, исполняя в парламенте роль посланника императора. Оставаясь верным идеалам справедливости, примирения, свободы и порядка, Бетман-Гольвег не обладал сильным характером, чтобы настаивать на их соблюдении; он был похож на философа, который интеллектуально соответствовал задачам своего офиса, но был не в состоянии отстаивать свои позиции, вопреки многочисленному сопротивлению со стороны императора, двора, военных и партий⁴⁹. Бетман-Гольвег запомнился как «канцлер войны», так как возглавлял правительство с 1909 по 1917 г. Начавшаяся при его предшественнике либерализация общественной жизни не лишила власть ее консервативной опоры. Напротив, хотя парламентские выборы 1912 г. и принесли ошутимую победу социал-демократам, католикам «Центра» и прогрессистам, оппозиционная правительству коалиция так и не была создана⁵⁰. Стремясь отвлечь электорат социал-демократов, правительство вместе с монархом усилило свою внешнеполитическую активность.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС И «РЫВОК К МИРОВОМУ ГОСПОДСТВУ»

Внешнеполитическое наследие Бисмарка для чиновников Вильгельма II и самого императора оказалось не таким прочным, как можно было рассчитывать. Известная фраза «железного канцлера» о бесстрашии немцев, произнесенная им 6 февраля 1888 г. в рейхстаге, на самом деле заканчивалась вовсе не вызовом: «Мы, немцы, боимся только бога и больше никого на свете, именно потому мы ценим и храним мир»⁵¹. Баланс сил, созданный Бисмарком в международных делах, постоянно проверялся на прочность реваншистскими устремлениями Франции, а союз континентальных монархий («Союз трех императоров») выглядел, скорее, как дань традициям венской дипломатии. Обострение отношений России и Австро-Венгрии на Балканах, казавшееся неизбежным, рано или поздно заставило бы Германию выбрать ту или иную сторону. Победа Вены в потенциальном столкновении с Россией могла возродить планы великогерманского объединения, создавая опасную конкуренцию с рейхом, а победа России с панславистскими тенденциями ее дипломатии угрожала незыблемости восточных границ. После отставки Бисмарка Германия в

⁴⁶ Максимов И. П. Указ. соч. С. 96.

⁴⁷ The interview of the Emperor Wilhelm II on October 28, 1908 // London Daily Telegraph. October 28, 1908.

⁴⁸ Бетман-Гольвег находился на посту рейхсканцлера с 1909 по 1917 г. Подробнее см., например: Egelhaaf G. Theobald von Bethmann Hollweg, der fünfte Reichskanzler. Stuttgart, 1916; Vietsch E. v. Bethmann Hollweg. Staatsmann zwischen Macht und Ethos. Boppard am Rhein, 1969.

⁴⁹ Reichskanzler Theobald von Bethmann Hollweg 1909–1921. Rekonstruktion seines verlorenen Nachlasses / Hrsg. W. Baumgart. Berlin, 2021. S. 4–5.

⁵⁰ Winkler J. R. Sozialstruktur und Parteiensystem in Deutschland 1912–1924 // Historical Social Research. 1992. Vol. 17. № 1. S. 72, 93.

⁵¹ Bismarck O. Die gesammelten Werke. Friedrichsruher Ausgabe. Bd. 13. Reden / Bearb. von W. Schüßler. Berlin, 1930. S. 347.

1890 г. отказалась продлевать договор о «перестраховке», дав понять, что не собирается следовать традиции великого канцлера⁵². Вместе с тем отношения Вильгельма II с Австро-Венгрией, ближайшим союзником Германии по Двойственному союзу 1879 г., характеризовались его непониманием сложных проблем неоднородного полиэтнического состава Дунайской монархии. Оценивая ситуацию в Австро-Венгрии, Вильгельм не стеснялся в словах. Немецкий кайзер открыто критиковал военные и политические слабости своего союзника и вообще считал, что он распознал зло в «типичной для этой страны нерешливости»⁵³.

Так или иначе, после ухода Бисмарка внешнеполитический курс начинает балансировать между иллюзиями стабильности и реальностью. Отказ от договора «перестраховки» с Россией сразу после отставки Бисмарка заставлял усомниться в словах Вильгельма II: «Курс остаётся прежним. Полный вперед!»⁵⁴. В силу того, что рейх, созданный Бисмарком, покоился на лаврах одержанных ранее побед, преемники «железного канцлера» практически сразу начинают помышлять о новых завоеваниях. Самым фанатичным мечтателем, грезившим славой великих полководцев Средневековья, был сам император Вильгельм II. Его «Гуннская речь», произнесенная 27 июля 1900 г. в Бремерхафене по случаю отправки экспедиционного корпуса в Китай для подавления «боксерского восстания», является ярким тому подтверждением: «Как выйдете на врага, он будет разбит. Пошады не давать! Пленных не брать! Обречен тот, кто попадет вам в руки! Как тысячу лет назад гунны прославились под руководством короля Атилы, который и сейчас кажется исполином в преданиях и сказках, так и имя “немцы” на тысячу лет утвердится в Китае так, что ни один китаец никогда не отважится косо взглянуть на немца!»⁵⁵.

Громкие заявления императора о колониальном могуществе Германии, носившие провокационный характер, часто были направлены против Великобритании, имевшей в Китае собственные интересы. Намерение Каприви пойти на сближение с Великобританией становится не более чем скромной личной инициативой канцлера. Вильгельм II рассчитывал выстраивать отношения с британцами сразу после завершения строительства мощного военно-морского флота, хотя сам факт его наличия в Германии был неприемлем для «владычицы морей». Историки склонны считать, что экспансия Германии на море стала следствием намерения императора досадить англичанам, а ее активность в колониальных делах — результатом ущемленного самолюбия опоздавшей к разделу мира державы⁵⁶. Об этом говорил Бюлов, выступая в рейхстаге 6 декабря 1897 г.: «Времена, когда немцы оставляли одному из своих соседей землю, а другому — моря, оставив за собой лишь небо, безвозвратно ушли в прошлое... Мы никого не хотим оттеснить в тень, но мы требуем себе места под солнцем»⁵⁷. Это требование напоминало скорее призыв к немедленному действию, чем просто утверждение, поскольку затрагивало патриотические чувства и торговые интересы, для защиты которых немцам стоило тут же взяться за оружие и направить свое недовольство в русло колониализма.

⁵² Тайный Договор о перестраховке (Rückversicherungsvertrag), подписанный между Германией и Россией в Берлине в июне 1887 г., должен был служить гарантом соблюдения нейтралитета обеих стран в случае осложнения отношений между Германией и Францией, а также обострения обстановки на Балканах. Подробнее см., например: *Groepfer H. Bismarcks Sturz und die Preisgabe des Rückversicherungsvertrages.* Paderborn, 2008; *Камкин А.К. Германия — Россия: Договор о подстраховке 1887 года — упущенный мирный шанс истории Европы // Современная Европа.* 2011. № 1 (45). С. 126—138.

⁵³ *Clark C. Wilhelm II. Die Herrschaft des letzten deutschen Kaisers.* München, 2008. S. 122.

⁵⁴ Цит. по: *Leibenguth P. Modernisierungskrisis des Kaiserreichs an der Schwelle zum Wilhelminischen Imperialismus. Politische Probleme der Ära Caprivi (1890—1894).* Köln, 1975. S. 104.

⁵⁵ *Die Reden Kaiser Wilhelms II. Bd. 2. In den Jahren 1896—1900 / Hrsg. J. Penzler.* Leipzig, 1912. S. 209—212.

⁵⁶ *Fischer M. Vierzig Jahre deutsche Chinapolitik.* Hamburg, 1962; *Kirby W. Stanford Journal of East Asian Affairs.* Stanford, 1984.

⁵⁷ Rede von Staatsminister Freiherr von Bülow im deutschen Reichstag am Montag, den 6. Dezember 1897 // *Verhandlungen des Reichstags. IX. Leg. 5. Sess. Bd. 159.* 1897—1898. S. 60.

Стремясь нарастить силы, Германия обратилась к идее морского могущества. В умах интеллектуалов, стоявших у истоков немецкой школы геополитики (Фридрих Ратцель (1844–1904), Карл Хаусхофер (1869–1946)), идею будущего мирового господства и процветания рейха был способен реализовать только мощный флот. Адмирал Альфред фон Тирпиц (1849–1930), возглавивший в 1897 г. германское Адмиралтейство, стал выразителем подобной идеи и общественных настроений. В 1898 г. рейхстагом был одобрен первый из пяти «флотских законов»⁵⁸, открывавший дорогу масштабному строительству броненосных кораблей, что позволило бы в будущем вывести германские военно-морские силы на уровень двух третей от британских. С этого момента Германия стала врагом номер один для общественного мнения Великобритании⁵⁹.

Историки с редким для своей профессии единодушием рассматривают гонку военно-морских вооружений как увертюру к будущей мировой войне, в исполнении которой вильгельмовская империя играла первую скрипку. Свообразным проявлением ее экспансии являлось активное расселение немцев по всему свету: только за вторую половину XIX в. из Германии эмигрировало около 4,4 млн человек, т.е. 7% населения страны. Анализируя причины немецкой миграции, российская исследовательница Е.К. Чернецкая отмечает преобладание экономических интересов⁶⁰. Вместе с тем среди объективных причин миграции она называет «быстрый рост населения, отмечавшийся в Германии в XIX в., нехватку рабочих мест, низкую заработную плату и обнищание некоторых слоев населения, что приводило многие тысячи немцев к мысли о необходимости покинуть родину в поисках лучшей жизни»⁶¹. Будучи обычным явлением общественной жизни, миграция очень часто становилась объектом политических споров и рассматривалась с точки зрения теории «земельного голода» и внутривнутриполитической стабилизации за счет оттока потенциальных революционных сил⁶².

Во время острого международного конфликта, возникшего на почве споров Франции и Германии за контроль над Марокко (Первый марокканский кризис, 1905–1906 гг.), кайзер посетил Танжер и выступил за созыв международной конференции по Марокко, что отодвигало на неопределенное время планы Франции по овладению этой страной. Тем не менее на этой конференции, которая годом позже была проведена в испанском Альхесирасе, Германия оказалась в изоляции, а Франции при поддержке Великобритании удалось упрочить свои позиции в марокканском султанате.

Попытка заручиться поддержкой России в ходе Марокканского кризиса привела к дипломатическому конфузу. 24 июля 1905 г. в Финском заливе у острова Бьёркё состоялась встреча Вильгельма II и Николая II, в ходе которой кайзеру удалось разыграть британскую карту, заставив своего кузена подписать договор о взаимопомощи в случае нападения третьих стран. Воодушевление обоих монархов сошло на нет, как только от своего окружения они узнали, что такой договор попросту не будет иметь силы. После протестов министра иностранных дел В.Н. Ламсдорфа (1841–1907) Николай II сообщил Вильгельму II, что Бьёркский договор не затрагивает обязательств, вытекающих из более раннего русско-французского соглашения (1904). Это было равносильно его денонсации.

Более значительными оказались последствия Второго марокканского кризиса 1911 г., когда вмешательство британской дипломатии и отсутствие поддержки со стороны союзников привели к тому, что Германия распрощалась со своими планами на колонизацию

⁵⁸ Остальные военно-морские законы, предписывавшие расширение строительства крупных военных кораблей, были приняты в 1900, 1906, 1908 и 1912 гг. Подробнее см., например: *Hobson R. Maritimer Imperialismus. Seemachtideologie, seestrategisches Denken und der Tirpitzplan 1875 bis 1914.* München, 2004.

⁵⁹ *Nuhn W. Kolonialpolitik und Marine. Die Rolle der Kaiserlichen Marine bei der Gründung und Sicherung des deutschen Kolonialreiches 1884–1914.* Bonn, 2002.

⁶⁰ *Чернецкая Е.К. Жажда странствий: эмиграция из Германской империи в конце XIX – начале XX в. // Гуманитарный акцент.* 2017. № 1. С. 59–65.

⁶¹ Там же. С. 62.

⁶² *Grothe H. Auswanderung und deutsche Volkswohlfahrt.* Berlin, 1919. S. 11.

этой страны. Марокко стало протекторатом Франции, а Берлину пришлось довольствоваться частью французского Конго, полученного в качестве «отступного». Внутри самой Германии неудачный «прыжок пантеры»⁶³ породил недовольство и волну шовинизма, охватившую не только националистические союзы. Требования отомстить западному соседу за унижение стали раздаваться и с парламентской трибуны.

Разочарование в дипломатических способах борьбы за «место под солнцем» вновь выдвинуло на первый план военных. Генеральный штаб Германии уже к 1905 г. разработал детальный план молниеносной войны на Западе, нарушавший нейтралитет Бельгии. Сменявшие друг друга канцлеры не решались поставить под вопрос последствия такого шага, что оказалось своего рода политической капитуляцией перед военным ведомством. Оккупация Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины осенью 1908 г., а затем быстротечные Балканские войны 1912–1913 гг. усиливали иллюзию, что передел европейских границ возможен «малой кровью». Армии ведущих держав континента за сорок лет «долгого мира» выросли более чем в два раза, получили новейшие виды вооружений, включая самолеты и линкоры типа «дредноут».

Роль Вильгельма II в развязывании Первой мировой войны была двойственной. В своем воинственном мировоззрении он видел зарю последней решающей битвы между германцами и славянами. С другой стороны, он предпринимал попытки предотвратить войну против России, апеллируя к династической солидарности между монархами. В конце концов, однако, он подтвердил свою безоговорочную поддержку выступления Австро-Венгрии против Сербии, тем самым проложив путь к военной эскалации. В ходе мировой войны император, обладавший весьма умеренными стратегическими способностями, отстранился от верховного командования германскими армиями. Однако Вильгельм II продолжал оставаться определяющей символической фигурой Четверного союза, заслонив собой Франца Иосифа I (1830–1916). Из-за вакуума власти, вызванного пассивностью престарелого Габсбурга и разницы военно-экономического потенциала стран, германский император взял на себя роль ведущего правителя в стане Центральных держав.

Накануне Первой мировой войны Вильгельм II был символом национального единства, вышедшего за пределы конфессиональных, социальных, этнических и региональных разделений, и олицетворял завоевательный динамизм бурно развивающейся Германии. В ноябре 1918 г. он стал козлом отпущения за поражение и крах, тем самым приняв на себя ответственность и за довоенное процветание, и за бедствия Первой мировой войны. Историки согласны с тем, что «вильгельминизм» нашел свое наибольшее выражение в жестком консерватизме, тесно связанном с прусскими юнкерами и монархическими традициями средневековья.

В продолжающихся дискуссиях о режиме и границах личной власти императора заслуживает внимания точка зрения британского историка Джеффри Ховарда Эли, который предлагает компромиссный вариант между теми, кто отрицает существование «режима личной власти» Вильгельма II, и теми, кто его признает. Историк выделяет десять областей, в которых явно можно проследить решающее влияние Вильгельма II: 1) министерская политика на протяжении большей части 1890-х годов; 2) внешняя политика накануне Первой мировой войны; 3) обеспечение легитимности нелиберальных антипарламентских инициатив внутри консервативного истеблишмента; 4) перегруженность и излишний драматизм внешнеполитической стратегии Германии вследствие sporadических эмоциональных поступков императора; 5) формирование неблагоприятного имиджа Германии у ее соседей; 6) последовательная поддержка военно-морской политики Тирпица; 7) систематическая неспособность ставить и контролировать военные цели; 8) поддержка Австро-Венгрии в

⁶³ Для устрашения французов летом 1911 г. в Агадир была направлена германская канонерская лодка «Пантера», следом за которой туда прибыл крейсер «Берлин». «Прыжок Пантеры» (Panthersprung) произошел по инициативе Вильгельма II с целью оказания военно-политического давления на противника. См.: *Röhr A. Deutsche Marinechronik. Oldenburg, 1974.*

период после 1908 г.; 9) привлечение к обсуждению и участию в политическом процессе представителей собственного окружения, выдвинутых самим императором, что порождало «поликратический хаос»; 10) поддержание механизма авторитарной власти в качестве инструмента легитимности политической системы при помощи вручения медалей и наград, раздачи титулов и монарших милостей, оказания влияния на продвижение по службе, организации праздничных церемоний и торжеств — банкетов, парадов и фестивалей⁶⁴.

С момента появления одного из первых комплексных исследований эпохи Вильгельма II, написанного дипломатом Ричардом Балем при жизни самого монарха в 1914 г. и переизданного с серьезными редакторскими комментариями в 2017 г.⁶⁵, персона императора все еще рассматривается в центре политического и общественно-культурного ландшафта Германской империи на рубеже XIX–XX вв. Если влияние Вильгельма II на политику и существование реального механизма личной власти императора остается предметом спора историков, то без особого сомнения следует признать, что его персона делает узнаваемой целую эпоху. Нарративная и контрнарративная (аналитическая) традиции исторических исследований, связанные с монархом, по-прежнему конкурируют за смыслы и интерпретации, идентифицируя историков, школы и направления историографии.

Называя тридцатилетний период правления императора Вильгельма II «эпохой нервозности», билефельдский историк Йоахим Радкау вряд ли задумывался о приложении этого термина к тем историческим дискуссиям, которые с высокой степенью эмоциональной и интеллектуальной напряженности начались сразу после окончания Второй мировой войны⁶⁶. Касаясь понимания фундаментальных основ послевоенного немецкого общества, эти исторические дискуссии, участником которых был и сам Й. Радкау, попытались переосмыслить национальную историю с учетом «военных катастроф» первой половины XX в. Одной из таких проблемных тем, возникшей из дискуссии о разрывах и преемственности национальной истории, стала тема персональной ответственности германского императора в развязывании Первой мировой войны.

По этому вопросу среди историков по-прежнему не существует консенсуса; некоторые считают его одним из «величайших преступников в истории Германии» (Э. Эйк)⁶⁷, другие восхваляют Вильгельма II как «блестящего декоратора» (Н. Зомбарт)⁶⁸, «принца мира» и «талантливую популяризатора науки и техники» (В. Кёниг)⁶⁹. В историографии существуют и такие оценки, которые в меньшей степени затрагивают личные качества императора, уделяя внимание объективным факторам: традициям «трона и алтаря», которые на протяжении веков подпирали безличный механизм монархической власти (Дж. Рёль)⁷⁰, а также структурным социально-политическим изменениям, трансформировавшим облик монархии (Г.-У. Велер)⁷¹.

Несомненным достоинством продолжающихся научных дискуссий о Вильгельме II является отказ от крайностей в понимании его эпохи, восприятие которой ранее связывалось с историческими личностями и воздвигнутыми им памятниками только тогда, когда их возводили или свергали с пьедестала.

⁶⁴ Eley G. Review of the View from the Throne: The Personal Rule of Kaiser Wilhelm II // The Historical Journal. 1985. Vol. 28. № 2. P. 483.

⁶⁵ Ball R. Wilhelm der Letzte: Bilanz über 25 Jahre Regierungszeit Wilhelms II. Nordhausen, 2017.

⁶⁶ Радкау Й. Указ. соч.

⁶⁷ Eyck E. Op. cit.

⁶⁸ Sombart N. Wilhelm II. Sündenbock und Herr der Mitte. Berlin, 1996; Николай Зомбарт (1923–2008) был сыном немецкого экономиста и социолога Вернера Зомбарта.

⁶⁹ König W. Op. cit.

⁷⁰ Der Ort Kaiser Wilhelms II in der deutsche Geschichte / Hrsg. J.C.G. Röhl. München, 1991; Kaiser Wilhelm II. New Interpretations / eds J.C.G. Röhl, N. Sombart. Cambridge, 1982.

⁷¹ Wehler H.-U. Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918.

Библиография

Абельсхаузер В. Экономика кайзеровской Германии: благоприятная среда для развития постиндустриальных институтов // Экономическая история Германии: от эпохи камерализма до наших дней: в 3 т. Т. 1. Экономическая история Германии в Новое время: от аграрного общества к мировой промышленной державе / сост., пер. с нем., науч. ред. С.И. Невского. М., 2016.

Баранов Н.Н. Левый политический либерализм в вильгельмовской Германии (1858–1918 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2012.

Камкин А.К. Германия – Россия: Договор о подстраховке 1887 года – упущенный мирный шанс истории Европы // Современная Европа. 2011. № 1 (45). С. 126–138.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг.: в 2-х т. Т. 2. Париж, 1933.

Конституция Германской империи // Собрание конституций. Вып. 1. М., 1905. С. 31–40.

Левшина Ю.А. К вопросу о влиянии прессы на формирование общественного мнения Германии в начале XX века // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 4 (54). С. 68–72.

Матвеева А.Г. Некоторые аспекты германской колониальной политики в 1880–1890-е гг. (по материалам Архива внешней политики Российской империи) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 8 (94).

Матвеева А.Г. Канцлер Каприви и поляки. «Новый курс» в политике Германии в 1890–1894. М., 2008.

Матвеева А.Г. Вильгельм II и отставка О. фон Бисмарка // Новая и новейшая история. 2022. № 5. С. 92–103.

Макдона Дж. Последний кайзер. Вильгельм Неистовый / пер. с англ. А.М. Филитова. М., 2004.

Максимов И.П. Бюлов и «готтентотский блок» 1907–1909 годов. Реализация «политики сплочения» на практике // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 4. С. 90–96.

Манн Г. Верноподданный. М., 1985.

Медушевский А.Н. Монархический конституционализм в Германии и России // Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. Москва-Берлин, 2015.

Медушевский А.Н. Что такое мнимый конституционализм (исторический опыт Германии) // Социологические исследования. 1994. № 2. С. 71–86.

Ольховская О.В. «Исключительный закон о социалистах» 1878 года и партия «Центр» // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 2. С. 35–38.

Полубояринова Л.Н. Литературный образ Берлина в эпоху кайзера Вильгельма II: между консерватизмом и модерном // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 1. № 4. С. 23–32.

Радкау Й. Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера / пер. с нем. Н. Штильмарк; под науч. ред. С. Ташкенова. М., 2017.

Рёль Дж.К.Г. Вильгельм II Германский император (1888–1918) // Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. Ростов-на-Дону, 1997.

Суворов Ю.В. Страницы истории германской социал-демократии. Ч. 2. Партия в последней трети XIX века. Петрозаводск, 2013.

Таран В.В. Кайзер и канцлер в эпоху правления Вильгельма II Гогенцоллерна // Colloquium-Journal. 2019. № 14 (38). С. 48–50.

Турыгин А.А. «Если бы я был императором...»: Идеи и суждения Генриха Класа о пангерманской альтернативе развития Германии (первая четверть XX в.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63). Т. 2. С. 57–60.

Турыгин А.А. Карл Петерс и образование Пангерманского союза // Актуальные проблемы современных социально-гуманитарных наук: материалы Всероссийской научно-практической конференции 15 декабря 2012 г. / сост. С.К. Булдаков, А.А. Турыгин, Е.А. Чугунов. Кострома, 2013. С. 89–97.

Турыгин А.А. Пангерманцы и монархия: критика и видение перспективы // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 4. С. 36–40.

Устинова Ю.Н. Гонения против социал-демократии в Германской империи и национал-либералы: 1878 год // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 2. С. 46–50.

Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / пер. с нем. Л. Ланника. М., 2017.

Чернецкая Е.К. Жажда странствий: эмиграция из Германской империи в конце XIX – начале XX в. // Гуманитарный акцент. 2017. № 1. С. 59–65.

Штолляйс М. История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм. М., 2017.

Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования: в 2-х т. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.; СПб., 2001.

Ball R. Wilhelm der Letzte: Bilanz über 25 Jahre Regierungszeit Wilhelms II. Nordhausen, 2017.

- Bismarck O.* Die gesammelten Werke. Friedrichsruher Ausgabe. Bd. 13. Reden / Bearb. von W. Schübeler. Berlin, 1930.
- Cecil L.* Wilhelm II: Prince and Emperor, 1859–1900. Chapel Hill, 1989.
- Clark C.* Wilhelm II. Die Herrschaft des letzten deutschen Kaisers. München, 2008.
- Clark C.* How powerful was the Kaiser? // London Review of Books. 2015. Vol. 37. № 8. URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v37/n08/christopher-clark/how-powerful-was-the-kaiser> (дата обращения: 30.01.2023).
- Clark C.* Kaiser Wilhelm. London, 2000.
- Der Ort Kaiser Wilhelms II in der deutsche Geschichte / Hrsg. J.C.G. Röhl. München, 1991.
- Die politischen Reden Kaiser Wilhelms II. Eine Auswahl / Hrsg. M.A. Obst. Paderborn, 2011.
- Die Reden Kaiser Wilhelms II. Bd. 2. In den Jahren 1896–1900 / Hrsg. J. Penzler. Leipzig, 1912.
- Egelhaaf G.* Theobald von Bethmann Hollweg, der fünfte Reichskanzler. Stuttgart, 1916.
- Eley G.* Review of the View from the Throne: The Personal Rule of Kaiser Wilhelm II // The Historical Journal. 1985. Vol. 28. № 2. P. 469–485.
- Eschenburg T.* Das Kaiserreich am Scheideweg. Bassermann, Bülow und der Block. Berlin, 1929.
- Eyck E.* Das persönliche Regiment Wilhelms II: politische Geschichte des deutschen Kaiserreiches von 1890 bis 1914. Erlenbach-Zürich, 1948.
- Fischer M.* Vierzig Jahre deutsche Chinapolitik. Hamburg, 1962.
- Fischer R.* Das Recht des Deutschen Kaisers. Berlin, 1895.
- Franz G.* Kulturkampf. Staat und katholische Kirche in Mitteleuropa von der Säkularisation bis zum Abschluß des preußischen Kulturkampfes. München, 1954.
- Genton F.* La “misère allemande”, un problème du socialisme européen vers 1900. La controverse Jaurès-Mehring à propos de Frédéric II de Prusse et de l’Aufklärung // Chroniques allemandes. 1998–1999. № 7. P. 77–80.
- Groepper H.* Bismarcks Sturz und die Preisgabe des Rückversicherungsvertrages. Paderborn, 2008.
- Grothe H.* Auswanderung und deutsche Volkswohlfahrt. Berlin, 1919.
- Hartmann H.-G.* Die Innenpolitik des Fürsten Bülow 1906–1909. Kiel, 1950.
- Hartung F.* Deutsche Geschichte vom Frankfurter Frieden bis zum Vertrag von Versailles 1871–1919. Bonn, 1930.
- Hasselhorn B.* Nach dem Königstod. Zum Umgang Wilhelms II. mit seinem Erbe nach 1918 // Preußendämmerung. Die Abdankung der Hohenzollern und das Ende Preußens: Kulturgeschichte Preußens. Colloquien / Hrsg. von T. Biskup, T. Vu Minh, J. Luh. Vol. 8. Heidelberg, 2019. S. 39–51.
- Hobson R.* Maritimer Imperialismus. Seemachtideologie, seestrategisches Denken und der Tirpitzplan 1875 bis 1914. München, 2004.
- Kaiser Wilhelm II. New Interpretations / eds J.C.G. Röhl, N. Sombart. Cambridge, 1982.
- Kirby W.* Stanford Journal of East Asian Affairs. Stanford, 1984.
- König W.* Wilhelm II. und die Moderne. Der Kaiser und die technisch-industrielle Welt. Paderborn, 2007.
- Langewiesche D.* Liberalismus in Deutschland. Frankfurt a.M., 1988.
- Leibenguth P.* Modernisierungskrisis des Kaiserreichs an der Schwelle zum Wilhelminischen Imperialismus. Politische Probleme der Ära Caprivi (1890–1894). Köln, 1975.
- Lenke A.* Gedächtnisräume des Selbst: Walter Benjamins “Berliner Kindheit um neunzehnhundert”. Würzburg, 2005.
- Lill R.* Die Wende im Kulturkampf // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. Bd. 50. Rom, 1971. S. 227–283.
- Mann G.* Deutsche Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. Frankfurt a.M., 1992.
- Mann H.* Der Untertan. Roman. Leipzig, 1918.
- Mommsen W.J.* War der Kaiser an allem schuld? Wilhelm II. und die preußisch-deutschen Machteliten. Berlin, 2002.
- Nipperdey T.* Deutsche Geschichte 1866–1918. Machtstaat vor der Demokratie. München, 1992.
- Nuhn W.* Kolonialpolitik und Marine. Die Rolle der Kaiserlichen Marine bei der Gründung und Sicherung des deutschen Kolonialreiches 1884–1914. Bonn, 2002.
- Ostermann T.* Die verfassungsrechtliche Stellung des Deutschen Kaisers nach der Reichsverfassung von 1871. Frankfurt am Main, 2009.
- Rede von Staatsminister Freiherr von Bülow im deutschen Reichstag am Montag, den 6. Dezember 1897 // Verhandlungen des Reichstags. IX. Leg. 5. Sess. Bd. 159. 1897–1898. S. 60.
- Reich K.* Die liberalen Parteien in Deutschland 1918 bis 1933. Osnabrück, 1979.
- Reichskanzler Theobald von Bethmann Hollweg 1909–1921. Rekonstruktion seines verlorenen Nachlasses / Hrsg. W. Baumgart. Berlin, 2021.
- Röhl J.C.G.* Kaiser Wilhelm II. Cambridge, 2014.
- Röhl J.C.G.* Kaiser, Hof und Staat. Wilhelm II. und die deutsche Politik. München, 1995.
- Röhl J.C.G.* Wilhelm II. Der Weg in den Abgrund 1900–1941. 3. Aufl. München, 2017.
- Röhr A.* Deutsche Marinechronik. Oldenburg, 1974.
- Schabas W.A.* The trial of the Kaiser. Oxford, 2018.

Schoeps J.H. Kriegsbegeisterung und Ernüchterung: Über das Selbstverständnis und die Befindlichkeiten deutscher Juden im Ersten Weltkrieg und danach // Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte. 2014. Vol. 66. № 1. S. 76–89.

Sheehan J. Der deutsche Liberalismus von den Anfängen im 18. Jahrhundert bis zum Ersten Weltkrieg, 1770–1914. München, 1983.

Sombart N. Wilhelm II. Sündenbock und Herr der Mitte. Berlin, 1996.

The interview of the Emperor Wilhelm II on October 28, 1908 // London Daily Telegraph. October 28, 1908.

Vietsch E.v. Bethmann Hollweg. Staatsmann zwischen Macht und Ethos. Boppard am Rhein, 1969.

Wehler H.-U. Das Deutsche Kaiserreich 1871–1914. Göttingen, 1973.

Wehler H.-U. Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918. Göttingen, 1980.

Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. 4 Bde. Bd. 3. Von der “Deutschen Doppelrevolution“ bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges 1849–1914. München, 1995.

Winkler J.R. Sozialstruktur und Parteiensystem in Deutschland 1912–1924 // Historical Social Research 1992. Vol. 17. № 1. S. 53–102.

Winzen P. Reichskanzler Bernhard von Bülow. Regensburg, 2013.

References

Abel'skhauzer V. Ekonomika kaizerovskoi Germanii: blagopriatnaia sreda dlia razvitiia postindustrial'nykh institutov [Economy of the German Empire: a Greenhouse of Post-Industrial Institutions] // Ekonomicheskaiia istoriia Germanii: ot epokhi kameralizma do nashikh dnei: v 3 t. T. 1. Ekonomicheskaiia istoriia Germanii v Novoe vremia: ot agrarnogo obshestva k mirovoi promyshlennoi derzhave [The Economic History of Germany: From the Era of Cameralism to the Present Days: in 3 vol. V. 1. The Economic History of Germany in the Modern Times: From the Agrarian Society to the World Industrial Power] / sost., per. s nem., nauch. red. S.I. Nevskogo. Moskva, 2016. (In Russ.)

Baranov N.N. Levyy politicheskii liberalizm v vil'gel'movskoi Germanii (1858–1918 gg.): dis. ... dokt. ist. nauk [The Left Political Liberalism in Wilhelmine Germany (1858–1918): Thesis for the Degree of Doctor of Historical Sciences]. Ekaterinburg, 2012. (In Russ.)

Cherneczkaya E.K. Zhazhda stranstvii: e'migraciya iz Germanskoi imperii v konce XIX – nachale XX v. [Wanderlust: Emigration from the German Empire in the late 19th – early 20th century] // Humanitarian accent [Humanitarian Emphasis]. 2017. № 1. P. 59–65. (In Russ.)

Elias N. O protsesse tsivilizatsii: Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniia: v 2-kh t. T. 2. Izmeneniia v obshestve. Proekt teorii tsivilizatsii [On the Process of Civilization: Sociogenetic and Psychogenetic Studies: in 2 vols. Vol. 2. Changes in society. The Theory of Civilization Project]. Moskva; Sankt-Peterburg, 2001. (In Russ.)

Fischer F. Ryvok k mirovomu gospodstvu. Politika voennykh tsei kaizerovskoi Germanii v 1914–1918 gg. [Grab for World Power. Germany's Aims in the First World War] / per. s nem. L. Lannika. Moskva, 2017. (In Russ.)

Kamkin A.K. Germaniia – Rossiia: Dogovor o podstrakhovke 1887 goda – upushchennyi mirnyi shans istorii Evropy [Germany – Russia: The Reinsurance Treaty of 1887 – a Missed Chance for Peace in the History of Europe] // Sovremennaia Evropa [Modern Europe]. 2011. № 1 (45). S. 126–138. (In Russ.)

Kokovtsov V.N. Iz moego proshlogo. Vospominaniia 1903–1919 gg. [From my past. Memories 1903–1919]: v 2 t. T. 2. Parizh, 1933. (In Russ.)

Konstitutsiia Germanskoi imperii [Constitution of the German Empire] // Sobranie konstitutsii [Collection of Constitutions]. V. 1. Moskva, 1905. S. 31–40. (In Russ.)

Levshina Y.A. K voprosu o vliianii pressy na formirovanie obshchestvennogo mneniya Germanii v nachale HKH veka [On the issue of the influence of the press on the formation of public opinion in Germany at the beginning of the twentieth century] // Uchyonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific Notes of the Oryol State University]. 2013. № 4 (54). S. 68–72. (In Russ.)

Matveeva A.G. Nekotorye aspekty germanskoi kolonial'noj politiki v 1880–1890-e gg. (po materialam Arhiva vneshnei politiki Rossijskoi imperii) [Some aspects of German colonial policy in the 1880–1890s. (Based on the materials of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire)] // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2020. T. 11. № 8 (94). (In Russ.)

Matveeva A.G. Kancler Kaprivi i polyaki. “Novyi kurs” v politike Germanii v 1890–1894 [Chancellor Caprivi and the Poles. “New Deal” in German politics in 1890–1894]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Matveeva A.G. Vil'gel'm II i otstavka O. fon Bismarka [Wilhelm II and the Resignation of Otto von Bismarck] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2022. № 5. S. 92–103. (In Russ.)

MacDonogh G. Poslednii kaizer. Vil'gel'm Neistovyi [The Last Kaiser. William the Impetuous] / per. s angl. A.M. Filitova. Moskva, 2004. (In Russ.)

- Maksimov I.P.* Biulov i “gottentotskii blok” 1907–1909 godov. Realizatsiia “politiki splocheniia” na praktike [Bülow and the “Hottentot Bloc” of the 1907–1909s. Implementation of the “Cohesion Policy” in Practice] // Vestnik Baltiiskogo federal’nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Bulletin of the Baltic Federal Kant-University. Series: Humane and Social Sciences]. 2017. № 4. S. 90–96. (In Russ.)
- Mann H.* Vernopoddannyi [The Patrioteer]. Moskva, 1985. (In Russ.)
- Medushevskii A.N.* Monarkhicheski konstitutsionalizm v Germanii i Rossii [The Monarchic Constitutionalism in Germany and Russia] // Demokratiia i avtoritarizm: rossiiskii konstitutsionalizm v sravnitel’noi perspective [Democracy and Authoritarianism: Russian Constitutionalism in a Comparative Perspective]. Moskva; Berlin, 2015. (In Russ.)
- Medushevskii A.N.* Chto takoe mnimi konstitutsionalizm (istoricheskii opyt Germanii) [What is Imaginary Constitutionalism (the Historical Experience of Germany)] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Research]. 1994. № 2. S. 71–86. (In Russ.)
- Ol’khovskaia O.V.* “Iskliuchitel’nyi zakon o sotsialistakh” 1878 goda i partiia “Tsentr” [“Exceptional Law on Socialists” of 1878 and the Center Party] // Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Bryansk State University]. 2010. № 2. S. 35–38. (In Russ.)
- Poluboyarinova L.N.* Literaturnyj obraz Berlina v epohu kajzera Vil’gel’ma II: mezhdru konservatizmom i modernom [The literary image of Berlin in the era of Kaiser Wilhelm II: between conservatism and modernity] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina [Bulletin of the Leningrad State Pushkin-University]. 2014. T. 1. № 4. S. 23–32. (In Russ.)
- Radkau J.* Epokha nervoznosti. Germaniia ot Bismarka do Gitlera [The Era of Nervousness. Germany between Bismarck and Hitler] / per. s nem. N. Shtil’mark; pod nauch. red. S. Tashkenova. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Röhl J.K.G.* Vil’gel’m II Germanskii imperator (1888–1918) [Wilhelm II, Emperor of Germany (1888–1918)] // Shindling A., Tsigler V. Kaizery [Kaisers]. Rostov-na-Donu, 1997. (In Russ.)
- Shtollyajns M.* Istoriya publicnogo prava v Germanii: Vejmarskaya respublika i nacional-socializm [The History of Public Law in Germany: The Weimar Republic and National Socialism]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Suvorov Iu.V.* Stranitsy istorii germanskoi sotsial-demokratii. Ch. 2. Partii v poslednei treti XIX veka [Pages of the History of German Social Democracy. Part 2. The Party in the Last Third of the 19th Century]. Petrozavodsk, 2013. (In Russ.)
- Taran V.V.* Kajzer i kancler v epohu pravleniia Vil’gel’ma II Gogencollerna [Kaiser and Chancellor in the era of the reign of Wilhelm II of Hohenzollern] // Colloquium-Journal. 2019. № 14 (38). S. 48–50. (In Russ.)
- Turygin A.A.* “Esli by ia byl imperatorom...”: Idei i suzheniia Genriखा Klassa o pangermanskoi al’ternative razvitiia Germanii (pervaia chetvert’ XX v.) [“If I were an Emperor...”: Ideas and Judgments of Heinrich Klass on the Pan-German Alternative for the Development of Germany (the First Quarter of the 20th Century)] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kemerovo State University]. 2015. № 3 (63). T. 2. S. 57–60. (In Russ.)
- Turygin A.A.* Karl Peters i obrazovanie Pangermanskogo soiuza [Carl Peters and the formation of the Pan-German Union] // Aktual’nye problemy sovremennykh sotsial’no-gumanitarnykh nauk: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 15 dekabria 2012 g. [Actual Problems of Modern Social and Humanitarian Sciences: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, December 15, 2012] / sost. S.K. Buldakov, A.A. Turygin, E.A. Chugunov. Kostroma, 2013. S. 89–97. (In Russ.)
- Turygin A.A.* Pangermantsy i monarkhiia: kritika i videnie perspektivy [Pan-Germans and the Monarchy: Criticism and Perspective Vision] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kostroma State University]. 2017. № 4. S. 36–40. (In Russ.)
- Ustinova Iu.N.* Gonenii protiv sotsial-demokratii v Germanskoi imperii i natsional-liberaly: 1878 god [Persecution against the Social Democracy in the German Empire and the National Liberals: 1878] // Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Bryansk State University]. 2010. № 2. S. 46–50. (In Russ.)
- Ball R.* Wilhelm the Last: Summary of the 25-year reign of Wilhelm II. Nordhausen, 2017.
- Bismarck O.* Die gesammelten Werke. Friedrichsruher Ausgabe. Bd. 13. Reden / Bearb. von W. Schüßler. Berlin, 1930.
- Cecil L.* Wilhelm II: Prince and Emperor, 1859–1900. Chapel Hill, 1989.
- Clark C.* Wilhelm II. Die Herrschaft des letzten deutschen Kaisers. München, 2008.
- Clark C.* How powerful was the Kaiser? // London Review of Books. 2015. Vol. 37. № 8. URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v37/n08/christopher-clark/how-powerful-was-the-kaiser> (access date: 30.01.2023).
- Clark C.* Kaiser Wilhelm. London, 2000.
- Der Ort Kaiser Wilhelms II in der deutsche Geschichte / Hrsg. J.C.G. Röhl. München, 1991.
- Die politischen Reden Kaiser Wilhelms II. Eine Auswahl / Hrsg. M.A. Obst. Paderborn, 2011.
- Die Reden Kaiser Wilhelms II. Bd. 2. In den Jahren 1896–1900 / Hrsg. J. Stenzler. Leipzig, 1912.
- Egelhaaf G.* Theobald von Bethmann Hollweg, der fünfte Reichskanzler. Stuttgart, 1916.
- Eley G.* Review of the View from the Throne: The Personal Rule of Kaiser Wilhelm II // The Historical Journal. 1985. Vol. 28. № 2. P. 469–485.
- Eschenburg T.* Das Kaiserreich am Scheideweg. Bassermann, Bülow und der Block. Berlin, 1929.

- Eyck E. Das persönliche Regiment Wilhelms II: politische Geschichte des deutschen Kaiserreiches von 1890 bis 1914. Erlenbach-Zürich, 1948.
- Fischer M. Vierzig Jahre deutsche Chinapolitik. Hamburg, 1962.
- Fischer R. Das Recht des Deutschen Kaisers. Berlin, 1895.
- Franz G. Kulturkampf. Staat und katholische Kirche in Mitteleuropa von der Säkularisation bis zum Abschluß des preußischen Kulturkampfes. München, 1954.
- Genton F. La "misère allemande", un problème du socialisme européen vers 1900. La controverse Jaurès-Mehring à propos de Frédéric II de Prusse et de l'Aufklärung // Chroniques allemandes. 1998–1999. № 7. P. 77–80.
- Groepfer H. Bismarcks Sturz und die Preisgabe des Rückversicherungsvertrages. Paderborn, 2008.
- Grothe H. Auswanderung und deutsche Volkswohlfahrt. Berlin, 1919.
- Hartmann H.-G. Die Innenpolitik des Fürsten Bülow 1906–1909. Kiel, 1950.
- Hartung F. Deutsche Geschichte vom Frankfurter Frieden bis zum Vertrag von Versailles 1871–1919. Bonn, 1930.
- Hasselhorn B. Nach dem Königstod. Zum Umgang Wilhelms II. mit seinem Erbe nach 1918 // Preußendämmerung. Die Abdankung der Hohenzollern und das Ende Preußens: Kulturgeschichte Preußens. Colloquien / Hrsg. von T. Biskup, T. Vu Minh, J. Luh. Vol. 8. Heidelberg, 2019. S. 39–51.
- Hobson R. Maritimer Imperialismus. Seemachtideologie, seestrategisches Denken und der Tirpitzplan 1875 bis 1914. München, 2004.
- Kaiser Wilhelm II. New Interpretations / eds J.C.G. Röhl, N. Sombart. Cambridge, 1982.
- Kirby W. Stanford Journal of East Asian Affairs. Stanford, 1984.
- König W. Wilhelm II. und die Moderne. Der Kaiser und die technisch-industrielle Welt. Paderborn, 2007.
- Lemke A. Memory spaces of the self: Walter Benjamin's "Berlin childhood around nineteen hundred". Würzburg, 2005.
- Langewiesche D. Liberalismus in Deutschland. Frankfurt a.M., 1988.
- Leibenguth P. Modernisierungskrisis des Kaiserreichs an der Schwelle zum Wilhelminischen Imperialismus. Politische Probleme der Ära Caprivi (1890–1894). Köln, 1975.
- Lill R. Die Wende im Kulturkampf // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. Bd. 50. Rom, 1971. S. 227–283.
- Mann G. Deutsche Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. Frankfurt a.M., 1992.
- Mann H. Der Untertan. Roman. Leipzig, 1918.
- Mommsen W.J. War der Kaiser an allem schuld? Wilhelm II. und die preußisch-deutschen Machteliten. Berlin, 2002.
- Nipperdey T. Deutsche Geschichte 1866–1918. Machtstaat vor der Demokratie. München, 1992.
- Nuhn W. Kolonialpolitik und Marine. Die Rolle der Kaiserlichen Marine bei der Gründung und Sicherung des deutschen Kolonialreiches 1884–1914. Bonn, 2002.
- Ostermann T. Die verfassungsrechtliche Stellung des Deutschen Kaisers nach der Reichsverfassung von 1871. Frankfurt am Main, 2009.
- Rede von Staatsminister Freiherr von Bülow im deutschen Reichstag am Montag, den 6. Dezember 1897 // Verhandlungen des Reichstags. IX. Leg. 5. Sess. Bd. 159. 1897–1898. S. 60.
- Reich K. Die liberalen Parteien in Deutschland 1918 bis 1933. Osnabrück, 1979.
- Reichskanzler Theobald von Bethmann Hollweg 1909–1921. Rekonstruktion seines verlorenen Nachlasses / Hrsg. W. Baumgart. Berlin, 2021.
- Röhl J.C.G. Kaiser Wilhelm II. Cambridge, 2014.
- Röhl J.C.G. Kaiser, Hof und Staat. Wilhelm II. und die deutsche Politik. München, 1995.
- Röhl J.C.G. Wilhelm II. Der Weg in den Abgrund 1900–1914. 3. Aufl. München, 2017.
- Röhr A. Deutsche Marinechronik. Oldenburg, 1974.
- Schabas W.A. The trial of the Kaiser. Oxford, 2018.
- Schoeps J.H. Kriegsbegeisterung und Ernüchterung: Über das Selbstverständnis und die Befindlichkeiten deutscher Juden im Ersten Weltkrieg und danach // Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte. 2014. Vol. 66. № 1. S. 76–89.
- Sheehan J. Der deutsche Liberalismus von den Anfängen im 18. Jahrhundert bis zum Ersten Weltkrieg, 1770–1914. München, 1983.
- Sombart N. Wilhelm II. Sündenbock und Herr der Mitte. Berlin, 1996.
- The interview of the Emperor Wilhelm II on October 28, 1908 // London Daily Telegraph. October 28, 1908.
- Vietsch E.v. Bethmann Hollweg. Staatsmann zwischen Macht und Ethos. Boppard am Rhein, 1969.
- Wehler H.-U. Das Deutsche Kaiserreich 1871–1914. Göttingen, 1973.
- Wehler H.-U. Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918. Göttingen, 1980.
- Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. 4 B-de. Bd. 3. Von der "Deutschen Doppelrevolution" bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges 1849–1914. München, 1995.
- Winkler J.R. Sozialstruktur und Parteiensystem in Deutschland 1912–1924 // Historical Social Research 1992. Vol. 17. № 1. S. 53–102.
- Winzen P. Reichskanzler Bernhard von Bülow. Regensburg, 2013.

DOI: 10.31857/S013038640025909-7

© 2023 г. Т. КЕРИМОВА-КОДЖАЕВА

ФОРМИРОВАНИЕ И СОЗДАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР (1920–1945) В ТРУДАХ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ

Керимова-Коджаева Тамилла – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории им. А. Бакиханова НАН Азербайджана (Баку, Азербайджан).

E-mail: tomakerimova50@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2392-7381

Аннотация. Статья посвящена обзору историографии по проблеме создания Академии наук Азербайджанской ССР в 1920–1945 гг. В статье анализируются работы, посвященные основанию и первым годам работы Академии наук Азербайджана. Прослеживается становление национальной исторической науки, отмечается интерес исследователей к формированию академических учреждений. Статья охватывает работы отечественных, советских и зарубежных историков. Тему развития азербайджанской науки и становления Академии наук республики можно разделить на несколько относительно самостоятельных групп и условно выделить два периода историографии. Советский период со своими этапами: вторая половина 1920-х – первая половина 1950-х годов и вторая половина 1950-х – конец 1980-х годов; постсоветский – с начала 1990-х годов по настоящее время. В основу советской историографии легла коммунистическая методология. Для этих изданий характерно использование большого количества опубликованных документов и статистических материалов. Активно изучались проблемы развития науки, научной интеллигенции, научных кадров, научно-исследовательской работы; деятельность общественных организаций интеллигенции. Особое внимание уделялось системе партийно-государственного руководства наукой, политике в области ее организации, отношению к старой научной интеллигенции, анализировались состав научных работников и условия их деятельности, отмечались изменения в их общественно-политической позиции. В перестроечный и постсоветский периоды расширялась проблематика изучения истории организации науки в СССР, в научный оборот вводились новые документы, восстанавливались многие факты, события, имена, совершенствовалась методология и методика исследования. Постсоветская азербайджанская историография формирования и создания Академии наук, хотя и преемственна советской, однако во многом предлагает не только новые подходы к пониманию истории ее основания, но также и новую тематику исследований. Судя по количеству и качеству, временному диапазону, географии публикаций азербайджанских, российских и зарубежных историков, можно утверждать, что проблема истории науки, становления Академии наук республики является одним из важных направлений азербайджанской исторической науки.

Ключевые слова: историография, Азербайджан, Азербайджанская ССР, СССР, наука, научная политика, культурная революция, Национальная академия наук Азербайджана, научные учреждения.

Т. Kerimova-Kodjaeva**Formation and Creation of the Academy of Sciences of the Azerbaijani SSR (1920–1945) in the Works of Azerbaijanian and International Scholars**

Tamilla Kerimova-Kojaeva, A. Bakikhanov Institute of History, Azerbaijan National Academy of Sciences (Baku, Azerbaijan).

E-mail: tomakerimova50@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2392-7381

Abstract. In this article the author examines the historiography on the problem of formation and creation of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR in 1920–1945. The aim is to summarise the available literature on the subject, to analyse the works on the history of the foundation and the first years of the Academy of Sciences of Azerbaijan and to show the development of the research interest in this field. This article examines the works of Russian, Soviet, and international historians of science. Soviet historiography was based on communist methodology. Soviet publications were characterised by the use of a large number of published documents and statistical materials. The issues of the development of science, the scientific intelligentsia, scientific personnel, research work; the activities of public organizations of the intelligentsia; the organization of science in various branches and periods of the development of Soviet society were actively studied. Particular attention was paid to the system of Party and state management of science, policy in the field of its organisation, the attitude to the old scientific intelligentsia, the composition of scientific employees and the conditions of their work were analysed, and changes in their socio-political position were noted. During the Perestroika and post-Soviet periods, the tasks of studying the history of the organisation of science in the USSR expanded, new documents were introduced into academic circuit, many facts, events and names were restored, and the methodology and methods of research were improved. The author shows that post-Soviet Azerbaijani historiography of the formation and establishment of the national Academy of Sciences, while it reflects the legacy of the Soviet one, in many ways offers not only new approaches to understanding the history of its foundation, but also a new direction of research. Judging by the quantity and quality, time range and geography of publications by Azerbaijani, Russian and other international historians, one could argue that the problem of the history of science and the formation of the national Academy of Sciences is one of the important areas of Azerbaijani historical scholarship.

Keywords: Historiography, Azerbaijan, Azerbaijan SSR, USSR, science and scholarship, science policy, cultural revolution, Azerbaijan National Academy of Sciences, research institutions.

XX столетие стало периодом глобальных перемен в политической, социально-экономической и культурной жизни азербайджанского общества. Эпоха оказала большое влияние и на становление, формирование, дальнейшее развитие научной мысли Азербайджана.

Важным аспектом изучения истории организации науки является история академической науки. Значимым событием для азербайджанского народа в первой половине XX столетия стало учреждение Национальной академии наук Азербайджана (НАНА), которая прошла большой и славный путь развития. Ее история – подлинная летопись крупнейших научных открытий. С деятельностью НАНА неразрывно связаны становление и совершенствование азербайджанской науки, многие выдающиеся научно-технические достижения республики.

В условиях возрастающего значения науки во всех сферах жизни современного общества проблема изучения существующего опыта государственного руководства и управления научной сферой, научной государственной политики, взаимодействия власти и науки на различных этапах отечественной истории является актуальной задачей. Особый интерес вызывает изучение этого процесса в 1920–1945 гг., когда были заложены основы организации советской науки со всеми ее достоинствами и недостатками. Исторический опыт Академии наук Азербайджана позволяет проанализировать становление государственной системы организации науки в республике.

В апреле 1920 г. Азербайджан вступил на путь советизации, в жизни республики наступил новый период. Характерной чертой этого 70-летнего периода было и вхождение республики в единую систему социалистического административного управления. Азербайджанская ССР превратилась в составную часть союзного государства, вместе с другими советскими республиками прошла все этапы строительства и упрочнения его системы, ощутила на себе ее не-совершенство и вместе с тем использовала ее возможности.

Период 1920–1945 гг. в истории советского Азербайджана кажется не таким уж длительным, однако именно тогда произошли судьбоносные перемены, сыгравшие важную роль в жизни народа. Эти 25 лет в жизни не только республики, но и страны в целом оказались очень сложными, богатыми событиями, весьма противоречивыми, драматическими и вместе с тем позитивными. За первое двадцатилетие советской власти республика сделала большой скачок в социально-экономическом развитии, совершенствовалось сельское хозяйство, появились новые отрасли промышленности, перестраивалась вся жизнь азербайджанского общества. Страна превратилась из аграрной в индустриальную.

В Азербайджане была достигнута всеобщая грамотность населения, введено обязательное среднее образование, создана развитая сеть учебных заведений, вузов, научных учреждений, был подготовлен большой отряд местной высококвалифицированной научной интеллигенции по различным отраслям знаний. Начал формироваться богатый интеллектуальный потенциал. Несправедливо было бы отрицать подобные результаты¹. При всех перипетиях и сложностях этого периода именно тогда рождалась новая советская культура — реальный исторический феномен, ставший значительным фактом отечественной и мировой культуры XX в.²

Интерес к данному хронологическому отрезку в истории организации научной деятельности объясняется его значением: он был по существу узловым для формирования всей будущей системы. Именно тогда были заложены теоретические и организационные основы государственной научной политики, сложились взаимоотношения между властью и учеными, наметились пути дальнейшего развития науки.

В годы советской власти научная мысль в Азербайджане развивалась как неотъемлемая часть истории советской науки. В политике Советского государства в сфере науки, в ее организации и системе управления с 1920 г. до конца Великой Отечественной войны в 1945 г. выделяется несколько основных, своеобразных, но взаимосвязанных хронологически этапов: поддержка науки и образования (1920–1929); «великий перелом» (1929); «культурная революция» (1929–1933), которая привела к созданию нового социалистического института — жестко регламентированной централизованной науки; «большой террор» (1936–1938) и военные годы, когда наука обрела беспрецедентно высокое политическое значение, превратившись в важнейший элемент победы. Эта периодизация позволяет увидеть эволюцию большевистского режима, разнообразные попытки советской власти выстроить свои отношения с наукой.

По темпам развития период с 1920 по 1945 г. для азербайджанской науки не имели себе равных во всей предшествовавшей истории. По существу, именно тогда сложилась организационная структура научного потенциала, были созданы научные общества, ассоциации, ячейки, научные учреждения различного профиля, первые органы их руководства и управления, оформились основные исследовательские интересы, а кафедры и лаборатории вузов стали первыми очагами научно-исследовательской работы и центрами подготовки научных кадров.

На современном этапе общественного развития, когда республика является независимым государством, остро встал вопрос об объективном научном анализе истории азербайджанской науки, коренного пересмотра устаревших схем и концепций, отказа от прежних стереотипов, которыми были засорены конъюнктурные исследования советского периода.

Превращение науки в ведущий фактор общественного прогресса усилило интерес к ее всестороннему исследованию. Причины, закономерности, тенденции современного развития не могут быть поняты без обращения к истории науки, становящейся сейчас самостоятельной

¹ Исмаилов Э. История «большого террора» в Азербайджане. М., 2015. С. 14.

² Мусаева Т. Культура Азербайджана на рубеже эпох (20–30-е годы XX столетия). Баку, 2015. С. 17.

отрасль знания. Увеличение историко-научных исследований, расширение и углубление их проблематики ставят на повестку дня разработку ряда методологических проблем осмысления накопленного опыта, обобщения имеющихся результатов, анализа источниковой базы. Такая необходимость возникает, например, в связи с постановкой задачи проведения фронтального исследования развития науки в Азербайджане в первой половине XX в.

Сложная и многогранная тема уже обросла широким кругом литературы, который можно разделить на несколько относительно самостоятельных групп и условно выделить два периода историографии: советский со своими этапами: вторая половина 1920 — первая половина 1950-х годов и вторая половина 1950 — конец 1980-х годов; постсоветский — с начала 1990-х годов по настоящее время.

До последнего времени изучение истории азербайджанской науки в 1920—1945 гг. не являлось объектом отдельного исследования и до сих пор не имеется ни одной крупной работы, целиком и полностью посвященной данной теме.

Важное значение для рассматриваемой темы имеют материалы по истории культуры, науки и образования. Первые публикации, рассказывающие о развитии культуры, становлении науки в Азербайджане, деятельности первых научных учреждений и вузов, проблеме подготовки научных работников, были предприняты еще в 20—40-х годах прошлого столетия. Многие из них в настоящее время стали библиографической редкостью³. Ввиду обилия порою уникального систематизированного фактического материала, отсутствующего в официальных документах, большинство научных трудов 1920-х годов одновременно являются и ценным источником, и научной литературой по нашей теме — наследием, без которого трудно восстановить отдельные страницы истории науки того времени.

Общество обследования и изучения Азербайджана было образовано в 1923 г. Его деятельность протекала на фоне крупнейших общественно-политических катаклизмов и завершилась в 1929 г. слиянием его с Азербайджанским государственным научно-исследовательским институтом. Доподлинно восстановить его историю непросто, хотя основатели Общества с самого начала придавали большое значение вопросам историографии. Уже в первом номере «Известий Общества» была помещена статья А.Р. Зифельдта-Симумяги, посвященная истории создания Общества, его программе и уставу⁴. Следует отметить, что история Общества фактически не нашла отражения в исследовательской литературе по истории культурного строительства в Азербайджане, кроме кратких упоминаний. Идеологические запреты стали препятствием на пути изучения деятельности Общества, поскольку многие его создатели, участники и члены в 1930-е годы были репрессированы. Научный архив Общества бесследно исчез, в архивах республики сохранились лишь отдельные отчеты, материалы о деятельности некоторых русских ученых, переписка, бухгалтерские бумаги и тому подобные архивные документы, не раскрывающие полную картину развития науки в республике в 1923—1929 гг. Лишь в самые последние годы появились публикации, освещающие некоторые стороны деятельности Общества и отдельные вопросы, связанные с местом Общества в системе организации науки.

В первые годы советской власти, когда вопрос взаимоотношений науки с новым общественным строем был одним из самых сложных, накапливались ценные теоретические

³ К истории Азербайджанского археологического комитета // Известия Азербайджанского археологического комитета. № 1. Баку, 1925; *Ələkbərov Ə. Elmi nailiyyətlər (arxeoloji və etnoqrafiya sahəsində)* // Maarif və mədəniyyət, 1927. № 10—11. S. 76; *Idem. Bizə əsil ölkəşünaslıq muzəsi lazımdır* // İnqilab və mədəniyyət. 1930. № 2—3. S. 46—47; *Idem. Elmi işlərimizin on illiyi* // İnqilab və mədəniyyət. 1930. № 4—5. S. 43—45; Научные работники Азербайджана. Справочник. Баку, 1927; Народное образование в Советском Азербайджане (1920—1927 гг.). Баку, 1928; *Şərif Ab. Azərbaycanında böyük elmi mərkəz* // İnqilab və mədəniyyət. 1930. № 2—3. S. 48—50; Наука в АССР за 15 лет. Баку, 1936.

⁴ *Зифельдт А.Р. Деятельность «Общества обследования и изучения Азербайджана» за два года. 2 ноября 1923 г. — 8 ноября 1925 г.: Доклад, читанный на торжественном заседании по случаю 2-летия общества, состоявшегося 8 ноября 1925 г.* // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1925. № 1. С. 107—139.

соображения и практические выводы о развитии интеллектуальных сил. Был издан широкий массив специализированной литературы, статистических материалов, сборников и справочников. На страницах периодической печати и научных изданий публиковались статьи, посвященные деятельности первых научных учреждений и вузов, проблемам подготовки научных кадров. Ранние работы имеют для современных ученых большой познавательный интерес, но требуют критического осмысления.

Вопросы развития азербайджанской науки и становления Академии наук республики кратко изложены в ряде коллективных исторических работ⁵. Некоторые аспекты исследуемой темы нашли свое отражение в отдельном томе «Азербайджанской национальной энциклопедии», вышедшей в 2009 г., где содержатся очерки истории развития важнейших отраслей науки и техники с древнейших времен до настоящего времени. В них обозначены этапы становления и развития научных обществ и научно-исследовательских учреждений, отмечается роль вузов в развитии науки, кратко и в общих чертах освещаются такие малоизученные темы, как формирование азербайджанской научной интеллигенции в 1920–1930-е годы. Естественно, в обобщающих работах деятельность первых научных учреждений республики отражена сжато, а главное внимание уделено результатам их деятельности после 1945 г., когда возникла самостоятельная Академия наук республики.

Некоторые этапы деятельности Академии наук Азербайджана – ведущего центра науки в республике – и общие принципиальные моменты становления и развития науки затрагивались в широких монографических исследованиях по истории культурного строительства. В Азербайджане сложилась целая школа видных ученых, посвятивших свои исследования вопросам культурного строительства в республике. Среди них – М.Ю. Веккилов⁶, Н.А. Пашаев⁷, А.М. Атакишиев⁸, Т.А. Мусаева⁹, В.М. Арзуманлы, И.К. Гассиев¹⁰ и др. Хотя их публикации несут на себе вполне понятную печать времени, они содержат большой фактический материал, выводы и обобщения, не утратившие своего значения и сегодня. История формирования и создания Академии наук республики в 1920–1945 гг. рассматривалась, как правило, в контексте общих вопросов их традиционной проблематики исследований.

Накопление источниковой базы по отдельным регионам страны позволило создать серьезные работы общесоюзного масштаба¹¹. Значительное место истории организации советской науки отводится в работах по истории культуры советского общества, по истории интеллигенции. Становление и развитие Академии наук в российской историографии представляется наиболее изученной частью истории науки в России. Это объясняется не только огромной ее ролью в жизни русской науки, но и возникшей еще в XVIII в. традицией собирать и

⁵ История Азербайджана: в 3-х т. Т. 3. Ч. 1–2. Баку, 1963; Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана. Баку, 1963; *Azərbaycan tarixi: 7 cildə*. Bakı, 2000. S. 6.

⁶ *Vəkilov M.Y. Oktyabr inqilabı və Azərbaycanın sosialist mədəniyyətinin inkişafı*. Bakı, 1955; *Idem. Azərbaycanı mədəni inqilab: 1920–1940-cı illər*. Bakı, 2005.

⁷ *Пашаев Н.А. Очерки истории культурного строительства Советского Азербайджана*. Баку, 1965; *Его же. Победа культурной революции в Советском Азербайджане*. М., 1976.

⁸ *Атакишиев А.М. История Азербайджанского государственного университета*. Баку, 1989.

⁹ *Мусаева Т.А. Революция и народное образование в Азербайджане. Очерки истории развития народного образования в Азербайджане (1920–1940 годы)*. Баку, 1979; *Ее же. Культура Азербайджана на рубеже эпох...*

¹⁰ *Арзуманлы В., Гассиев И. Азербайджанская республика и формирование тюркской интеллигенции в странах Центральной Азии и Северного Кавказа (1920–1937 гг.)*. Баку, 2000; *Их же. Страницы азербайджано-русского сотрудничества в области науки и высшего образования (1920–1940-е годы)*. Баку, 2002.

¹¹ *Комков Г.Д. Академия наук СССР – штаб советской науки*. М., 1968; *Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны*. М., 1983; *Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР, 1917–1961 гг.* Л., 1988; *Козлов Б.И. Академия наук СССР и индустриализация России: очерк социальной истории, 1925–1963*. М., 2003; *Колчинский Э.И. Советизация Академии наук (1928–1932 гг.) // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках. Исторические очерки*. СПб., 2003. С. 435–456.

издавать материалы по истории академических исследований и организации работы Академии. Но обобщающие труды по истории Академии были изданы лишь в советское время. В первые годы советской власти этим занималась основанная в 1920-х годах при Академии Комиссия по истории знаний, возглавляемая академиком В.И. Вернадским, а с 1938 г. — созданная при Архиве АН СССР специальная Комиссия по истории Академии наук под председательством академика С.И. Вавилова.

Для советских изданий весьма характерно использование большого количества опубликованных документов и статистических материалов. Активно изучались проблемы развития науки, научной интеллигенции, научных кадров, научно-исследовательской работы; деятельность общественных организаций интеллигенции; организация науки в различных секторах и периодах развития советского общества. Особое внимание уделялось системе партийно-государственного руководства наукой, политике в области ее организации, отношению к старой научной интеллигенции, анализировались состав научных работников и условия их деятельности, отмечались изменения в их общественно-политической позиции¹².

В перестроечный и постсоветский периоды расширялась проблематика изучения истории организации науки в СССР, в научный оборот вводились новые документы, восстанавливались многие факты, события, имена, совершенствовались методология и методика исследования. В результате создавалась в целом более объемная, сложная и приближенная к исторической реальности картина научного строительства в СССР¹³. Среди многочисленных публикаций особо выделяются научной новизной, теоретическими обобщениями, богатством архивных источников и ценностью для изучения общей концепции процессов, происходивших в СССР в 1920—1940-е годы, книги специалиста в области философии естествознания и истории биологии, доктора философских наук Э.И. Колчинского, директора Санкт-Петербургского Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН¹⁴.

С конца 1950-х годов появился жанр «юбилейной» историографической литературы, обычно приуроченной к знаменательным датам. Такие работы, как правило, выходили к юбилейным датам Академии наук и научных учреждений и отмечали основные события, успехи и достижения их коллективов. После создания Академии наук Азербайджана в 1945 г. были опубликованы серии юбилейных работ¹⁵, освещающих историю развития науки и историю

¹² Материалы к истории АН СССР за советские годы (1917—1947) / под ред. С.И. Вавилова. М.; Л., 1950; *Бардин И.П.* Двадцать пять лет развития научных учреждений АН СССР на периферии // Известия восточных филиалов АН СССР. 1957. № 8. С. 65—81; Научные кадры в СССР: сб. док. и справочных материалов. М., 1959; *Левшин Б.В.* Указ. соч.; *Его же.* Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М., 1983; *Лисичкин С.М.* Выдающиеся деятели отечественной нефтяной науки и техники. М., 1967; Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925 гг.): сб. док. Л., 1968; Организация науки в 1926—1932 гг.: сб. док. Л., 1974; *Беляев Е.А., Пышкова Н.С.* Формирование и развитие сети научных учреждений. М., 1979; *Иванова Л.В.* Формирование советской научной интеллигенции (1917—1927 гг.). М., 1980; *Кольцов А.В.* Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР. 1926—1932 гг. Л., 1982; *Его же.* Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР. 1917—1961 гг. Л., 1988; *Алексеев Е.П.* Коммунистическая партия — организатор подготовки научных кадров в годы Великой Отечественной войны. Л., 1984.

¹³ *Алексеев Е.П.* Советские ученые — фронту. Защита отечества. М., 1985; Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. Очерки. Воспоминания. Документы. М., 1996; Герои труда военных лет 1941—1945. М., 2001; Ученые и Великая Отечественная война. СПб., 2016.

¹⁴ *Колчинский Э.И.* Философские проблемы биологии в СССР: 20-е — 60-е гг. Л., 1990; *Его же.* Научный Санкт-Петербург. Предварительные материалы к выпуску II. Биология в С.-Петербурге, 1703—2007. СПб., 2007; *Его же.* Наука и кризисы в XX веке: некоторые результаты сравнительного анализа // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. № 3. С. 141—149. *Его же.* Историко-научное сообщество в Ленинграде Санкт-Петербурге в 1950—2010 годы. Люди, традиции. СПб., 2013.

¹⁵ Десять лет Академии наук Азербайджанской ССР. Научная сессия 23—27 апреля 1955. Баку, 1957; Академия наук Азербайджанской ССР. 20 лет. Баку, 1966; Академия наук Азербайджанской ССР. 30 лет. Баку, 1976; Azərbaycan Elmlər Akademiyası — 50. Bakı, 1995; Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası 60. Bak, 2005; Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası — 70 il. Bakı, 2015.

Академии наук республики. Эти труды основаны на богатом фактическом материале, но носят описательный характер. Период 1920–1945 гг. в них едва затронут.

Развитию науки в советский период посвятил свое исследование академик Ю.Г. Мамедалиев¹⁶, известный азербайджанский химик, возглавлявший на протяжении многих лет АН Азербайджанской ССР. Монография отличается широтой охвата проблемы, содержательностью и фактологической насыщенностью. В ней обобщаются основные достижения отечественных ученых, содержатся сведения по развитию академических научных учреждений. Хотя этот труд не свободен от господствовавших тогда методологических стереотипов, тем не менее и сегодня не утратил историографической ценности и научной значимости. Однако исследуемый нами период рассмотрен фрагментарно.

Среди советских изданий особый интерес представляют сборники статей «Летопись науки в Азербайджане»¹⁷, где говорится об истории развития естествознания и техники в республике. Однако первая половина XX столетия представлена неполно.

Вопросы развития науки рассматривались и в специальных исследованиях первых лет советской власти, например в «Народном образовании в Азербайджане (1920–1927 гг.)»¹⁸. В книге раскрываются мероприятия правительства по реформированию народного образования и некоторые вопросы развития науки в республике. Несмотря на недостатки, она вплоть до начала войны 1941–1945 гг. оставалась единственной обобщающей работой, в которой приводятся данные по развитию науки в республике.

К 60-летию юбилею НАНА приурочена монография Т.А. Мусаевой и А. Мамедова¹⁹, в которой в очень сжатой форме показаны основные вехи создания Национальной Академии наук Азербайджана и подготовка кадров научной интеллигенции республики. В работе Т. Мусаевой «Культура Азербайджана на рубеже эпох» о культурном строительстве в Азербайджане в 1920–1930-е годы исследуется в том числе и проблема развития науки в Азербайджане²⁰. Однако в этом труде, как, впрочем, и в предыдущем, говорится о том, что «однобокая направленность научно-исследовательской деятельности Общества обследования и изучения Азербайджана главным образом была сориентирована на развитие гуманитарных наук»²¹. Изучая архивные материалы, мы пришли к выводу, что это утверждение ошибочно: в отличие от аналогичных научных обществ, организованных по Союзу и исследующих конкретные востоковедческие, гуманитарные или краеведческие проблемы, Общество обследования и изучения Азербайджана проводило огромную научно-исследовательскую работу по всем направлениям науки и жизни республики в целом, создало новые отрасли науки.

Для изучения истории Академии наук большое значение имеет анализ материалов по истории отдельных академических учреждений. В этих трудах исследуются причины появления того или иного подразделения в составе Академии наук, основные этапы развития и функционирования, особенности устройства, взаимодействие с другими подразделениями, затрагиваются проблемы распространения научных знаний и также рассматриваются вопросы подготовки профессиональных кадров. Исследования, связанные с историей Академии наук Азербайджана и других научных учреждений²², статьи и выступления крупных ученых, организаторов науки, президентов академии, академиков М.А. Мир-Касимова, Ю.Г. Мамедалиева, М.М. Алиева, Р.Г. Исмаилова, Г.Б. Абдуллаева, а также академика А.С. Сумбатзаде

¹⁶ Мамедалиев Ю.Г. Развитие науки в Азербайджане. Баку, 1960.

¹⁷ Летопись науки в Азербайджане: в 2-х т. Т. 1 (Естествознание); Т. 2 (Техника). Баку, 1969.

¹⁸ Народное образование в Советском Азербайджане (1920–1927 гг.).

¹⁹ Мусаева Т., Мамедов А. На путях создания Академии наук и формирования кадров научной интеллигенции Азербайджана. Баку, 2005.

²⁰ Мусаева Т. Культура Азербайджана на рубеже эпох (20–30-е годы XX столетия). Баку, 2005.

²¹ Там же. С. 200.

и др.²³, посвящены различным проблемам развития науки в республике, в основном в послевоенный период.

В 1940–1990-е годы вышел целый ряд статей о развитии отдельных отраслей науки в республике. Их авторами, как правило, выступали известные ученые – специалисты в тех или иных областях знания: физико-математических, астрономических и энергетических²⁴, химических, нефтехимических²⁵, биологических и сельскохозяйственных²⁶, медицинских²⁷, геологических, географических, почвоведческих²⁸, гуманитарных и общественных науках²⁹.

Существенный вклад в освещение и трактовку проблемы истории формирования и создания Академии наук Азербайджана, взаимоотношений власти и ученых в 1920–1940-е годы вносила историография истории интеллигенции. 1960–1970-е годы по праву можно назвать годами широкого и всестороннего изучения проблемы интеллигенции. Наряду с исследованиями историков и юристов, появлялись труды философов, социологов и науковедов. Различные хронологические периоды и аспекты формирования научной интеллигенции освещались в работах Г.В. Халилова, М.А. Рустамова, А.З. Багирзаде, Т.Ш. Бахшалиева, Д. Гусейновой, Н. Таирзаде и др.³⁰ Они обстоятельно изучали проблему формирования национальной интеллигенции, в частности основные формы ее подготовки, рост численности, изменения в социально-профессиональной структуре и эволюции политических взглядов, место, роль и значение ее в жизни общества. Однако ряд аспектов проблемы интеллигенции остается спорным

²² Ганиев М.Г. 25 лет Азербайджанской научно-исследовательской ветеринарной опытной станции (АзНИВОС) // Тр. АЗНИВОС. 1957. Т. 5. С. 3–7; 70-летие Центральной сейсмической станции «Баку» им. Ш.С. Рагимова Института геологии АН Азербайджанской ССР. Баку, 1974; Azərbaycan SSR EA V.L. Komarov ad. Botanika İnstitutu – 50 il. Bakı, 1987; Институт географии Академии наук Азербайджанской ССР. Баку, 1987; Магсудов Ф.Г. Институт математики и механики АН Азербайджана (1959–1999). Краткий очерк. Баку, 1999; Əlyazmalar İnstitutu – 50. Bakı, 2000; Arzumanlı V. Beynəlxalq Münasibətlər İnstitutu – 10. Bakı, 2002; Elmin qızıl fondu. Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası – 60. Bakı, 2004; Arxeologiya və Etnoqrafiya İnstitutu. Bakı, 2005; АМЕА А.А. Bakıxanov adına Tarix İnstitutu. Bakı, 2005; АМЕА – 60. İqtisadiyyat İnstitutu. Bakı, 2005; АМЕА akademik Н.Ə. Əliyev ad. Coğrafiya İnstitutu – 60. Bakı, 2005; A. Şükürov. 60 il Fəlsəfi və Siyasi-Hüquqi Tədqiqatlar İnstitutu. Bakı, 2005; АМЕА – 60. İqtisadiyyat İnstitutu. Bakı, 2005; Əhmədov T. Nizami adına Ədəbiyyat İnstitutu. Bakı, 2005; Ədəbiyyat məcmuəsi (Nizami ad. Ədəbiyyat İnstitutunun Əsərləri, XXIV cild. Bakı, 2013; АМЕА Nizami ad. Ədəbiyyat İnstitutu – 80. Xüsusi buraxılış, 2014, 17 yanvar; АМЕА Coğrafiya İnstitutu – 70. Bakı, 2015; АМЕА – 70. Milli Azərbaycan Tarixi Muzeyi – 95 / Tərtibçi və mətnin müəllifi N. Vəlixanlı. Bakı, 2015; Kitab albom. АМЕА Botanika İnstitutunun 80 illiyinə həsr olunur (1936–2016). Bakı, 2016.

²³ Мир-Касимов М.А. Новый научный центр // Известия АН Азерб. ССР. 1945. № 4. С. 61–62; Его же. Академия наук Азербайджанской ССР // Академия наук союзных республик. М.; Л., 1947. С. 73–114; Мамедалиев Ю.Г. Академия наук Азербайджанской науки – центр научной мысли республики // Известия АН Азерб. ССР. 1949. № 4. С. 11–20; Его же. Задача Академии наук Азербайджанской ССР в свете решения XXI съезда КПСС // Доклады на XVII сессии Совета координации научной деятельности АН союзных республик и филиалов АН СССР. Баку, 1959; Алиев М.М. Развитие науки в Азербайджанской ССР // Известия АН Азерб. ССР. 1950. № 7. С. 5–23; Его же. Основные итоги научной деятельности АН Азерб. ССР за 1951–1955 гг. и задачи Академии в шестой пятилетке в свете решений XX съезда КПСС // Известия АН Азерб. ССР. 1956. № 5. С. 9–21; Его же. Sovet Azərbaycanda elmin inkişafı // Известия АН Азерб. ССР. 1957. № 10. С. 3–24; Его же. Нефть и наука (О достижениях науки в Азербайджанской ССР. Беседа с президентом АН Азерб. ССР М.М. Алиевым) // Наука и жизнь. 1957. № 7. С. 32; Его же. От филиала АН СССР к республиканской академии // Известия вост. филиалов АН Азерб. ССР. 1957. № 8. С. 25–34; Сумбатзаде А.С. Развитие науки в Азербайджанской ССР. Баку, 1959; Исмаилов Р.Г. Под знаменем Октября к вершинам науки // Развитие науки в Советском Азербайджане. Баку, 1967. С. 3–8; Абдуллаев Г.Б. Наука Советского Азербайджана // Расцвет науки Советского Азербайджана. Баку, 1980.

²⁴ Амирханов Х.И., Абасзаде А.К. Развитие физики в Азербайджане // Известия АН Азербайджанской ССР. 1947. № 10. С. 31–40; Есьман И.Г. Институт энергетики // Известия АЗФАН СССР. 1942. № 11. С. 48–51; Халилов З.И. Развитие физико-математических наук в Советском Азербайджане // Известия АН Азербайджанской ССР. 1957. № 1. С. 3–12; Seyidbəyli M., Mehdiyeva G., Bədəlova A. Fizikanın tarixinə dair öçerk. Bakı, 2018.

или требующим дальнейшего анализа, особенно касательно взаимоотношений «интеллигенция – власть». Из этого комплекса вопросов, связанных с изучением интеллигенции, выделяются наиболее актуальные проблемы – сущность и критерии классификации интеллигенции как социальной группы; определение ее роли в обществе, особенно в переломные периоды истории государства; формирование разных групп интеллигенции, в том числе и ее национальной разновидности; взаимодействие с властными структурами.

Значительный интерес вызывают монографии, биобиблиографические сборники, статьи, посвященные известным ученым, а также публикации, в которых рассматривались вопросы возникновения и развития научных школ, данные об их основателях³¹. С начала 1960-х годов Академия наук Азербайджана выпускает специальную научно-биографическую серию «Деятели науки и культуры Азербайджана» о выдающихся ученых всех областей науки республики.

²⁵ *Герр В.Ф., Эфенди М.Э., Негреев В.Ф.* Очерки развития химии // Наука АССР за 15 лет. Труды АЗФАН СССР, 1936. № 30. С. 61–77; *Салаев С.Г., Мирзоев Х.И.* Этапы развития поисков нефти в Азербайджане во второй половине XIX и начале XX века // Летопись науки в Азербайджане: в 2-х т. Т. 2 (Техника). Баку, 1969; *Амиркулиев Г.Д.* История химической промышленности Азербайджана (XIX – нач. XX вв.) Баку, 1990; *Seyidbəyli M., Mirzəbəyova R., Əliyeva G.* Kimyanın tarixinə dair öçerk. Bakı, 2018.

²⁶ *Гроссгейм А.А.* Развитие ботанической науки Азербайджана за 20 лет // Известия АЗФАН СССР. 1940. № 2. С. 90–95; *Державин А.Н.* Зоологические исследования в Азербайджане за 20 лет // Известия АЗФАН СССР. 1940. № 5. С. 106–122; *Волобуев В.Р., Караев А.Н.* История развития и основные итоги исследований в области биологических наук за 50 лет в Азербайджане // Развитие науки в Советском Азербайджане. Баку, 1967. С. 176–177; *Зейналова А.* Очерки по истории зоологии в Азербайджане (1902–1980). Баку, 2016.

²⁷ *Мир-Касимов М.А.* Развитие научной медицинской мысли в Азербайджане за 25 лет // Известия АН Азербайджанской ССР. 1945. № 9. С. 3–8; *Гусейнов Д.Ю.* 40 лет развития медицинской науки в Азербайджане // Азербайджанский медицинский журнал. 1960. № 4. С. 54–62.

²⁸ *Гусейнов Д.М.* Исторический обзор развития в Азербайджане почвоведения и агрохимии за время Советской власти // Известия АН Азербайджанской ССР. 1947. № 10. С. 95–100; *Якубов А.А.* Успехи в области геологии в Азербайджане за советский период // Известия АН Азербайджанской ССР. 1947. № 10. С. 53–64; *Голь Г.К.* Состояние географической науки и географического образования в Азербайджанской ССР и перспективы их развития // Достижения наук в Азербайджане. Наука за 40 лет (1920–1960). Баку, 1960. С. 69–79; *Seyidbəyli M., Əliyev Z., Nuriyev N., Qasımlı C.* Coğrafiyanın tarixinə dair öçerk. Bakı, 2018.

²⁹ *Ализаде А.А., Левитов В.Н.* Историческая наука в Азербайджанской ССР // Известия АН Азербайджанской ССР. 1947. № 10. С. 125–135; *Şirəliyev M.* 40 ildə Azərbaycan dilçiliyinin inkişafı // Azərbaycan elminin nəliyyətləri. Elm 40 ildə (1920–1960). Bakı, 1960. С. 86–96; *Алиев И., Алибекова Э.* Из истории изучения античности в Азербайджанском государственном университете в 20–50-е годы XX в. // Ученые записки АГУ им. С.М. Кирова. Серия истории и философии. 1975. № 1. С. 32–37; *Их же.* Изучение древней истории в Азербайджане за годы советской власти // Вестник древней истории. 1977. № 4. С. 108–119; *Mirzəbəyova R.* Azərbaycanın iqtisadiyyat tarixi və tarixçiləri. Bakı, 2019.

³⁰ *Халилов Г.В.* Создание и развитие советской социалистической интеллигенции в СССР. Баку, 1962; *Rüstəmov M.Ə.* Azərbaycan sovet ziyalılarının formalaşması və inkişafı. Bakı, 1963; *Бахшалиев Т.Ш.* Изменения в численности и составе интеллигенции Азербайджанской ССР. 1960–1980 гг. Баку, 1989; *Бақырзаде А.* Интеллигенция Азербайджана в годы Великой Отечественной войны. Баку, 1989; *Гусейнова Д.С.* Азербайджанская интеллигенция в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... докт. ист. наук. Баку, 1993; *Таурзаде Н.* Из истории азербайджанской интеллигенции. Баку, 2009.

³¹ *Повилейко Р.* Курчатов в Баку // Литературный Азербайджан. 1963. № 11–12. С. 80–86; *Платонов Б.А.* Ю. Мамедалиев: страницы жизни. Баку, 1966; *Османов У.* Бакинская школа нефтехимиков (Творцы – лидеры – личности). Баку, 2003; *Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyasının üzvləri haqqında məlumat kitabı: 2 cildə.* 2005. Bakı. С. 1–2; *Qaralov Z.* Abasqulu Abasızadə (bibliografiyası, elmi – pedaqoji irsi). Bakı, 2005; *Azərbaycan şərqşünaslıq elminin banisi akademik Əbdülkərim Əlizadə (sənədlər, məktublar, xatirələr).* Bakı, 2005; *Azərbaycan fizikləri Sankt-Peterburq fiztəxi haqqında xatirələri.* Bakı, 2008; *Axundova M.* Elm xəzinəsini zənginləşdirənlər. Bakı, 2014; *Hacıyeva Z.* AMEA Prezidentləri. Şanlı yolun mərhələləri. Bakı, 2014; *Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyasının təşkilatçıları: Bibliografik məlumat kitabı.* Bakı, 2015; *Akademiyə simalarda.* 70 il (1945–2015). Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası. Bakı, 2015; *Akademik Yusif Məmmədəliyev.* Bakı, 2015; *Qasımov C.Ə.* Azərbaycan folklorşünasları: 1920–1950. Bakı, 2015; *Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası simalarda: Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası 75 il: 1945–2020.* Bakı, 2021.

К 60-летию НАНА была издана двухтомная «Справочная книга о членах Национальной Академии Наук Азербайджана», к 70-летию академии – «Академия в лицах». Биобиблиографические очерки об известных ученых – основателях Национальной академии наук республики создавались М. Ахундовой, З. Гаджиевой, С. Гусейновой. Эти материалы дают общее представление об интеллектуальной элите азербайджанской научной интеллигенции с 1920-х годов по настоящее время.

В контексте разработки темы истории Академии наук в Азербайджане затрагиваются и вопросы оказания культурной помощи со стороны советских республик и в первую очередь со стороны Российской Федерации в строительстве вузов, научных учреждений, формировании кадров национальной интеллигенции. Ценные сведения о роли российских специалистов в развитии науки и высшего образования в Азербайджане приводятся в работах видных ученых, пришедших в большую науку под их руководством. В этих трудах отведено большое место представлению роли высшего научного учреждения страны – Академии наук СССР – в изучении естественных и природных богатств Азербайджана, в развитии фундаментальных и прикладных наук, привлечении молодых специалистов-азербайджанцев к научным школам, что способствовало подготовке высококвалифицированных национальных кадров³². Вместе с тем не во всех публикациях по культуре и культурному строительству в Азербайджане дается оценка исследуемому нами вопросу, а в некоторых высказываниях последних лет и вовсе преуменьшается роль и значение российских ученых и специалистов в осуществлении культурных преобразований в Азербайджане в 1920–1940-х годах. Именно благодаря им и последующим новым поколениям азербайджанских национальных кадров Азербайджанская Республика, став независимой после распада СССР, смогла решать национальные, социально-экономические и культурно-политические проблемы.

«Если взять XIX, XX вв., – указывал президент Гейдар Алиев на встрече с российскими журналистами в Баку 4 марта 2000 г., – то культура, наука, образование в Азербайджане развивались под влиянием России и при участии российских ученых, деятелей науки. Особенно плодотворно эта помощь проявилась, начиная с 20-х годов XX в., когда мы совместно проживали в одном советском государстве»³³.

³² Гулиев С.М. Роль русских и советских ученых в развитии техники бурения. Баку, 1949; Ахвердова С.Г. Роль русских ученых и специалистов в изучении и развитии экономики Азербайджана в XIX в.: дис. ... канд. эконом. наук. Баку, 1964; Гюль Г.К. Роль русских ученых в изучении Каспийского моря // Известия АН Азербайджанской ССР. 1964. № 3. 15–18; Абуталыбов М.Г. Участие русских ученых в развитии биологической науки в Азербайджане // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия биол. наук. 1964. № 3. С. 3–13; Его же. Развитие ботанических исследований в Азербайджане и роль в этом головных институтов и ученых АН СССР // Известия АН Азербайджанской ССР. Сер. биолог. наук. 1974. № 1. С. 7–12; Караев А.И., Гусейнов Д.М., Абуталыбов М.Г., Мусаев М.А. Участие русских ученых в развитии биологической науки в Азербайджане // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия биол. наук. 1964. № 3. С. 3–14; Махмудбеков Б.М. Роль передовых русских ученых в развитии высшего медицинского образования в Азербайджане // Учен. зап. Азерб. гос. мед. ин-та им. Н. Нариманова. Т. 16. 1965. С. 3–18; Керимов Э.А. История этнографического изучения Азербайджана в русской науке (XVIII–XIX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1968; Амиркулиев Г.Д. Роль Академии наук СССР в развитии химии в Азербайджане // Азерб. хим. журн. 1974. № 1. С. 10–11; Голубкина Т.И. Русские ученые и развитие археологии в Азербайджане // Материалы научной сессии, посв. 250-летию АН СССР. Баку, 1974. С. 60–61; Мустафаев И. Развитие селекционно-генетических исследований в Азербайджане и роль ученых АН СССР // Известия АН Азербайджанской ССР. Сер. биолог. наук. 1974. № 1. С. 72–75; Əsgərov L. Azərbaycanın neft sahəsində elmin inkişafında və milli elmi kadrlarının hazırlanmasında rus alimlərinin rolu // Учен. зап. АГУ им. С.М. Кирова. 1975. № 8. С. 76–84; Казиева С.М. Роль русских специалистов в подготовке музыкальных кадров Советского Азербайджана (1920–1940 гг.) // Сб. «Достлуг». Ежегодник Республиканского Дворца дружбы народов СССР. Баку, 1985; Мамедов Э.Л. Братская помощь советских республик в подготовке высококвалифицированных кадров для народного хозяйства Азербайджанской ССР (1920–1940 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1985; Багиров М.Б. Помощь Советской России в осуществлении ленинского плана культурной революции в Азербайджане (1920–1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1986; Гасиев И.К. Роль русских ученых в развитии нефтяной науки и техники в Азербайджане (1920–1930-е годы) // Elturan. 1995. № 1–2 (7). S. 54–57.

³³ Бакинский рабочий. 7.III.2000.

Некоторые вопросы истории развития науки, создания Академии наук фрагментарно затрагивались в диссертациях, защищенных в республике³⁴. В них использован богатый фактический материал, однако отсутствует комплексное, целостное рассмотрение истории развития науки и создания Академии наук республики. Авторы касаются отдельных проблем культурного и научного строительства в республике и исследуют иные хронологические рамки проблемы.

История высшего образования изучена достаточно широко. Связи академической науки с высшей школой, роль ученых в подготовке кадров национальной интеллигенции освещаются в трудах А.О. Маковельского, Х.О. Алимйрзоева, А.М. Атакишиева, И.А. Ибрагимова, А. Амирасланова и др., посвященных истории отдельных вузов³⁵.

Появилось и другое, ставшее вскоре традиционным направление исследований: история музейного строительства в республике. Первые музеи были созданы в 1920 г. при Наркомпросе Азербайджана. Впоследствии Музей истории Азербайджана, Естественно-исторический музей, Дворец Ширваншахов, Музей азербайджанской литературы им. Низами Гянджеви, Нахчыванский историко-этнографический музей, краеведческие музеи в Губе, Ханларе и в других районах республики начали функционировать в системе Азербайджанского филиала АН (АзФАН) СССР как просветительные, научно-исследовательские учреждения общегосударственного значения. Объединение в составе Академии наук важной части музейной сети республики естественно усиливало координацию большой и многообразной работы специалистов музейного дела страны, позволяло выявить имена энтузиастов музейного дела, тех, кто стоял у истоков создания музеев, участвовал в обследовании и выявлении исторических памятников, в археологических раскопках и этнографических экспедициях, проводившихся АзФАНом. История музейного дела в республике исследовалась В.Я. Гарником, А.Г. Юнусовым, Б.И. Ишхановым, А.Т. Бахшиевой, Б.Б. Керимовым и др.³⁶

Для изучения узловых проблем развития азербайджанской науки и становления Академии наук республики немалое значение имеют посвященные сталинским репрессиям российские публикации, в которых содержится информация касательно Азербайджана³⁷.

Однако в советский период в республике не была предпринята подобная попытка комплексного изучения темы. Отсутствие в советские годы объективных исследований и оценки

³⁴ Вейсов А.Б. Развитие физики в Советском Азербайджане. 1920—1960 : дис. ... канд. физ.-мат. наук. Баку, 1966; Веклюев М. Коммунистическая партия — организатор культурной революции в Азербайджане (1920—1940 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Баку, 1968; Велиев М.М. Развитие науки в Азербайджанской ССР (1920—1940 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1972; Мелик-Асланова З.А. Формирование и развитие советской технической интеллигенции в Азербайджане (1920—1932 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Баку; Мамедов Ф.Т. Вклад ученых — химиков в развитие народного хозяйства СССР. 1920—1959 гг. (на материалах Азерб. ССР.): дис. ... докт. ист. наук. Баку, 1985.

³⁵ Маковельский А.О. Азербайджанский государственный университет им. Ленина. Первое десятилетие (1919—1929). Баку, 1930; Алимйрзоев Х.О. Азербайджанский государственный университет за 50 лет. Баку, 1969; Ибрагимов И.А. Первый технический вуз Закавказья. Баку, 1981; Атакишиев А.М. Указ. соч.; Әмирәсланов Ә. Azərbaycan Tibb Universiteti — 80. Bakı, 2010; Məmmədov Y. Azərbaycan Dövlət Pedaqoji Universiteti — 90. Bakı, 2012; Azərbaycan Memarlıq və İnşaat Universiteti — 95. Bakı, 2016.

³⁶ Гарник В.Я. Очерк истории музейного строительства в Азербайджанской ССР (1920—1964) // Очерк истории музейного дела в СССР. М., 1971. С. 245—291; Ишханов Б.И. Музей истории народов Азербайджана // Известия АзФАН СССР. 1939. № 3. С. 45—49; Юнусов А.Г. История музейного строительства в Азербайджанской ССР (1920—1980): дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1987; Керимов В.В. Azərbaycananda tarix — diyarşünaslıq muzeylərinin təşəkkülü və inkişafı tarixi // Tarix üzrə fəlsəfə doktoru dissertasiyasının avtoferatı. Bakı, 2005; Бахшиева А. Из истории музейного дела в Азербайджане (на материалах Музея истории Азербайджана). Баку, 2005; Насыева З. Azərbaycan Dövlət Muzeyi. Bakı, 2012.

³⁷ Репрессированная наука. Л., 1991; Ашин Ф.Д., Алпатов В.М., Насилов Д.М. Репрессированная тюркология. М., 2002; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937—1938. М., 2004; История сталинизма. «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937—1941 гг.: в 2-х т. М., 2010.

деятельности репрессивного аппарата тех лет объясняется недоступностью засекреченного архивного материала, использованием недостаточно проверенных источников, а в некоторых случаях и субъективным подходом исследователей, политическими пристрастиями, сказывающимися при изучении сложного и трудного периода истории Советского Союза.

Широкие возможности для объективного исторического анализа открылись лишь после распада СССР и обретения Азербайджаном государственного суверенитета, когда исследователям стали доступны архивные документы. Благодаря исследованиям З.М. Буниятова, Э.Р. Исмаилова, Дж. Гасымова, А. Бабаева, А. Тахирзаде, М. Джафарли, Т. Гурбана и др.³⁸ была проделана большая работа по восстановлению исторической справедливости.

Существенным подспорьем в изучении проблемы и раскрытии ряда ее граней стали труды ученых Азербайджана, посвященные войне 1941–1945 гг. Деятельность азербайджанских ученых в годы войны и их вклад в победу над фашистской Германией и укрепление обороноспособности СССР нашли отражение в обобщающих монографических исследованиях, а также в отдельных статьях и книгах, опубликованных как во время, так и после окончания войны. В них рассматриваются разные аспекты участия научных учреждений и вузов республики в обороне страны, ее научно-техническая помощь армии, промышленности, сельскому хозяйству и участие ученых в мобилизации природных ресурсов на нужды фронта, а также перестройка работы Азербайджанского филиала АН СССР в связи с войной и вызванные войной изменения в организации научных исследований в системе академических учреждений филиала. Необходимо отметить, что война 1941–1945 гг. была предметом исследования целой плеяды азербайджанских историков 1970–1980-х годов, таких как: Г.А. Мадатов, М. Абасов, Г.Г. Мехтиев, Т.А. Новрузов, С.М. Керимов, Р. Зейналов, А.З. Багирзаде и др.³⁹ К настоящему времени историческая литература республики обогатилась рядом новых работ, освещающих вопросы организации науки в годы войны⁴⁰.

История становления Академии наук республики в рассматриваемые годы не может полноценно изучаться без обращения к документальным материалам высших органов партийно-государственной власти, которые позволяют проследить процесс выработки политики

³⁸ Əhmədov R. Mir Səfər Bağirov. Bakı, 1982; Həsənov C.P. "Ağ ləkə" lərin qara kölgəsi. Bakı, 1991; Bünyadov Z. Qırmızı terror. Bakı, 1993; Mirsəfər Bağirovun məhkəməsi (Arxiv materialları). Bakı, 1993; İbişov (İbrahimli) F. Azərbaycan kəndində sosial-siyasi proseslər (1920–1930). Bakı, 1996; Qasimov C. Yaddaşın bərpası. Bakı, 1999; Məhbub tərçümeyi – halı. Bakı, 2003; Məmedova Ş.P. Интерпретация тоталитаризма. Сталинизм в Азербайджане 1920–1930 гг. Баку, 2004; Soyqırım analardan başlanıq. Bakı, 2003; Məmedov A. Час «икс» переворота М.Д. Багирова и Л.П. Берии. Баку, 2005; Qurban T. Düşmənlərdən güclü şəxsiyyət. Mir Səfər Bağirov haqqında məqalələr toplusu. Bakı, 2006; Dəjəhanınnuri Ф. Жертвы сталинских репрессий в Азербайджане. Баку, 2010; Məmmədov N. Azərbaycan dövlətçilik tarixində Azərbaycan Mərkəzi İcraiyyə Komitəsinin yeri və rolu (1921–1938-ci illər). Bakı, 2012; Исмаилов Э. Указ. соч.

³⁹ Абасов М.Г. Баку в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Баку, 1967; Его же. Вклад тружеников Баку в достижение Победы над гитлеровской Германией. Баку, 2000; Мехтиев Г.Г. Деятельность Коммунистической партии Азербайджана в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Баку, 1967; Мадатов Г. Азербайджан в Великой Отечественной войне. Баку, 1975; Халилов А., Тренетин Б. Азербайджанский филиал Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны (Летопись 1941–1945 гг.). Баку, 1975; Керимов С.М. Вклад ученых Азербайджана в Победу над фашистской Германией // Народное образование и социальный прогресс. Тематический сборник научных трудов. Баку, 1985. С. 17–27; Багирзаде А. Интеллигенция Азербайджана в годы Великой Отечественной войны. Баку, 1989

⁴⁰ Əmrahov M. Azərbaycan mədəniyyəti İkinci Dünya müharibəsi illərində. Bakı, 2006; Azərbaycan 1941–1945-ci illər müharibəsində: (Məqalələr toplusu). Bakı, 2008; Biz birlikdə qalib gəldik! Faşizm üzərində Qələbənin 65 illiyinə həsr olunmuş məqalələr toplusu. Bakı, 2010; Azərbaycan alimləri İkinci Dünya müharibəsi illərində (1941–1945). Bakı, 2010; Служили Родине и науке Баку, 2012; Mədətov Q. Azərbaycan SSR 1941–1945-ci illər müharibəsində. Bakı, 2018.

в области науки в Азербайджанской ССР⁴¹. Особо отметим документы по вопросам восстановления и ускоренного развития народного хозяйства, преобразованиям в сфере культуры, высшей школы и науки: резолюции партийных съездов, конференций, Пленумов ЦК КП Азербайджана, директивы к составлению пятилетних планов, декреты и постановления Совнаркома Азербайджана. Они публиковались в официальных периодических изданиях советского правительства и их последующих переизданиях, а также в различных документальных сборниках и более или менее объективно отражали реальную политику правительства в сфере науки и высшей школы. Наряду с идеологическими штампами и пропагандистскими лозунгами в них формулировались долговременные цели и ближайшие задачи, давались конкретные указания, намечались практические мероприятия по развитию науки в рамках общегосударственных преобразований.

Информативны в исследовательском плане статистические сборники центральных и местных статистических учреждений, в которых содержатся количественные данные по некоторым аспектам послевоенного времени⁴². Первой учет научных кадров предприняла Секция научных работников Азербайджана⁴³. В 1928 г. органом Секции научных работников России был издан сборник «Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда»⁴⁴. Положительная сторона академического учета — детализация показателей учета и персонифицированный их характер, но, увы, не давалось полное представление о численности научных кадров того времени.

Статистика по развитию науки в республике, как и статистика культуры в целом, возникла в начале XX столетия. Именно поэтому изучение истории развития науки, формирования научных кадров и учреждений в 1920—1945 гг. связано с целым рядом трудностей: недостает сведений о материальной базе развития науки, т.е. ассигнований на науку, численности, составе и подготовке научных кадров, состояния издательской деятельности, развития международного научного обмена и т.д. До 1928 г. наука и ее кадры в материалах ЦСУ и Наркомпроса отдельно не выделялись. Цифровые данные не всегда были сопоставимы между собой в силу различных их группировок. Эти сложности приходится учитывать каждому исследователю советской науки. Приходится констатировать, что материалы статистических сборников первых лет советской власти недостаточны для воссоздания на их основе общей картины.

Исследование проблемы отношений власти и науки, истории Академии наук СССР, науки в период индустриализации, истории репрессий в первые годы советской власти интересовало и зарубежных историков советской науки⁴⁵. Темы, которые в СССР находились под идеологическим запретом, в зарубежной исторической науке становились предметом изучения. Эти публикации позволяют глубже проникнуть в суть изучаемого вопроса, путем сравнения

⁴¹ Обзор деятельности правительства за 1927—1928 гг. Отчет VI азербайджанскому съезду Советов. Баку, 1929; *Azərbaycan SSR qanunları, Azərbaycan SSR Ali Soveti Rəyasət Heyətinin Fərmanları və Azərbaycan SSR Hökuməti qərarlarının xronoloji külliyatı: Azərbaycan SSR Nazirlər Soveti yanında Hüquq Komissiyası*, 1936—1945. Bakı. С. 2, 1961; Коммунистическая партия Азербайджана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 4-х т. Т. 1. (1920—1937 гг.) Баку, 1986; Декреты Азревкома (1920—1921): сборник документов. Баку, 1988; *Azərbaycan İnqilab Komitəsi və Xalq komissarları Soveti iclaslarının protokolları: 1920—1922-ci illər*. Bakı, 2009.

⁴² Культурное строительство СССР. Статистический сборник. М., 1940; Достижения Советского Азербайджана за 40 лет в цифрах: стат. сб. Баку, 1960; Культурное строительство Азербайджанской ССР: стат. сб. Баку, 1961; Народное хозяйство Азербайджанской ССР в 1962 г.: стат. сб. Баку, 1963; Советский Азербайджан за 50 лет: стат. сб. Баку, 1970.

⁴³ Научные работники Азербайджана. Справочник. Баку, 1927.

⁴⁴ Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. Л., 1928.

⁴⁵ *Vucinich A.* The Soviet Academy of Science. Stanford, 1958; *Ego же.* Empire of Knowledge. The Academy of Science of USSR (1917—1970). Berkeley; Los Angeles; London, 1984; *Joravsky D.* Soviet Marxism and Natural Science. 1917—1932. New York, 1961; *Graham L.* The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927—1932. Princeton; New Jersey, 1967; *Lewis R.A.* Science and Industrialization in the USSR: Industrial research and development 1917—1940. New York, 1979; *Chodubski A.* Aktywność kulturalna polaków w Azerbejdżanie w XIX i na początku XX wieku. Gdańsk, 1986; *Конквест П.* Большой террор: в 2-х т. Рига, 1991; *Баберовски Й.* Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М., 2010.

и анализа различных точек зрения выявлять и оценивать подоплеку тех или иных событий. Отдавая должное этим авторам, все же отметим, что некоторые из работ, их выводы и фактаж требуют серьезного уточнения.

Подводя итог историографическому обзору, констатируем, что исследователями проделана значительная работа по изучению ряда проблем развития науки в Азербайджане. Однако многие вопросы еще далеки от разрешения, а отдельные аспекты темы остались вне поля зрения исследователей. Исторические периоды также изучены неодинаково полно и аргументированно.

Вопросы научно-организационного характера, кадровое и информационное обеспечение научного процесса исследовались немногими, причем часто вскользь, при разработке других проблем в рамках обобщающих или обзорных публикаций. Ряд оценок и выводов касательно научных достижений не выдержал проверки временем. Замалчивались серьезные трудности в развитии науки и культуры в Азербайджане. Вне поля зрения оставалась деятельность ученых, подвергшихся репрессиям и преследованиям в 30–40-е годы.

Анализ исторической литературы в целом показал недостаточную степень изученности избранной автором темы не только за рассматриваемый период. Практически не исследована эта проблема за весь XX в. История развития науки, история Академии наук Азербайджана, формирование и подготовка научной интеллигенции не были предметом внимания историков. Фундаментальная история науки, в том числе Академии наук, особенно в XX столетии, несмотря на появление ряда трудов, до сих пор не создана. Многие существующие исследования идеологизированы, не всегда отображают реальную ситуацию, резко преувеличивают роль событий 1917 г. для истории науки, определяя их как роковой перелом и давая чрезвычайно категоричные оценки. Процесс развития науки проходил постепенно, и его не стоит привязывать ни к какой-либо конкретной исторической дате, ни тем более к какому-либо определенному событию социально-политической истории, вопреки стремлению проводить границы в истории науки по радикальным изменениям в государственном и политическом устройстве страны, масштабным социальным потрясениям. Однако опубликованная литература значительно расширила и обогатила наше представление о проблеме в целом, дала возможность выявить слабоизученные стороны, наметить основные направления исследования.

Библиография / References

- Абасов М.Г.* Баку в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Баку, 1967.
- Алиев И., Алибекова Э.* Изучение древней истории в Азербайджане за годы советской власти // Вестник древней истории. 1977. № 4. С. 108–119.
- Арзуманлы В., Гассиев И.* Страницы азербайджано-российского сотрудничества в области науки и высшего образования (1920–1940-е годы). Баку, 2002.
- Атакишиев А.М.* История Азербайджанского государственного университета. Баку, 1989.
- Ашнин Ф.Д., Алтатов В.М., Насилов Д.М.* Репрессированная тюркология. М., 2002.
- Баберовский Й.* Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М., 2010.
- Багирзаде А.* Интеллигенция Азербайджана в годы Великой Отечественной войны. Баку, 1989.
- Гусейнова Д.С.* Азербайджанская интеллигенция в конце XIX – начале XX в.: дис. ... докт. ист. наук. Баку, 1993.
- Исмаилов Э.* История «большого террора» в Азербайджане. М., 2015.
- Керимов С.М.* Вклад ученых Азербайджана в Победу над фашистской Германией // Народное образование и социальный прогресс. Тематический сборник научных трудов. Баку, 1985. С. 17–27.
- Кольцов А.В.* Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР, 1917–1961 гг. Л., 1988.
- Левшин Б.В.* Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М., 1983.
- Летопись науки в Азербайджане: в 2-х т. Т. 1 (Естествознание); Т. 2 (Техника). Баку, 1969.
- Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004.
- Мадатов Г.* Азербайджан в Великой Отечественной войне. Баку, 1975.
- Мамедалиев Ю.Г.* Развитие науки в Азербайджане. Баку, 1960.
- Мусаева Т.* Культура Азербайджана на рубеже эпох (20–30-е годы XX столетия). Баку, 2015.
- Повилейко Р.* Курчатов в Баку // Литературный Азербайджан. 1963. № 11–12. С. 80–86.

- Tairzade H.* Из истории азербайджанской интеллигенции. Баку, 2009.
- Abasov M.G.* Baku v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.) [Baku during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Baku, 1967. (In Russ.)
- Aliiev I., Alibekova E.* Izuchenie drevnei istorii v Azerbaidzhane za gody sovetskoii vlasti [The study of ancient history in Azerbaijan during the years of Soviet power] // Vestnik drevnei istorii [Bulletin of ancient history]. 1977. № 4. S. 108–119. (In Russ.)
- Arzumany V., Gassiev I.* Stranitsy azerbaidzhano-rossiiskogo sotrudnichestva v oblasti nauki i vysshego obrazovaniia (1920–1940-e gody) [Pages of Azerbaijani-Russian cooperation in the field of science and higher education (1920–1940s)]. Baku, 2002. (In Russ.)
- Ashnin F.D., Alpatov V.M., Nasilov D.M.* Repressirovannaia tiurkologiia [Repressed Turkology]. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Atakishiev A.M.* Istoriya Azerbaidzhanskogo gosudarstvennogo universiteta [History of Azerbaijan State University]. Baku, 1989. (In Russ.)
- Baberovski I.* Vrag est vezde. Stalinizm na Kavkaze [The enemy is everywhere. Stalinism in the Caucasus]. Moskva, 2010. (In Russ.)
- Bagirzade A.* Intelligentsiia Azerbaidzhana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [The intelligentsia of Azerbaijan during the Great Patriotic War]. Baku, 1989. (In Russ.)
- Guseinova D.S.* Azerbaidzhanskaia intelligentsiia v kontse XIX – nachale XX vv. [The Azerbaijani intelligentsia in the late 19th – early 20th centuries]: dis. ... dokt. ist. nauk. Baku, 1993. (In Russ.)
- Ismailov E.* Istoriya “bolshogo terrora” v Azerbaidzhane [The history of the “Great Terror” in Azerbaijan]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Kerimov S.M.* Vklad uchenykh Azerbaidzhana v Pobedu nad fashistskoi Germaniei [Contribution of Azerbaijani scientists to the Victory over Nazi Germany] // Narodnoe obrazovanie i sotsialnyi progress. Tematicheskii sbornik nauchnykh trudov. Baku, 1985. S. 17–27. (In Russ.)
- Koltsov A.V.* Rol Akademii nauk v organizatsii regionalnykh nauchnykh tse ntrov SSSR, 1917–1961 gg. [Rol Akademii nauk v organizatsii regionalnykh nauchnykh tse ntrov SSSR, 1917–1961]. Leningrad, 1988. (In Russ.)
- Letopis nauki v Azerbaidzhane [Chronicle of Science in Azerbaijan]: v 2-kh t. T. 1 (Estestvoznanie) [Natural Science]; T. 2 (Tekhnika) [Technique]. Baku, 1969. (In Russ.)
- Levshin B.V.* Akademiia nauk SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.) [Academy of Sciences of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Moskva, 1966. (In Russ.)
- Lubyanka. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. Arkhiv Stalina. Dokumenty vysshikh organov partiinoi i gosudarstvennoi vlasti. 1937–1938 [Lubyanka. Stalin and the NKVD’s chief security officer. Arkhiv Stalin. Documents of the supreme organs of the party and state authorities. 1937–1938]. Moskva, 2004. (In Russ.)
- Madatov G.* Azerbaidzhan v Velikoi Otechestvennoi voine [Azerbaijan in the Great Patriotic War]. Baku, 1975. (In Russ.)
- Mamedaliev Y.G.* Razvitie nauki v Azerbaidzhane [Development of science in Azerbaijan]. Baku, 1960. (In Russ.)
- Musaeva T.* Kultura Azerbaidzhana na rubezhe epokh (20–30-e gody XX stoletiya) [Culture of Azerbaijan at the turn of the epochs (20–30s of the 20th century)]. Baku, 2015. (In Russ.)
- Povileiko R.* Kurchatov v Baku [Kurchatov in Baku] // Literaturnyi Azerbaidzhan [Literary Azerbaijan]. 1963. № 11–12. S. 80–86. (In Russ.)
- Tairzade N.* Iz istorii azerbaidzhanskoi intelligentsii [From the history of the Azerbaijani intelligentsia]. Baku, 2009. (In Russ.)
- Azərbaycan alimləri İkinçi Dünya müharibəsi illərində (1941–1945). Bakı, 2010.
- Azərbaycan fizikləri Sankt-Peterburq fiziki haqqında xatirələri. Bakı, 2008.
- Bünyadov Z.* Qırmızı terror. Bakı, 1993.
- Mircəfər Bağirovun məhkəməsi (Arxiv materialları). Bakı, 1993.
- Rüstəmov M.Ə.* Azərbaycan sovet ziyalılarının formalaşması və inkişafı. Bakı, 1963.
- Vəkilov M.Y.* Azərbaycanın mədəni inqilabı: 1920–1940-cı illər. Bakı, 2005.
- Chodubski A.* Aktywność kulturalna polaków w Azerbejdżanie w XIX i na początku XX wieku. Gdańsk, 1986.
- Joravsky D.* Soviet Marxism and Natural Science. 1917–1932. New York, 1961.
- Vucinich A.* The Soviet Academy of Science. Stanford, 1958.

DOI: 10.31857/S013038640024157-0

© 2023 г. О.Е. ПЕТРУНИНА

ГЕРОИ И АНТИГЕРОИ 1940-х годов: МАЯТНИКОВЫЕ КОЛЕБАНИЯ ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Петрунина Ольга Евгениевна — профессор, ведущий научный сотрудник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: petrunina@narod.ru

ORCID: 0000-0002-6956-6745

Аннотация. В статье рассматривается эволюция подходов греческой историографии к изучению одного из самых спорных периодов национальной истории: 1940-х годов, охватывающих Вторую мировую и последующую гражданскую войну (1946–1949). Прежде всего показано, какое влияние оказала на развитие историографии общественно-политическая обстановка в стране по окончании гражданской войны и как последующее политическое развитие Греции влияло на исторические исследования. Потерпевшие поражение в гражданской войне коммунисты подверглись репрессиям, а их вклад в Движение Сопrotивления в годы оккупации замалчивался или оценивался негативно. Смягчение официальной точки зрения по этому вопросу наметилось в 1960-е годы, а разностороннее изучение событий периода Второй мировой войны приходится на 1980-е годы, когда к власти в стране пришли социалисты. Однако консенсусное восприятие спорных вопросов в греческом обществе не сложилось даже после реабилитации левых сил в 1980-е годы, что создавало предпосылки для ревизии проблемы. Она была осуществлена манифестировавшим в начале XXI в. историографическим течением, называющим себя Новой волной, или постревизионизмом. В статье анализируются методологические позиции этого течения и важнейшие работы его основателей — политолога Статиса Каливаса и социолога Никоса Марандзидиса. Поскольку они фактически возвращаются к подходам и оценкам первых послевоенных лет, то это направление исследований можно назвать неоконсервативным. Работы представителей Новой волны вызвали дискуссию в обществе и серьезную критику со стороны ряда историков. Но полемику по спорным вопросам нельзя считать оконченной: взгляды неоконсерваторов постепенно завладевают греческим обществом.

Ключевые слова: Греция, история, историография, Вторая мировая война, Движение Сопrotивления, гражданская война в Греции 1946–1949, историографические направления.

О.Е. Petrunina

Heroes and Anti-Heroes of the 1940s: Pendulous Swings in Greek Historiography

Olga Petrunina, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: petrunina@narod.ru

ORCID: 0000-0002-6956-6745

Abstract. In this article, the author examines the evolution of Greek historiography's approaches to the study of one of the most controversial periods of national history, namely the 1940s, covering World War II and the following Greek Civil War, 1946–1949. Firstly, she demonstrates how the development of historiography after the end of the Civil War was influenced by the social and political situation in the country and how subsequent political development of Greece influenced

historical research. The Communists who were defeated in the Civil War were repressed and their contribution to the national resistance movement during the years of occupation was glossed over or negatively assessed. A softening of the official perspective on the issue came in the 1960s, and a comprehensive examination of the events of World War II took place in the 1980s, when the socialists came to power in Greece. However, a consensus perception of the controversial issues in Greek society did not emerge even after the rehabilitation of the Left in the 1980s. These factors set the stage for its revision, which was carried out by a historiographical movement calling itself “New Wave” or post-revisionism, which emerged at the beginning of the twenty-first century. The article analyses the methodological positions of this movement and the most important works of its founders, the political scientist Stathis Kalyvas and the sociologist Nikos Marandzidis. But the debate on controversial issues is far from being over, as the views of the neo-conservatives are gradually making their way into Greek society.

Keywords: Greece, history, historiography, World War II, Resistance Movement, Greek Civil War 1946–1949, historiographical trends.

Ревущие сороковые — так моряки называют сороковые широты Южного полушария из-за сильных ветров и частых штормов. Этот эпитет можно вполне применить и к сороковым годам XX в. в Греции. Ее относят к числу малых стран Европы, однако она в полной мере испытала на себе тяготы Второй мировой войны и внесла посильный вклад в победу над Германией и ее союзниками. Драматизм ситуации в Греции усиливало то обстоятельство, что непосредственно после освобождения страна пережила острейший политический кризис, пиком которого стала гражданская война. Поражение левых сил в этой войне привело к расколу греческого общества, исключению левых из политической и общественной жизни страны на несколько десятилетий. Этим обстоятельством во многом определяется и развитие историографии вопросов, связанных с историей Второй мировой войны. Они и по сей день являются наиболее конфликтными историческими темами в греческом обществе. Не случайно прежде всего на них в начале нашего столетия обратило внимание историографическое течение Новой волны.

Период 1936–1949 гг. (диктатура И. Метаксаса, Греко-итальянская война 1940–1941 гг., оккупация странами Оси, гражданская война 1946–1949 гг.) получил название «темного десятилетия» и до 1980-х годов практически не изучался. Точка зрения победителей в гражданской войне, закреплённая в качестве официальной, нашедшая отражение в учебниках¹, сводилась к следующему.

Греко-итальянская война 1940–1941 гг. была героизирована и идеализирована. Она получила название Эпопеи 1940 г. В это время греческий народ в едином патриотическом порыве дал успешный отпор итальянским агрессорам, но маленькая Греция не могла противостоять мощи Германии. Этот период истории Второй мировой войны никогда не вызывал споров в греческом обществе и всегда считался одним из героических эпизодов национальной истории.

Затем наступил период тройственной оккупации. Оккупанты организовали голод в крупных городах, на жителей обрушились репрессии. Единственными очагами сопротивления, как считалось, были остатки греческих воинских частей, эвакуированные в Северную Африку и находившиеся в распоряжении британского командования, а также небольшие партизанские группы, связанные с британцами и эмигрантским королевским правительством. В 1944 г. страна была освобождена. О наличии в Греции мощного Движения Сопротивления, одного из самых масштабных и успешных в Европе, официальная литература умалчивала. Точнее сказать, Сопротивлением признавались только те организации и подпольные группы, которые действовали в контакте с эмигрантским правительством и британским ближневосточным командованием. Это положение закрепил соответствующий

¹ Подробнее см.: *Петрунина О.Е.* Как рассказывали греческим школьникам о Второй мировой войне в первые послевоенные годы // Советский Союз и мир во Второй мировой войне: сборник статей. М., 2022. С. 517–528.

закон². Не вспоминали и том, что к осени 1944 г., когда оккупационные войска покинули Грецию, две трети территории страны было освобождено от оккупантов силами левых партизан и находилось под контролем созданного ими правительства.

Греческое Соппротивление не отличалось единством: на разных этапах существовали десятки подпольных организаций, разные по своим политическим взглядам, но настроенные патриотически. Крупнейшей среди них являлся Национально-освободительный фронт (ЭАМ), которым руководили коммунисты, и созданная им Народно-освободительная армия Греции (ЭЛАС). На их основе была организована Демократическая армия Греции (ДАГ), воевавшая против вернувшегося в страну эмигрантского правительства в период гражданской войны. Этим и объясняется замалчивание Соппротивления в официальной литературе.

Иногда имело место не замалчивание, а даже осуждение. Еще в период гражданской войны Георгий Раллис, будущий премьер-министр Греции (1980–1981), опубликовал мемуары своего отца Иоанниса Раллиса, возглавлявшего одно из коллаборационистских правительств в 1943–1944 гг. В них, в частности, деятельность Соппротивления оценивалась отрицательно: партизанские акции, по мнению автора, давали повод для карательных акций со стороны оккупантов, а потому приносили больше вреда, чем пользы³. Хотя И. Раллис за сотрудничество с оккупантами в 1945 г. был приговорен к пожизненному заключению и умер в тюрьме, это не стало препятствием к публикации его апологетических по сути мемуаров.

Отсутствие работ профессиональных историков в 1950-х – начале 1960-х годов компенсировалось публикациями книг мемуарного и публицистического характера, авторами которых были очевидцы и участники событий. Их точка зрения, удобная для правящего режима, и была обоснованием официальной⁴. Они рассматривали партизан-коммунистов не как освободителей, но как врагов государства, стремившихся к расчленению страны. Повод к этому подало само руководство Коммунистической партии Греции (КПГ): находясь в отчаянном положении на завершающем этапе гражданской войны, руководство повстанцев признало независимость Македонии, хотя и не уточнило, о какой части региона идет речь⁵. Афинское правительство справедливо оценило эту декларацию как посягательство на территориальную целостность страны. Гражданская война была названа борьбой с бандитизмом, а КПГ – преступной антинациональной организацией.

В глазах западных союзников эту позицию легитимировали сочинения их собственных специалистов по Греции, ветеранов британских спецслужб. Это воспоминания Эдди Майерса и Криса Вудхауза, возглавивших британскую спецмиссию в Греции в период оккупации и стремившихся оправдать и обелить британскую политику в этой стране⁶. Вудхауз впоследствии стал авторитетным британским историком и развил свои взгляды в книге «Борьба за Грецию, 1941–1949»⁷. По его мнению, гражданскую войну в Греции начали еще в 1943 г., а ее инициаторами стали ЭАМ – ЭЛАС, вступившие в конфликт с другими партизанскими организациями. Освобождение страны от оккупантов представлялось как попытка ее захвата коммунистами.

Некоторое смягчение отношения к левым силам в Греции наметилось в середине 1960-х годов, когда премьер-министром стал Георгиос Папандреу, бывший в 1944 г. главой

² Αναγκαστικός νόμος 971/1949 // Φύλλο Εφημερίδας Κυβερνήσεως (далее – ФЕК) 105/Α/29-04-1949.

³ Ράλλης Γ. Ο Γιώργης Δ. Ράλλης όμειξί έκ τοϋ τάφου. Αθήνα, 1947. Σ. 33–36.

⁴ См., например: Κύρου Ά. Η συνωμοσία εναντίον τής Μακεδονίας. 1940–1949. Αθήνα, 1950; Τσαχαλώτος Θ. 40 χρόνια στρατιώτης της Ελλάδος. Πώς έκερδίσασμε τους άγώνες μας 1940–1949 (Δίτομο). Αθήνα, 1960.

⁵ Улунян Ар.А. Коммунистическая партия Греции. Актуальные вопросы идеологии, политики и внутренней истории. КПГ в Национальном сопротивлении, Гражданской и «холодной» войнах. М., 1994. С. 234–235.

⁶ Woodhouse С.М. “Apple of Discord”: a survey of recent Greek politics in their international setting. London, 1948; Myers E.C.W. Greek Entanglement. London, 1955.

⁷ Woodhouse С. The Struggle for Greece, 1941–1949. London, 1976.

королевского эмигрантского правительства, главной задачей которого тогда было недопущение коммунистов к власти после освобождения страны от оккупантов. Теперь Папандреу выпустил из тюрем политзаключенных, попытался ограничить политическое влияние крайне правых, особенно в армии. В это время были изданы и воспоминания нескольких членов ЭАМ – ЭЛАС⁸.

По окончании гражданской войны сумевшие бежать из Греции бойцы ДАГ и их родственники нашли пристанище в СССР и других социалистических странах. Среди них был Георгиос Кирыкидис, участник Сопrotивления и гражданской войны, который получил высшее образование в нашей стране, защитил кандидатскую диссертацию и в 1964–1982 гг. работал в Институте истории, затем в Институте славяноведения и балканистики РАН⁹. Он написал две монографии: «Греция во Второй Мировой войне» и «Гражданская война в Греции, 1946–1949»¹⁰. Эти работы вполне соответствовали советской официальной идеологии: они представляли греческое Сопrotивление как детище исключительно коммунистов, обвиняли «буржуазных» оппонентов в коллаборационизме, а само Сопrotивление мыслилось как форма борьбы коммунизма с мировым капиталом. Это была точка зрения, диаметрально противоположная официальной позиции греческого государства.

В то же время в греческой диаспоре на Западе предпринимались попытки более объективного анализа событий. Так, Джон Л. Хондрос в 1969 г. защитил докторскую диссертацию, в которой пришел к выводу, что ЭАМ сумел стать реальным организатором и руководителем массового движения против оккупантов, а ЭЛАС под его руководством добилась впечатляющих военных успехов. В то же время он указывал на просчеты германской оккупационной политики в Греции, которые способствовали росту популярности левых сил в глазах населения, и неоднозначность британской политики в этой стране, которая, по его мнению, способствовала началу гражданской войны¹¹.

В Греции ситуация стала меняться в 1980-е годы после прихода к власти социалистов во главе с Андреасом Папандреу, сыном Георгиоса Папандреу. В 1982 г. правительство официально признало Движение Сопrotивления¹², дав тем самым зеленый свет изучению всего «темного десятилетия». В 1984 г. прошла первая посвященная ему научная конференция, затем стали выходить научные работы, в которых большое внимание уделялось Сопrotивлению. Среди них нужно отметить книги греко-немецкого историка Хагена Флайшера «Корона и свастика. Греция: оккупация и сопротивление», Йоргоса Маргаритиса «От поражения к восстанию. Греция весной 1941 – весной 1942 года», Тасулы Вервениоти «Женщина Сопrotивления. Вступление женщин в политику»¹³.

Многие авторы придерживались левых политических взглядов, что способствовало изменению образа Сопrotивления на прямо противоположный по сравнению с предыдущей эпохой: из бандитов, предателей и разжигателей братоубийственной войны участники Сопrotивления превратились в практически идеальных национальных героев, а само Сопrotивление стало одной из составляющих образа грека как борца за свободу и независимость. Вооруженное протivостояние 1946–1949 гг. стало называться гражданской войной.

⁸ См., например: *Γρηγοριάδης Φ.* Το ἀνταρτικό. ΕΛΑΣ – ΕΔΕΣ – ΕΚΚΑ (5/42). Τ. 1–5. Αθήνα, 1964; *Δημητρίου Δ. (Νικήφορος).* Αντάρτες στα βουνά της Ρουμελίας. Χρονικό 1940–44 (Τρίτομη). Αθήνα, 1965.

⁹ Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук. Биобиблиографический словарь / отв. ред. М.А. Робинсон, А.Н. Горяинов. М., 2012. С. 193.

¹⁰ *Κιρύκιδης Γ.Δ.* Греция во Второй Мировой войне. М., 1967; *Его же.* Гражданская война в Греции, 1946–1949. М., 1972.

¹¹ Текст диссертации был издан только в 1983 г.: *Hondros J.L.* Occupation and Resistance, 1941–44. New York, 1983.

¹² Νόμος 1285/1982 // ΦΕΚ 115/Α/20-9-1982.

¹³ *Μαργαρίτης Γ.* Από την ήττα στην εξέγερση. Ελλάδα άνοιξη 1941 – φθινόπωρο 1942. Αθήνα, 1993; *Βερβενιώτη Τ.* Η γυναίκα της Αντίστασης. Η είσοδος των γυναικών στην πολιτική. Αθήνα, 1994; *Φλάισερ Χ.* Στέμνα και Σβάστικα. Η Ελλάδα της Κατοχής και της Αντίστασης, 1941–1944. Τ. Α'–Β'. Αθήνα, 1989–1995.

К концу 1990-х годов появились крупные обобщающие работы, такие как двухтомный труд Й. Маргаритиса¹⁴.

Смена основных тенденций в историографии не привела к установлению общественного консенсуса по этим вопросам. Еще живы были те «герои», которые убивали партизан, некоторые из них прямо сотрудничали с оккупантами. Они и их родственники пытались реабилитировать коллаборационизм. В 2001 г. Всегреческая федерация организаций Национального сопротивления издала книгу, в которой представила палитру этих структур. К большому недоумению читателей, самым массовым левым организациям посвящена одна из последних глав. Но удивительнее всего то, что в книге нашлось место не только для работавших в Греции представителей иностранных специальных миссий, но и для тех, кто служил в коллаборационистских охранных батальонах, созданных немцами для борьбы против партизан. В книге совершенно бездоказательно утверждается, что охранные батальоны создавались исключительно для самообороны населения в условиях «красного террора», число жертв которого в некоторых районах будто бы превысило число жертв оккупантов¹⁵. А выросший в эмиграции в США Костас Сарандопулос, чьи отец и брат были членами одного из охранных батальонов, опубликовал основанную на собственных воспоминаниях и неких устных свидетельствах книгу, полностью повторяющую оценки первых послевоенных лет. Коллаборационисты в его интерпретации — гаранты общественного порядка и жертвы «красного бандитизма»¹⁶. Консервативная часть греческого общества продолжала относиться к коммунистам как к врагам. Это значит, что в стране имелись предпосылки для последующего пересмотра отношения к Сопротивлению и левым силам.

Пересмотру оценок «темного десятилетия» в историографии способствовал распад социалистической системы в начале 1990-х годов. Знаковым событием середины 1990-х годов стало появление романа известного писателя и сценариста, впоследствии президента Афинской академии Танасиса Вальтиноса «Ортокоста»¹⁷. В нем содержатся «свидетельства очевидцев красного террора» в годы оккупации. Такой подход придавал книге достоверность в глазах неискушенных читателей, в результате книга, вызывавшая сочувствие к коллаборационистам, воспринималась как собрание достоверных исторических источников. На самом деле она является художественным произведением, а все «свидетельства» — плодом художественного вымысла.

В то же время в англоязычной историографии, прежде всего британской, стали появляться работы, повторяющие оценки первых послевоенных лет. К ним относится, к примеру, сборник статей под редакцией Дэвида Клоуза «Гражданская война в Греции, 1943–1950». Хронологические рамки, вынесенные в название, свидетельствуют о концептуальном замысле составителя. Глава, написанная датским историком Оле Смитом, воспроизводит концепцию Вудхауза о «трех раундах» гражданской войны, первым из которых назван период оккупации¹⁸. Этот и другие посвященные «темному десятилетию» сборники зачастую представляли собой материалы конференций, в которых принимали участие также греческие историки как из диаспоры, так и из Греции. Затем эти книги увидели свет и на греческом языке¹⁹.

В одном из таких сборников была опубликована и статья Статиса Каливаса «Красный террор: насилие левых в период оккупации», автор которой уже ясно осознавал себя

¹⁴ *Μαργαρίτης Γ.* Ιστορία του ελληνικού εμφύλιου πολέμου. Τ. Α΄-Β΄. Αθήνα, 2002.

¹⁵ Η Εθνική Αντίσταση των Ελλήνων, 1941–1945. Ιστορικές μαρτυρίες. Αθήνα, 2001. Σ. 261–263.

¹⁶ *Σαραντόπουλος Κ.* Βαλέττσι 1944 (μαρτυρία). Αθήνα, 2003.

¹⁷ *Βαλτινός Θ.* Ορθοκωστά. Αθήνα, 1994. Ορθοκωστά — одно из названий монастыря в Аркадии, где якобы находился основанный коммунистами концлагерь. Каких-либо документальных сведений о существовании в этом месте такого лагеря пока не обнаружено.

¹⁸ The Greek Civil War, 1943–1950: Studies of Polarization / ed. D.H. Close. London; New York, 1993.

¹⁹ *Κλούζης Ντ.* Ο Ελληνικός Εμφύλιος Πόλεμος. Μελέτες για την πλώση. Αθήνα, 1997; Studies in the History of the Greek Civil War, 1945–1949 / eds L. Baerentzen, O.L. Smith. Copenhagen, 1987; Μελέτες για τον εμφύλιο πόλεμο, 1945–1949 / eds L. Baerentzen, O.L. Smith. Αθήνα, 1992.

представителем нового историографического направления²⁰. Приверженцы последнего называют его Новой волной или Новой парадигмой, а также постревизионистской историографией²¹. Термин «постревизионизм» предполагает, что предшествующий этап развития историографии был ревизионизмом в отношении первоначальной официальной позиции, демонизировавшей коммунистов и сочувствовавшей коллаборационистам. Но, объективно говоря, это направление надо называть неоконсервативной или новой правой историографией.

Его основоположники и главные представители — профессор Македонского университета (Салоники) Никос Марандзидис и профессор Оксфордского университета Статис Каливас, до 2018 г. преподававший в нескольких американских университетах, в том числе Йельском. Заметим, что оба отца-основателя не имеют исторического образования: Марандзидис получил диплом и ученые степени по социологии, а Каливас — по политологии. Оба они учились за рубежом, во Франции и США соответственно. Вся академическая карьера Каливаса прошла также за рубежом. Интересно, что дед Марандзидиса был членом ЭАМ, а многие родственники — члены и сторонники КПП. Они подвергают его взгляды резкой критике, считая их искажением не только национальной, но и семейной истории²².

В 2004 г. оба исследователя выступили с манифестом «Новые тенденции в изучении гражданской войны» на страницах приложения к газете «Та неа»²³. В их амбициозном выступлении были сформулированы десять пунктов, характеризовавших уже свершившийся, по мнению авторов, историографический поворот, которые включали в себя перенос начала гражданской войны на 1943–1944 гг.; деидеологизацию и демифологизацию событий; отказ от героизации/демонизации левых участников Сопrotивления; изучение табуированных прежде тем, перенос центра тяжести с индивидуальных на коллективные исследования, а также с обобщающих сюжетов на локальные; отказ от упрощенных толкований и рассмотрение гражданской войны как совокупности локальных вооруженных конфликтов с местной спецификой; изучение массовых источников и, наконец, анализ событий в Греции в рамках более широкой сравнительно-теоретической парадигмы.

Некоторые пункты этого неоконсервативного декалога, такие как изменение хронологии и призыв к деидеологизации, содержали еще не реализованные в Греции, но хорошо проработанные за рубежом, прежде всего в Великобритании, подходы, известные еще со времен публикаций мемуаров офицеров британской военной миссии в Греции. Подтверждением тому служит помещенное в той же колонке газеты высказывание британского историка Марка Мазовера из того же сборника, где была опубликована упомянутая статья Каливаса «Ни один из мифов более не выдерживает критики». Автор, в частности, имел в виду «миф» о массовом характере Движения Сопrotивления в Греции. Этот сборник был издан на греческом языке в 2003 г.²⁴

Перенос центра тяжести с обобщающих на локальные исследования и отказ от изучения Сопrotивления как единого феномена фактически ведет к его отрицанию. Под массовыми источниками, как позже выяснилось, неоконсерваторы часто подразумевают свидетельства очевидцев, весьма сомнительные по своей объективности и достоверности.

Другие пункты неоконсервативного манифеста, такие как изучение новых тем и коллективный характер исследований, соответствовали сложившейся ситуации, но сами по себе не означали концептуального пересмотра прежних подходов. Зато они неявно указывали на

²⁰ Kalyvas S. Red Terror: Leftist Violence during the Occupation // After the War Was Over: Reconstructing the Family, Nation, and State in Greece, 1943–1960 / ed. M. Mazower. Princeton, 2000. P. 142–183.

²¹ Marantzidis N., Antoniou G. The Axis Occupation and Civil War: Changing Trends in Greek Historiography // Journal of Peace Research. 2004. Vol. 41. № 2. P. 223–231.

²² Ένας κομμουνιστής απαντάει στο Ν. Μαραντζίδη για τον αντίρτη παλπού Κόλια, τον κοινό τους πρόγονο // Κατιούσα. 29.1.2019.

²³ Καλύβας Σ., Μαραντζίδης Ν. Νέες τάσεις στη μελέτη του εμφυλίου πολέμου // Τα Νέα / Βιβλιοδρόμιο. 20–21.11.2004.

²⁴ Μετά τον Πόλεμο: Η ανασυγκρότηση της οικογένειας, του έθνους και του κράτους στην Ελλάδα, 1943–1960 / επιμ. Μ. Mazower. Αθήνα, 2003.

будто бы широкий характер Новой волны. Правда, довольно скоро ее основатели стали публиковать собственные монографии, и коллективный характер исследований данной проблематики ушел в прошлое²⁵.

Дополняя эти пункты, в другой опубликованной в то же время статье Н. Марандзидис и молодой тогда исследователь Г. Антониу подчеркивали их междисциплинарный характер, на самом деле обосновывая место не имеющих исторической подготовки исследователей в сообществе историков²⁶.

В своих последующих журнальных статьях и коллективных монографиях²⁷ неоконсерваторы продемонстрировали применение этих принципов на практике. В своих работах они утверждают, что в период оккупации ЭАМ и ЭЛАС организовали «красный террор» против всех не согласных с их взглядами, тем самым подталкивая население к сотрудничеству с оккупантами. По их мнению, греки в период оккупации были в гораздо большей мере склонны сотрудничать с оккупационными властями, чем это представляет современная официальная идеология. Образ Греции, всемерно помогающей партизанам, как они полагают, не соответствует действительности. Постревизионисты рассматривают взаимоотношения ЭАМ с другими организациями, населением и оккупантами как первый этап гражданской войны и говорят о принудительной мобилизации молодежи в партизанские отряды. Таким образом, гражданская война в их понимании началась не в 1946, а в 1943 г. Эта точка зрения стала удобным предлогом для того, чтобы аннулировать вклад Соппротивления в освобождение страны.

Несмотря на довольно резкую критику (в 2014 г. Марандзидиса даже побила леворадикальная молодежь)²⁸, подобные взгляды все больше проникают в греческие научные круги. Делаются попытки их внедрения и в общество. В 2016 г. издательство Йельского университета опубликовало английский перевод «Ортокоста». Предисловие к нему написал С. Каливас, тогда преподававший в Йеле. Он воспользовался возможностью в сжатом виде представить свои взгляды широкой англоязычной публике, однако сделал это, используя роман Вальгиноса в качестве подборки источников, в которых, по его мнению, описаны события, «в целом представляющие ряд подобных процессов, имевших место в то время по всему Пелопоннесу и другим областям Греции»²⁹.

В 2015 г. вышла совместная научно-популярная книга Марандзидиса и Каливаса «Страсти по гражданской войне», которая уже выдержала несколько переизданий общим тиражом свыше 25 тыс. экземпляров. Это немало для страны с 10-миллионным населением. Затем вышло электронное издание книги³⁰. Кроме того, оба автора активно сотрудничают с авторитетной консервативной газетой «Катимерини», на страницах которой излагают свои научные и политические взгляды.

Была предпринята попытка внедрения «новых» подходов и в школьные учебники. В Греции долго говорили о том, что учебники, в том числе по истории, должны создаваться на конкурсной основе. Когда же в 2000-е годы такой конкурс был наконец проведен, то победу в

²⁵ Kalyvas S.N. *The Logic of Violence in Civil War*. Cambridge, 2006; *Μαραντζίδης Ν. Δημοκρατικός Στρατός Ελλάδας*. Αθήνα, 2010.

²⁶ Marantzidis N., Antoniou G. Op. cit. P. 228.

²⁷ Οι άλλοι καπετάνιοι: αντικομμουνιστές ένοπλοι στα χρόνια της Κατοχής και του Εμφυλίου / επιμ. Ν. Μαραντζίδης. Αθήνα, 2006; Η εποχή της σύγχυσης: η δεκαετία του '40 και η ιστοριογραφία / επιμ. Γ. Αντωνίου, Ν. Μαραντζίδης. Αθήνα, 2008; Kalyvas S. *Armed collaboration in Greece, 1941–1944* // *European Review of History: Revue européenne d'histoire*. 2008. Vol. 15. № 2. P. 129–142; Kalyvas S. *Micro-Level Studies of Violence in Civil War: Refining and Extending the Control-Collaboration Model* // *Terrorism and Political Violence*. 2012. Vol. 24. № 4. P. 658–668; Marantzidis N. *The Greek Civil War (1944–1949) and the International Communist System* // *Journal of Cold War Studies*. 2013. № 15 (4). P. 25–54; Kalyvas S. *Rebel Governance During the Greek Civil War* // *Rebel Governance in Civil War* / eds A. Arjona, N. Kasfir, Z. Mampilly. New York, 2015. P. 119–137.

²⁸ Επίθεση από αγνώστους στον καθηγητή Νίκο Μαραντζίδη // *Τα Νέα*. 01.VII.2014.

²⁹ Kalyvas S. *Foreword* // Valtinos Th. *Orthokosta*. New Haven, 2016. P. IX.

³⁰ Καλίβας Σ., Μαραντζίδης Ν. *Εμφύλια πάθη*. 23 ερωτήσεις και απαντήσεις για τον Εμφύλιο. Αθήνα, 2015; *Των ιδίων*. Εμφύλια πάθη. 23+2 νέες ερωτήσεις και απαντήσεις για τον Εμφύλιο. Αθήνα, 2017 // URL: <https://www.metaixmio.gr/el/products/εμφύλια-πάθη-978-618-03-0999-7> (дата обращения: 12.01.2023).

нем одержала книга, написанная авторским коллективом под руководством профессора Салоникинского университета им. Аристотеля Марии Репуси. Она является одним из крупнейших в стране специалистов по методике преподавания истории и активным деятелем социалистического движения. Не о ней ли ее единомышленник Н. Марандзидис в одной из своих последних статей в «Катимерини», название которой «Социалистическая этика и дух капитализма», перефразируя известную работу Макса Вебера, сказал, что «социалисты все меньше отличаются от своих правых коллег»?³¹

О периоде оккупации в этом учебнике сказано следующее: «Греки организовали сопротивление, создав ЭАМ и более мелкие повстанческие организации... В ответ на действия повстанцев оккупанты организовали возмездие. Голод, террор, сожжение целых деревень и массовые казни царили в Греции в период оккупации. В начале 1944 г., когда освобождение было уже близко, усилились противоречия между различными политическими силами. Эти противоречия нашли отражение в столкновениях между повстанческими организациями. Освобождение застало Грецию разделенной надвое»³². Получается, что партизаны были виноваты в карательных акциях оккупантов, а вместо того, чтобы освободить страну, воевали между собой. Кто же тогда освободил ее, остается неясным. Этот учебник, содержащий множество подобных «нетрадиционных» толкований известных исторических событий, вызвал бурю негодования в обществе и в конце концов был изъят из обращения³³. Господствующая политическая культура своих позиций не сдала.

Как только неоконсерваторы заявили о своих принципах, на них последовала критическая реакция. Наиболее оперативной она оказалась в прессе. Вскоре после выхода неоконсервативного манифеста в той же газете «Та неа» было опубликовано интервью с ветераном Сопротивления Йоргосом Сиросом. Не будучи профессиональным историком, он не смог указать своим оппонентам на их методологические ошибки, но оценил их позицию как попытку фальсификации исторической истины, сокрытия неприглядных деяний и нивелирования ответственности за них. Затем в газете компартии «Ризоспастис» вышла расширенная версия этого интервью в виде статьи с еще более резкими оценками³⁴. Так началась общественная дискуссия в прессе.

Чуть позже появились и критические статьи в научных журналах. Прежде всего неоконсерваторов обвинили в недобросовестном обращении с источниками. Поводом к этому послужила, в частности, публикация дневника одного из видных деятелей Сопротивления Димитриса Вландаса. Готовивших текст Марандзидиса и Антонию уличили в переработке источника, который был выдан за оригинал³⁵. Это тяжкое обвинение для историка, фактически констатирующее его непрофессионализм. Кроме того, им указали на незнание или сознательное игнорирование достижений многих греческих историков, таких как Иоанна Папатанасиу, Танасис Сфикас, Йоргос Маргаритис и других. Критики Новой волны также указывали, что методология этого направления непоследовательна и не содержит каких-либо принципиальных новаций, ее адепты используют лишь давно известные историкам подходы, такие как локальная и устная история. Что же касается неоконсервативной интерпретации событий, то

³¹ *Μαραντζίδης Ν.* Η σοσιαλιστική ηθική και το πνεύμα του καπιταλισμού // Η Καθημερινή. 18.XII.2022.

³² *Ρεπούση Μ., Ανδρεάδου Χ., Πουταχίδης Α., Τσίβας Α.* Ιστορία ΣΤ' Δημοτικού. Στα νεότερα και σύγχρονα χρόνια. Αθήνα, 2007. Σ. 112.

³³ Некоторые статьи с критикой этого учебника и письма в государственные органы с требованием его изъятия собраны электронным журналом «Антиваро»: URL: <https://www.antibaro.gr/article/45> (дата обращения: 10.01.2023).

³⁴ *Ο εμφύλιος πόλεμος* // Τα Νέα. 09.IV.2004. *Σύρος Γ.* Η ιστορική αλήθεια για τον Εμφύλιο δε διαστρεβλώνεται // Ριζοσπάστης. 16.IV.2004. Σ. 23.

³⁵ *Παπαθανασίου Ι.* Χρήσεις και καταχρήσεις των πηγών ή η ιστορία ως εντύπωση // Τα Ιστορικά. Т. 47. Δεκέμβριος, 2007. Σ. 457–473.

она воспроизводит уже забытый послевоенный нарратив и полна бездоказательных утверждений. Были разоблачены и претензии неоконсерваторов на объективность и независимость»³⁶.

Наконец, анализируя тенденции в греческой и зарубежной историографии, исследователи отметили связь между попыткой ревизии истории Второй мировой войны в Греции и аналогичными тенденциями в европейской исторической науке³⁷.

Между тем в Греции продолжали публиковаться книги и статьи, исследующие разные аспекты периода в рамках прежней парадигмы. Они посвящены малоизученным ранее сюжетам, прежде всего декабрьским событиям 1944 г., когда в Афинах произошли военные столкновения ЭАМ – ЭЛАС с британскими войсками – уникальный конфликт между союзническими силами³⁸.

Во второй половине 2010-х годов интерес неоконсерваторов к «темному десятилетию» несколько ослабел, о чем свидетельствует спад их публикационной активности на эту тему. В это время они были преимущественно заняты более близкими им по профилю исследованиями: Каливас – глобальными проблемами терроризма, а Марандзидис – изучением греческого общественного мнения на фоне финансово-экономического кризиса, начавшегося в Греции в 2009 г.³⁹ Значит ли это, что дискуссия вокруг оценок Движения Сопротивления и гражданской войны окончена? Скорее, она на время утихла, поскольку все ее участники остались на прежних позициях. Возможно, полемика продолжится с выходом в 2023 г. новой книги Н. Марандзидиса «В тени Сталина: всемирная история греческого коммунизма»⁴⁰.

Βιβλιογραφία / References

Κιρΰακιδις Γ.Δ. Γρεция во Второй Мировой войне. Μ., 1967.

Κιρΰακιδις Γ.Δ. Γραжданская война в Греции, 1946–1949. Μ., 1972.

Πετρουнина Ο.Ε. Как рассказывали греческим школьникам о Второй мировой войне в первые послевоенные годы // Советский Союз и мир во Второй мировой войне: сб. статей. Μ., 2022. С. 517–528.

Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук. Биобиблиографический словарь / отв. ред. Μ.Α. Ροβινσον, Α.Η. Γορϱαинов. Μ., 2012.

Λυυηη Αρ.Α. Κομμουνιστική партиα Γρεции. Ακтуальные вопросы идеологии, политики и внутренней истории. КПГ в Национальном сопротивлении, Γραжданской и «холодной» войнах. Μ., 1994.

Kir'iakidis G.D. Gretsia vo Vtoroi Mirovoi voine [Greece in the Second World War]. Moskva, 1967. (In Russ.)

Kir'iakidis G.D. Grazhdanskaia voina v Gretsii, 1946–1949 [The Civil War in Greece, 1946–1949]. Moskva, 1972. (In Russ.)

Petrulina O.E. Kak rasskazyvali grecheskim shkol'nikam o Vtoroi mirovoi voine v pervye poslevoennye gody [How Greek schoolchildren were told about the Second World War in the first post-war years] // Sovetskii Soiuz i mir vo Vtoroi mirovoi voine: sb. Statei [The Soviet Union and the world in the Second World War: collection of articles]. Moskva, 2022. S. 517–528. (In Russ.)

³⁶ *Σφήκας Θ.* Μια άλλη συζήτηση που μυρίζει “ναφθαλίνη”: ο Μελιγαλάς, το κονσερβοζοούτι και η αναθεώρηση της ιστορίας // Ουτοπία: διμηνιαία έκδοση θεωρίας και πολιτισμού. 2006. Τ. 69. Σ. 167–175; *Σφήκας Θ.* Ο ναρцисσισμός των μικρών πραγμάτων: περί σύγχυσης, ιστοριογραφίας και άλλων δαιμόνων // Μνήμων. 2011. Τ. 30. Σ. 315–336; *Χανδρινός Ι.* Το τιμωρό χέρι του λαού: Η δράση του ΕΛΑΣ και της ΟΠΛΑ στην κατεχόμενη πρωτεύουσα. Αθήνα, 2012. Σ. 23; *Παλιούλης Κ.* Η λογική της ενδοαριστερής βίας: Κομματικοί εναντίον τροτσκιστών/αρχεριομαρξιστών // Δεκέμβρης 1944: Το παρελθόν και οι χρήσεις του / επιμ. Π. Βόγλης, Ι. Παπαθανασίου, Τ. Σακελλαρόπουλος, Μ. Χαραλαμπίδης. Αθήνα, 2017. Σ. 103–123; *Voglis P., Nioutsikos I.* The Greek Historiography of the 1940s. A Reassessment // Südosteuropa. 2017. Vol. 65. № 2. P. 316–333.

³⁷ *Σαγκάς Γ.* Η ιστοριογραφία για τα Δεκεμβριανά: παλαιά αφηγήματα, σύγχρονες ερμηνείες, νέες κατευθύνσεις // Δρόμοι του Δεκεμβρίου: Από τον Λίβανο στην Αθήνα, 1944 / επιμ. Θ. Σφήκας, Α. Χασιώτης, Ι. Μιχαηλίδης. Θεσσαλονίκη, 2016. Σ. 300.

³⁸ *Χαραλαμπίδης Μ.* Δεκεμβριανά 1944. Η μάχη της Αθήνας. Αθήνα, 2014; Δρόμοι του Δεκεμβρίου: Από τον Λίβανο στην Αθήνα, 1944...; Δεκέμβρης 1944: Το παρελθόν και οι χρήσεις του...

³⁹ The Oxford Handbook of Terrorism / eds E. Chenoweth, R. English, A. Gofas, S. Kalyvas. Oxford, 2019; *Μαραντζίδης Ν., Σιάκας Γ.* Στο όνομα της αξιοπρέπειας: οι ανατροπές της κοινής γνώμης στα χρόνια των Μνημονίων. Αθήνα, 2019.

⁴⁰ *Marantzidis N.* Under Stalin's Shadow: A Global History of Greek Communism. Ithaca, 2023.

Sotrudniki Instituta slavianovedeniia Rossiiskoi akademii nauk. Biobibliograficheskii slovar' [Employees of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. Biobibliographical Dictionary] / pod red. M.A. Robinson, A.N. Goriainov. Moskva, 2012. (In Russ.)

Ulunian A.A. Kommunisticheskaia partia Gretsii. Aktual'nye voprosy ideologii, politiki i vnutrennei istorii. KPG v Natsional'nom soprotivlenii, Grazhdanskoi i "kholodnoi" voiakh [The Communist Party of Greece. Topical issues of ideology, politics and internal history. The KKE in the National Resistance, Civil and "Cold" wars]. Moskva, 1994. (In Russ.)

Hondros J.L. Occupation and Resistance: The Greek Agony, 1941–44. New York, 1983.

Kalyvas S. Armed collaboration in Greece, 1941–1944 // *European Review of History: Revue européenne d'histoire*. 2008. Vol. 15. № 2. P. 129–142.

Kalyvas S. Micro-Level Studies of Violence in Civil War: Refining and Extending the Control-Collaboration Model // *Terrorism and Political Violence*. 2012. Vol. 24. № 4. P. 658–668.

Kalyvas S. Rebel Governance During the Greek Civil War // *Rebel Governance in Civil War* / eds A. Arjona, N. Kasfir, Z. Mampilly. New York, 2015. P. 119–137.

Kalyvas S. Red Terror: Leftist Violence during the Occupation // *After the War Was Over: Reconstructing the Family, Nation, and State in Greece, 1943–1960* / ed. M. Mazower. Princeton, 2000. P. 142–183.

Kalyvas S.N. The Logic of Violence in Civil War. Cambridge, 2006.

Marantzidis N., Antoniou G. The Axis Occupation and Civil War: Changing Trends in Greek Historiography // *Journal of Peace Research*. 2004. Vol. 41. № 2. P. 223–231.

Marantzidis N. The Greek Civil War (1944–1949) and the International Communist System // *Journal of Cold War Studies*. 2013. № 15 (4). P. 25–54.

Marantzidis N. Under Stalin's Shadow: A Global History of Greek Communism. Ithaca, 2023.

Myers E.C.W. Greek entanglement. London, 1955.

Studies in the History of the Greek Civil War, 1945–1949 / eds L. Baerentzen, O.L. Smith. Copenhagen, 1987.

The Greek Civil War, 1943–1950: Studies of Polarization / ed. D.H. Close. London; New York, 1993.

The Oxford Handbook of Terrorism / eds E. Chenoweth, R. English, A. Gofas, S. Kalyvas. Oxford, 2019.

Valtinis Th. Orthokostà. New Haven, 2016.

Voglis P., Nioutsikos I. The Greek Historiography of the 1940s. A Reassessment // *Südosteuropa*. 2017. Vol. 65. № 2. P. 316–333.

Woodhouse C.M. "Apple of Discord": a survey of recent Greek politics in their international setting. London, 1948.

Woodhouse C. The Struggle for Greece, 1941–1949. London, 1976.

Βαλτινός Θ. Ορθοκωστά. Αθήνα, 1994.

Βερβενιώτη Τ. Η γυναίκα της Αντίστασης. Η είσοδος των γυναικών στην πολιτική. Αθήνα, 1994.

Γρηγοριάδης Φ. Τò άνταρτικό. ΕΛΑΣ – ΕΔΕΣ – ΕΚΚΑ (5/42). Τ. 1–5. Αθήνα, 1964.

Δεκέμβριος 1944: Το παρελθόν και οι χρήσεις του / επιμ. Π. Βόγλης, Ι. Παπαθανασίου, Τ. Σακελλαρόπουλος, Μ. Χαράλαμπίδης. Αθήνα, 2017.

Δημητρίου Δ. (Νεάφθορος). Ανάρτης στα βουνά της Ρουμελίας. Χρονικό 1940–44 (Τρίτομη). Αθήνα, 1965.

Δρόμοι του Δεκεμβρίου: Από τον Λίβανο στην Αθήνα, 1944 / επιμ. Θ. Σφήκας, Λ. Χασιώτης, Ι. Μιχαηλίδης. Θεσσαλονίκη, 2016.

Η Εθνική Αντίσταση των Ελλήνων, 1941–1945. Ιστορικές μαρτυρίες. Αθήνα, 2001.

Η εποχή της σύγχυσης: η δεκαετία του '40 και η ιστοριογραφία / επιμ. Γ. Αντωνίου, Ν. Μαραντζίδης. Αθήνα, 2008.

Καλύβας Σ., Μαραντζίδης Ν. Εμφύλια πάθη. 23 ερωτήσεις και απαντήσεις για τον Εμφύλιο. Αθήνα, 2015.

Καλύβας Σ., Μαραντζίδης Ν. Εμφύλια πάθη. 23+2 νέες ερωτήσεις και απαντήσεις για τον Εμφύλιο. Αθήνα, 2017.

Κλόουζ Ντ. Ο Ελληνικός Εμφύλιος Πόλεμος. Μελέτες για την πόλωση. Αθήνα, 1997.

Κίρου Α. Η συννομοσία έναντιόν της Μακεδονίας. 1940–1949. Αθήνα, 1950.

Μαραντζίδης Ν. Δημοκρατικός Στρατός Ελλάδας. Αθήνα, 2010.

Μαργαρίτης Γ. Από την ήττα στην εξέγερση. Ελλάδα άνοιξη 1941 – φθινόπωρο 1942. Αθήνα, 1993.

Μαργαρίτης Γ. Ιστορία του ελληνικού εμφυλίου πολέμου. Τ. Α'–Β'. Αθήνα, 2002.

Μαραντζίδης Ν., Σιάκας Γ. Στο όνομα της αξιοπρέπειας: οι ανατροπές της κοινής γνώμης στα χρόνια των Μνημονίων. Αθήνα, 2019.

Μελέτες για τον εμφύλιο πόλεμο, 1945–1949 / eds L. Baerentzen, O.L. Smith. Αθήνα, 1992.

Μετά τον Πόλεμο: Η ανασυγκρότηση της οικογένειας, του έθνους και του κράτους στην Ελλάδα, 1943–1960 / επιμ. Μ. Mazower. Αθήνα, 2003.

Οι άλλοι καπετάνοι: αντικομμουνιστές ένοπλοι στα χρόνια της Κατοχής και του Εμφυλίου / επιμ. Ν. Μαραντζίδης. Αθήνα, 2006.

Παπαθανασίου Ι. Χρήσεις και καταχρήσεις των πηγών ή η ιστορία ως εντύπωση // *Τα ιστορικά*. Τ. 47. Δεκέμβριος, 2007. Σ. 457–473.

Ράλλης Γ. Ο Ίωάννης Δ. Ράλλης όμιλεί έκ τού τάφου. Αθήνα, 1947.

Ρεπούση Μ., Ανδρεάδου Χ., Πουταχίδης Α., Τσίβας Α. Ιστορία ΣΤ΄ Δημοτικού. Στα νεότερα και σύγχρονα χρόνια. Αθήνα, 2007.

Σαραντόπουλος Κ. Βαλτέτσι 1944 (μαρτυρία). Αθήνα, 2003.

Σφήκας Θ. Μια άλλη συζήτηση που μυρίζει “ναφθαλίνη”: ο Μελιγαλάς, το κονσερβοκούτι και η αναθεώρηση της ιστορίας // Ουτοπία: διμηνιαία έκδοση θεωρίας και πολιτισμού. 2006. Τ. 69. Σ. 167–175.

Σφήκας Θ. Ο ναρκισσισμός των μικρών πραγμάτων: περί σύγχυσης, ιστοριογραφίας και άλλων δαιμόνων // Μνήμων. 2011. Τ. 30. Σ. 315–336.

Τσακαλώτος Θ. 40 χρόνια στρατιώτης της Ελλάδος. Πώς έκερδίσαμε τούς άγώνες μας 1940–1949 (Διτομο). Αθήνα, 1960.

Φλάσερ Χ. Στέμμα και Σβάστικα. Η Ελλάδα της Κατοχής και της Αντίστασης, 1941–1944. Τ. Α΄–Β΄. Αθήνα, 1989–1995.

Χανδρινός Γ. Το τιμωρό χέρι του λαού: Η δράση του ΕΛΑΣ και της ΟΠΛΑ στην κατεχόμενη πρωτεύουσα. Αθήνα, 2012.

DOI: 10.31857/S013038640025910-9

© 2023 г. Т.Л. ЛАБУТИНА

РОССИЯ В ВОЙНЕ ЗА ЧУЖИЕ ИНТЕРЕСЫ: ПЕРЕГОВОРЫ БРИТАНСКИХ И РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ О СУБСИДНЫХ КОНВЕНЦИЯХ 1747 года

Лабутина Татьяна Леонидовна — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: tlabutina2007@yandex.ru

Scopus Author ID: 54883697400; ORCID: 0000-0003-2609-4175

Аннотация. В 1740–1748 гг. в Европе шла война за Австрийское наследство, в которой приняли участие Пруссия, Франция, Великобритания, Австрия и ряд других стран, преследовавших своей целью завоевание территорий как в Европе, так и за ее пределами. В 1748 г. в войну вступила также Россия, которая не имела подобных задач. По сути дела, Россия оказалась втянута в войну Великобританией, с которой она подписала три субсидные конвенции в 1747 г. Речь шла об использовании англичанами русского военного корпуса в обмен на выплату денежных субсидий. Свидетелем событий, а также одним из главных участников переговоров по конвенциям был британский посол Дж. Гиндфорд. Опираясь на оригинальный источник (донесения посла при русском дворе госсекретарю Великобритании), автор впервые детально анализирует процесс переговоров, показывая их внутреннюю «кухню», основываясь на депешах дипломата, что позволяет определить, какую позицию занимала каждая из сторон и какие цели преследовала. Обращается внимание на сложный характер переговоров, трудности, с которыми приходилось сталкиваться дипломатам обеих стран при обсуждении ряда вопросов (порядок выплаты и размер субсидий, выбор командирского состава, расходы на продовольствие и лечение военных из состава русского корпуса и др.). Как показал анализ донесений Гиндфорда и депеш госсекретаря, упорство в достижении целей, преследование исключительно собственных интересов, твердость позиции, а также шантаж и подкуп — все это использовала британская дипломатия в переговорном процессе. В свою очередь, русское правительство, в лице императрицы Елизаветы Петровны и канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, настойчиво и последовательно отстаивало интересы России. Благодаря заключению субсидных конвенций, обеспечивших поддержку Британии и Нидерландам, война за Австрийское наследство вскоре завершилась, однако Россия от нее ничего не выиграла.

Ключевые слова: Великобритания, Россия, война за Австрийское наследство, Георг II, императрица Елизавета Петровна, А.П. Бестужев-Рюмин, посол Дж. Гиндфорд, двусторонние переговоры, субсидные конвенции 1747 г.

T.L. Labutina

Russia in War for Foreign Interests: Negotiations Between British and Russian Diplomats on the Subsidy Conventions of 1747

Tatiana Labutina, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: tlabutina2007@yandex.ru

Scopus Author ID: 54883697400; ORCID: 0000-0003-2609-4175

Abstract. In 1740–1748, the War of the Austrian Succession took place in Europe, which involved France, Britain, Prussia, Austria and a number of other countries seeking to conquer territories both within and outside Europe. In 1748, Russia, which had no such objectives, also entered the war. In fact, Russia had been drawn into the war by Great Britain through the signing of the three Subsidy Conventions of 1747. This involved the use of a Russian military corps by the British in return for the payment of monetary subsidies. The British Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, John Carmichael, 3rd Earl of Hyndford, was a witness to these events and also one of the principal negotiators of the conventions. Drawing on reports from the Ambassador to the Russian court to the British Secretary of State, the author provides the first detailed analysis of the negotiation process, showing its inner workings through the diplomat's reports, which allows one to determine which position each side took and what goals they were pursuing. Attention is drawn to the complex nature of the negotiations and the difficulties that diplomats on both sides had to face in negotiating a number of issues, including the manner and amount of subsidies, the choice of commanders, the cost of supplies and medical treatment for troops from the Russian corps, etc. This issue is addressed for the first time in historical scholarship. As analysis of both Hyndford's reports and the Secretary of State's dispatches demonstrates, persistence in pursuing objectives, the pursuit of one's own interests alone, firmness of position, as well as blackmail and bribery, were all used by British diplomacy in the negotiation process. In turn, the Russian government, represented by Empress Elizabeth Petrovna and Chancellor Alexey Bestuzhev-Rumin, persistently and consistently defended the interests of the Russian Empire. Through the subsidy conventions, which provided support for Britain and the Netherlands, the War of the Austrian Succession soon came to an end, but as a result Russia was not among the beneficiaries.

Keywords: Great Britain, Russia, War of the Austrian Succession, George II, Empress Elizabeth Petrovna, Alexey Bestuzhev-Ryumin, Ambassador John Hyndford, bilateral negotiations, subsidy conventions 1747.

«Мы должны пользоваться этой страной
(Россией) в наших интересах»
(из депеши британского посла Дж. Гиндфорда)

В 1740 г. в Европе разгорелась война за Австрийское наследство, в которую с 1748 г. оказалась втянута и Россия. Что этому событию предшествовало? Как данный конфликт затронул Российскую империю и Великобританию? Какие цели преследовала каждая из сторон в переговорах о субсидных конвенциях в 1747 г.? Ответам на эти и ряд других вопросов, связанных с участием России в войне, посвящена данная статья.

Напомним, что предпосылкой для начала войны послужила Прагматическая санкция 1713 г., согласно которой закреплялись нераздельность наследственных земель Габсбургов, а также порядок престолонаследия (в случае отсутствия сыновей у императора Священной Римской империи Карла VI Габсбурга престол должен был перейти к одной из его дочерей). Однако после смерти Карла VI (20 октября 1740 г.), не оставившего мужского потомства, наследственные права его дочери Марии Терезии стали оспариваться. О своих претензиях на австрийский престол заявили курфюрст Баварии Карл Альбрехт, испанский король Филипп V, а также прусский король Фридрих II. В ноябре 1740 г. Фридрих II высказал готовность признать законной правительницей Марию Терезию в обмен на уступку ему Силезии, но получил категорический отказ. 16 декабря 1740 г. прусская армия вторглась в Силезию. Так началась война за Австрийское наследство. У каждого из участников конфликта, за исключением России, имелись свои интересы и цели, направленные главным образом на завоевание территорий как в Европе, так и за ее пределами. Тем не менее Российская империя оказалась вовлеченной в войну. Как и почему это произошло?

В декабре 1740 г. Пруссия заключила союзный договор с Россией, затем последовало заключение аналогичных договоров с Францией и Баварией, что и позволило Пруссии беспрепятственно вторгнуться в Силезию. В результате Россия, как отмечали историки, оказалась «в двусмысленной ситуации союза с обоими враждующими государствами и

не могла активно противостоять этой агрессии, не нарушая при этом договора с Пруссией»¹. В первые годы конфликта России удавалось сохранять нейтралитет. Пруссия, воспользовавшись этим, вторглась в Саксонию и Богемию. В 1741–1743 гг. Россия вела войну со Швецией. Фридрих II отказал в военной помощи России в этом конфликте, как того требовал союзный договор, ссылаясь на то, что он не был ратифицирован. В результате русско-пруссские отношения заметно ухудшились. Летом 1744 г. Пруссия возобновила войну с Австрией, а спустя год нанесла ей и Саксонии серьезное поражение. Значительно продвинувшись в глубь Прибалтики, прусские войска стали угрожать северо-западным границам России. В этой связи императрица Елизавета Петровна 3 октября 1745 г. приняла решение оказать Саксонии военную помощь, передислоцировав войска общей численностью в 50 тыс. человек из Лифляндии и Эстляндии в Курляндию. 22 мая 1746 г. Австрия и Россия заключили союзный договор сроком на 25 лет. По его условиям предусматривалось оказание военной помощи (20 тыс. пехоты, 10 тыс. конницы) в случае, если союзник подвергнется нападению со стороны третьей державы. Осенью 1746 г. Россия разорвала дипломатические отношения с Пруссией, а также с Францией. А в 1747 г. императрица подписала с Великобританией три субсидные конвенции (особый вид союзного договора, условия которого предусматривали содержание войск одной из договаривающихся сторон, предоставленных ей другой стороной). Подписание этих конвенций и союзного договора с Австрией ослабили позиции Пруссии и ее союзников. В январе 1748 г. русский корпус под командованием генерала князя В.А. Репнина двинулся через Германию к Рейну на помощь Англии и Голландии. Пруссия признала свое поражение. В октябре 1748 г. был подписан Ахенский мирный договор, завершивший войну за Австрийское наследство.

Поскольку российские войска не принимали непосредственного участия в боевых действиях, быть может, именно этим обстоятельством объясняется слабый интерес отечественных историков к данному событию? Во всяком случае, участие России в войне за Австрийское наследство не нашло должного освещения даже в академических изданиях 1994 и 2019 гг.² Впрочем, и сама война изложена в данных томах крайне лапидарно. Среди работ, посвященных непосредственно событиям войны за Австрийское наследство, можно указать труды А.М. Ардабацкой, Б.Л. Мотгомери, М.Н. Алексеевой, С.Г. Нелиповича и др.³ Об участии России в конфликте писали Н.Н. Яковлев, Ю.С. Медведев, М.Ю. Анисимов, Е.М. Собко⁴. Ученые единодушны во мнении, что, хотя Ахенский мирный договор и стал лишь временным перемирием и прелюдией к новой европейской Семилетней войне (1756–1763), Российская империя после завершения конфликта сумела укрепить свой статус в качестве одной из ведущих стран европейской политики. И, как утверждал американский историк Б. Рид, «силу этой гигантской восточной страны... стали... ощущать и в Версале, и в Лондоне»⁵.

Одним из свидетелей событий, связанных с войной за Австрийское наследство, а также активным участником переговоров о субсидиях в 1747 г. оказался британский посол

¹ Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск 860–1914 гг. // www.runivers.ru...v_voynе_zа_avstriyskoe_nasledstvo...gg (дата обращения: 09.12.2022).

² История Европы. Т. 4. История Нового времени (XVII–XVIII века). М., 1994. С. 440–444; Всемирная история. Т. 4. Мир в XVIII веке. М., 2019. С. 530–532.

³ Ардабацкая А.М. Из истории борьбы с прусской агрессией в 40-е гг. XVIII в. // Ученые записки Саратовского университета. Т. 66. Саратов, 1958; Ненахов Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. М., 2002; Мотгомери Б.Л. Краткая история военных сражений. М., 2004; Алексеева М.Н. Английская дипломатия в годы войны за австрийское наследство 1740–1748 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2005; Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов. Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010.

⁴ Яковлев Н.Н. Европа накануне Семилетней войны. М., 1997; Медведев Ю.С. Русско-английские отношения в середине XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; Анисимов М.Ю. Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны. 1741–1761 гг. М., 2020; Собко Е.М. Россия и война за Австрийское наследство. 1740–1750. М., 2021.

⁵ Цит. по: Военные конфликты...

лорд Дж. Гиндфорд. Именно на его плечи легла подготовка и ратификация трех субсидных конвенций, заключенных Великобританией и Россией. О том, как это происходило, мы узнаем из депеш посла в Лондон. Но вначале несколько слов о самом дипломате. Джон Кармайкл, 3-й граф Гиндфорд (John Carmichael, 3rd Earl of Hynndford), родился 15 марта 1701 г. в Эдинбурге в семье бригадного генерала Дж. Кармайкла. Свою карьеру он начал в пехотном гвардейском полку, получив чин капитана в 1733 г. Он не был обделен и аристократическим «ростом»: виконт, граф, баронет, барон, пэр Шотландии. Впечатляли должности, которые занимал граф Гиндфорд: верховный комиссар Генеральной ассамблеи церкви Шотландии, лорд-лейтенант Ланкашира. С 1742 г. началась его дипломатическая деятельность. Вначале он был назначен послом в Пруссию. По-видимому, эта миссия оказалась успешной, что способствовало его возведению в звание рыцаря Чертополоха. После Пруссии Гиндфорд в должности посла прибыл в Россию, где провел около шести лет, с 1744 по 1750 г. В 1747 г. его избрали в парламент в числе 16 пэров от Шотландии. Таков был послужной список посла Великобритании, прибывшего ко двору императрицы Елизаветы Петровны.

В начале января 1746 г. в одной из депеш в Лондон Гиндфорд сообщал о подготовке России к войне с Пруссией. Императрица, писал он, «усердно» занялась изданием указов о ремонте, снабжении и вооружении галер, из Москвы подтягивается тяжелая артиллерия, мобилизованы 30 тыс. рекрутов и 40 тыс. казаков и калмыков. Для покрытия расходов на военные нужды потребовалось по всей империи значительно увеличить налоги. «Думаю, — писал Гиндфорд, — что она (императрица. — Т.Л.) предпринимает все это из предосторожности по отношению к королю прусскому, который за последнее время применяет по отношению русского двора выражения крайне непочтительные и даже угрожающие»⁶.

4 ноября 1746 г. Лондон направил лорду Гиндфорду зашифрованное послание с требованием немедленно войти «в самые секретные переговоры с русским двором о предоставлении ...корпуса русских войск, числом не более 30 тыс. человек, готовых... к походу или посадке на корабли для употребления в действие в тех пунктах и для тех целей, которые укажет его королевское величество»⁷. От посла требовалось выяснить, на каких условиях императрица могла бы предоставить этот корпус для действий на Рейне, Мозеле или в Нидерландах и какие требования она предъявит, если войска останутся в боевой готовности на границах Лифляндии. При этом госсекретарь просил Гиндфорда постараться заключить подобный договор на возможно «легких условиях».

2 декабря 1746 г. лорд Гиндфорд докладывал госсекретарю о своем разговоре с канцлером А.П. Бестужевым по поводу требуемого королем русского корпуса. По мнению канцлера, для посадки на корабли 30 тыс. человек потребуются все имеющиеся в России галеры, которые должны будут остаться в месте высадки войск, за неимением гребцов для обратного плавания. В результате императрица вынуждена будет построить вместо них новые галеры, что приведет к большим затратам, да и времени немного, чтобы успеть снарядить и вооружить эти галеры для защиты русских берегов. «Тогда я указал на возможность присылки королем транспортов в Ригу, Ревель и другие порты Курляндии для принятия войск на эти суда», — продолжал посол. На это Бестужев возразил: «Вы знаете, какие затруднения возникли бы при соглашении относительно ...нынешних судов ...и, кроме того, русские войска недолголюбивают моря, в особенности если не могут каждый вечер приставать к берегу, варить себе пищу». Тут Гиндфорд поинтересовался у канцлера возможностью сухопутного похода корпуса через Польшу с тем, чтобы за два зимних месяца он смог достигнуть Богемии. «Как кажется, эта мысль улыбнулась канцлеру, и я

⁶ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 1–2.

⁷ Там же. С. 119–120.

обещал доставить ему точный маршрут в случае, если и другие условия будут приняты», — заключал посол⁸. Примечательно, что для ускорения принятия желаемого договора Гиндфорд, по сути дела, стал шантажировать канцлера, заявляя, что, если русский двор не придет к скорому согласию с королем, у него имеются в виду и другие войска, по поводу которых он начнет переговоры.

Между тем на полях сражений французы активно атакывали англичан, и, естественно, британская дипломатия все настойчивее начала добиваться принятия конвенции о вспомогательном корпусе. Гиндфорд признавал, что французский двор и его союзники «ничего так не боятся, как похода корпуса русских войск, и что, как скоро этот корпус ...получил бы приказ выступить в поход на Рейн или Мозель, Франция тотчас заговорила бы иным языком»⁹.

Как видно, англичане были крайне заинтересованы в заключении с Россией конвенции о вспомогательном корпусе. А для этой цели в ход шли любые средства, включая подкуп высокопоставленных чиновников, в том числе канцлера Бестужева, а также шантаж, что стало очевидным из переписки посла со своим руководством в Лондоне. Чтобы подтолкнуть Россию к скорейшему заключению конвенции, англичане пытались спровоцировать нападение русских на Финляндию и тем самым обострить конфликт со Швецией, чтобы русские затем ввязались в прямые военные столкновения. 16 января 1747 г. госсекретарь лорд Честерфилд потребовал от посла убедить русский двор направить войска в Финляндию, где шведов очень мало и они вряд ли смогут оказать даже самое незначительное сопротивление. Тем самым, продолжал госсекретарь, будет ослаблен союз Франции и Пруссии, в который пытаются привлечь и Швецию. Примечательно, что аналогичные предложения англичане делали России неоднократно¹⁰. При этом они не желали афишировать своих намерений относительно вовлечения России в конфликт со Швецией. «Король весьма близко принимает к сердцу, чтобы императрица ...по отношению к Швеции... употребила бы все свои силы для самых быстрых решительных мер, — писал госсекретарь, — однако в то же время король не желал бы ...какого-либо официального акта об этом ...который впоследствии мог бы быть предъявлен». Честерфилд просил посла, чтобы эта информация «когда-либо не обнаружилось», ибо сведения о ней могут вызвать «дурное впечатление» и привести к плохим последствиям¹¹. Однако, как показали дальнейшие события, из затеи англичан вовлечь Россию в войну со Швецией ничего не получалось.

Начавшиеся в конце 1746 г. переговоры британской и российской сторон по поводу предоставления англичанам вспомогательного корпуса русских войск поначалу шли, на взгляд Гиндфорда, вполне успешно. Посол надеялся, что Англия очень скоро получит корпус войск для действий против Франции сухим путем. «Хотя это и будет стоить дороже, чем морем, — пояснял посол, — но принесет больше пользы общему делу, чем содержание удвоенного числа войск на границах с Пруссией»¹². Гиндфорд также упомянул, что началось обсуждение кандидатур офицеров, которым предстояло командовать войсками. Он отмечал, что российская армия испытывает «сильный недостаток в опытных офицерах», и потому царица не допустит, чтобы лучшие из них покинули Россию. Бестужев предложил, чтобы корпусом командовал генерал-фельдмаршал П.П. Ласси, однако императрица не согласилась, утверждая, что он единственный, на кого она в случае необходимости может положиться. Гиндфорд же продолжал настаивать на кандидатуре Ласси. Примечательно, что британский посол обсуждал с канцлером кандидатуры и других офицеров, которым предстояло командовать корпусом, и всякий раз ему удавалось добиться назначения желательной ему кандидатуры.

⁸ Там же. С. 132–133.

⁹ Там же. С. 213.

¹⁰ Там же. С. 199.

¹¹ Там же. С. 230–231.

¹² Там же. С. 138–139.

Более сложным на переговорах оказался вопрос о размере субсидии. Послу стало известно, что русский двор намерен потребовать за свой корпус около 375 тыс. ф. ст. Помимо 36 тыс. человек пехоты, императрица предлагала предоставить еще 2 тыс. гусар и 2 тыс. драгун, которые, на взгляд Гиндфорда, являлись для Англии «совершенно излишними». Посол сетовал, что возникло еще одно затруднение, касающееся средств, помимо оговоренных субсидией, выделенных на снабжение войска мясом, хлебом, крупами, а также фуражом для лошадей¹³. Наиболее ожесточенные споры по вопросу субсидии развернулись между сторонами в 1747 г. 6 января лорд Честерфилд направил Гиндфорду депешу, в которой советовал использовать для большей сговорчивости императрицы (чтобы она в своих требованиях была «умеренна и разумна») напоминание о существующем между государствами оборонительном договоре 1741 г. Согласно его условиям, король при нападении на свои владения (речь шла о Ганновере) имел право требовать от императрицы оказания ему военной поддержки, либо выплаты ежегодной суммы в 100 тыс. ф. ст.¹⁴ Однако императрица не исполнила ни одного из этих обязательств. «Это послужит вам аргументом для облегчения условий, выставленных русским двором, — писал госсекретарь Гиндфорду, — ибо, хотя король формально и не предъявлял царице своих требований... но вышеупомянутое право короля остается в силе, и обращение его к императрице с предложением последнего договора ...является со стороны короля лишь одолжением императрице». Исходя из этого, продолжал лорд Честерфилд, король надеется, что субсидия будет исчислена «самым справедливым и умеренным образом»¹⁵.

В ответном письме Гиндфорд сообщал, что русский двор получил из Парижа информацию: прослышав о переговорах по поводу корпуса войск, «очень убедительно и в самых смиренных выражениях» французы просили русского посла ходатайствовать перед императрицей, чтобы она не уступала своих войск для действий против их короля. Взамен Франция готова была предложить за «нейтралитет и бездействие» императрицы такую же субсидию, о какой она ведет переговоры с английским королем. Эта новость не на шутку взволновала британского посла. «Вы видите, как необходимо во что бы то ни стало скорее заключить какой-либо договор с русским двором», — писал он госсекретарю, тем более что императрица убеждена, что король согласится на ее требования, и уже отдала приказ трем полкам двинуться в Курляндию. «Через несколько недель вся армия будет в движении», — заключал Гиндфорд¹⁶.

Аргументы посла не были услышаны в Лондоне. Лорд Честерфилд писал Гиндфорду, что король готовится к будущей кампании и ему предстоят большие затраты, так как армия Великобритании во Фландрии должна насчитывать 140 тыс. человек. В этой связи король вряд ли согласится взять русское войско к себе на жалованье. Скорее всего, он предоставит «умеренную субсидию» за войска, находящиеся на границах Курляндии и Лифляндии. В последующей депеше госсекретарь передал Гиндфорду приказ короля предложить императрице за 30-тысячный корпус «окончательно» 100 тыс. ф. ст. Хотя король и считал указанную сумму «вполне достаточной за требуемую услугу», тем не менее он понимал, что императрица может на нее не согласиться. Поэтому Георг II предпочитал скорее ограничиться корпусом в 20 тыс. человек, нежели увеличить денежную выплату и оставить все войска в Лифляндии «в состоянии бездействия». Госсекретарь также полагал, что предложенная субсидия в 100 тыс. ф. ст. за корпус войск, который уже находится там, где ему и должно быть, явится «выгодной сделкой» для России.

Однако русский двор так не считал. 11 марта 1747 г. посол посетил канцлера, с которым подробно обсудил все пункты подготовленного договора о корпусе. Гиндфорд застал

¹³ Там же. С. 159–160.

¹⁴ Подробнее см.: Лабутина Т.Л. Стратегия и тактика британской дипломатии на переговорах о союзном договоре с Россией 1741 г. // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 2. С. 51–65.

¹⁵ Донесения и другие бумаги английских послов... С. 176.

¹⁶ Там же. С. 191–192.

канцлера в дурном расположении духа. Бестужев передал послу жалобы императрицы на громадные издержки, которые она понесла, чтобы произвести набор армии и привести ее в состояние готовности для поддержки короля и его союзников, а взамен получила холодный ответ. К сказанному канцлер прибавил, что, если бы императрица пожелала, она могла бы получить 400 тыс. ф. ст. от Франции единственно лишь за сохранение нейтралитета. Как видно, Бестужев хорошо понимал, чем можно повлиять на ускорение принятия решения английским правительством. Беспокоили англичан также интриги Пруссии, которая вместе с Францией и Швецией планировала заключить тройственный союз и привлечь к нему Россию. Все это побуждало Великобританию добиваться скорейшего передвижения русского корпуса к границам ее противников.

В конце марта 1747 г. лорд Гиндфорд докладывал госсекретарю, что получил от канцлера меморию и контрпроект для пересылки в Лондон. «Они (русские. — *Т.Л.*) не могут до сих пор успокоиться от разочарования в той большой субсидии, которую ожидали», — признавал посол¹⁷. Он надеялся, что императрица согласится уменьшить размер субсидии на полмиллиона за 50 тыс. рекрутов, но будет настаивать на обеспечении армии рационами и порциями, за исключением тех мест, где войска смогут снабжать себя сами.

Вскоре Гиндфорд получил от госсекретаря указ короля о предоставленных ему полномочиях заключить с русским двором «этот важный договор». Вместе с тем Честерфилд требовал от посла не соглашаться на выплату субсидии за весь календарный год, поскольку корпус войск предполагает начать подготовку к выступлению лишь с середины года. «Ваше превосходительство от имени его величества должны упорно настаивать на службе этих войск в продолжение целого года со времени подписания вами конвенции, — наставлял посла Честерфилд, — и король желает даже, чтобы в крайнем случае вы угрожали им прекратить все переговоры»¹⁸.

Подобное распоряжение короля вызвало большое недовольство русского двора. При беседе с канцлером, которого посол застал «в таком большом волнении, как никогда не видел его за все время знакомства», Гиндфорд узнал, что императрица возмущена отказом короля субсидировать ее корпус в течение года. Ради пользы общего дела, продолжал канцлер, она с большими для себя затратами около двух лет содержала свои войска на границах, но теперь у нее наконец-то открылись глаза, и она немедленно отзовет свои войска и расквартирует их во внутренних областях империи при гораздо меньших затратах. Ну, а в будущем императрица будет лучше знать, как вести переговоры с англичанами. Посол выслушал канцлера «со своим обычным хладнокровием» и заявил, что субсидный договор не может иметь обратной силы, а выплата должна последовать со дня ратификации. После этих слов Бестужев бросил на пол документ с изменениями контрпроекта и заявил: «Клянусь Богом, 12 000 человек, которые... уже выступили в Курляндию, немедленно будут отозваны, и таким образом... императрица сохранит себе войска и затраты по отправке галер, которые готовы уже комплектоваться числом, указанным в проекте»¹⁹. На этом собеседники, недовольные результатом беседы, расстались.

Последней каплей, подтолкнувшей Лондон к завершению подписания конвенции о субсидии, явилась информация о заключении и подписании тройственного союза между Францией, Швецией и Пруссией и желании его участников пригласить присоединиться к нему русскую императрицу. 12 июня 1747 г. в Петербурге была подписана первая русско-английская союзная субсидная конвенция, которая явилась, по сути дела, дополнением и дальнейшим развитием союзного договора, заключенного между Англией и Россией. По условиям субсидной конвенции, Россия была обязана выставить на границах с Лифляндией корпус в 30 тыс. человек (20 тыс. пехоты и 10 тыс. конницы) и

¹⁷ Там же. С. 251.

¹⁸ Там же. С. 280.

¹⁹ Там же. С. 308–309.

от 40 до 50 галер в портах Курляндии. Великобритания, в свою очередь, одновременно выплачивала России 100 тыс. ф. ст. на содержание войска²⁰.

Казалось бы, на этом можно было бы поставить точку, так как эпопея с субсидным договором завершилась. Однако в конце августа 1747 г. Георг II обратился к императрице с просьбой о заключении новой субсидной конвенции. «В настоящее время я имею удовольствие сообщить вашему сиятельству, — докладывал посол Честерфилду, — что вопрос касательно второго корпуса в 30 000 человек, предназначенного для употребления на Рейне или во Фландрии, решен»²¹. Указанный корпус предполагалось использовать главным образом во Фландрии, и потому Голландия должна была взять на себя половину расходов на субсидию и содержание русских войск. 19 ноября 1747 г. конвенция была подписана, но войска императрицы не спешили выступать в поход. Причиной тому были все еще существующие осложнения в переговорах. Прежде всего у сторон возникли споры по поводу снабжения войск. Гиндфорд информировал госсекретаря, что сложно убедить императрицу доверить своим генералам отвечать за обеспечение продовольствием войск, поэтому морские державы должны своевременно озаботиться о комиссарах для снабжения. Король был готов договориться с голландцами о своей доле в издержках в случае использования войск во Фландрии, но если их отправят на Рейн, то желательно, чтобы подобные расходы взял на себя венский двор. Наконец, издержки по снабжению корпуса при движении через Польшу должна покрыть императрица²². Как видно, сами англичане попытались уклониться от обязательства по снабжению корпуса продовольствием.

Тем не менее вопрос об уступке морским державам второго корпуса в 30 тыс. человек был решен русским двором положительно, что порадовало короля. 7 октября Гиндфорд и голландский посол Шварц подали канцлеру проект договора между королем, императрицей и Генеральными Штатами о корпусе войск с некоторыми изменениями. В зашифрованной депеше Честерфилд разъяснял послу, что англичан устроит, если второй русский корпус в 30 тыс. человек будет «в полном наличном составе, вооружен и готов выступить в установленное время». Что же касается расходов на общее содержание этого корпуса морскими державами, то послу будут сообщены принятые меры. Примечательно, что госсекретарь предполагал: подобные меры вызовут споры при переговорах «с таким корыстолюбивым, заносчивым и недоверчивым двором, как русский»²³.

И действительно, русская сторона высказала ряд замечаний по проекту второй конвенции, с которыми теперь уже не согласился король. Георг II, во-первых, высказал свои возражения по поводу руководства вторым корпусом. Если русские предлагали сделать его самостоятельным, независимым от главнокомандующего союзной армией, то англичанам это представлялось невозможным. Во-вторых, король не желал принимать на себя расходы по содержанию корпуса в случае, если голландцы не смогут оплатить свою часть субсидии. Цель подобного соглашения, как утверждал Честерфилд, заключалась в том, чтобы сделать короля раз и навсегда «ответственным за все, что совсем неуместно, так как эти переговоры начаты с его величеством и республикой во всем на общих и равных условиях»²⁴.

В свою очередь, русский двор довел до сведения британского посла, что императрица, помимо оговоренной субсидии в 100 тыс. ф. ст., ожидает от короля выплаты еще 300 тыс. ф. ст. на продовольствие для войск. Подобные требования Гиндфорд расценил как «чрезвычайные». Бестужев же на это отвечал, что если этот корпус войск потребуется к походу, то он будет состоять не из 30 тыс. человек, а из 70 тыс. Примечательно, что во время беседы с канцлером посол не стал сообщать ему о намерении шведов послать в Финляндию дополнительно еще 5 тыс. человек, полагая, «русские поспешат занять скорее княжество

²⁰ История внешней политики России. XVIII век (От Северной войны до войны России против Наполеона). М., 1998. С. 99.

²¹ Донесения и другие бумаги английских послов... С. 383.

²² Там же. С. 384–385.

²³ Там же. С. 417.

²⁴ Там же. С. 423–424.

Финляндское, а императрицу могут убедить не давать морским державам войск, получить которые мы теперь желаем»²⁵. Опасения лишиться желанного корпуса вновь возникли у посла, когда он узнал о реакции императрицы на сообщение из Лондона от графа Чернышева, что король и парламент, несомненно, согласились бы на большую субсидию, чем та, которую она потребовала. Елизавета Петровна была очень огорчена данным известием, поскольку потеряла немало средств для подготовки корпуса. Возможно, этим обстоятельством объяснялось выдвинутое ею требование уплаты англичанами 100 тыс. ф. ст. «единовременно и тотчас после обмена ратификаций». Однако посол, следуя рекомендациям своего двора, продолжал настаивать на своем способе уплаты до тех пор, пока будет рассчитывать на «малейшую возможность одержать верх».

Король велел послу после подписания конвенции, не дожидаясь обмена ратификаций, потребовать от России немедленной отправки второго корпуса в поход в Нидерланды. Если же Гиндфорд заметит у русского двора «малейшие признаки желания замедлить ...движение этих войск», то Георг II может посчитать себя не обязанным ратифицировать конвенцию²⁶. Как бы то ни было, но 19 ноября 1747 г. договор был подписан, причем, по словам Гиндфорда, «на самых лучших условиях», какие ему удалось добиться от русского двора. Россия предоставляла Англии и Голландии 30-тысячный вспомогательный корпус с вооружением и артиллерией на два года за ежегодную субсидию в размере 300 тыс. ф. ст. Указанный договор, по признанию российских историков, означал втягивание России в военные действия в Европе²⁷.

Подписание конвенции не исключило тем не менее споров в дальнейших переговорах двух сторон. Если англичанам удалось отстоять пункт о непризнании независимого командования русским корпусом, то в вопросе о продовольствии для своих войск императрица была непреклонна. «В вопросе о пайках, а в особенности же о порциях, здешний двор зашел по отношению к нам чересчур далеко, — признавал Гиндфорд, — ибо в своих статьях о сене, крупе и соли он обязал нас гораздо более, чем венский двор по последнему договору»²⁸. Британская сторона возражала также против того, чтобы Англия и Голландия гарантировали обе вместе и каждая в отдельности уплату субсидии. Однако канцлер Бестужев заявил, что императрица не захочет признать Нидерланды равной договаривающейся стороной, поскольку между ними и ее двором не существует никакого договора. Гиндфорду ничего не оставалось, как согласиться на условия русского двора.

Не прошло и месяца со дня подписания второй англо-русской конвенции, как король Великобритании обратился к императрице с предложением о заключении очередной субсидной конвенции, продлевавшей срок действия первой. Третья субсидная конвенция была подписана 9 декабря 1747 г. Особый интерес в ней представляла секретная статья, согласно которой русские войска, расположенные на границе Лифляндии, должны были быть использованы для защиты от Пруссии Ганновера или владений Австрии. В депеше в Лондон Гиндфорд обращал внимание на то, что императрица согласилась на секретную и секретную статью, предполагавшую, если Пруссия нападет на короля и его союзников, немедленную атаку наблюдательного корпуса на нее. «По моему скромному мнению, милорд, — писал посол Честерфилду, — статья эта стоит всей остальной конвенции и так важна для общего дела»²⁹.

Чем же объяснялась важность данной статьи? Оказывается, уменьшением размера субсидии при увеличении численности корпуса. Если возникнет необходимость привлечь корпус к военным действиям, пояснял Гиндфорд, то его доукомплектуют еще 30 или 40 тыс. человек, «не установленных по конвенции», а кроме того будут добавлены 40 или 50 галер. «Поэтому, если русский двор потребует сравнительно большую субсидию, чем за 30 000 человек, и даст нам вдвое более, чтобы сразу нанести удар, то в таком

²⁵ Там же. С. 429.

²⁶ Там же. С. 447.

²⁷ История внешней политики России. XVIII век. С. 99.

²⁸ Донесения и другие бумаги английских послов... С. 461.

²⁹ Там же. С. 469.

соотношении это будет весьма дешево», — заключал посол³⁰. Позже выяснилось, что общая численность русского корпуса составила 40 598 человек, помимо персонала, обслуживающего полевую артиллерию.

И все же британская сторона осталась недовольна тем, что в ряде случаев пришлось пойти на уступки русскому двору. «Я был обязан заключить договор на условиях, продиктованных этим двором, — жаловался Гиндфорд госсекретарю, — который вместо того, чтобы вести переговоры честно, насильно навязал нам свой ультиматум. Я вовсе не удивлен, что русские постарались возможно более из нас извлечь выгоды»³¹. Он объяснял свое согласие на подписание документа тем, что императрица грозила «порвать все», если посол не согласится на каждое из ее требований.

11 декабря 1747 г., т.е. спустя два дня после подписания документа, не дожидаясь его ратификации, русские войска уже были сосредоточены на границе. 25 декабря лорд Честерфилд извещал посла о ратификации королем субсидного договора и поздравлял его со счастливым и удачным завершением столь важных переговоров.

Приготовления к походу корпуса русских войск шли полным ходом. Как извещал свое руководство посол, генерал-фельдмаршал Ласси направил в Польшу комиссаров с 60 тыс. талеров для наполнения провиантских магазинов. Руководство Польши объявило, что оно не только согласно на проход этих войск, но даже снабдит их всем необходимым. Таким образом, все было готово для выступления, оставалось лишь получить оговоренные конвенцией деньги из субсидии. Однако здесь возникли затруднения: англичане не спешили с выплатой, что приводило российскую сторону в недоумение. Между тем свое возмущение несговорчивостью русского двора высказывал госсекретарь Великобритании. В зашифрованном послании лорду Гиндфорду от 12 января 1748 г. он заявлял, что в переговорах с русским двором английская сторона в действительности «имела дело с ростовщиками и вымогателями, расчеты которых и стремления к выгоде не имеют ни основания, ни пределов»³². Тем не менее императрица не уступала. Она дождалась ратификации договора Нидерландами.

Сообщение о ратификации договора Гиндфорд получил 22 января 1748 г. На следующий день он отправил депешу в Лондон, где сообщал, что приказ на выступление войск в поход отправлен. «Это — цвет всей русской армии», — писал он, характеризуя офицеров и нижних чинов³³. 28 января после ратификации договора английской стороной (императрица согласилась ратифицировать договор в марте 1748 г.)³⁴ корпусу был отдан приказ выступить в поход. «Теперь же считаю за особое удовольствие поздравить ваше сиятельство со счастливым окончанием этого полезного дела», — докладывал Гиндфорд госсекретарю³⁵.

В одной из депеш посол откровенно пояснял, какую выгоду англичане получают, используя русские войска. Он считал возможным «сразу, может быть, в одну кампанию или даже без боя» окончить эту продолжительную и требующую больших расходов войну. «Ибо я склонен думать, — продолжал посол, — что Франция, вместо того чтобы вновь пытаться тревожить его величество в его британских владениях... попросила бы мира ценой своих новых побед и своих колоний в северной Америке». Кроме того, продвижение русских убедит голландцев объявить войну Франции. А если императрица сможет набрать еще 50 тыс. рекрутов, которых будет содержать на границах Курляндии и Лифляндии в продолжение всей войны, что явится «достаточной угрозой шведам и пруссакам», то это

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 475.

³² Там же. С. 509.

³³ Там же. С. 511.

³⁴ Там же. С. 561.

³⁵ Там же. С. 514.

принесет некоторое «косвенное преимущество» для короля «при привлечении здешнего двора к участию в его интересах»³⁶.

Русские войска продолжали быстро продвигаться, чем приводили в восхищение англичан. Гиндфорд в депеше от 19 марта 1748 г. обращал внимание на то, что они делают переходы в течение пяти дней без всякого отдыха. Между тем, по мере продвижения русского корпуса к Рейну, все больше обозначались спорные вопросы между Россией и Англией и их союзниками, которые отчасти были вызваны, как отмечал в своей диссертации Ю.С. Медведев, «техническими» вопросами, а также отчасти изменением курса британской политики³⁷. Споры между сторонами по поводу снабжения русского корпуса продовольствием, начатые еще в августе 1747 г., продолжались и в последующие месяцы³⁸. Король категорически отказывался оплачивать его снабжение. В свою очередь, императрица утверждала, что не допустит двинуться ни одному солдату, пока не будет разрешен вопрос о содержании корпуса. Англичане попытались переложить оплату за снабжение войск на голландцев, когда была достигнута договоренность о заключении второй конвенции. Наконец, стороны пришли к следующему соглашению: за время прохода русских войск по территории Польши к границам Силезии продовольствие в размере 150 тыс. талеров им оплатит Голландия и 100 тыс. ф. ст. — Англия³⁹. В дальнейшем британская сторона взяла на себя голландскую часть выплат. Однако на этом споры не завершились. Так, военные комиссары, назначенные от морских держав в русский экспедиционный корпус, требовали, чтобы больные оставались при корпусе, а если они попадали в госпиталь, то их содержание там требовало дополнительной платы, которую должна была взять на себя российская сторона. По мнению же Петербурга, это противоречило 10 артикулу конвенции и платить должны были англичане. Между сторонами возникли также споры по поводу выдачи «сечки» — рубленой соломы, необходимой для конницы. Поскольку «сечка» не выдается ни английским, ни союзным войскам в Европе, то и Россия, утверждали англичане, не имеет права требовать ее включения в рацион⁴⁰. Споры между сторонами продолжались вплоть до 1749 г., пока русский корпус не встал на квартиры в австрийской части Силезии.

Противодействие Англии и России, как мы могли убедиться, возникали каждый раз и тогда, когда британская сторона настаивала на выдвигании русского корпуса в поход до уплаты субсидии. Российская дипломатия этому всячески противилась⁴¹. Примечательно, что, ведя переговоры о субсидных конвенциях, англичане не скрывали своих намерений и целей. Об этом совершенно откровенно высказался Гиндфорд: «Так как *мы должны пользоваться этой страной в наших интересах* (выделено нами. — Т.Л.), а не в ее, — писал посол в депеше 19 декабря 1747 г., — то и должны принимать ее (Россию. — Т.Л.) со всеми ее недостатками». В то же время, продолжал Гиндфорд, поскольку русский двор будет вовлечен в дело (читай, в войну), то он будет «более сговорчивым и деятельным»⁴². Главное, чтобы Россия, участвуя в военных действиях, защищала интересы Великобритании. Таким образом, стратегия и тактика британской дипломатии в переговорном процессе с Россией преследовала исключительно достижение интересов англичан. Мнение союзников в расчет не принималось.

Как бы то ни было, несмотря на все усилия англичан втянуть Россию в войну, императрица Елизавета Петровна себя воюющей стороной не считала. Она, как утверждал Гиндфорд, «лишь косвенно приняла участие в войне, доставив морским державам корпус

³⁶ Там же. С. 520.

³⁷ Медведев Ю.С. Указ. соч. С. 26.

³⁸ Донесения и другие бумаги английских послов... С. 405–406.

³⁹ Там же. С. 433.

⁴⁰ Медведев Ю.С. Указ. соч. С. 27.

⁴¹ Донесения и другие бумаги английских послов... С. 481, 485–488.

⁴² Там же. С. 490.

субсидных войск»⁴³. Тем не менее этого оказалось достаточным, чтобы повлиять на исход войны за Австрийское наследство. В июле 1748 г. корпус генерала В.А. Репнина численностью в 37 тыс. человек достиг района Верхнего Рейна. Появление русских войск резко изменило расклад сил. Король Франции Людовик XV приостановил военные действия. В сложившихся условиях у британской дипломатии отпала необходимость в русском корпусе и закономерно встал вопрос о целесообразности дальнейших выплат России. А вскоре воюющие стороны пришли к соглашению о мире. 18 октября 1748 г. в Ахене был подписан мирный договор. По его условиям утверждалась Прагматическая санкция и за Марией Терезией признавались права на австрийский императорский престол. Силезия была отдана Пруссии. Франция возвратила себе все территории, доставшиеся ей в ходе войны. Великобритания получила Мадрас в Индии. Россия оказалась, что называется, «не у дел». Ее даже не пригласили на подписание договора. По сути дела, миссию России в указанных событиях можно охарактеризовать как участие в войне за чужие интересы.

Что же в таком случае подвигло Россию пойти на заключение с Великобританией субсидных конвенций, а затем и вступить в войну? Как отмечал Ю.С. Медведев, Россия преследовала ряд конкретных целей. Во-первых, дипломатические – участие России в войне на стороне Англии ослабляло Францию, ее позиции в странах «Восточного барьера» (Порте, Швеции и Речи Посполитой), что было напрямую выгодно России. Во-вторых, деньги, получаемые от договоров, позволяли существенно увеличить доходную часть бюджета и таким образом поправить состояние казны. В-третьих, вступление России в войну означало разрыв с Францией и неизбежно приводило к отъезду французских дипломатов, что существенно могло ослабить «французскую партию» и профранцузские интриги при дворе⁴⁴. На наш взгляд, наиболее мотивированной причиной для подписания конвенций о субсидиях стали в первую очередь меркантильные соображения русского двора. О том, что императрица чрезвычайно нуждалась в деньгах, Гиндфорд упоминал не раз⁴⁵ и советовал своему руководству воспользоваться этим обстоятельством как можно быстрее.

В вовлечении России в войну за Австрийское наследство главная роль принадлежала британской дипломатии, сыгравшей на противоречиях нашей страны со Швецией, Пруссией и Турцией. Как бы то ни было, подписание союзного договора с Австрией и трех субсидных конвенций с Великобританией помешало агрессивной политике Пруссии и Франции в Европе, что способствовало завершению войны за Австрийское наследство. В то же время условия договора не только не устранили, но еще более обострили вражду между Австрией и Пруссией. Ахенский мир рассматривался в правительственных кругах Европы как временное перемирие, а враждующие державы усиленно искали себе союзников на случай новой войны, которая вскоре и началась.

Библиография

Алексеева М.Н. Английская дипломатия в годы войны за австрийское наследство 1740–1748 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2005.

Анисимов М.Ю. Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны. 1741–1761 гг. М., 2020.

Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск 860–1914 гг. // www.runivers.ru...v_ouyne_zh_avstriyskoe_nasledstvo...gg (дата обращения: 09.12.2022).

Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898.

История внешней политики России. XVIII век (От Северной войны до войны России против Наполеона). М., 1998.

⁴³ Там же. С. 563.

⁴⁴ *Медведев Ю.С.* Указ. соч. С. 23–24.

⁴⁵ Донесения и другие бумаги английских послов... С. 33.

- Лабутина Т.Л.* Стратегия и тактика британской дипломатии на переговорах о союзном договоре с Россией 1741 г. // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 2. С. 51–65.
- Медведев Ю.С.* Русско-английские отношения в середине XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- Собко Е.М.* Россия и война за Австрийское наследство. 1740–1750. М., 2021.
- Яковлев Н.Н.* Европа накануне Семилетней войны. М., 2000.
- Яковлев Н.Н.* Британия и Европа. М., 2000.
- Anderson M.S.* The War of the Austrian Succession. 1740–1748. London; New York, 1995.
- Reed B.* The War of the Austrian Succession. New York, 1994.

References

- Alekseeva M.N.* Anglijskaya diplomatiya v gody` vojny` za avstrijskoe nasledstvo 1740–1748 gg.: dis. ... kand. ist. nauk [English diplomacy during the War of the Austrian Succession 1740–1748.: dis. ... candidate of historical sciences]. Bryansk, 2005. (In Russ.)
- Anisimov M.Yu.* Rossiya v sisteme velikix derzhav v czarstvovanie Elizavety` Petrovny`. 1741–1761 gg. [Russia in the system of great powers in the reign of Elizabeth Petrovna. 1741–1761]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Doneseniya i drugie bumagi anglijskix poslov, poslannikov i rezidentov pri russkom dvore s 4 yanvarya 1746 g. po 24 maya 1748 g. [Russian Historical Society reports and other papers of English ambassadors, envoys and residents at the Russian Court from January 4, 1746 to May 24, 1748] // Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshhestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Т. 102. Sankt-Peterburg, 1898. (In Russ.)
- Istoriya vneshnej politiki Rossii. XVIII vek (Ot Severnoj vojny` do vojny` Rossii protiv Napoleona) [The history of Russia's foreign policy. 18th century (From the Northern War to the war of Russia against Napoleon)]. Moskva, 1998. (In Russ.)
- Labutina T.L.* Strategii i taktika britanskoi diplomatii na peregovorakh o soiuзnom dogovore s Rossiei 1741 g. [Strategy and tactics of British diplomacy in negotiations on a joint treaty with Russia in 1741] // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы [LOCUS: people, society, cultures, meanings]. 2021. Т. 12. № 2. С. 51–65. (In Russ.)
- Medvedev Yu.S.* Russko-anglijskie otnosheniya v seredine XVIII veka: dis. ... kand. ist. nauk [Russian-English relations in the middle of the 18th century: dis. ... candidate of historical sciences]. Moskva, 2004. (In Russ.)
- Sobko E.M.* Rossiya i vojna za Avstrijskoe nasledstvo. 1740–1750 [Russia and the War of the Austrian Succession. 1740–1750]. Moskva, 2021. (In Russ.)
- Voenny'e konflikty`, kampanii i boevy'e dejstviya russkix vojsk 860–1914 gg. [Military conflicts, campaigns and military actions of Russian troops 860–1914] // www.runivers.ru... v_voynе_za_avstriyskoe_nasledstvo...gg (access date: 09.12.2022). (In Russ.)
- Yakovlev N.N.* Evropa nakanune Semiletnej vojny` [Europe on the eve of the Seven Years' War]. Moskva, 1997. (In Russ.)
- Yakovlev N.N.* Britaniya i Evropa [Britain and Europe]. Moskva. 2000. (In Russ.)
- Anderson M.S.* The War of the Austrian Succession. 1740–1748. London; New York, 1995.
- Reed B.* The War of the Austrian Succession. New York, 1994.

DOI: 10.31857/S013038640025911-0

© 2023 г. А.Ю. ПЕТРОВ, Л.М. ТРОИЦКАЯ

НАЧАЛО БОРЬБЫ ЗА ОРЕГОН: ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XVIII – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX века

Петров Александр Юрьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; профессор Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия).

E-mail: alaska13@yandex.ru

Scopus Author ID: 55956501100; ORCID: 0000-0002-1688-4096; Researcher ID: AAQ-5429-2020; РИНЦ Author ID: 655169

Троицкая Лариса Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: amercenter@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2775-9629; Researcher ID: HPG-6506-2023; РИНЦ Author ID: 649284

Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00043 в Институте всеобщей истории РАН.

Аннотация. В статье рассматриваются обстоятельства соперничества за Орегон в 70-х годах XVIII – первой четверти XIX в. Актуальность поднимаемых вопросов обусловлена возрастающим интересом к вопросам колонизации в целом и Азиатско-Тихоокеанского региона в частности. Историки Русской Америки и те, кто изучает раннюю историю США, мало внимания обращали на данную проблему, поэтому в задачи исследования входило показать расстановку сил на севере Тихого океана, показать, что именно в Орегоне разгоралось соперничество между Англией, Россией, Францией и США за обладание новыми колониями. Испанцы, основавшие свои колонии в Америке еще в XVI в., претендовали на все западное побережье. Англичане обратили внимание на побережье Орегона между 30° и 60° с.ш., начиная с экспедиций Дж. Кука и Дж. Ванкувера. Французы проявили интерес к этим территориям в 1785–1788 гг. во время экспедиции графа де Лаперуза. Россия, владевшая колониями на Аляске и Алеутских островах, проводила взвешенную и осторожную политику. Испания, уверенная в том, что территории принадлежат ей по праву первооткрытия, располагала весьма ограниченными силами для их освоения. Основными соперниками за территорию Орегона в 1820-х годах становятся Великобритания и США. В статье используются зарубежные и отечественные архивные материалы. Впервые привлекаются документы из Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ). В статье рассматриваются различные точки зрения по изучаемому вопросу. Методология, применяемая при написании статьи, опирается на достижения современной исторической науки.

Ключевые слова: Орегон, колонии, Тихий океан, Северная Америка, экспедиции, Россия, Испания, Франция, Великобритания, США, колониальное соперничество, колониализм, империи, имперская история.

A.Yu. Petrov, L.M. Troitskaia

The Struggle for Oregon in the Last Third of the Eighteenth – First Quarter of the Nineteenth Century

Aleksandr Petrov, Institute of World History, Russian Academy of Science; Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia).

E-mail: alaska13@yandex.ru

Scopus Author ID: 55956501100; ORCID: 0000-0002-1688-4096; Researcher ID: AAQ-5429-2020; РИНЦ Author ID: 655169

Larisa Troitskaia, Institute of World History, Russian Academy of Science (Moscow, Russia).

ORCID: 0000-0002-2775-9629; Researcher ID: HPG-6506-2023; РИНЦ Author ID: 649284

The study was supported by the Russian Science Foundation grant № 22-18-00043, at the Institute of World History, Russian Academy of Sciences.

Abstract. In the article, the authors examine the circumstances of the rivalry for Oregon in the 1770s and the first quarter of the nineteenth century. Historians of Russian America and those who study early US history have paid little attention to this subject, although it was in Oregon that the rivalry between Britain, Russia, France and the United States for possession of the new colonies was ignited. The Spanish, who established their colonies in America in the sixteenth century, laid claim to the entire west coast. The English paid very close attention to the Oregon coast between 30° and 60° N, starting with the expeditions of James Cook and George Vancouver. The French became interested in the region in 1785–1788 during the expedition of Comte de Lapérouse. Russia, with its colonies in Alaska and the Aleutian Islands, pursued a measured and cautious policy. Spain, confident that the territories belonged to her by the right of discovery, had very limited forces for their development. The principal rivals for Oregon territory in the 1820s were Great Britain and the United States. The study draws on the latest archival findings. The authors also take into account, inter alia, the extensive historiography of recent years. The methodology used in this study is based on the achievements of modern historical scholarship. The article is the first in a series of intended further publications by the authors on the study of the struggle for Oregon and the US West Coast.

Keywords: Oregon, colonies, Pacific Ocean, North America, expeditions, Russia, Spain, France, Britain, USA, colonial rivalry, colonialism, empires, imperial history.

Орегон сегодня – это процветающая территория Соединенных Штатов, имеющая исключительно благоприятное географическое положение с мягким климатом. Между тем два столетия назад Орегон был краем, за который разворачивалось острое соперничество европейских держав и США.

Испанцы, основавшие свои колонии в Америке еще в XVI в., вскоре заявили о принадлежности всего западного побережья материка, вплоть до Аляски и Алеутских островов, испанской короне. На испанских картах XVII–XVIII вв. все эти территории были обозначены как испанские¹. Дополнительным обоснованием для этого стало исследование Орегона испанцем Хуаном Эрнандесом в 1774 г. В 1775 г. другая испанская экспедиция под руководством капитанов Бруно де Эсета и Хуана Франсиско де ла Бодеха-и-Квадра обнаружила устье реки Колумбия.

На Орегон вскоре обратили внимание и в Англии. В 1778 г. во время своего третьего плавания на северо-западе Америки побывал англичанин Дж. Кук, который, как и многие экспедиции после него, не заметил из-за тумана устье Колумбии. Он вошел в залив Нутка (у 49° с.ш.), обнаруженный испанцем Х. Пересом в 1774 г., о чем Кук не знал. Оба они считали, что этот залив находится на материковой части побережья, – их ошибку в 1792 г. выявила британская военно-морская экспедиция под командованием капитана Дж. Ванкувера, исследовавшая тихоокеанское побережье Северной Америки между 30° и 60° с.ш. в 1791–1794 гг.

¹ Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII в. (по материалам испанских архивов): монография в документах. Рязань, 2020. С. 212–213.

Французское правительство организовало военно-морскую экспедицию под начальством графа де Лаперуза с целью исследования и по возможности получения новых земель в акватории Тихого океана взамен утерянных Францией владений в Северной Америке и Индии в 1785–1788 гг. Экспедиция исследовала, в частности, западное побережье Северной Америки от 60° до 36°30' с.ш.

Сведения, полученные в результате экспедиций Ванкувера и Лаперуза, вскоре стали известны в России и давали ей возможность претендовать на территории в Калифорнии: «В путешествиях знаменитых мореплавателей Лаперуза и Ванкувера: они единогласно утверждают, что в бытность их в Калифорнии — первого в 1786, а последнего в 1794 г. — последнее на тех берегах селение к северу находилось в Южной части залива Сан-Франциско под 37° 48' северной широты, южнее от Росса более нежели на 30 миль, и что о северной части того залива они сведений никаких не имели. Сверх того, природные жители, обитающие в окрестностях Росса и уступившие землю свою для основания онаго, составляют народ, ни от кого не зависящий, и считают себя непримиримыми врагами самого испанского имени»².

Как видим, в Российско-американской компании (РАК) предполагали, что к северу от Сан-Франциско могут существовать территории, которые находятся вне пределов досягаемости Испанской империи. Более того, здесь впервые так отчетливо звучит мотив прав местных жителей, с которыми нужно договариваться о владении теми или иными территориями.

С 1787 г. этот регион начал привлекать внимание торговцев и судовладельцев из Новой Англии. Их называли «бостонцами» или «бостонскими корабельщиками». Они были заинтересованы в получении пушнины, которую с огромной прибылью продавали на восточном побережье Америки, а также отправляли в Англию. В основном американские суда отправлялись мимо Орегона в сторону Аляски. Важность такой торговли отмечали и русские купцы: «С Гудзонова залива мы обычно получаем через Лондон бобровые меха, волчьи шкуры, шкурки лисы и соболя»³. Англичане, американцы и русские были заинтересованы в вывозе мехов в Китай и закупке там товаров для США и Европы, а также в торговле с РАК. Эта деятельность была выгодна для русских, имевших колонии на Аляске и Алеутских островах, управлявшихся упомянутой монопольной акционерной компанией⁴. Но она вызывала большую тревогу из-за нелегальной продажи туземцам огнестрельного оружия, которое те обращали против русских промышленников во время периодически возникавших стычек. Американцы при этом считали, что открытие Орегона принадлежит именно им. Их убеждение основывалось на том, что в апреле 1792 г. капитан Р. Грей на судне «Колумбия» открыл устье реки, названной им в честь своего корабля. В мае Грею первому удалось пройти несколько десятков миль вверх по реке Колумбия, но судно село на мель и освободить его стоило больших трудов.

Между тем в октябре того же 1792 г. состоялось исследование Колумбии по приказу английского капитана Дж. Ванкувера. В устье этой реки вошли две лодки с членами экипажа корабля «Чатем», которым командовал лейтенант У.Р. Броутон. Следует отметить, что Ванкувер был знаком с Греем, а в Нутке испанский команданте Хуан Франсиско де Бodega-и-Квадра сообщил англичанину, что Грей смог успешно преодолеть очень опасный речной пережат и войти в устье огромной реки; грубый чертеж Грея помог англичанам тоже войти в устье Колумбии⁵.

² Донесение Российско-американской компании, 14 ноября 1823 г. // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 994. Оп. 2. Д. 829. Л. 2–2 об.

³ Э.Ф. Тиринок — К. Чемплину, 1 (12) октября 1787 г. // Россия и США: становление отношений, 1765–1815 / сост. Н.Н. Башкина, Н.Н. Болховитинов, Дж.Х. Браун и др. М., 1980. С. 158.

⁴ Гибсон Дж.П. Пушная торговля на Тихоокеанском севере и отношения с «бостонцами» // История Русской Америки, 1732–1867 (далее — ИРА). Т. 2. Деятельность Российско-американской компании (1799–1825) / под ред. Н.Н. Болховитинова. М., 1999. С. 157–189.

⁵ Mockford J. Before Lewis and Clark, Lt. Broughton's River of Names: The Columbia River Exploration of 1792 // Oregon Historical Quarterly (далее — ОНҚ). 2005. Vol. 106. № 4. P. 542–567.

Переплетение интересов сказалось на международных отношениях. Еще в 1789–1790 гг. между Испанией и Англией разразился так называемый Нутка-зундский кризис⁶, касавшийся острова Ванкувер, расположенного у тихоокеанского побережья на северо-западе Америки. С востока в глубь Североамериканского континента началась территориальная экспансия молодых Соединенных Штатов Америки. В 1803 г. они купили у Франции огромную (2,1 млн км²) Луизиану, которую в 1800 г. Испания уступила французам при условии не передавать ее третьей стороне. Следует отметить, что восточная Луизиана вошла в состав США в 1783 г., «покупка» 1803 г. касалась ее западной части. О претензиях Соединенных Штатов на западные территории Америки сообщил посланник США в России Дж.К. Адамс в беседе с Александром I, который занял по этому вопросу благоприятную для американцев позицию⁷.

Это очень важное для всей последующей истории Соединенных Штатов территориальное приобретение было сделано при президенте Т. Джефферсоне, которого американский историк Ф.Д. Коглиано, изучавший его внешнеполитическую деятельность, назвал «императором свободы». В противовес Российской империи Александра I и Французской империи Наполеона Бонапарта США виделись Джефферсону «империей свободы», основанной «на доступе к плодородной земле и внешней торговле». Как президент он старался расширить «американскую республику»⁸.

Джефферсон организовал знаменитую экспедицию капитана М. Льюиса и лейтенанта У. Кларка (1804–1806) для изучения вновь приобретенных земель в районе рек Миссури и Колумбия, определения границ Луизианы и оценки возможности внешней торговли. В 1805 г. группе ее участников удалось выйти к р. Колумбия. Однако в 1809 г. неудачной оказалась попытка лейтенанта флота США Д. Портера убедить Джефферсона снарядить хотя бы небольшую военно-морскую экспедицию для поиска Северо-Западного прохода и изучения тихоокеанского побережья между Калифорнией и Нуткой как перспективного района для присоединения к США и организации там в будущем поселений. Как представляется, отказ был связан с тем, что в тот период у федеральных властей было еще недостаточно сил для продвижения на север Тихого океана, а не потому, что президент страны являлся принципиальным противником экспансии в этот регион.

В начале XIX в. англичане, потеряв 13 североамериканских колоний на восточном побережье, пытались активизироваться на западном. При этом наибольшее влияние в регионе завоевывают британские Компания Гудзонова залива (КГЗ) и Северо-Западная компания (СЗК)⁹, получавшие огромные прибыли от торговли пушниной. В отличие от РАК они имели гораздо больше полномочий, полученных от британского правительства. Они стремились оградить свои владения от проникновения иностранцев, а также расширить их на север, где сталкивались с русскими, и на юг, где их соперниками были испанцы и граждане США.

В начале XIX в. Россия — один из важнейших политических игроков на Тихоокеанском севере — активизировала свои усилия по включению территорий южнее Аляски в свою хозяйственную деятельность, прежде всего для улучшения снабжения продовольствием селений РАК, расширения ареала добычи каланов.

⁶ *Manning W.R.* The Nootka Sound Controversy // Annual Report of the American Historical Association for Year 1904. Washington (D.C.) 1905. P. 279–478; *Mills L.* The Real Significance of the Nootka Sound Incident // The Canadian Historical Review. New Ser. 1925. Vol. VI. № 2. P. 110–122; *Альперович М.С.* К предистории Нутка-зундского кризиса (1789–1790) // Американский ежегодник 1995. М., 1995. С. 181–190; *Куницын А.А.* Кризис в заливе Нутка 1790 г.: англо-испанское противостояние // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2019. № 5 (109). С. 64–68.

⁷ *Kelley R.* The Shaping of the American Past. Englewood Cliffs (N.J.), 1978. P. 202–203.

⁸ *Cogliano F.D.* Emperor of Liberty: Thomas Jefferson's Foreign Policy. New Haven (Conn.); London, 2014. P. 5.

⁹ *Innis H.A.* The Fur Trade in Canada: An Introduction to Canadian Economic History. Rev. ed. Toronto; London, 1956 (1st ed. 1930).

Многое сделал для развития этих связей действительный статский советник и камергер Н.П. Резанов. Во время своего путешествия на корабле «Юнона» в Калифорнию весной 1806 г. он задумал найти приемлемое место для русского поселения, чтобы там утвердиться в будущем¹⁰. Однако идея русского поселения в устье Колумбии противоречила инструкциям, которые Резанов получил от Александра I. Согласно параграфу восьмому этих инструкций (10 июля 1803 г.), Резанов должен был донести до «правителя Америки предписание» о том, что русские не будут колонизировать земли южнее 55° с.ш., т.е. за те земли, до которых дошел капитан А.И. Чириков (1703–1748) во время его плавания в 1741 г., «чтоб далее сего места отнюдь не простирался из россиян никто в пределы, другими морскими державами занимаемые»¹¹.

Так как во время плавания «Юноны» из Ново-Архангельска не было замечено присутствия «других морских держав», то Резанов решил, что устье Колумбии никому не принадлежало. Он не знал, что американская экспедиция под руководством капитанов М. Льюиса и У. Кларка пересекла Североамериканский континент, зимовала в 1805–1806 гг. в форте Клатсоп недалеко от современной Астории (штат Орегон) и по праву первого открытия, принятому в то время, провозгласила все открытые ими земли территорией Соединенных Штатов. К тому времени, когда «Юнона» начинала свое плавание на юг, американские путешественники готовились в обратный путь¹².

Сильное волнение на море помешало «Юноне» войти в устье Колумбии. Течение было настолько сильным, что за ночь судно отнесло на север к Gray's Harbor (в настоящее время – побережье штата Вашингтон). Там Резанов отправил натуралиста Г.И. Лангсдорфа, а также русского матроса и двух опытных промышленников-алеутов на байдарке обследовать залив. Партии было наказано вернуться на «Юнону» к шести часам вечера. Когда они проходили через залив, то «видели дым, поднимающийся из разных мест. Это говорило о том, что местность была заселена». Лангсдорф сошел на берег, но никого не встретил, и партия со значительной сложностью из-за погодных условий вернулась на борт «Юноны»¹³.

В дальнейшем морской офицер, находившийся вместе с Резановым, Г.И. Давыдов писал: «Америка нужна нам только по мягкой рухляди, коей она доставляла и может еще доставить много для Кяхтинского торго, который был гораздо важнее для России, до того времени, как американцы соединенных штатов не стали привозить ежегодно множество выдр морских и других зверей в Кантон. Известно, что ныне Соединенные Штаты нашли ближайшую коммуникацию с рекою Колумбией, на устье которой хотят завести факторию, после чего Американская наша компания неминуемо должна обанкротиться»¹⁴. Из этого документа, выявленного нами в военно-морском архиве понятно, какое значение имел для всех Орегон. Несмотря на удаленность от русских колоний на Аляске, река

¹⁰ Dmytryshyn B. N.P. Rezanov's Inspection Tour of Russian Colonies in the North Pacific and His Visit to San Francisco, March 25 – May 10, 1806 // Русская Америка, 1799–1867: материалы Междунар. конф. «К 200-летию образования Российско-американской компании 1799–1999». Москва, 6–10 сент. 1999 г. М., 1999. С. 45–69.

¹¹ Из инструкции Н.П. Румянцева российскому посланнику в Японии Н.П. Резанову, 10 (22) июля 1803 г. // Россия и США. С. 242.

¹² Литература (источники, исследования и периодика), касающаяся экспедиции М. Льюиса и У. Кларка огромна. Одна из последних публикаций: *Ambrose St.E. Undaunted Courage: Meriwether Lewis, Thomas Jefferson and the Opening of the American West*. New York, 1996. Подробнее о пребывании экспедиции в крепости Клатсоп около сегодняшней Астории (Орегон) с декабря 1805 по март 1806 г. см.: Ibid. P. 318–326.

¹³ To Siberia and Russian America: Three Centuries of Russian Eastward Expansion. A Documentary Record. Vol. 3. The Russian-American Colonies, 1798–1867: A Documentary Record / eds and transl. by B. Dmytryshyn, E.A.P. Crownhart-Vaughan, Th. Vaughan. Portland (Ore.), 1989. P. 112–113.

¹⁴ Г.И. Давыдов – Александру Ивановичу (?), 8 января 1808 г. // Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 315. Оп. 1. Д. 1897. Л. 5 об.–6.

Колумбия имела стратегическое значение в борьбе за тихоокеанское побережье. Русские понимали его стратегическое значение в борьбе за север Тихого океана¹⁵.

Нами установлено, что в начале XIX в. у главного правителя русских колоний в Америке были планы укрепиться в районе Колумбии, откуда рассчитывали снабжать русские колонии продовольствием: «Положивши, что русские не будут более умирать с голоду в Америке, то нужно сделать заведение на устье реки Колумбии и... американские суда; тогда компания может собирать великое количество мягкой рухляди и отправлять оную в Кяхту и Кантон. Торговля с Петербургом... не может быть надежна при малейшем разрыве с Англией или Францией, то нужно, кажется, установить ее чрез Сибирь»¹⁶. По мысли Давыдова, которую он выразил уже в своем дневнике, основными соперниками русских в Орегоне могут быть граждане США: «Баранов слышал, однако же, что торговое общество Соединенных Штатов хочет завести факторию на реке Колумбии, и что послали отыскивать во внутренность Америки, нет ли сообщения между сею рекою и Миссисипи — эти соседи хуже колош, и тогда Американской компании почти не из чего будет иметь свои заведения на сем берегу»¹⁷.

Конечно, опасения, что РАК может обанкротиться из-за усиления присутствия граждан США в Орегоне, были преувеличены, но важность торговли с Китаем понималась Давыдовым правильно, что и показали дальнейшие события.

Если Резанов об изучении устья Колумбии экспедицией Льюиса и Кларка мог и не знать, то ему было хорошо известно о стремлении Испании защищать свои колонии от проникновения иностранцев, прежде всего от граждан США. Поэтому, достигнув Калифорнии, как отмечал Н.Н. Болховитинов, «камергер и гордые испанцы довольно быстро нашли общий язык. Резанов сочувственно выслушивал их жалобы на “наглость бостонцев”, суда которых “беспрестанно смуглируют по берегам”, “потаенную торговлю производят” и “всеми наглостями ищут средств... водвориться в испанских владениях»¹⁸.

В 1808 г. главный правитель русских колоний на Аляске А.А. Баранов при отправлении экспедиций в Калифорнию предписывал производить разведку наличия американских и испанских судов в Орегоне, а в случае взаимодействия с ними «ни в какие трактования о присвоении прав на тамошние местные занятия не входить, а отзываться единственно тем, что для производства промышленности морских зверей по всем берегам и островам от здешнего порта Новоархангельска к югу до Калифорнии»¹⁹.

В первой четверти XIX в. русские суда по выходе из Ново-Архангельска проплывали вдоль побережья Орегона, стараясь без остановок следовать в Калифорнию²⁰. Между тем показательным, что даже в самых сокровенных проектах, представленных царскому правительству весной 1819 г., Главное правление РАК «предлагало установить южную границу русских владений на северо-западном побережье Америки по 45-й параллели (вместо 55-й), что обеспечивало компании контроль лишь над устьем реки Колумбия и северной частью нынешнего штата Орегон (о крепости Росс и Калифорнии ничего не говорилось)»²¹. Проходить столь сложным обратным маршрутом помогали попутные ветра, дующие, как правило, с севера на юг. При этом, следуя вдоль Орегона русские описывали берега и старались составить точные карты: «Недалеко то время, когда можно

¹⁵ Рапорт И.Ф. Крузенштерна в Адмиралтейств-коллегию, август, 1820 г. // Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 299. Л. 1–5.

¹⁶ Г.И. Давыдов — Александру Ивановичу (?), 8 января 1808 г. // Там же. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1897. Л. 8.

¹⁷ Журнал путешествия в Америку Г.И. Давыдова 1804 г. // Там же. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1898. Л. 26.

¹⁸ Болховитинов Н.Н. Н.П. Резанов и первое русское кругосветное плавание 1803–1806 гг. // Новая и новейшая история. 1997. № 3. С. 167–186.

¹⁹ Инструкция А.А. Баранова своему помощнику И.А. Кускову, 14 (26) октября 1808 г. // Россия и США. С. 346.

²⁰ Главное Правление Российско-американской компании (далее — ГП РАК) — Александру I, 3 ноября 1822 г. // РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 119. Л. 18.

²¹ Болховитинов Н.Н. Русская Америка на рубеже 20-х гг. XIX в. (Принятие новых правил и привилегий РАК) // ИРА. Т. 2. С. 310.

будет иметь полное понятие о всех берегах северо-западной Америки и об островах к ему прилежащих»²². По крайней мере, командир шлюпа «Нева» Л.А. Гагемейстер утверждал, что, пройдя 45 градус северной широты, «намеривался я направить путь по сей параллели, как оною еще никто не хаживал»²³. В России также стремились заручиться соответствующими бумагами в случае, если придется приставать в тех местах, которые англичане считали своей территорией или колониями: «Обращение к нашему министру в Англии оказать возможное пособие, буде бы Капитан онаго, имея в назначении остановиться у английских берегов, нашел в случае о чем-нибудь просить»²⁴.

Важную роль в обосновании территориальных претензий США на северо-запад Америки сыграл один из богатейших американских предпринимателей немецкий иммигрант Дж.Дж. Астор. В годы наполеоновских войн из-за политики Англии и Франции у американцев возникли трудности в торговле с Европой. Астор решил переместить свои коммерческие операции на северо-запад Америки²⁵. В 1808 г. он основал Американскую пушную компанию (АПК), в 1810 г. – Тихоокеанскую пушную компанию (ТПК). Кроме того, в 1810 г. он снарядил корабль «Тонкин», а также сухопутную экспедицию в составе 90 человек на р. Колумбия, где с согласия местных индейцев в 1811 г. основал в устье реки поселение. При этом Астор надеялся установить связи с Китаем, отправляя туда различные товары²⁶. Сначала он был доволен ходом дел, но вскоре столкнулся с враждебностью со стороны монреальской СЗК. Он утверждал, что эта компания неоднократно просила правительство Великобритании что-либо предпринять против соперников.

Накануне и во время Англо-американской войны 1812–1815 гг. уже после завершения своего президентства Джефферсон писал Астору, что считает основание фактории на реке Колумбия «великим общественным приобретением», положившим начало в будущем распространению «его потомков» по всему тихоокеанскому побережью Северной Америки, «заселив его свободными и независимыми американцами, не связанными с нами ничем, кроме кровных уз и интересов, и пользующимися, как и мы, правами самоуправления»²⁷.

Таким образом, он понимал экспансию, в том числе на северо-запад Америки, как освоение территорий прежде всего белыми гражданами США, разделявшими республиканские и демократические ценности и способными создать собственное государство наподобие штатов в составе Союза.

В начале ноября 1813 г. Джефферсон демонстрировал имперские амбиции, полагая, что Астория станет зародышем «великой, свободной и независимой империи на той стороне нашего континента, и что свобода и самоуправление, распространяющиеся как с той, так и с этой стороны, обеспечат их утверждение [на всем континенте]. ... Было бы действительно печально, если бы англичане смогли разрушить поселение»²⁸.

По совпадению, малоприятному для американцев, тогда это и произошло. В устье Колумбии прибыл британский шлюп «Рэжун», и 28 ноября 1813 г. Астория перешла в руки британцев. Над селением был поднят британский флаг, и оно стало именоваться Форт Джордж. В 1815 г. Астор сообщил госсекретарю США Дж. Монро о судьбе поселенцев, часть которых перешла на службу СЗК, обвинил в предательстве своего главного агента в Астории канадца Макдугала и заявил, что «наши люди должны были покинуть место и

²² ГП РАК – Александру I, 3 ноября 1822 г. // РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 119. Л. 22 об.

²³ Л.А. Гагемейстер – Н.П. Румянцеву, 10 июля 1809 г. // Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 287. Л. 56, 57.

²⁴ Н.П. Румянцев – А.Я. Будбергу, 9 октября 1806 // Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 287. Л. 16–16 об.

²⁵ *Barragy T.J.* The Trading Age, 1792–1844 // *ОНQ*. 1975. Vol. LXXVI. Sept. P. 197–224; *Dodds G.B.* The American Northwest. A History of Oregon and Washington. Arlington Heights (Ill.), 1986.

²⁶ *Porter K.W.* John Jacob Astor. Business Man. Vol. 1. Cambridge (Mass.), 1931. P. 63–64.

²⁷ Th. Jefferson to J.J. Astor, Monticello, May 24, 1812 // URL: <https://founders.archives.gov/documents/Jefferson/03-05-02-0056> (дата обращения: 23.01.2023).

²⁸ Th. Jefferson to J.J. Astor, Monticello, Nov. 9, 1813 // URL: <https://founders.archives.gov/documents/Jefferson/03-06-02-0466> (дата обращения: 23.01.2023).

продать собственность за 42 тысячи долларов», хотя фактическая стоимость составляла 200 тыс. долл.²⁹

Несмотря на неудачу Дж.Дж. Астора в создании своей империи на тихоокеанском побережье, американский историк П. Старк заявлял, что Астория дала «первый толчок продвижению американских поселенцев через Североамериканский континент, пролагая путь, обеспечивая американское присутствие на побережье Тихого океана и привнося в сознание идею заселения»³⁰. Согласно его выводу, Астор и Джефферсон понимали всю важность освоения Тихоокеанского региона и во многом опередили время на 200 лет.

Отчасти такая оценка перекликается с мнением Ф.Д. Коглиано, утверждавшего, что, хотя экспансионистские планы Джефферсона в период его президентства не воплотились в жизнь в полном объеме, к середине XIX в. США расширили свою территорию на Юго-Западе, побережье Тихого океана и Северо-Западе, используя элементы государственного строительства – войну, миграцию, переговоры и покупку, которые использовал в своей внешнеполитической деятельности Джефферсон. Историк с пафосом заявляет: «Можно сказать, что джефферсоновский образ обширной американской империи пережил его автора. Он продолжает формировать мир, в котором мы сегодня живем»³¹.

Англо-американская война 1812–1815 гг., которую иногда называют второй Войной за независимость, завершилась подписанием 24 декабря 1814 г. мирного договора в Генте. Хотя по его условиям в целом сохранялся статус-кво, вопросы пограничного размежевания, регулирования торгово-экономических отношений и обороны и другие проблемы требовали решения в будущем. США стремились упрочить свое положение, добиваясь равноправных отношений с бывшей метрополией, также заинтересованной в расширении внешних рынков. Американский историк К.Дж. Брауэр утверждал, что к 1815 г. «американские интересы относительно имперской экспансии Британии были глобальными и имели намного большее значение для американской внутренней и внешней политики, чем это понимали исследователи»³².

Быстро восстанавливались двусторонние торговые связи. В обмен на американский хлопок и другие сельскохозяйственные продукты главными статьями ввоза из Великобритании были разнообразные промтовары, что подрывало еще неокрепшие промышленные производства в США. Кроме прямой двусторонней торговли, Соединенные Штаты пытались возобновить и развивать торгово-экономические отношения с британскими колониями Северной Америки и Вест-Индии. Но обе страны, несмотря на неравные на тот момент силы, заботились о собственном экономическом развитии, сдерживая различными способами иностранную конкуренцию. Так, в 1815 г. в Англии были приняты «хлебные законы», ограничивавшие ввоз в страну иностранных, в том числе американских, зерна и муки. В 1816 г. законодатели США одобрили протекционистский тариф.

Ценой больших усилий 3 июля 1815 г. удалось подписать англо-американскую торговую конвенцию, в которой оговаривались отношения сторон лишь во владениях Великобритании на Европейском континенте и ее колониях в Ост-Индии и ряд других вопросов. Если британская сторона имела основания быть довольной исходом переговоров, то американский посланник в Лондоне, сторонник мирных отношений с бывшей метрополией Дж.К. Адамс не скрывал разочарования³³, так как не удалось добиться ликвидации дискриминации со стороны Великобритании в торговле США с бри-

²⁹ J.J. Astor – James Monroe, August 17, 1815 // *Porter K.W.* John Jacob Astor. Vol. 1. P. 585.

³⁰ *Stark P.* Astoria: John Jacob Astor and Thomas Jefferson's Lost Pacific Empire. A Story of Wealth, Ambition, and Survival. New York, 2014. P. 303.

³¹ *Cogliano F.D.* Op. cit. P. 246.

³² *Brauer K.J.* The United States and British Imperial Expansion, 1815–60 // *Diplomatic History*. 1988. Vol. 12. № 1. P. 22.

³³ *The Diary of John Quincy Adams, 1794–1845. American Political, Social and Intellectual Life from Washington to Polk / ed. A. Nevins.* New York, et al., 1929. P. 168.

танскими колониями в Америке. Именно этого в первую очередь ожидали от Адамса торгово-финансовые круги северо-восточных штатов.

Для защиты интересов американских купцов, судовладельцев, китобоев и рыболовов, а также для надежной обороны нужен был военно-морской флот, который в первой половине XIX в. являлся важным инструментом внешней политики и дипломатии США. Хотя морские силы Соединенных Штатов были намного слабее британского королевского флота, американские корабли находились в разных районах, в том числе и в Тихом океане. Это было связано не только со стремлением демонстрировать флаг. В определенных обстоятельствах они использовались как инструмент «жесткой» или «мягкой» силы во внешней политике США.

Столкновения интересов Англии, европейских держав и Соединенных Штатов были неизбежными. Но при необходимости страны могли действовать осмотрительно и достигать дипломатическим путем соглашений по смягчению военно-морской угрозы. Следует напомнить здесь англо-американское соглашение Раша – Бэгота (1817). Оно отчасти регулировало военно-морское присутствие в районе Великих озер, но не ликвидировало там вооруженные суда. Соперники продолжали держать разоруженные корабли и базы в «нафталине»³⁴. Вопрос о возможной войне с Великобританией еще не сходил с повестки дня обсуждений в Конгрессе США.

Оставались неразрешенными и приобретали особое значение вопросы границы с британскими владениями в Северной Америке. Но если на северо-востоке спор предполагалось разрешать между США и Великобританией, то на северо-западе Соединенные Штаты должны были иметь дело еще с Россией и Испанией. После 1815 г. США и Великобритания пытались разрешить территориальные споры разными способами – двусторонними дипломатическими переговорами, привлечением иностранных государств в качестве арбитров, двусторонними комиссиями уполномоченных и т.д.

В 1816 г. госсекретарь США Дж. Монро высказывался за заключение американо-русского договора, по которому граница Соединенных Штатов с российскими владениями на северо-западе Америки проходила бы по 49-й параллели до Тихого океана³⁵. Кроме того, американцы требовали от Великобритании вернуть им Асторию, т.е. согласиться с довоенным статус-кво. В 1817 г. американское правительство отправило на реку Колумбия шлюп ВМФ США «Онтарио», на борту которого находился правительственный спецагент Дж.Б. Превост. Следуя инструкции нового госсекретаря Дж.К. Адамса, он должен был символически или другим мирным путем объявить эту территорию находящейся под эгидой США³⁶.

5 августа 1818 г. газета *The American Beacon* («Американский маяк») из Норфолка, расположенного на Атлантическом побережье штата Виргиния, опубликовала заметку с подписью Ib. В ней убедительно объяснялась позиция США: «Цель нашего правительства при отправке корабля федеральных сил “Онтарио” для обладания устьем реки Колумбия, впадающей в Тихий океан, возможно, состояла в том, чтобы в будущем предотвратить посягательства на нашу территорию и суверенитет в этой стороне света. В течение некоторого времени Великобритания имела здесь важную торговую базу; и Россия за короткий период распространила свои поселения от Камчатки до северо-западного побережья Америки, находившиеся в пяти сотнях миль южнее устья реки Колумбия и только в тридцати милях от испанских селений в Калифорнии. Участок местности, на который претендуют Соединенные Штаты за Скалистыми горами, хотя отдаленный и в настоящее время малоценный, через какое-то время, благодаря

³⁴ Bailey T.A. *A Diplomatic History of the American People*. 7th ed. New York, 1964. P. 158.

³⁵ J. Monroe to W. Pinkney, May 10, 1816 // *Diplomatic Correspondence of the United States: Canadian Relations, 1784–1860* (далее – DCCR). Vol. 1 / ed. W.R. Manning. Washington (D.C.), 1942. P. 247–248; Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения. 1815–1832. М., 1975. С. 191.

³⁶ J.Q. Adams to J.B. Prevost, Sept. 29, 1817 // DCCR. Vol. 1. P. 262–263.

предприимчивости и быстрому росту численности наших граждан, станет для нас очень важным. Законность нашего права владения оспаривалась, и правительство, как мы думаем, показало взвешенный расчет, приняв меры так рано, чтобы предотвратить будущее столкновение с такими грозными нациями, как Россия и Великобритания». Далее сообщалось, что якобы через несколько недель из Бостона вслед за «Онтарио» с приказом выполнять такую же задачу отправится американский фрегат «Македонянин»³⁷. В действительности в январе 1819 – марте 1821 г. этот корабль крейсировал около западного побережья Южной Америки, защищая торговые суда в годы борьбы латиноамериканцев за независимость от Испании.

Обстоятельства сложились так, что агент прибыл в устье Колумбии в 1818 г. на британском фрегате «Блоссом» («Онтарио» бросил там якорь 19 августа 1818 г.). Исполняя повеление принца-регента, представлявший Великобританию служащий СЗК Дж. Хит передал 6 октября Форт Джордж (Асторию) США³⁸.

Позднее, во время очередного тура англо-американских переговоров в 1826 г., ссылаясь на формальную продажу этой фактории англичанам, британский министр иностранных дел Дж. Каннинг охарактеризовал возврат Астории как грубую ошибку Великобритании. Однако он признал, что «одно дело отказываться от никому не нужного поселения и другое – покинуть половину континента». Возврат, по мнению Каннинга, был первым проявлением слабости Великобритании, и если не сопротивляться проникновению американцев в регион, то они победят³⁹.

Спорные пограничные вопросы были в поле зрения дипломатов в период подготовки широкой англо-американской конвенции 1818 г., сыгравшей важную роль в развитии двусторонних отношений. В инструкции посланнику США в Лондоне Р. Рашу Дж.К. Адамс указывал, что если Соединенные Штаты не возражают против наличия у Великобритании уже имевшихся владений в Европе, Азии, Африке и Америке, то со стороны Англии немудрой и недружественной выглядит политика зависти и тревоги в отношении естественного расширения американского владычества в Северной Америке⁴⁰. США предлагали определить линию границы от северо-западного «угла» оз. Лесное по 49° с.ш. до Скалистых гор. Американские участники переговоров уполномочивались признать эту линию границы, что не позволило бы англичанам находиться в верховьях р. Миссисипи. Категорически запрещалось соглашаться на какие-либо условия, дававшие британским торговцам возможность участвовать в товарообмене с индейскими племенами на территории США.

Переговоры проходили в августе–октябре 1818 г. в Лондоне. Американские представители Р. Раш и А. Галлатин предложили рассмотреть 13 вопросов. По свидетельству Раша, британская сторона пыталась увязать проблему границы между оз. Лесное и Скалистыми горами с допуском англичан на р. Миссисипи. В свою очередь американцы требовали свободы навигации по всей р. Св. Лаврентия⁴¹.

Р. Раш подчеркивал значение географических открытий не столько со стороны побережья Тихого океана, сколько внутренних районов, проведенных М. Льюисом и У. Кларком в 1803–1806 гг., и их вклад в изучение реки Колумбия. При этом утверждалось,

³⁷ The American Beacon. 1818. Vol. 6. Iss. 153. P. 4.

³⁸ Holman F.V. Some Important Results from the Expedition of John Jacob Astor to, and from the Oregon County // The Quarterly of the Oregon Historical Society (далее – QOHS). 1911. Vol. XII. № 3. P. 212.

³⁹ Mr. Canning to Earl of Liverpool. Fairlight, July 7, 1826 // Some Official Correspondence of George Canning. Vol. 2 / ed. E.J. Stapleton. New York, 1970. P. 72–73 (1st ed. London, 1887).

⁴⁰ J.Q. Adams to R. Rush, May 20, 1818 // DCCR. Vol. 1. P. 268–269.

⁴¹ Rush R. A Residence at the Court of London. London, 1833. P. 337–339.

что еще в 1791 г. американец Дж. Кендрик будто бы купил у индейцев большой участок в районе залива Нутка⁴².

Британская сторона привлекала внимание к результатам своих многочисленных морских и сухопутных экспедиций, в том числе Дж. Кука, Дж. Ванкувера, С. Фрейзера, Д. Томпсона и др. Заявлялось, что будто бы еще в 1776 г. британцы покупали у индейцев земельные участки южнее Колумбии. Хотя англичане не сделали формального предложения по демаркации, но предполагали, что такой линией станет эта река.

Стремясь достичь хоть какого-то компромисса, А. Галлатин предлагал провести границу к западу от Скалистых гор по 49° с.ш. до пересечения с р. Колумбия, а далее по реке до Тихого океана. Канадский историк Д. Фрэнсис заметил, что в таком случае Великобритании могли бы отойти огромные территории в районе Пьюджет-Саунд, а американское предложение было вызвано непониманием, а скорее незнанием географии региона из-за ошибочности убеждения, будто на севере протекала мифическая река Каледония, впадающая в Пьюджет-Саунд между реками Фрейзер и Колумбия, и уверенностью в том, что сохранение этой реки в пределах британских владений компенсировало бы англичанам потерю контроля над р. Колумбия⁴³.

20 октября 1818 г. была подписана конвенция. В статье 2 определялась граница от оз. Лесное до Скалистых гор по 49° с.ш. Большое значение имела статья 3, объявлявшая свободной и открытой для освоения гражданами США и британскими подданными огромную территорию между Скалистыми горами и побережьем Тихого океана (Орегон) в течение 10 лет, независимо от претензий какой-либо другой страны. Северные и южные границы этого региона не определялись. Площадь этой громадной территории составляла 500 тыс. кв. миль, что превышало территорию Великобритании, Франции, Ирландии, Германии, Бельгии и Нидерландов вместе взятых.

Далеко не все в США были удовлетворены конвенцией. Так, адвокат из Сент-Луиса, издатель газеты *St. Louis Enquirer* (1818–1820) Т. Бентон утверждал, что река «Колумбия — наша; река Фрейзер — английское владение, куда не ступала нога американца, куда он едва ли когда-либо пойдет». Став вскоре сенатором, он начал призывать правительство как можно скорее начать с Англией переговоры по вопросу о четком пограничном размежевании в Орегоне⁴⁴. Вопрос о Северо-Западе, по существу, остался открытым и постепенно приобретал все большую остроту в англо-американских отношениях.

Громадные отдаленные территории постепенно стали привлекать в США все большее внимание не только небольшого числа купцов и других лиц и компаний, участвовавших в торговле пушниной, но и людей, заинтересованных в сельскохозяйственном освоении земель, расширении торгово-экономических и промысловых связей с островами и странами, расположенными в тихоокеанском бассейне, включая Китай. Постепенно возрастало геостратегическое значение северо-запада Америки.

Южные пределы США были установлены в 1819 г. в договоре с Испанией (договор Адамса — Ониса), по которому американцы получили Восточную и Западную Флориду. Определялась западная граница территории, приобретенной в результате «покупки Луизианы», начинавшейся от устья р. Сабин, и далее проходившей по рекам Сабин, Ред-Ривер, Арканзас до 42° с.ш. (современная северная граница Калифорнии) и затем — от Скалистых гор до Тихого океана. Кроме того, «Испания формально передала США свои неясные претензии на территорию Орегона»⁴⁵.

⁴² Ch. Bulfinch (of Boston) to Cushing (of the House of Perkins & Co.), Dec. 1, 1816 // *New York Historical Society. Albert Gallatin Papers. Reel 10. Apr. 24, 1816 — Febr. 19, 1818; Howay F.W. John Kendrick and His Sons // QOHS. 1922. Vol. XXIII. № 4. P. 288–289.*

⁴³ *Francis D. Battle for the West: Fur Traders and the Birth of Western Canada. Edmonton, 1982. P. 142.*

⁴⁴ *Benton T. Thirty Years' View: or, A History of the Working of the American Government for Thirty Years from 1820 to 1850... Vol. I. New York, 1854. P. 110, 111.*

⁴⁵ *Bailey Th.A. Op. cit. P. 173.*

Переизбранный на пост президента страны в 1820 г. Дж. Монро в инаугурационной речи 5 марта 1821 г. упомянул англо-американскую конвенцию от 20 октября 1818 г. в связи с урегулированием ряда торгово-экономических проблем. Но президент не исключал вероятность военного столкновения с Великобританией, уделил в целом большое внимание вопросам обороны, но подчеркнул стремление США строить международные отношения «в духе мира и доброй воли при неукоснительном соблюдении справедливости»⁴⁶.

Важным событием в истории США стал так называемый Миссурийский компромисс (1820), по которому рабовладельческий Юг и свободные штаты Северо-Востока и Среднего Запада согласились на раздел территории страны к западу от р. Миссисипи по 36°36' с.ш. как границы распространения рабства чернокожих. Оно допускалось только южнее этой разграничительной линии. Тогда в состав Союза вошли два штата – рабовладельческий Миссури и свободный Мэн. Это оказало огромное влияние на направления экспансионистской политики США.

В 1820-е годы в стране все настойчивее раздавались призывы раздвинуть границу на северо-западе Америки до Тихого океана. 19 декабря 1820 г. конгрессмен Дж. Флойд создал в Конгрессе США специальный Комитет для изучения положения на тихоокеанском побережье и оценки целесообразности оккупации указанного района. По окончании его работы 25 января 1821 г. в Конгресс был передан доклад, в котором признавались обоснованными претензии США на захват бассейна Колумбии⁴⁷.

Это вызвало озабоченность и тревогу Англии и России. 26 и 27 января 1821 г. английский посланник в Вашингтоне Ч. Стрэтфорд Канинг беседовал с госсекретарем США Дж.К. Адамсом, указав, что действия в Конгрессе являются нарушением англо-американской конвенции 1818 г. Но тот одобрил экспансионистские устремления части конгрессменов⁴⁸. В свою очередь А. Галлатин считал, что рано или поздно северо-запад Америки будет полностью независимым, так как торговля пушниной там будто бы не имеет для страны особого значения⁴⁹. 4 (16) сентября 1821 г. Россия обнародовала указ, регулировавший отношения своих владений в Америке с иностранцами. Южной границей Русской Америки определялся 51° с.ш.⁵⁰ Исходя из якобы вялой реакции некоторых газет и журналов, в частности главного редактора претендовавшего на объективность позиции первого в США общенационального еженедельника *Niles' Weekly Register* (декабрь 1821 г.), М.О. Трояновская отмечала: «Северо-западное побережье континента представлялась американской публике почти абстрактной частью света, в которой коммерческие интересы страны не были задействованы»⁵¹. Но, как представляется, такое утверждение требует уточнения. Следует иметь в виду, что указанный еженедельник издавался в рабовладельческом штате Мэриленд в городе Балтимор, жители которого действительно не имели устойчивых торговых связей с северо-западом Америки не в пример «бостонцам» или Дж.Дж. Астору. При этом власти США были недовольны укреплением позиций России в регионе и на северо-западе и предлагали ограничить владения РАК 55° с.ш.

Недовольство продемонстрировал также ведущий бостонский журнал *The North American Review*. Осенью 1822 г. в статье «Изучение русских притязаний в отношении

⁴⁶ Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша 1789–2001 гг. с историческим комментарием / общ. ред. и комм. Э.А. Иваняна. М., 2001. С. 92.

⁴⁷ *Annals to Congress*. 16th Congress. 2nd Session. House of Repr. P. 945–950 // URL: <https://memory.loc.gov/cgi-bin/ampage?collId=llac&fileName=037/llac037.db&recNum=213> (дата обращения: 21.02.2023).

⁴⁸ *The Diary of John Quincy Adams*. P. 249–252; *Bemis S.F. John Quincy Adams and the Foundation of American Foreign Policy*. New York, 1949. P. 367.

⁴⁹ Ф.В. Тейль – К.В. Нессельроде, 14 (26) августа 1822 г. // *Внешняя политика России XIX века и начала XX века*. Серия вторая. 1815–1830. Т. 4 (12). / отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М., 1980. С. 580.

⁵⁰ *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения. С. 178–182 и др.

⁵¹ *Трояновская М.О.* Дискуссии по вопросам внешней политики США (1775–1823). М., 2010. С. 276.

северо-западного побережья Америки» анализировались доводы российского посланника в США П.И. Полетики в защиту указа 1821 г. Журнал подверг сомнению право России обладать всей территорией в указанном регионе до 51° с.ш., тогда как самая южная часть полуострова Аляска расположена севернее — на 55° с.ш. и 162° з.д.⁵² Делался вывод, что, несмотря на дружественное расположение к России, следует проявлять осторожность в отношениях с ней⁵³.

В апреле 1823 г., высоко оценивая американскую экспедицию 1819–1820 гг. под командованием майора С.Г. Лонга к Скалистым горам, журнал призывал власти США как можно быстрее, не жалея денег, включиться в «экспедиционную гонку» наравне с крупнейшими европейскими державами. Подразумеваемая США, высказывалась уверенность в необходимости изучения могучих рек «единственной страны», которая самим Провидением призвана «забрать у империй их владения» и править ими. В связи с оставанием американцев журнал серьезно беспокоился по поводу исследований на Тихом океане, предпринимаемых русскими, поскольку они могли помешать закреплению Соединенных Штатов на северо-западе Америки. Звучало даже пугающее американские власти и общественность предупреждение: «Россия с ее круженштернами, коцебу и лисянскими буквально выталкивает нас из устья реки Колумбия». Чтобы этого не случилось и для укрепления собственной национальной идентичности (точнее, национального суверенитета), США должны богатеть и стремиться вести дела на равных с крупнейшими европейскими державами. Иначе надо будет «трусливо подчиняться англичанам, лстыть русским, извиняться перед испанцами и пожимать руки пиратам»⁵⁴.

Продолжались поиски так называемого Северо-Западного прохода между Атлантическим и Тихим океанами, чтобы существенно сократить возможный торговый путь в Китай. Это было важно не только с научной и торговой, но и с политической точки зрения. Интерес к таким поискам в полярных широтах проявляли и русские, для которых «они были одной из главных проблем... в первой половине XIX в.»⁵⁵. В 1823 г. обращался в Морское министерство с предложением организовать исследовательскую экспедицию для более детального изучения владений России на северо-западе Америки лейтенант российского флота Лесков. В частности, он писал: «Неужели Северно-Западный проход, для открытия которого столько времени стремятся англичане с напряжением всевозможных усилий, не щадя ни денег, ниже самой жизни человеческой; навсегда сокрыт будет во мраке неведения?»⁵⁶.

Британская КГЗ в начале 1820-х годов начала активно осваивать Орегон, обустроив там свои фабрики. Так, в 1825 г. она имела в тех краях 13 постов, где проживало 200 ее служащих, а в 1836 г. поселений насчитывалось уже 22 и около 450 служащих⁵⁷. Руководство компании стремилось не только заниматься меховой торговлей и препятствовать в этом американским трапперам, но и, развивая сельское хозяйство, прочно закрепить за Британской империей земли к северу р. Колумбия⁵⁸. Основным районом деятельности американских охотников в 1820-е годы оставались Скалистые горы, бассейн Миссури, а центром являлся Сент-Луис.

⁵² Examination of the Russian Claims to the North West America // The North American Review. 1822. Vol. 15. № 37. P. 380.

⁵³ Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения. С. 198.

⁵⁴ Long's Expedition // The North American Review. 1823. Vol. 16. № 39. P. 268, 269.

⁵⁵ Пасецкий В.М. Русские проекты поисков северо-западного морского прохода // От Аляски до Огненной Земли. История и этнография стран Америки / отв. ред. И.Р. Григулевич. М., 1967. С. 95.

⁵⁶ Лесков — Морское министерство, 21 марта 1823 // РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2596. Л. 3.

⁵⁷ Gibson J.R. Farming the Frontier: The Agricultural Opening of the Oregon Country, 1786–1846. Seattle; London, 1985. P. 18.

⁵⁸ Ibid. P. 191; Galbraith J.S. The Hudson's Bay Company as an Imperial Factor 1821–1869. Berkeley (Calif.), 1957; Karamansky T.J. Fur Trade and Exploration. Opening the Far Northwest, 1821–1852. Norman (Okla.), 1983; etc.

Одной из идеологических опор при проведении внешней политики США уже на протяжении 200 лет стала «доктрина Монро», изложенная в декабре 1823 г. в послании Конгрессу США, президента страны Дж. Монро, хотя ее автором был Дж.К. Адамс. Северная и Южная Америки определялись как избранные территории для воплощения принципов свободы и демократии, а защитник их – республиканские США. Соединенные Штаты опасались возможного вмешательства Испании и действовавшего на стороне последней Священного союза, учрежденного крупнейшими европейскими монархиями. При этом Великобритания поддержала борьбу народов Латинской Америки за независимость, намереваясь усилить собственные экономические позиции в государствах, освободившихся от испанского колониального господства.

В таких условиях еще в июле 1823 г. правительство США выдвинуло принцип «неколониализации», закрепленный в «доктрине Монро». Ее суть заключалась в провозглашении прекращения «колониального расширения и невмешательства Европы в дела Америки, как и невмешательства США в дела Европы»⁵⁹. Кроме того, Соединенные Штаты хотели продемонстрировать Европе в целом, что появилась новая серьезная сила «на мировой арене со своими собственными имперскими амбициями и что будущее Нового Света будет теперь находиться под американской защитой, под ее влиянием»⁶⁰. Однако новый министр иностранных дел Великобритании Дж. Каннинг, сменивший на этом посту покончившего с собой Р. Каслри, заявил американскому посланнику в Лондоне Р. Рашу, что эта доктрина не ограничит британскую колонизацию Орегона⁶¹.

Претензии США способствовали тому, что на проходивших в Петербурге в 1823 г. переговорах России с Великобританией и Соединенными Штатами по проблеме северо-запада Америки возникли затруднения. Американскому посланнику в России Г. Миддлтону предписывалось, в частности, заявить, что американцы считают «бесспорными права Соединенных Штатов на территории на Тихом океане между 42–49 параллелями». Аргументировалось это испано-американским договором 1819 г., экспедицией Льюиса и Кларка, основанием Астории. Подчеркивалось также, что для США эта территория важнее, чем любое владение европейских держав в Северной Америке, как уже существующих, так и тех, которые могут расширяться от Атлантики до Тихого океана. Но еще до того, как это произойдет, американское поселение в устье Колумбии станет важным пунктом для осуществления торговли с русскими владениями на островах. США соглашались, что граница с территорией РАК пройдет по 55° с.ш.⁶²

Англичане решили действовать отдельно от американцев. В результате длительных двусторонних переговоров 5 (17) апреля 1824 г. Россия и США подписали конвенцию. Граница устанавливалась по 54°40' с.ш. Эта же широта была зафиксирована как граница в российско-английской конвенции от 10 (28) февраля 1825 г.

В 1826–1827 гг. США и Великобритания смогли лишь продлить действие конвенции 1818 г. В ходе проходивших в Лондоне переговоров проявились два подхода к проблеме размежевания в Орегоне. Американцы предложили 49° с.ш., а Англия – середину течения Колумбии. Важную роль в этих переговорах играл А. Галлатин⁶³. 6 августа 1827 г. была подписана новая англо-американская конвенция. В ней на неопределенный срок продлевалось действие конвенции 1818 г. Каждая сторона могла прервать соглашение, предварительно уведомив другую за 12 месяцев. Орегон продолжал оставаться совместной

⁵⁹ *Согрин В.В.* Энциклопедия истории США. М., 2018. С. 68.

⁶⁰ *Гаррисон Дж.* Америка: последняя империя. М., 2009. С. 91.

⁶¹ *Hinde W. George Canning.* London, 1973. P. 354.

⁶² J.Q. Adams to H. Middleton, July 22, 1823 // *The Record of American Diplomacy. Documents and Readings in the History of American Foreign Policy* / ed. R.J. Bartlett. 3d ed. rev. New York, 1954. P. 170–171 (1st ed. 1947).

⁶³ *Merk F. Albert Gallatin and the Oregon Problem: A Study in Anglo-American Diplomacy.* Cambridge (Mass.), 1950.

территорией. США ратифицировали конвенцию 21 февраля 1828 г., Великобритания – 29 марта того же года.

Американская сторона понимала, что на Северо-Западе конкурировать с КГЗ достаточно сложно. Поэтому ставший в 1825 г. президентом США Дж.К. Адамс предпочел сохранить в Орегоне статус-кво. Тогда для него большее значение приобретал вопрос об урегулировании положения на северо-восточной границе США⁶⁴. При угрозе возникновения войны с Англией здесь было реальнее открытое столкновение, которое могло привести к дестабилизации в государстве.

Таким образом, Орегон в первой четверти XIX в. становится территорией, где столкнулись интересы Испании, России, Франции, Великобритании и США. При этом, если Россия занимала осторожную, выжидательную позицию, Испания, считая Орегон своей колонией, предпринимала минимальные усилия для его сохранения в сфере своего влияния. Франция, после экспедиции Лаперуза также надеялась реализовать свои экспансионистские замыслы в акватории Тихого океана. Между тем наиболее острое соперничество стало разгораться между Англией и США, вызванное стремлением укрепиться на западном побережье Северной Америки. При решении вопросов колонизации Орегона права коренных народов в основном игнорировались. События рубежа 30–40-х годов XIX в. привели к острой фазе, которая завершилась в 1846 г. подписанием Орегонского договора, определившего континентальную границу между США и Британской Северной Америкой.

Библиография / References

- Альперович М.С.* К предыстории Нутка-зундского кризиса (1789–1790) // Американский ежегодник 1995. М., 1995. С. 181–190.
- Болховитинов Н.Н.* Н.П. Резанов и первое русское кругосветное плавание 1803–1806 гг. // Новая и новейшая история. 1997. № 3. С. 167–186.
- Болховитинов Н.Н.* Русская Америка на рубеже 20-х гг. XIX в. (Принятие новых правил и привилегий РАК) // История Русской Америки, 1732–1867. Т. 2. Деятельность Российско-американской компании (1799–1825) / под ред. Н.Н. Болховитинова. М., 1999. С. 303–338.
- Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения. 1815–1832. М., 1975.
- Внешняя политика России XIX века и начала XX века. Серия вторая. 1815–1830. Т. 4 (12) / отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М., 1980.
- Гаррисон Дж.* Америка: последняя империя. М., 2009.
- Гибсон Дж.Р.* Пушная торговля на Тихоокеанском севере и отношения с «бостонцами» // История Русской Америки, 1732–1867. Т. 2. Деятельность Российско-американской компании (1799–1825) / под ред. Н.Н. Болховитинова. М., 1999. С. 157–189.
- Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша 1789–2001 гг. с историческим комментарием / общ. ред. и комментарий Э.А. Иваняна. М., 2001.
- Куницын А.А.* Кризис в заливе Нутка 1790 г.: англо-испанское противостояние // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2019. № 5 (109). С. 64–68.
- Пасецкий В.М.* Русские проекты поисков северо-западного морского прохода // От Аляски до Огненной Земли. История и этнография стран Америки / отв. ред. И.Р. Григулевич. М., 1967. С. 95–106.
- Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII в. (по материалам испанских архивов): монография в документах. Рязань, 2020.
- Россия и США: становление отношений, 1765–1815: сб. документов / сост. Н.Н. Башкина, Н.Н. Болховитинов, Дж.Х. Браун и др. М., 1980.
- Соэрин В.В.* Энциклопедия истории США. М., 2018.
- Трояновская М.О.* Дискуссии по вопросам внешней политики США (1775–1823). М., 2010.
- Al'perovich M.S.* K predystorii Nutka-zundskogo krizisa (1789–1790) [Towards Prehistory of Nootka Sound Crisis, 1789–1790] // Amerikanskij ezhegodnik [American Yearbook]. 1995. Moskva, 1995. S. 181–190. (In Russ.)
- Bolhovitinov N.N.* N.P. Rezanov i pervoe russkoe krugosvetnoe plavanie 1803–1806 gg. [N.P. Rezanov and the First Russian World-Round Voyage, 1803–1806] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 1997. № 3. S. 167–186. (In Russ.)

⁶⁴ The Diary of John Quincy Adams. P. 370.

Bolhovitinov N.N. Russkaja Amerika na rubezhe 20-kh gg. XIX v. (Prinjatje novyh pravil i privilegij RAK) [Russian America on the Threshold of the 20th and the Adoption of the New Rules and Privileges of the RAC] // Istorija Russkoj Ameriki, 1732–1867. T. 2. Dejatel'nost' Rossijsko-amerikanskoj kompanii (1799–1825) [History of Russian America, 1732–1867. Vol. 2. Activities of the Russian-American Company (1799–1825)] / pod red. N.N. Bolhovitina. Moskva, 1999. S. 303–338. (In Russ.)

Bolhovitinov N.N. Russko-amerikanskije otnoshenija 1815–1832 [Russian-American Relations, 1815–1832]. Moskva, 1975. (In Russ.)

Garrison Dzh. Amerika: poslednjaja imperija [America: Last Empire]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Gibson Dzh.R. Pushnaja trgovlja na Tihookeanskom severe i otnoshenija s “bostoncami” [Fur Trade at the Pacific North and Relations with “Bostonians”] // Istorija Russkoj Ameriki, 1732–1867. T. 2. Dejatel'nost' Rossijsko-amerikanskoj kompanii (1799–1825) [History of Russian America, 1732–1867. Vol. 2. Activities of the Russian-American Company (1799–1825)] / pod red. N.N. Bolhovitina. Moskva, 1999. Vol. 2. S. 157–189. (In Russ.)

Inauguracijnye rechi prezidentov SShA ot Dzhordzha Vashingtona do Dzhordzha Busha 1789–2001 gg. s istoricheskim kommentariem [Inauguration Speeches of U.S. Presidents from George Washington to George Bush, 1789–2001 with Commentaries] / obshh. red. i komentarij Je.A. Ivanjana. Moskva, 2001. (In Russ.)

Kunicyn A.A. Krizis v zalive Nutka 1790 g.: anglo-ispanskoe protivostojanie [Crisis in Nootka Sound of 1790: Anglo-Spanish Confrontation] // Izvestija AltGU. Istoricheskie nauki i arheologija [News of Altai State University. History and Archeology]. 2019. № 5 (109). S. 64–68. (In Russ.)

Paseckij V.M. Russkie proekty poiskov severo-zapadnogo morskogo prohoda [Russian Projects of Search of North West Passage] // Ot Aljaski do Ognennoj Zemli. Istorija i jetnografija stran Ameriki [From Alaska to Land of Fire. History and Ethnography of Countries of America] / otv. red. I.R. Grigulevic. Moskva, 1967. S. 95–106. (In Russ.)

Rossija i Ispanija na severo-zapade Ameriki vo vtoroj polovine XVIII v. (po materialam ispanskih arhivov): monografija v dokumentah [Russia and Spain in the Northwest of America in the Second Half of the 18th Century (on Materials from Spanish Archives): monograph of documents]. Rjazan', 2020. (In Russ.)

Rossija i SShA: stanovlenie otnoshenij, 1765–1815 [The United States and Russia: The Beginnings of Relations, 1765–1815] / sost. N.N. Bashkina, N.N. Bolhovitinov, Dzh.H. Braun, i dr. Moskva, 1980. (In Russ.)

Sogrin V.V. Enciklopedija istorii SShA [Encyclopedia of the USA History]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Trojanovskaja M.O. Diskussii po voprosam vneshnej politiki SShA (1775–1823) [Discussions on the Problems of the U.S. Foreign Policy (1775–1823)]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Vneshnjaja politika Rossii XIX veka i nachala XX veka. Serija vtoraja. 1815–1830. T. 4 (12) [Foreign Policy of Russia, 19th and early 20th Century. Second Series. 1815–1830. Vol. 4 (12)] / otv. red. A.L. Narochnickij. Moskva, 1980. (In Russ.)

Ambrose St.E. Undaunted Courage: Meriwether Lewis, Thomas Jefferson and the Opening of the American West. 1996.

Annals to Congress, 16th Congress. 2nd Session. House of Repr. P. 945–950 // URL: <https://memory.loc.gov/cgi-bin/ampage?collId=llac&fileName=037/llac037.db&recNum=213> (access date: 21.02.2023).

Bailey Th.A. A Diplomatic History of the American People. 7th ed. New York, 1964.

Barragy T.J. The Trading Age, 1792–1844 // Oregon Historical Quarterly. 1975. Vol. LXXVI. Sept. P. 197–224.

Bemis S.F. John Quincy Adams and the Foundation of American Foreign Policy. New York, 1949.

Benton T. Thirty Years' View: or, A History of the Working of the American Government for Thirty Years from 1820 to 1850... Vol. 1. New York, 1854.

Brauer K.J. The United States and British Imperial Expansion, 1815–60 // Diplomatic History. 1988. Vol. 12. № 1. P. 19–37.

Cogliano F.D. Emperor of Liberty: Thomas Jefferson's Foreign Policy. New Haven (Conn.); London, 2014. Diplomatic Correspondence of the United States: Canadian Relations, 1784–1860. Vol. 1 / ed. W.R. Manning. Washington (D.C.), 1942.

Dmyrtyshyn B. N.P. Rezanov's Inspection Tour of Russian Colonies in the North Pacific and His Visit to San Francisco, March 25 – May 10, 1806 // Русская Америка, 1799–1867: материалы Междунар. конф. «К 200-летию образования Российско-американской компании 1799–1999». Москва, 6–10 сент. 1999 г. (Russkaja Amerika, 1799–1867: materialy mezhdunar. konf. “K 200-letiju obrazovanija Rossijsko-amerikanskoj kompanii 1799–1999”. Moskva, 6–10 sent. 1999 g.) [Russian America, 1799–1867: Proceedings of International Conference “To Commemorate the 200th Anniversary of Formation of the Russian-American Company 1799–1867”. Moscow, September 6–10, 1999]. Moscow, 1999. S. 45–69.

Dodds G.B. The American Northwest. A History of Oregon and Washington. Arlington Heights (Ill.), 1986. Examination of the Russian Claims to the North West America // The North American Review. 1822. Vol. 15. № 37. P. 370–401, 490.

Francis D. Battle for the West: Fur Traders and the Birth of Western Canada. Edmonton, 1982.

Galbraith J.S. The Hudson's Bay Company as an Imperial Factor 1821–1869. Berkeley (Calif.), 1957.

- Gibson J.R.* Farming the Frontier: The Agricultural Opening of the Oregon Country, 1786–1846. Seattle; London, 1985.
- Holman F.V.* Some Important Results from the Expedition of John Jacob Astor to, and from the Oregon County // The Quarterly of the Oregon Historical Society. 1911. Vol. XII. № 3. P. 206–219.
- Howay F.W.* John Kendrick and His Sons // The Quarterly of the Oregon Historical Society. 1922. Vol. XXIII. № 4. P. 277–302.
- Hinde W.* George Canning. London, 1973.
- Innis H.A.* The Fur Trade in Canada: An Introduction to Canadian Economic History. Rev. ed. Toronto; London, 1956. (1st ed. 1930).
- Karamansky T.J.* Fur Trade and Exploration. Opening the Far Northwest, 1821–1852. Norman (Okla.), 1983.
- Kelley R.* The Shaping of the American Past. Englewood Cliffs (N.J.), 1978.
- Long's Expedition // The North American Review. 1823. Vol. 16. № 39. P. 242–269.
- Manning W.R.* The Nootka Sound Controversy // Annual Report of the American Historical Association for Year 1904. Washington (D.C.) 1905. P. 279–478.
- Merk F.* Albert Gallatin and the Oregon Problem: A Study in Anglo-American Diplomacy. Cambridge (Mass.), 1950.
- Mills L.* The Real Significance of the Nootka Sound Incident // The Canadian Historical Review. New Ser. 1925. Vol. VI. № 2. P. 110–122.
- Mockford J.* Before Lewis and Clark, Lt. Broughton's River of Names: The Columbia River Exploration of 1792 // Oregon Historical Quarterly. 2005. Vol. 106. № 4. P. 542–567.
- Porter K.W.* John Jacob Astor. Business Man. Vol. 1. Cambridge (Mass.), 1931.
- Rush R.* A Residence at the Court of London. London, 1833.
- Some Official Correspondence of George Canning. Vol. 2 / ed. E.J. Stapleton. New York, 1970 (1st ed. London, 1887).
- Stark P.* Astoria: John Jacob Astor and Thomas Jefferson's Lost Pacific Empire. A Story of Wealth, Ambition, and Survival. New York, 2014.
- To Siberia and Russian America: Three Centuries of Russian Eastward Expansion. A Documentary Record. Vol. 3. The Russian-American Colonies, 1798–1867: A Documentary Record / eds and transl. by B. Dmytryshyn, E.A.P. Crownhart-Vaughan, Th. Vaughan. Portland (Ore.), 1989.
- The Diary of John Quincy Adams, 1794–1845. American Political, Social and Intellectual Life from Washington to Polk / ed. A. Nevins. New York, et al., 1929.
- The Record of American Diplomacy. Documents and Readings in the History of American Foreign Policy / ed. R.J. Bartlett. 3d ed. rev. New York, 1954. (1st ed. 1947).

DOI: 10.31857/S013038640025912-1

© 2023 г. А.В. ПОСАДСКИЙ, Л.В. ЛАННИК

«САРАТОВСКИЙ КЛЮЧ» К КАМПАНИИ 1918 года

Посадский Антон Викторович — доктор исторических наук, профессор Поволжского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Саратов, Россия).

E-mail: Posaday68@mail.ru

Scopus Author ID: 57195474044; ORCID: 0000-0001-8738-7487

Ланник Леонтий Владимирович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211606261; ORCID: 0000-0003-4313-5557; Researcher ID: ABD-9832-2020

Аннотация. Статья посвящена роли Саратова в кампании 1918 г. Первой мировой войны. Значимость тылового русского города в событиях мировой войны могла проявиться только после Брест-Литовского договора между Германской империей и Советской Россией. Договор создал пространство новых возможностей для одержавших победу на Восточном фронте Центральных держав. Фрагментация пространства Российской империи, дефицит ресурсов и притязания на будущий масштабный колониальный передел заставляли Германскую империю мыслить в евразийском масштабе. Важной точкой приложения дипломатических и военных усилий как Германии, так и сторон Гражданской войны в России стали многочисленные потомки немцев-колонистов в Саратовской и Самарской губерниях России. На протяжении весны—осени 1918 г. германские военно-политические проекты на Востоке неизбежно включали в свою орбиту Саратов как важнейший пункт на пути в Туркестан и Индию. Для оформившихся к лету 1918 г. различных антибольшевистских сил Востока и Юга возникала возможность объединения на естественном волжском операционном направлении. При их гипотетическом объединении значительные пополнения могли дать зажиточные поволжские немцы, взаимодействие с которыми требовало однозначной прогерманской ориентации. В статье рассмотрены и оценены возможности и действия основных военно-политических акторов — Германской империи, РСФСР, антибольшевистских правительств — в Брестской системе международных отношений и в условиях Гражданской войны в России в марте—ноябре 1918 г. Обоснована гипотеза о роли, в том числе потенциальной, саратовского направления, на котором как Германия, так и Белое движение упустили возможность добиться решающих результатов.

Ключевые слова: Белое движение, Гражданская война в России, иностранная интервенция, Германская империя, Саратов, немцы Поволжья.

A.V. Posadsky, L.V. Lannik

“Saratov Key” to the 1918 Campaign

Anton Posadsky, Volga Region Institute of Management — branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Saratov, Russia).

E-mail: Posadav68@mail.ru

Scopus Author ID: 57195474044; ORCID: 0000-0001-8738-7487

Leontiy Lannik, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211606261; ORCID: 0000-0003-4313-5557; Researcher ID: ABD-9832-2020

Abstract. In the article, the authors examine the role of Saratov in the 1918 campaign of the Great War. The significance of this Russian rear city in the events of the war only became apparent after the conclusion of the Treaty of Brest-Litovsk between the German Empire and Soviet Russia. The Treaty of 3 March 1918 created a vast field of new opportunities for the Central Powers, which had supposedly triumphed on the Eastern Front. The fragmentation of the Russian Empire, lack of resources and aspirations for a future radical colonial redistribution forced the German Empire to think on a Eurasian scale. The numerous descendants of German colonists in the Russian governorates of Saratov and Samara became an important point of diplomatic and military effort for both Germany and the parties of the Russian Civil War. From spring to autumn 1918, German military and political projects in the East would invariably include Saratov as a crucial location on the road to Turkestan and India. For the various anti-Bolshevik forces in the East and South, which managed to form independently by the summer of 1918, there was the possibility of uniting in the obvious Volga operational direction. In their hypothetical unification, wealthy Volga Germans could constitute a substantial reinforcement, although any interaction with them required an unambiguous pro-German orientation. In the article, the authors examine and assess the capabilities and actions of the main military and political actors – the German Empire, the RSFSR, the anti-Bolshevik governments – in the Brest system of international relations and in the context of the Russian Civil War in March – November 1918. They substantiate the hypothesis of the role, including the potential one, of the Saratov direction, in which both Germany and the White Movement missed the opportunity to achieve decisive results.

Keywords: White Movement, Russian Civil War, foreign intervention, German Empire, Saratov, Volga Germans.

Развертывание Гражданской войны в России происходило на фоне самой интенсивной и решающей кампании 1918 г. на фронтах Великой войны. Это обстоятельство задавало чрезвычайно высокую динамику как военным, так и политическим процессам. Основные государственной — подписанты мирного договора от 3 марта 1918 г. были не способны перейти к механической имплементации этого документа, несмотря на заявления, даже если бы последовательно стремились к этому. Новый гегемон Восточной Европы неизбежно втягивался в политические и военные отношения с новыми государственными субъектами на территории Российской империи, выстраивая под себя новую систему международных отношений, однако с крайне сомнительными успехами¹.

В развернувшемся на постимперских пространствах многослойном конфликте ярко проявлялась региональная специфика, однако наибольшее влияние объективно оказывали две логики развития событий и, соответственно, поведения политических акторов — мировой войны и лишь разворачивавшейся в 1918 г. гражданской. В историографии это явление вызывало как заблуждения, так и сознательные манипуляции фактами. Наиболее известные из последних — версия о «походе 14-ти держав» против Советской России и теория о вездесущем «германо-большевистском заговоре». Крушение Российской империи и общеевропейский революционный кризис давали простор для реализации тех или иных национальных программ, для самых смелых империалистических или реваншистских проектов. Любые правительства, возникавшие на территории Российской империи, эвентуально или актуально могли становиться точками приложения сил Германии. Молодые государственные образования остро нуждались в любых перспективах союзничества и поддержки. Все воюющие державы

¹ См. подробнее: Ланник Л.В. Брестская система международных отношений как пространство германской гегемонии в Восточной Европе: дис. ... докт. ист. наук. М., 2022.

проводили в России многовекторную политику, реагируя на быстро развивавшийся кризис государственных институтов. Его кульминация осенью 1917 г. и попытки вывода распавшейся империи из Великой войны, не считаясь с потерями, спровоцировали резкую активизацию и усложнение каналов воздействия на ситуацию в регионах как со стороны Антанты, так и тем более — Центральных держав.

9 февраля 1918 г. Центральные державы сумели оформить подписание первого за Великую войну мира с Украинской Народной Республикой, а затем довели до заключения и другие договоры. Теперь Германия могла строить дерзкие планы поистине евразийского масштаба². Однако им не хватало региональных и локальных партнеров, а потому постепенно росло значение российских немцев, причем не только оказавшихся на территориях, оккупированных австро-германскими войсками, но и оставшихся (пока) вне досягаемости прямой военной помощи из Берлина и Вены. Слом российской государственности открывал для них новые возможности выживания, приспособления, изменения резко ухудшившегося за годы германофобии положения. Статьи целого ряда победных для Центральных держав мирных договоров (и многочисленных приложений к ним), в том числе Брестского, закрепили возможности германского влияния на теперь уже «советских» немцев, в том числе с помощью сети консульств, к воссозданию которых намеревались приступить как можно скорее³.

Эскалация Гражданской войны с неизбежностью повышала значение Поволжья, которое быстро оказалось одним из наиболее активно оспариваемых враждующими сторонами регионов. Вследствие восстания Чехословацкого корпуса и первых союзных высадок на Севере и в Приморье Волга становилась гипотетической линией нового антигерманского фронта, с одной стороны, и очевидным операционным направлением с востока на ставшую большевистской столицей Москву — с другой. Борьба на линии Волги естественным образом ставила на повестку дня координацию или объединение сил на ключевой — особенно с учетом катастрофической деградации в работе железных дорог — транспортной артерии.

Расстояние по прямой между Вольском и Камышином, ставшими крайними точками продвижения антибольшевистских сил (Народной армии в сентябре 1918 г. и войск Донской армии в октябре 1918 г.) на саратовском направлении, — 258 километров — по поволжским масштабам и при размахе Гражданской войны совсем не велико. Именно это подталкивало и современников, и потомков к вопросу: отчего антибольшевистские силы не объединили свои действия летом 1918 г.? Постепенно, однако, эта альтернатива стала исчезать из набора ключевых «почему» в истории Гражданской войны⁴, изучение которой прошло слишком много болезненных трансформаций. Так или иначе, в отличие от громадных пространств Урала и Сибири, на которых советская власть пала в начале лета 1918-го в считанные недели, в Поволжье так не случилось.

С начала лета 1918 г. жизненно важным для удержания Совнаркомом власти стал Царицын, связывавший многочисленные северокавказские красные формирования с центральными районами. Едва вступивший в стадию бурного промышленного развития уездный Царицын был соединен железной дорогой пока только с Грязями, Тихорецкой и Воронежем. При крупных перспективах дальнейшего индустриального развития он по-прежнему существенно уступал основным центрам Поволжья, особенно своей губернской столице — Саратову. Летом 1918-го Саратов являлся не менее важной точкой на фронтах не только Гражданской войны в России, но и в контексте Первой мировой, продолжившейся на Востоке, несмотря на

² Об общем уровне оценки экономического развития России и ее регионов одним из основателей германского россиеведения, см.: Хётч О. Россия. Введение / пер. с нем., комм. и пред. Л.В. Ланника. М., 2021.

³ См.: Советско-германские отношения от Октябрьской революции до заключения Рапальского договора: в 2-х т. Т. 1. От Октябрьской революции до конца 1918 г. М., 1968. С. 382, 392, 395, 424–426. Об усилиях по защите национальных меньшинств в мирных договорах «нового поколения» с начала 1918 г. см., например: Ostmitteleuropa zwischen den beiden Weltkriegen (1918–1939). Stärke und Schwäche der neuen Staaten, nationale Minderheiten / Hrsg. von H. Lemberg. Marburg, 1997.

⁴ См.: Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018.

Брестский мир. Для реконструкции кампании Великой войны в России в 1918 г. необходимо еще раз поставить вопрос о значении этого города для континентальных экспансионистских планов кайзеровской Германии на просторах бывшей Российской империи. Саратов имел действительно развитую по тогдашним меркам сеть коммуникаций, в том числе с заволжским Уральском и магистралью в Астрахань по заволжским степям. Он представлял собой крупную перевалочную базу, располагал внушительными мукомольными и элеваторными мощностями, что имело решающее значение для разворачивавшейся смертельной схватки за продовольственные ресурсы. Связь с самарским берегом давала дополнительные возможности эксплуатации хлебного края⁵. В нарастающем тотальном конфликте все нюансы социально-экономического развития регионов обретали политическое измерение. Летом 1918 г. было несложно предвидеть, что крупнейшие города европейской России без устойчивых поставок из оставшихся под властью большевиков зерновых районов постигнет социальная катастрофа.

Тяжелые проблемы большевиков во многом компенсировались критической разобщенностью в лагере их противников. С конца мая 1918 г. определяющее влияние на пространствах от Волги до Тихого океана оказывали последствия мятежа Чехословацкого корпуса. Они резко обострили проблему внешнеполитической ориентации — пусть зачастую декларативной — антибольшевистских сил. Разногласия между условно прогерманскими и проантантовскими силами сказывались на оперативных замыслах и общей логике действий всех частей далеко не консолидированных сил Белого движения на Юге и Востоке. Спонсировавшие их державы Антанты и Четверного союза часто с трудом разбирались в реальной обстановке на местах. Существует немало примеров причудливых версий и иллюзий германского командования насчет ближайших планов и логики действий антибольшевистских сил⁶. Слухи о неизбежном (или уже состоявшемся) падении Саратова «из надежных источников» не раз передавались в Берлин через германское посольство в Москве, активно контактировавшее с антибольшевистским подпольем⁷. Характерна и удивительная фраза о чехословацких войсках в России из бюллетеня отдела информации Ставки Главнокомандования войсками Антанты в России от 15 августа 1918 г.: «Опираясь на поддержку сначала донских, а затем волжских казаков, они численностью несколько десятков тысяч направились в Сибирь»⁸.

До начала лета 1918 г. основным вариантом решения поволжской проблемы для белых виделась опора на Дон и его армию, успехи и возможности которой сильно преувеличивались в антибольшевистских кругах. За время от Общедонского восстания мая 1918 до октября

⁵ Например, пристань Балакова по грузообороту зерна была сопоставима с самарской. *Андреев Н.* Иллюстрированный путеводитель по Волге и ее притокам Оке и Каме: с видами городов и достопримечательностей. 2-е изд. М., 1915. С. 228, 244.

⁶ Начальник штаба группы армий «Киев» В. Грёнер 16 июля 1918 г. писал вюртембергскому военному министру о своих опасениях, что чехословаки возьмут Царицын. См.: *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966. S. 390. Угрозой объединения казаков и чехословаков в германской Ставке оправдывали нежелание отказываться от помощи Краснову. См., например: *Kessler H. Graf.* Das Tagebuch 1880—1937. Bd. 6. Stuttgart, 2006. S. 470—471. В свою очередь, был вынужден оправдываться и НКВД. В ноте Мирбаху от 30 июня Чичерин заявлял: «Относительно так называемого движения вперед казацкой чехословацкой дивизии через Царицын на Ростов, я спешу сообщить Вам, что никакая казацкая чехословацкая дивизия не может двигаться от Царицына потому, что таких казаков не существует вовсе. Царицын прочно удерживается нами, и никакие вражеские силы не могут пройти через Царицын и двинуться к Ростову... Вообще чехословаки совсем не двигаются к Царицыну... Если и имели место столкновения... то в этом виновато германское военное командование в этих областях, которое, несмотря на наше повторное настояние, совсем не хотело заключить перемирие». См.: *Документы внешней политики СССР*. Т. 1. М., 1958. С. 378—379.

⁷ Эти донесения передавались и 29 июня, и 25 июля, и 3 августа, и позднее, однако большевистские дипломаты всякий раз немедленно опровергали эти сведения, хотя особым доверием не пользовались: *Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes* (далее — ПА АА). RZ 201/2002. Bl. 267; 2008. Bl. 106; 10106/119, 130, 143; 10112/159—163; 21921. Bl. 22.

⁸ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914—1920. Документы и материалы: в 2-х т. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918—1920 гг. М., 2018. С. 355—356.

1918 г. выстраивался прогерманский военно-политический контур, в котором Саратов и поволжские немцы, казалось, должны были обрести ключевую роль. Утрата большевиками контроля над этим регионом виделась неизбежной. Саратов находился в окружении казачьих войск — Донского, Уральского, Астраханского, Оренбургского. В первые месяцы установления советской власти именно это соседство питало внутреннюю войну. Первые красные формирования в Саратове, не считая появившихся еще весной частей «интернационалистов»⁹, возникали в борьбе с казаками Хоперского округа, походах на Астрахань и Уральск, разоружении возвращавшихся с фронта казачьих эшелонов. Почти одновременно с началом восстания Чехословацкого корпуса германская разведка получила сведения об активном вооружении бывших военнопленных в Саратове, об издании в Самаре специальных газет о них и т.п.¹⁰ Присутствие на Средней Волге большого количества военнопленных и интернированных из Центральных держав¹¹ при их контактах с местным немецким населением могло возыметь кумулятивный эффект. Этот напрашивающийся вывод делал особенно важной отправку специальных германских комиссий по репатриации (а в действительности — по первичному контролю и оценке перспектив) именно в Саратов и Самару. Они пытались продолжать там работу даже после сворачивания деятельности основной инстанции при посольстве в Москве 8—10 августа 1918 г.¹²

Логика нарастания конфликта в Поволжье оправдывала планирование будущих саратовских перспектив. Не позже конца июня 1918 г. основной задачей рассчитывавшего на прямую поддержку оккупационных войск Краснова стало взятие под предлогом защиты Донской области и выхода к Волге Царицына. В ответ появился Южный фронт РККА. Казачье руководство смотрело на эту задачу с позиций молодой донской государственности, видимость которой оно упорно создавало перед своими германскими покровителями¹³. Генерал К.К. Мамантов самочинно сформировал Царицынский округ Всевеликого войска Донского из территорий Саратовской и Астраханской губерний. При условии совместной с добровольцами борьбы город со 100-тысячным населением и мощными военными заводами давал возможность обустроить крепкую базу, не менее ценную, чем Екатеринодар или Ставрополь. Захват Царицына блокировал использование красными волжской артерии для связи не только с Астраханью, но и через нее с нефтепромыслами Баку. Последние — после утраты Советами контроля над всем Донбассом (к середине мая 1918 г.) — стали безальтернативным источником топлива для РСФСР¹⁴.

Идее прихода Добровольческой армии на Волгу, под Царицын, противостоял узел противоречивых военно-политических обстоятельств. Прежде всего это борьба сторонников германской и союзнической ориентации Дона и Добровольческой армии, далеко не оконченная

⁹ См. о специфике данного явления и особенностях историографии: *Ланник Л.В.* Германский фактор в развертывании Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке: проблема переоценки // *Гражданская война в России. Проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности.* Сб. науч. трудов / под ред. В.М. Рынкova, В.В. Журавлева. Новосибирск, 2022. С. 257—270.

¹⁰ Об этом говорилось в очередной сводке данных о России отдела разведки (IIIb) Большого генерального штаба от 25 мая: РА АА. RZ 201/11072/161—162.

¹¹ См. подробнее: *Калыкина А.В.* Под охраной русского великодушия. Военнопленные Первой мировой войны в Саратовском Поволжье (1914—1922). М., 2014.

¹² Сохранился и отчет подкомиссии о деятельности в Тамбове, Пензе, Саратове и Самаре, который удалось составить лишь в начале 1919 г.: РА АА. RZ 201/2023/240—242.

¹³ Масса документов о взаимоотношениях с Доном, стилизованных под дипломатические: РА АА. RZ 201/11136—11139. Масштабного отражения в отечественной подборке документов этот сюжет не получил, см.: *Дон в годы революции и Гражданской войны: 1917—1920 гг.* Сб. документов: в 2-х т. / науч. ред. О.М. Морозова. Ростов-на-Дону, 2017—2020.

¹⁴ О значении Баку и борьбе за него в контексте Великой войны: *Мирзаханов В.С., Ланник Л.В.* Бакинский кризис в истории Батумской подсистемы: кульминация неудавшихся имперских проектов, август—сентябрь 1918 г. // *Новая и новейшая история.* 2022. № 5. С. 104—119.

вплоть до смерти М.В. Алексева¹⁵. Данная проблема стала одной из ключевых для трансформации позиций русского офицерства¹⁶. Уже во время Второго Кубанского похода Добровольческая армия наглядно продемонстрировала подрывом моста у Кушевской (23 июля 1918 г.), что не допустит даже видимости прямого взаимодействия с прогерманскими силами, т.е. с войсками Дона. Полковник А.А. Зайцов подробно разбирал мотивы донцов и добровольцев в 1918 г., начиная со свидания в Манычской 15 (28) мая, и убедительно показал, что не было военных соображений против идеи общего движения на Царицын. Мотивы могли быть только политические. При этом автор отмечал благоприятные для белых настроения Саратовской губернии «с ее немецкими колонистами»¹⁷. Вопрос о роли Царицына в кампании 1918 г. был недавно вновь рассмотрен А.С. Кручининым. По его мнению, атаман П.Н. Краснов пытался использовать силы Добровольческой армии для решения своих региональных задач, что неизбежно вело к германской ориентации¹⁸. Думается, смещение фокуса внимания с Царицына на Саратов открывает новый масштаб рассмотрения и проблемы ориентаций, и вопроса об операционных направлениях.

Взятие Саратова как одна из «упущенных возможностей» в антибольшевистской литературе быстро оказалось в тени позднейших драматических поворотов. Между тем на IX Совете Партии социалистов-революционеров (ПСР) в июне 1919 г. говорилось, что Казань была взята вопреки приказам Главного штаба и командующего Поволжским фронтом Народной армии С. Чечека, а также решению Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч) взять Саратов¹⁹. Южное направление для Комуча должно было оказаться главным, в том числе из-за сочувственного настроения саратовских крестьян. В.М. Чернов, лидер ПСР, отправился в Самару через Саратов и несколько недель ждал в нем прихода Народной армии²⁰. Троцкий в начале сентября собирался в Саратов и лишь в последний момент отправился под Казань²¹. В роли чрезвычайного военного организатора на этом участке фронта в августе–сентябре выступала Высшая военная инспекция. В Саратове и прифронтовой полосе Троцкий все же побывал 17–21 сентября²².

¹⁵ См.: *Lannik L.V. Germany and the White Movement in the South, 1918 // Military Affairs in Russia's Great War and Revolution, 1914–22. Book 2. The Russian Civil War: Campaigns and Operations / eds D.R. Stone, J.D. Smele, G. Swain, A. Marshall, S. Marks, A.V. Ganin. Bloomington, 2021. P. 45–62.*

¹⁶ См. подробнее: *Ланник Л.В., Посадский А.В. Внешнеполитическая ориентация русского офицерства и факторы становления и неудач Белого движения: к постановке проблемы // Новая и новейшая история. 2022. № 3. С. 5–26.*

¹⁷ *Зайцов А.А. 1918 год. Очерки по истории русской гражданской войны. Париж, 1934. С. 192–202.* Уточним, что название «колонисты» применительно к немецким «поселянам-собственникам» (с 1871 г.) является формально неточным, однако оно оставалось в широком употреблении и в настоящей статье также используется как синоним наименования «поселяне».

¹⁸ *Кручинин А.С. «Проблема Царицына» в стратегии и историографии // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации. Материалы международной научно-практической конференции. Волгоград, 2021. С. 319.*

¹⁹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, июнь–октябрь 1918 года. М., 2011. С. 478.

²⁰ *Аврус А.И., Голосеева А.А., Новиков А.П. Виктор Чернов: жизнь русского социалиста. М., 2015. С. 195–196.*

²¹ Троцкий пересказывал такой эпизод о полученной им 22 августа телеграмме Ленина и Свердлова: «Измена на саратовском фронте, хотя и открытая вовремя, вызвала... колебания крайне опасные. Мы считаем абсолютно необходимой вашу поездку туда». Я считал совершенно невозможным покидать Свияжск: отъезд поезда потряс бы казанский фронт, переживавший и без того трудные часы. Казань была во всех отношениях важнее Саратова. Ленин и Свердлов с этим вскоре сами согласились». *Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 1991. С. 398–399.*

²² *Варфоломеев Ю.В. Вояж наркомвоенмора Л.Д. Троцкого в Саратовское Поволжье // Базис. 2020. № 1 (7). С. 76–79.*

В.О. Каппель собирался далее бить вверх по Волге на Нижний Новгород²³. Однако сил не хватало не только на следующий результативный бросок, но и для устойчивой обороны в окрестностях Казани. Взятие этого крупного города белыми во многом было обеспечено удачным стечением обстоятельств, в том числе действиями сербского отряда Благодича²⁴. Однако устойчивым оперативным фактором такой набор разнородных импульсов стать не мог. С учетом сложных взаимоотношений Комуча с А.И. Дутовым и накала боев в Заволжье между «интернационалистами» и уральскими казаками взятие Саратова силами Народной армии трудно представить иначе, как с участием бригады В.О. Каппеля. Один из рассмотренных в историографии примеров²⁵ показывает, что и в самом благожелательно настроенном к белым районе организовать местными силами новые боеспособные части Народной армии было невозможно. Только сосредоточение на одном направлении обоих сильных отрядов — Махина²⁶ и Каппеля²⁷ — позволяло надеяться на оперативный успех при условии поддержки местными жителями.

Богатая историография феномена российских немцев склонна подчеркивать страдательную роль поселян в пореволюционные годы²⁸. Политическая же субъектность колонистов в тот или иной момент времени остается в тени. В исключительной ситуации Гражданской войны поволжские немцы могли стать одним из рычагов радикального пересмотра сфер влияния в глубине континента.

К началу лета 1918 г. самарско-саратовский²⁹ массив колоний стал испытывать резкую интенсификацию воздействия акторов разгоравшейся Гражданской войны. Из-за обострявшегося продовольственного кризиса Совнарком был особенно важен этот хлебный край. Колонии быстро были вытеснены на положение «кулацких гнезд», испытывая революционно-бандитский прессинг³⁰. Поздней весной—осенью 1918 г. разворачивалась деятельность Поволжского немецкого комиссариата, созданного 29 мая 1918 г. Борьба за симпатии и лояльность поселян происходила в максимально сложных условиях из-за быстрого ужесточения большевистской аграрной политики. Немцы ответили выступлениями против реквизиций в июне—июле сначала на правом, а затем и левом берегу Волги. Эти выступления удалось прекратить агитационными усилиями Поволжского комиссариата³¹, однако задействованы были и вооруженные силы, а также «карательный речной отряд»³².

²³ Бортневский В.Г. Белое дело (люди и события). СПб., 1993. С. 51.

²⁴ Захаров А.М. Создание сербского добровольческого полка имени майора Благодича в России в 1918 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 8 (22). Ч. II. С. 70—73.

²⁵ Посадский А.В. Из истории Павловки и Павловской дружины (Хвалынский уезд Саратовской губернии в 1918 г.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Вып. 9. Ч. 1. Самара, 2021. С. 104—114. URL: <http://sbornik.libsmr.ru/> (дата обращения: 15.02.2023).

²⁶ См. подробнее: Ганин А.В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917—1922 гг. М., 2020. С. 27—332.

²⁷ См. подробнее: Бринюк Н.Ю. Владимир Каппель. Биография эпохи. СПб., 2019.

²⁸ Основной германской историографии стали: *Eisfeld A. Deutsche Kolonien an der Wolga 1917—1919 und das Deutsche Reich. Wiesbaden, 1985; Zwischen Revolution und Autonomie: Dokumente zur Geschichte der Wolgadeutschen aus den Jahren 1917 und 1918 / Hrsg. von V. Herdt. Köln, 2000; Dönninghaus J. Minderheiten in Bedrängnis. Die sowjetische Politik gegenüber Deutschen, Polen und anderen Diaspora-Nationalitäten 1917—1938. München, 2009.* Российская историография немцев Поволжья опирается на труды А.А. Германа: Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. 2-е изд. М., 2000.

²⁹ Саратовское Заволжье до 1918 г. входило в состав Самарской губернии.

³⁰ Герман А.А. Политические и социально-экономические процессы 1918 года в селах Саратовского Поволжья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: «История. Международные отношения». 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 378—379.

³¹ Герман А.А. История Республики немцев Поволжья. С. 40.

³² Симонов А.А. Краткие сведения о Рязанско-Уральской железной дороге в годы Гражданской войны // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 14. Саратов, 2021. С. 96.

Саратовский пастор И.А. Шлейнинг в докладе для штаба Главнокомандующего Вооруженными силами на юге России³³ дал очерк существования двух сотен самарских и саратовских немецких поселений и обрисовал их положение после революции, в том числе разрушение некоторых из них после подавления восстаний³⁴. Летом колонисты и астраханские казаки поднялись первыми, а лишь затем прошла волна возмущений в русских селах. Отдельные подробности этих выступлений сохранены в устных воспоминаниях. В них говорится о восстании в июле 1918 г. до 32 поселений Камышинского уезда с центром в Келлере (Караульный Буюрак). Оно было спровоцировано мобилизацией в РККА. Попытка одной из групп восставших на захваченном поезде занять Камышин не удалась. В то же время камышинские власти эвакуировались на пароходе³⁵, т.е. слабовооруженные, но напористые массы повстанцев имели шансы захватить уездный центр.

В июле–августе 1918 г. еще один враг, даже регионального значения, мог иметь роковые последствия для Совнаркома, особенно в условиях угрозы разрыва Германией Брестского мира. Различные ходатаи из Поволжья ставили вопрос о притеснениях немцев советской властью перед германскими дипломатами и военными атташе в Москве³⁶. Через представительства Кайзеррейха они активно налаживали каналы по выводу капиталов, искали пути льготной продажи активов, содействия контрабанде товаров и продовольствия³⁷, а двусторонние отношения РСФСР и Германской империи, в том числе экономические, были далеки от позитивной динамики. Берлин все заметнее проявлял интерес к далекому соотечественнику, планируя интенсифицировать опеку над ними с помощью восстановленного в Саратове консульства. Уже 18 мая посол в Москве граф В. фон Мирбах торопил начальство с назначением и присылкой консулов в Петроград, Саратов, Омск и Иркутск, на что Ленин был согласен, Ростов же и Нижний Новгород могли подождать³⁸. Такие приоритеты не случайны, ведь в Иркутск стекались военнопленные со всего Дальнего Востока, Петроград оставался важнейшей точкой притяжения для бежавших из плена и мест интернирования, а Омск и Саратов давали шансы на плотное взаимодействие с российскими немцами. В Саратов планировали назначить прежнего консула М. Шёнштедта, с весны 1918 г. временно приданного германской делегации на Украине и открывавшего консульство в Харькове, однако в Саратов он, несмотря на агреман советской стороны³⁹, по-видимому, так и не вернулся⁴⁰.

Перспектива активного вмешательства Германии, особенно в реализацию мер «военного коммунизма», в одном из важнейших аграрных регионов крайне встревожила НКВД и Совнарком⁴¹. Нужно было перехватить инициативу, лишить кайзеровских эмиссаров предлога к развертыванию агентурной сети. Потенциал подобных «гуманитарных» миссий был к этому

³³ Он был редактором выходившей в Саратове с лета 1917 г. «Саратовской немецкой народной газеты». Документ датирован 20 августа (2 сентября) 1919 г. и помечен Таганрогом. Данный факт говорит о том, что какая-то часть немцев избирала для себя путь на белый Юг. См. подробнее: *Герман А.А. Немецкая автономия на Волге 1918–1941*. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 17.

³⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 10003. Оп. 11. Д. 49. Л. 159–161 об.

³⁵ URL: <https://josefstal.wordpress.com/2014/06/24/the-white-red-train-experiences-of-a-german-russian-farmer-in-1918/>; <https://www.volgagermans.org/history/revolution-bolshevik/1918-uprising-kohl> (дата обращения: 15.02.2023).

³⁶ В Берлине начали активно накапливать материалы по немцам-колонистам в различных российских регионах. К сожалению, эти документы до сих пор почти не введены в научный оборот: РА АА. RZ 201/10591–10592.

³⁷ Сигналы в НКВД о подобной активности консульств см.: Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 04. Оп. 13. П. 72. Д. 1027. Л. 35–38, 49–50.

³⁸ См. донесение в Берлин: РА АА. RZ 201/11072/140.

³⁹ Согласие советская сторона заявила 16 июня: АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 15. Д. 60. Л. 54.

⁴⁰ Возможно, это был личный выбор консула, который в июле 1914 г. в Саратове (где шесть лет был генеральным консулом) пытался покончить с собой: *Biographisches Handbuch des deutschen Auswärtigen Dienstes 1871–1945: 5 Bde. Paderborn u.a., 2000–2014. Bd. 4. S. 157–158.*

⁴¹ 5 сентября Радек категорически отговаривал соглашаться на отправку дополнительных германских эмиссаров в Саратов, Вологду и Нижний Новгород, заявляя, что и комиссий по военнопленным достаточно: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 72. Д. 1025. Л. 15.

моменту ярко продемонстрирован, например, лейтенантом Балком во время Ярославского восстания. В общей логике выстраиваемой германской гегемонии немцы-колонисты становились одним из самых напрашивающихся вариантов укрепления базы советской власти, даже если последняя будет лишь прикрытием для экспансионистских планов Кайзеррейха. Большевики весьма своевременно и предусмотрительно организовали первую «советскую» автономию.

В рамках курса на сохранение Брестского мира только что выдержавший тяжелейшее потрясение Совнарком 26 июля направил предписание Советам депутатов Самары и Саратова с запретом «самочинных действий» в отношении колонистов⁴². Автономия, несомненно, воспринималась большинством немцев Поволжья позитивно, однако не означала в их глазах солидарности с курсом большевистского правительства⁴³. Вскоре после череды возмущений последовала расплата главным ресурсом, замаскированная под триумф советского национального проекта. Пресса сообщала: «Саратов, 24 августа. Все советы немецких колоний постановили весь огромный излишек хлеба направить в Москву»⁴⁴. Такое заявление — с поправкой на явное утрирование — следует рассматривать в контексте не только внутренней политики РСФСР, но и согласованного в те же дни нового этапа советско-германского взаимодействия, зафиксированного Добавочным договором от 27 августа. Этот документ означал, что Германская империя заинтересована в устойчивости власти Совнаркома, которую следовало обеспечить не только на фронтах Гражданской войны, но и в схватке за продовольственные ресурсы центра России⁴⁵. Военно-экономический потенциал немцев-волжан теперь обязан был стать весомой величиной при любых политических и военных расчетах в противостоянии Антанты и Центральных держав.

Новые государственные образования в России не годились на роль союзников, преследуя свои интересы и тяготея к выжидательной позиции до скорого окончания мировой войны. Наступательная операция кайзеровских войск с Дона к Саратову была исключена из-за отсутствия консенсуса в военно-политическом руководстве Германии. Даже прямое содействие атаману Краснову во взятии Царицына не состоялось. Зато германские эмиссары вполне могли манипулировать донцами, поволжскими немцами, «саратовцами» и «астраханцами». Кайзеровские генштабисты, не имея надежных данных о стратегических замыслах М.В. Алексева, справедливо учитывали возможность внезапной «переориентации» на союзников ранее лояльных им казачьих и офицерских соединений при образовании сравнительно широкой антибольшевистской коалиции на базе Комуча. Географически объединение Белого Востока и Юга столь напрашивалось, что удар на Саратов становился едва ли ни самым нежелательным для Кайзеррейха вариантом развития событий.

При перспективе гегемонии Германии евразийского масштаба контроль над Волгой окупал почти любые усилия обеих коалиций великих держав, тем более в почти недостижимых для них континентальных регионах. Летом 1918-го появились белые и красные флотилии на Волге. Царицын оставался красным, но овладение Камышином и Саратовом создавало новые возможности для боевого и иного взаимодействия антибольшевистских сил, которые бы двигались с юга и севера вдоль Волги. Саратов быстро стал одной из напрашивавшихся целей не только Краснова, но и Комуча, который афишировал свою «союзническую» ориентацию, несмотря на неоднозначную позицию многих

⁴² См.: Герман А.А. Революционная деятельность Эрнста Рейтера в Саратовском Поволжье (1918 г.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: «История. Международные отношения». 2019. Т. 19. Вып. 2. С. 244.

⁴³ Деятельность подданного Кайзеррейха Э. Рейтера далеко не сразу была воспринята именно в революционном контексте, хотя в Наркомназе первые ее успехи воспринимались именно так. См.: Brandt W., Lowenthal R. Ernst Reuter. Ein Leben für die Freiheit. Eine politische Biographie. München, 1957. S. 79–113.

⁴⁴ Известия Острогжского совета рабочих и крестьянских депутатов. 28.VIII.1918. С. 3.

⁴⁵ См.: Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 307–310; Давыдов А.Ю. Третий фронт Гражданской войны: мешочничество. СПб., 2019.

военных, включая В.Г. Болдырева и А.Н. Гришина-Алмазова. Однако надежной связи с потенциальными партнерами за Уралом германские эмиссары не имели, ведь проехать через фронт Чехословацкого корпуса могли лишь эмиссары из нейтральных стран⁴⁶. Именно это мотивировало не только большевиков, но и Кайзеррейх к поиску надежного рычага влияния в Саратовском Поволжье. Оно должно было стать не только барьером на пути к проантантовской консолидации Белого дела, но и надежным мостом в Туркестан. Железная дорога через Рязань и Тамбов, связывавшая Москву и Саратов, оставалась вне досягаемости антибольшевистских сил (в отличие от линии на Царицын). Именно по ней доставили в Саратов малые подлодки для борьбы с англичанами на Каспии⁴⁷. Линия от Волги на Туркестан через Уральск открывала для Германии возможности овладения стратегическим сырьем и реализации старого миража о нанесении «смертельного удара» Великобритании в Индии. Генерал Б.Н. Литвинов нарисовал в мемуарах гротескную картину проникновения до 1914 г. немцев-колонистов в Туркестан под русскими фамилиями⁴⁸. Вероятно, он преувеличивал «немецкую опасность». Однако в Таласской долине в 1919 г. немецкие поселки оказались большевистски настроенными⁴⁹. Это вполне соответствует логике шедшей в Средней Азии борьбы большевиков с различными проантантовскими правительствами, в которой их ударной силой стали «интернационалисты» из австро-германцев. С началом Великой войны туркестанские проекты Германии получили новый импульс к развитию⁵⁰. В 1918-м стекавшиеся на Вильгельмштрассе донесения дипломатов, сообщения вернувшихся пленным и интернированных, различные доклады и проекты организации вывоза из глубин Евразии хлопка и другого сырья неизменно упоминали Саратов как один из узловых пунктов, который следует держать под контролем того правительства, что признает Брестский мир⁵¹. Прикрытием для проникновения в регион служил мотив вызволения блокированных там военными действиями пленным Центральным державам, однако в реальности этих солдат собирались использовать «на месте», отложив репатриацию. Опорным пунктом на дороге и для возвращения домой, и для снабжения центральноазиатского «особого корпуса» в борьбе с Антантой мог и должен был стать Саратов, ведь перспективы взятия Оренбурга большевиками до начала зимы 1918/1919 гг. были довольно туманными.

Действительно критическое значение для радикального наращивания усилий РККА на Восточном фронте (за счет Западной завесы) имели гарантии ненападения германских войск, которых долгое время быть не могло. Лишь общая стратегическая обстановка на фронтах Великой войны помогла оправдать риск крайнего ослабления сил красных на московском направлении. В разговоре генерала Л.М. Болховитинова (тогда на советской службе) с М.Д. Бонч-Бруевичем в начале августа 1918 г. отмечалось, что «Совнарком и Берлин считают дальнейшее наступление немцев в ближайшее время [в] России маловероятным»

⁴⁶ Например, Э. Брандстрём. См.: *Brändström E. Unter Kriegsgefangenen in Rußland und Sibirien 1914–1920 / übers. von M. Klante. Berlin, 1922.* К сожалению, в мемуарах «ангела Сибири» деталей о ее турне в 1918 г., начавшемся при поддержке германского посольства в Москве, почти нет. Сохранились сведения об аресте ВЧК в Саратове одного из шведских курьеров, направившихся по делам (якобы) германских пленным в Сибири: АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 16. Д. 66. Л. 50.

⁴⁷ См.: Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. Р-562. Оп. 1. Д. 21; Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 8, 110, 117, 133, 135, 272.

⁴⁸ *Литвинов Б.Н. Воспоминания. Ч. 2. Гражданская война на Кавказе и в Закаспии. 1918–1920 гг. М., 2017. С. 206, 215–216.*

⁴⁹ См.: об обстановке в Семиречье: *Шулдяков В.А. Разведка хорунжего Сибирского казачьего войска Буркова из Омска в Среднюю Азию в январе–июле 1919 года // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 2006. № 15. С. 62; Крах Белой мечты в Синьцзяне. СПб., 2017.*

⁵⁰ См.: *Mark R.A. Im Schatten des "Great Game". Deutsche "Weltpolitik" und russischer Imperialismus in Zentralasien 1871–1914. Paderborn u.a., 2012; Idem. Krieg an fernen Fronten. Die Deutschen in Russisch-Turkestan und am Hindukusch 1914–1924. Paderborn u.a., 2013.*

⁵¹ См., например: РА АА. RZ 201/11072/219; 11073/261-262; 20692/276-283.

из-за трудностей на Западном фронте, революционной ситуации в Австрии, волнений на Украине⁵².

Германская империя лишь к концу лета определилась с сохранением вынужденного курса на взаимодействие с большевиками, которое стало основой ее политики на Востоке как минимум до начала октября 1918 г. С учетом секретных нот к Добавочному договору⁵³ и активного стремления обеих сторон развить взаимовыгодное военно-техническое сотрудничество и обмен дефицитным сырьем, топливом и оборудованием, следовало со всей уверенностью ожидать наращивания германского влияния и в Поволжье, в том числе с согласия большевиков. В Москве всерьез рассчитывали, что германское руководство добьется «размежевания» Дона и Добровольческой армии, ведь оно обязывалось не только прекратить поддержку первого, но и прямо содействовать военным действиям РККА «против Алексея». Это обязательство Германия не выполнила из-за противодействия альянсу с большевиками всех германских эмиссаров на Востоке, включая консулов в Москве и Петрограде. Последние не замедлили воспользоваться многочисленными ходатайствами и инициировать протесты из-за мобилизации соплеменников из Поволжья в Красную армию, хотя основания к этому были довольно спорные. Обеспечить единство курса на германо-большевистское взаимодействие оказалось невозможно не только из-за острого кризиса советской власти после покушения на Ленина, но и из-за отсутствия в РСФСР с середины августа посольств Центральных держав.

В августе 1918 г. полки донского генерала А.П. Фицхелаурова вышли к границам Саратовской губернии. Начальник его штаба — энергичный полковник В.К. Манакин — положил начало формированию Русской народной армии, впоследствии Саратовского корпуса, с идеей создания территориальной воодушевленной вооруженной силы. В распоряжении Манакина было несколько добровольческих отрядов, но почти не было собственно саратовской территории. В эти же недели ярко проявилась «пограничная болезнь» донских казаков. Они не желали идти за административную границу Донской области и, в частности, бороться за Камышин. Атаман Краснов откликнулся телеграммой-обращением, которая не возымела действия⁵⁴.

В середине сентября 1918 г. стало ощущаться сокращение германского участия в стычках с большевиками на демаркационной линии, а затем начался постепенный вывод кайзеровских войск с Дона и из Донбасса. Это вызвало позитивную реакцию на Дону, где с удовлетворением восприняли передачу части ранее оккупированных территорий под контроль Краснова, что не отменяло необходимости дальнейшего поиска компромисса между Киевом и Новочеркасском⁵⁵, однако за свою западную границу на Дону были спокойны. Даже известия о кризисе на Салоникском фронте, а затем и о выходе из войны Болгарии не сорвали активные действия на царичыньском направлении. Донской атаман 15 октября выпустил директиву о переходе к обороне на севере Донской области. На содействие Добровольческой армии рассчитывать не приходилось: она была поглощена ожесточенной схваткой на Северном Кавказе. Это заставляло Краснова еще раз переосмыслить возможности союза с другими антибольшевистскими силами, особенно с гетманом Скоропадским и немцами Поволжья.

Стремление Германии сэкономить силы и выделить резервы для переброски на Балканы, Западный фронт и в Италию⁵⁶ привело к тому, что кайзеровские эмиссары охотно уступили контроль над Южной и Астраханской армиями⁵⁷. С конца октября 1918 г. «армии» оказались в

⁵² Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус... С. 343.

⁵³ *Ватлин А.Ю., Ланник Л.В.* Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208–230.

⁵⁴ Трагедия казачества (очерк на тему: Казачество и Россия). Ч. III (Июнь–декабрь 1919). Париж, 1936. С. 156–158.

⁵⁵ См. подробнее: *Ланник Л.В.* После Российской империи. С. 341–343.

⁵⁶ Там же. С. 269–272.

⁵⁷ См. подробнее: *Ланник Л.В.* Германские оккупационные войска и формирование антибольшевистских армий на Украине и на юге России в 1918 г. (по данным германских архивов) // Вестник государственного и муниципального управления. 2022. № 11 (2). С. 154–176.

непосредственном подчинении Краснова, попытавшегося придать новый импульс развитию начинаний, скомпрометировавшим себя сотрудничеством с немцами. Он понимал, что только военные успехи позволят ему избежать попыток смещения в пользу сторонников «верности союзникам». Краснов полагал возможным к 1 (14) ноября организовать регулярную самостоятельную вооруженную силу, которая двинется вперед на Воронеж и Саратов⁵⁸. Дон этим обеспечил бы свою северную границу надежным буфером. Реальность формирования соединений Особой Южной армии, созданной 30 сентября (13 октября) из трех корпусов, оказалась далека от предположений, два из которых были плотно связаны с германским финансированием и германскими политическими планами. Командир Саратовского корпуса В.К. Манакин полагал, что саратовское начинание стало для атамана П.Н. Краснова оправданием перед Донским кругом за реакционное направление Южной и Астраханской армий⁵⁹.

В Саратовском корпусе присутствовали немцы-добровольцы, что доказывается приказами о зачислении в части⁶⁰. Возникла даже идея формировать отдельные сотни из колонистов при одном из полков⁶¹, но следов этих подразделений до сих пор не выявлено. Важно, что саратовское начинание понималось влиятельными колонистами как свое дело. Собравшиеся в Ростове поселяне пожертвовали в распоряжение полковника В.К. Манакина 200 тыс. руб.⁶² Ассигнования же Саратовскому корпусу были значительно скромнее тех сумм, которые отпускались двум другим соединениям⁶³. Германские инстанции слабо разбирались в территориальных нюансах новых формирований, полагаясь на распоряжения П.Н. Краснова, курируемого майором Ф. фон Кохенгаузенем. Штаб группы армий «Киев» во главе с В. Грёнером уже не мог обеспечить контроль за отпускаемым вооружением Дону, хотя благодаря инициативе германских командиров на местах передача необходимого военного имущества продолжалась вплоть до вывода оккупационных войск. Апелляции саратовского предводителя дворянства В.Н. Ознобишина и некоего статского советника Б.К. Мюллера к главе отдела разведки германского командования в Киеве майору В. Ярошу успеха не имели. Генштабисты, наученные горьким опытом, полагали подобные проекты преувеличенными, а будущей Саратовской армии готовы были выделить (почти откупаясь) лишь небольшие суммы⁶⁴.

История Астраханской армии и Саратовского корпуса под эгидой донского атамана позволяет провести параллель с развитием событий в зоне влияния Комуча. Бросок Каппеля на Казань не позволил развить наступление на Саратов. Предпринятая Ф.Е. Махиным попытка вопреки очевидной нехватке сил добиться аналогичного случайного успеха в середине сентября заглохла в боях под Вольском. Некоторые шансы на успешное наступление антибольшевистских сил в Заволжье были сорваны успешными действиями интернационалистов, среди которых было немало немцев, а также прорывом из Туркестана на соединение с РККА отряда В.К. Блюхера. И в этот раз неказачьи силы растаскивались на противоположные направления — астраханское и саратовское. Если Комуч уверенно контролировал Самару и мог на этой базе выбирать направления развития движения, то аналогичный центр на юге — Царицын — оставался в советских руках.

Между тем именно концентрация немногочисленных добровольческих кадров на одном направлении могла стать главным фактором успеха. Соблазну Казани соответствовал в рамках данного сравнения соблазн малореальной Астраханской казачье-калмыцкой государственности. В германской политике этот фантом с июня 1918 г. в контексте специфического личного фактора кайзера Вильгельма II приобрел неожиданное развитие и перспективы. Представившийся атаманом и лидером едва ли ни всех калмыков ротмистр Д. Тундутов был почти

⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 92. Л. 1–2.

⁵⁹ Посадский А.В. Полковник В.К. Манакин и Саратовский корпус. М., 2018. С. 98.

⁶⁰ Посадский А.В. От Царицына до Сызрани. Очерки Гражданской войны на Волге. М., 2010. С. 186–187.

⁶¹ Посадский А.В. Полковник В.К. Манакин... С. 451–452.

⁶² Российский государственный военный архив. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 191. Л. 2, 2 об.

⁶³ Там же. Ф. 40284. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 об., 3 об.

⁶⁴ Об этом и реакции В. Яроша докладывал 5 и 8 ноября поверенный в делах в Киеве Ф. Тиль: РА АА. RZ 201/10116/169-175; 10116А/11-14.

немедленно — и к острому недовольству и растерянности дипломатического ведомства на Вильгельмштрассе — принят на высшем уровне⁶⁵. Летом 1918-го выступления астраханских казаков, колонистов и крестьян возникали по различным линиям консолидации, не слившись в общее движение. А именно координация усилий могла стать главной предпосылкой для взятия Саратова скромными силами Комуча, если бы резервы РККА под Царицыном связали донцы. Полный авантюризм связанных с миссией Тундутова проектов «неславянского» Юго-Восточного союза помешал открыться очередной главе в истории германской экспансии на Востоке⁶⁶.

Куда более реальным ее направлением было установление прочного контроля над немецкими поселениями. Большинство их жителей довольно быстро разочаровалось в автономии, вовсе не отменявшей экспроприации продовольствия, особенно чувствительной после уборки урожая. К середине осени в Германию и в НКВД в Москву стали поступать сигналы, что в Саратов стекаются колонисты, откуда они с помощью кайзеровских эмиссаров готовят по дипломатическим каналам вывод средств и не скрывают намерения репатриироваться⁶⁷. Уверенности в покровительстве им придавали демарши германского генерального консула в Москве⁶⁸. Однако в большинстве своем немецкие землевладельцы отчаялись не настолько сильно, чтобы бросать или продавать за бесценок налаженное хозяйство. Предложенная им автономия, очевидно, виделась известной гарантией в условиях неразберихи, да еще при неуклонной политике Германии по поддержке всех соплеменников, оказавшихся в сфере досягаемости. Явное ослабление Кайзеррейха к середине осени 1918 г. заставляло поселян переосмыслить перспективы дальнейшего пребывания под властью большевиков, ведь на давление на них германской дипломатии рассчитывать уже не приходилось. Еще менее оснований было ожидать в октябре существенных перемен или особых льгот от Совнаркома в реализации политики «военного коммунизма» на селе. Драматизм ситуации усиливался явными успехами РККА в Поволжье, взявшей 7–8 октября Самару, так что риск мощного восстания под Саратовом и в Заволжье именно в эти недели мог казаться особенно неоправданным. Дальнейшие неудачи донцов и Народной армии заставили поволжских немцев считать выжидательную — несмотря на эксцессы большевистской политики — тактику единственно верной.

Крушение Центральных держав и стойкость красного Царицына внесли коррективы в планы донского атамана. Донской фронт растягивался, в бои с окрепшей РККА пошли дивизии регулярной «Молодой» армии⁶⁹. Саратовскому корпусу выпадала теперь вспомогательная задача прикрытия операции на Царицын. Оборонять 100-верстный фронт слабыми силами — значило похоронить идею развития Саратовского соединения. Только наступление, успех, занятие и обустройство территории давали шанс развернуть территориальную армию, воодушевленную идеей освобождения своей губернии. В таком случае появлялся выход на массив немецких владений, с возможностью воздействия на эту лояльную к белым группу населения и на левом берегу Волги. Занятие Камышина позволило бы «саратовскому проекту» выйти из сельской местности и получить опорную городскую точку, привязанную к железной дороге. Однако Камышин не поддался неорганизованному восставшим колонистам в июле 1918-го, устоял под натиском Краснова в ноябре, а когда появился Саратовский корпус,

⁶⁵ См. подробнее: *Ланник Л.В.* После Российской империи. С. 397–398.

⁶⁶ См. подробнее: *Gehrman U.* Der “Südostbund” — Ein Ordnungsversuch im Spannungsfeld zwischen Randstaatenpolitik und Regionalismus zur Zeit des Umbruchs im rußländischen Reich (1917–1920) // *Region und Umbruch 1918. Zur Geschichte alternativer Ordnungsversuche* / Hrg. von H. Heppner, E. Staudinger. Frankfurt-a.M. u.a., 2001. S. 149–202.

⁶⁷ 29 сентября об этом сообщал отдел разведки Большого Генерального штаба: РА АА. RZ 201/10592/111.

⁶⁸ 2 сентября настроенный резко антибольшевистски Г. Хаушильд направил ноту с протестом против мобилизации немцев-колонистов в армию РСФСР, на которую получил ответ с большой задержкой в октябре, когда Совнарком мог себе позволить совершенно иной тон. См. текст обеих нот: АВП РФ. Ф. 496. Оп. 1. Д. 254.

⁶⁹ См. подробнее: *Венков А.В.* Атаман Краснов и Донская армия. 1918 г. М., 2008. С. 407.

донское командование стало использовать казацкие контингенты как подручный ресурс, и броски в глубь Саратовской губернии остались в области благих пожеланий.

Окончание военных действий в рамках Первой мировой войны вызвало волну слухов и ожиданий по обе стороны фронта. С приходом союзных сил ассоциировался конец Гражданской войны⁷⁰. Революционной ипостасью этой перемены стало ощущение победы мировой революции: «С уверенностью можно сказать, что близок час создания всемирного Совета Народных Комиссаров с нашим тов. Лениным во главе»⁷¹. После разрыва дипломатических отношений между Москвой и Берлином 5–6 ноября 1918 г. большевистские лидеры не стеснялись в выражениях и не считали себя связанными статьями Брестского мира, запрещавшими антигерманскую агитацию.

В такой неустойчивой ситуации, особенно неясной из-за искаженных ожиданий насчет последствий Компьенского перемирия и темпов его реализации, попытка РККА немедленно наступать на Юге не удалась, целый ряд частей красных разложился. Однако кризис на Южном фронте в ноябре 1918 г. не дал решительного изменения обстановки. При победе Антанты массив поселян-немцев неподалеку от фронта более не имел приемлемых альтернатив своей советской автономии, ведь даже репатриация в побежденную Германию казалась теперь крайне рискованной. Большевики на волне революционного энтузиазма намерены были сделать немецкую автономию одной из парадных витрин, отправляя колонистов (и вскоре лично Э. Рейтера) в Германию для пропаганды, в том числе на I Всегерманском съезде Советов⁷². Переживавшая Ноябрьскую революцию Германия вернулась к проектам в глубине Евразии лишь спустя годы, надолго оставив попытки активно влиять на судьбы соотечественников на Волге.

Надежды на мощное вмешательство Антанты, которое покончит с большевизмом в считанные месяцы, совершенно не оправдались. Окно возможностей для волжского направления белой борьбы, не реализованное в обстоятельствах 1918 г., в следующей кампании закрылось окончательно. Оно не было оценено антибольшевистскими силами и весной–летом 1919 г., хотя его важнейший потенциал доказывался напряженной схваткой за связь Советской России с ее сателлитами в Туркестане, долгое время зависевшей от судьбы нескольких опорных пунктов и «актюбинской пробки». Экономическая география и карта инфраструктуры упорно диктовали руководству белых армий те приоритеты, что непременно были бы расставлены, имей окружение А.И. Деникина и А.В. Колчака должный геополитический кругозор. «Саратовский ключ» к победе белых в Гражданской войне еще в 1918 г. под эгидой Германии, которая этим получала возможность свести Великую войну к ничьей при любых событиях на Западном фронте, был потерян навсегда. Наличие интереса к этому варианту у Антанты лишь предполагалось (советской историографией)⁷³, однако до сих пор никаких доказательств соотвествующих усилий не обнаружено.

Библиография / References

Варфоломеев Ю.В. Вояж наркомвоенмора Л.Д. Троцкого в Саратовское Поволжье // Базис. 2020. № 1 (7). С. 76–79.

Ватлин А.Ю., Ланник Л.В. Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208–230.

Венков А.В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 г. М., 2008.

Ганин А.В. Атаман Дутов. М., 2006.

Ганин А.В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020.

⁷⁰ *Посадский А.В.* Полковник В.К. Манакин... С. 74–76.

⁷¹ Известия Тамбовского совета. 27.X.1918. С. 2.

⁷² См. ряд материалов: АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 13. Д. 56.

⁷³ В «канонической» позднесоветской версии истории Гражданской войны одним из важнейших планов Антанты на кампанию 1919 г. показывается на карте удар с Урала и Дона именно на Саратов, см.: Гражданская война и интервенция в СССР / под ред. С.С. Хромова. М., 1983. С. 49.

- Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018.
- Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах: 2-е изд. М., 2000.
- Герман А.А. Немецкая автономия на Волге 1918–1941. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007.
- Герман А.А. Политические и социально-экономические процессы 1918 года в селах Саратовского Поволжья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: «История. Международные отношения». 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 377–387.
- Герман А.А. Революционная деятельность Эрнста Рейтера в Саратовском Поволжье (1918 г.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: «История. Международные отношения». 2019. Т. 19. Вып. 2. С. 238–246.
- Гражданская война и интервенция в СССР / под ред. С.С. Хромова. М., 1983.
- Давыдов А.Ю. Третий фронт Гражданской войны: мешочничество. СПб., 2019.
- Дон в годы революции и Гражданской войны: 1917–1920 гг. Сб. документов: в 2-х т. / науч. ред. О.М. Морозова. Ростов-на-Дону, 2017–2020.
- Захаров А.М. Создание сербского добровольческого полка имени майора Благодича в России в 1918 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 8 (22). Ч. II. С. 70–73.
- Калякина А.В. Под охраной русского великодушия. Военнопленные Первой мировой войны в Саратовском Поволжье (1914–1922). М., 2014.
- Кондратьев Н.Д. Рынок хлеба и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.
- Ланник Л.В. Брестская система международных отношений как пространство германской гегемонии в Восточной Европе: дис. ... докт. ист. наук. М., 2022.
- Ланник Л.В. Германские оккупационные войска и формирование антибольшевистских армий на Украине и на юге России в 1918 г. (по данным германских архивов) // Вестник государственного и муниципального управления. 2022. № 11 (2). С. 154–176.
- Ланник Л.В. Германский фактор в развертывании Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке: проблема переоценки // Гражданская война в России. Проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности. Сб. научных трудов / под ред. В.М. Рыноква, В.В. Журавлева. Новосибирск, 2022. С. 257–270.
- Ланник Л.В. После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. СПб., 2020.
- Ланник Л.В., Посадский А.В. Внешнеполитическая ориентация русского офицества и факторы становления и неудач Белого движения: к постановке проблемы // Новая и новейшая история. 2022. № 3. С. 5–26.
- Литвинов Б.Н. Воспоминания. Ч. 2. Гражданская война на Кавказе и в Закаспии. 1918–1920 гг. М., 2017.
- Мирзаханов В.С., Ланник Л.В. Бакинский кризис в истории Батумской подсистемы: кульминация неудавшихся имперских проектов, август–сентябрь 1918 г. // Новая и новейшая история. 2022. № 5. С. 104–119.
- Посадский А.В. Из истории Павловки и Павловской дружины (Хвалынский уезд Саратовской губернии в 1918 г.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Вып. 9. Ч. 1. Самара, 2021. С. 104–114. URL: <http://sbornik.libsmr.ru/> (дата обращения: 15.02.2023).
- Посадский А.В. От Царицына до Сызрани. Очерки Гражданской войны на Волге. М., 2010.
- Посадский А.В. Полковник В.К. Манакин и Саратовский корпус. М., 2018.
- Симонов А.А. Краткие сведения о Рязанско-Уральской железной дороге в годы Гражданской войны // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 14. Саратов, 2021. С. 92–97.
- Трагедия казачества (очерк на тему: Казачество и Россия). Ч. III (Июнь–декабрь 1919). Париж, 1936.
- Хётч О. Россия. Введение / пер. с нем., комм. и пред. Л.В. Ланника. М., 2021.
- Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы: в 2-х т. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. М., 2018.
- Шеин О.В. Астраханский край в годы революции и гражданской войны. М., 2018.
- Cheshsko-Slovakij (Chehoslovakij) korpus. 1914–1920: Dokumenty i materialy [Czech-Slovak (Czechoslovak) corps. 1914–1920. Documents and materials]: v 2 t. Т. 2. Chehoslovakie legiony i Grazhdanskaja vojna v Rossii. 1918–1920 gg. [Czechoslovak Legions and the Civil War in Russia. 1918–1920]. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Davydov A. Ju. Tretij front Grazhdanskoj vojny: meshochnichestvo [The Third front of the Civil War: bagging]. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)
- Don v gody revoljucii i Grazhdanskoj vojny: 1917–1920 gg. Sb. dokumentov [Don in the years of revolution and Civil War: 1917–1920. Collection of documents]: v 2 t. / nauch. red. O. M. Morozova. Rostov-na-Dony, 2017–2020. (In Russ.)
- Ganin A. V. Ataman Dutov [Ataman Dutov]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Ganin A.V. Izmena komandarmov. Predstaviteli vysshego komandnogo sostava Krasnoj armii, pereshedshie na stranu protivnika v gody Grazhdanskoj vojny v Rossii 1917–1922 gg. [Treason of the commanders. Representatives of the supreme command of the Red Army who defected to the enemy during the Russian Civil War of 1917–1922]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Ganin A.V. Sem’ “pochemu” rossijskoj Grazhdanskoj vojny [Seven “why” of the Russian Civil War]. Moskva, 2018. (In Russ.)

German A.A. Istorija Respubliki nemcev Povolzh’ja v sobytijah, faktah, dokumentah [History of the Volga Germans Republic in events, facts, documents]. 2-e izd. Moskva, 2000. (In Russ.)

German A.A. Nemeckaja avtonomija na Volge 1918–1941 [German autonomy on the Volga 1918–1941]. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva, 2007. (In Russ.)

German A.A. Politicheskie i social’no-jekonomicheskie processy 1918 goda v selah Saratovskogo Povolzh’ja [Political and socio-economic processes of 1918 in the villages of the Saratov Volga region] // Izvestiy Saratovskogo universiteta. Novaiy seriy. Seriy: “Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija” [News of Saratov University. A new series: Series: “Istoriya. International relations”]. 2018. T. 18. Vyp. 3. S. 377–387. (In Russ.)

German A.A. Revoljucionnaja dejatel’nost’ Jernsta Rejtera v Saratovskom Povolzh’e (1918 g.) [The revolutionary activity of Ernst Reuter in the Saratov Volga region (1918)] // Izvestiy Saratovskogo universiteta. Novaiy seriy. Seriy. “Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija” [News of Saratov University. A new series. Series. “Istoriya. International relations”]. 2019. T. 19. Vyp. 2. S. 238–246. (In Russ.)

Grazhdanskaja vojna i intervencija v SSSR [Civil War and intervention in the USSR] / pod red. S.S. Hromova. Moskva, 1983. (In Russ.)

Hjotch O. Rossija. Vvedenie [Russia. Introduction] / per. s nem., komm. i pred. L.V. Lannika. Moskva, 2021. (In Russ.)

Kaljakina A.V. Pod ohranoy russkogo velikodushija. Voennoplennye Pervoj mirovoj vojny v Saratovskom Povolzh’e (1914–1922) [Under the protection of Russian generosity. Prisoners of war of the First World War in the Saratov Volga region (1914–1922)]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Kondrat’ev N.D. Rynok hlebov i ego regulirovanie vo vremja vojny i revoljucii [The bread market and its regulation during the war and revolution]. Moskva, 1991. (In Russ.)

Lannik L.V. Brestskaja sistema mezhdunarodnyh otnoshenij kak prostranstvo germanskoj gegemonii v Vostochnoj Evrope [Brest system of international relations as a space of German hegemony in Eastern Europe: Dissertation of the Doctor of Historical Sciences]: dis. ... dokt. ist. nauk. Moskva, 2022. (In Russ.)

Lannik L.V. Germanskije okkupacionnye vojska i formirovanie antibol’shevistskijh armij na Ukraine i na juge Rossii v 1918 g. (po dannym germanskijh arhivov) [German occupation troops and the formation of anti-Bolshevik armies in Ukraine and southern Russia in 1918 (according to German archives)] // Vestnik gosudarstvennogo i municipal’nogo upravleniya [Bulletin of State and Municipal Administration]. 2022. № 11 (2). S. 154–176. (In Russ.)

Lannik L.V. Germanskij faktor v razvertyvanii Grazhdanskoj vojny v Sibiri i na Dal’nem Vostoke: problema pereocenki [The German factor in the Unfolding of the Civil War in Siberia and the Far East: the problem of reassessment] // Grazhdanskaja vojna v Rossii. Problemy vyhoda, istoricheskie posledstvija, uroki dlja sovremennosti. Sb. nauchnyh trudov [Civil War in Russia. Problems of exit, historical consequences, lessons for modernity. Collection of scientific works] / pod red. V.M. Rynkova, V.V. Zhuravleva. Novosibirsk, 2022. S. 257–270. (In Russ.)

Lannik L.V. Posle Rossijskoj imperii. Germanskaja okkupacija 1918 g. [After the Russian Empire. The German occupation of 1918]. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)

Lannik L.V., Posadskij A.V. Vneshnepoliticheskaja orientacija russkogo oficerstva i faktory stanovlenija i neudach Belogo dvizhenija: k postanovke problemy [The Foreign Policy Orientation of the Russian Officers and the Factors of the Formation and Failures of the White Movement: Formulating the Problem] // Novaya i Novejšhaya Istorija [Modern and Contemporary History]. 2022. № 3. S. 5–26. (In Russ.)

Litvinov B.N. Vospominanija. Ch. 2. Grazhdanskaja vojna na Kavkaze i v Zakaspjii. 1918–1920 gg. [Memoirs. Pt. 2. Civil War in the Caucasus and Transcaucasia. 1918–1920]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Mirzehanov V.S., Lannik L.V. Bakinskij krizis v istorii Batumskoj podsystemy: kul’minacija neudavshijsja imperiskijh proektov, avgust–sentjabr’ 1918 g. [The Baku Crisis in the History of the Batum Subsystem: The Culmination of the Failed Imperial Projects, August–September 1918] // Novaya i Novejšhaya Istorija [Modern and Contemporary History]. 2022. № 5. S. 104–119. (In Russ.)

Posadskij A.V. Iz istorii Pavlovki i Pavlovskoj družiny (Hvalynskij uезд Saratovskoj gubernii v 1918 g.) [From the history of Pavlovka and the Pavlovskaya squad (Khvalynsky uyezd of Saratov province in 1918)] // XX vek i Rossija: obshhestvo, reformy, revoljucii [20th century and Russia: society, reforms, revolutions]. Iss. 9. Pt. 1. Samara, 2021. S. 104–114. URL: <http://sbornik.libsmr.ru/> (access date: 15.02.2023). (In Russ.)

Posadskij A.V. Ot Caricyna do Syzrani. Oчерki Grazhdanskoj vojny na Volge [From Tsaritsyn to Syzran. Essays of the Civil War on the Volga]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Posadskij A.V. Polkovnik V.K. Manakin i Saratovskij korpus [Colonel V.K. Manakin and the Saratov Corps]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Shein O.V. Astrahanskij kraj v gody revoljucii i grazhdanskoj vojny [Astrakhan Region in the years of Revolution and Civil War]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Simonov A.A. Kratkie svedenija o Rjazansko-Ural'skoj zheleznoj doroge v gody Grazhdanskoj vojny [Brief information about the Ryazan-Ural railway during the Civil War] // Voенно-istoricheskie issledovanija v Povolzh'e [Military-historical studies in the Volga region]. Vyp. 14. Saratov, 2021. S. 92–97. (In Russ.)

Tragedija kazachestva (Oчерk na temu: Kazachestvo i Rossija). Ch. III (Ijun'–dekabr' 1919) [The tragedy of the Cossacks (essay on the topic: Cossacks and Russia). Part III (June–December 1919)]. Parizh, 1936. (In Russ.)

Varfolomeev Ju.V. Vojazh narkomvoenmora L.D. Trockogo v Saratovskoe Povolzh'e [The voyage of the People's Commissar of the Military Commander L.D. Trotsky to the Saratov Volga region] // Bazis [Basis]. 2020. № 1 (7). S. 76–79. (In Russ.)

Vatlin A.Ju., Lannik L.V. Tajnye noty k Dobavochnomu dogovoru 27 avgusta 1918 g.: neizvestnyj sju-zhet iz istorii sovetsko-germanskih otnoshenij na ishode Pervoj mirovoj vojny [Secret Notes to the Supplementary Treaty of August 27, 1918: an Unknown Plot From the History of Soviet-German Relations at the End of the First World War] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 5. S. 208–230. (In Russ.)

Venkov A.V. Ataman Krasnov i Donskaja armija [Ataman Krasnov and the Don Army]. 1918 g. Moskva, 2008. (In Russ.)

Zaharov A.M. Sozdanie serbskogo dobrovol'cheskogo polka imena majora Blagoticha v Rossii v 1918 g. [The creation of the Serbian volunteer regiment named after Major Blagotich in Russia in 1918] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki [Historical, philosophical, political and legal sciences]. № 8 (22). Ch. II. S. 70–73. (In Russ.)

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966.

Brändström E. Unter Kriegsgefangenen in Rußland und Sibirien 1914–1920 / übers. von M. Klante. Berlin, 1922.

Brandt W., Lowenthal R. Ernst Reuter. Ein Leben für die Freiheit. Eine politische Biographie. München, 1957.

Dönninghaus V. Minderheiten in Bedrängnis. Die sowjetische Politik gegenüber Deutschen, Polen und anderen Diaspora-Nationalitäten 1917–1938. München, 2009.

Eisfeld A. Deutsche Kolonien an der Wolga 1917–1919 und das Deutsche Reich. Wiesbaden, 1985.

Gehrmann U. Der “Südostbund” – Ein Ordnungsversuch im Spannungsfeld zwischen Randstaatenpolitik und Regionalismus zur Zeit des Umbruchs im rußländischen Reich (1917–1920) // Region und Umbruch 1918. Zur Geschichte alternativer Ordnungsversuche / Hrsg. von H. Heppner, E. Staudinger. Frankfurt-a.M. u.a., 2001. S. 149–202.

Biographisches Handbuch des deutschen Auswärtigen Dienstes 1871–1945: 5 Bde. Paderborn u.a., 2000–2014. Bd. 4.

Kessler H. Graf. Das Tagebuch 1880–1937: 9 Bde. Bd. 6. Stuttgart, 2006.

Lannik L.V. Germany and the White Movement in the South, 1918 // Military Affairs in Russia's Great War and Revolution, 1914–22. Book 2. The Russian Civil War: Campaigns and Operations / eds D.R. Stone, J.D. Smele, G. Swain, A. Marshall, S. Marks, A.V. Ganin. Bloomington, 2021. P. 45–62.

Mark R.A. Im Schatten des “Great Game”. Deutsche “Weltpolitik” und russischer Imperialismus in Zentralasien 1871–1914. Paderborn u.a., 2012.

Mark R.A. Krieg an fernen Fronten. Die Deutschen in Russisch-Turkestan und am Hindukusch 1914–1924. Paderborn u.a., 2013.

Ostmitteleuropa zwischen den beiden Weltkriegen (1918–1939). Stärke und Schwäche der neuen Staaten, nationale Minderheiten / Hrsg. von H. Lemberg. Marburg, 1997.

Zwischen Revolution und Autonomie: Dokumente zur Geschichte der Wolgadeutschen aus den Jahren 1917 und 1918 / Hrsg. von V. Herdt. Köln, 2000.

DOI: 10.31857/S013038640023730-1

© 2023 г. М.Д. БУХАРИН

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В КОНЦЕ 1930-х – 1940-е годы: ЛИНИЯ МИШУЛИНА

Бухарин Михаил Дмитриевич – действительный член РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: michabucha@gmail.com

Scopus Author ID: 16308918000; ORCID: 0000-0002-3590-016X; Researcher ID: R-9643-2017

Аннотация. Развитие исторической науки в СССР в 1930–1940-е годы, как и развитие других сфер общественной жизни, например культуры или государственной идеологии, шло в неразрывной связи с динамикой внешней политики. Основным внешнеполитическим вопросом, определявшим развитие исторической науки, являлись отношения между СССР и Германией. Ориентация СССР в 1930-х годах на заключение союза с Великобританией и Францией определяла доминирование «антигерманской» линии даже в тех направлениях исторических исследований, которые, на первый взгляд, не были связаны с новейшей историей в целом и историей Германии в частности. Эта линия четко проявляется в обсуждении причин упадка хараппской цивилизации, имевшего место якобы под давлением индоарийских племен, с которыми в соответствующих исследованиях по умолчанию отождествлялась Германия второй половины 1930-х годов. Инициатором «антигерманской» линии в изучении древней истории выступил А.В. Мишулин. После заключения советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г. по инициативе того же Мишулина тональность работ по древней истории резко меняется на «германофильскую». При этом первая «антигерманская» тенденция не ушла в прошлое, а развивалась параллельно со второй. Развивалось и советско-германское научное сотрудничество, о котором свидетельствуют документы из Архива РАН. «Прогерманское» направление сошло с повестки дня с началом Великой Отечественной войны, «антигерманское» («антииндоарийское») – с обретением Индией независимости в 1947 г. и постепенным установлением дружественных отношений между СССР и Индией.

Ключевые слова: внешняя политика, СССР, историческая наука, научная политика, научное сотрудничество, научная дипломатия, древняя история, хараппская цивилизация.

M.D. Bukharin

Soviet Historical Science and Foreign Policy Dynamics in the Late 1930s and 1940s: The Mishulin Line

Mikhail Bukharin, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: michabucha@gmail.com

Scopus Author ID: 16308918000; ORCID: 0000-0002-3590-016X; Researcher ID: R-9643-2017

Abstract. Historical scholarship in the USSR in the 1930s and 1940s developed along with the dynamics of foreign policy. The main issue that shaped the development of historical scholarship was Soviet–German relations. The Soviet alignment with Great Britain and France determined the dominance of the “anti-German” line even in those areas of historical research which, at first

glance, were unrelated to modern history in general and German history in particular. Thus, this line is clearly evident in the discussion of the causes of the decline of the Harappan civilisation, which allegedly came about under pressure from the Indo-Aryan tribes, with whom Germany was implicitly identified in relevant studies in the second half of the 1930s. The initiator of the “anti-German” line in ancient history was Alexander Mishulin. After the conclusion of the Soviet-German Non-Aggression Treaty on 23 August 1939, the tone of the works on ancient history changed abruptly to “Germanophile” at the initiative of the same scholar. At the same time, the first — “anti-German” — line still persisted and developed in parallel with the second. Soviet-German academic cooperation was also progressing, as can be observed in the documents of the archives of the Russian Academy of Sciences. The “pro-German line” disappeared with the outbreak of the Great Patriotic War, while the “anti-German” (“anti-Indo-Aryan”) one disappeared with the independence of India in 1947 and the gradual forging of friendly relations between the USSR and India.

Keywords: foreign affairs, USSR, historical scholarship, scientific policy, academic cooperation, academic diplomacy, ancient history, Harappan civilisation.

Динамика развития внешней политики оказывала значительное влияние на науку и культуру в СССР. Это влияние могло выражаться в непосредственной директивной форме, а могло быть проявлением самоцензуры. Так, первое направление представлено изменением места идеи панславизма в государственной идеологии 1930-х годов в связи с изменением внешнеполитической линии СССР¹ (данный сюжет представляется перспективным для исследования влияния внешнеполитической динамики и на развитие научного славяноведения в СССР). С другой стороны, развитие отношений с Индией после обретения ею независимости в 1947 г. и провозглашения республики в 1950 г., выработки самостоятельного внешнеполитического курса отражались на такой важной для советского государства сфере культуры, как балет². Отношения СССР с независимой Индией складывались в 1947–1955 гг. непросто, за это время образ стран в восприятии друг друга менялся радикально. Как выявила О.С. Сапанжа, свидетельством этой динамики явились, в частности, балетные либретто, авторы которых внимательно прислушивались к изменениям на внешнеполитической сцене³.

Влияние внешней политики на развитие науки, в частности исследований в области истории, давно стало общим местом в исследованиях по истории исторической науки: так, динамика советско-германских отношений на рубеже 1930–1940-х годов определяла и тональность исследований по древней истории (античности), и направления научных связей СССР⁴. Между тем в истории развития советской гуманитарной науки, научной дипломатии и научной сферы в целом в означенный период в контексте внешней политики СССР еще немало темных мест.

Вторая половина 1930-х годов выдалась для международного положения в Европе крайне напряженным, одним из наиболее сложных периодов в истории. Нарастание напряженности сопровождалось попытками практически всех основных сил создать или вступить в уже созданную коалицию, ограничить возможности военно-политических союзов потенциальных врагов. При этом ситуация была крайне неясной, очертания союзов быстро менялись, менялась внутривосточная риторика, отражавшая ситуацию на внешнеполитических фронтах.

¹ Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М., 2017. С. 73–75.

² Сапанжа О.С. Советский балет в системе культурной дипломатии: три неосуществленных спектакля Государственного академического театра оперы и балета им. С.М. Кирова («Чудо Индии», «Дочь Индии», «Танцовщица из Калькутты») // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2021. 14 (1). P. 223–249.

³ Сапанжа О.С. Указ. соч. С. 227–228.

⁴ Картюк С.Г., Кулишова О.В. Предвоенная древняя история: С.А. Жебелёв и советско-германские научные связи в 1939–1941 гг. // Вестник древней истории. 2018. № 2 (78). С. 389–404.

Главным источником международной напряженности в Европе выступала Германия. Оккупация Рейнской области Германией и оформление «оси» Берлин – Рим в 1936 г., аншлюс Австрии 18 марта 1938 г., чехословацкий кризис и заключение Мюнхенского договора 29–30 сентября 1938 г. между Германией, Великобританией, Францией и Италией, создание протектората Богемии и Моравии в марте 1939 г. перекроили политическую карту Европы, нарушили баланс сил и вынудили великие державы, в том числе СССР, заново расставлять акценты во внешней и внутренней политике. В 1939 г. между СССР и Великобританией, СССР и Францией, СССР и Германией шли интенсивные консультации, исход которых не был ясен для их участников. Фактически вопрос сводился к тому, какой облик примут коалиции Франции и Великобритании, с одной стороны, Германии и Италии – с другой, сохранит ли СССР нейтралитет или выступит союзником одной из них. К концу июня 1939 г. становилось все более ясным, что советско-англо-французская коалиция, скорее всего, сформирована не будет. Однако этот вопрос не был решен окончательно.

Обострение внешнеполитических противоречий, начало прямых вооруженных столкновений в Европе привели к тому, что международные научные связи быстро деградировали. СССР и Европа погружались в атмосферу изоляции: к 1940 г. практически исчезли индивидуальные научные командировки советских ученых, оборвалась практика их приглашения и участия в крупнейших международных научных конференциях и приглашения иностранных ученых в СССР. В Европе также начинались «новые времена»: некогда единое научное пространство оказалось разорванным на части, которые практически не имели каналов связи между собой. Проверка самой обычной информации превращалась в сложную проблему, место достоверных сведений занимали разного рода химеры⁵.

Динамика внешнеполитической обстановки определяла развитие не только формальной, но и содержательной стороны исторических исследований. В становлении советского исторического нарратива особую роль была призвана сыграть древняя история. В значительной степени усилиями востоковеда В.В. Струве и антиковеда С.А. Жебелёва были выработаны такие понятия, как типологическое единство древних обществ на основе рабовладельческого способа производства, восстание как центральный элемент классовой борьбы при переходе от одной общественно-исторической формации к другой.

Другой центральной фигурой в становлении советского историописания был Александр Васильевич Мишулин (1901–1948) – профессор МГУ, заведующий сектором древней истории Института истории АН СССР, главный редактор журнала «Вестник древней истории». Мишулин не только позволял себе выступать верховным арбитром в теоретических спорах о типологии древних обществ, обозначая принципиальные недостатки в работах того же Струве⁶, но и стремился заниматься всеми территориями, входившими в круг древних обществ, оспаривая у Струве роль неформального главы сообщества историков древности. Будучи в большей степени антиковедом, он обозначал генеральную линию развития исследований и в области древневосточных обществ, в частности в области древнейшей истории Индии.

В конце 1930-х годов резко обострилась дискуссия вокруг, казалось бы, такой периферийной для советской науки темы, как развитие и упадок харап্পской цивилизации. Главные города Харалпы были открыты в 1922 г., и усилиями археологов Дж. Маршалла и Э. Маккея удалось быстро выявить существование одной из великих цивилизаций бронзового века, не уступавшей по уровню развития цивилизациям Египта и Месопотамии. В отличие от других великих культур древности, Харалпа претерпела явственный упадок и гибель. Весьма показательны для характеристики исследовательских методов советских историков попытки связать угасание Харалпы с нашествием индоарийских племен. Как

⁵ См.: Бухарин М.Д. Европейская историческая наука конца 1930-х – начала 1940-х годов: международные связи и химеры изоляции // Новая и новейшая история. 2022. № 3. С. 172–183.

⁶ Например: Мишулин А.В. Советская историография и задачи древней истории // Вестник древней истории. 1938. № 1. С. 5.

ни удивительно, рост интереса к судьбам хараппской цивилизации был спровоцирован именно резкими изменениями в политической ситуации в Европе в связи с подготовкой и началом Второй мировой войны. Такие аспекты, как «вторжение», «завоевание», «покорение и ассимиляция», столь актуальные для Европы конца 1930-х годов, вызывали повышенный интерес и при обращении к иным стадиям всемирной истории.

А.В. Мишулин в середине – второй половине 1930-х годов придерживался традиционной для советского исторического нарратива антифашистской (читай: антигерманской) направленности. Так, в передовице, открывавшей первый номер «Вестника древней истории» за 1938 г., он писал: «И в этой области подвизались авантюристы от науки, не знавшие ни языков, ни древней истории народов Востока. Немало здесь подвизалось и троцкистско-бухаринских агентов фашизма, использовавших фронт востоковедной науки для своей подлой предательской работы». При этом, однако, здесь же Мишулин выступал с относительно еретической мыслью: «Историку-марксисту надо усвоить лучшие достижения буржуазных ученых». Человек внимательный и осторожный, Мишулин прикрыл этот призыв цитатой Ленина о необходимости отнести к этим достижениям «критически». Во всяком случае, «окно в Европу» Мишулин пока не закрывал, а в следующем разделе (на этой же странице) буржуазной науке все же досталось: «Молодой марксистской исторической науке предстояло расчистить авгиевы конюшни буржуазной истории»⁷.

Мишулин в этой передовице в то же время не оценил в полной мере важности дискуссии об основных категориях всемирно-исторического процесса, давая не совсем дружественные характеристики ленинградским ученым В.В. Струве, С.И. Ковалеву, Б.Л. Богаевскому, А.И. Тюменеву. Он бросает им те упреки, которые противная сторона в конце 1930-х годов, несомненно, воспринимала как комплимент: «Выступления главным образом ленинградских историков (Струве, Ковалев) на дискуссиях, отдельные статьи и работы их (Ковалев, Богаевский, Тюменев) отвлекали общими рассуждениями о формациях и о противоречиях в них от конкретно-исторического исследования всего многообразия исторических явлений греко-римского мира. Эти выступления были тем более вредны, что эти историки пользуются авторитетом не только в Ленинграде, но и далеко за пределами его»⁸. Эта полемика показывает исключительную ценность такого научно-административного ресурса, находившегося в распоряжении Мишулина, как неограниченная возможность выступать с передовицами в «Вестнике древней истории» и задавать тональность в исследованиях древности. Академик Струве и другие ленинградские историки выступают в представлении московского историка-администратора не просто «вредителями», практически союзниками «троцкистско-бухаринских агентов фашизма», но и личными врагами Мишулина. Впрочем, ленинградская «партия» платила ему той же монетой. Следует отметить, что среди своих классовых врагов Мишулин не назвал другого ленинградского академика-антиковеда – С.А. Жебелёва, некогда имевшего со Струве весьма напряженные отношения, а к концу 1930-х годов ставшего уже «классиком» советской марксистской исторической науки.

Противостояние Мишулина ленинградским членам АН СССР (Струве и Тюменеву) было выражено и далее: «Упущением надо считать свертывание работ по изучению истории Византии, оказавшей огромное влияние на культуру древней Руси. Академия наук СССР не считает нужным выпускать журнал по истории Византии вместо закрытого в 1930 г. “Византийского Временника” и, по-видимому, работы в этой области не ведет»⁹. Очевидно, что линий разлома в советской науке о древности было достаточно много, и Мишулин со страниц «Вестника древней истории» позволял себе очень смелые

⁷ Там же. С. 5–6.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ Там же. С. 11.

высказывания: разгром византиноведения в СССР определенно не был связан с деятельностью или бездействием Академии наук и ее ленинградских членов¹⁰.

Пользуясь внутренним расколом в среде историков древности, Мишулин фактически монополизировал формирование «антииндоарийской» линии. Так, в третьем номере «Вестника древней истории» за 1939 г. вышла очередная «редакционная» статья «Проблемы марксистского изучения древней истории (передовая)»¹¹. В ней автор, вероятно, сам А.В. Мишулин, главный редактор журнала, сформулировал один из стереотипных выводов об ариях – разрушителях хараппской культуры: «Арии должны быть поставлены на свое место – племена завоевателей, которые некогда вторглись в долину Инда и разрушили древнюю дравидийскую культуру, а затем исчезли с арены истории, как и многие другие древние народы»¹². Мишулин увидел явные параллели между действиями Германии в Европе в конце 1930-х годов и ариями, которые, как он полагал, разрушили дравидийскую культуру Хараппы. Данный номер «Вестника древней истории» был подписан в печать 7 июля 1939 г., т.е. в тот период, когда Германия еще воспринималась как агрессор, посягающий на территориальную целостность европейских государств¹³. Антигерманская направленность в изучении древней истории дала о себе знать, и публикации, в которых индоарийские поработители (читай: гитлеровская Германия) подвергались нещадному бичеванию в связи с гибелью высокоразвитой хараппской культуры, следовали после мишулинской передовицы одна за одной.

Конечно, не только советская гуманитарная наука до середины 1939 г. развивалась в русле антигерманской направленности. Так, аграрии, желавшие узнать, как развивается сельскохозяйственная сфера в Германии и у ее союзников, могли обратиться к «Настольному календарю колхозника» за 1939 г. В нем имелся специальный раздел «Зарубежное крестьянство под фашистским гнетом». Относительно положения крестьян в Германии все точки над «i» расставляла статья «Положение крестьян в фашистской Германии»¹⁴, за которой следовали статьи о положении крестьян в Японии, Италии и Польше – равно независимо (с советской точки зрения). Должный контраст создавал соседний раздел «За передовую науку» (с. 239–243), в котором анализировалась научная деятельность таких представителей советской сельскохозяйственной науки, как К.А. Тимирязев, И.В. Мичурин, В.Л. Комаров, Т.Д. Лысенко, В.Р. Вильямс. Вполне ожидаемо, что в «Настольном календаре колхозника» за следующий (1940) год¹⁵, т.е. в период после заключения советско-германского пакта о ненападении, антигерманский (а равно и антиитальянский, антияпонский и, конечно, антипольский) посыл полностью отсутствует.

Между тем к концу августа 1939 г. англо-советско-французские переговоры были фактически свернуты, а переговоры между СССР и Германией возобновились чуть ранее – 22 июля 1939 г. Они ознаменовались заключением ряда соглашений: торгово-кредитного (19 августа) и пакта о ненападении 23 августа 1939 г., который и сформировал окончательный облик предвоенной расстановки сил в Европе.

¹⁰ См., в частности: *Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* «Все горе в звериной ненависти к византиноведению ...»: В.Н. Бенешевич и Академия наук СССР в 1933–1937 гг. // *Византийский временник*. Т. 103. М., 2019. С. 314–340.

¹¹ [Б.и.]. Проблемы марксистского изучения древней истории (передовая) // *Вестник древней истории*. 1939. № 3. С. 3–10.

¹² Там же. С. 8.

¹³ См. статьи в «Правде» за 15 марта 1939 г., № 73 (7753) на одной и той же странице (с. 12): «Германский агрессор ликвидирует чехо-словацкое государство», «Отторжение Словакии», «Отделение Карпатской Украины», «Германия стягивает войска к чехо-словацкой границе», «Плоды Мюнхена», «Новый акт агрессии в Центральной Европе», «Казни в Германии», «Чемберлен приглашает Геринга в Лондон».

¹⁴ [Б.и.]. Положение крестьян в фашистской Германии // *Настольный календарь колхозника*. 1939 год. [М.], [1938]. С. 227–228.

¹⁵ *Настольный календарь колхозника на 1940 год (высокосный год 366 дней)*. [М.], 1940.

Неудача попыток сформировать союз с Великобританией и Францией и формирование такого блока с Германией привели к тому, что резко поменялась тональность центральной прессы в отношении участников переговоров: явно антигерманские настроения внезапно сменились нейтральной и даже почти сердечной риторикой. Так, в том же «Вестнике древней истории» был опубликован обзор деятельности VI Международного археологического конгресса в Берлине, который проходил 20–26 августа 1939 г.¹⁶ Откровенно расистские высказывания участников форума в этот обзор, конечно, не попали, однако сам факт публикации подобного обзора для нового периода в истории советско-германских отношений показателен¹⁷.

Развитие ситуации в научной и политической сфере в СССР 1939–1940 гг. в контексте развития отношений с Германией хорошо видно из публикаций в центральной печати. Так, 22 декабря 1939 г. к 60-летию юбилею И.В. Сталин был избран почетным членом АН СССР. По этому поводу в московском Доме ученых состоялось торжественное общее собрание, «посвященное развитию марксистско-ленинской теории в работах товарища Сталина» (см. репортаж в «Правде», № 353 (8038)). Под гром оваций Сталин был избран почетным членом АН СССР, а завершил общее собрание доклад А.М. Панкратовой «Сталин и историческая наука», который должен был показать ведущую роль истории в союзе научных дисциплин.

В том же номере были опубликованы поздравления глав государств и министров иностранных дел по случаю 60-летия Сталина: Германии (А. Гитлер, без указания должности; И. фон Риббентроп, министр иностранных дел), Финляндии (О. Куусинен от имени Народного правительства Финляндии), Китая (Глава Китайского государства и Китайской национальной армии Чан-Кайши), Словакии (президент Тисо), Турции (Сараджоглу, без указания должности), Эстонии (Ю. Лайдонер, Ю. Улуотс, А. Пийп, без указания должностей), Латвии (Мунтерс, без указания должностей и инициалов), Литвы («мининдел» Урбшис), Селтер (без указания страны и должности). В этом же выпуске «Правды» представлены репортажи из ряда других стран и рефераты иностранной прессы о 60-летию Сталина. На последней странице выпуска обличались «агрессивные» планы Великобритании в отношении Германии и давался пересказ сообщений германских и французских информбюро о боевых действиях на западном фронте.

25 декабря 1939 г. в «Правде», № 355 (8040) в череде ответных благодарностей, выраженных главам государств и министрам иностранных дел по случаю 60-летия Сталина, обращения «к главе германского государства Адольфу Гитлеру» и «министру иностранных дел Германии господину Иоахим фон Риббентроп» также стоят во главе списка. Вероятно, наборщики текста так волновались, что допустили одну вопиющую неточность. Во всех обращениях к главам государств и главам МИД Германии, Финляндии, Монголии, Словакии, Турции, Эстонии, Латвии, Литвы и снова Эстонии обращения «господину» или «товарищу» даны срочными буквами, и только четыре представителя Эстонии удостоились обращения с прописных букв. Более того, отдельно благодарность была направлена главнокомандующему эстонской армией Ю. Лайдонеру, премьер-министру Ю. Улуотсу и министру иностранных дел А. Пийпу и после благодарности представителям Латвии и Литвы – бывшему министру иностранных дел Эстонии К. Селтеру, который подписал договор о сотрудничестве между Эстонией и СССР 26 сентября 1940 г.

В декабре 1939 г. Германия со страниц «Правды» представляла первым союзником СССР. Историческая наука, 60-летний юбилей Сталина, боевые действия Германии против Франции, СССР против Финляндии (вынужденные, конечно), тесные политические контакты между СССР и Германией сплелись в один клубок.

¹⁶ Диль Э. VI Международный археологический съезд в Берлине (20–26 августа 1939 г.) // Вестник древней истории. 1940. № 1. С. 214–216.

¹⁷ Картюк С.Г., Кулишова О.В. Указ. соч. С. 396–397.

На этот же период приходится последние очные в довоенный период контакты советских и германских ученых. Как следует из анонимного сообщения ТАСС, «делегация советских ученых возвратилась из-за границы», в той же «Правде» от 1 февраля 1940 г., № 31 (8077) (с. 2) делегация ученых в составе председателя Комитета по делам высшей школы при СНК СССР С.В. Кафтанова¹⁸, Д.Г. Виленского¹⁹, С.А. Новикова²⁰, Д.И. Дейнеки²¹ и А.М. Еголина²² вернулась в Москву из Братиславы и Берлина. В Братиславе делегация участвовала в торжественном заседании по случаю назначения ректором местного университета премьер-министра Тука. На обратном пути делегация на несколько дней съездила в Берлин, где посетила основные научные учреждения и присутствовала на торжественном годовом собрании Прусской академии наук. В честь советской научной делегации был дан торжественный обед. «Всюду мы встречали радушный прием», – говорится в заключение репортажа. В дальнейшем подобные репортажи в центральной советской и партийной печати не встречаются, что говорит о сворачивании непосредственных научных контактов между Германией и СССР при сохранении видимости доброжелательной атмосферы в отношениях между странами.

В этой связи значительный интерес представляет собой история с публикацией статей крупного чешского филолога-востоковеда, ректора Карлова университета с 1939 г. Бедржиха (Фридриха) Грозного (1879–1952). В 1936 г. Грозный посетил СССР, опубликовал по итогам визита несколько общественно-политических статей²³ и удостоился пристального внимания со стороны властей СССР. В 1940 г. в «Вестнике древней истории» вышла статья Б. Грозного, посвященная дешифровке харап্পской письменности²⁴.

Появление этой статьи имело свою предысторию, развивавшуюся с декабря 1939 по март 1940 г. Эта предыстория отражена в восьми документах, отложившихся в Архиве Российской академии наук²⁵. Ход событий выглядит следующим образом: 23 декабря 1939 г. сектор древней истории Института истории АН СССР за подписью заведующего А.В. Мишулина обратился в отделение истории и философии АН СССР с просьбой поддержать выделение 56 ф. ст. для приобретения трех статей Ф. Грозного²⁶ для их публикации в «Вестнике древней истории»²⁷.

На бланке Института Истории АН СССР

23 декабря 1939 г.

Выписка из постановления сектора древней истории Института Истории АН СССР

От 16/XII-39 г.

По сообщению редакции «Вестника древней истории» об открытии Ф. Грозного и представления последним своей публикации об этом открытии советской науке.

¹⁸ Кафтанов, Сергей Васильевич (1905–1978) – председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР в 1937–1946 гг.

¹⁹ Виленский, Дмитрий Гермогенович (1892–1960) – почвовед, геоботаник, профессор МГУ (1933), декан геолого-почвенного факультета МГУ в 1939–1950 гг.

²⁰ Новиков, Сергей Александрович (?–?) – биолог-зоолог, профессор, директор Московского зоопарка в 1927–1928 гг., действительный член Биологического (Тимирязевского) института.

²¹ Дейнека, Дмитрий Иванович (1875–1954) – биолог, зоолог, заведующий кафедрой в 1922–1953 гг., декан биологического факультета ЛГУ в 1940–1945 гг.

²² Еголин, Александр Михайлович (1896–1959) – литературовед, заведующий кафедрой (1935–1941) и декан (1937–1940) филологического факультета МИФЛИ им. Н.Г. Чернышевского, депутат Московского Совета депутатов трудящихся в 1939–1947 гг.

²³ См., в частности: Грозный Ф. В пяти советских республиках // Вестник древней истории. 1937. № 1. С. 14–24.

²⁴ Грозный Б. Протоиндийские письмена и их расшифровка // Вестник древней истории. 1940. № 2. С. 15–35.

²⁵ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1-1939. Д. 71.

²⁶ В документах имя Грозного передается то как Ф., то как Б.

²⁷ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1-1939. Д. 71. Л. 1; также цитируется на основе документов из фонда отделения истории АН СССР (Там же. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 46. Л. 11); Карпюк С.Г., Кулишова О.В. Указ. соч. С. 398.

Постановили: Считая открытие Грозного по расшифровке недавно найденных протоиндийских табличек (в Мохенджо-даро и Хараппе – Пенджаб) исключительным по своему значению, а также учитывая желание Ф. Грозного первую публикацию этого открытия сделать в советской научной печати, признать необходимым немедленное опубликование этого открытия в «Вестнике древней истории».

Просить Бюро Отделения Истории и Философии АН СССР возбудить вопрос перед Президиумом АН СССР об отпуске валюты в размере 56 фунтов стерлингов на приобретение рукописей (три) Ф. Грозного.

Руководитель сектора древней истории [подпись] (Мишулин)

Присоединяемся к постановлению сектора и со своей стороны также возбуждаем этот вопрос перед Президиумом отпустить необходимые средства для публикации работы Ф. Грозного.

Академик Деборин.

[подпись] Академик Греков.

[подпись] Академик Струве.

[подпись] Академик Тюменев.

[подпись] Академик Волгин.

[подпись] Академик Готье.

Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1-1939. Д. 71. Л. 1. Машинопись. Подписи от руки.

Отделение истории и философии поддержало просьбу сектора древней истории Института истории АН СССР и вышло с соответствующим ходатайством в президиум АН СССР²⁸, однако первая реакция президиума была отрицательной²⁹. Дело в том, что запрошенная сумма составляла 1175 руб. золотом и превышала весь бюджет Академии наук на снятие фотокопий. К делу подключилась редакция «Вестника древней истории» во главе А.В. Мишулиным, которая также обратилась в президиум АН СССР с просьбой о выделении средств на приобретение трех статей Б. Грозного³⁰. Аргументация Мишулина, подписавшего ходатайство, была чисто научной, лишеной какой-либо идеологической составляющей: чешский ученый совершил открытие, честь первой публикации которого выпала советскому журналу.

На бланке редакции журнала «Вестник древней истории»

Красная площадь, здание Верховного Совета СССР, 3-й этаж, т. 91-01

9 февраля 1940 г.

В президиум Академии наук СССР

В секретариат тов. Светлова

Проф. Б. Грозный – один из крупнейших мировых ученых. В 1915 г. он расшифровал хеттские клинописные тексты и установил шесть языков, дотоле не известных, на древнем Востоке. Через 20 лет Грозный расшифровал хеттское иероглифическое письмо. О своих открытиях в 1937 г. сделал ряд докладов в Академии наук и других научных учреждениях в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси.

Последнее открытие проф. Грозного – *расшифровка протоиндийских писем*, относящихся к древнейшей дравидийской культуре, открытой в последние годы раскопками в Мохенджо-даро.

Свое последнее открытие проф. Грозный предлагает опубликовать в «Вестнике древней истории». Его значение для науки не только в том, что оно позволяет прочесть многочисленные пока протоиндийские надписи, но и в том, что подвигает вперед проблему

²⁸ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1-1939. Д. 71. Л. 2.

²⁹ Там же. Л. 3.

³⁰ Там же. Л. 4.

расшифровки критских писем и помогает установить исторические связи между народами Востока в древнейшее время.

Представление своего открытия советской науке для первой публикации имеет большое значение. Академия наук должна воспользоваться возможностью дать публикацию нового открытия Грозного, имеющего мировое значение, и оплатить эту публикацию (в трех статьях), в связи с чем Отделение Истории и Философии обратилось в Президиум с соответствующим ходатайством.

Ответственный редактор [подпись] (А. Мишулин).

Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1-1939. Д. 71. Л. 4. Машинопись. Подпись от руки.

Президиум АН СССР решил выйти со своим ходатайством в Совнарком с просьбой выделить необходимую сумму, для чего А.В. Мишулину было направлено обращение с просьбой дать исправления и завизировать обращение в СНК. Соответствующее обращение на имя заместителя председателя СНК СССР А.Я. Вышинского было подготовлено и за подписью вице-президента АН СССР О.Ю. Шмидта отправлено в Совнарком³¹.

11 марта 1940 г.

Заместителю Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. Вышинскому А.Я.

Чехословацкий историк профессор Б. Грозный расшифровал протоиндийские письма, относящиеся к древнейшей дравидийской культуре, открытой в последние годы раскопками в Мохенджо-даро (Пенджаб).

Значение этого открытия для исторической науки состоит не только в том, что оно позволяет прочесть немногочисленные протоиндийские надписи, но и в том, что оно дает возможность расшифровки бесчисленных критских писем, остающихся в течение почти полвека загадкой для лингвистов, а также установления исторических связей между народами Востока в древнейшее время.

Будучи в 1937 г. в СССР, проф. Грозный прочел ряд докладов в Академии наук СССР и других научных учреждениях Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси о своих открытиях в области расшифровки древних хеттских писем (в 1914–1916 г.).

Учитывая большое научное значение открытия проф. Грозного, Отделение Истории и Философии Академии Наук СССР обратилось в Президиум Академии с просьбой о приобретении трех рукописей проф. Грозного, оцениваемых им в 56 фунтов стерлингов.

Президиум Академии наук СССР просит Совет Народных Комиссаров СССР об ассигновании Академии наук 56 фунтов стерлингов (1175 руб.) на приобретение рукописей профессора Грозного.

Вице-президент Академии наук СССР

Академик

(О.Ю. Шмидт)

Секретарь Президиума

Академии наук СССР

(П.А. Светлов)

Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1-1939. Д. 71. Л. 7. Машинопись. Без подписей.

Венцом истории стало обращение А.Я. Вышинского к наркомфину А.Г. Звереву с просьбой выделить 56 ф. ст. на приобретение рукописей трех статей Б. Грозного и извещением заинтересованных лиц в академии наук³².

³¹ Там же. Л. 5–7.

³² Там же. Л. 8; также цитируется на основе документов из фонда отделения истории АН СССР (Там же. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 46. Л. 77); *Карпюк С.Г., Кулишова О.В.* Указ. соч. С. 398.

На бланке Совета Народных Комиссаров СССР

17 марта 1940 г.

Москва, Кремль

Наркомфин – тов. Звереву А.Г.

Академия наук СССР – тов. Шмидту О.Ю.

СНК Союза ССР разрешает Наркомфину СССР выдать Академии наук СССР 56 фунтов стерлингов на приобретение рукописей профессора Грозного.

Зам. председателя СНК Союза ССР [подпись] (А. Вышинский)

19. III. Копия послана акад. Деборину и Шидловскому.

т. Гоя.

Николаеву

Прошу сообщить по [...] для реализации. [подпись]

19 21/02 40.

Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1-1939. Д. 71. Л. 8. Машинопись. Подпись синим карандашом.

Приписки чернилами.

Эта история рассматривалась ранее как попытка советских историков помочь чешскому коллеге, попавшему в трудную материальную ситуацию³³. Данная точка зрения основана на предположении, что Грозный отказался от поста ректора Карлова университета. Между тем именно в 1939–1940 гг. Грозный занимал этот пост³⁴, а отказался он возглавить министерство просвещения, т.е. история с публикацией статей Грозного в «Вестнике древней истории» началась еще тогда, когда он был ректором университета. Едва ли на этом посту Грозный испытывал такие материальные трудности, которые мог бы облегчить гонорар за публикацию в советском журнале. Скорее всего, А.В. Мишулин стремился развить те формы советско-германского научного сотрудничества, которые в 1939–1940 гг. было еще возможно развивать.

Тем временем границы окончательно закрывались, и научное сотрудничество между СССР и Германией перешло в «заочную» форму. Очевидно, что именно в свете нового – германофильского – внешнеполитического направления была организована кампания по празднованию 500-летнего юбилея изобретения книгопечатания Иоганном Гутенбергом. 1440 г. – дата для обозначения новой эры в культуре человечества в высшей степени условная. Тем не менее Академия наук СССР, государственные учреждения и творческие союзы развернули бурную деятельность по организации юбилея свершения немецкого первоизобретения. Показательны следующие документы из Архива РАН:

№ 1

Выписка из протокола заседания президиума АН СССР от 4 февраля 1940 г.

11 февраля 1940 г.

Академику А.М. Деборину, академику Б.Д. Грекову

5. Об ознаменовании 500-летия со времени изобретения Гутенбергом книгопечатания

Докладчик академик А.М. Деборин

Просить академиков А.М. Деборина, В.Д. Грекова и В.П. Волгина войти в президиум АН СССР с представлением о мероприятиях по ознаменованию 500-летия со времени изобретения Гутенбергом книгопечатания и о составе Комиссии по данному юбилею.

П/п вице-президент Академии наук СССР,

Академик О.Ю. Шмидт

Секретарь президиума Академии наук СССР

П.А. Светлов

³³ Картюк С.Г., Кулишова О.В. Указ. соч. С. 398.

³⁴ См. галерею ректоров на сайте университета: URL: <https://cuni.cz/UK-2367.html> (дата обращения: 15.10.2022).

Вх. № 99

13/II-40 г.

Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1а (1940). Д. 1. Л. 40. Машинопись.

№ 2

Выписка из протокола заседания президиума АН СССР от 8 апреля 1940 г.

13 апреля 1940 г.

Всем отделениям АН СССР, акад. А.М. Деборину, акад. И.К. Луппол, акад. Б.Д. Грекову, акад. Е.М. Ярославскому, акад. А.С. Орлову, акад. И.И. Мещанинову, акад. И.А. Орбели, акад. Н.П. Киселеву, акад. И.И. Яковкину.

II. Об ознаменовании 500-летия изобретения книгопечатания (24 июня 1940 г.)

[...]

Считать необходимым организовать в июне месяце 1940 г. совместно с наркомпросом РСФСР и Союзом советских писателей торжественное заседание, посвященное 500-летию книгопечатания.

Принять следующий план докладов на торжественном заседании.

«Печать – самое острое оружие нашей партии» (Е.М. Ярославский).

«Язык, письменность, книга» (А.С. Орлов, И.И. Мещанинов).

«По истории книгопечатания» (А.И. Орбели, Н.П. Киселева).

«Создание алфавитов и полиграфической базы для языков народов СССР, не имевших письменности до революции».

«Книжные сокровища СССР» (И.И. Яковкин).

Поручить академикам А.М. Деборину, И.К. Лупполу и Б.Д. Грекову уточнить мероприятия, связанные с ознаменованием 500-летия книгопечатания.

Просить академиков А.М. Деборина, И.К. Луппол и Б.Д. Грекова представить свои соображения президиуму АН СССР не позднее 20-го апреля с.г.

П/п Вице-президент АН СССР академик О.Ю. Шмидт.

Секретарь президиума АН СССР – П.А. Светлов.

Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1а (1940). Д. 1. Л. 89. Машинопись.

Торжественные заседания сопровождались значительным количеством публикаций как в центральной прессе, так и в научно-популярных изданиях³⁵, и едва ли их появление можно объяснить вдруг проснувшимся интересом к свершению немецкого первопечатника. Определенно их выход в свет был связан с централизованной поддержкой публикаций по данной тематике.

Советско-германское сотрудничество после заключения пакта 23 августа 1939 г. в экономической и политической сферах усиливалось. Как следует из статьи «Германская печать о советско-германском хозяйственном соглашении» («Правда». 15 февраля 1940. № 45 (8091). С. 3), советско-германское экономическое сотрудничество неуклонно укреплялось, а передовые европейские экономики (им посвящен отдельный обзор «Отклики иностранной печати на советско-германское экономическое сотрудничество» в том же издании) радостно приветствовали этот процесс.

Научный нарратив следовал генеральной внешнеполитической линии. Важнейшую роль в его выработке сыграла «этапная» статья «На историческом фронте» («Правда». 15 ноября

³⁵ Бас И. Великое открытие: 500 лет книгопечатания. М.; Л., 1940; *Его же*. Пятисотлетие книгопечатания, 1440–1940 // *Большевистская печать*. 1940. № 13. С. 55–59; *Киселев Н.П.* Изобретение книгопечатания и первые типографии в Европе: (К 500-летию книгопечатания) // *Исторический журнал*. 1940. № 9. С. 77–99; *Его же*. Пятисотлетие книгопечатания: (Выставка и конференция во Львове) // *Историк-марксист*. 1940. № 1. С. 100–109; *Люблинский В.С.* Производство книги в прошлом. Л., 1940; *Проксурич Н.П.* 500-летие изобретения книгопечатания // *Полиграфическое производство*. 1940. № 6. С. 3–10; *Скрябинская Е.И.* 500 лет европейского книгопечатания // *Советская наука*. 1940. № 8. С. 98–121.

1940. № 317 (8363). С. 3) того же А.В. Мишулина, который инициировал «индоарийский погром» в середине 1939 г. на страницах «Вестника древней истории», фактически отождествив индоариев как агрессивных примитивных варваров с гитлеровской Германией. На этот раз Мишулин, перечислив основные достижения в изучении всеобщей истории, истории СССР, древней истории, сделанные советской наукой, уделив внимание изучению гомеровских поэм, ни словом не обмолвился о наличии проблемы вторжения и покорения высокоразвитых народов представителями этносов, претендующих на некую избранность. Более того, Мишулин, ссылаясь на Энгельса, говорит о том, что германцы «омолодили» Римскую империю. Равным образом, по его мнению, славяне «омолодили» Византию.

Это сообщение отчасти повторяет положения более ранней статьи самого Мишулина: «Недоразвитость общественного строя древних славян для перехода к феодализму долго еще держала их в условиях отношений так называемого дофеодалного периода, особенно у восточных славян. И наоборот, зрелые вполне отношения империи для перехода к феодализму получили еще новый толчок в лице славянской общины, сыгравшей здесь, на востоке империи, роль германской марки на западе. В этом – историческая роль древних славян, их вторжений для судьбы империи на Востоке»³⁶.

Однако более явно видна связь с положениями доклада М.И. Артамонова «Вопросы ранней истории славянства», сделанного на утреннем заседании Отделения истории и философии АН СССР 26 марта 1940 г.: «Великое славянское вторжение в пределы Восточно-Римской империи VI–VII вв. представляет значительное сходство с германскими вторжениями на территорию Западной Европы в IV–V вв. Сходство это не случайно, а вытекает из естественного хода вещей, из столкновения между одряхлевшей цивилизацией и полным сил варварством. Победа германцев была обусловлена развалом рабовладельческого хозяйства и античной политической системы, не имевшей сил, чтобы справиться с внутренней классовой борьбой и наступлением варваров, приветствуемых поработенными и эксплуатируемыми классами Римской империи»³⁷. Следует отметить, что сам Мишулин на докладе Артамонова не присутствовал, однако, так как, судя по стенограмме, «доклад проф. Артамонова представлен в письменном виде»³⁸, возможно, одна из копий попала в руки и Мишулину. Показательно, однако, что суть статьи Мишулина в «Правде» отличается от того, что он писал за год до этого на страницах «Вестника древней истории»: «Известно, что фашистские “историки” и в Германии готовы историю “гения” или “арийского духа” объяснить микробиологическим анализом “арийской крови”. Более того, фашистские “историки” на этом не останавливаются. В любом проявлении высокой культуры они сейчас же готовы видеть действие “арийской крови” и присутствие чистокровного германца. Такие “исторические исследования”, естественно, нельзя было проделать без самых откровенных фальсификаций. Но это, как известно, фашистов отнюдь не смущает»³⁹. Далее, ссылаясь на Сталина, Мишулин говорит о том, что германцы не «омолодили» (как в статье в «Правде»), а «с громом опрокинули» Рим – здесь без точной ссылки цитируется речь Сталина на XVII съезде ВКП(б)⁴⁰.

Статья А.В. Мишулина «На историческом фронте» спровоцировала дальнейшее обострение противоречий среди историков древности. Противоречия эти, как и ранее, пролегли по нескольким направлениям: 1) географическому: Москва – Ленинград, 2) институциональному: принадлежность к Академии наук СССР и 3) административному. Суть противоречий в данном случае менее важна, хотя достаточно показательна. Как демонстрирует стенограмма ноябрьского заседания Отделения истории и философии АН СССР 1940 г.⁴¹, посвященного

³⁶ Мишулин А.В. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 306.

³⁷ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 13. Л. 15 (17).

³⁸ Там же. Л. 2.

³⁹ Мишулин А.В. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи. С. 290.

⁴⁰ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 20 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 12.

⁴¹ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 33. Л. 29–41.

юбилею Ф. Энгельса, ленинградские историки древности академики В.В. Струве и А.И. Тюменев выразили резкое несогласие с позицией Мишулина, выраженной в статье в «Правде». Суть полемики свелась к обвинениям в «ревизии марксизма», выдвинутым против Мишулина, а основаниями для обвинения являлась трактовка гомеровского общества в категориях Маркса и Энгельса (классовое или родовое). Мишулин, очевидно, не самый утонченный знаток советско-марксистской категориальной казуистики, стал легкой добычей Струве и Тюменева, а попытки отшутиться и свести дискуссию на уровень противостояния (читай: ревности) ленинградских историков московским вызвали негодование у руководителя отделения академика А.М. Деборина, вставшего на сторону коллег по академии⁴².

Очевидно, что дух и буква статьи А.В. Мишулина в «Правде» полностью противоречили сути того направления, которое Мишулин вольно или невольно задал передовицей в № 3 «Вестника древней истории» за 1939 г. Тем не менее обличительный пафос в отношении варваров-ариев – агрессоров и разрушителей хараппской цивилизации – бушевал в советском востоковедении вплоть до обретения Индией независимости, когда стало очевидно, что новый друг СССР сам является прямым наследником индоарийской культуры. Таким образом, за неполные полтора года А.В. Мишулин породил два «нарратива» в советской исторической науке: антигерманский и германофильский. И оба эти нарратива существовали одновременно.

Высказывания ведущих советских историков древности о победе молодых варварских народов над дряхлеющими империями определенно составлены под влиянием событий 1939 г., когда германцы и славяне поделили «одряхлевшую» Польшу и Прибалтику. Еще ждали своей участи Бессарабия, Северная Буковина и область Герц, присоединение которых к СССР оформилось ко 2 августа 1940 г. Откликом на это событие стал доклад директора Института истории АН СССР академика Б.Д. Грекова «Состояние вопроса о древнейших судьбах славянства в Прикарпатских областях», сделанный на утреннем заседании Отделения истории и философии АН СССР 25 сентября 1940 г.⁴³ В данном докладе Греков собрал свидетельства средневековых источников и мнения историков и филологов, которые связывают этноним Русь и прародину славян с карпатско-дунайским регионом. Получалось, что СССР присоединил русско-славянские земли, восстановив историческую справедливость: «Историю славян от Дуная отделить нельзя. На Дунае и в Прикарпатье происходили крупнейшие события в истории народов нынешней Европы и в том числе славян западных, южных и восточных... На этой территории в результате кризиса Римской империи, в данном случае восточной ее части, образовались варварские государства по преимуществу славянские»⁴⁴.

Тут же докладчик сокрушался по поводу того, что «Карпатско-Дунайский участок Руси далеко не пользовался тем вниманием, какого он, несомненно, заслуживал и заслуживает»⁴⁵.

Продолжение антигерманской линии на страницах «Вестника древней истории» выглядело, конечно, противоречием с общим настроением историков древности. Однако государство на рубеже 1930–1940-х годов, видимо, уже не обращало внимания на публикации в специализированных журналах, тем более если его главный редактор инициировал и другую – идеологически правильную – линию; однако такие мегапроекты, как «Всемирная история», – другое дело. В ее первой, довоенной редакции сохранились две попытки изложения истории Хараппы. Первая принадлежит Н.А. Шолпо, который выступил автором 31-й главы⁴⁶. Исходное название (машинописное) «Краткий очерк истории культуры древней Индии» было зачеркнуто, вместо него дано другое, вставленное синими чернилами – «Древнейшая Индия. Страна и население». В конце листа 3 начинается раздел «Индская культура», от которого сохранилась только вводная фраза: «Раскопки индийского археолога Ба[нерджи]...» На следующем листе (4) начинается текст другого раздела главы XXXV: «Древнейшая Индия», автором которого

⁴² См.: *Картюк С.Г.* «Советская древность»: история науки и общества в 1930–1960-е годы. М., 2021. С. 196–200.

⁴³ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 23. Л. 24 (27).

⁴⁴ Там же. Л. 2.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 435. Л. 1–3. Далее текст обрывается.

выступил И.Л. Снегирев⁴⁷. Верхний левый угол листа занимает размашистая резолюция, оставленная синим карандашом: «Глава пойдет в другой редакции. Этого читать не надо!» Далее на листах 4–33 дан очень аккуратный пересказ основных положений работ Дж. Маршалла по раскопкам Мохенджо-Даро. Упоминаются и другие имена – Э. Маккея и Б. Грозного, однако основным источником сведений для автора раздела явились именно отчеты о раскопках Мохенджо-Даро Дж. Маршалла.

Для начала автор отвергает, как положено, воззрения «многих буржуазных ученых» на место древнеиндийской цивилизации в семье древних обществ (приниженное как недоразвитое в сравнении с обществом Египта и Месопотамии), на роль ариев в развитии древней Индии. На листе 6 И.Л. Снегирев переходит к пересказу материала по истории хараппской культуры. Последний абзац работы посвящен обоснованию раннеклассового характера хараппского общества и, главное, тому, что «в развитии культуры древнейшей Индии и образовании раннего государства на территории долины Инда нет места пресловутым арийским завоевателям».

Очевидно, когда автору стало ясно, что текст не будет издан в предложенной редакции, он передал его в «Вестник древней истории», где тот и был опубликован⁴⁸. Можно предположить, что данный вариант не оставили в структуре «Всемирной истории» парадоксальным образом именно ввиду наличия в нем «антииндоарийского» (читай: антигерманского) пафоса. «Всемирная история» рассматривалась как предприятие значительно более статусное, показательное для всей советской исторической науки, и присутствие в нем, в отличие от «Вестника древней истории», скрытой, но легко читаемой антигерманской направленности в 1940 г. было уже невозможно.

В итоге получилась такая последовательность этапов и «ловушек», невольно расставленных А.В. Мишулиным:

- к 1939 г. советская историческая наука, в частности древняя история, следовала в русле антигерманской направленности. Это выражалось в том числе в подспудном, но отчетливо читаемом отождествлении индоариев, якобы уничтоживших высокоразвитую хараппскую цивилизацию, с германскими агрессорами;

- с осени 1939 г. после заключения советско-германского пакта о ненападении антигерманская тенденция резко сменилась на германофильскую. В центральной советской партийной печати этой тенденции положил начало тот же А.В. Мишулин. При этом антигерманизм в древней истории сохранялся и соседствовал с германофильством;

- начало Великой Отечественной войны положило конец германофильству в исторических исследованиях: подспудный антигерманизм в рассмотрении истории древней Индии опять вышел на первый план;

- после обретения Индией независимости стало очевидно, что антигерманизм в контексте древней истории Индии фактически равен антииндийской направленности, так как именно ведийская культура, родоначальниками которой выступили индоарии, являлась исходной точкой культурного кода независимой Индии, на сближение с которой были направлены внешнеполитические усилия СССР после 1947 г.

Попытки историков согласовывать свои исследования с генеральной внешнеполитической линией государства всякий раз выводили эти работы за рамки собственно научного творчества.

⁴⁷ Ранее авторство этого раздела атрибутировалось двусмысленно: «В Архиве РАН сохранились за авторством Шолпо главы “Индия эпохи арийского завоевания”, а также древнейшая Индия, которая была переписана за И.Л. Снегирева» (*Карпюк С.Г., Крих С.Б.* История древности во «Всемирной истории» // «Советская древность»: люди, учреждения, книги и наука о древности в СССР / отв. ред. С.Г. Карпюк. М., 2022. С. 97. Прим. 72), а также: «В рукописи за авторством Шолпо сохранились листы рукописи главы Снегирева...» (*Карпюк С.Г., Крих С.Б.* Указ. соч. С. 98. Прим. 74).

⁴⁸ *Снегирев И.Л.* Древнейшая Индия в свете последних археологических раскопок // *Вестник древней истории.* 1940. № 2. С. 155–168.

Библиография

- Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* «Все горе в звериной ненависти к византиноведению...»: В.Н. Бенешевич и Академия наук СССР в 1933–1937 гг. // Византийский временник. Т. 103. М., 2019. С. 314–340. [Б.и.]. Положение крестьян в фашистской Германии // Настольный календарь колхозника. 1939 год. [М.], [1938]. С. 227–228.
- [Б.и.]. Проблемы марксистского изучения древней истории (передовая) // Вестник древней истории. 1939. № 3. С. 3–10.
- Бас И.* Великое открытие: 500 лет книгопечатания. М.; Л., 1940. Бас И. Пятисотлетие книгопечатания, 1440–1940 // Большевицкая печать. 1940. № 13. С. 55–59.
- Бухарин М.Д.* Европейская историческая наука конца 1930-х – начала 1940-х гг.: международные связи и химеры изоляции // Новая и новейшая история. 2022. № 3. С. 172–183.
- Грозный Б.* Протоиндийские письма и их расшифровка // Вестник древней истории. 1940. № 2. С. 15–35.
- Грозный Ф.* В пяти советских республиках // Вестник древней истории. 1937. № 1. С. 14–24.
- Диль Э.* VI Международный археологический съезд в Берлине (20–26 августа 1939 г.) // Вестник древней истории. 1940. № 1. С. 214–216.
- Дубровский А.М.* Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М., 2017.
- Карпюк С.Г.* «Советская древность»: история науки и общества в 1930–1960-е годы. М., 2021.
- Карпюк С.Г., Крих С.Б.* История древности во «Всемирной истории» // «Советская древность»: люди, учреждения, книги и наука о древности в СССР / отв. ред. С.Г. Карпюк. М., 2022. С. 56–124.
- Карпюк С.Г., Кулишова О.В.* Предвоенная древняя история: С.А. Жебелёв и советско-германские научные связи в 1939–1941 гг. // Вестник древней истории. 2018. № 2 (78). С. 389–404.
- Киселев Н.П.* Изобретение книгопечатания и первые типографии в Европе: (К 500-летию книгопечатания) // Исторический журнал. 1940. № 9. С. 77–99.
- Киселев Н.П.* Пятисотлетие книгопечатания: (Выставка и конференция во Львове) // Историк-марксист. 1940. № 1. С. 100–109. Люблинский В.С. Производство книги в прошлом. Л., 1940.
- Мишулин А.В.* Древние славяне и судьбы Восточноримской империи // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 290–307.
- Мишулин А.В.* Советская историография и задачи древней истории // Вестник древней истории. 1938. № 1. С. 5.
- Настольный календарь колхозника на 1940 год (высокосный год 366 дней). [М.], 1940.
- Проскурнин Н.П.* 500-летие изобретения книгопечатания // Полиграфическое производство. 1940. № 6. С. 3–10.
- Сапанжа О.С.* Советский балет в системе культурной дипломатии: три неосуществленных спектакля Государственного академического театра оперы и балета им. С.М. Кирова («Чудо Индии», «Дочь Индии», «Танцовщица из Калькутты») // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2021. Vol. 14 (1). P. 223–249.
- Скрябинская Е.И.* 500 лет европейского книгопечатания // Советская наука. 1940. № 8. С. 98–121.
- Снегирев И.Л.* Древнейшая Индия в свете последних археологических раскопок // Вестник древней истории. 1940. № 2. С. 155–168.

References

- Ananiev V.G., Bukharin M.D.* “Vse gore v zverinoy nenavisti k vizantinovedeniyu ...”: V.N. Beneshevich i Akademiya nauk SSSR v 1933–1937 gg. [“All Grief in Animal Hatred to Byzantine Studies...”: V.N. Beneshevich and the USSR Academy of Sciences in 1933–1937] // Vizantiyskiy vremennik [Byzantine Time Period], T. 103. Moskva, 2019. S. 314–340. (In Russ.)
- Bas I.* Pyatisotletie knigopchataniya, 1440–1940 [500th Anniversary of Book-Printing? 1440–1940] // Bol'shevistskaya pechat' [The Bolshevik Press]. 1940. № 13. S. 55–59. (In Russ.)
- Bas I.* Velikoe otkrytie: 500 let knigopchataniya [Great Discovery: 500th Anniversary of Book-Printing]. Moskva; Leningrad, 1940. (In Russ.)
- Bukharin M.D.* Evropejskaya istoricheskaya nauka kontsa 1930-kh – nachala 1940-kh gg.: mezhdunarodnye svyazi i himery izolyatsii [European Historical Science of the Late 1930s – Early 1940s: International Connections and Chimeras of Isolation] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2022. № 3. S. 172–183. (In Russ.)
- Diehl E.* VI Mezhdunarodnyj arheologicheskij s'ezd v Berline (20–26 avgusta 1939 g.) [VI International Archaeological Congress in Berlin (20–26 August 1939)] // Vestnik drevnej istorii [Bulletin of Ancient History]. 1940. № 1. S. 214–216. (In Russ.)

Dubrovskiy A.M. Vlast' i istoricheskaya mysl' v SSSR (1930–1950-e gg.) [Power and Historical Thought in the USSR (1930–1950)]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Groznyj B. Protoindijskie pis'mena i ikh rasshifrovka [Proto-Indian letters and their Decipherment] // Vestnik drevney istorii [Bulletin of Ancient History]. 1940. № 2. S. 15–35. (In Russ.)

Groznyj F.V. Pyati sovetskikh respublikakh [In five Soviet Republics] // Vestnik drevney istorii [Bulletin of Ancient History]. 1937. № 1. S. 14–24. (In Russ.)

Karpyuk S.G., Kulishova O.V. Predvoennaya drevnyaya istoriya: S.A. Zhebelev i sovetsko-germanskije nauchnye svyazi v 1939–1941 gg. [Pre-war Ancient History: S.A. Zhebelev and Soviet-German Scientific Relations in 1939–1941] // Vestnik drevney istorii [Bulletin of Ancient History]. 2018. № 2 (78). S. 389–404. (In Russ.)

Karpyuk S.G. “Sovetskaya drevnost'”: istoriya nauki i obshchestva v 1930–1960-e gody [“Soviet antiquity”: the History of Science and Society in the 1930–1960 years]. Moskva, 2021. (In Russ.)

Karpyuk S.G., Krikkh S.B. Istoriya drevnosti vo “Vsemirnoy istorii” [History of Antiquity in “The World History”] // “Sovetskaya drevnost'”: lyudi, uchrezhdeniya, knigi i nauka o drevnosti v SSSR [“Soviet Antiquity”: people, institutions, books and the science of antiquity in the USSR] / red. S.G. Karpyuk. Moskva, 2022. S. 56–124. (In Russ.)

Kiselev N.P. Izobrenenie knigopechataniya i pervye tipografii v Evrope: (K 500-letiyu knigopechataniya) [Invention of Book-Printing and the First Printing Houses in Europe: (To the 500th Anniversary of Book-Printing)] // Istoricheskij zhurnal [Historical Magazine]. 1940. № 9. S. 77–99. (In Russ.)

Kiselev N.P. Pyatisotletie knigopechataniya: (Vystavka i konferenciya vo L'vove) [Five Hundredth Anniversary of Book-Printing: (Exhibition and Conference in Lviv)] // Istorik-marksist [Historian-Marxist]. 1940. № 1. S. 100–109. (In Russ.)

Lyublinskij V.S. Proizvodstvo knigi v proshlom [Book-Production in the Past]. Leningrad, 1940. (In Russ.)

Mishulin A.V. Drevnie slavyane i sud'by Vostochnorimskoj imperii [Ancient Slavs and Fates of the East Roman Empire] // Vestnik drevney istorii [Bulletin of Ancient History]. 1939. № 1. S. 290–308. (In Russ.)

Mishulin A.V. Sovetskaya istoriografiya i zadachi drevney istorii [Soviet Historiography and the Tasks of Ancient History] // Vestnik drevney istorii [Bulletin of Ancient History]. 1938. № 1. S. 3–12. (In Russ.)

[No name]. Polozhenie krest'yan v fashistskoy Germanii [The Situation of Peasants in Fascist Germany] // Nastol'nyi kalendar' kolhoznika. 1939 god [Desktop calendar of the collective farmer. 1939]. [Moskva], [1938]. S. 227–228. (In Russ.)

[No name]. Problemy marksistskogo izucheniya drevney istorii (peredovaya) [Problems of Marxist study of ancient history (Editorial)] // Vestnik drevney istorii [Bulletin of Ancient History]. 1939. № 3. S. 3–10. (In Russ.)

Nastol'nyj kalendar' kolhoznika na 1940 god (vysokosnyj god 366 dnej) [Collective Farmer's Desktop Calendar for 1940 (Leap Year 366 days)]. [Moskva], 1940. (In Russ.)

Proskurnin N.P. 500-letie izobreneniya knigopechataniya [500th Anniversary of the Invention of Book-Printing] // Poligraficheskoe proizvodstvo [Printing production]. 1940. № 6. S. 3–10. (In Russ.)

Sapanzha O.S. Sovetskij balet v sisteme kul'turnoy diplomatii: tri neosushchestvlennykh spektaklya Gosudarstvennogo akademicheskogo teatra opery i baleta im. S.M. Kirova (“Chudo Indii”, “Doch' Indii”, “Tantsovshchitsa iz Kal'kutty”) [Soviet Ballet as an Aspect of Cultural Diplomacy: Three Unproduced Ballets of the Kirov Theater (“Miracle of India”, “Daughter of India”, “Dancer from Calcutta”)] // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2021. 14 (1). S. 223–249. (In Russ.)

Skrzhinskaya E.I. 500 let evropeyskogo knigopechataniya [500 years of European Book-Printing] // Sovetskaya nauka [Soviet Science]. 1940. № 8. S. 98–121. (In Russ.)

Snegirev I.L. Drevneyshaya Indiya v svete poslednikh arheologicheskikh raspokop [Oldest India in Light of Latest Archaeological Excavations] // Vestnik drevney istorii [Bulletin of Ancient History]. 1940. № 2. S. 155–168. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640024421-1

© 2023 г. А.Ю. БЕЗУГОЛЬНЫЙ

МОСКОВСКИЕ МУЗЕИ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОРГАНИЗАЦИЯ, СТРУКТУРА, ЭВАКУАЦИЯ

*Безугольный Алексей Юрьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).*

E-mail: besu111@yandex.ru

Scopus Author ID: 57221167901

Аннотация. В статье рассмотрено состояние музейной отрасли Москвы накануне Великой Отечественной войны и в первые ее месяцы, когда потребовались экстренные меры по перемещению в глубь страны большого количества музейных коллекций. В литературе тема рассмотрена в основном на примере отдельных московских музеев. Источниковую базу работы составили находящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве литературы и искусства и Центральном государственном архиве Москвы документы Народного комиссариата просвещения РСФСР, Комитета по делам искусств СССР, Моссовета. С началом войны главные усилия существенно сократившегося штата сотрудников музеев Москвы были нацелены на сбережение музейных коллекций. Экспозиционная деятельность была практически свернута. Опыт массовой консервации и перемещения музейных коллекций представляется актуальным с научной и практической точек зрения, тем более что сегодня управление музеями столь же децентрализовано, что и в годы войны. Это обстоятельство существенно затруднило организацию эвакуации музейных ценностей. Пришлось провести срочную категоризацию музейных предметов, выделив относительно небольшой по объему пласт важнейших исторических экспонатов, драгоценностей и шедевров искусства, подлежащих немедленной эвакуации. Остальные музейные коллекции были укрыты на территории самих музеев или сосредоточены в специальном объединенном хранилище. Вывоз музейных ценностей второй очереди в ноябре 1941 г. фактически был сорван в связи с невозможностью организовать железнодорожные перевозки. Непосредственная опасность музейным коллекциям была снята только после успешного контрнаступления войск Красной армии в декабре 1941 г.

Ключевые слова: СССР, музейное дело, музеи Москвы, Великая Отечественная война, эвакуация.

A.Yu. Bezugolny

Moscow Museums on the Eve and in the Initial Period of the Great Patriotic War: Organization, Structure, Evacuation

Alexey Bezugolny, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: besu111@yandex.ru

Scopus Author ID: 57221167901

Abstract. In the article, the author examines the condition of the museum industry in Moscow on the eve of the Great Patriotic War and in the first months thereof, when urgent measures were required to move a large number of museum collections far inland. In the research literature, the topic has been considered mainly on the example of individual Moscow museums. The source

base of the work comprises archival documents of the People's Commissariat of Education of the RSFSR, the Committee for Arts of the USSR, and the Moscow City Council. The author shows that since the beginning of the war, the main efforts of the significantly reduced staff of Moscow museums were aimed at saving museum collections. The exposition activity was practically curtailed. The experience of mass conservation and relocation of museum collections seems relevant from a scholarly and practical point of view, especially since today the management of museums is as decentralised as during the war. This circumstance made it much more difficult to organize the evacuation of museum valuables. An urgent categorisation of museum objects had to be carried out, selecting a relatively small number of the most important historical exhibits, jewels and masterpieces of art that had to be evacuated without delay. The rest of the museum collections were sheltered on the premises of the museums themselves, or were amassed in a special joint storage facility. The transportation of museum valuables in November 1941 was effectively disrupted by the inability to organise rail transport. The immediate danger to museum collections was only removed after the successful counter-offensive of the Red Army in December 1941.

Keywords: USSR, museum industry, Moscow museums, Great Patriotic War, evacuation.

Музеи всегда являлись важным элементом культурного ландшафта столицы. Статус музейного центра страны Москва получила вместе с переносом сюда столицы после революции, в 1920–1930-е годы шло быстрое развитие музейного дела. Накануне Великой Отечественной войны в городе находились важнейшие музейные учреждения страны, хранившие главные сокровища истории и культуры нашего народа. Это обстоятельство значительно осложнило мероприятия по сохранению и эвакуации культурных ценностей после внезапного нападения немецко-фашистских войск на Советский Союз в июне 1941 г.

Вопрос о состоянии и развитии музейной отрасли Москвы в годы Великой Отечественной войны затрагивался в отдельных публикациях в общем контексте изучения музейного дела в условиях войны¹. Многие крупнейшие московские музеи так или иначе осветили свою историю в этот период, в том числе в монографиях² и сборниках статей³. Тем не менее специального исследования о развитии музеев столицы, представлявших собой наиболее плотный музейный «конгломерат» в Советском Союзе, в условиях военного времени до сих пор нет. Более того, совершенно неисследованным остается организационный аспект музейной отрасли, а следовательно, не прояснены механизмы ее деятельности в чрезвычайных обстоятельствах войны, среди которых: организация и режим работы, сбережение фондов, эвакуация и реэвакуация, особенности выставочной и научной деятельности, комплектование коллекций в прифронтовых условиях, противоздушная охрана музейных зданий и т.д. Все эти вопросы представляются актуальными как с научной, так и с практической точки зрения.

Объект исследования – музейная отрасль Москвы – в годы войны (как, впрочем, и сейчас) управлялся децентрализованно. Поэтому материалы по деятельности музеев отложились в различных архивохранилищах – по ведомственной принадлежности музеев. Фонды самих музейных учреждений, там где они сохранились, за период войны в большинстве случаев весьма скудны и в них отложилась в основном финансовая отчетность. Нас интересовали главным образом материалы, позволяющие определить особенности и тенденции развития и функционирования всей музейной отрасли столицы.

¹ *Фатагирова Н.В.* Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // *Музей и власть: сборник научных статей.* М., 1991. С. 173–225; *Разгон А.М.* Эвакуация музеев и музейных коллекций в период Великой Отечественной войны // *Слово о соратнике и друге: к 80-летию А.М. Разгона.* М., 1999. С. 121–133; *Кантор Ю.З.* Невидимый фронт. Музеи России в 1941–1945 гг. М., 2017, и др.

² *Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны.* М., 2010; *Котс А.Ф.* Собрание сочинений. Т. 3. Государственный Дарвиновский музей в годы Великой отечественной войны. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. М., 2015, и др.

³ *Музейный фронт Великой Отечественной войны.* М., 2014.

Наиболее ценными в этом отношении представляются фонды Государственного архива Российской Федерации, в котором содержатся материалы Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) РСФСР, в его ведении которого находились многие центральные музеи Москвы. На Наркомпросе замыкались вопросы эвакуации музеев в начале войны, поэтому его материалы оказались наиболее важны для раскрытия темы.

В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится фонд Государственного комитета по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР, которому были подчинены музеи художественного профиля. Ряд краеведческих музеев находился в ведении московских властей; отдельные материалы по их истории обнаружены в Центральном государственном архиве Москвы. Многое можно почерпнуть из воспоминаний свидетелей и участников событий — музейных работников, представителей органов власти и партийных функционеров, участвовавших в мероприятиях по сбережению и спасению музейных ценностей столицы.

Накануне Великой Отечественной войны в Советском Союзе насчитывался 991 действующий музей, на территории РСФСР работало 592 учреждения⁴. Основная масса музеев находилась в ведении республиканских народных комиссариатов просвещения. В частности, в ведении Наркомпроса РСФСР к началу 1941 г. числилось 405 музеев, в том числе 23 — центрального подчинения (главным образом в Москве и Ленинграде) и 332 — местного подчинения (в основном краеведческие музеи)⁵.

Все музеи Наркомпроса РСФСР управлялись Музейно-краеведческим отделом Политико-просветительского управления Наркомпроса, к нему также относился Научно-исследовательский институт музейного дела, находившийся в Москве. Накануне войны отдел возглавил А.Д. Маневский⁶, на плечи которого в последующем и легли заботы по эвакуации и организации работы музеев в военных условиях. Непосредственно перед началом войны, 20 июня 1941 г., приказом наркома просвещения РСФСР были утверждены штаты, персональный состав и должностные оклады сотрудников наркомата⁷. Согласно документу Музейно-краеведческий отдел состоял из семи человек: кроме упомянутого А.Д. Маневского с окладом в 900 рублей, это его заместитель по научной работе музеев А.Н. Топорнин, старший инспектор-методист по центральным музеям М.Ф. Комарова, инспекторы-методисты по краеведческим музеям — Е.В. Пушкина, А.А. Семенова и Д.В. Айзиков, секретарь Е.М. Попова⁸.

Что касается Комитета по делам искусств при СНК СССР, то, в отличие от Наркомпроса РСФСР, он не имел единого органа руководства подведомственными музеями, оно распределялось между главными управлениями, входившими в структуру

⁴ Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М., 1977. С. 12.

⁵ Разгон А.М. Указ. соч. С. 122.

⁶ Маневский, Алексей Дмитриевич (1904 — ?) — советский деятель культуры и науки, музейевед, краевед, историк книги. Закончил социально-экономический факультет Киевского государственного университета, учился в аспирантуре Музея революции (1933—1934) и Исторического музея по специальности историк-археолог (1934—1937). В 1939—1940 гг. был старшим научным сотрудником Исторического музея. Перед началом войны занимал должность заместителя начальника управления политпросветработы, позднее стал начальником Музейно-краеведческого отдела Наркомпроса РСФСР. В 1945—1947 гг. — директор Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы. В 1947 г. защитил в Институте этнографии АН СССР кандидатскую диссертацию «Домоногамные пережитки у восточных славян в X—XI вв.». Автор монографии «Возникновение книгопечатания на Руси» (М., 1939). См.: Наука о культуре. К 90-летию Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва / отв. ред. С.Ю. Житинёв. М., 2022. С. 56.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2690. Л. 173—202.

⁸ Там же. Л. 187—187 об.

Комитета, – Главным управлением театров, Главным управлением учреждений изобразительных искусств, Главным управлением учебных учреждений⁹.

Кроме этих двух основных ведомств, музеи содержались различными наркоматами, Академией наук СССР и общественными организациями.

В Москве по состоянию на начало Великой Отечественной войны действовало 77 музеев¹⁰. По классификации того времени они подразделялись на: историко-революционные, историко-бытовые, оборонного значения, народно-хозяйственные, технико-экономические, естественно-научные, художественные и литературные, театра и музыки, медицинские¹¹. Главные музеи столицы относились к двум уже упомянутым ведомствам: Наркомпросу РСФСР или Комитету по делам искусств СССР. Среди музеев Наркомпроса центрального подчинения следует упомянуть Государственный исторический музей (ГИМ), Политехнический музей, Музей революции СССР, Государственный литературный музей, Государственный Дарвиновский музей, Музей народов СССР, Музей Н.А. Островского, Библиотеку-музей В.В. Маяковского. Кроме того, опосредованно, через администрацию высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов ему были подведомственны Музей антропологии МГУ, Горный музей им. академика А.Н. Терпигорева при Московском горном институте, Музей мозга при Институте мозга им. Бехтерева и ряд других.

Комитету по делам искусств СССР в Москве подчинялось восемь художественных музеев: Театральный музей им. А.А. Бахрушина, Музей при Государственном театре драмы им. А.С. Пушкина, Музей при МХАТ, Центральный музей музыкальной культуры им. Н.Г. Рубинштейна при Московской консерватории, Третьяковская галерея, Музей изобразительного искусства им. А.С. Пушкина, Музей восточных культур и Музей нового западного искусства¹².

Ряд узкопрофильных постоянных технических выставок, экспозиций и музеев были организованы промышленными и транспортными наркоматами. Например, Наркомлесу СССР был подчинен Музей леса, Наркомату речного флота СССР – Дом техники водного транспорта, Наркомату путей сообщения – Центральный дом техники железнодорожного транспорта.

Несколько музеев естественно-научной направленности относились к Академии наук СССР (палеонтологический, геологический и ряд других).

Особый статус имел Московский Кремль, являвшийся средоточием памятников древнерусского зодчества и музейных объектов, среди которых бесценными сокровищами обладала Оружейная палата Кремля. Кремлевские объекты подчинялись Управлению коменданта Кремля, в силу чего и начальником Государственной Оружейной палаты был человек в погонах – воентехник 1-го ранга Н.Н. Захаров¹³.

Московским властям через Управление культурно-просветительными предприятиями Мосгорисполкома были подведомственны три музея: Музей истории и реконструкции Москвы, Останкинский дворец-музей творчества крепостных, Музей керамики в Куусково. По линии московских властей работу культурно-просветительских предприятий, к которым относились и музеи, курировала заместитель председателя исполкома Мосгорисполкома М.Г. Смирнова. Управление культурно-просветительских предприятий при Моссовете с февраля 1940 по 27 октября 1941 г. возглавляла Е.А. Орлова¹⁴.

⁹ Там же. Д. 452. Л. 66.

¹⁰ Краткий указатель музеев Москвы и Московской области. М., 1941.

¹¹ Там же. С. 141.

¹² РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 19. Д. 452. Л. 66.

¹³ Московский Кремль... С. 67.

¹⁴ Гарнюк С.Д. Московская власть. Советские органы управления. Март 1917 – октябрь 1993. Справочник. М., 2011. С. 423, 768.

Наконец, существовали и негосударственные музеи, самым известным из которых в Москве был Центральный антирелигиозный музей добровольной общественной организации «Союз воинствующих безбожников».

Накануне войны музейная отрасль столицы энергично развивалась. Открывались новые музеи, реконструировались и строились музейные здания. Организация новых музеев значительно опережала возможности изыскания площадей для них, поэтому многие учреждения делили общие помещения. Например, в здании Политехнического музея (Китайский проезд, 3/4), кроме самого этого музея, располагалось еще шесть музеев и постоянных выставок. В помещениях Московского геолого-разведывательного института им. Серго Орджоникидзе (Моховая ул., 11) располагалось три музея и т.п.

В то же время активно шло расселение музеев. В частности, заканчивалось строительство нового здания для Музея революции СССР, которое должно было завершиться к концу 1940 г. Однако достроить объект не успели, а с началом войны и вовсе заморозили. В новое помещение переехал Музей народов СССР. Музей А.С. Пушкина должен был покинуть здание Исторического музея на Красной площади. В 1938 г. новое просторное помещение получил Музей МХАТ, но до войны переезд завершить не успел¹⁵. В 1940 г. закончилась коренная перестройка церкви свт. Николая в Новой Слободе (Калаяевская, ныне — Долгоруковская ул.) для Центрального антирелигиозного музея¹⁶. Готовилось открытие музеев Н.Г. Чернышевского и Музея народного образования (последний решением СНК РСФСР переносился из Ленинграда и объединялся с московским Музеем детской книги¹⁷), им как раз накануне войны были выделены помещения в Москве¹⁸. 20 июня 1941 г. правительственная комиссия приняла постоянную выставку творчества В.В. Маяковского, под которую был занят целый особняк (ул. Кропоткинская, ныне — Пречистенка, 12). На организацию выставки был потрачен 1 млн руб.¹⁹ За несколько месяцев до начала войны в центре Москвы (ул. Горького, 40, ныне — Тверская, 14) был открыт Государственный музей Н.А. Островского, директором которого стала вдова писателя Р.П. Островская²⁰. Подразделение Московской консерватории — Музей им. Н.Г. Рубинштейна — получило более высокий статус, став не только музеем учебного заведения, но универсальным и единственным в стране музеем музыкальной культуры. С марта 1941 г. он официально стал называться Центральным музеем музыкальной культуры им. Н.Г. Рубинштейна²¹. Осенью 1940 г. Совнаркомом РСФСР также было принято решение об открытии в Москве музея основателя отечественной авиации профессора Н.Е. Жуковского (был открыт только в 1947 г.)²². Были собраны коллекции, связанные с рядом русских ученых (М.В. Ломоносова, И.В. Мичурина, Д.И. Менделеева)²³, очевидно, с целью дальнейшего развертывания персональных музейных выставок.

Хотя в подчинении московских властей (Московского городского Совета депутатов трудящихся — Моссовета) было всего несколько музеев, будучи распорядителями всей столичной недвижимости, они находились в самом центре организации музейного дела. Решение об открытии или реорганизации музейного учреждения принималось на уровне союзного или республиканского правительства, после чего отправлялось на исполнение в соответствующий орган исполнительной власти, в частности в Наркомпрос РСФСР, который обращался в Моссовет с просьбой о выделении подходящего помещения.

¹⁵ Шингарева Е.А. Хроника будней военных лет // Музейный фронт... С. 264.

¹⁶ Трюкова Е.А. Центральный антирелигиозный музей в Москве: страницы истории (1929–1947) // Религиоведение. 2019. № 4. С. 121 – 127.

¹⁷ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2652. Л. 120.

¹⁸ Там же. Д. 2677. Л. 7.

¹⁹ Там же. Д. 3015. Л. 97

²⁰ Андропова Т.И. Книга-боец // Музейный фронт... С. 281.

²¹ Гинзбург Т.В. Поворотные годы // Музейный фронт... С. 254.

²² ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2652. Л. 187.

²³ Там же. Оп. 75. Д. 91. Л. 14.

Московские власти принимали решение о передаче заинтересованному ведомству того или иного здания. Поскольку, как правило, для этих целей требовались особняки в центре Москвы, Моссовет не мог быстро удовлетворить такие просьбы. Поэтому решение вопроса нередко затягивалось. Например, организуемому Музею Н.Г. Чернышевского до начала войны так и не удалось подыскать подходящего помещения²⁴. В случае организации мемориальных музеев, посвященных выдающимся личностям, нередко на повестку дня выходил пресловутый квартирный вопрос. Так, Музейно-краеведческий отдел Наркомпроса РСФСР планировал открыть в 1941 г. филиал Биологического музея им. К.А. Тимирязева в его квартире (ул. Грановского, 2, кв. 29). Хранителем музея-квартиры должен был стать его сын профессор А.К. Тимирязев. Однако от Моссовета требовалось переселить из помещения трех жильцов, не имеющих отношения к семье К.А. Тимирязева²⁵. Решение вопроса с расселением затянулось на несколько лет.

Начавшаяся Великая Отечественная война сразу же отразилась на деятельности музеев. Большинство годных к строевой службе мужчин были призваны в армию, а другие откликнулись на призыв вступать в Московское народное ополчение. Достаточно сказать, что только из одного из крупнейших музеев страны – Исторического – было мобилизовано 98 сотрудников, или 40% всего персонала. Около 30 из них не вернулись с фронта²⁶. Из Музея революции СССР в Красную армию и в народное ополчение в первые недели войны ушло 38 сотрудников²⁷.

Все средства страны были обращены на оборону. Расходы учреждений культуры неизбежно сокращались. Так, уже в первые недели бюджет Наркомпроса РСФСР урезался дважды. В части содержания музеев предписывалось расходовать имеющиеся суммы только на зарплату, охрану имущества и зданий и отопление помещений²⁸. Аналогичным образом сокращались расходы в музеях, подведомственных Комитету по делам искусств. «С сегодняшнего дня никакие счета музея, кроме штатных доплат, приниматься к оплате не будут по распоряжению Комитета [по делам искусств]... – записано в дневнике директора Музея МХАТ Н.Д. Телешова 5 июля 1941 г. – Никакие покупки или заказы, никакие трудовые работы более не могут иметь место в музее»²⁹. До предела сокращались штаты сотрудников – иногда до одного-двух человек. В этих условиях музеи волей-неволей вынуждены были прекращать прием посетителей.

Важнейшим мероприятием для музейной отрасли столицы в начальный период войны стала эвакуация коллекций в глубокий тыл. К началу войны советские музеи не имели эвакуационных планов, за исключением нескольких ленинградских музеев и музеев Приморья, что объяснялось их приграничным положением. Московские музеи к эвакуации совершенно не готовились, в связи с чем это мероприятие приняло несколько спонтанный и хаотичный характер. Маршруты эвакуации, конечные пункты размещения, транспорт – все продумывалось на ходу. По этой же причине к составлению списков на эвакуацию, определению очередности эвакуации, заготовке тары приступили лишь в самый последний момент.

Впрочем, первой, отдельно и независимо от всех прочих музеев столицы, весьма организованно была проведена эвакуация фондов Государственной Оружейной палаты Кремля. В инициативном порядке подготовка сокровищ Оружейной палаты к эвакуации началась практически в первый же день войны. А правительственное постановление СНК СССР № 1776-779сс «О вывозе из Москвы государственного запаса драгоценных

²⁴ Там же. Оп. 69. Д. 2652. Л. 138.

²⁵ Там же. Л. 161.

²⁶ Сайт Государственного исторического музея // URL: <https://shm.ru/iwt/index.html?v=6> (дата обращения: 12.08.2022).

²⁷ *Ольшевская Г.К.* На передовом рубеже // Музейный фронт... С. 288.

²⁸ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2697. Л. 29–30.

²⁹ *Шингарева Е.А.* Указ. соч. С. 266.

металлов, драгоценных камней, Алмазного фонда СССР и ценностей Оружейной палаты Кремля» последовало уже 27 июня 1941 г.³⁰ 30 июня, 1 и 5 июля 1941 г. груз ценностей Гохрана НКВД СССР, хранившихся в кладовых № 1 и № 2 Московского Кремля, а также Оружейной палаты, упакованный в 277 ящиков, отправился на восток, в Свердловск и Челябинск. На погрузку и охрану особо ценного груза была назначена вооруженная команда из состава войск, которые несли службу на территории Кремля. Уже к 10 июля все вывезенные ценности не только прибыли на место и были разгружены, но и заняли свои места в новых хранилищах. При транспортировке пострадал только один экспонат Оружейной палаты: орел из слоновой кости лишился своего оперения³¹.

Эвакуацию ценностей Оружейной палаты можно признать образцовой по сравнению с аналогичными мероприятиями в отношении остальных музейных коллекций, проходившими в течение 1941 г., где встречалось уже немало организационных трудностей.

Почти одновременно эвакуацию подведомственных музеев начал Комитет по делам искусств при СНК СССР. По указанию комитета, уже 23 июня в московских художественных музеях прошли экстренные совещания «на предмет возможной эвакуации»³². Музейные экспонаты предстояло разделить на две категории: шедевры мирового значения — первая очередь эвакуации; уникальные произведения и редкие памятники — вторая очередь³³. 24–25 июня началось свертывание экспозиций — шедевры переносились в подвал. При этом первое время работа художественных музеев и прием посетителей продолжались.

Следует иметь в виду, что никакого, даже минимального, опыта массовой эвакуации произведений искусства у музейных работников не было. В обычное время даже такие работы, как перенос картины из одного зала в другой, обсуждался на комиссии специалистов. Теперь же необходимо было определить способ демонтажа, упаковки и транспортировки тысяч экспонатов с минимальным риском повреждений, колебаний температуры и влажности. При подготовке к эвакуации картин Государственной Третьяковской галереи и Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина было решено использовать навыки, полученные при транспортировке картин в Нью-Йорк на Международную выставку русского искусства в 1924 г. Большие картины наматывались на специальные рулоны, заключались в металлическую оболочку, запаивались и упаковывались в ящики с хорошей изоляцией. Картины средних и малых размеров упаковывались в ящики, обитые фанерой и оклеенные дерматином³⁴.

Третьяковская галерея и Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина эвакуировались в приоритетном порядке. Остальные музеи, подчиненные Комитету по делам искусств при СНК СССР, вывозились, что называется, по остаточному принципу. Например, в Центральный музей музыкальной культуры им. Н.Г. Рубинштейна только 10 июля поступило распоряжение из Главного управления учебных заведений Комитета по делам искусств СССР, согласно которому все сотрудники музея, кроме директора Е.Н. Алексеевой, увольнялись. Последняя отвечала за хранение имущества и оборудования музея. За несколько дней до расчета сотрудники подготовили два ящика самых ценных партитур (М.П. Мусоргского, С.В. Рахманинова, П.И. Чайковского и др.) и передали их по акту директору Третьяковской галереи А.И. Замошкину, который принял их в эвакуационный поезд. Конечно, эвакуировать удалось лишь мизерную и физически наименее объемную часть коллекции музея. На попечении директора осталась большая коллекция старинных музыкальных инструментов, спрятать их было негде, и они оставались в стенах музея в течение всего периода битвы за Москву³⁵.

³⁰ Московский Кремль... С. 104.

³¹ Там же.

³² *Александрова Н.В.* «Другая» война // Музейный фронт... С. 236.

³³ Там же.

³⁴ *Буянова Н.В., Власова М.С., Жукова Л.А.* В эвакуации // Музейный фронт... С. 310.

³⁵ *Гинзбург Т.В.* Указ. соч. С. 254–255.

15 июля 1941 г. эшелон, в составе которого было 17 вагонов (634 ящика) с грузами Третьяковской галереи, Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Музея нового западного искусства, Музея восточных культур, Большого театра, Центрального музея музыкальной культуры им. Н.Г. Рубинштейна и Выставки индустрии социализма, отправился в Новосибирск, куда прибыл 25 июля³⁶.

15 августа вторая партия художественных ценностей Государственной Третьяковской галереи и других художественных музеев (41 ящик с 2294 работами живописи, графики и скульптуры) была отправлена в Пермь и Новосибирск водным путем на барже³⁷.

Не менее масштабная эвакуация предстояла музейным учреждениям Наркомпроса РСФСР. Директивное распоряжение об эвакуации было принято Советом по эвакуации при СНК СССР³⁸ 18 июля 1941 г. за № 507. В этот же день народный комиссар просвещения РСФСР В.П. Потемкин издал совершенно секретный приказ № 1546сс с указанием в декадный срок вывезти из Москвы дорогостоящие экспонаты, уникальные книги, рукописи из музеев и библиотек. Организация вывоза была возложена на начальника Политпросветуправления Наркомпроса РСФСР Никифорова и начальника Музейно-краеведческого отдела этого управления А.Д. Маневского³⁹.

Для определения очередности эвакуации, по предложению Маневского, все экспонаты разделили на три категории. Первая категория подлежала безусловной эвакуации, вторая — по возможности, третья оставалась на месте. Экспонаты, отнесенные ко второй и третьей категориям и не подлежавшие отправке в тыл, с точной описью упаковывались, прятались или маскировались на месте, чаще всего в подвалах самих музеев. В отношении них принимались меры охраны силами самих музейных учреждений.

27 июля по Волге на барже был отправлен груз ценностей, получивший наименование Государственное хранилище № 1⁴⁰. Решением В.П. Потемкина начальником эшелона музейных и библиотечных ценностей был назначен директор музея Н.Г. Чернышевского Л.Д. Морозов, а комиссаром — Г.И. Петровский. Всего в связи с эвакуацией в конце июля отъезжало 120 сотрудников московских музеев и библиотек, состоящих на работе в системе Наркомпроса РСФСР⁴¹. Конечным пунктом был определен город Хвалынский Саратовской области. Надо отметить, что места для эвакуации подбирались буквально на ходу, по условиям обстановки. Например, Госхранилище № 1 первоначально планировалось направлять в Киров и Свердловск, однако туда уже поступали музейные коллекции из Пскова, Новгорода и Ленинграда, и подходящих площадей в этих городах больше не было⁴².

В составе Госхранилища № 1 наибольшее место занимали фонды Государственного исторического музея: 530 ящиков, а 11 ящиков с гербами союзных республик, инкрустированных драгоценными и полудрагоценными камнями, были сданы на хранение в Гохран НКВД. Кроме того, в июле 1941 г. в Гохран НКВД было передано 20 сундуков ценнейших коллекций из золота, серебра, платины с драгоценными камнями. Основное собрание уникальных коллекций было вывезено (изделия из драгоценных металлов и с драгоценными камнями, бытовые вещи, керамика, оружие, рукописи, книги,

³⁶ Там же. С. 254.

³⁷ Сайт Минкультуры РФ «Культурные ценности — жертвы войны» // URL: <http://lostart.ru/catalog/ru/tom3p1/> (дата обращения: 07.07.2022).

³⁸ Создан 24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» в составе Л.М. Кагановича (председатель), А.Н. Косыгина (заместитель председателя), Н.М. Шверника (заместитель председателя), Б.М. Шапошникова, С.Н. Круглова, П.С. Попкова, Н.Ф. Дубровина и А.И. Кирпичникова. С 3 июля 1941 г. председатель Совета по эвакуации — Н.М. Шверник.

³⁹ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 74. Д. 6. Л. 4.

⁴⁰ *Фатагирова Н.В.* Указ. соч. С. 183–184.

⁴¹ ГАРФ. А-2306. Оп. 69. Д. 2750. Л. 80.

⁴² *Караетян Л.А.* К вопросу о недостатках государственной политики охраны музейных собраний в годы Великой Отечественной войны // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2020. № 1. С. 5. URL: <https://vestnikkguki.esrae.ru/24-427> (дата обращения: 13.02.2023).

иллюстративный материал, карты, картины, нумизматические и археологические коллекции и т.д.).

Из московских музеев центрального подчинения Наркомпроса РСФСР также эвакуировали свои коллекции в составе Госхранилища № 1: Государственный музей революции СССР (71 ящик); Государственный литературный музей (25 ящиков); Государственный музей народов СССР (73 ящика); Государственный политехнический музей (10 ящиков); Государственный биологический музей (9 ящиков); Государственная библиотека-музей им. В.В. Маяковского (3 ящика)⁴³. Следует также упомянуть, что совместно с музеями эвакуировались наиболее ценные фонды главных библиотек страны — Государственной библиотеки им. В.И. Ленина, Государственной публичной исторической библиотеки и Центральной государственной библиотеки иностранной литературы.

7 ноября 1941 г. в связи с ухудшением обстановки на фронте и боях на ближних подступах к Москве Госхранилище № 1, разместившееся в здании школы в центре Хвалынска, было отправлено в еще более глубокий тыл — в казахстанский Кустанай. Интересно, что решение об этом было принято на общем собрании коллективов эвакуированных учреждений, прошедшем в этой же хвалынской школе⁴⁴. В тех условиях музейные работники обладали значительной автономией в принятии решений. Эвакуация проходила по железной дороге. «Вагоны с музейными ценностями входят в длинный состав, — вспоминали сотрудники ГИМ. — Их постоянно переформируют, прицепляя то в хвост, то в середину. Музейщики-дежурные выходят, пересчитывают, чтобы не потерять какой-нибудь вагон. Выбегаем на всех остановках. Паровоз трогается без предупреждения. Можно отстать, поэтому на всякий случай берем с собой корку хлеба и паспорт»⁴⁵.

Эвакуируемым из Москвы музейным работникам было строго запрещено сеять «на периферии», как это именовалось, панику и слухи: ведь местное население ждало от жителей столицы новостей. Например, директор Научно-исследовательского института краеведческой работы А.А. Ширямов в августе 1941 г. обратился к директору Ульяновского краеведческого музея с весьма невинной просьбой: «в порядке товарищеской любезности» проконсультировать его о наличии и стоимости в городе жилья, правилах прописки и постановки на продовольственный учет для семей сотрудников его института, неосторожно присовокупив, что «после оставления Смоленска не исключена возможность такой же участи и для Москвы»⁴⁶. Бдительный ульяновский коллега незамедлительно сообщил по линии руководства Наркомата просвещения о трусливом и паникерском поведении Ширямова, последний был уволен с передачей материалов «о распространении ложных слухов» следственным органам⁴⁷.

Первая волна эвакуации охватила, может быть, и ценнейшую, но лишь малую часть музейных коллекций. Значительная часть коллекций оставалась на месте. И хотя только немногим вражеским бомбардировщикам удавалось прорваться сквозь плотную противовоздушную оборону защитников столицы, очевидной была угроза необратимой утери музейных коллекций и повреждения самих музейных зданий. В эти дни в штаты музеев, остающихся в Москве (Музей В.В. Маяковского, Литературный музей и др.), вводятся, там, где их не было ранее, должности начальников пожарной охраны⁴⁸.

Согласно указанию В.П. Потемкина от 24 июля 1941 г., большинство музеев Москвы были закрыты для посетителей⁴⁹. Их экспозиции сворачивались и принимались меры

⁴³ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 91. Л. 1 об.

⁴⁴ Сайт Государственного исторического музея // URL: <https://shm.ru/iwt/evacuation.html?v=6> (дата обращения: 12.08.2022).

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2652. Л. 20.

⁴⁷ Там же. Л. 19.

⁴⁸ Там же. Д. 2750. Л. 67.

⁴⁹ Свирина О.В. Героические московские будни // Музейный фронт... С. 295.

к эвакуации или консервации фондов. То же происходило и с художественными музеями. Единственным музеем, продолжавшим работу, был Государственный исторический музей. По своему почину он открыл пополняемую тематическую выставку, рассказывающую о борьбе с немецким фашизмом.

Между тем в августе 1941 г. налеты вражеской авиации на столицу приняли систематический характер. Встал вопрос об организации надежного хранилища для экспонатов, отнесенных ко второй категории. 15 августа приказом по Наркомпросу РСФСР № 590 А.Д. Маневскому было поручено «создать в Москве объединенное хранилище для фондов Государственного литературного музея, Музея революции СССР, Музея народов СССР, Биологического музея, Музея Дарвина, Музея Чернышевского и Научно-исследовательского института музейной работы». Хранилище, названное «Объединенное хранилище фондов», или «Госхранилище № 2», разместилось в здании церкви свт. Николая на Берсеневке, в котором располагались реставрационные мастерские, а по соседству – НИИ музейной работы Наркомпроса РСФСР (ныне – НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва)⁵⁰. Перечисленные музеи откомандировывали из числа штатных сотрудников по несколько человек для несения пожарно-сторожевой охраны хранилища. Начальником хранилища была назначена Ц.М. Малая. Предполагалось, что из этого хранилища музейное имущество будет постепенно вывозиться в тыл, однако большая часть коллекций так и осталась на месте.

В конце августа деятельность музеев, располагавшихся на территории Москвы, была еще больше ограничена. 23 августа А.Д. Маневский обратился к В.П. Потемкину, предложив комплекс мероприятий «в целях обеспечения сохранности музейных ценностей и целесообразного расходования государственных средств». Предлагалось провести следующие меры оптимизации:

- сворачивалась работа по открытию новых музеев Н.Г. Чернышевского и народного образования. Их фонды передавались соответственно Государственному литературному музею и НИИ школ. Штаты этих музеев сокращались до минимума;

- временно сворачивался Музей Н.А. Островского. Фонды его также передавались в Государственный литературный музей, а штат сокращался;

- временно закрывались для посетителей филиалы Государственного исторического музея: Музей бывшего Покровского собора Василия Блаженного; Музей боярского быта «Троица в Никитниках», «Коломенское»; филиалы Музея революции СССР: Музей Красной Пресни, «Подпольная типография ЦК большевиков»; филиалы Государственного литературного музея: выставки М.Е. Салтыкова-Щедрина и М.В. Ломоносова, Музей Ф.М. Достоевского. Ценные фонды из филиалов надлежало вывезти в центральные музеи и включить в общие мероприятия по сохранности⁵¹.

Предложенные мероприятия были утверждены наркомом 24 августа.

В это же самое время решением правительства Наркомпрос РСФСР частично был эвакуирован в Киров. 16 августа 1941 г. нарком утвердил список сотрудников, отправлявшихся вместе с семьями в Киров. Среди них были три заместителя наркома: М.В. Сарычева, возглавившая работу аппарата ведомства в Кирове, а также П.В. Титков, Н.Ф. Гаврилов. С ними отправилось еще 170 человек, в числе которых были сотрудники Музейно-краеведческого отдела А.Н. Топорнин, Е.В. Пушкина и А.А. Семенова⁵². В Москве остался А.Д. Маневский. 17 ноября 1941 г. штат центрального аппарата Наркомпроса был сокращен до 277 единиц⁵³, но штат Музейно-краеведческого отдела остался без изменений.

В самих музеях на штатных должностях оставался необходимый минимум сотрудников, однако часть из них только числилась, но на самом деле находилась на фронте в

⁵⁰ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2692. Л. 77.

⁵¹ Там же. Д. 2750. Л. 79.

⁵² Там же. Д. 2691. Л. 85–95.

⁵³ Там же. Д. 2677. Л. 98.

частях народного ополчения. Согласно постановлению Государственного Комитета Обороны № 10 от 4 июля 1941 г., эти сотрудники продолжали получать должностной оклад, а их трудовой стаж не прерывался⁵⁴. Так, Дарвиновский музей приказом по Народному комиссариату просвещения РСФСР был временно законсервирован с 1 декабря 1941 г. На штатных должностях оставалось семь сотрудников (директор, два таксидермиста, два научных сотрудника, бухгалтер-инкассатор и уборщица), двое из которых находились в ополчении⁵⁵. Одновременно с Дарвиновским музеем был законсервирован Музей народов СССР. Все его здания, экспонатные фонды и хозяйственное оборудование были переданы на ответственное хранение Государственному историческому музею. В штате музея осталось семь сотрудников, трое из которых находились вне Москвы (с эвакуированными ценностями), а также девять ополченцев, которые продолжали получать зарплату по штатному расписанию⁵⁶.

Самым тяжелым временем для московских музеев стал период с середины октября по ноябрь 1941 г., когда над столицей нависла непосредственная опасность. В условиях печально известной «московской паники» 16–20 октября ряд директоров московских музеев и их заместители 16 октября в срочном порядке покинули Москву. Бросила Объединенное хранилище фондов на Берсеневской набережной, в которое сдали свои ценности главные музеи, его заведующая Малая. «За самовольный отъезд из Москвы» в ноябре 1941 г. она была снята с работы⁵⁷. В одном из отчетных документов А.Н. Топорнин сообщал, что ему пришлось осуществить «фактическую ревизию Объединенного музейного хранилища на Берсеневке, брошенного на произвол судьбы в октябре месяце быв. заведующей гр. Малой»⁵⁸. Аналогичным образом 17 октября директор Музея истории и реконструкции Москвы Е.Я. Лифшиц уехала из столицы, «не представив никаких распоряжений о ее выезде, вместе с тем дала личное распоряжение рассчитать всех сотрудников музея с выплатой месячного выходного пособия и выдать всем трудовые книжки и справки об увольнении по эвакуации из г. Москвы»⁵⁹. 16 октября Москву покинул директор Политехнического музея В.И. Смышляков, отправившийся к себе на малую родину в Ивановскую область и даже не назначивший себе замену⁶⁰. Справедливости ради нужно сказать, что были примеры и беззаветной преданности своему делу. Так, директор Музея МХАТ Н.Д. Телешов «поблагодарил, но воздержался от выезда» в Саратов вместе с театром, так как «весь музей остался в Москве, а без него ехать не для чего»⁶¹.

Характерно, что разбираться с правомерностью действий музейной администрации стали только во второй половине ноября 1941 г., поскольку основной аппарат Наркомпроса также экстренно эвакуировался в Киров, и здесь тоже не обошлось без нервозности и неразберихи (в частности, в спешке был уничтожен хранившийся в здании Наркомпроса архив Н.Г. Крупской и другие важные документы). В конце ноября приказами Н.Ф. Гаврилова директора музеев, уехавшие из Москвы, увольнялись задним числом с 16 октября с формулировкой «ввиду отъезда из г. Москвы»⁶². Правда, некоторым из них в последующем со ссылкой на форс-мажорные обстоятельства удалось восстановиться в своих должностях. Например, упомянутый Смышляков был уволен 19 ноября 1941 г.,

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 1. Л. 110–112.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2693. Л. 23.

⁵⁶ Там же. Л. 33.

⁵⁷ Там же. Л. 7.

⁵⁸ Там же. Оп. 75. Д. 91. Л. 13.

⁵⁹ Центральный государственный архив города Москвы (далее – ЦГАМ). Ф. 150. Оп. 1. Д. 739а. Л. 88.

⁶⁰ Свирина О.В. Указ. соч. С. 296.

⁶¹ Цит. по: Шингарева Е.А. Указ. соч. С. 271–272.

⁶² Рядом приказов от 19 ноября 1941 г. были уволены директора Политехнического музея, Музея народов СССР. См.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2693. Л. 3, 11.

а восстановлен в должности уже 28 ноября⁶³. Непременным условием восстановления было возвращение в Москву на рабочее место.

Нельзя не отметить, что, несмотря на «заморозку» музейной работы, деятельность по музеефикации объектов историко-культурного наследия продолжилась даже с началом войны. Например, 4 июля 1941 г. решением Московского городского Совета депутатов трудящихся было принято решение о закрытии одной из немногих действующих приходских церквей Москвы — Покрова в Филях. Храм, построенный в 1691 г. в уникальном стиле так называемого «нарышкинского барокко», имел богатую историю, полностью сохранил внешнее и внутреннее убранство. По инициативе городских властей была создана авторитетная экспертная комиссия из специалистов Наркомпроса РСФСР и профильных музеев (Государственного исторического музея, Третьяковской галереи, Центрального антирелигиозного музея), давших заключение о «необходимости сохранения этого памятника старины в нетронутном виде и превратить его в историко-художественный музей XVII века»⁶⁴. 9 августа 1941 г. решением исполкома Моссовета церковь Покрова в Филях была передана «для использования как музей» Музейно-краеведческому отделу Наркомпроса РСФСР. Ведомству было предложено «обеспечить полную сохранность этой церкви как памятника старины, истории древней русской культуры и искусства»⁶⁵.

Вторая волна эвакуации, организация которой началась в середине ноября 1941 г., пришлось на самые трудные дни битвы за столицу. На железнодорожные станции успели привезти имущество Исторического, Литературного музеев, Музея народов СССР и Музея революции. В декабре 1941 г. в Омск было отправлено три вагона ГИМ; четыре вагона в Молотов (Пермь) отправил Государственный литературный музей⁶⁶. Однако на этом фактически эвакуация прервалась: транспорт больше не подавался. По сути вторая волна эвакуации была сорвана и результаты ее оказались мизерными. Часть музеев (например, Политехнический, Музей МХАТ и др.) упаковали имущество в ящики, но так и не дождалась вывоза его на станции. Оставшееся на станциях имущество охранялось силами сотрудников самих музеев, а в конце декабря А.Н. Топорнин сообщал, что в связи с успешным контраступлением Красной армии сосредоточенное на станциях имущество «увозится обратно в музеи на хранение»⁶⁷.

Тем не менее, безусловно, рядовые сотрудники музеев и руководящий состав делали все от них зависящее в тех тяжелых условиях. В ноябре—декабре 1941 г., в самое критическое для Москвы время, на своих рабочих местах в столице продолжали находиться Н.Ф. Гаврилов, на которого как раз возлагались вопросы эвакуации, а от музейного «ведомства» — А.Н. Топорнин. Вторая волна эвакуации, а также дальнейшие мероприятия по консервации, слиянию, упразднению оставшихся музеев, ревизии состояния музейных коллекций, определения размеров разрушений и повреждений, причиненных московским музеям в результате налетов вражеской авиации, легли на плечи Топорнина и его немногочисленных помощников.

В целом удалось избежать значительного ущерба зданиям московских музеев и утраты экспонатов. Конечно, главная заслуга в этом принадлежит защитникам Москвы — военнослужащим Красной армии и ополченцам, не пустившим врага в столицу ни по земле, ни по воздуху. Прямых попаданий разрушительных фугасных бомб по музейным зданиям (в отличие от, например, театральных) не зафиксировано, хотя мелкие «зажигалки» сыпались на московские крыши как горох. Сильно пострадали только некоторые здания Кремля, в том числе Арсенал. В то же время большинство музейных зданий, находившихся в центре города, так или иначе понесли ущерб от действия взрывной волны, как

⁶³ Там же. Л. 35.

⁶⁴ ЦГАМ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 723. Л. 184.

⁶⁵ Там же. Л. 182.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 91. Л. 1—1 об.

⁶⁷ Там же. Л. 13.

правило, это выбитые стекла и рамы. Например, существенный ущерб от взрывов неподалеку понесли здания Политехнического музея и Третьяковской галереи. Выбитыми окнами и рамами были существенно повреждены внутренние интерьеры зданий, из которых, к счастью, уже были вывезены наиболее ценные экспонаты — и в этом уже заслуга сотрудников музеев, работавших в тяжелейших условиях не покладая рук.

Библиография

- Александрова Н.В.* «Другая» война // Музейный фронт Великой Отечественной войны. М., 2014. С. 236–244.
- Андропова Т.И.* Книга-боец // Музейный фронт Великой Отечественной войны. М., 2014. С. 280–286.
- Буянова Н.В., Власова М.С., Жукова Л.А.* В эвакуации // Музейный фронт Великой Отечественной войны. М., 2014. С. 310–318.
- Гарнюк С.Д.* Московская власть. Советские органы управления. Март 1917 — октябрь 1993. Справочник. М., 2011.
- Гинзбург Т.В.* Поворотные годы // Музейный фронт Великой Отечественной войны. М., 2014. С. 252–262.
- Кантор Ю.З.* Невидимый фронт. Музеи России в 1941–1945 гг. М., 2017.
- Карапетян Л.А.* К вопросу о недостатках государственной политики охраны музейных собраний в годы Великой Отечественной войны // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2020. № 1. URL: <https://vestnikkugki.esrae.ru/24-427> (дата обращения: 13.02.2023).
- Котс А.Ф.* Собрание сочинений. Т. 3. Государственный Дарвиновский музей в годы Великой отечественной войны. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. М., 2015.
- Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны / руководитель Е.А. Муров, С.В. Деятов, В.И. Жилиев и др. М., 2010.
- Наука о культуре. (К 90-летию Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва) / отв. ред. С.Ю. Житинёв. М., 2022.
- Ольшевская Г.К.* На передовом рубеже // Музейный фронт Великой Отечественной войны. М., 2014. С. 288–292.
- Разгон А.М.* Эвакуация музеев и музейных коллекций в период Великой Отечественной войны // Слово о соратнике и друге: к 80-летию А.М. Разгона. М., 1999. С. 121–133.
- Свирина О.В.* Героические московские будни // Музейный фронт Великой Отечественной войны. М., 2014. С. 294–300.
- Терюкова Е.А.* Центральный антирелигиозный музей в Москве: страницы истории (1929–1947) // Религиоведение. 2019. № 4. С. 121–127.
- Фатагирова Н.В.* Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // Музей и власть: сборник научных статей. М., 1991. С. 173–225.
- Шингарева Е.А.* Хроника будней военных лет // Музейный фронт Великой Отечественной войны. М., 2014. С. 264–278.

References

- Aleksandrova N.V.* “Drugaya” vojna [The “other” war] // Muzejnyj front Velikoj Otechestvennoj vojny [Museum Front of the Great Patriotic War]. Moskva, 2014. S. 236–244. (In Russ.)
- Andronova T.I.* Kniga-boec [The book is a fighter] // Muzejnyj front Velikoj Otechestvennoj vojny [Museum Front of the Great Patriotic War]. Moskva, 2014. S. 280–286. (In Russ.)
- Buyanova N.V., Vlasova M.S., Zhukova L.A.* V evakuacii [In evacuation] // Muzejnyj front Velikoj Otechestvennoj vojny [Museum Front of the Great Patriotic War]. Moskva, 2014. S. 310–318. (In Russ.)
- Fatagirova N.V.* Muzejnoe delo v RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (aspekty gosudarstvennoj politiki) [Museum business in the RSFSR during the Great Patriotic War (aspects of state policy)] // Muzej i vlast': sbornik nauch. statej [Museum and power: collection of scientific articles]. Moskva, 1991. S. 173–225. (In Russ.)
- Garnyuk S.D.* Moskovskaya vlast'. Sovetskie organy upravleniya. Mart 1917 — oktjabr' 1993. Spravochnik [Moscow authorities. Soviet governing bodies. March 1917 — October 1993. Directory]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Ginzburg T.V.* Povоротnye gody [Turning years] // Muzejnyj front Velikoj Otechestvennoj vojny [Museum Front of the Great Patriotic War]. Moskva, 2014. S. 252–262. (In Russ.)
- Kantor Yu.Z.* Nevidimyj front. Muzei Rossii v 1941–1945 gg. [The invisible front. Museums of Russia in 1941–1945]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Karapetyan L.A.* K voprosu o nedostatках gosudarstvennoj politiki ohrany muzejnyh sobranij v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [To the question of the shortcomings of the State policy of protecting museum collections during the Great Patriotic War] // Vestnik Krasnodarskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury.

Elektronnyj nauchnyj zhurnal [Bulletin of the Krasnodar State Institute of Culture. Electronic scientific journal]. 2020. № 1. URL: <https://vestnikkguki.esrae.ru/24-427> (access date: 13.02.2023). (In Russ.)

Kots A.F. Sobranie sochinenij. T. 3. Gosudarstvennyj Darvinovskij muzej v gody Velikoj otechestvennoj vojny. K 70-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojny [Collected works. Vol. 3. The State Darwin Museum during the Great Patriotic War. To the 70th anniversary of Victory in the Great Patriotic War]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Moskovskij Kreml' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The Moscow Kremlin during the Great Patriotic War] / ruk. E.A. Murov, S.V. Devyatov, V.I. Zhilyaev i dr. Moskva, 2010. (In Russ.)

Nauka o kul'ture. K 90-letiyu Rossijskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'turnogo i prirodnogo naslediya imeni D.S. Lihachyova [The 90s of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev] / otv. red. S.Y. Zhitenev. Moskva, 2017. (In Russ.)

Ol'shevskaya G.K. Na передовom rubezhe [At the forefront] // Muzejnyj front Velikoj Otechestvennoj vojny [Museum Front of the Great Patriotic War]. Moskva, 2014. S. 288–292. (In Russ.)

Razgon A.M. Evakuaciya muzeev i muzejnyh kolekcij v period Velikoj Otechestvennoj vojny [Evacuation of museums and museum collections during the Great Patriotic War] // Slovo o soratnike i druge: k 80-letiyu A.M. Razgona [A word about a colleague and a friend: to the 80th anniversary of A.M. Razgon]. Moskva, 1999. S. 121–133. (In Russ.)

Shingareva E.A. Hronika budnej voennyh let [Chronicle of everyday life of the war years] // Muzejnyj front Velikoj Otechestvennoj vojny [Museum Front of the Great Patriotic War]. Moskva, 2014. S. 264–278. (In Russ.)

Svirina O.V. Geroicheskie moskovskie budni [Heroic Moscow everyday life] // Muzejnyj front Velikoj Otechestvennoj vojny [Museum Front of the Great Patriotic War]. Moskva, 2014. S. 294–300. (In Russ.)

Teryukova E.A. Central'nyj antireligioznyj muzej v Moskve: stranicy istorii (1929–1947) [The Central Antireligious Museum in Moscow: pages of History (1929–1947)] // Religiovedenie [Religious studies]. 2019. № 4. S. 121–127. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640025913-2

© 2023 г. В.В. НАУМКИН, П.П. СКОРОСПЕЛОВ

**«СИЛАМ СОЦИАЛИЗМА ВЫГОДНО, ЧТОБЫ АМЕРИКАНЦЫ
ПОКРЕПЧЕ ЗАВЯЗЛИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ»: ПРЕЗИДИУМ
ЦК КПСС И ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЛИНИИ СССР ВО
ВТОРОЙ ИНДОКИТАЙСКОЙ ВОЙНЕ В 1965 году**

Наумкин Виталий Вячеславович – действительный член РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН, декан Восточного факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия).

E-mail: vinaumkin@yandex.ru

Researcher ID: R-9576-2019; ORCID: 0000-0001-9644-9862

Скороспелов Петр Петрович – директор Российского государственного архива социально-политической истории (Москва, Россия).

E-mail: pps67@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-2921-7516

Аннотация. В статье на основе тщательного анализа множества впервые вводимых в научный оборот документов из российских, а также ряда зарубежных архивов рассматривается один из периодов в истории Советского Союза, когда его влияние на мировой арене достигло максимума. Это был небольшой по историческим меркам отрезок времени, когда у руля Советского государства находилось так называемое «коллективное руководство» во главе с Л.И. Брежневым, А.Н. Косыгиным и Н.В. Подгорным. Авторы статьи показывают, что превращение СССР в одну из двух мировых сверхдержав едва ли стало бы возможным, если бы США не потерпели поражение в Индокитае. Чтобы доказать справедливость этого тезиса, авторы сфокусировали внимание на событиях одного из поворотных эпизодов холодной войны, приходящегося на первое полугодие 1965 г. В этом контексте подвергнуты скрупулезному анализу ход и результаты переговоров А.Н. Косыгина с руководителями ДРВ, КНР и КНДР. Ведь именно тогда, согласно исследуемым документам, Советский Союз из наблюдателя фактически превратился в одного из участников войны во Вьетнаме (и шире – противостояния с США на Дальнем Востоке) в составе антиамериканской коалиции СССР – КНР – ДРВ – КНДР. Хотя речь здесь ведется о стратегическом замысле, его рождение, как это зачастую происходит в реальной политике, было почти случайным, а подлинные авторы изучаемой геополитической комбинации долгие годы оставались в тени истории.

Ключевые слова: Вьетнам, Президиум ЦК КПСС, Вторая Индокитайская война, КНР, Брежнев, Ле Зуан, «трицентричный» миропорядок, констелляция кризисов, военная помощь.

V.V. Naumkin, P.P. Skorospelov

“It Is Favorable To the Forces of Socialism to Keep the Americans in Southeast Asia Longer”: The Presidium of the CPSU Central Committee in the Determination of the Strategic Line of the USSR in the Second Indochina War of 1965

Vitaly Naumkin, Institute of Oriental Studies of RAS; State Academic University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: vinaumkin@yandex.ru

Researcher ID: R-9576-2019; ORCID: 0000-0001-9644-9862

Petr Skorospelov, Russian State Archive of Social and Political History (Moscow, Russia).

E-mail: pps67@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-2921-7516

Abstract. On the basis of a scrupulous analysis of a large body of documents from both Russian and a number of other international archives, the authors examine – for the first time in historical literature – the period in the history of the Soviet Union when the Soviet influence in world affairs reached its zenith. This was a short period, by historical standards, when the so-called “collective leadership” headed by Leonid Brezhnev, Alexey Kosygin, and Nikolay Podgorny was at the helm of the Soviet state. The authors show that it is unlikely that the USSR’s transformation into one of the global superpowers would have been possible were it not for the US’s defeat in Indochina. To prove this assertion, the authors have focused on developments related to one of the turning points of the Cold War, namely the first half of 1965. In this context, they scrutinise the course and results of the negotiations between Kosygin and the leaders of the Democratic Republic of Vietnam, the People’s Republic of China, and the Democratic People’s Republic of Korea. Indeed, it was then, as evidenced by examined documents, that the Soviet Union de facto turned from an observer into a participant in the Vietnam War (and, more broadly, in the confrontation with the United States in the Far East) as part of the anti-American coalition of the USSR – PRC – DRV – DPRK. Although the authors discuss a strategic intent behind the coalition, its birth – as it often happens in real politics – was almost accidental, while the genuine masterminds of this geopolitical combination under consideration have remained in the shadow of history for many years.

Keywords: Vietnam, Presidium of the CPSU Central Committee, Second Indochina War, People’s Republic of China, Lê Duẩn, “tricentric” world order, constellation of crises, military aid.

Historical memory is a system-forming factor in the process of constructing a new world order based on the idea of polycentricity (multipolarity). For the new centers of power on the rise, history in itself, one way or another, has become an integral part of politics as their ruling elites pay much closer attention to past relations with other nations, including Russia. And this is of paramount importance to us from a practical point of view as foreign policy, after all, is a mechanism prone to inertia. However, gaining access to new sources of data allows us to gain clearer insight into the evolution of relations that the Soviet Union/Russia fostered with the nations mentioned above. This category includes such rapidly developing Asian states as China and Vietnam, who have played a significant part within the system of Russia’s contacts with nations in East and Southeast Asia. We are interconnected with these nations through decades of uneasy relations, which are primarily based on cooperation and mutual assistance, and focused on confronting a common external threat.

The authors, while not experts on either China or Vietnam, do not make it their intention to invade into the domain of researching history, nor do they intend to explore the details of the internal political landscape created by these nations. This task is successfully handled by prominent Russian Sinologists and Vietnamologists, including, for instance, a large team of authors (comprising a few foreign researchers) who have compiled an entire volume of the five-volume *Full*

Academic History of Vietnam published by the Presidium of the Russian Academy of Sciences¹. Among them, in particular, are Lyudmila Anosova, Sergey Blagov, Evgeny Kobelev, Grigory Lokshin, Vladimir Mazyrin, Oksana Novakova, Pavel Pozner, Anatoly Sokolov, Maxim Syunnerberg, Tatiana Filimonova, and Petr Tsvetov. We should also mention a body of work by Ilya Gaiduk², who blazed the trail for examining the USSR's policies in the Indochina wars using archival documents, as well as a book written by Dmitry Zusmanovich³. It would be unjust to omit a brilliant monograph by Alexei Bogaturov, still relevant today, which addresses "the history of international relations in East Asia after World War II by employing the pass-through evaluation approach", or a recently resealed article by Vladimir Kolotov⁴.

The purpose of our research is to offer fresh insight into how the Soviet Union's policies toward the Second Indochina War were shaped. We will do so by introducing into scholarly discourse new documents from domestic archives, which until now have been totally inaccessible. We are hopeful that additional articles we have written will also be made available to readers, in which, together with this article, issues of strategic planning and history of the USSR foreign policies throughout the same period, the 1960-s, in relation to other nations of the East, have been considered, thereby allowing us to make broader generalizations.

The greater part of the documents drawn upon therein relate to the period of the initial months, when the new collective leadership in charge of the USSR headed by Leonid Brezhnev, Alexey Kosygin, and Nikolay Podgorny, commenced their governance activity. The new team came to power after Nikita Khrushchev, who was relieved from his post of First Secretary and member of the Presidium of the Communist Party of the Soviet Union Central Committee (CPSU CC) on October 14, 1964, and, on the following day, when he was also relieved from his post of the head of the Soviet government by the Presidium of the USSR Supreme Council. Over that period, when Indochina witnessed disturbing developments connected with the beginning of a systematic air campaign waged by the US against the DRV, and later when US Army expeditionary forces invaded Vietnam, Moscow was confronted with tough decisions. It would not be an exaggeration to state that those decisions were instrumental in predetermining the next step forward in the development of the Cold War. As will be outlined below, over this period various individual elements continued to fall into place and began to form a certain pattern, a "three-center" world order (though the term "tri-polar" that springs to mind is hardly appropriate, as it is common knowledge that there are only two poles), which relied upon an *asymmetrical power balance* among the USSR, the USA, and the PRC, therefore the Second Indochina War of 1959–1975 played a most critical role in defining these dynamics. Interestingly, Alexei Bogaturov even wrote about China's experience of "breakthrough growth to attain supremacy"⁵ (in fact, it was precisely the way the Chinese leaders assessed that period's existing global balance of power).

“FRATERNAL SOCIALIST NATION”

One can assert that under Nikita Khrushchev, and also under Joseph Stalin, Vietnam enjoyed only peripheral attention from the political leadership of the USSR. Nevertheless, Moscow was well aware of Ho Chi Minh, an old member of the Leninist International, and the Vietnamese Communist Party delegations who were regular visitors to the Soviet Union. An interesting dialogue between Georgy Malenkov, Chairman of the USSR Council of Ministers, and Phạm Văn Đông, Prime Minister of the Socialist Republic of Vietnam, provides a clear picture of the nature of such relations. The discussion occurred in July of 1954, when the Vietnamese leader travelled

¹ Аносова Л.А., Благов С.А., Локишин Г.М. и др. Полная академическая история Вьетнама. Т. IV. Ч. I. Новейшее время (1897–1975 гг.) / ред. О.В. Новакова. М., 2014.

² Gaiduk I.V. The Soviet Union and the Vietnam War. Chicago, 1996; *Idem*. Confronting Vietnam. Soviet Policy toward the Indochina Conflict. 1954–1963. Stanford, 2003.

³ Зусманович Д. Советско-американские отношения и война во Вьетнаме. 1964–1968 гг. М., 2016.

⁴ Колотов В.Н. Стратегические приоритеты ДРВ и США во Второй Индокитайской войне // Восток (Oriens). 2022. № 5. С. 55–67.

⁵ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М., 1997. С. 143.

through Moscow on his way back home from Geneva, where he attended a peace conference on Indochina. According to the memoirs of Mikhail Kapitsa, after hearing Phạm Văn Đồng's request that the USSR render assistance, Malenkov took it in stride, overall, and then began to consider the request using the following logic: "The emergence of people's democracies requires a great deal of effort and resources, the Soviet Union alone cannot handle such a task, so it would be expedient to divide the functions between the USSR and the PRC. The Soviet Union would be responsible for the strengthening of socialism and people's democracy in Europe, while China would be in charge of Southeast Asia"⁶. Thus, it can be concluded that for the Presidium of the Communist Party Central Committee, Vietnamese affairs first and foremost were relegated to the scope of responsibility of their Chinese comrades⁷.

As for the alignment of forces within the highest echelon of power in North Vietnam, according to the opinion of Soviet Ambassador to the DRV throughout 1962–1964 Suren Tovmasyan, it too did not instill much optimism. As follows from Tovmasyan's reports to the Center, Ho Chi Minh "was put on the back burner" – he was contemplating retirement, while all the power was concentrated in the hands of First Secretary of the Central Committee of the Vietnamese Workers' Party (VWP) Lê Duẩn's associates, who, allegedly, were oriented toward China and supported by the majority of Party militants⁸. As a matter of fact, these circumstances, and considering the fierce battle for leadership in the world Communist movement between the Communist Party of the Soviet Union (CPSU) and the Communist Party of China (CPC), were not viewed favorably by Moscow, and did not score any points for the leaders of the Central Committee of the Vietnamese Workers' Party (VWP) (which was clearly illustrated by the two-fold reduction of Soviet assistance to the DRV throughout the 1962–1964 period.)⁹.

However, Soviet leaders always shared the geopolitical aspirations of the Vietnamese Communists, firmly believing that they were in line with the national and state interests of the USSR. Such was the situation under Stalin, who through consultations helped define the key foreign policy objectives of the Vietnamese Communists, namely to set up an Indochina Federation¹⁰, a course that was reiterated under Khrushchev. The latter's conversation with Phạm Văn Đồng on July 3, 1961, for example, attests to this. While offering commentary to Khrushchev concerning a map showing the disposition of liberation troops in the south of the country, Phạm Văn Đồng noted that an encouraging environment was being molded in South Vietnam: "When a favorable moment occurs, and when sufficient resources have been accumulated, we will raise the issue of seizing power. Our government will have a national democratic platform and will adopt the principle of neutrality in foreign policy affairs."

⁶ Капица М.С. На разных параллелях. Записки дипломата. М., 1996. С. 269.

⁷ This stance was reflected in corresponding policy papers. For more details please refer to: *Gaiduk I.V.* Confronting Vietnam. Soviet Policy toward the Indochina Conflict. 1954–1963. P. 64–65. On the "early" stage of the Soviet-Vietnamese relations and China's role in them, please refer also to the work by M. Olsen: *Olsen M.* Soviet-Vietnam Relations and the Role of China, 1949–64. Oxford, 2005. According to the Norwegian researcher, from autumn 1962 through autumn, 1964, the Soviet Embassy in Hanoi was substantially isolated from any contacts with the leaders of the Central Committee of the Vietnamese Workers' Party (Ibid. P. 118), and this factor had a serious impact on Tovmasyan's assessments.

⁸ From Tovmasyan's diary. Record of conversation with Ho Chi Minh, Le Duan, Pham Van Dong and Xuan Thuy. 25/12/1963 // Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 079. Оп. 18. П. 37. Д. 8. Л. 164–165.

⁹ Богатуров А.Д. Указ. соч.

¹⁰ "The primary goal of the Vietnamese Communist Party is to fully evict French imperialism from Indochina and build an independent, free, democratic and united Vietnamese Republic and Federation of Vietnam, Cambodia and Laos" (Ciphred cable from Beijing by Shibayev carrying the text for the draft resolution of the Vietnamese Communist Party Congress formulated jointly by Mao Zedong and Ho Chi Minh. 16/03/1950 // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 334. Л. 31. The draft was drawn up upon return of Mao Zedong and Ho Chi Minh from Moscow. It was approved by Stalin on March 26, 1950 (Ciphred cable by Filippov to Beijing for Mao Zedong carrying an approved draft resolution of the Vietnamese Communist Party Congress. 26/03/1950 // Ibid. S. 44).

In Laos, the DRV, together with the Pathet Lao and Souvanna Phouma, were engaged in a struggle for building up a united and neutral Laos¹¹. Khrushchev responded to this by saying that Vietnam is currently gaining greater significance: “It is situated in an advantageous geographical location and strongly presents an attractive example for other nations to follow in developing socialism... The wave of the liberation movement should spread from Vietnam further on and, overwhelmingly, engage other countries. A vivid example of the DRV’s influence is both the map shown today and the Pathet Lao and Kong Le. The DRV will subsequently spread its influence in Thailand and Cambodia”¹².

THE DRIVE FOR CONSOLIDATING THE “SOCIALIST CAMP”

The fateful decisions, which in the end defined the USSR’s stance in the Second Indochina war, came about as a result of debates by the new Soviet leadership on the situation in the world Communist movement following the ouster of Khrushchev. At first glance, the debates had nothing to do with the fate of Vietnam. The main direction of foreign policy activity of Leonid Brezhnev and Alexey Kosygin in the initial period of their taking the reins at the head of the party and government were steps to strengthen the cohesion of the “socialist camp”. According to the memoirs of Brezhnev’s assistant for foreign policy matters Andrei Alexandrov, as soon as the October 1964 CPSU CC (Communist Party of the Soviet Union Central Committee) Plenary meeting drew to a close, Leonid Brezhnev began to contact the leaders of the Union states to make them aware of the changes that had occurred (his telephone calls were made on October 14–15, 1964). The news about Khrushchev’s removal from power was taken by the leaders of the Warsaw Pact nations, overall, without drama and with a sense of understanding¹³.

However, things were more complicated as far as the independent centers of power in the world Socialist system – China, Cuba, and Vietnam – were concerned. The new collective team of the USSR leaders inherited a tense ideological conflict with the PRC. The circumstances were perceived with such anxiety that the CPSU CC Presidium did not rule out the possibility of armed clashes with the Chinese along the border¹⁴. Things were equally complicated, albeit in another dimension, regarding relations between Havana and Hanoi: the Cubans and Vietnamese were demanding that the new leaders of the USSR provide them with security guarantees in the event of military confrontation with the US. On the sidelines of the celebration to the mark the 47th anniversary of the October revolution, on November 11, Brezhnev had, as he jotted down in his notebook, a “tough conversation” with Che Guevara on this issue¹⁵. Phạm Văn Đồng in his meetings with Alexey Kosygin and Alexander Shelepin (that took place on November 9 and 12, accordingly) was also very straightforward¹⁶.

¹¹ Khrushchev’s reception of Pham Van Dong. 03/07/1961 // Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 112–113, 116.

¹² Ibidem.

¹³ *Александров-Агентов А.М.* От Коллонтай до Горбачева. М., 1994. Р. 131–132; *Артизов А.Н., Сигаев Ю.В.* В октябре шестьдесят четвертого: смещение Хрущева. М., 2020. Р. 172.

¹⁴ The possibility was mentioned by Khrushchev at a meeting of the Presidium of the CC CPSU on 25/09/1964. Президиум ЦК КПСС. Стенограммы. 1954–1964. Т. 1. М., 2004. С. 875.

¹⁵ Both in Moscow and in Havana, it was believed that it did not make sense to rely too much on the pledges made by the US in October 1962, regarding its non-intervention strategies for Cuba. For this reason, Che Guevara used pressure tactics trying to persuade the newly appointed First Secretary, as the latter wrote in his work notes, “to make a public statement on behalf of the Soviet Union that any attack on Cuba would be deemed to be an attack on the entire Socialist camp”. *Брежнев Л.И.* Рабочие и дневниковые записи. Т. 1. М., 2016. С. 58.

¹⁶ Record of Kosygin’s meeting with the government and Party delegation of the DRV. 09/11/1964 // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 588. Л. 71–79.

Phạm Văn Đồng's persistence was not a fluke. Having obtained security guarantees¹⁷ from China on a preliminary basis, the Politburo of the VWP Central Committee counted on a quick victory in the South¹⁸ and demanded support from the new Soviet leadership. The Kremlin "heard" what Phạm Văn Đồng had to say. It was decided to boost the morale, political assistance, as well as material aid to their Vietnamese friends¹⁹. Staff member of the CC Department for Relations with Socialist nations Igor Ognetrov recalled that a new approach to the Vietnamese affairs was being adopted²⁰. And already on November 27, 1964, Soviet Foreign Minister Gromyko in a cable to his Vietnamese counterpart Xuân Thủy stated that the USSR would not remain insensitive to the fate of their fraternal Socialist nation and stood ready to provide the required assistance to the DRV if the aggressors (meaning the US) attempted to infringe upon Vietnam's independence and sovereignty. It was also decided to furnish extra military assistance, to the tune of RUB 32 million, to the Vietnamese before the end of the year, as well as to send to Hanoi a senior level government delegation. At the same time an agreement on the transit of defense materials destined for Vietnam was reached with the PRC. On two occasions (on November 26 and December 17), the CPSU CC Presidium discussed the issue of sending Soviet military experts to the DRV²¹.

However, the Chinese issue remained a matter of paramount importance for the Presidium of the CPSU CC. The initiative of resuming contacts along Party and government tracks was brought forward by Zhou Enlai²². And such contacts took place over the November holidays in 1964. "Discussions" with their Chinese comrades lasted for hours and were held on November 8, 9, 11, and 12, 1964. As Brezhnev reported on the outcome of the talks in his address to the CC Plenary meeting, the ultimate result was to restore a certain level of mutual trust between the parties involved²³. Now, it needed to be determined what to do next.

The first "strategic session" on the Chinese issue was held immediately after the October Plenary meeting while in route to a meeting with Polish leaders Władysław Gomułka, and Józef Cyrankiewicz²⁴. With Leonid Brezhnev, Aleksey Kosygin, Yuri Andropov (then CC Secretary), Konstantin Ruskov (Department Director of CC Department for Relations with Socialist Nations) and Andrei Alexandrov all seated at a table in a train car bound for Poland, a lively exchange of views took place during which Kosygin delivered the strongest message in favor of immediate action to normalize

¹⁷ During a visit of a Vietnamese delegation to Beijing headed by Van Tien Dung on 21–23/06/1964, Mao Zedong informed Le Duan that in the event of a US intervention, a 300 000 – 500 000 strong contingent of the People's Liberation Army (PLA) of China would be deployed along the southern frontier of the PRC. *Li Xiaobing. The Dragon in the Jungle. The Chinese Army in the Vietnam War.* Oxford, 2020. P. 65, 66.

¹⁸ In September 1964, the Politburo of the VWPCC endorsed a resolution to conduct a series of large-scale operations with a view to achieving a major victory in the South, within the earliest feasible timeframe and thus to forestall a potential deployment of the US expedition force in Vietnam. *Victory in Vietnam. The Official History of the People's Army of Vietnam, 1954–1975 / transl. by M.L. Pribbenow.* Kansas, 2002. P. 137–138.

¹⁹ Пуга Gaiduk writes about it in: *Gaiduk I.V. The Soviet Union and the Vietnam War.* P. 19–21.

²⁰ *Огнетов И.А. На вьетнамском направлении.* М., 2007. С. 164.

²¹ Record of a conversation with Kosygin. 09/11/1964 // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 588. Л. 71–79. From Scherbakov's diary; Record of conversation with Pham Van Dong. 05/01/1965 // АВП РФ. Ф. 079. Оп. 20. П. 45. Д. 4. Л. 1. Please refer also to: *Кануца М.С. Указ. соч.* С. 270; Minutes No. 178 of the meeting of the Presidium of the Central Committee dated 11/26/1964 // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 804. Л. 9. Minutes of the Meeting No. 182 dd. 17/12/1964 // Ibid. S. 27.

²² Record of a conversation by Stepan Chervonenko with Zhou Enlai. 28/10/2964 // *Хрущёв Н. 1964. Стенограммы пленума ЦК КПСС и другие документы.* М., 2007. С. 331.

²³ Unedited shorthand report of the CPSU CC Plenary meeting. 16/11/1964 // *Хрущёв Н. Указ. соч.* С. 46. The progression of events was not hampered even by Malinovsky's trick, who, according to Zhou Enlai, declared to the Chinese at a Kremlin reception on November 7, 1964 that "we, in the Soviet Union, ousted Khrushchev, now it's your turn to ouster Mao Zedong". See: Record of a conversation by Brezhnev, Kosygin, Mikoyan, Andropov, Gromyko with members of the PRC Party and government delegation headed by Zhou Enlai. 08/11/1964 // Ibid. P. 349.

²⁴ It was the first foreign trip for the new Soviet leadership. The meeting took place on October 24, 1964, in the Belavezha Forest.

relations with China. Andropov spoke against such a move. In his view, Mao ruptured relations with the USSR, not under the influence of an emotional impulse, but rather very deliberately in a well thought-out attempt to snatch supremacy in the world Communist movement from the CPSU²⁵.

Following the results of the exchange of views in the train car meeting and taking into consideration their November contacts, the Foreign Policy Commission of the CC²⁶ examined the question concerning the normalization of Soviet Union-China relations, as did the CC Presidium at a meeting on January, 1965. The essence of proposals put forward by the Foreign Policy Commission (actively supported by Kosygin at the Presidium) contained an initiative to hold meetings between heads of government of the USSR and the PRC as early as in January – February 1965, either in Beijing or in Moscow²⁷. But, the proposal was not upheld. The more cautious attitude of the Presidium members ruled the day. (Brezhnev: “there is no confidence that we can achieve success, we might get slapped in the face”). Instead, as recommended by Andrei Kirilenko, it was resolved “to send Comrade Kosygin on a reconnaissance mission” – he should use his visit to the Democratic Republic of Vietnam to make a stop-over in Beijing. The instructions issued to Kosygin (approved by the Presidium on January 28, 1965) recommended that he not only tackle trade and economic contacts and avoid any engagement in open controversy between the sides, but also that he should strongly emphasize the coordination of efforts of the USSR and PRC on the international arena²⁸.

“AMICABLE RECEPTION”

Kosygin’s Asian tour in February 1965 proved to be quite successful²⁹. His talks in Hanoi on February 6–10, reaffirmed that North Vietnam was interested in receiving Soviet military assistance. During the talks, the parties analyzed in great detail the options for developing the

²⁵ Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 168.

²⁶ The Central Committee (CC) Foreign Policy Commission was established under a resolution of the Presidium on 22/10/2964. It comprised Mikhail Suslov (Chairman), Yuri Andropov, Boris Ponomaryov, Leonid Iluichyov, Andrei Gromyko, and Vladimir Semichastny. It was in operation until 1968, when the Politburo resolved to set up several commissions in charge of specific areas (national and regional).

²⁷ A note by Suslov, Andropov, Ponomaryov and Iluichyov, dd. January 7, 1965, said: “Judging by all appearances, after Khrushchev’s dismissal and nuclear weapon tests conducted by the PRC, the CPC has been trying to deal with our Party and country “from a position of strength”. It was further suggested, within 5–7 months, step by step to seek a gradual relaxation of tense relations with the CPC and a normalization of Soviet Union-China relations, it was envisaged to “exert active efforts to improve contacts along the Party line with the DPRK and PRC”. It is seen from the materials of the Foreign Policy Commission that the USSR continued to supply to the PRC strategic goods, defense material and furnished confidential data. Among other things, it was recommended to Kosygin, while in Beijing, to raise the question of T-55 tank deliveries to the PRC. See: *Прозуменищиков М.Ю.* Спор идет о слишком больших вешах. Неудавшаяся попытка советско-китайского примирения. 1964–1965 гг. // Исторический архив. 2007. № 1. С. 5–7.

²⁸ Draft Minutes of the Meeting of the CC Presidium. 14/01/1965; Material for Conversations with the PRC Top Leaders on the Issues of International Relations. *Прозуменищиков М.Ю.* Указ.соч. С. 14–19.

²⁹ It was the first foreign trip for Kosygin after he was appointed Chairman of the USSR Council of Ministers. The fact was paid due attention in Beijing. See: 周总理、陈毅副总理同柯西金等第一次接触谈话记录 (Shorthand record of the first meeting between Prime Minister Zhou Enlai, Vice-Premier Chen Yi and Kesitszinem (Kosygin) and others). 06/02/1965 // 中華人民共和國外交部档案馆. 絕密文件 (Archive of the Foreign Ministry of the PRC. Top Secret Documents). The composition of the delegation was very impressive: CC Secretary Yuri Andropov, First Deputy Foreign Minister Vasily Kuznetsov, Air Force Commander-in-Chief, Chief Aviation Marshall Konstantin Vershinin, Chairman of the State Committee for Economic Relations Georgy Sidorovich // ПГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 619. Л. 121.

defense and political situation in Vietnam³⁰. His trip to Pyongyang on February 12–13, 1965, was also rewarding³¹. Kosygin's talks with Kim Il-sung reconfirmed the credible and trust-based nature of relations between the two states, and also the DPRK's interest in receiving Soviet aid to improve its air defense capability. Kim Il-sung shared his vision of the prospects for the revolution and the situation in the South³².

Key developments, nevertheless, were underway in Beijing. In the course of many-hours-long negotiations held between Alexey Kosygin and Zhou Enlai on February 5, 10 and 11, 1965 (overall, Kosygin had eight meetings with Zhou Enlai and one with Mao Zedong), the Soviet Union – China Accords of 1949–1950 were de facto reinstated, including mutual commitment to coordinating efforts in defense and political areas. It would appear that Kosygin and Chinese leaders went as far as to discuss their potential goals for the coalition strategy in Asia. The initiative here again came from Zhou Enlai.

Of primary importance, we believe, was the first conversation between Kosygin and Zhou Enlai on February 5, 1965, that took place in a car on the way from the airport to Enlai's state residence. It is apparently comparable, in terms of its significance, with Khrushchev's conversation with Mao in November 1975, when the two leaders deliberated “how to turn the Cold War into an adverse factor for the Americans” (by a fortuitous coincidence, it was also held in a car)³³.

According to Chinese records of the conversation, in response to Kosygin's comment that it would be desirable to coordinate actions in support of Vietnam, Zhou Enlai expressed his full understanding, saying: “To win the battle against imperialism, we should act in joint effort with each other”. He noted that by way of a precautionary measure, and in the event of an unfavorable twist of developments, a Chinese People's Liberation Army group of forces was deployed along the border with the DRV, adding that China would not want any escalation of war to a global level, “the Korean war did not turn into a global conflict!” Then, a critical utterance by Zhou Enlai followed: “We need to jointly support the anti-imperialistic struggle of people in Indochina... Let the Americans get stuck in ankle-deep mud there!”³⁴.

In addition to Indochina, Korea, as well as the situation in Indonesia and its conflict with Malaysia and the British Commonwealth, figured prominently in the talks with Zhou Enlai and Chinese Foreign Minister Chen Yi. Pursuant to his instructions, Kosygin reaffirmed that the USSR stood ready to continue supplying weapons and defense equipment to the PRC, including tanks and transport aircraft. Questions related to the trade and economic contacts, and also

³⁰ In the opinion of our Vietnamese friends, the military and political situation might develop in accordance with three basic scenarios:

– the war continues in the form of a “special-type” war (i.e. Americans will wage a war with the employment of puppet troops);

– Americans will expand the magnitude of war by turning it into a local war, and by sending its troops to South Vietnam;

– the US will unleash a war directly against the DRV. At the same time, Pham Van Dong reassured Kosygin that Hanoi had been doing everything in its ability to limit the developments in South Vietnam to the framework of “special-type warfare”.

³¹ Kosygin received an invitation to visit the DPRK, when the Soviet delegation was staying in the DRV.

³² Kim was quite pessimistic in assessing the revolutionary prospects in South Korea. He believed that its triumph, the result of democratic election or due to a coup d'état, held little probability given powerful groups of US forces deployed on its territory, while the geography there was not favorable for a guerilla war. See: Záznam Konverzace s V.P. Moskovsky, Unor 16, 1965 // Narodni Archiv (Česká Republika). Ustřední Výbor KSC. F 02/1. F 96/101. Pgs. 1–26; Record of Conversation with the Soviet Ambassador in the DPRK Comrade V.P. Moskovsky. February 16, 1965 // Wilson Center Digital Archive. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114980> (access date: 11.10.2022).

³³ From Sergei Antonov's diary. Recording of a conversation with Mao Zedong. 21/10/1959 // АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 53. П. 11. Д. 443. Л. 227.

humanitarian collaboration were also tackled³⁵. The talks with Mao Zedong on February 11, 1965, proved to be extremely meaningful and extensive: they effectively confirmed the so-called concept of dividing the areas of responsibility³⁶ in the West and East:

“Mao: At present, the PRC is engaged in holding the 7th US Navy Fleet at bay, and this is the most powerful US Fleet.

Kosygin: The Soviet Army is engaged in containing the US forces in Germany.

Mao: So, yes, continue taking on the that front primarily in the West, while we will fight here in Asia. We are forced to coordinate our actions because of the Americans.

In conclusion, Mao said: “The war will immediately bring us much closer together”³⁷.

Reinstating their commitment to “dividing areas of responsibility” was also vital for the Chinese in connection with their preparations for the “Second Bandung Conference”³⁸ – the Second Asian-African Nations Conference, which was supposed to be, under the plan conceived by Beijing, a critical element for uniting the third world countries on the basis of an anti-American platform, provided that the PRC retained its supremacy. All major efforts of the Chinese diplomats, throughout 1964–1965, were exerted to meet the goal of building up such a network-centric

³⁴ See: 周总理、陈毅副总理同柯西金等第一次接触谈话记录 (Shorthand record of the first meeting between Prime Minister Zhou Enlai, Vice-Premier Chen Yi and Kesitszinem (Kosygin) and others). 06/02/1965. 中華人民共和國外交部档案馆. 絕密文件 (Archive of the Foreign Ministry of the PRC. Top Secret Documents). In his conversations with the allies, Zhou would recurrently tackle the question of how to strategically “paralyze” Americans in Southeast Asia (and more broadly – in the Far East). Thus, on March 26, 1965, he deliberated on how to “lure Americans into a trap” with N. Ceausescu in Bucharest, and before that – with the Syrian Ministry of Internal Affairs, within the context that it would alleviate the pressure exerted by Western powers on the Middle East. See: Record of a conversation between Zhou Enlai and N. Ceausescu, March 26, 1965. Conversație N. Ceausescu i Zhou Enlai. Martie 26, 1965 // Arhivele Naționale Istorice Centrale Bucharest. FCC Chancellery. 39/1965. P. 53–86. In all probability, the idea of paralyzing Americans in Vietnam was initially articulated by Mao Zedong on October 5, 1964, during his meeting with Pham Van Dong in Beijing. Wang D. Grand Strategy, Power Politics, and China Policy toward the United States in the 1960s // Diplomatic History. 2017. Vol. 41. Iss. 2. P. 265–287.

³⁵ Wang D. Op. cit.

³⁶ As is known, the agreement reached between Moscow and Beijing on the dividing areas of responsibility was based on Stalin’s premise about the emergence of a revolutionary situation in Asia, after the victory of the Chinese revolution, and about the center of global revolutionary movement being shifted to the East. These premises were declared by Stalin in a very ingenious way – as a toast at the reception to honor the Chinese delegation headed by Liu Shaoqi at a dacha in Kuntsevo, on July 10, 1949. As remembered by a member of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) CC under the CPC CC Ivan Kovalyov, the Chinese top leaders were inspired by Stalin’s declarations that the Chinese Communists should be at the forefront of all peoples of East Asia and be a trailblazer for them. See: Ковалев И.В. Диалог Сталина с Мао Цзэдуном (интервью с личным представителем И.В. Сталина в Китае И.В. Ковалевым) // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 83. The ripening of Stalin’s views and their influence on the Politburo of the CPC CC can be traced to correspondence of the Soviet leader with the Chinese friends in 1949–1950, stored in his personal file in the Russian State Archive of Socio-Political History (RSASPH) Fd. 558. The Chinese call this model “back-to-back”. By the late 1950-s, according to the estimate of the Soviet Embassy in the PRC, it looked as follows: “In their approach to the foreign policy issues, our Chinese friends tend to adhere to the principle of “division of labor” between the USSR and the PRC. Proceeding from that, our Chinese friends do not propose to take any steps on the international arena in relation to the key problems facing the world (disarmament, banning thermonuclear weapons), to the UN serving as a crucial instrument in resolving those problems, they are prone to shift the center of attention to the development of their relations with the Asian, African and Latin American nations”. See: Policy letter of the USSR Embassy in the PRC. 06/08/1959 // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 239. Л. 138.

³⁷ Notatka z Rozmowy A.N. Kosigina z Mao Tse-Tungiem. 11 lutego 1965 r. // Archiwum Act Nowic (Warszawa, RP Polska). KC PZPR, XI A/10. K. 514–533.

³⁸ On the significance of the Bandung Conference please refer to: Скоропелов П.П. «Особый способ осуществления внешней политики путем угрозы войны империалистам». Военно-политическая деятельность Президиума ЦК при Н.С. Хрущеве (1953–1964 гг.) // Восток (Oriens). 2022. № 2. С. 9–28; № 3. С. 6–30.

coalition³⁹. It was, as estimated by US Secretary of State Dean Rusk, the “most ambitious large-scale diplomatic onslaught ever launched by the Chinese Communists in the free world”⁴⁰.

As noted by the Chinese researcher Dun Wang, who scrupulously reviewed the Chinese records of negotiations from the PRC Foreign Ministry archive, Kosygin was greeted and received in an “amicable” way in Beijing. “A partial normalization of intergovernmental relations ensured a required strategic depth of the security space needed to counterbalance the US”⁴¹.

A trip of the Soviet Party and government delegation to the Far East was made against a backdrop of heated debates over the military and political situation and formulation of goals for 1965 at the Politburo meeting of the Vietnamese Workers’ Party CC. A directive letter by Lê Duẩn to “c. Souan” (codename of General Nguyễn Chí Thanh – Secretary of the Vietnamese Workers’ Party for South Vietnam) set out those goals as follows: “Our aim is to cause the eventual and complete disintegration of the Saigon Army... it is necessary to defeat the puppet Army in such a way that the Americans would have no time to interfere, yet at the same time to act masterfully in a tactical sense affording the Americans the ability to acknowledge their failure and to leave without losing face. Our Army, in the course of combat operations, should crush and drive away three-fourths out of nine regular puppet divisions available on the ground, resulting from several great battles. After that, by conflating an all-out uprising and a general offensive, we will strike a blow to the enemy’s heart (rouse people to revolt simultaneously in Saigon and other major cities) and seize power”.

Despite the fact that the ratio between the size of the Vietnam People’s Army and Saigon Army was 1:3, Lê Duẩn was prone to believe that the conditions were quite favorable for Hanoi⁴².

“THE CURRENT INTERNATIONAL CLIMATE IS AKIN TO A PRE-WAR SITUATION”

As long as Kosygin stayed in Asia, the state of affairs in Vietnam continued to raise concerns among the Presidium of the CPSU CC (Communist Party of the Soviet Union Central Committee). US systematic air warfare against the DRV (Democratic Republic of Vietnam)⁴³ gave rise to serious debate within the top leadership of the USSR. On February 11, 1965, the Foreign Ministry and CC Department⁴⁴ submitted a proposal to the Presidium on a variety of potential recip-

³⁹ *Getlig E.* Trouble Ahead in Afro-Asia: The United States, the Second Bandung Conference. The Struggle for the Third World, 1964–65 // *Diplomatic History*. 2015. Vol. 39. № 1. P. 127.

⁴⁰ Cited by: *Getlig E.* Op. cit. To assess the magnitude of the Chinese diplomatic onslaught, it can be mentioned that, throughout 1964, over a period of 53 days Zhou visited 10 countries of the African continent. In spring, 1965, his schedule was even more intense. He visited Pakistan (March 23, and April 2), Romania (March 24–27), Albania (on March 27–30), Algeria (March 30–April 1), Egypt (April 1), Burma (April 3–4). *Ibid.* P. 129; *Lüthi L.M.* Reading and Warning the Likely Enemy – a Commentary: Signalling Across Four Continents // *The International History Review*. 2013. Vol. 35. Iss. 4. P. 808. Obviously, Beijing was not isolated on the international arena and behaved like a genuine world power. The Conference was due to take place on June 29, 1965, in Algeria. However, the deposition of Algerian leader Ben Bella in the June 18–19 coup led to the shifting of the Conference towards November first, and then it was rescheduled indefinitely, after the October coup in Indonesia, when Beijing’s key partner Sukarno, effectively turned into a hostage of the Indonesian military. For more details on the history of Bandung-II and the role played by the US in dismantling the anti-American coalition of the third-world nations please refer to: *Getlig E.* Op. cit.

⁴¹ *Wang D.* Op. cit. P. 265–287.

⁴² Le Duan to Comrade Souan. February 1965. *Ле Зуан. Письма на Юг. Сб. писем и телеграмм / пер. с вьет. м., 1987. С. 49–50, 59–60.*

⁴³ On February 7, 1965, the 409th battalion of the VPA Special Operation Forces attacked an airfield around Pleiku and the US Camp Holloway Army Base in South Vietnam killing, as stated in the official history of the Vietnamese People’s Army, 100 enemy soldiers and 20 aircraft. See: *Victory in Vietnam*. P. 142. In retaliation, the US Naval Air Forces aircraft that took off from the Ranger, Coral Sea and Hancock aircraft carriers deployed in the South China Sea, delivered strikes against two military sites in the DRV. Another site was attacked by the Saigon aviation. Those were the first bombardments of North Vietnam announced after the Gulf of Tonkin incident in August 1964. *McMaster H.R.* Dereliction of Duty: Johnson, McNamara, the Joint Chiefs of Staff, and the Lies That Led to Vietnam. New York, 1998. P. 218–219.

⁴⁴ In the absence of Andropov, who accompanied Kosygin on his trip, the material was signed by Deputy Director of the Department Lev Tolkunov.

rocal actions that might be taken by the Soviet Union in this connection, and on February 12, 1965, these proposals were presented by Andrei Gromyko at the Presidium meeting. Apart from the traditional package of political and diplomatic measures, it was suggested to send “volunteer fighters” to Vietnam, which effectively meant sending Soviet troops to the DRV. Broadly speaking, the proposals issued by the Foreign Ministry (which were backed by the CC Department in the absence of Andropov) could be regarded as a deferred reaction to the November request made by the Vietnamese top leadership that security guarantees be provided⁴⁵.

A fierce discussion flared up over the issue. Draft minutes of the CC Presidium on February 12, 1965, contain information on the addresses made by those present, the greater part of whom advocated for caution (the spelling is retained as in the original):

“Gromyko – Made a report on the state of affairs.

Mikoyan – Believes there is no need to respond in such a way now.

Podgorny – It is hardly necessary now to offer military assistance and help to defend, to repel the attack.

We do not have to get involved in the war.

We do not have to send volunteers either, obviously. It would be hardly justifiable currently.

Documents to be adopted require additional adjustment.

However, some measures should be taken by us.

We need to express our protest and demand that any such action should be ceased by the Americans.

Suslov – The documents submitted by the Foreign Ministry have been issued hastily. It is apparent that we do not need to react in such a manner to each act of aggression. We have already dealt with the development in Cuba, and we barely escaped unscathed.

The proposals regarding the volunteers are totally unacceptable.

We need to hear what Comrade Kosygin has to say on his talks in the DRV.

...

Malinovsky – Believes that we have not yet used the entire array of peaceful measures before proceeding to threats.

There is no need whatsoever to get involved in combat operation.

We can render military assistance and aid along the line of public solidarity”⁴⁶.

⁴⁵ As already noted, throughout November–December of 1964, the Presidium deliberated on the issue of sending Soviet military personnel to the DRV twice, the end result of which was the proposal to supply North Vietnam with air-defense systems and to send reduced personnel to operate them. (Minutes of the Meeting No. 189 of the CC Presidium dd. 28/01/1965 // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 617. Л. 36–37).

⁴⁶ The proposal of the Foreign Ministry (which was supported by the CC Department without much thought) to send “volunteers” to Vietnam raises a lot of questions in connection with the decision-making mechanisms adopted by the Soviet military and political leaders at the initial stage of operation of the new collective leadership of the USSR. Evidently, the “submission” of materials to the meeting of the Presidium occurred bypassing the CC Foreign Political Committee. This was vividly exemplified by the reaction of its Chairman Mikhail Suslov. That the matter involved the sending of troops and bringing this matter for discussion at the Presidium meeting without hearing the opinion of the military was also very strange. The address made by Malinovsky was explicit enough to show what he thought about it. Incidentally, there were no Defense Ministry representatives on the Committee... Military issues were customarily discussed by the USSR Defense Council, comprising Brezhnev, Podgorny, Kosygin, Ustinov (CC Secretary on Defense Matters), Grechko (First Deputy Defense Minister and Warsaw Pact Commander-in-Chief) and Yepishev (Main Political Department Chief). The Foreign Minister was not a member of the Defense Council, however. But the Defense Council was never a crisis management body, it was rather a commission of sorts on matters relating to the Defense Ministry. Such issues as planning, the deployment of the Armed Forces, military construction projects, new weapons for the troops while being on the agenda of the Defense Council, were, for the most part, addressed in a most general format. It might appear that there was a controversy brewing between the military and foreign policy matters, but this was not quite the case. A solution was found in the so-termed “Politburo system”, that had made it imperative to debate strategic issues for the country within the framework of a single platform in compliance with certain procedures. As is evident from the draft records of the Presidium meetings, this discussion was far from being merely a perfunctory formality.

Brezhnev shared the view of the majority of the speakers: “I agree with the opinion of my comrades, we should not be dragged into this war. But we need to generate a series of retaliatory measures and express our stance with regard to the developments in Vietnam”. The conclusive statement after the debate was made by Gromyko: “We have only one track to follow – not to allow a military confrontation”⁴⁷. But, what should be done if one occurs?

An answer to this question was brought by Kosygin on his return from Beijing. On February 18, 1965, the results of the Soviet Delegation’s trip were discussed at a meeting of the Presidium. The idea advanced by Zhou Enlai to the effect that “the forces of Socialism are interested in the Americans getting heavily mired in Southeast Asia” (the expression coined by Mikoyan) captured the imagination of the Soviet leaders⁴⁸. There was also some apprehension that “China would not be averse to the Soviet Union getting involved in the war”. The stance was resolutely trumpeted by Mikoyan⁴⁹. Nevertheless, in the eyes of Brezhnev and Kosygin, the “upsides” seemed to outweigh the prospective “downsides”⁵⁰.

The Presidium approved the activities of the Soviet delegation. It was resolved to inform the CC members, first secretaries of the regional Party committees⁵¹ and leaders of fraternal Parties about the details of the visit, making the full memorandum of conversation between Kosygin and Mao Zedong available to them. A communication to the Vietnamese Workers’ Party said that following an “exchange of opinions” in Beijing, the positions of the CPSU (Communist Party of the Soviet Union) and the CPC (Communist Party of China) on the issue of providing assistance to the DRV “have drawn closer” (correction made by Andropov’s handwriting in connection with the CC resolution after it was discussed at the Presidium)⁵².

The trip helped considerably enrich the vision of the new Soviet leadership *concerning the situation in the region – as it was not fully identical to the information received by the Center from our Embassies overseas*. Thus, in relation to the power balance within the CC of the Vietnamese Workers’ Party, Kosygin said that “the impression we had about Ho Chi Minh does not correspond with reality... (he. – *V.N., P.S.*) behaved in quite an independent manner... (Lê Duẩn. – *V.N., P.S.*) is in effect not at all as pro-Chinese as we thought he was”⁵³. However, the general conclusion sounded very alarming: “The (Vietnamese. – *V.N., P.S.*) Communists are firmly convinced that the USSR is not really intent on the struggle against imperialism... Moreover, a

⁴⁷ Draft record of the CC Presidium meeting. 12/02/1965 // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. П. 622. Д. 8. С. 13–14. Underscored in the original text.

⁴⁸ Draft protocol of minutes of the CC Presidium meeting. 18/02/1965 // Ibid. М. 626. П. 13–24; Dictation by Anastas Mikoyan. 04.03.1965 // РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 116. Л. 7.

⁴⁹ As Mikoyan put it, “China wants Americans and other imperialists to get embroiled in the endless local battles in the most remote corners of the world, as far from the Chinese boundaries as possible, and is not averse to the Soviet Union being embroiled in the military activities either” (Ibid. P. 7–8). As time went on, these concerns appeared to be shared by Brezhnev, as he told Atonin Novotny about it in Moscow on 07/09/1965: “the Chinese are trying to trigger a confrontation between the USSR and the US”. *Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи*. С. 10.

⁵⁰ Later, on 10/09/1965, in his conversation with Walter Ulbricht) Brezhnev formulated this strategic equation in the following manner: “If the Americans succeed in strengthening their positions in Asia, then they will raise the issue in Europe more energetically”. Ibid. P. 157.

⁵¹ Informing the Party and administrative executives was an essential element of practicing state governance under Brezhnev. The phrase “What will the regional committees say?” (Podgorny liked to repeat it) was often heard at Presidium meetings, and it was not associated with ceremonial implications. After October, 1964, and events of the earlier period in the 1950-s, the Soviet leaders were well aware of what it meant to be deprived to the support provided by the regional committees.

⁵² Information for the leadership of the Vietnamese Workers’ Party (VWP) on conversations held by the Soviet delegation headed by Alexey Kosygin with the VWP leaders. 26/02/1965 // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 631. Л. 90.

⁵³ It was not accidental that in his closing remarks Kosygin suggested having the Ambassadors in China and the DPRK replaced (Ambassador in Vietnam Scherbakov had not been working in Hanoi for half a year by that time). According to the Chairman of the Council of Ministers, “given the current circumstances, they are only a brake pedal to our relations”. See: Draft protocol record. 18/02/1965 // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 626. Л. 21.

similar situation prevails with other Parties in the East, who think that we are almost in collusion with the US imperialism”⁵⁴.

Summarizing the results of discussion of the Vietnamese issue on February 12 and 18, 1965 at the CC Presidium, we should bear in mind that the spirit of the discussion was largely defined by the traumatic experience had by many of the attendees relating to the “specific form of administering foreign policy through the threat of war” that Khrushchev practiced when he was the top leader of the Soviet state. The combination of a series of large-scale military and political crises, the culmination of which appeared to be the Caribbean crisis of October 1962, which brought the USSR to the brink of a military conflict with the US, was not considered by the new collective leadership of the USSR as something they would like to repeat⁵⁵. It could be asserted that a strong motivation to avert any “engagement in conflict with nuclear powers”⁵⁶ and, in a broader sense, the understanding that another world war would be fraught with disastrous consequences for Russia, became the overriding keynote of the defense and policy strategy pursued by the USSR under Brezhnev. For this reason, the Vietnamese were constantly urged by the Soviet side to start negotiations with the Americans (“the parties should feel the pulse of each other”), a rather annoying factor for the Vietnamese. This was genuine Brezhnev doctrine! However, a motivation to stay away from any direct conflict with the nuclear powers, as we will see, did not mean the pursuit of a pacifist agenda. Members of the Presidium were not vegetarians by any standard. It appears that they adopted the same logic that underlined Stalin’s concept of shifting the center of gravity for the world revolutionary movement to the East, implying that “the US would be diverted... from Europe to the Far East”, while the USSR could “benefit from it in terms of the balance of forces worldwide”⁵⁷.

It can be said that following Kosygin’s trip the basic tenets of a concept were devised to keep the “Anglo-American coalition” paralyzed in Asia through

– Supporting the “special-type war” waged by the DRV on the territory of South Vietnam. The USSR was prepared to provide assistance in improving the air defense capability of the DRV by sending an air-defense brigade to Vietnam. In its turn, the PRC reaffirmed security guarantees for the DRV in the event the US would invade its territory⁵⁸;

– Continuing to provide aid to Indonesia in connection with its opposition to Malaysia and the UK. (As underlined by Kosygin, Indonesia was fully equipped with Soviet weapons: “We gave them our Naval fleet, including submarines, we gave them missiles, we gave them military aircraft, part of our crews are still there on active duty, there are many Soviet pilots in their air forces”⁵⁹;

⁵⁴ The general conclusion made by Kosygin in relation to China and other countries he visited during his trip – “nationalism there has swept over everything”. Translated from “Party” language, it meant that the USSR’s allies within the socialist camp in Asia are guided by their own nationalist and state interests above all, and this should be taken into consideration // *Ibid.* S. 19–20.

⁵⁵ For more details, see: *Скороспелов П.П. Указ. соч.*

⁵⁶ Brezhnev’s Address at the June, 1967, Plenary Meeting of the CC “On the Soviet Union Policy in conjunction with Israel’s Aggression in the Middle East” // *РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 59. Л. 7.*

⁵⁷ Ciphred cable by Filipov to Prague to the Soviet Ambassador (for Gottwald). 27/08/1950 // *РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 62. Л. 71–72.*

⁵⁸ As advised by Kosygin, the Presidium resolved not to send air forces to Vietnam (MIG-21 air regiment), as was originally intended by the Defense Ministry, See: Draft Minutes of the Meeting of the CC Presidium. 18/12/1965 // *РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 626. Л. 21.*

⁵⁹ *Záznam Konverzace s V.P. Moskovsky, Unor 16, 1965.* The so-termed Confrontation – a military conflict between Indonesia and the Federation of Malaysia, the UK, Australia, and New Zealand in 1963–1966 – was somewhat overshadowed by the War in Indochina. An attempt by Jakarta to challenge the northern part of the Kalimantan Island (Borneo) being included in Malaysia led to a protracted “low intensity conflict” between the Indonesians and the British Commonwealth troops. For more details see: *Easter D. Britain and the Confrontation with Indonesia, 1960–66.* London, 2012.

– Moscow stood ready to offer assistance in improving the air-defense capabilities of the DPRK (Democratic People's Republic of Korea) by sending them the Volkhov anti-aircraft missile system, initially with the Soviet personnel⁶⁰.

It was also planned to reinforce the USSR Naval presence in the Pacific Ocean. On February 25 and 28, 1965, pursuant to the talks in Beijing, Moscow requested two air corridors across the territory of the PRC intended for supplying weapons to the DRV, including the right to fly across Chinese air space for 45 military transport aircraft, which were due to deliver to Vietnam the S-75 anti-aircraft systems as well as military personnel to operate/service them. Additionally, the USSR requested the possibility to deploy a MiG-21PF squadron (12 jet fighter planes) and 500-strong military personnel at the Kunming airfield in Yunnan province, China (bordering on the DRV) for the training of North Vietnam pilots, or in case of necessity – for the employment in the interests of Hanoi air-defense forces⁶¹.

Indochina became the strategic center of gravity capable of “keeping the Americans paralyzed in Asia” over the next 10 years⁶². The war in Vietnam was viewed by the Soviet military and political leaders through the prism of experience gathered by the coalition of the USSR, the PRC, the DPRK, and the DRV in the Far East throughout 1950–1953. As is widely known, military planning in Korea, Indochina, as well as along the Taiwan track over that period was executed in close coordination, primarily between Moscow and Beijing. Written communication between Joseph Stalin and Mao Zedong, stored at the RSASPH, testifies to this fact⁶³. Therefore, already on April 3, 1965, Brezhnev and Kosygin sent letters to the Chinese and Vietnamese top leaders with a proposal to hold a three-party conference “at the very highest level” to jointly discuss steps that should be undertaken to “protect security of the DRV” under conditions of escalated bombing attacks on its territory by US aviation. Meanwhile, the Soviet leaders emphatically asked Lê Duẩn: “Is there an agreement on behalf of our Chinese comrades to deploy part of the fighter aircraft being supplied by the USSR to the nearest airfields in China?”⁶⁴.

After talks with the North Vietnam delegation headed by Le Duan⁶⁵ (held in Moscow from April 10 through April 17, 1965) the CC Presidium adopted a resolution on the delivery of weapons to the tune of RUB 140 million to the DRV⁶⁶. In the end, over the period until

⁶⁰ On May 13, 1965, the Politburo passed a resolution to deliver to the DPRK of eight SA-75 M Dvina battalions and 50 MiG-21 aircraft and to send Soviet personnel on a mission there // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 342. Л. 28–32.

⁶¹ All this was told to Zhou Enlai by Nicolae Ceausescu on March 26, 1965, expressing great surprise over the “promptness” displayed by their Soviet friends. See: Conversație N. Ceausescu i Zhou Enlai. Martie 26, 1965.

⁶² After the coup in Indonesia in October 1965 (which became known in Moscow through a news release communicated by the US telegraph agency in Tokyo), the new leadership in Jakarta distanced itself from any contacts with the Soviet representatives, and the possibility “to influence the affairs in Indonesia in the right direction for the USSR was reduced to zero”, as was reported by Gromyko to the Foreign Policy Commission on November 27, 1965. See: Zakharov in the CPSU CC on the seizure of power in Indonesia by the “Indonesian Revolutionary Council”. 01/10/1965 // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 479. Л. 67; Gromyko Reporting to the CPSU CC Foreign Policy Commission. 27/11/1965 // Ibid. S. 76–78. In turn, as was already noted, Kim Il-Sen, in a conversation with Kosygin, on February 12–13, gave a fairly pessimistic assessment of the revolutionary prospects for South Korea.

⁶³ Correspondence is stored in Stalin's Personal File in RSASPH. Fd. 558.

⁶⁴ Brezhnev, Kosygin, Ho Chi Minh, Lê Duẩn, and Phạm Văn Đồng. 03/04/1965 // РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 517. Л. 15–16. A similar letter was sent to the Chinese; On April 17, 1965, a second letter was forwarded to the Chinese leadership. It focused on the need to take practical steps and act jointly “in the interests of protecting the security of Socialist camp frontiers and its outpost in Southeast Asia”. See: Information on the talks with the DRV delegation. 29/04/1965 // Ibid. Fd. 3. Inv. 18. M. 341. S. 66.

⁶⁵ In the course of negotiations, Lê Duẩn reiterated once again that “both Parties (CPC and VWP. – *V.N., P.S.*) sought to confine the war to the framework of South Vietnam”. Work notes made by Brezhnev during his meeting with Le Duan. 10/04/1965 // Ibid. Fd. 80. Inv. 1. M. 517. S. 10.

⁶⁶ For reference: throughout the period from 1953 until March 1965, the USSR supplied weapons to Vietnam to the tune of RUB 200 million. *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Т. II. 1964–1985. М., 2009. С. 36.

late 1966, the amount was to reach RUB 1 billion 300 thousand, including 2000 anti-aircraft guns, 144 military aircraft, over 300 tanks, as well as food, fuel, and uniforms. As was noted by Brezhnev, with a hint of gratification while addressing the December 1966 Plenary meeting of the Central Committee, “the fact that the Vietnamese can wage a war against an enemy that possesses numerical superiority is to a substantial degree the result of our assistance”⁶⁷.

However, such close coordination of efforts in a trilateral format – de facto the second edition of the Korean coalition from the early 1950-s – was not envisaged by Beijing. The Chinese, definitely, were not enthusiastic about Moscow interfering in the Vietnamese affairs on such a massive scale. Why is this? Was jealousy the reason behind such a stance? It was no accident that, in his conversation with Ho Chi Minh on March 1, 1965, Zhou Enlai urged him not to share any “secrets” with their Soviet friends, and to be “on the alert” with Soviet military advisors⁶⁸. Perhaps, there was an element of distrust that played its part? After all, as was reiterated on numerous occasions by Zhou Enlai in the spring of 1965 during dealings with his foreign interlocutors, the Soviet Communists were prone to accommodate US interests. However, it seems that the primary reason lies elsewhere. The analysis carried out by Chinese leaders of the options for the military and political situation in Vietnam led them to assume that the war would be of a limited scope. Moreover, Beijing, as we know now, erroneously underestimated the US’s readiness to interfere directly in a ground war in Indochina⁶⁹.

Zhou Enlai made a similar forecast of the military-political environment in relation to the war in Indochina during his conversation with Nicolae Ceaușescu in Bucharest on March 26, 1965. As Zhou Enlai believed, the conflict was being viewed as having four possible developments (“four evolution stages”, as he called them):

1. The Americans are expanding their military presence in South Vietnam and escalating air-attacks against the DRV. With the aim of averting a collapse of their puppet troops, the US can send its forces to Vietnam, a division of Marines, an infantry division, and also allied troops (a division of South Korean Marines). Those troops will not be used for engaging in combat operations, but for safeguarding the critical infrastructure facilities (seaports, airfields and big cities).

2. The US commences air-attacks across the entire DRV territory, including Hanoi, and imposes a naval blockade of North Vietnam. The war spreads to the entire territory of Indochina. The expansion of the war scope will drive China to interfere and send “volunteers” to the DRV.

3. Another stage is connected with a possible increase of US ground forces. This option, as Zhou believed, was not very likely, as it weakened the US positions in other regions of the world. A more likely scenario was commencing air-attacks against the Chinese areas that have a common frontier with Vietnam. In that case, the PRC will “offer resistance”.

4. And, finally, the fourth stage – “total war”, including the intrusion of US ground forces into Chinese territory.

⁶⁷ Leonid Brezhnev’s address “On the USSR Foreign Policy and Struggle for the Cohesion of the Communist Movement” at the December Plenary Meeting of the CPSU CC 12/12/1966 // РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 45. Л. 14. Speaking about Moscow’s strategy in the Second Indochina War, we cannot leave unnoticed its constant focus on the political and diplomatic repercussions of the War. As early as during their talks in April 1965, Brezhnev said to Lê Duẩn: “For the US imperialists, the issue at stake in this war is not only the fate of South Vietnam. They understand that the question concerns other nations, the fate of the entire Southeast Asia – Laos, Cambodia, Thailand, and other states, and US prestige is also at stake... It is hard to believe that it will be feasible to attenuate the US military and especially economic might within a short time”. For this reason, according to Soviet leadership, it was appropriate to also use, alongside military measures, political leverage to advance political initiatives seeking to expedite the settlement of the Vietnamese issue, and to engage in direct negotiations with the US. See: Memorandum on the negotiations with the DRV delegation. Reference to item 12, Minutes of the Meeting of the CC Presidium No.200, dd. 29/04/1965 // Ibid. Fd. 3. Inv. 18. M. 339. S. 45.

⁶⁸ Record of Conversation between Premier Zhou Enlai and Chairman Ho Chi Minh // Wilson Center Digital Archive. June 15, 1965. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/165383> (access date: 08.10.2022).

⁶⁹ Conversație N. Ceausescu i Zhou Enlai. Martie 26, 1965.

By way of summarizing the analysis of various options for the development of military and political situation, Zhou assured Ceausescu that the possibility of the war in Vietnam growing into a world war is very low. A world war would mean a war between the USSR and US, something that the Americans would like to avert at any cost. A large-scale war with China, with the Soviet Union watching on the sidelines, was not in the US's best interests either. It would need to pull in all its troops from other regions of the world, and then "the whole world would rise against the Americans"⁷⁰.

The Chinese leadership was intent on avoiding the possibility that the PRC would be dragged into direct confrontation with the US (similar to the war in Korea) by sending out various signals to Washington that a US invasion of North Vietnam would trigger China's direct engagement in the war in Indochina⁷¹. And those signals were duly received in Washington as they did not want to repeat the Korean experience. The top policy makers at the US Department of Defense (Robert McNamara, John McNaughton) defined the objective of the military campaign as a "position deadlock" in South Vietnam. In a memorandum of July 1965, approved by McNamara, McNaughton provides the following description for "victory": "It is sufficient for the US to show Vietnam that they cannot win"⁷². Position deadlock, according to McNaughton, is tantamount to victory, as it will prompt the parties to reach a settlement at the negotiating table (as a matter of fact, on the US's terms!)⁷³ In the opinion of Loris Lüthi, it can be asserted that there was an "implicit agreement" between China and the US designed to reduce the magnitude of the War in Vietnam to a local conflict⁷⁴. "The war in Vietnam is a war between the Vietnamese people". It was precisely in this light that the strategy of the PRC in the Indochina war, as it grew in intensity, was discussed at a key meeting of the CPC CC Politburo on April 12, 1965. Vice-Premier Deng Xiaoping said in his address: "The US bombardment is likely to continue... the war will expand... it is feasible that under the pretext of chasing Vietnamese aircraft the Americans will make an incursion into our airspace. If we do not prevent such a development, they will reach Yunnan and Guangxi. Then, the war will spread initially to part of our territory and later to the entire territory of China"⁷⁵. According to Deng Xiaoping and President of the PRC Liu Shaoqi, who shared his views, China should not be scared of being drawn into the expanding war in Vietnam, as "the duty of proletariat internationalism" binds the PRC to support the DRV. Nevertheless, the two leaders were unanimous that both the Chinese and Vietnamese people would definitely benefit if China

⁷⁰ Ibidem.

⁷¹ Wang D. Op. cit. P. 285–287. Striving to avert a new "Korea" is perfectly understandable, when considering the fact that the war in Korea (1950–1953) was not a local conflict for the PRC, but a large-scale war involving two powerful coalitions in several theatres of war (apart from Korea, in Indochina and in the Taiwan Strait), whose closing stage drew over 1 200 000 Chinese volunteers, and which was fraught with the risk of US tactical nuclear weapons being employed. An attempt to issue a warning to Washington, in this context, seemed very appropriate. The four points articulated by Zhou in various formats in the spring of 1965, were as follows:

- China will not be the initiate a war with the US. This is testified by the stance held by the PRC on Taiwan – for 10 years, Beijing has been engaged in negotiations with the Americans over this issue;
- China will comply with all of its obligations (with regard to the DRV), as exemplified by the war in Korea;

- China is prepared to go to war (with the US);

- Aerial bombardment of China will mean a war with China, "which will know no boundaries".

Eventually, this message was brought to the attention of the US side on May 31 through a temporary British Chargé d'affaires in Beijing. For more details see: *Hershberg J., Jian C.* Reading and Warning the Likely Enemy: China's Signals to the United States about Vietnam in 1965 // *International History Review*. 2005. № XXVII. P. 47–84.

⁷² United States – Vietnam Relations. 1945–1967. (The Pentagon Papers). Vol. IV. C. 6 (a). P. 4 // URL: <https://archive.org/details/UnitedStatesVietnamRelations1945to1967VolI/mode/2up> (access date: 09.03.2023).

⁷³ On the formulation of the US strategic line in Vietnam see: *McMaster H.R.* Op. cit.

⁷⁴ Lüthi L.M. Op. cit. P. 813.

⁷⁵ Quoted in: *Hershberg J., Jian C.* Op. cit. P. 63.

could avoid any direct confrontation with the US⁷⁶. To achieve this goal, it was necessary to keep the conflict under control by retaining mechanisms that were manageable. In our view, the Chinese strived to maintain primary control over the “escalation ladder” and this was the primary reason for Beijing’s resistance to the “excessive” growth of the USSR’s role (according to the Chinese) in the war in Indochina.

However, as Zhou Enlai liked to say “the laws of war are not determined by human will alone”⁷⁷. By April 1965, the aftermath of sustained aerial bombardment of the DRV⁷⁸ de facto brought all railway transport operations in North Vietnam to a standstill: railway transportation was only 100 tons a day in April, whereas the requirement was 3000 tons⁷⁹. Under such circumstances, an appeal from Hanoi⁸⁰ galvanized Beijing to take the decision to send “Chinese volunteers” to the DRV⁸¹.

In mid-May, the Americans massively escalated the bombardment of North Vietnam and commenced a military intervention into the Dominican Republic. As Soviet statesman Anastas Mikoyan recalled, it caused “a great deal of agitation at the CPSU CC Presidium”. A report of the Defense Ministry (read by Defense Minister Rodion Malinovsky) forecasted that after the events in the Dominican Republic, one could expect actions spearheaded against Cuba. In this connection, the Defense Ministry suggested organizing military rallies in the West (in Berlin and along the frontier with West Germany) and that preparations be made to “launch an attack against West Berlin”. In conclusion, he added that “we should not be scared of risking war in view of the current situation”⁸².

⁷⁶ Ibidem.

⁷⁷ Excerpt from a Conversation between Zhou Enlai and Pakistani President Ayub Khan, 1965.

⁷⁸ As was explained by Zhou to the Pakistani Premier, “if in August–September last year the Americans bombed North Vietnam only once or twice a week, they now carry out bombing attacks every day”. See: Ibidem.

⁷⁹ *Li Xiaobing*. Op. cit. P. 73.

⁸⁰ At a meeting in Beijing, on April 8, 1965, between Liu Shaoqi and Lê Duẩn, the Vietnamese formally lodged a request for Chinese pilots to be sent to the DRV, along with engineer and air-defense troops. According to Lê Duẩn, the deployment of the Chinese contingent will help handle four common tasks for Beijing and Hanoi. First, to reduce the area of operation for the US Air Force to the 20th or 19th circles of latitude (the Americans will be afraid of provoking the Chinese, while delivering strikes against the areas where the China’s People’s Liberation Army (PLA) forces are deployed. Second, to provide for an effective air-defense system of Hanoi and North of the country. Third, to ensure the efficient operation of the DRV transportation system. And, finally, the introduction of Chinese volunteers will boost the morale of the Vietnamese people. See: Discussion between Liu Shaoqi and Le Duan. April 08, 1965 // Wilson Center Digital Archive. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/113058> (access date: 08.10.2022). On the same day, Liu Shaoqi reported on his conversation to Mao Zedong, who approved the request lodged by the Vietnamese side (with the exception of sending pilots there). *Li Xiaobing*. Op. cit. P. 74. As can be seen, the deployment of a China PLA land force contingent, as was the case in Korea, was not discussed. In parallel to the preparatory efforts to bring the Chinese volunteers into the DRV, information began to circulate among diplomats of the Warsaw Pact countries in Pyongyang (with reference to the Chinese Ambassador) that the PRC and DPRK were engaged in preparations for joint military operations in the demilitarized zone in Panmunjom. See: *Szalontai B.* Whose War Plan Was It? Sino-DPRK Relations and Kim Il Sung’s Militant Strategy, 1965–1967. North Korea International Documentation Project. E-Dossier Series. Dossier No. 20. April 2016. P. 5 // URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/sino-dprk-relations-and-kim-il-sungs-militant-strategy-1965-1967> (access date: 09.03.2023).

⁸¹ *Li Xiaobing*. Op. cit. P. 74.

⁸² These proposals were drafted at Brezhnev’s instruction – Dictation by Mikoyan dd. 01/06/1965 // РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 116. Л. 16. US military-political action relied on the breakthrough in the escalation of US military potential that the Kennedy Administration initiated during the Berlin crisis. Apart from a substantial build-up of strategic nuclear forces, deemed to sustain the supremacy of Washington in the nuclear field, the number of US Army formations was increased from 11 to 16, which was supposed to allow the US to wage two large-scale wars – in Europe and in Asia – concurrently and also engage in a lower-caliber conflict in another region. The essence of what was going on was grasped in the USSR perfectly well. Thus, at a meeting of the Consulting Committee of the Warsaw Pact Organization in Warsaw on January 19–20, 1965, it was maintained that the “imperialists” were placing their bets on a so-called local war, believing that the possession of nuclear weapons would serve as a guarantee against a retribution for their aggression.

Parallel to this, in April-May, deployment was underway on DRV territory of an air-defense groups consisting of two reduced strength air-defense missile regiments (they were called “training centers”)⁸³. Soviet air-defense missile crewmen waged their first action against the US Air Force on July 24, 1965 (4 F-4C fighter bomber aircraft were shot down).

And in August, a group of “Chinese volunteers” tasked with integrating air-defense forces, railway, and engineer troops was deployed in Vietnam. By late 1965, its strength grew to 160 000 servicemen, which was comparable with the strength of the group of Chinese popular volunteers at the initial stage of the Korean war (203 000 service manpower). Notably, the strength of the Chinese air-defense contingent – 21 000 service manpower – comprised 35% of the total strength of the air-defense group of the allied forces on the DRV territory, which constituted 59 000 servicemen. By way of comparison, the strength of the Vietnamese People’s Army was 400 000 men, out of which 92 000 were deployed in South Vietnam⁸⁴. The first combat of Chinese anti-aircraft gunners was on August 9, 1965 (1 F-4C jet fighter was shot down).

“The current international environment is identical to a pre-war situation”⁸⁵ is how Gromyko described the state of affairs in the world at a Presidium meeting in mid-June. Such assessments had not been made in Moscow since the final stage of the Korean war. But all attempts to set up an anti-American coalition that would act in unison with a single integrated plan, just as Stalin and Mao Zedong managed to do on the cusp of 1949–1950, were unsuccessful. The Chinese stubbornly refused to create a mechanism for coordination of efforts as they preferred to pursue “parallel” strategies. As Brezhnev notes in his notebook, “we will have to carry out international policies in conditions of a long-lasting disagreement with China”. And, as for their Vietnamese friends, it was clear, on the one hand, that “they were counting on a military victory”, but, on the other hand, as to how they were going to achieve this goal – “we have very limited information, practically none at all”⁸⁶.

“WAR OF THE CPSU CC”

By autumn, it was quite clear that the war would last for a long time. A policy letter by the USSR Embassy in Washington, D.C., entitled “The War in Vietnam and the US Stance” (dated October 22, 1965), said that the US was swiftly increasing the number of its Armed Forces on the Vietnamese battleground (from 145 000 to 200 000 troops before by end of 1965 and that an additional 100 000 troops were expected to be deployed there before April 1966). The US Air Force is ramping up its activities (the number of aircraft sorties had increased from 150 to 250–300 per day over recent months), it is likely that the airstrikes against the DRV will be stepped up. Preparations for offensive operations are underway, with a view to achieving a breakthrough by early summer in the military-political situation in South Vietnam in favor of the US and Saigon regime. According to Soviet Ambassador in Washington Anatoly Dobrynin, all this allows us to presume that the prospects for a peaceful Vietnamese settlement “are not very promising”, and that “it is more likely that that combat operations will be escalated further”⁸⁷ (on November

⁸³ Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. М., 2002. С. 84.

⁸⁴ Война в Корее, 1950–1953 / ред. С.С. Потоцкий. СПб., 2003. С. 155 (табл. 7); Victory in Vietnam. The Official History of the People’s Army of Vietnam, 1954–1975. P. 156, 164; *Li Xiaobing*. Op. cit. P. 64, 100.

⁸⁵ This assessment was given by Gromyko at a Presidium meeting when debating the issue on the possibility for signing a Treaty on Friendship and Cooperation between the USSR and China, which was due to carry a provision that any attack against China would be regarded as an attack against the Soviet Union. Mikoyan notes that, effectively, the formulation was deemed to reaffirm Nikita Khrushchev’s declaration made in October of 1958 during Second Taiwan Crisis (see: Dictation by Mikoyan, dd. 06/07/1965 // РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 116. Л. 20–21).

⁸⁶ Leonid Brezhnev’s notes, May 24–25, 1965. See: *Брежнев Л.И.* Указ. соч. С. 86.

⁸⁷ Policy letter of the USSR Embassy in the US “The War in Vietnam and US Position”. 22/10/1965 // АВП РФ. Ф. 079. Оп. 20. П. 49. Д. 26. Л. 8, 18.

6, 1965, the policy letter, following Gromyko's instruction, was delivered to all Presidium members)⁸⁸.

A similar attitude was shared by both our Chinese and Vietnamese friends. Thus, in a conversation with Vice-Premier of the DPRK Ri Ju-yeon, Zhou Enlai notes that the situation in Vietnam "is not yet ripe for negotiations", the number of US troops is on the rise. Guerillas are operating some 15 km from Saigon, where shooting is underway in the city. "The Americans want to limit the battlefield to the territory of South Vietnam, while the same attitude is being adopted in Hanoi", the Chinese Vice-Premier said with gratification. In his response to the question: Is there any likelihood for the recurrence of events in Dien Bien Phu? Zhou Enlai noted that the Vietnamese are currently not planning to concentrate all their forces and wage a war of extermination: "They expect to achieve victory over a period of three years"⁸⁹.

Basically, such instructions were issued to its South Vietnam Bureau by the Politburo of the CPV CC in November 1965. Underscoring that "the US is a wealthy and militaristic imperialistic nation", Lê Duẩn, in his directive letter, pointed to the fact that "the strategic guideline for the revolutionary movement in the South is that they should prepare for lengthy struggle and rely on only Vietnamese forces". Only by virtue of such a struggle, when "the revolutionary Army draws the enemy into specially designated areas, where it can inflict large-scale, massive battles on them, will the revolutionary forces be able to seize the opportunity... to establish power for the people in the city"⁹⁰.

For Moscow, the final line in defining the strategic posture of the USSR in the Second Indochina War was drawn in December 1966 during the Plenary Meeting of the CPSU CC. To sum up the results of debates on this issue, Gromyko suggested the following formula: "Without being directly involved in the Vietnam war, we can make the Americans aware that a further escalation of the military operations will compel the USSR to render assistance to the DRV on an ever-increasing scale"⁹¹.

It all seemed quite simple. However, in reality, Moscow's approach toward this "local war carried out to the highest degree possible"⁹² was anything but simplistic. Initially, Brezhnev was full of enthusiasm "I wish I could go there!"⁹³ (he wrote in notebook in May 1965), while a later note made during his talks with Pham Van Dong in November 1968, was as follows:

"Either they have nothing better to do – or such was the directive, to tell us about all sorts of trifling matters, and then ask for assistance... I keep thinking, why do they do this – NOT A WORD – about genuine hardships – what does the CC think – what are the Chinese recommending – what is it, essentially, that they are seeking our friendly advice about – what is being said by our comrades from the battlefield in the South, there is a lot of truly important information and advice that needs to be discussed for the good of our cause. But we just sit here, sometimes listening as if to bedtime stories, like the ones granddads tell their grandsons"⁹⁴.

Here it is evident that he feels insulted. It is known that the Vietnamese were extremely cautious in protecting their strategic autonomy and tried not to reveal to their Soviet friends issues concerning their planning of military campaigns in the South. "Practically no information at all" – this was the refrain heard throughout the entire debate on the Vietnamese issue in the Politburo. But there was another aspect even of greater importance. Alexander Bovin (then a CC Department consultant), remembering his trip to Hanoi with Kosygin in February of 1965,

⁸⁸ Ibid. S. 6.

⁸⁹ Memorandum of the First Conversation between Zhou Enlai and Ri Ju-yeon. November 10, 1965 // Wilson Center Digital Archive. <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/118694> (access date: 08.10.2022).

⁹⁰ Lê Duẩn – CC Bureau on South Vietnam, November 1965. Ле Зуан. Указ. соч. С. 88, 106.

⁹¹ Gromyko – CPSU CC: On the State and Prospects for the Relations between the USSR and US. 13/01/1967 // АВП РФ. Ф. Отдел США. Оп. 51. П. 11. Д. 388. Л. 38.

⁹² Handwritten notes made by Brezhnev during his meetings with the DRV Party and government delegation not later than 26/04/1968 // РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 524. Л. 131.

⁹³ Note written by Brezhnev dd. 24–26/05/1965 // Брежнев Л.И. Указ. соч. С. 87.

⁹⁴ Handwritten notes made by Brezhnev during his conversation with the DRV Party and government delegation on 20 and 22/11/2968 // РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 525. Л. 70.

writes: “I sat someplace against the wall and listened carefully. And watched. I watched both the Vietnamese team and ours. Ours was made up of officials who grew up in the corridors of power, in the labyrinths of the Party apparatus. Theirs included former underground political workers, ex-political convicts who grew up on military tracks. And the two failed to understand each other. They just couldn’t manage it because they assessed human life, pain, and suffering differently, very differently indeed. What seemed to us as irrational, senseless, and hopeless was filled with meaning and hope for them. What other rationale is needed if you have a fierce will to win?”⁹⁵

The difference in mentality of the Soviet and Vietnamese party apparatchiks and diplomats⁹⁶ had an impact on the disbelief of the Soviet Defense Ministry in the Vietnam’s capability to win, especially against a backdrop of the absolute superiority of the US in terms of military equipment and personnel (“The ratio is 4:1 in favor of the Americans”, Soviet Defense Minister Andrey Grechko pointedly contended during the talks with the DRV delegation in April 1967). The Soviet General Staff also remembered the saddening experience of Inchon⁹⁷, while being constantly apprehensive of the possibility of a potential US Marine Corps operation in North Vietnam⁹⁸. The lack of credible information from Vietnam involving GRU (Soviet military intelligence agency) sources also had a negative effect⁹⁹. In general, the prevailing opinion among the top military brass in the USSR at that time was that “this is not the Defense Ministry’s war, but the CPSU CC’s war”¹⁰⁰.

In essence, this was exactly the case. The Politburo held the reigns over the matter firmly: assistance to the DRV from the USSR was constantly increasing, and as Kosygin noted in a meeting with Phạm Văn Đồng on August 11, 1966: “We do not consider ourselves to be outside observers of this war. In fact, we are active participants in it”¹⁰¹. Moreover, the stance of the Soviet leaders was totally devoid of any idealism. The Politburo viewed the Vietnam war primarily through the prism of China’s eagerness to expand its influence in Asia, reflecting elements of the fierce competition between the PRC and the US for a predominance in the region. Strictly speaking, this view was shared by the Americans themselves, and as recalled by Kosygin, this was what US President Lyndon Johnson told him during their summit in Glassboro, New Jersey, US (held on June 23 and 25, 1967)¹⁰². In this context, the phrase uttered by Mao: “You (the USSR) should deal with Europe, and we (China) will take care of Asia”¹⁰³ was perceived by the Soviet

⁹⁵ Бовин А.Е. XX век как жизнь. Воспоминания. М., 2017. С. 118.

⁹⁶ Theories that the Vietnamese were too optimistic in the assessment of their own situation and their possibilities in the South, and likewise that the Vietnamese conflict had affected the development of Soviet – US relations negatively, are a common refrain traceable throughout all of the Foreign Ministry documents of that period. See, e.g., a comment by USSR Ambassador in the DRV Ilya Scherbakov related to his conversation with Nguyen Van Vinh on 13/06/1967 (it deals with planning the Tet offensive in 1968 // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 331. Л. 109) or a Foreign Ministry memorandum “The Vietnamese Conflict and Soviet-American relations” dd. 31/12/1966 // АВП РФ. Ф. 079. Оп. 21. П. 55. Д. 29. Л. 56.

⁹⁷ The Inchon amphibious operation was conducted in September 1950, by UN troops under the command of General of the Army Douglas MacArthur with the aim of besieging and destroying the bulk of the North Korea People’s Army (NKPR) in South Korea. As a result of this assault, the NKPA suffered a crushing defeat. The DPRK was rescued from total destruction solely by “Chinese volunteers” joining the war. For more details, please refer to: *Попов И.М., Лавренев С.Я., Богданов В.Н.* Корея в огне войны. М., 2007.

⁹⁸ Report of conversations held at the CPSU CC with the DRV delegation. 01, 03 and 05/04/1967 // РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 522. Л. 20.

⁹⁹ See: Pyotr Ivashutin at the CPSU CC. 15/11/1968 // Ibid. Fd. 5. Inv. 60. M. 417. S. 107–118. Judging by the data received by the Agency through military intelligence sources, the work along this track was commenced not earlier than in 1970.

¹⁰⁰ This comment was made by a high-ranking official from the Defense Ministry in a conversation with Bovin. Бовин А.Е. Указ. соч. С. 123.

¹⁰¹ Recollections of Igor Ognetrov communicated verbally.

¹⁰² Summit meetings between the USSR and US leaders over the post-war period and visit to the USSR by Vice-President Richard Nixon (fact sheet issued by the History and Document Department, USSR Foreign Ministry. 30/03/1972 // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 5. Л. 24).

¹⁰³ Notatka z Rozmowy A.N. Kosigina z Mao Tse-Tungiem. 11 lutego 1965 r.

leadership as a proposal to divide up spheres of influence. And Moscow was quite satisfied with this, in principle. But the implication was they were not talking about Europe alone.

Already in May of 1965, the CC Presidium addressed a range of issues related to the restoration of “mutual understanding and trust” in the relations with Turkey. In this connection, the USSR Foreign Ministry proposed to regard Turkey as a “gateway” to the Middle East: “when the US gets bogged down in its aggressive activities in Southeast Asia, improving the Soviet Union – Turkey relations can be viewed, alongside the further strengthening of the USSR’s positions in the UAR (United Arab Republic), Algeria, and Syria, as one of the most crucial foreign policy objectives of a strategic nature”¹⁰⁴. This line was subsequently continued. As was underscored in a positional paper authorized by Gromyko and submitted by the Foreign Ministry to the Politburo on April 6, 1970: “As the US will be engaged in the Vietnam war for a protracted period, (it is expedient. – *V.N., P.S.*) to use this factor to consolidate our positions in areas that pose a great political interest to us (the Middle East, Arab nations, and India)”¹⁰⁵.

As written in the classical work entitled “Strategy” by Alexander Svechin, “establishing a strategic goal for war, seemingly so easily accomplished, in reality appears to be a most difficult challenge for a policy maker’s mind. Here, the most serious misconceptions can come to the surface”¹⁰⁶. The Presidium of the CPSU CC – at the behest of their Chinese friends and thanks to Kosygin’s strategic instinct – was able avoid such misconceptions, having managed to adequately designate the USSR’s goals in the Second Indochina War, which was gathering momentum. This allowed the USSR to successfully engage in strategic competition with the US, relying on a relatively meager resource base (the volume of the Soviet economy at that time was just barely over 50% of the United States’ GNP (Gross National Product))¹⁰⁷.

The Presidium in this case acted as an “integral combat leader”¹⁰⁸, averting any extreme and arbitrary decision-making. This was very significant under circumstances when their key objective, to assist Vietnam, yet doing so without causing a global war, appeared to be suspended in the air. Although the impression was that the world was isolated from such a nuclear war by heavily drawn red lines, markers on the world map were constantly being moved, and escalation proceeded onward. Nevertheless, in these conditions, the estimations of Soviet leaders, and likewise those of their Chinese and Vietnamese friends, proved to be quite accurate.

Библиография / References

Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. М., 1994.

Аносова Л.А., Благов С.А., Локшин Г.М. и др. Полная академическая история Вьетнама. Т. IV. Ч. I. Новейшее время (1897–1975 гг.) / ред. О.В. Новакова. М., 2014.

¹⁰⁴ Gromyko to the CPSU CC “On the Activities to Foster the Development of Relations with Turkey”. 05/05/1965 // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 694. Л. 100–112. It was suggested that a “sphere of vital interest” for the USSR be created in the Middle East. See: Gromyko at the CPSU “On the State and Prospects for the Relations between the Soviet Union and the United States of America”. 13/01/1967 // АВП РФ. Ф. Отдел США. Оп. 51. П. 11. Д. 388. Л. 38.

¹⁰⁵ Memorandum by Gromyko to the CPSU CC “On Our Subsequent Course and Some Actions with regard to the US”. 06/04/1970 // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 268. Д. 1242. Л. 3.

¹⁰⁶ *Свечин А.А.* Стратегия. М.; СПб., 2003. С. 11.

¹⁰⁷ According to a CIA estimate. See: *Trachtenberg M.* Assessing Soviet Economic Performance during the Cold War // Texas National Security Review. 2018. Vol. 1. № 2. P. 83. Military expenditures of the USSR constituted app. 7,5% of its GNP (RUB 14.3 billion). Советская военная мощь от Сталина до Горбачева / отв. ред. А.В. Минаев. М., 1999. С. 90, 105. Additional expenses amounting to 1% of GNP allocated for assistance to the allies should also be added. See: Fact Sheet on the Volumes, Tracks, Types, and Conditions underlying USSR Economic Assistance to Developing Nations as Compared against the Aid Provided by Western States. Российский государственный архив экономики. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 1775. Л. 72. It was below the maximum limit of military spending during times of peace, estimated at 10% of the GNP (*Симонов Н.С.* ВПК СССР. М., 2015. С. 482) and roughly correlated with the share of national security spending in the US GNP in 1965 (7,4%). *Gaddis J.* Strategies of Containment. Oxford, 2005. P. 393.

¹⁰⁸ *Свечин А.А.* Указ. соч. С. 111.

- Артизов А.Н., Сигачев Ю.В. В октябре шестьдесят четвертого: смещение Хрущева. М., 2020.
- Бовин А.Е. XX век как жизнь. Воспоминания. М., 2017.
- Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М., 1997.
- Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 1. М., 2016.
- Война в Корее, 1950–1953 / ред. С.С. Потоцкий. СПб., 2003.
- Зусманович Д. Советско-американские отношения и война во Вьетнаме. 1964–1968 гг. М., 2016.
- Капица М.С. На разных параллелях. Записки дипломата. М., 1996.
- Ковалев И.В. Диалог Сталина с Мао Цзэдуном (интервью с личным представителем И.В. Сталина в Китае И.В. Ковалевым) // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 83–93.
- Колотов В.Н. Стратегические приоритеты ДРВ и США во Второй Индокитайской войне // Восток (Oriens). 2022. № 5. С. 55–67.
- Ле Зуан. Письма на Юг. Сб. писем и телеграмм / пер. с вьет. М., 1987.
- Огнетов И.А. На вьетнамском направлении. М., 2007.
- Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Т. II. 1964–1985. М., 2009.
- Попов И.М., Лавренев С.Я., Богданов В.Н. Корея в огне войны. М., 2007.
- Президиум ЦК КПСС. Стенограммы. 1954–1964. Т. 1. М., 2004.
- Прозуменищikov М.Ю. Спор идет о слишком больших вещах. Неудавшаяся попытка советско-китайского примирения. 1964–1965 гг. // Исторический архив. 2007. № 1. С. 3–25.
- Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. М., 2002.
- Свечин А.А. Стратегия. М.; СПб., 2003.
- Симонов Н.С. ВПК СССР. М., 2015.
- Скороспелов П.П. «Особый способ осуществления внешней политики путем угрозы войны империалистам». Военно-политическая деятельность Президиума ЦК при Н.С. Хрущеве (1953–1964 гг.) // Восток (Oriens). 2022. № 2. С. 9–28; № 3. С. 6–30.
- Советская военная мощь от Сталина до Горбачева / отв. ред. А.В. Минаев. М., 1999.
- Хрущёв Н. 1964. Стенограммы пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2007.
- Alexandrov-Agentov A.M. Ot Kollontai do Gorbacheva [From Kollontai to Gorbachev]. Moskva, 1994. (In Russ.)
- Anosova L.A., Blagov S.A., Lokshin G.M. i dr. Polnaia akademicheskaiia istoriia V'etnama. T. IV. Ch. I. Noveishee vremia (1897–1975 gg.) [Complete Academic History of Vietnam. Vol. IV. Part I. Modern Times (1897–1975)] / red. O.V. Novakova. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Artizov A.N., Sigachev Yu.V. V oktubre shest' desiat chetvertogo: smeshchenie Khrushcheva [In October of Sixty-Four: Khrushchev's Removal]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Bogaturov A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane [Great Powers in the Pacific]. Moskva, 1997. (In Russ.)
- Bovin A.E. XX vek kak zhizn'. Vospominaniia [20th Century as a Life. Recollections]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Brezhnev L.I. Rabochie i dnevniki vye zapisi [Working and Journal Notes]. T. 1. Moskva, 2016. (In Russ.)
- Kapitsa M.S. Na raznykh paralleliakh. Zapiski diplomata [On the Different Parallels. A Diplomat's Notes]. Moskva, 1996. (In Russ.)
- Khrushchev N. 1964. Stenogrammy plenuma TsK KPSS i drugie dokumenty [1964. Transcripts of the Plenum of the CPSU Central Committee and Other Documents]. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Kolotov V.N. Strategicheskie prioritety DRV i SShA vo Vtoroi Indokitaiskoi voine [Strategic Priorities of the DRV and US during the Second Indochina War] // Vostok (Oriens). 2022. № 5. С. 55–67. (In Russ.)
- Kovalev I.V. Dialog Stalina s Mao Tzedunom (interv'iu s lichnym predstavitelem I.V. Stalina v Kitae I.V. Kovalevym) [Stalin's Dialogue with Mao Zedong (interview with I.V. Stalin's Personal Representative in China I.V. Kovalev)] // Problemy Dalnego Vostoka [Problems of the Far East]. 1991. № 6. С. 83–93. (In Russ.)
- Le Zuan. Pis'ma na Iug. Sb. pisem i telegram [Letters to the South. A comp. of letters and cables] / per. s vietnamskogo. Moskva, 1987. (In Russ.)
- Ognetov I.A. Na v'etnamskom napravlenii [Vietnamese Direction]. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Pihoya R.G. Moskva. Kremli'. Vlast'. T. II. 1964–1985 [Moscow. Kremlin. Power. Vol. II. 1964–1985]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Popov I.M., Lavrenov S.Ya., Bogdanov V.N. Koreia v ogne voiny [Korea in the Flames of War]. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Prezidium TsK KPSS. Stenogrammy. 1954–1964 [Presidium of the CPSU Central Committee. Transcripts. 1954–1964]. T. 1. Moskva, 2004. (In Russ.)
- Prozumenshchikov M.Iu. Spor idet o slishkom bol'shikh veshchakh. Neudavshaiasia popytka sovetsko-kitaiskogo primireniia. 1964–1965 gg. [The argument is about too big things. The failed attempt at Soviet-Chinese reconciliation. 1964–1965] // Istoricheskii arkhiv [Historical Archive]. 2007. № 1. С. 3–25. (In Russ.)
- Rossiia (SSSR) v lokal'nykh voinakh i voennykh konfliktakh vtoroi poloviny XX veka [Russia (USSR) in Local Wars and Military Conflicts in the Second Half of the 20th Century]. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Simonov N.S. VPK SSSR [Military-Industrial Complex of the USSR]. Moskva, 2015. (In Russ.)

- Skorospelov P.P.* “Osobyi sposob osushchestvleniia vneshnei politiki putem ugrozy voiny imperialistam”. Voenno-politicheskaiia deiatel’nost’ Prezidiuma TsK pri N.S. Khrushcheve (1953–1964 gg.) [“A Special Form of Making Foreign Policy by the Threat of War to Imperialists”. A Case Study of Military-Political Activity on Central Committee Presidium under N.S. Khrushchev, 1954–1964] // Vostok (Oriens). 2022. № 2. S. 9–28; № 3. S. 6–30. (In Russ.)
- Sovetskaia voennaia moshch’ ot Stalina do Gorbacheva [Soviet Military Power from Stalin to Gorbachev] / red. A.V. Minaev. Moskva, 1999. (In Russ.)
- Svechin A.A.* Strategiia [Strategy]. Moskva; Sankt-Peterburg, 2003. (In Russ.)
- Voina v Koree, 1950–1953 [War in Korea, 1950–1953] / red. S.S. Pototskiy. Sankt-Peterburg, 2003. (In Russ.)
- Zusmanovich D.* Sovetsko-amerikanskii otnosheniia i voina vo V’etname. 1964–1968 gg. [Soviet-American Relations and the War in Vietnam 1964–1968]. Moskva, 2016. (In Russ.)
- Easter D.* Britain and the Confrontation with Indonesia, 1960–66. London, 2012.
- Gaddis J.* Strategies of Containment. Oxford, 2005.
- Gaiduk I.V.* Confronting Vietnam. Soviet Policy toward the Indochina Conflict. 1954–1963. Stanford, 2003.
- Gaiduk I.V.* The Soviet Union and the Vietnam War. Chicago, 1996.
- Getlig E.* Trouble Ahead in Afro-Asia: The United States, the Second Bandung Conference. The Struggle for the Third World, 1964–65 // Diplomatic History. 2015. Vol. 39. № 1. P. 126–156.
- Hershberg J., Jian C.* Reading and Warning the Likely Enemy: China’s Signals to the United States about Vietnam in 1965 // International History Review. 2005. № XXVII. P. 47–84.
- Li Xiaobing.* The Dragon in the Jungle. The Chinese Army in the Vietnam War. Oxford, 2020.
- Lüthi L.M.* Reading and Warning the Likely Enemy – a Commentary: Signalling Across Four Continents // The International History Review. 2013. Vol. 35. Iss. 4. P. 807–816.
- McMaster H.R.* Dereliction of Duty: Johnson, McNamara, the Joint Chiefs of Staff, and the Lies That Led to Vietnam. New York, 1998.
- Olsen M.* Soviet-Vietnam Relations and the Role of China, 1949–64. Oxford, 2005.
- Trachtenberg M.* Assessing Soviet Economic Performance during the Cold War // Texas National Security Review. 2018. Vol. 1. № 2. P. 76–101.
- United States – Vietnam Relations. 1945–1967. (The Pentagon Papers). Vol. IV. C. 6 (a). P. 4 // URL: <https://archive.org/details/UnitedStatesVietnamRelations1945to1967VolIv/mode/2up> (access date: 09.03.2023).
- Victory in Vietnam. The Official History of the People’s Army of Vietnam, 1954–1975 / transl. by M.L. Pribbenow. Kansas, 2002.
- Wang D.* Grand Strategy, Power Politics, and China Policy toward the United States in the 1960s // Diplomatic History. 2017. Vol. 41. Iss. 2. P. 265–287.

DOI: 10.31857/S013038640025914-3

© 2023 г. В.С. ГРУЗДИНСКАЯ, К.В. САК

КОМИССИЯ ИСТОРИКОВ СССР И ЧССР: СПЕЦИФИКА СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 1960-е годы

Груздинская Викторія Сергеевна – доцент, старший научный сотрудник, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: vik11910314@yandex.ru

Scopus Author ID: 57219342307; *ORCID:* 0000-0002-9533-9861; *Researcher ID:* B-7752-2019

Сак Ксения Васильевна – доцент, старший научный сотрудник, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: ksenia.sak@gmail.com

Scopus Author ID: 57918227500; *ORCID:* 0000-0003-3029-9464; *Researcher ID:* AHE-8380-2022

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 20-78-10053 «Советско-чехословацкие научные коммуникации в 1948–1991 гг.: трансфер идей и социальные практики ученых».

Аннотация. В статье рассматривается история создания и первые годы деятельности комиссии историков СССР и ЧССР. Актуальность рассматриваемого сюжета обусловлена, с одной стороны, возрастающим в отечественной и мировой историографии интересом к проблеме складывания и функционирования «социалистической науки», а с другой – связана с изучением методов и средств, с помощью которых советское руководство реагировало на либерализацию политического режима в Чехословакии, а также поиска способов влияния на ее интеллектуальную элиту. Авторы статьи впервые вводят в научный оборот документы из архивных коллекций РГАНИ, Архива РАН, а также Архива Венгерской академии наук. Кроме того, в работе используются источники личного происхождения, дополняющие официальные партийные документы любопытными живыми зарисовками. На основе названных источников авторы строят исследование в двух регистрах. С одной стороны, рассматриваются стратегии советского партийного руководства в выстраивании научных коммуникаций с историками из ЧССР, а с другой – предпринимается попытка воссоздать диалог между историками – участниками двусторонней комиссии, увидеть его специфику и трудности. В результате проведенного исследования авторы пришли к выводу, что создание комиссии было политико-идеологическим проектом; именно это обстоятельство обусловило и состав ее советской части, и выбранные темы совместного изучения. Комиссия была создана слишком поздно, чтобы стать эффективным инструментом поддержания престижа и авторитета Советского Союза даже в среде чехословацких интеллектуалов, не говоря уже о широких слоях населения, среди которых все более усиливались антисоветские настроения.

Ключевые слова: СССР, ЧССР, научные связи, комиссии историков, социалистические страны, историческая наука, научная коммуникации, Отдел науки ЦК КПСС, Пражская весна.

V.S. Gruzinskaya, K.V. Sak

The USSR – Czechoslovakia Commission of Historians: Particularities of Creation and Activities in the 1960s

Victoria Gruzinskaya, First Moscow State Medical University by Sechenov (Sechenov University); Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: vik11910314@yandex.ru

Scopus Author ID: 57219342307; ORCID: 0000-0002-9533-9861; Researcher ID: B-7752-2019

Kseniya Sak, First Moscow State Medical University named after Sechenov (Sechenov University); Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: ksenia.sak@gmail.com

Scopus Author ID: 57918227500; ORCID: 0000-0003-3029-9464; Researcher ID: AHE-8380-2022

The article was prepared within the framework of the grant of the Russian Science Foundation, project № 20-78-10053 “Soviet-Czechoslovak scientific communications in 1948–1991: transfer of ideas and social practices of scientists”.

Abstract. In the article, the authors examine the history of the establishment and early years of the USSR – Czechoslovakia Commission of Historians. The relevance of the subject in question is conditioned, on the one hand, by the growing interest in the problem of the formation and functioning of “socialist science” in Russian and international historiography and, on the other hand, by the study of the methods and instruments by which the Soviet leadership reacted to the liberalisation of the political regime in Czechoslovakia and the search for ways to influence its intellectual elite. The authors draw on the archive collections of the Russian State Archive of Contemporary History, the Archive of the Russian Academy of Sciences and the Archive of the Hungarian Academy of Sciences. In addition, they draw on sources of personal origin, contrasting official party documents with curious evaluative sketches. On the basis of these sources, the authors construct a study in two dimensions. The authors conclude that the creation of the commission was a political and ideological project, a circumstance which determined both the composition of the Soviet section of the institution and the topics chosen for joint studies. The Commission was established far too late to become an effective instrument for maintaining the prestige and authority of the Soviet Union even among Czechoslovak intellectuals, let alone the population at large.

Keywords: USSR, Czechoslovakia, academic relations, commissions of historians, socialist countries, historical scholarship, academic communication, Science Department of the CPSU Central Committee, Prague Spring.

В условиях холодной войны советское руководство активно прибегало к использованию «мягкой силы» и выстраиванию неформальных коммуникаций с различными общественными структурами иностранных государств. Особенно актуально это было в отношении стран социалистического блока. Участие в двусторонних и многосторонних комиссиях, во главе которых неизменно находился СССР, служило средством создания общей материальной и интеллектуальной инфраструктуры не только в политике и экономике, но и в различных сферах общественной жизни социалистических стран. Коммуникации акторов «культурной дипломатии» с иностранными коллегами давали возможность советскому руководству пропагандировать советские ценности, а также оказывать влияние на общественное мнение стран народной демократии.

С середины 1950-х годов важной составляющей соперничества с Западом стала борьба за первенство в области науки. Особое значение в этих условиях приобретал конструкт «социалистической науки» и лежавшие в его основе коммуникации в сфере науки

и образования¹. Они давали широкий спектр возможностей как для трансфера технологий, так и для создания базы из лояльно настроенной к СССР интеллектуальной элиты, способной влиять на общественное мнение в своих странах. Изучение и конструирование общего прошлого, формирование и трансляция исторической памяти о нем также стали важным направлением складывания «социалистического единства». Этот процесс в том числе осуществлялся посредством деятельности двусторонних комиссий историков. В 1950-е годы такие объединения связывали между собой ученых из Чехословакии, Венгрии, Польши, Болгарии и Румынии. Примечательно, что до второй половины 1960-х годов советские историки на уровне комиссии сотрудничали только с исследователями из ГДР², хотя польские, венгерские и чехословацкие коллеги обращались к советским ученым с предложениями создать двусторонние комиссии. Так, в мае 1959 г. на совместном совещании советских и польских историков в Институте славяноведения АН СССР, где обсуждался сборник документов о польском восстании 1863–1864 гг., Леон Гросфельд (1911–1987) высказался о необходимости подобного сотрудничества. Он подчеркнул: «На данный момент существуют польско-австрийская и польско-чехословацкая комиссии историков. Отсутствие польско-советской комиссии историков является политически неправильным»³. С этой инициативой обратились в Отдел науки ЦК КПСС, резолюция которого была следующей: «По договоренности с Отделением исторических наук АН СССР (тов. [Е.М.] Жуков и И.А. Хренов) вопрос снят с рассмотрения»⁴.

В том же 1959 г. историки из Венгерской академии наук обратились к советским коллегам с предложением образовать двустороннюю комиссию. И эта инициатива не нашла поддержки в Советском Союзе. В ответном письме, подписанном вице-президентом АН СССР А.В. Топчиевым, сообщалось: «По мнению Президиума АН СССР, вряд ли целесообразно создавать такую комиссию. Наши историки считают, что функции, которые могла бы выполнять такая комиссия, с успехом могут осуществляться с нашей стороны Институтом истории Академии наук СССР»⁵.

Свою заинтересованность в совместной комиссии озвучили и чехословацкие историки. В частности, об этом факте упоминается в докладной записке председателя Комитета по печати при Совете Министров СССР Н.А. Михайлова от 21 марта 1966 г., подготовленной по материалам его поездки в Чехословакию. В документе указывалось на проект директора Института истории в Братиславе Л. Голотика: «У нас существуют общества чехословацко-венгерских историков, чехословацко-румынских историков и т.д. Пять лет тому назад мы послали в Москву в Институт славяноведения Академии наук СССР предложения об организации общества чехословацко-советских историков, но до сих пор не получили ответа»⁶.

Во второй половине 1960-х годов идея образования комиссий историков СССР и Венгрии, Чехословакии, Польши вновь оказалась на повестке дня. На этот раз дело завершилось созданием двусторонних объединений. Несмотря на важность изучения каждой

¹ *Нагорная О.С.* Научное сотрудничество и образовательные контакты в системе советской культурной дипломатии эпохи «холодной войны» (1945–1990 гг.) // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 3. С. 22–30.

² *Гинцберг Л.И.* Опыт взаимодействия историков СССР – ГДР в 50–80-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 152–163; *Расчесова М.В.* Зарождение сотрудничества немецких и советских историков. Создание комиссии историков СССР и ГДР (1949–1961 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5. С. 78–86.

³ Цит. по: *Шумский Я.* К вопросу о создании Комиссии историков ПНР и СССР // Россия в польской историографии, Польша в российской историографии (к 50-летию Комиссии историков России и Польши) / отв. ред. Н.А. Макаров М., 2017. С. 34.

⁴ Цит. по: Там же. С. 40.

⁵ Научный архив Института российской истории РАН (далее – НА ИРИ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1536. Л. 7.

⁶ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 33. Д. 234. Л. 30–31.

из этих комиссий и еще бóльшую значимость рассмотрения их в сравнении, внимание авторов данной статьи привлекла советско-чехословацкая комиссия историков. Прежде всего интерес вызывает социально-культурный и политический контекст первых лет ее существования: крутой поворот от либерализации правящего режима в 1960-е годы и Пражской весны к вводу танков государств — членов ОВД в Чехословакию в августе 1968 г. Все это ставит перед исследователями немало вопросов: каковы были причины и условия создания комиссии? Кто входил в состав двустороннего объединения с советской и чехословацкой стороны? Какие темы и почему были избраны в качестве «стержневых» для совместного изучения?

В литературе деятельность советско-чехословацкой комиссии освещена в обобщающем труде ее секретаря историка-слависта В.В. Марьиной⁷. Особую ценность данной работы составляют воспоминания, личные оценки и наблюдения автора. Однако привлечение более широкого круга источников, в первую очередь документов аппарата ЦК КПСС и Отдела науки ЦК, Архива РАН, позволяют прояснить стратегии советского руководства в выстраивании научных коммуникаций с Чехословакией, с одной стороны, и особенности диалога между учеными в рамках комиссии — с другой.

Советский Союз начал выстраивать двусторонние отношения с Чехословакией в области науки уже в первые послевоенные годы. Так, 12 апреля 1946 г. было подписано Советско-чехословацкое соглашение «О научно-техническом сотрудничестве» в рамках созданного в том же году Совета экономической взаимопомощи. Однако на качественно новый этап сотрудничество СССР с европейскими странами «народной демократии» перешло после создания в мае 1955 г. Организации Варшавского договора. Оно предусматривало среди прочего взаимодействие соцстран и в сфере культуры, при этом провозглашалось выстраивание сотрудничества на принципах взаимного уважения и независимости сторон⁸.

В следующем году СССР подписал ряд двусторонних соглашений о культурном сотрудничестве с социалистическими странами. Соответствующее соглашение с Чехословакией было оформлено в мае 1956 г., причем в его основу легли предложения чехословацкой стороны. Помимо взаимодействия стран в области культуры, предусматривалось и создание научного канала коммуникаций: «Сотрудничество академий, научных учреждений и высших учебных заведений, обмен и сотрудничество ученых и работников высших учебных заведений, их взаимные связи и участие на конгрессах, заседаниях и конференциях, состоящих в другой стране», а также «непосредственное сотрудничество научных учреждений и высших учебных заведений при решении научно-исследовательских задач»⁹. План ближайших мероприятий, утвержденный в октябре 1956 г., предусматривал приглашение из Чехословакии по линии Академии наук ученых для чтения лекций и обмена опытом. Также планировалось командировать известного музыковеда, доктора искусствоведения И.Ф. Белзу для сбора архивных материалов по теме «История музыкальной культуры Чехии»¹⁰. Согласно отчету Института славяноведения АН СССР за 1956 г., Чехословакию с научными целями посетило пять сотрудников: заведующий сектором славянского литературоведения С.В. Никольский, младшие научные сотрудники, историки В.В. Марьиная и А.И. Виноградова, научные сотрудники, авторы «Истории Чехословакии» И.Н. Мельникова и С.И. Прасолов¹¹. Министерство высшего образования СССР также планировало отправить в Чехословакию группу из 12 преподавателей вузов.

⁷ *Марьиная В.В.* Советско-чехословацкая комиссия историков. Деятельность на фоне общественно-политических перемен в СССР и ЧССР (Конец 60-х — 80-е годы XX века). М., 2014.

⁸ *Быстрова Н.Е.* К истории создания организации Варшавского договора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2005. № 1. С. 214–224.

⁹ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 73. Л. 166.

¹⁰ В 1959 г. вышел первый том его книги «История чешской музыкальной культуры» (М., 1959).

¹¹ Архив РАН (далее — АРАН). Ф. 1965. Оп. 1. Д. 175. Л. 2–3.

В следующие годы научное сотрудничество между странами расширяется. Так, 27 января 1957 г. в Москве была подписана Совместная советско-чехословацкая декларация, в которой «стороны отметили с удовлетворением все более развивающееся и крепнущее сотрудничество между Советским Союзом и Чехословакией в области культуры», которому содействовали Соглашение и Протокол о культурных связях между Советским Союзом и Чехословакией¹². С 1962 г. взаимодействие осуществлялось в рамках многостороннего Совещания представителей академий наук социалистических стран — в Варшаве прошла их первая встреча. В его работе приняли участие также ученые Болгарии, ГДР, Демократической Республики Вьетнам, Монголии, Румынии и Чехословакии. Они определили основной круг общих научных проблем, в рамках которого выстраивались научные связи: наблюдение искусственных спутников Земли, научные вопросы вычислительной техники, исследование полупроводников, высокомолекулярные соединения, физика сплошных сред, химия природных и физиологически активных соединений. Перечень завершала единственная гуманитарная тема, которая касалась совместного изучения истории Великой Октябрьской социалистической революции. Многостороннее сотрудничество академий наук стран Восточного блока включало в себя совместные исследования ученых, координацию исследований, обмен информацией и научной литературой, организацию конференций, летних школ, а также «использование других путей подготовки и совершенствования научных кадров»¹³.

В глобальном смысле целью объединения ученых являлось создание конкурентоспособной базы социалистической науки в ответ на вызовы капиталистического мира. Как говорилось в одном из протоколов, «совещание решило и впредь твердо поддерживать все мероприятия, направленные против дискриминационных действий отдельных капиталистических стран по отношению к ученым социалистических стран»¹⁴. Вместе с тем в отчете за 1964 г. справедливо отмечалось, что если в сфере технических наук сотрудничество проходило в полном объеме, то в сфере общественных наук дела обстояли хуже¹⁵.

И это тем более примечательно, что, например, чехословацкие историки не просто были готовы к более тесному взаимодействию, они сами предлагали разные варианты сотрудничества, в том числе создание специальной комиссии. Необходимые условия для того уже обозначились: в чехословацкой науке к этому времени уже выросли «марксистские кадры», а в советской — специалисты по чешской и словацкой истории¹⁶. К тому же у исследователей из двух стран накопился опыт совместных проектов: публикация трудов, перекрестные экспертизы и рецензирование, стажировки и обмены, организация научных встреч и скоординированное участие в международных конгрессах.

Однако потребовалось почти десять лет для рождения комиссии советских и чехословацких историков. Непосредственной предпосылкой к ее созданию стало подписание 23 апреля 1966 г. соглашения о советско-чехословацком культурном и научном сотрудничестве. К этому времени внутри аппарата ЦК КПСС сложилось определенное видение положения гуманитарных наук в Чехословакии, которое рассматривалось в контексте идеологической работы в социалистических странах.

Особое внимание этому вопросу уделял Отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, возглавлявшийся в это время Ю.В. Андроповым. Так, в документах отдела за 1966 г. подробно рассматривалось отношение населения

¹² Совместная Советско-Чехословацкая Декларация. Москва. 29 января 1957 года // Правда. 30.1.1957.

¹³ *Скрябин Г.К., Ораевский П.С.* 10 лет многостороннего сотрудничества академий наук социалистических стран // Вестник АН СССР. № 3. 1972. С. 66–72.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 38. Л. 143.

¹⁵ *Киселев И.Н.* Краткое сообщение // Вестник АН СССР. 1964. № 7. С. 98–99.

¹⁶ О взаимодействии историков из СССР и ЧСР в начале 1950-х годов см.: *Груздинская В.С.* В пространстве социалистической науки: обсуждение чехословацкого учебника по истории (1953 г.) // ЭНОЖ «История». 2022. Т. 13. № 4. URL: <https://history.jes.su/s207987840021118-8-1/> (дата обращения: 27.04.2022).

Чехословакии, особенно молодежи, к Советскому Союзу и выделены те области культуры и науки, которые имели влияние на состояние идеологической работы в ЧССР. В этой связи составители отчетов и справок отдельно отмечали допускавшиеся чехословацкими историками отклонения от генеральной линии советской историографии в освещении двух ключевых периодов советской истории – Октябрьской революции и Второй мировой войны. Столь пристальное внимание к данным историческим событиям, полагаем, было связано с тем, что они служили своего рода легитимацией и коммунистического режима по советскому образцу, и ведущей роли СССР внутри социалистической системы.

Советские партийные функционеры из ЦК КПСС подвергли критике посвященные Октябрьской революции труды Института истории Чехословацкой академии наук (ЧАН) и Высшей партийной школы при ЦК Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ). Чехословацкие историки обвинялись в излишнем внимании (а возможно, и симпатии?) к троцкизму, что, к слову, проявилось в ряде исследований, написанных в духе критики культа личности И.В. Сталина. Так, сотрудники отдела обратили внимание на переизданную в 1966 г. в Праге книгу одного из основателей чехословацкой компартии Б. Шмерала «Правда о Советской России». В этом издании были опубликованы портреты Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, Н.И. Бухарина и других «опальных» большевиков, а также их совместные снимки с В.И. Лениным. Кроме того, в материалах отдела отмечалось, что ректор чехословацкой Высшей партийной школы М. Гюбла утверждал в своей статье: «Чехословацкие коммунисты, защищавшие в 30-х годах СССР и боровшиеся против троцкизма, были не правы (так [как] они тем самым якобы поддерживали культ личности Сталина), а правы те, кто критиковал в то время политику ВКП(б) и СССР»¹⁷.

Особое недовольство в Отделе ЦК КПСС вызвало творчество историка М. Реймана, будущего активного участника Пражской весны. Во время Второй мировой войны он находился в эвакуации в СССР. Известно, что вместе с родителями жил в Москве и что его мать сотрудничала с чехословацким журналистом, членом КПЧ и будущим героем Сопротивления Я. Швермой. В 1949–1954 гг. М. Рейман учился на историческом факультете МГУ, по окончании которого вернулся в Чехословакию и работал в Высшей партийной школе, Институте истории КПЧ¹⁸. Казалось бы, специалисту с такой подготовкой суждено стать активным игроком просоветского идеологического фронта в Чехословакии, проводником «прогрессивных» взглядов, однако, как показали дальнейшие события, обучение в советских университетах вовсе не гарантировало беспрекословного следования указаниям КПСС. За что критиковали М. Реймана в Советском Союзе? В одной из своих статей, опубликованной на страницах журнала по истории КПЧ¹⁹, он «популяризирует троцкистские взгляды», утверждая, будто «в Октябрьской революции было несколько вождей, что между В.И. Лениным и ЦК партии большевиков постоянно возникали противоречия»²⁰. Исключительное внимание советской стороны к этой работе, возможно, объясняется пресечением автором допустимых пределов исследовательской свободы. Он не побоялся взглянуть на историю революции 1917 г. под новым углом. В 1968 г. его двухтомная монография «Русская революция, 23 февраля – 25 октября 1917 г.»²¹ вышла в Москве на русском языке. К слову, в это же время советские историки, представители

¹⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 111. Д. 532. Л. 29, 30.

¹⁸ М. Рейман во время Пражской весны 1968 г. входил в состав реформаторской группы Й. Смирковского, назначенного в апреле 1968 г. председателем Национального собрания, и участвовал в разработке «Программы действия» КПЧ. См.: Reiman Michal // URL: <https://www.memoryofnations.eu/en/reiman-michal-1930> (дата обращения: 10.05.2022).

¹⁹ Reiman M. K otázce přípravy říjnového ozbrojeného povstání v Petrohradě v r. 1917 // Příspěvky k dějinám KSČ: Časopis pro dějiny KSČ a mezinárodního dělnického a komunistického hnutí. 1965–1966. Č. 6, S. 898–929.

²⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 111. Д. 532. Л. 22.

²¹ Reiman M. Ruská revoluce: 23. únor – 25. říjen 1917. Praha, 1967; Reiman M. Русская революция. 23 февраля – 25 октября 1917 г. Прага, 1968.

так называемого «нового направления», предпринимают аналогичные попытки исследования революции, которые вызывают опасения в партии и завершаются разгромом в 1968 г. Института истории АН СССР.

Не меньшую тревогу советских партийных деятелей Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран вызвали данные чехословацкими историками интерпретации места и роли СССР и ВКП(б) во Второй мировой войне. В частности, критике подверглась глава «Война и народ» в обобщающем труде «История СССР», подготовленном Институтом истории социалистических стран ЧАИ. Примечательно, что двухтомник был направлен чехословацкой стороной на рецензирование в Институт славяноведения АН СССР. Однако перевод всего текста на русский язык задерживался, и к середине 1966 г. была готова только часть, посвященная Второй мировой войне. В этой главе не только основные события излагались «скорее с позиции буржуазной, чем марксистской историографии», но и содержались «утверждения, оскорбительные для советских людей»²². Как следует из справки Отдела науки ЦК КПСС «О некоторых отрицательных тенденциях в идеологической жизни Чехословакии и в отношении к Советскому Союзу», в этом издании предпринималась попытка пересмотреть отношения между двумя странами в межвоенный период. Был представлен и иной, отличный от господствующего в советской историографии, взгляд на пакт Молотова – Риббентропа: данный документ рассматривался в контексте «раздела сфер влияния». При этом авторы не делали принципиальных различий между «гегемонизмом» И.В. Сталина, У. Черчилля и А. Гитлера. Преувеличивалась, с точки зрения сотрудников Отдела ЦК, и роль западных союзников в победе над «коричневой чумой». Недовольство вызвало и то, что политические деятели межвоенной Чехословакии – Т. Масарик, Э. Бенеш и др. – были представлены в издании в позитивном ключе. Отметим советские критики и недостаточно подробную прорисовку роли советских партизан и Красной армии в изображении Словацкого национального восстания 1944 г. В конце концов, составители справки вынесли неутешительный вердикт: «Авторы книги чрезмерно акцентируют внимание на перечислении ошибок, просчетов советского командования в первый период войны... Даже о роли советских вооруженных сил в освобождении Чехословакии говорится лишь в связи с Дукельской операцией, которая, по словам авторов книги, закончилась неудачно. Не с дружеских позиций авторы подходят к освещению таких вопросов, как определение восточных границ Польши, переговоры с Черчиллем в октябре 1944 г. ... В книге переоценивается помощь союзников, особенно Америки. Авторы пишут, например, [что] «советские солдаты ходили в американских ботинках, носили сукно американского производства и ели американские консервы»»²³.

Взгляды чехословацких историков транслировались в средствах массовой информации и в сфере искусства. Так, на выставке Ассоциации художников посетители могли видеть картину Б. Длоугого «Объект 1962–1966», представлявшую собой доску с прибитым мусором, в центре которого располагался портрет В.И. Ленина. В то же время на Карловском кинофестивале 1966 г. одну из главных премий получил фильм «Карета на Вену» (Kocár do Vídně, 1966, режиссер К. Кахиня), в котором авторы «по существу вызывают сочувствие к гитлеровцу и изображают партизан как шайку бандитов. В фильме есть сцена, изображающая и Советскую армию как жестокую силу – несколько советских кавалеристов гонят группу немецких пленных, которые на вытянутых руках несут огромное бревно»²⁴.

Ю.В. Андропов эти и другие тревожные для советской стороны тенденции обобщил в записке, направленной в ЦК КПСС в ноябре 1966 г. Главный посыл его текста заключался в следующем: влияние Запада на чехословацкое общество возрастает, поэтому

²² РГАНИ. Ф. 5. Оп. III. Д. 532. Л. 23.

²³ Там же. Л. 28, 31.

²⁴ Там же. Л. 43.

Советскому Союзу необходимо предпринять эффективные контрмеры против «империалистической пропаганды». Рост антисоветских настроений объяснялся среди прочего неудовлетворительной работой «советских организаций, занимающихся пропагандистско-информационной работой и осуществлявших связи с Чехословакией в области экономики, идеологии, науки, культуры»²⁵. Эти институты, отмечал Андропов, недостаточно внимательно следят за изменениями обстановки в стране в целом и переменами в запросах населения в частности, но также они нередко остаются безучастными «к просьбам друзей»²⁶.

Поправить положение планировалось в том числе и за счет расширения и качественной трансформации сложившихся форм научного сотрудничества. По мнению партийных идеологов, это должно было пресечь антисоветские высказывания в Чехословакии²⁷. Советский историк, впоследствии один из членов советско-чехословацкой комиссии Ю.А. Поляков вспоминал, как столкнулся с такими настроениями во время своего визита в Прагу летом 1967 г. (вероятно, поездка была приурочена к первому заседанию комиссии). К нему подошел молодой человек и сказал: «Знайте, чехословенска младеж ненавидит Советский Связ»²⁸.

В справке Отдела науки ЦК, датированной, как и записка в ЦК КПСС, ноябрем 1966 г., говорилось, что советские историки не уделяют должного внимания высказываниям чехословацких коллег, которые к тому же не всегда своевременно переводятся на русский язык. Партийные бюрократы предполагали исправить ситуацию, задействовав ресурсы институтов славяноведения, истории и философии АН СССР, а также Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. К намеченному в рамках плана сотрудничества Академий наук СССР и ЧССР заседанию двусторонней комиссии по истории предлагалось подготовить переводы и рецензии на работы чехословацких историков, в которых «неправильно трактуется история СССР», а также проекты выступлений по этому поводу советских ученых. При этом рецензии и тексты выступлений институты должны были согласовать с Отделом по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран и Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС. Записка заканчивалась резолюцией главного партийного идеолога М.А. Суслова: «Предл[ожить] т[оваришу] Хренову²⁹ – пусть внесет в През[идиум] АН предлож[ение]»³⁰.

Как утверждает В.В. Марьина, «в атмосфере ожидания “идеологического подкопа” в недрах партаппарата ЦК КПСС и возникла, по-видимому, мысль о создании советско-чехословацкой комиссии историков»³¹. Действительно, идеологическая составляющая была первоочередной. Однако, судя по документам ЦК КПСС, которые отражают и многолетнюю заинтересованность чехословацких историков в создании подобной комиссии, и прямые указания в 1966 г. секретаря ЦК КПЧ по идеологии В. Биляка на необходимость более тесных связей в области общественных наук³², инициатива все же исходила от чехословацкой стороны. Но на этот раз она была подкреплена уже накопившимися в документах ЦК многочисленными фактами отхода чехословацких историков от «марксистских» трактовок событий XX в. и проявлением этого в публичном пространстве, что и актуализировало повестку о создании совместной комиссии. Отдельно стоит отметить личную роль в этом процессе партийного идеолога М.А. Суслова. После его одобрительной резолюции создание комиссии историков началось³³.

²⁵ Там же. Л. 58.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 59.

²⁸ Поляков Ю.А. Минувшее. Фрагменты: воспоминания историка. М., 2011. С. 339.

²⁹ Директору института славяноведения – прим. авт.

³⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 111. Д. 532. Л. 54.

³¹ Марьина В.В. Указ. соч. С. 10, 11.

³² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 234. Л. 30–31.

³³ Там же. Оп. 111. Д. 532. Л. 54.

Организационное заседание комиссии состоялось в Праге с 23 по 30 мая 1967 г.³⁴ Программа встречи была насыщенной и включала в себя мероприятия разного формата: и рабочие заседания, и обед с министром просвещения, первым ректором Школы политических и экономических наук Иржи Гаеком, и фуршет у председателя Союза чехословацко-советской дружбы Зденека Фирлингера³⁵.

24 мая на открытии заседания с советской стороны присутствовали только сотрудники посольства: посол С.В. Червоненко и его советники И.И. Удальцов и С.И. Прасолов. Правда, и Удальцов, и Прасолов были профессиональными историками, учениками видного чехословацкого политического деятеля и историка Зденека Неядлы (1878–1962), поэтому факт их привлечения к созданию комиссии понятен.

Согласно партийным материалам, советские историки прибыли в Прагу лишь 29 мая на заключительное заседание комиссии. Любопытно, что запрос от Академии наук СССР в ЦК КПСС с просьбой командировать на заседание комиссии советских ученых поступил 25 мая. В записке говорилось: по приглашению чехословацких коллег в Прагу 29 мая³⁶ (т.е. в предпоследний день работы комиссии) вылетает делегация Президиума Академии наук из 10 человек во главе с заместителем директора Института истории АН СССР специалистом по новейшей истории Японии Е.М. Жуковым. Вице-президент Академии наук СССР академик А.М. Румянцев также настаивал на включении в состав делегации представителя Отдела науки ЦК КПСС, что должно было повысить статус заседания и гарантировало его соответствие «линии партии». Предложение А.М. Румянцева вполне могло вытекать из его личного опыта. В течение нескольких лет (с 1958 г.) ученый возглавлял международную редакцию издаваемого в Праге журнала «Проблемы мира и социализма» и, очевидно, прекрасно знал и атмосферу интеллектуальной жизни Чехословакии, и настроения коллег³⁷. Однако в партийной бюрократии не посчитали целесообразным делегировать своего представителя, видимо, доверяя товарищам-консультантам из посольства СССР в Праге³⁸.

Обращает на себя внимание еще одна деталь: положение о комиссии историков СССР и ЧССР было принято 26 мая, т.е. до прибытия советской делегации из Москвы. О чем это может свидетельствовать? Возможно, подписание этого документа прошло формально без обсуждения деталей. Текст положения по своему содержанию являлся типовым и рамочным: в нем зафиксированы задачи комиссии, формы и направления сотрудничества³⁹. Такой же текст мог использоваться для подписания подобных соглашений с историками других социалистических стран⁴⁰.

Приезд советских историков в Прагу в последний день заседания советско-чехословацкой комиссии позволяет предположить, что участие ученых в закладывании «фундамента» институции было номинальным, их личное присутствие носило ритуальный характер. При этом отдельный интерес представляет причина, почему советские историки прибыли на открытие комиссии лишь под конец мероприятия. Связано ли это со стремлением Отдела науки ЦК КПСС использовать ученых лишь в заключительной встрече, не допустив, таким образом, до реального обсуждения (если оно вообще имело место)?

³⁴ АРАН. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 237. Л. 2. По другим сведениям, первое заседание состоялось с 24 по 29 мая: *Марьина В.В.* Указ. соч. С. 99.

³⁵ АРАН. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 237. Л. 2.

³⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 41. Л. 137–138.

³⁷ *Ковалев М.В.* «За укрепление мира и дружбы»: архивные материалы о международной деятельности академика А.М. Румянцева // *Россия XXI*. 2020. № 3. С. 116–135; № 4. С. 24–45.

³⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 41. Л. 137–138.

³⁹ АРАН. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 237. Л. 12–14.

⁴⁰ Наша гипотеза вытекает из практики заключения двусторонних договоров по культурному и научному сотрудничеству с социалистическими странами (хотя, к сожалению, поиски текста договора о создании аналогичной комиссии с венгерскими историками, проведенные в Архиве Венгерской академии наук, не увенчались успехом). См.: *Akadémiái Levéltár*. 224. *Történettudományi Intézet*. 55. Sz.

Или причина более прозаична: вопрос о командировке затянула партийная бюрократия? Таких примеров в истории советской исторической науки известно немало⁴¹.

Итоги заключительного заседания зафиксированы в протоколе комиссии. Этот документ содержит информацию о ее составе. Так, советская часть комиссии состояла из: П.Н. Поспелова (председатель), А.М. Самсонова (заместитель председателя), П.И. Резонова (секретарь), Г.А. Белова, А.И. Недорезова, Ю.А. Полякова и Я.Б. Шмерала⁴². Их активность находила разное применение: от работы в партийных комитетах и редакциях до преподавания в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Лишь трое из названных исследователей занимались изучением чехословацкой истории, при этом их интересовал исключительно современный период (П.И. Резонов, А.И. Недорезов, Я.Б. Шмераль).

Чехословацкая часть комиссии была более представительной как в численном отношении, так и по кругу изучаемых проблем⁴³. В частности, ее председателем стал специалист по истории гуситского движения, директор Института истории ЧАН Йроушек, столкнулся с трудностями, когда попытался быть одновременно исследователем и идеологом⁴⁴. Также в состав комиссии вошли партийные историки, чьи исследовательские интересы лежали в области изучения новейшей истории Чехословакии, например директор Института истории социалистических стран ЧАН Вацлав Краль (1929–1983), Павел Рейман (1902–1976) и др.

Несмотря на пафос декларируемых речей о дружбе и внешние ее проявления, атмосфера на первом заседании, по мнению участника встречи Ю.А. Полякова, была напряженной. В мемуарах историк поведал такой курьезный случай: «Что-то носилось в воздухе, что-то назревало. На заседания комиссии приходили какие-то новые люди (приходили неофициально – заседания были открытыми, но раньше практически никто не интересовался нашими проблемами). Их и наши чешские коллеги почти не знали. Они – все молодые, главным образом из Карлова университета – вели себя развязно, не выступали с докладами, но неоднократно подавали ироничные реплики... После обеда наши корифеи [И.И.] Минц и [П.Н.] Поспелов, принявшие под кнедлики немало горячительных доз, сели в президиуме во второй ряд и довольно громко переговаривались. Один из молодых людей встал и громко попросил коллег в президиуме не мешать аудитории. Это было неслыханно. ... Все страшно удивились, в зале воцарилась тишина, только Минц с Поспеловым не сразу поняли, что происходит. Они, правда, быстро нашли выход из положения, склонив головы на грудь и задремав»⁴⁵.

На первом заседании комиссии была намечена и тематика будущих двусторонних исследований. В частности, В. Краль выступил с сообщением об издании документов и сборников статей по истории советско-чехословацких отношений⁴⁶. Это предложение поддержали все члены комиссии, назвав подготовку такого труда важным и с политической, и с научной точки зрения. Хронологический отрезок двусторонних отношений, оказавшийся в фокусе внимания комиссии, охватывал новейший период истории – с 1918 по 1945 г. При этом прицел делался на исследование мирового значения Октябрьской революции и на изучении Второй мировой войны и роли Советского Союза в освобождении Чехословакии. Таким образом, «местами памяти» (или объединяющим прошлым) историков двух стран стали события, в которых главным героем являлся СССР (или Советская Россия для периода до 1922 г.). Такой подход ставил под сомнение эффективность

⁴¹ В частности, в декабре 1953 г. директор Института славяноведения АН СССР П.Н. Третьяков опоздал на конференцию в местечко Либлице близ Праги, куда съехались историки социалистических стран для обсуждения чехословацкого учебника «История ЧСР». См.: АРАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 60. Л. 19–25.

⁴² Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 237. Л. 4–7.

⁴³ Там же; *Марына В.В.* Указ. соч. С. 99–100.

⁴⁴ *Jiroušek V. Josef Macek. Mezi historií a politikou.* Praha, 2004. S. 72.

⁴⁵ *Поляков Ю.А.* Указ. соч. С. 340.

⁴⁶ АРАН. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 237. Л. 7.

совместных проектов: СССР в очередной раз подчеркивал свое доминирование. Возможны ли были иные сюжеты двусторонних научных исследований? Несомненно. Более того в 1950-е годы такие проблемы уже были обозначены в исторической науке обеих стран: сравнительное изучение генезиса и кризиса феодализма и капитализма, феномена «второго закрепощения» крестьян, специфики межславянских исторических и культурных связей. Для сравнения заметим, что советско-венгерская комиссия историков на первых этапах своей работы касалась более широкого круга проблем, включавшего и сюжеты по древней истории венгров-мадьяр⁴⁷.

16 мая 1968 г. академик А.М. Румянцев отправил в ЦК КПСС официальное письмо председателя комиссии П.Н. Поспелова, в котором говорилось о предстоящем заседании, провести которое планировалось 28 мая – 3 июня в Москве⁴⁸. А.М. Румянцев также сообщал, что по просьбе чехословацких коллег изменена тема предстоящей встречи. Так, изначально историки предполагали обсуждать проблему послевоенного государственного устройства Чехословакии, конкретно – февральский переворот 1948 г., в результате которого в стране установился коммунистический режим. Теперь же было решено приурочить заседание к 50-летию образования самостоятельного Чехословацкого государства. Необходимое для таких маневров согласие от ЦК КПЧ было получено.

В условиях углублявшейся в ЧССР либерализации общества и власти новая тема оказывалась с идеологической точки зрения спорной. На что и обратил внимание в своей записке в ЦК КПСС П.Н. Поспелов. Так, историк отметил возможные попытки чехословацких коллег пересмотреть устоявшиеся в марксистской историографии оценки «характера Чехословацкой буржуазной республики» и деятельности ее первых лидеров. Далее П.Н. Поспелов обратил внимание партийных работников на повышенный интерес в чехословацком обществе к событиям полувековой давности: статьями об образовании независимой Чехословакии пестрили газеты и журналы страны⁴⁹. Вызывало опасение и то, что чехословацкие историки, несмотря на обещания, так и не представили текст доклада, который будет прочитан на заседании комиссии.

Поэтому было решено изменить сценарий встречи, разбавив ее дополнительными выступлениями советских ученых, в которых предполагалось осветить положительное влияние Октябрьской революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Также ученые из СССР планировали раскрыть «буржуазный» характер межвоенной Чехословакии, показав ее «зависимость от крупных империалистических держав» и подчеркнув «антисоветскую направленность» внешней политики страны в первые годы ее существования, в том числе участие в разгроме Венгерской Советской республики вместе с другими реакционными силами⁵⁰. П.Н. Поспелов просил разрешения освещать заседание комиссии в прессе и устроить прием в Союзе обществ дружбы с зарубежными странами, но в Отделе науки ЦК КПСС не посчитали нужным привлекать внимание общественности и отказали.

Атмосферу московского заседания комиссии отчасти передает составленная на основании письма АН СССР записка Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС «О заседании Советско-Чехословацкой комиссии историков» от 21 мая 1968 г.⁵¹ В документе

⁴⁷ Akadémiai Levéltár. 224. Történettudományi Intézet. 55. Sz.

⁴⁸ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 997. Л. 155. В программе заседания, сохранившейся в личном фонде А.М. Самсонова, указаны иные даты встречи: 27 мая – 5 июня 1968 г. См.: АРАН. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 237.

⁴⁹ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 997. Л. 155.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. Л. 150–152.

говорилось об основном докладчике — Кареле Пихлике (1928–2001)⁵². О том самом, который вовремя не прислал тезисы своего доклада.

Московская встреча советско-чехословацкой комиссии отличалась насыщенной программой. Она включала и рабочие заседания в Институте истории АН СССР с докладами и прениями (28–31 мая 1968 г.), и культурные мероприятия с посещением Ленинграда, Суздаля и Киева (2–3 июня)⁵³, товарищеским ужином (27 мая) и коктейлем у председателя Общества советско-чехословацкой дружбы (31 мая)⁵⁴.

Состав комиссии остался прежним. Правда, председатель чехословацкой части комиссии Й. Мацек не смог приехать в Москву, и делегацию возглавил его заместитель, директор Института истории Коммунистической партии Словакии Б. Граца.

Опасения советского руководства относительно возможных выпадов чехословацких историков отчасти подтвердились: доклад К. Пихлика не соответствовал требованиям советской историографии. Как вспоминает В.В. Марьина, в своем выступлении историк «проанализировал обстановку, сложившуюся для чешского и словацкого народов в годы Первой мировой войны, но акцент сделал на роли чешской и словацкой эмиграции в создании ЧСР, разобрав концепции, программы и планы различных ее группировок»⁵⁵. Это ни для кого не стало сюрпризом: в одной из записок о заседании комиссии, направленной в ЦК КПСС, говорилось, что историк «выступает на страницах прессы ЧССР с возращениями в связи с опубликованием в газете “Советская Россия” статьи о Масарике»⁵⁶.

После доклада К. Пихлика развернулась полемика, которая, надо сказать, шла по запланированному сценарию. Так, с ответными докладами выступили В.М. Турок-Попов («Великая Октябрьская социалистическая революция и распад Австро-Венгрии»), Я.Б. Шмераль («Некоторые проблемы изучения образования чехословацкого государства»), А.Х. Клеванский («К истории переговоров о ликвидации вооруженного конфликта и нормализации советско-чехословацких отношений в 1918–1920 гг.»), И.Н. Мельникова («Образование ЧСР и Закарпатская Украина»), А.О. Чубарьян («Некоторые вопросы международных отношений в период образования Чехословацкого государства») и др.⁵⁷ Критика в адрес К. Пихлика раздавалась со всех сторон. В конце концов ему пришлось сдаться и признать решающую роль Октября в национальном освободительном движении Чехии и Словакии.

На этом инцидент был исчерпан. Следующее заседание советские и чехословацкие ученые запланировали на конец мая 1969 г. Оно должно было состояться в Чехословакии. Ученые предполагали посвятить встречу обсуждению проблемы советско-чехословацких отношений в годы Второй мировой войны⁵⁸. Однако уже в декабре 1968 г., после разрыва научных связей между странами в результате Пражской весны⁵⁹, в составленном АН

⁵² Будущий историк К. Пихлик родился в Праге в 1928 г. В 1947 г. вступил в Коммунистическую партию Чехословакии. В 1949–1953 гг. обучался истории в Карловом университете, после окончания которого был оставлен преподавателем на кафедре. В 1958 г. поступил на службу в Институт военной истории Чехословацкой академии наук, где в 1962 г. защитил кандидатскую диссертацию. Являлся активным сторонником А. Дубчека и проводимых им реформ. Осудил ввод войск стран Варшавского договора в ЧССР, за что уже в годы «нормализации» лишился права заниматься научной и преподавательской деятельностью.

⁵³ По другим источникам чехословацкие историки посетили только Суздаль и Владимир. См.: РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 997. Л. 150.

⁵⁴ АРАН. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 237. Л. 22–23.

⁵⁵ Марьина В.В. Указ. соч. С. 14.

⁵⁶ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 997. Л. 151–152.

⁵⁷ АРАН. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 237. Л. 19.

⁵⁸ Марьина В.В. Указ. соч. С. 15.

⁵⁹ Сак К.В. «Обязанность науки и ученых является искать правду и только правду»: переписка между Чехословацкой академией наук и Академией наук СССР в связи с событиями «Пражской весны» (1968) // Архивный поиск: сборник научных статей и публикаций. Вып. 5. М., 2022. С. 371–389.

СССР для ЦК КПСС плане мероприятий с участием ученых из социалистических стран на 1969 г. какие-либо встречи в рамках двусторонней комиссии отсутствовали. По линии исторической науки планировалось лишь проведение в Киеве симпозиума по вопросам формирования раннефеодальных славянских государств, но чехословацкие ученые в нем участия не принимали⁶⁰.

Деятельность советско-чехословацкой комиссии историков возобновилась только в 1972 г. Это была уже другая комиссия. Некоторые члены комиссии из ЧССР, видные чехословацкие историки осудили ввод войск в Чехословакию в августе 1968 г. За что были на долгие годы преданы анафеме: им запрещалось заниматься научной и педагогической деятельностью. Среди новых участников не найдется второго «хулигана», подобно Пихлику.

* * *

В заключение отметим, что создание в 1967 г. комиссии историков СССР и ЧССР преследовало главным образом политико-идеологические цели. Вместе с тем уже первое заседание в Праге и состав его участников показали наличие потенциального конфликта: для советской стороны комиссия служила инструментом презентации официальной линии историографии, а для чехословацкой — полем для острых дискуссий. Отразились в этом и различия научных традиций двух стран, усиленные общественно-политической обстановкой накануне Пражской весны. Несмотря на декларируемый паритет, все же советской стороне отводилась роль «первой скрипки» в деятельности комиссии. Однако существенного влияния данная институция не оказала на историческое сообщество Чехословакии, которое в целом все дальше и дальше отдалялось от СССР. Представляется, что виновником сложившейся ситуации стало партийное руководство СССР. Именно его политическая близорукость стала причиной, почему был упущен шанс создать двустороннюю комиссию в конце 1950-х годов, когда в чехословацком обществе в целом и его интеллектуальных кругах в частности авторитет и престиж Советского Союза были очень высоки. Партийные деятели заинтересовались комиссией в период нарастания недовольства населения Чехословакии советской системой социализма и ее идеалов. К моменту «рождения» институции этот процесс зашел так далеко, что даже на первых порах в составе комиссии с чехословацкой стороны были оппозиционные историки. «Паллиативное» создание комиссии в 1967 г. не могло оказать принципиального влияния и изменить порядок дел.

Обращает на себя внимание и демонстрация безразличия советского руководства к гуманитарной сфере в социалистических странах (в отличие, например, от сотрудничества в области технологий⁶¹). Однако, как показали события Пражской весны, роль гуманитариев в развитии и трансформации политического режима была одной из ключевых. Как отмечает О.С. Нагорная, научные связи использовались как инструмент «включения стран Восточной Европы в советское символическое и культурное пространство Советского Союза», в том числе с использованием славянских идей⁶². История создания советско-чехословацкой комиссии высвечивает другую проблему: насколько был эффективен данный инструмент.

Библиография

Быстрова Н.Е. К истории создания организации Варшавского договора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2005. № 1. С. 214–224.

Бэла И.Ф. История музыкальной культуры Чехии. М., 1959.

⁶⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 334. Л. 376.

⁶¹ См.: *Ковалев М.В.* Советско-чехословацкий трансфер: от первых послевоенных лет до Пражской весны (по материалам отчетов советских инженеров о командировках) // ЭНОЖ «История». 2022. Т. 13. № 4. URL: <https://history.jes.su/s207987840021117-7-1/> (дата обращения: 27.04.2022).

⁶² *Нагорная О.С.* Указ. соч. С. 24.

- Гинцберг Л.И. Опыт взаимодействия историков СССР – ГДР в 50–80-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 152–163.
- Груздинская В.С. В пространстве социалистической науки: обсуждение чехословацкого учебника по истории (1953 г.) // ЭНОЖ «История». 2022. Т. 13. № 4. URL: <https://history.jes.su/s207987840021118-8-1/> (дата обращения: 27.04.2022).
- Киселев И.Н. Краткое сообщение // Вестник АН СССР. 1964. № 7. С. 98–99.
- Ковалев М.В. «За укрепление мира и дружбы»: архивные материалы о международной деятельности академика А.М. Румянцева // Россия XXI. 2020. № 3. С. 116–135; № 4. С. 24–45.
- Ковалев М.В. Советско-чехословацкий трансфер: от первых послевоенных лет до Пражской весны (по материалам отчетов советских инженеров о командировках) // ЭНОЖ «История». 2022. Т. 13. № 4. URL: <https://history.jes.su/s207987840021117-7-1/> (дата обращения: 27.04.2022).
- Марьина В.В. Советско-чехословацкая комиссия историков. Деятельность на фоне общественно-политических перемен в СССР и ЧССР (Конец 60-х – 80-е годы XX века). М., 2014.
- Нагорная О.С. Научное сотрудничество и образовательные контакты в системе советской культурной дипломатии эпохи «холодной войны» (1945–1990 гг.) // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 3 (42). С. 22–30.
- Поляков Ю.А. Минувшее. Фрагменты: воспоминания историка. М., 2011.
- Расчесова М.В. Зарождение сотрудничества немецких и советских историков. Создание комиссии историков СССР и ГДР (1949–1961 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5. С. 78–86.
- Рейман М. Русская революция. 23 февраля – 25 октября 1917 г. Прага, 1968.
- Сак К.В. «Обязанность науки и ученых является искать правду и только правду»: переписка между Чехословацкой академией наук и Академией наук СССР в связи с событиями «Пражской весны» (1968) // Архивный поиск: сборник научных статей и публикаций. Вып. 5. М., 2022. С. 371–389.
- Скрябин Г.К., Оравский П.С. 10 лет многостороннего сотрудничества академий наук социалистических стран // Вестник АН СССР. № 3. 1972. С. 66–72.
- Шумский Я. К вопросу о создании Комиссии историков ПНР и СССР // Россия в польской историографии, Польша в российской историографии (к 50-летию Комиссии историков России и Польши) / отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2017. С. 25–42.
- Jiroušek V. Josef Macek. Mezi historií a politikou. Praha, 2004.
- Reiman M. K otázce přípravy říjnového ozbrojeného povstání v Petrohradě v r. 1917 // Příspěvky k dějinám KSČ: Časopis pro dějiny KSČ a mezinárodního dělnického a komunistického hnutí. 1965–1966. Č. 6. S. 898–929.
- Reiman M. Ruská revoluce: 23. únor – 25. říjen 1917. Praha, 1967.

References

- Behlza I.F. Istoriya muzykal'noi kul'tury Chekhii [History of musical culture of the Czech Republic]. Moskva, 1959. (In Russ.)
- Bystrova N.E. K istorii sozdaniya organizatsii Varshavskogo dogovora [On the history of the creation of the Warsaw Pact organization] // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations]. 2005. № 1. S. 214–224. (In Russ.)
- Gintsberg L.I. Opyt vzaimodeistviya istorikov SSSR – GDR v 50–80-e gody XX veka [Experience of Interaction between Historians of the USSR and the GDR in the 1950s–1980s] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2005. № 2. S. 152–163. (In Russ.)
- Gruzdińskaya V.S. V prostranstve socialisticheskoj nauki: obsuzhdenie chechoslovakogo uchebnika po istorii (1953 g.) [In the Space of Socialist Science: a Discussion of the Czechoslovak History Textbook (1953)] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2022. T. 13. № 4. URL: <https://history.jes.su/s207987840021118-8-1/> (access date: 27.04.2022). (In Russ.)
- Kiselev I.N. Kratkoe soobshchenie [Short message] // Vestnik AN SSSR [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR]. 1964. № 7. S. 98–99. (In Russ.)
- Kovalev M.V. "Za ukreplenie mira i druzhby": arkhivnye materialy o mezhdunarodnoi deyatel'nosti akademika A.M. Rumyantseva ["For the Strengthening of Peace and Friendship": Archival Materials on the International Activities of Academician A.M. Rumyantsev] // Rossiya XXI [Russia 21st]. 2020. № 3. S. 116–135; № 4. S. 24–45. (In Russ.)
- Kovalev M.V. Sovetsko-chechoslovakii transfer: ot pervykh poslevoennykh let do Prazhskoi vesny (po materialam otchetov sovetских inzhenerov o komandirovках) [Soviet-Czechoslovak Technological Transfer: from the First Post-War Years to the Prague Spring (on the Base of the Foreign Trips Reports of Soviet Engineers)] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational

Journal “History”]. 2022. Т. 13. № 4. URL: <https://history.jes.su/s207987840021117-7-1/> (access date: 27.04.2022). (In Russ.)

Mar'ina V.V. Sovetsko-chechoslovatskaya komissiya istorikov. Deyatel'nost' na fone obschestvenno-politicheskikh peremennostei v SSSR i ChSSR (Konets 60-kh – 80-e gody XX veka) [Soviet-Czechoslovak Commission of Historians. Activity against the background of socio-political changes in the USSR and Czechoslovakia (Late 60s – 80s of the XX 20th century)]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Nagornaya O.S. Nauchnoe sotrudnichestvo i obrazovatel'nye kontakty v sisteme sovetsoi kul'turnoi diplomatii ehpokhi “kholodnoi voiny” (1945–1990 gg.) [Scientific Cooperation and Educational Contacts in the System of Soviet Cultural Diplomacy in the Cold War Era (1945–1990)] // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya [Bulletin of the Perm University. History]. 2018. № 3 (42). S. 22–30. (In Russ.)

Polyakov Yu.A. Minushee. Fragmenty: vospominaniya istorika [The Past. Fragments: memoirs of a historian]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Raschesova M.V. Zarozhdenie sotrudnichestva nemetskikh i sovetsoi istorikov. Sozdanie komissii istorikov SSSR i GDR (1949–1961 gg.) [The origin of cooperation between German and Soviet historians. Creation of the Commission of Historians of the USSR and the GDR (1949–1961)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2014. № 5. S. 78–86. (In Russ.)

Reiman M. Russkaya revolyutsiya. 23 fevralya – 25 oktyabrya 1917 g. [Russian revolution. February 23 – October 25, 1917]. Praga, 1968. (In Russ.)

Sak K.V. “Obyazannost'yu nauki i uchenyh yavlyatsya iskat' pravdu i tol'ko pravdu”: perepiska mezhdru Chechoslovatskoj akademiei nauk i Akademiei nauk SSSR v svyazi s sobytiiami “Prazhskoi vesny” (1968) [“The duty of science and scientists is to seek the truth and only the truth”: Correspondence between the Czechoslovak Academy of Sciences and the Academy of Sciences of the USSR in connection with the events of the “Prague Spring” (1968)] // Arkhivnyi poisk: sbornik nauchnykh statei i publikatsii [Archival search: collection of scientific articles and publications]. Vol. 5. Moskva, 2022. S. 371–389. (In Russ.)

Shumskiy Ya. K voprosu o sozdanii Komissii istorikov PNR i SSSR [On the issue of creating the Commission of Historians of the PPR and the USSR] // Rossiya v pol'skoi istoriografii, Pol'sha v rossiiskoi istoriografii (k 50-letiyu Komissii istorikov Rossii i Pol'shi) [Russia in Polish historiography, Poland in Russian historiography (to the 50th anniversary of the Commission of Historians of Russia and Poland)] / otv. red. N.A. Makarov. Moskva, 2017. S. 25–42. (In Russ.)

Skryabin G.K., Oraevskiy P.S. 10 let mnogostoronnego sotrudnichestva akademiy nauk sotsialisticheskikh stran [10 years of multilateral cooperation between the academies of Sciences of the socialist countries] // Vestnik AN SSSR [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR]. № 3. 1972. S. 66–72. (In Russ.)

Jiroušek B. Josef Macek. Mezi historií a politikou. Praha, 2004.

Reiman M. K otázce přípravu říjnového ozbrojeného povstání v Petrohradě v r. 1917 // Příspěvky k dějinám KSČ: Časopis pro dějiny KSČ a mezinárodního dělnického a komunistického hnutí. 1965–1966. Č. 6. S. 898–929.

Reiman M. Ruská revoluce: 23. únor – 25. říjen 1917. Praha, 1967.

DOI: 10.31857/S013038640025915-4

© 2023 г. Ш.Ш. ШАХАЛИЛОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Шахалилов Шамансур Шахалилович — доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: timur7628@mail.ru

Scopus Author ID: 57216529086; Researcher ID: HOH-3774-2023; ORCID: 0000-0003-0138-0001

Аннотация. В статье применяется концептуальный подход к исследованию феномена политического ислама, позволяющий выявить причины превращения его из внутреннего политического проекта в международную проблему. Важной составляющей такого подхода является изучение политического ислама в широком контексте, исламского мира в целом. Этот методологический прием позволил получить более полную информацию о природе политического ислама, благодаря учету всего разнообразия факторов, имеющих на этом пространстве, показать их влияние на процесс формирования его устойчивых признаков. Цель статьи состоит в раскрытии политических, экономических и духовных причин, обусловивших появление политического ислама в XX веке, обнаружении его современных характеристик и перспектив реализации целей данного проекта.

Обращение исламских политиков к религии в качестве идеологии преобразований объясняется неудачами заимствованных западных идеологий: национализма, социализма, либерализма. В связи с обозначившимся разбросом мнений среди ученых относительно сути понятий «политический ислам» и «исланизм» дается авторское видение их соотношения. Политический ислам является стратегической программой модернизации мусульманских обществ, исланизм — идеологический, мобилизационный, организационный ресурс для ее реализации. Цели исламской модели модернизации состоят в устранении неравенства, социальной несправедливости, достижении экономического процветания, установлении исламской морали.

Автор приходит к выводу, что глубинные корни политического ислама следует искать в истории многовековой борьбы исламского мира с Западом. Это предопределило его антизападную направленность сегодня. Продолжающееся вмешательство Запада во внутренние дела мусульманских стран превращает сторонников политического ислама в потенциальных партнеров незападных держав по противодействию правилам несправедливого западного мирового порядка. В связи с этим России важно наладить контакты с умеренными, разумными сторонниками политического ислама, рассматривая их в качестве партнеров по противодействию агрессивной политике Запада.

Ключевые слова: ислам, исламский мир, религиозная идеология, политический ислам, исланизм, исламская модель развития.

Sh.Sh. Shahalilov

Political Islam: from History to Modernity

Shamansur Shahalilov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: timur7628@mail.ru

Scopus Author ID: 57216529086; Researcher ID: HOH-3774-2023; ORCID: 0000-0003-0138-0001

Abstract. In this article, the author takes a conceptual approach to the study of the phenomenon of political Islam to identify the reasons for its transformation from a domestic political project to an international issue. An important part of this approach is the study of political Islam in the broader context of the Islamic world as a whole.

Since there is a notable diversity of opinion among scholars regarding the essence of the concepts of “political Islam” and “Islamism”, the author offers his own vision of their correlation: political Islam is a strategic programme for the modernisation of Muslim societies, while Islamism is an ideological, mobilising and organisational resource for its implementation.

As a result of the study, the author concluded that political Islam has its roots in the history of the Islamic world's struggle with the West, which determines its anti-Western orientation today. Continued Western interference in the internal affairs of Muslim countries turns supporters of political Islam into potential partners of non-Western powers in opposing the rules of the unjust Western world order. If their cooperation is successful, significant opportunities for achieving internal and external Islamist goals will open up. It is important for Russia to reach out to moderate, reasonable supporters of political Islam, seeing them as partners in countering aggressive Western policies.

Keywords: Islam, Islamic world, religious ideology, political Islam, Islamism, Islamic model of development.

История исламского мира свидетельствует, что в периоды ослабления или упадка исламской цивилизации на первый план всегда выходили те приверженцы веры, которые объясняли природу возникших проблем отступлением от канонов ислама и потому призывали к возврату к основам религии. В рамках этой традиции в последние несколько десятилетий в мусульманских странах активизировались политические силы, выступающие за установление исламской формы правления как инструмента модернизации обществ с опорой на религиозные ценности. Это активная, деятельная часть населения, считающая себя авангардом общества, убежденная в том, что предлагает единственно правильный способ выведения своих стран из глубокого кризиса. С этим явлением, получившим название политического ислама, сталкиваются в том или ином виде все современные исламские государства.

Возникновение и развитие этого феномена обусловили закономерный интерес зарубежных и отечественных исследователей к данной проблеме. На сегодняшний день накопился большой массив литературы, авторы которой рассматривают различные аспекты этого явления: деятельность исламских партий и движений преимущественно экстремистского толка, их социальную базу, предпринимаются попытки классифицировать эти организации по методам достижения поставленных целей. Вместе с этим ученым так и не удалось выработать общепринятую дефиницию понятия «политический ислам». Неполно раскрывается глубинное содержание его идеологии, поверхностно показывается связь современных последователей исламской формы правления с их идейными и практическими предшественниками.

Во многом эти недостатки объясняются тем, что исследования проводятся преимущественно на материале отдельных мусульманских государств. Картина, получающаяся при таком подходе, оказывается неполной, фрагментарной, а значит, искаженной, так как каждая страна имеет свою специфику, объясняемую географическими различиями, особенностями современной жизни. Поэтому необходимо, на наш взгляд, помещение предмета изучения в более широкое пространство, включающее все разнообразие факторов, прямо или косвенно влияющих на него и формирующих тем самым его устойчивые черты. Таким исследовательским полем является исламский мир в целом.

При таком подходе справедливо возникает вопрос о правомерности рассмотрения исламского мира как общего пространства всех мусульман, ведь они различаются по национальности, языку, проживают в 50 государствах с различными политическими системами и уровнями развития. Объединяет мусульман всего мира в сообщество (умму) их приверженность одной религии – исламу, проповедующему веру в то, что все люди равны перед богом, что мир должен быть справедливым, в нем не может быть места угнетению

человека человеком, что главное в жизни — не материальные блага, а духовность, нравственность, чистота помыслов и дел.

Все мировые религии учат добру, борьбе со злом, но только ислам поднимает вопросы нравственного поведения верующих на уровень государственной задачи, соединяя религию с политикой. Объяснение этому феномену следует искать в непростых обстоятельствах зарождения, выживания и распространения этой религии, последовавших за этим достижением, когда разрозненные племена бедуинов, приняв новую веру, политически объединились, обретя тем самым огромную военную мощь. Благодаря ей они завоевали обширные территории, создали на них великие империи, а покоренные неисламские народы приняли религию своих завоевателей, придав ей этим мировой характер.

Логично, что с тех пор все успехи мусульман связывают с соблюдением требования о неразрывном единстве религиозной и политической составляющих, характерных для деятельности Пророка и его верных последователей, правивших непосредственно после его смерти. И наоборот, главную причину всех последующих неудач и поражений находят в отступлении исламских правителей от этого принципа в угоду своим личным амбициям, забвению ими положения о том, что ислам не просто вера, а образ жизни всех без исключения верующих, что он определяет и направляет деятельность исламских государств.

Такая точка зрения имеет принципиально важное значение в современных условиях, когда исламский мир сталкивается со множеством проблем: психологических, социально-экономических, политических. Мусульмане чувствуют свою незащищенность, бессилие, страх в связи с агрессивным проникновением в их среду западной культуры. Их все больше беспокоит преимущественно сырьевая направленность экономик исламских государств, растущая безработица, особенно среди молодежи, нехватка продовольствия, рост стоимости жизни, увеличивающийся разрыв между богатыми и бедными. Все большее неприятие вызывают некомпетентность властей, коррупция, клановость, семейственность и другие нарушения, допускаемые ими. Все эти проблемы активизируют поиски путей выхода исламского мира из сложной ситуации.

Исходя из этого, сторонники политического ислама рассматривают в качестве своих главных противников правящие режимы. Вместе с этим они убеждены в том, что большинство нынешних проблем исламского мира связано не только с историческим прошлым, но и с нынешней неоимпериалистической политикой западных стран, навязывающих ему либеральную модель рыночной экономики, плюралистическую политическую систему, идеалы, нормы и правила, противоречащие исламским законам. Такая позиция придает политическому исламу ярко выраженный антизападный характер.

Исламский мир сформировал на протяжении своей истории три вида ответа на вызовы западной цивилизации: военное противостояние, самоизоляцию, заимствование западных достижений. Зарождение ислама по соседству со средневековой Европой неминуемо должно было привести к военному столкновению с ней. Первоначально перевес в этой борьбе был на стороне арабов. Баланс сил в пользу Запада изменился в результате развития там науки и техники, сопровождавшихся Великими географическими открытиями, в том числе освоением морских путей из Индии и Китая в Европу в обход торговых маршрутов, контролировавшихся арабами. Реакцией исламских государств на превосходство западной цивилизации стала их вынужденная самоизоляция от внешнего мира, замыкание в собственной скорлупе, как итог — еще большее отставание от Запада, переросшее в глубокий упадок исламской цивилизации.

В XX в. на политической карте мира появились независимые мусульманские государства, возникшие в результате распада Османской империи и колониальной системы. Перед ними встала проблема выбора модели развития, способной обеспечить реальный политический и экономический суверенитет. Исламский мир решил бороться со своим грозным противником, заимствуя его изобретения, в том числе западные идеологии: национализм, социализм, либерализм. Однако ни одна из них не привела к успеху. Национализм вступил в противоречие с интернационалистским духом ислама, привел к

разобшению исламской уммы, что вполне устраивало Запад. Социалистическая идея в ее арабской интерпретации принесла определенные результаты, однако кризис и развал СССР вынудили большинство мусульманских стран ориентироваться на западный мир в попытках получить от него материальную и финансовую поддержку в условиях роста его мощи и влияния в глобальном масштабе.

На нынешних отношениях исламского мира с Западом лежит глубокая печать недоведения, раздражения, растущей ненависти мусульман к Западу. Катализатором недовольства выступает глобализация со своими противоречивыми последствиями. С одной стороны, распространение западных материальных, технологических и технических достижений создает удобства, комфорт, открывает новые возможности для познания мира, удовлетворяет растущие потребительские запросы. С другой стороны, это приводит к перекосам в структуре национальных экономик, в которых развитие получают только те отрасли, которые являются цепочками в производстве готовой западной продукции благодаря дешевому сырью и рабочей силе, остальные деградируют, не выдерживая конкуренции с развитыми экономиками. То есть глобальная экономика открывает некоторые возможности для развития национальных хозяйств за счет инвестиций, создания рабочих мест, поступлений налогов в местные бюджеты. Тем самым возникает иллюзия неопределимой помощи западных государств странам бедного Юга, хотя на практике первые развиваются значительно быстрее, увеличивая свой отрыв от развивающихся экономик.

Одновременно с этим глобализация сопровождается вестернизацией духовной сферы исламских народов, их привычек, представлений, обычаев и в конечном счете их образа жизни, сознания, психического склада. Это разрушает ткань традиционных культур, ведет к превращению незападных народов в маргиналов, теряющих свою идентичность, особость. Собственно, в этом и состоит конечная цель глобализации – превращение всего человечества в вестернизированное сообщество, в котором Запад будет играть доминирующую роль.

Негативные последствия такой «культурной революции» активизируют процессы осознания мыслящими людьми исламского мира необходимости восстановления политического, экономического и социального устройства своих обществ на основе традиционных ценностей, религиозных принципов. В качестве ответа западному вызову предлагается сделать выбор в пользу собственной модели развития, сочетающей исламскую нравственность с западными технологическими достижениями. Утверждается, что она учитывает нынешние реалии, когда военный ответ западной угрозе не актуален и не реален, замыкание на собственной территории невозможно, а бездумное заимствование западного образа жизни, ценностей и идеалов становится все более губительным для исламской цивилизации.

Сторонники политического ислама убеждены, что возврат на родную почву, обращение к идеалам и предписаниям, содержащимся в исламе, позволит возродить былую мощь мусульманских империй, притягательную силу исламской цивилизации, являвшейся некогда военно-политической и культурной мировой метрополией, на территории которой успешно развивались математика, астрономия, медицина, архитектура, монументальное строительство, торговля¹.

Это есть не что иное, как попытка переноса во времени «мирового исламского государства», реставрации его мощи и влияния в современных условиях. Аналогичные действия, имевшие место в истории христианских народов в прошлом, окончились неудачей по двум причинам: из-за того, что изменившиеся условия не благоприятствовали реставрации; в связи с тем, что такие государственные образования оказались просто не востребовавшими в новые времена.

¹ *Mozaffari M.* What is Islamism. History and Definition of a Concept // *Totalitarian Movements and Political Religions.* 2007. Vol. 8. № 1. P. 23.

Означает ли это, что нынешнее стремление к возрождению мощи исламского мира также обречено на провал? На этот вопрос утвердительно отвечает абсолютное большинство российских и западных исследователей. Обреченность такого подхода обосновал еще в середине XX в. британский ученый А. Тойнби, по мнению которого, не ислам является основной причиной побед арабов, их успешных завоеваний в первые пять веков после его появления. Эти успехи, а также добровольное и массовое обращение в новую веру покоренных народов, он объясняет огромной военной мощью арабской конницы и угасанием греческой и персидской цивилизаций, не сумевших дать отпор завоевателям, а также тем, что европейская цивилизация находилась еще в детском возрасте².

Однако, на наш взгляд, сегодня ситуация и поставленные цели во многом отличаются от имевших место в истории событий. Во-первых, не ставится задача захвата новых территорий и обращения в ислам народов, придерживающихся иной веры. Речь идет прежде всего о восстановлении в мусульманском мире организующей, направляющей, мотивирующей роли собственной религии. В этом плане приверженцев веры убедить в чем-то гораздо легче, чем новообращенных. Во-вторых, большинство сторонников политического ислама не стремятся вернуть великое прошлое буквально, фотографически восстановить портрет исламской империи. Они хотят добиться достойного, уважительного отношения к мусульманским странам в современном мире за счет подъема их экономик, решения социальных проблем, защиты нравственности и духовности. В-третьих, в современных условиях складываются благоприятные внешние условия для подъема исламского мира, учитывая постепенное ослабление Запада.

Среди сторонников политического ислама обозначились два подхода к решению проблемы восстановления мощи и влияния мусульманского мира. Сторонники первого, которых меньшинство, выступают за насильственное свержение светских правительств и принуждение не готового к резким переменам населения к новой жизни. Именно из этой среды появляются экстремистские группы, осуществляющие террористические акты по всему миру и поэтому запрещенные во многих странах. Хотя такая революция сверху и может привести к краткосрочному эффекту, в конечном счете она обречена на провал.

Сторонники второго подхода исходят из эволюционных перемен в сознании населения путем создания снизу справедливых экономической и социальной систем, отвечающих чаяниям верующих, способствующих повышению их жизненного уровня, завоевания на этой основе поддержки большинства народа и прихода к власти легитимным путем. Это своего рода поэтапная исламизация всех сторон жизни общества, начиная с социальной сферы, путем оказания населению услуг, которые не может предоставить государство в образовании, здравоохранении, жилищной сфере, культуре, и заканчивая политической областью. У такого подхода гораздо больше шансов на успех при условии, что новая власть будет неуклонно заботиться о благе народа, рассматривать его не как объект управления, а как союзника на долгом и трудном пути к прогрессу. Только так можно избежать злоупотреблений властью со стороны новых правителей, несправедливого распределения благ, повторения всех пороков прежних режимов, что приведет к окончательной дискредитации самой идеи справедливого исламского государства.

О рождении феномена политического ислама свидетельствовало создание в 1928 г. в Египте первой политической организации «Братья-мусульмане» (запрещенная в России), опиравшейся в своей деятельности на религию. Ее основатель Хасан аль-Банна считал главной политической целью организации достижение свободы и независимости мусульман, освобождение их территорий от чужеземцев, установление исламского порядка, смысл которого он видел в неразделимости религии и политики³.

Банна опередил свое время, создав организацию, для успешной деятельности которой еще не созрели условия. Они появились пять десятилетий спустя с началом процесса

² Тойнби А. Место Ислама в истории // Цивилизация перед судом истории. М., 2003. С. 136–144.

³ Ражабадинов М. Египетское движение «Братьев-мусульман». М., 2003.

Исламского возрождения, о котором возвестила религиозная революция в Иране. Это потребовало использования новых понятий для обозначения различных аспектов этого феномена. Стали применяться такие термины, как исламский фундаментализм, радикальный ислам, политический ислам, исламизм.

Исламское возрождение – процесс осознания мусульманами своего места в истории и современном мире, роли религии в преобразовании их обществ. Оно порождено стремлением людей к достойной жизни, их желанием возрождения былой мощи исламских государств. В этом смысле Исламское возрождение представляет собой вполне позитивное явление, вызревшее подспудно в течение предшествующих десятилетий⁴.

Первоначально сторонники перемен использовали мирные средства борьбы. Однако напуганные размахом революционных событий правители исламских государств при поддержке Запада обрушили жестокие репрессии против исламской оппозиции, загнали ее в глубокое подполье, что привело к радикализации исламских партий и групп, усилению в них позиций сторонников насильственных мер.

Адептов политического ислама называют также исламистами, так как они выступают за исламизацию всех сторон жизни общества. Исламисты утверждают, что этого требует Коран, в котором религия и политика представлены неразрывно. При этом они ссылаются на ряд сур Священной книги. Например, в Коране идет речь о политической ответственности и политическом участии всех членов уммы⁵. Наличие подобных положений не могло остаться незамеченным со стороны тех, кто выступает за возрождение направляющей роли религии в государственной деятельности. Они не устают повторять, что, заявляя о необходимости соединения религии и политики, руководствуются исключительно предписаниями Корана и Сунны.

Критики исламистов не согласны с утверждением о единстве ислама и политики, считают его мифом и в подтверждение своей позиции также ссылаются на соответствующие суры и хадисы, в которых говорится о разделении указанных понятий⁶. Они полагают, что политизация религии является искажением ее содержания, пытаются тем самым исключить ислам из арсенала современной политики, идейно обезоружив своих противников. По их мнению, только кратковременно при жизни Пророка имело место соединение религиозной и политической сфер, но после его смерти, даже при правлении первых четырех праведных халифов, обозначилось их разделение, и больше они никогда не соединились. С тех пор правители исламских государств лишь поддерживали видимость единства религии и политики с целью легитимации своей власти. На деле религиозная сфера была подчинена светской власти, о чем свидетельствует, например, назначение главы общины верующих политическим правителем.

Такой факт, действительно имевший место в истории, объясняется тем, что духовные элиты и население мирились с подчиненной ролью религии, пока власть была способна защищать исламские территории от посягательств иноземцев, присоединять к миру ислама новые земли, поддерживать на них исламский порядок. Одной из причин такой религиозной терпимости была память о кровавых последствиях распрей, заговоров, убийств, имевших место после смерти Пророка, результатом которых стал религиозный раскол в исламе. Уроки этих внутренних конфликтов не прошли бесследно, они привели к выводу, что гораздо важнее политический и религиозный мир в исламской умме, чем ослабление власти. Другим фактором, способствовавшим установлению и закреплению жесткого светского правления, стало наличие постоянных внешних военных угроз, требовавших послушания воле правителя, ответственного за безопасность исламского государства.

⁴ Шахалилов Ш. Международный терроризм – глобальная угроза современному миру: учебное пособие. М., 2007. С. 40.

⁵ Ибрагим Т. Классическая мусульманская цивилизация (ценности и институты) // Исламская цивилизация в глобализирующемся мире. М., 2011. С. 17.

⁶ Там же. С. 18.

Таким образом, в исламе нет однозначных указаний ни на единство религии и политики, ни на их раздельное существование. Это создает условия для появления сторонников возрождения единства религиозной и политической сфер, стремящихся легитимировать свою политическую деятельность призывами возродить истинный ислам, под которым понимают ислам времен Пророка, когда эти сферы были соединены неразрывно. Такими, собственно, и являются современные исламисты, утверждающие, что положение, на которые они опираются, единственно верные, охватывающие все аспекты жизни верующего⁷. Из-за призывов к возрождению былой мощи исламского мира на основе возврата к основам религии исламистов называют также религиозными фундаменталистами.

Анализ научной литературы по проблеме показывает, что между этими понятиями нередко ставится знак равенства⁸, но встречаются также мнения о том, что они серьезно отличаются друг от друга⁹. Такой разброс оценок объясняется как сложностью проблемы, так и политической ангажированностью авторов работ. Подобная ситуация затрудняет концептуальное осмысление сущности и особенностей указанных понятий, выработку на этой основе рекомендаций относительно реагирования на феномен политического ислама в современных условиях.

В этой связи важным становится вычленение из огромного массива разнообразных мнений научно аргументированных выводов, получивших подтверждение на практике, раскрывающих коренные признаки указанного явления, дающих четкое представление о его природе. На наш взгляд, они заключаются в следующем:

– во-первых, между политическим исламом и исламизмом нет непреодолимых расхождений. Оба эти понятия означают использование ислама в качестве политического инструмента обустройства всех сторон жизни общества;

– во-вторых, они базируются на идеологии, представляющей собой совокупность божественных предписаний и законов, зафиксированных в Коране и Сунне, что ведет к сакрализации ее содержания, придает ей характер религиозной идеологии;

– в-третьих, политический ислам, исламизм – не только идеология, но также государственная политика, осуществляемая в ряде современных исламских государств на практике (Афганистан, Иран, Тунис, Турция). В указанных странах власть принадлежит исламистским движениям и партиям, либо они входят в правящие коалиции (Талибан, Партии свободы и развития в Тунисе и Турции);

– в-четвертых, политический ислам является частью процесса Исламского возрождения как движения, носящего антизападный характер. В этом отношении исламизация выступает в качестве альтернативы вестернизации мусульманских обществ. Это принципиальный вывод, опровергающий утверждения западных авторов о преимущественно внутреннем, местном характере политического ислама¹⁰.

Тем не менее между политическим исламом и исламизмом имеются различия, которые важно обозначить. По мнению Ж. Сесари, политический ислам – более объемное явление, нежели исламизм. Его следует рассматривать в качестве политической культуры исламского общества, которая, наряду с чисто политическими целями, включает

⁷ *Mozaffari M.* What is Islamism? History and Definition of a Concept // *Totalitarian Movements and Political Religions*. 2007. Vol. 8. № 1. P. 23.

⁸ *Esposito J.* Political Islam and the West // *Joint Force Quarterly*. 2000. №24. P. 49–55; *Игнатенко А.* Самоопределение исламского мира // *Ислам и политика*. М., 2001. С. 7–21; *Ланда Р.* Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005; *March A.* Political Islam: Theory // *The Annual Review of Political Science*. 2015. Vol. 18. P. 103–123; *Гринин Л.* Исламизм: история и современность // *История и современность*. 2019. № 2. С. 3–35; *Малашенко А.* Ислам: век XXI. М., 2019.

⁹ *Berman Sh.* Islamism, Revolution and Civil Society // URL: <https://carnegieendowment.org/pdf/files/berman.pdf> (дата обращения: 11.11.2022); *Hubbel B.* The Roots of Modern Islamism // URL: https://csme.indiana.edu/documents/cirricula/mepolicycouncil_islamism.pdf (дата обращения: 12.11.2022); *Gaub F.* Islamism and Islamists // *European Union Institute for Security Studies*. October 2014. P. 1–4; *Cesari J.* What is Political Islam? Boulder (CO), 2018.

¹⁰ *Roy O.* *Islame et nationalisme* // *Pouvoirs*. 2003. № 1. P. 45–53.

решение комплекса социальных задач в сфере образования, медицины, занятости населения. Исламизм же есть религиозная форма политической мобилизации населения в поддержку предлагаемых реформ мусульманских обществ¹¹. На наш взгляд, такая формула позволяет рассматривать политический ислам в качестве стратегической программы модернизации исламского мира, исламизм — идейного, мобилизационного, организационного ресурса ее реализации.

Политический ислам возвращает внимание к собственной, а не заимствованной модели движения исламской цивилизации к прогрессу, не реализованной в силу ряда исторических обстоятельств, неблагоприятных условий, ошибок, неверных акцентов, допущенных в прошлом. В этой связи возникает закономерный вопрос, насколько благоприятны современные условия для движения по этому пути? Они не просты, но появляются новые моменты, открываются возможности для реализации исламской модели развития.

Первое. Стало очевидным, что реальный прогресс исламского мира на путях заимствования западных схем развития вряд ли возможен. Второе. Неудачи и провалы либеральной модели, навязанной Западом, привели к нарастающему сопротивлению незападного мира ее правилам. Третье. Хотя и сохраняется угроза военного ответа Запада противникам глобального либерального порядка, главным вызовом исламскому миру является его технологическое и интеллектуальное превосходство, культурное наступление на образ жизни мусульман. И, наконец, четвертое и главное. Политическими партнерами и даже союзниками исламского мира становятся влиятельные незападные державы, которые также не устраивают мировой порядок, обеспечивающий исключительно интересы Запада.

Идеология политического ислама не является цельной, систематизированной, концептуальной, а представляет собой набор предписаний, заимствованных из Корана, а также идей исламских мыслителей, начиная от Ибн Таймии, жившего в эпоху Средневековья, кончая современным исламистом Р. Ганнуши. Их взгляды разнятся в диапазоне от консервативных до реформаторских. Это привело к тому, что положения этой идеологии стали руководящими установками как для радикальных, так и вполне умеренных ее последователей. Так, например, идеи Ибн Таймии легли в основу взглядов современных салафитов, которые считают его самым влиятельным духовным лицом в исламе. В свою очередь труды Мухаммада Абдо оказали глубокое воздействие на формирование реформистского течения в исламизме, а Саид Кутб превозносится в качестве главного авторитета для современных экстремистских и террористических организаций.

Набор основных требований идеологии политического ислама сводится к следующему: равенство мусульман, справедливость, свобода, независимость, единство исламской уммы. Для их реализации необходимо обеспечение ряда условий. Первым и главным из них, по мнению исламских идеологов, является возвращение власти Аллаха, которая была заменена властью людей. Для этого необходимо устранение правящих режимов, являющихся ложноисламскими, создание истинного исламского государства, правители которого будут проводить в жизнь божественные предписания. Это позволит обеспечить солидарность верующих, наладить крепкое сотрудничество всех членов уммы¹².

Эклектичность исламистской идеологии, включение в ее содержание идей, выдернутых произвольно из трудов исламских мыслителей разных эпох и разных взглядов, привели к тому, что исламисты не имеют единой позиции по отношению к реформам в исламских обществах; методам достижения политических целей; определения того, что можно, а что нельзя заимствовать у западных стран. Каждая политическая группа, объединение, партия выбирает из набора положений те из них, которые считает главными,

¹¹ *Cesari J.* Political Islam: more than Islamism // URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/12/5/299> (дата обращения: 17.07.2022).

¹² *Кутб С.* Вехи на пути Аллаха. URL: <https://hfire.ru/spirituality/vehi-na-puti-allaha-said-kutb-chitat-vehi-ya-puti.html> (дата обращения: 23.11.2022).

актуальными. Ввиду этого имеет место заметное расхождение в позициях, взглядах, подходах, действиях, облике этих организаций. Многие из них ставят целью создание однопартийной политической системы, но есть и приверженцы плюралистической модели политического устройства страны по западному образцу¹³.

Несмотря на широкий разброс мнений среди представителей политического ислама относительно методов деятельности, они едины в формулировании главной политической цели — создании исламского государства. В этой связи следует заметить, что большинство исследователей склоняется к выводу, что концепция исламского государства является размытой, нечеткой, в Коране и трудах исламских мыслителей нет ясных указаний на формы такого государства. Тем не менее, на наш взгляд, в своей совокупности указанные источники позволяют получить представление если не о форме исламского государства, то о его природе, принципах построения, организации политической системы, социально-экономической сферы. Конкретные конструкции такого организма могут отличаться в зависимости от особенностей того или иного региона исламского мира.

Принципами исламского государства признаются: единобожие, власть Аллаха, единство и сотрудничество всей уммы. Целями его являются устранение социальной несправедливости, неравенства, вызванного неравномерным распределением доходов; развитие таких добродетелей, как чистота помыслов и деяний, надлежащее поведение в быту и общественных местах, доброта, честность. Основными экономическими средствами выравнивания уровня жизни населения, поддержания справедливости считаются: пожертвования в пользу бедных, запрещение ростовщического процента, монополия на товары первой необходимости¹⁴.

Правитель исламского государства легитимен, если руководствуется в своих действиях исламскими законами, являющимися божественными предписаниями, зафиксированными в Коране. В этом отношении он признается наместником бога на земле, тем не менее должен контролироваться со стороны общины в лице наиболее авторитетных ее представителей.

Во взглядах идеологов исламизма можно встретить расхождения относительно функций правителя исламского государства, роли и места членов уммы в преобразованиях. Например, неясно, необходимо разделение духовной и политической власти в исламском государстве или их совмещение. С. Кутб полагал, что в создании общества социальной справедливости будут участвовать не все мусульмане, а только их передовая часть, что правитель исламского государства не должен быть представителем духовенства¹⁵. По мнению Ибн Таймии, деятельность правителя должна основываться на шариате. Если она противоречит Корану и Сунне, исламская община имеет право на непослушание¹⁶.

Исходя из изложенного, можно заключить, что исламское государство представляет собой идеальную модель справедливого, гуманистического организма, являющегося демократическим по существу, авторитарным по форме правления, обладающего, по крайней мере в теории, механизмами решения сложных социальных проблем, возникающих в отношениях между людьми. Но на практике эта модель никогда и нигде не реализовывалась в полной мере, хотя подобные попытки предпринимались неоднократно. Например, можно обратиться к опыту построения исламского государства в Судане в последней четверти XX в., который показал, что невозможно его построить на деле только реформами сверху, если к этому не готово само население. По мнению суданского реформатора Х. Тураби, общество, погрязшее в коррупции, может создать только коррумпированное

¹³ Ганнуши Р. Ислам и демократия: преодолевая предрассудки. М., 2018.

¹⁴ Ниязи А. Выступление в дискуссии на тему «Исламская цивилизация в глобализирующемся мире» // Исламская цивилизация в глобализирующемся мире. М., 2011. С. 147.

¹⁵ Кутб С. Вехи на пути аллаха // URL: <https://hfire.ru/spirituality/vehi-na-puti-allaha-said-kutb-chitat-vehi-na-puti.html> (дата обращения: 15.03.2021).

¹⁶ Кирабаев Н. На путях политико-религиозного догматизма: Ибн Таймия // Политическая мысль мусульманского средневековья. М., 2005. С. 128.

государство. Поэтому необходимо менять мировоззрение людей, что является сложной и длительной работой, но только она позволит выдвинуть из их среды политиков, которые будут на уровне стоящих задач и окажутся под контролем снизу¹⁷.

История человечества свидетельствует о том, что нет единственного пути развития, одинаково пригодного для всех народов мира. Даже успехи западной цивилизации не означают, как показывает практика, что заимствование ее опыта другими нациями принесет такие же результаты. Вооружившись этим знанием, противники правящих режимов в мусульманских странах обратились к идейному, нравственному, организационному, мобилизационному потенциалу ислама с целью создания справедливого общества, в котором все его члены будут социально защищены, исключены злоупотребления властью, будет действовать эффективная экономика, способная удовлетворять материальные запросы людей, наконец, где будет доминировать исламская мораль. Это выбор в пользу собственной траектории развития, которая вбирает в себя все лучшее, что есть в исламе и в мире. Исламский путь — это соединение исламской этики с западными техническими достижениями, возможность осуществить модернизацию мусульманских стран без заимствования западных ценностей¹⁸.

Материальной базой реформ призвана стать экономика исламских государств, построенная на принципах и методах исламской экономической модели — она носит рыночный характер, но социально ориентирована, признает частную собственность, однако при этом запрещает ее использование во вред членам уммы, во главу угла экономических отношений ставит нравственные принципы, а не голый материальный расчет. Регулирующая роль исламского государства в этой сфере заключается в обеспечении баланса духовной и мирской жизни, личных и общественных интересов, справедливого вознаграждения за труд, помощи бедным, запрещении нетрудового обогащения, нераспространении частной собственности на общенародное достояние, каковыми являются земля, вода, недра¹⁹.

Однако все это во многом теоретические рассуждения, не дающие ответа на вопрос, способна ли исламская экономическая модель адекватно ответить на вызовы современности? Очевидно, что только динамичное развитие исламской экономики позволит реализовать принцип социальной справедливости, в том числе путем перераспределения доходов богатых и успешных членов уммы в пользу нуждающихся людей.

Сложностей на этом пути предостаточно, однако исламисты полагают, что это не должно являться поводом для отказа от попыток модернизации исламских обществ. Выбор идеализированного варианта исламского государства будет действовать, по их мнению, мобилизуя, приближая к цели при условии постоянной сверки с идейным и нравственным компасом, каковым является ислам. Они уверены, что в любом случае полезнее действовать, чем мириться со второстепенной ролью мусульманских стран в современном мире.

На Западе с тревогой следят за тем, что происходит в исламском мире, особенно за процессом Исламского возрождения, сердцевину которого составляет политический ислам. Свое противодействие исламистам западные страны обосновывают тем, что называют их противниками демократии. Стремясь принизить роль политического ислама в качестве антизападного феномена, политики и специалисты используют разные приемы. Одни утверждают, что это провалившийся проект²⁰, другие приходят к выводу о его наци-

¹⁷ Тураби Х. Тюрьма — одно из немногих мест, где чувствуется присутствие Бога // URL: <https://logmuslim.livejournal.com/16871.html> (дата обращения: 17.10.2021).

¹⁸ Хорос В. Заключение // Исламская цивилизация в глобализирующемся мире. М., 2011. С. 268.

¹⁹ Ниязи А. Выступление в дискуссии на тему «Исламская цивилизация в глобализирующемся мире» // Исламская цивилизация в глобализирующемся мире. М., 2011. С. 144–145.

²⁰ Roy O. Globalized Islam: the search for New Umma // Journal for Studies of Islam and Muslim Societies. 2017. Vol. 7. № 1. P. 12–40.

оналистическом содержании, приспособлении ислама к европейскому национализму²¹. Он основывается на утверждении, что не панисламизм, теряющий свое влияние на мусульман из-за сложности осуществления их солидарных действий, а национализм — это то, вокруг чего объединяются исламские народы²². Отсюда следует, что если панисламизм был идеологией единения мусульман всего мира, то исламизм является идеологией их разъединения.

Что касается России, то здесь также сложилось стойкое негативное восприятие политического ислама. Для этого имеются веские основания, ибо страна не раз сталкивалась с экстремистскими, террористическими и даже прямыми вооруженными атаками со стороны радикальных исламистов. Тем не менее, продолжая сохранять бдительность по отношению к указанной угрозе национальной безопасности, необходимо, на наш взгляд, использовать дифференцированный подход к сложному и многоплановому феномену, каковым является политический ислам. Например, важно учитывать его антизападную направленность и использовать ее в интересах Российской Федерации путем налаживания связей с умеренными, вмняемыми, разумными исламистскими политиками, партиями, организациями. Тем более что имеется положительный опыт тесного сотрудничества России с Турецкой Республикой, где у власти находится исламская Партия свободы и развития, с исламским Ираном и даже с радикальным исламистским движением Талибан в Афганистане.

Важно избавиться от стереотипов восприятия ислама, сложившихся в период очарования российской политической элитой всем западным, мешающих понять суть современных процессов, происходящих в исламском мире. Нет ничего опасного для России в том, что там происходит мирная, отвечающая интересам и ожиданиям большей части мусульманского населения исламизация всех сторон жизни общества, целью которой является подъем благосостояния населения. Решение этой задачи будет способствовать ликвидации в исламском мире почвы, благоприятствующей существованию там недовольных людей и групп, использующих методы насилия и террора, в том числе и за пределами своих территорий, с целью достижения своих политических целей.

Сегодня перед Россией стоит проблема выбора собственного пути развития, обеспечивающего процветание народа, его политический, экономический и духовной суверенитет. В этом отношении ей по пути с мусульманскими странами, являющимися мощной антиглобалистской силой современности.

Библиография

- Ганнуши Р. Ислам и демократия: преодолевая предрассудки. М., 2018.
- Гринин Л. Исламизм: история и современность // История и современность. 2019. № 2. С. 3–35.
- Ибрагим Т. Классическая мусульманская цивилизация (ценности и институты) // Исламская цивилизация в глобализирующемся мире. М., 2011. С. 7–23.
- Игнатенко А. Самоопределение исламского мира // Ислам и политика. М., 2001. С. 7–21.
- Кирабаев Н. На путях политико-религиозного догматизма: Ибн Таймия // Политическая мысль мусульманского средневековья. М., 2005.
- Кутб С. Вехи на пути аллаха // URL: <https://hfire.ru/spirituality/vehi-na-puti-allaha-said-kutb-chitat-vehi-na-puti.html> (дата обращения: 15.03.2021).
- Ланда Р. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005.
- Малашенко А. Ислам: век XXI. М., 2019.
- Ниязи А. Выступление в дискуссии на тему «Исламская цивилизация в глобализирующемся мире» // Исламская цивилизация в глобализирующемся мире. М., 2011. С. 138–149.
- Ражбадинов М. Египетское движение «Братьев-мусульман». М., 2003.
- Тойнби А. Ислам, Запад и будущее // Цивилизация перед судом истории. М., 2003. С. 381–399.
- Тойнби А. Место Ислама в истории // Цивилизация перед судом истории. М., 2003. С. 131–149.

²¹ Macias-Amoretti J. Political Islam: Discourse, Ideology and Power // URL: <https://www.e-ir.info/2014/03/03/political-islam-discourse-ideology-power> (дата обращения: 23.08.2022).

²² Тойнби А. Ислам, Запад и будущее // Цивилизация перед судом истории. М., 2003. С. 399.

Turabi X. Тюрьма – одно из немногих мест, где чувствуется присутствие Бога // URL: <https://logmuslim.livejournal.com/16871.html> (дата обращения: 17.10.2021).

Хорос В. Заключение // Исламская цивилизация в глобализирующемся мире. М., 2011. С. 218–269.
Шахалилов Ш. Международный терроризм – глобальная угроза современному миру: учебное пособие. М., 2007.

Berman Sh. Islamism, Revolution and Civil Society // URL: <https://carnegieendowment.org/pdf/files/berman.pdf> (дата обращения: 11.11.2022).

Cesari J. Political Islam: more than Islamism // URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/12/5/299> Doi: <https://doi.org/10.3390/rel12050299> (дата обращения: 17.07.2022).

Cesari J. What is Political Islam? Boulder (CO), 2018.

Eposito J. Political Islam and the West // Joint Force Quarterly. 2000. №24. P. 49–55.

Gaub F. Islamism and Islamists // European Union Institute for Security Studies. October 2014. P. 1–4.

Hubbel B. The Roots of Modern Islamism // URL: https://csme.indiana.edu/documents/cirricula/mepolicycouncil_islamism.pdf (дата обращения: 12.11.2021).

Macias-Amoretti J. Political Islam: Discourse, Ideology and Power // URL: <https://www.e-ir.info/2014/03/03/political-islam-discourse-ideology-power> (дата обращения: 23.08.2022).

March A. Political Islam: Theory // The Annual Review of Political Science. 2015. Vol. 18. P. 103–123.

Mozaffari M. What is Islamism? History and Definition of a Concept // Totalitarian Movements and Political Religions. 2007. Vol. 8. № 1. P. 17–33.

Roy O. Globalized Islam: the search for New Umma // Journal for Studies of Islam and Muslim Societies. 2017. Vol. 7. № 1. P. 12–40.

Roy O. Islame et nationalisme // Pouvoirs. 2003. № 1. P. 45–53.

References

Gannushi R. Islam i demokratiia: preodolevaia predrassudki [Islam and Democracy: overcoming prejudice]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Grinin L. Islamizm i sovremennost' [Islamism and modernity] // Istoriia i sovremennost' [History and Modernity]. 2019. № 2. S. 3–35. (In Russ.)

Horos V. Zakliuchenie [Conclusion] // Islamskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushhemsia mire [Islamic Civilization in a Globalizing World]. Moskva, 2011. S. 218–269. (In Russ.)

Ibragim T. Klassicheskaia musul'manskaia tsivilizatsiia (cennosti i instituty) [Classical Muslim Civilization (values and institutions)] // Islamskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushhemsia mire [Islamic Civilization in a Globalizing World]. Moskva, 2011. S. 7–23. (In Russ.)

Ignatenko A. Samoopredelenie islamskogo mira [Self-determination of the Islamic world] // Islam i politika [Islam and Politics]. Moskva, 2001. S. 7–21. (In Russ.)

Kirabaev N. Na putiakh politiko-religioznogo dogmatizma: Ibn Taimiia [On the Paths of Political-Religious Dogmatism: Ibn Taimiia] // Politicheskaiia mysl' musul'manskogo srednevekov'ia [Islamic Civilization in a Globalizing World]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Kutb S. Vekhi na puti allaha [Milestones in the way of Allah] // URL: <https://hfire.ru/spirituality/vehina-puti-allaha-said-kutb-chitat-vehi-na-puti.html> (access date: 15.03.2021). (In Russ.)

Landa R. Politicheskii islam: predvaritel'nye itogi [Political Islam: preliminary results]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Malashenko A. Islam: vek XXI [Islam: century 21st]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Niiazi A. Vystuplenie v diskussii na temu Islamskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushhemsia mire [Presentation in the discussion on the topic Islamic Civilization in a Globalizing World] // Islamskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushhemsia mire [Islamic Civilization in a Globalizing World]. Moskva, 2011. S. 138–149. (In Russ.)

Razhbadinov M. Yegipetskoe dvizhenie “Brat'ev-musul'man” [Egyptian Muslim “Brotherhood movement”]. Moskva, 2003. (In Russ.)

Toynbee A. Islam, Zapad i budushee [Islam, West and Future] // Tsivilizatsiia pered sudom istorii [Civilization before the judgment of History]. Moskva, 2003. S. 381–389. (In Russ.)

Toynbee A. Mesto Islama v istorii [The place of Islam in History] // Tsivilizatsiia pered sudom istorii [Civilization before the judgment of History]. Moskva, 2003. S. 131–149. (In Russ.)

Turabi H. Tiur'ma – odno iz nemnoghich mest, gde chuvstvuetsia prisutstvie Boga [Prison is one of the few places where the presence of God is felt] // URL: <https://logmuslim.livejournal.com/16871.html> (access date: 17.10.2021). (In Russ.)

Shahalilov Sh. Mezhdunarodnyi terrorism – global'naia ugroza sovremennomu miru [International terrorism is a global threat to the modern world]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Berman Sh. Islamism, Revolution and Civil Society // URL: <https://carnegieendowment.org/pdf/files/berman.pdf> (access date: 11.11.2022).

Cesari J. Political Islam: more than Islamism // URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/12/5/299> (access date: 17.07.2022).

Cesari J. What is Political Islam? Boulder (CO), 2018.

Esposito J. Political Islam and the West // *Joint Force Quarterly*. Spring 2000. P. 49–55.

Gaub F. Islamism and Islamists // *European Union Institute for Security Studies*. October 2014. P. 1–4.

Hubbel B. The Roots of Modern Islamism // URL: https://csme.indiana.edu/documents/cirricula/mepolicycouncil_islamism.pdf (access date: 12.11.2021).

Macias-Amoretti J. Political Islam: Discourse, Ideology and Power // URL: <https://www.e-ir.info/2014/03/03/political-islam-discourse-ideology-power> (access date: 23.08.2022).

March A. Political Islam: Theory // *The Annual Review of Political Science*. 2015. Vol. 18. P. 103–123.

Mozaffari M. What is Islamism? History and Definition of a Concept // *Totalitarian Movements and Political Religions*. 2007. Vol. 8. № 1. P. 17–33.

Roy O. Globalized Islam: the search for New Umma // *Journal for Studies of Islam and Muslim Societies*. 2017. Vol. 7. № 1. P. 12–40.

Roy O. Islam et nationalism // *Pouvoirs*. 2003. № 1. P. 45–53.

DOI: 10.31857/S013038640018084-0

© 2023 г. О.А. ЧЕРНОВ

Н.В. ЧАРЫКОВ И Ф.Ф. МАРТЕНС: КАРЬЕРЫ ДВУХ ДИПЛОМАТОВ

Чернов Олег Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета (Самара, Россия).

E-mail: ochernow@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1783-8750; Researcher ID: M-8221-2013

Аннотация. Российский посланник в Нидерландах Н.В. Чарыков и член Совета МИД, профессор Ф.Ф. Мартенс были делегатами на второй Гаагской конференции мира и сыграли заметную роль в формировании системы международной безопасности. Однако на конференции их отношения испортились, и нашей целью является выявить причины их разногласий, которые не ограничиваются работой конференции. В публикации обращено внимание на период становления дипломатов, элементы их взглядов, ценностных ориентаций. Для рассмотрения поставленных вопросов были привлечены как официальные, делопроизводственные документы, так и источники личного происхождения. Хотя жизненные пути Чарыкова и Мартенса во многом схожи, но имеют они и существенные различия. По принципиальным вопросам формирования системы международной безопасности существенных расхождений между Чарыковым и Мартенсом не было. Оба полагали, что международные отношения должны формироваться через развитие институтов международной безопасности, создание норм международного права. Причины недоброжелательных отношений двух дипломатов носят субъективный характер. Мартенс испытывал чувство неприязни к Чарыкову, поскольку тот в силу своего происхождения находился выше в иерархии, что гарантировало ему по традиции, сложившейся в МИД Российской империи, преимущество в получении должностей. Мартенс хотел стать посланником в Нидерландах, но назначение досталось Чарыкову. Мартенс осуществил громадную работу по созыву второй Гаагской конференции, но Чарыков получил равный с ним статус в делегации и даже некоторое преимущество. Мартенс негативно относился к инициативам Чарыкова, считая, что они нарушают намеченную им стратегию и тактику. Показаны конкретные проявления детерминирующего воздействия субъективных факторов, элиминирующих механическое исполнение инструкций.

Ключевые слова: Н.В. Чарыков, Ф.Ф. Мартенс, Гаагская конференция мира, международная безопасность, международное право, дипломаты, международные конференции, Российская империя.

O.A. Chernov

Nikolay Charykov and Friedrich Martens: The Careers of Two Diplomats

Oleg Chernov, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).

E-mail: ochernow@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1783-8750; Researcher ID: M-8221-2013

Abstract. Nikolay Charykov and Friedrich Martens played a significant role in shaping the international security system. However, their activities at the Second Hague Conference went beyond cooperation and solidarity. The purpose of the article is to identify the reasons for the disagreement between the

two diplomats. The author believes that the reasons for the discord between Charykov and Martens went beyond the proceedings of the Second Hague Peace Conference. One should pay attention to the formation periods for the diplomats, the elements of their views and value systems. The author demonstrates that the life paths of both Charykov and Martens were in many ways similar, yet had significant differences as well. The author points out that there were no significant differences between Charykov and Martens on the fundamental issues of the formation of the international security system. Both believed that international relations should be shaped through the development of international security institutions and the creation of international law. The reasons for the enmity between the two diplomats were subjective. Martens disliked Charykov because, due to his background, the latter was higher in the hierarchy, which guaranteed him, according to tradition established in the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Empire, an advantage in obtaining appointments.

Keywords: Nikolay Charykov, Friedrich Martens, Hague Peace Conference, international security, international law.

Гаагские конференции мира заложили принципы современного международного права. Ощутимый вклад был внесен российскими делегатами, что нашло заметное отражение в историографии¹.

При этом в литературе отмечаются сложные взаимоотношения между членами российской делегации. Так, маститый юрист-международник Ф.Ф. Мартенс проявлял неприязнь к другому, не менее авторитетному делегату — Н.В. Чарыкову², назначенному вскоре после Гаагской конференции товарищем министра иностранных дел³.

Чем были вызваны разногласия Н.В. Чарыкова и Ф.Ф. Мартенса? Явились ли они отражением разных мировоззрений делегатов или же были явлением другого рода? Исследование данных вопросов стало целью представленной статьи.

Следует отметить работы, проливающие свет на биографию Мартенса⁴, хотя и в несколько апологетическом ключе, по мнению И.С. Рыбаченко⁵. Ряд исследований в большей или меньшей степени затрагивает разные аспекты жизненного пути дипломата Н.В. Чарыкова, оказавшего заметное влияние на формирование и реализацию внешнеполитического курса Российской империи⁶.

Подход, состоящий в обращении к непосредственному хронологическому отрезку, выпадающему на явный конфликтный момент, представляется недостаточным. Напротив, обращение к периоду становления личности, анализу мировоззрения персоналий и в особенности факторов его формирования позволяет лучше понять причины противостояния. В целом же наиболее продуктивным инструментом применительно к данной проблеме является просопографический метод, который и был положен в основу исследовательской работы.

Для рассмотрения поставленных вопросов были привлечены как официальные, делопроизводственные документы, так и источники личного происхождения. Следует отметить, что источниковая база применительно к двум персоналиям отличается. Так, не был обнаружен дневник Н.В. Чарыкова (за исключением раннего детского), но имеются его мемуары. Напротив, не опубликованы воспоминания Ф.Ф. Мартенса, но найден его личный дневник. Это порождает определенный диссонанс в сравнительном анализе. В случае с Н.В. Чарыковым речь идет об оценках, сформулированных существенно позднее, в ситуации Ф.Ф. Мартенса — о сиюминутном восприятии. Потому представляется необходимым привлечение

¹ Николаев Н.Ю. Россия и Гаагская мирная конференция 1899 года: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2001; Рыбачёнок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М., 2005; Ег же. Россия и вторая конференция мира 1907 года в Гааге // Новая и новейшая история. 2019. № 1. С. 113–146.

² Pustogarov V.V. Our Martens. International Lawyer and Architect of Peace / ed. and transl. by W.E. Butler. London; The Hague; Boston, 2000. P. 318.

³ Российский Государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1405. Оп. 528. Д. 230. Л. 7–8.

⁴ Пустогоаров В.В. «...С пальмовой ветвью мира». Ф.Ф. Мартенс — юрист, дипломат, публицист. М., 1993; Ег же. Ф.Ф. Мартенс — юрист, дипломат, публицист // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 141–147.

⁵ Рыбачёнок И.С. Заграничное турне профессора Ф.Ф. Мартенса // Вопросы истории. 2018. № 8. С. 100–122.

неопубликованной переписки, как личной, так и деловой. Причем в результате сравнительного анализа документов личного и делового характера были выявлены существенные аксиологические отличия.

Биограф Мартенса В.В. Пустогаров пишет, что «Федор Федорович родился 15 августа 1845 г. в бедной эстонской семье. Девяти лет мальчик остался сиротой и при содействии учителя местной школы был направлен в сиротский дом при лютеранской церкви Св. Петра в Санкт-Петербурге. За успехи в учебе его перевели в немецкое училище, где он и закончил гимназический курс. В 1863 г. он поступил на юридический факультет Петербургского университета. В детстве и юности его звали Фридрихом Фромгольдом, и так он значится в своих ранних публикациях. Федором Федоровичем он стал уже в зрелом возрасте после перехода в православие в связи с женитьбой»⁷.

Николай Валерьевич Чарыков же происходил из старинного российского дворянского рода⁸. Отцом его был В.И. Чарыков, видный деятель эпохи Великих реформ Александра II и вятский, минский и курский губернатор впоследствии. Его матерью была А.Д. Путилова — дочь самарского помещика. Николай появился на свет 8 января (по старому стилю, указанному в документах) 1855 г.⁹ В раннем возрасте мальчик остался без матери, но в отличие от Ф.Ф. Мартенса был на попечении отца и материально обеспечен, что позволило ему получить домашнее образование¹⁰, отправиться на учебу в Великобританию¹¹ и закончить затем Александровский Императорский (Царскосельский) лицей¹².

Мартенс окончил университет в 1867 г. и защитил выпускную работу «Об отношениях между Россией и Оттоманской империей в царствование императрицы Екатерины II»¹³. Для своей лицейской диссертации Чарыков избрал сходную тему — «История отношений России и западноевропейских держав с Турцией»¹⁴.

Мартенс выбрал для себя академическую карьеру при университете. По рекомендации профессора И.И. Ивановского, возглавлявшего кафедру международного права, он был оставлен на этой кафедре¹⁵. Следует отметить, что Чарыков также учился у И.И. Ивановского, преподававшего также и в Александровском лицее¹⁶.

⁶ Чернов О.А. Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н.В. Чарыкова. Самара, 2010; *Его же*. Ранние годы российского дипломата и ученого Н.В. Чарыкова. По документам Центрального государственного архива Самарской области // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 292–299; Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012; Почакаев Р.Ю. Российский фактор правового развития Средней Азии: 1717–1917. Юридические аспекты фронтальной модернизации. М., 2020; Синдеев А.А. Российское направление концерта держав в 1909 и 2019 гг. (подход Германии) // Весні БДПУ. Серія 2. Історія. Філософія. Палітологія. Соціологія. Економіка. Культурологія. 2020. № 4 (106). С. 79–83; Вишняков Я.В. Два взгляда на сербскую политику. Н.В. Чарыков и П.А. Капнист о внутриполитическом положении Сербского королевства и Балкан начала XX века // Славяноведение. 2021. № 5. С. 5–15; Кузьмичева Л.В. Российские дипломаты Н.В. Чарыков и В.Н. Штрандтман о причинах неудачи российского плана создания Балканской федерации // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 1–2. С. 154–170; Матвеева А.Г. Посольство Российской империи в Берлине о социалистическом движении в Германии в 1890–1898 годах. По материалам Архива внешней политики Российской империи // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 179–193; Пахомова Л.Ю. Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908). М., 2021.

⁷ Пустогаров В.В. Ф.Ф. Мартенс — юрист, дипломат, публицист. С. 141.

⁸ Центральный государственный архив Самарской области (далее — ЦГАСО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 16. Л. 34.

¹⁰ Tcharykow N.V. Glimpses of High Politics. London, 1931. P. 75.

¹¹ ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 74. Л. 214.

¹² Там же. Д. 78. Л. 349.

¹³ Рыбачёнок И.С. Заграничное турне профессора Ф.Ф. Мартенса. С. 102.

¹⁴ Tcharykow N.V. Glimpses of High Politics. P. 85.

¹⁵ Рыбачёнок И.С. Заграничное турне профессора Ф.Ф. Мартенса. С. 102.

¹⁶ ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 77. Л. 780.

В 1869 г. Мартенс защитил магистерскую диссертацию «О праве частной собственности во время войны» и был направлен на зарубежную стажировку. Там он слушал известных профессоров, в том числе Иоганна Каспара Блюнчли, разработчика кодекса международного права¹⁷, изучал его труды¹⁸. В 1873 г. Мартенс получил степень доктора наук, а три года спустя стал ординарным профессором Петербургского университета¹⁹.

В начале 1869 г. Мартенс был зачислен на службу в МИД по совместительству. Министр А.М. Горчаков дал поручение Мартенсу начать работу по созданию собрания трактатов и добился для него у императора разрешения пользоваться всеми необходимыми архивами²⁰.

В феврале 1876 г. приступил к работе в Московском главном архиве МИД Чарыков. В мае того же года он был назначен «исполнять должность правителя дел состоящей при Архиве комиссии печатания государственных грамот и договоров» и принял непосредственное участие в работе комиссии под руководством Мартенса²¹.

Начав работу в российском МИД, Мартенс предложил Горчакову выступить с инициативой заключения международной конвенции о законах и обычаях войны. Следя за франко-прусской войной 1870–1871 гг., Мартенс составил проект конвенции²². Стоит отметить в этой связи, что, еще будучи воспитанником пансионата до поступления в Лицей, Чарыков был неприятно поражен изменением отношений между преподавателями – французами и немцами – с началом франко-прусской войны. «Странно и жалко, – писал он, – что люди, жившие в согласии и дружбе, готовы из-за каприза какого-нибудь Наполеона или Вильгельма сделаться врагами»²³.

Против стремления славянофилов обособить Россию от Европы был направлен публицистический очерк Мартенса «Национальная политика князя Бисмарка», в котором подчеркивалось: Россия является неотъемлемой частью европейского культурно-исторического общества²⁴. В 1876 г. Н.В. Чарыков опубликовал работу «Посольство в Англию дворянина Григория Микулина в 1600 и 1601 гг.», где проводил мысль о единстве интересов государств европейского «христианско-культурного мира», включавшего в себя и Россию²⁵.

Оба деятеля состояли в Русском Императорском историческом обществе²⁶ и Обществе международного права²⁷. Причем Чарыков скромно признавал первенство Мартенса и других членов по сравнению с собой. «Один лишь мой молодой товарищ по канцелярии и я будем не “особными особами...”»²⁸ – самоиронично писал он отцу.

Мартенс, работая в архивах, использовал их материалы для написания ряда исторических очерков, публиковавшихся в 1882–1905 гг. в журналах «Вестник Европы» и «Русская мысль»²⁹. В тех же журналах примерно в то же время выходили и работы Чарыкова.

Несмотря на участие Мартенса во внешнеполитических процессах, он не занимал в российском МИД высокой должности. Пик его карьерного роста пришелся на 1881 г.: Мартенс был назначен членом Совета при министре иностранных дел. Чарыков выбрал в качестве ведущей не академическую деятельность, а дипломатическую, и планомерно поднимался по иерархии МИД – от сотрудника архива до заместителя министра и чрезвычайного и полномочного посла.

¹⁷ Рыбачёнок И.С. Заграничное турне профессора Ф.Ф. Мартенса. С. 103.

¹⁸ ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 78. Л. 220.

¹⁹ Рыбачёнок И.С. Заграничное турне профессора Ф.Ф. Мартенса. С. 103.

²⁰ Пустогаров В.В. Ф.Ф. Мартенс – юрист, дипломат, публицист. С. 142.

²¹ Российский Государственный архив древних актов. Ф. 180. Оп. 9. Ед. хр. 26. Л. 111 об.

²² Пустогаров В.В. Ф.Ф. Мартенс – юрист, дипломат, публицист. С. 142.

²³ ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 77. Л. 231.

²⁴ Пустогаров В.В. Ф.Ф. Мартенс – юрист, дипломат, публицист. 143.

²⁵ Чарыков Н.В. Посольство в Англию дворянина Григория Микулина в 1600 и 1601 гг. СПб., 1876.

²⁶ ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 84. Л. 58.

²⁷ Пустогаров В.В. Ф.Ф. Мартенс – юрист, дипломат, публицист. С. 144.

²⁸ ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 84. Л. 58.

²⁹ Пустогаров В.В. Ф.Ф. Мартенс – юрист, дипломат, публицист. С. 144.

Способности Мартенса ярко проявились при подготовке и проведении первой конференции мира в Гааге в 1899 г. Хотя Федор Федорович был убежденным поборником мирных отношений между государствами и понимал исключительную важность разоружения, новость о созыве Гаагской конференции он воспринял скептически, полагая совершенно нереальным побудить державы пойти даже на малейшее ограничение вооружений.

Чарыков, напротив, с восторгом принял идею первой Гаагской конференции. Он также был убежденным сторонником мира и участвовал в подготовке первой конференции, занимаясь вопросом об участии папы римского. «Черновую» подготовку конференции — как Мартенс — он не вел.

Мартенс обладал широким пониманием замыслов инициативы русской дипломатии, которая должна вылиться во всемирную конференцию с весомыми результатами. Он предложил трансформировать конференцию по разоружению в конференцию мира и вести ее работу по трем направлениям: собственно вопросы разоружения; средства поддержания международного мира; законы и обычаи войны. Кроме того, он помогал председателю конференции российскому дипломату Е.Е. Стаалу в ведении пленарных заседаний, а также работал в третьей комиссии.

Последним крупным делом Мартенса стала подготовка второй конференции мира в Гааге и участие в ее работе. Для Чарыкова это было первое мероприятие на столь масштабном уровне с его непосредственным участием.

В процессе подготовки конференции и Чарыков, и Мартенс заняли схожую позицию, возражая против передачи функций по подготовке второй конференции совету Постоянной палаты третейского суда в Гааге, созданного в соответствии с Конвенцией о мирном решении международных столкновений³⁰. О дальнейшем статусе этого органа Чарыков и Мартенс имели разные мнения.

В сентябре 1905 г. Мартенс высказался за включение в программу конференции вопроса об усовершенствовании третейского суда, считая пересмотр Конвенции 1899 г. о мирном разрешении международных столкновений «самой важной и самой благородной задачей»³¹.

Чарыков же в своем проекте программы второй конференции предлагал не брать обязательства о пересмотре или дополнении Конвенции, поскольку ряд государств выступил за придание третейскому суду характера международного политического органа. Кроме того, с оговоркой он поддержал идеи Н.А. Комарова: инициировать вопрос об открытии во время войны постоянной сессии Гаагского международного суда для рассмотрения споров, возникающих при применении на практике различных международных соглашений, касающихся морской и сухопутной войн.

Чарыков предлагал установить норму, согласно которой воюющие стороны подписывали бы специальную декларацию об обращении к нейтральному правительству, дабы оно предоставило возникший между ними спор по поводу нарушения конвенционных правил на решение Постоянной палаты третейского суда. Решение скорее всего будет носить лишь рекомендательный характер, считал Николай Валерьевич, однако польза для России в том, что ей будет принадлежать заслуга этой благородной идеи. Мартенс высказался против подобного замысла: воюющие государства не дадут согласия в период военных действий представить своих командующих на суд международного трибунала, и категорически отказывался юридически обосновывать идеи Чарыкова. Николай Валерьевич возражал и полагал желательным сохранить в программе конференции упоминание о сущности идеи. В конечном счете на совещании в МИД был принят текст обращения, в котором речь шла только о желательности «дальнейшего изыскания путей к усовершенствованию учреждений, созданных Первой конференцией»³².

³⁰ Рыбачёнок И.С. Россия и вторая конференция мира 1907 года в Гааге. С. 118.

³¹ Там же. С. 122.

³² Рыбачёнок И.С. Проекты усовершенствования деятельности Постоянной Палаты Третейского суда в Гааге в контексте подготовки Второй конференции мира 1907 г. // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Самара, 2019. С. 158.

Для понимания взглядов Мартенса весьма полезным является его дневник, позволяющий выявить его личную позицию, заметно отличавшуюся от того, что он писал в официальных документах. Применительно к организации внешней политики он отмечал: «Что творится в МИД и в области внешней политики — трудно себе вообразить. Господствует полный хаос»³³.

4 (17) января 1907 г. он записал: «Извольский обратился ко мне с просьбой взять на себя ведение всего дела о II мирной конференции в Гааге. Он чистосердечно сознался, что совершенно не знает этого дела и совсем не понимает, почему «мы (Ламздорф и Мартенс. — О. Ч.) затеяли это дело. ... Как бы то ни было, Извольский приказал передать мне все картоны дела II Гаагской конференции... и откомандировал в полное мое распоряжение... Б.Э. Нольде, которого я сам выбрал и знаю его как отличного и знающего работника»³⁴. После ознакомления с дипломатической перепиской на данный счет Мартенс заявил о полной бесполезности конференции. Чарыков, напротив, увлеченно занимался ее подготовкой.

Заметим, что в дневнике картина событий выглядит так, как будто бы Мартенс узнал о подготовке второй конференции от Извольского и был ее плану весьма удивлен. Однако на самом деле Мартенс изначально был в курсе событий. Так, в письме от 3 (16) декабря 1905 г., т.е. задолго до разговора с Извольским, Мартенс писал Ламздорфу: «На основании полученного мною, по приказанию Вашего Сиятельства, материалов для выработки программы второй мирной Конференции в Гааге... я составил проект такой программы»³⁵.

Очевидно, что позиция Мартенса диктуется очередной обидой. В записи от 2 (15) января 1906 г. он пишет: «Для характеристики моих отношений с гр. Ламздорфом и моего положения в МИД приведу следующий факт из последнего времени. Граф в сентябре просил меня взять на себя председательство в двух комиссиях для составления программы будущей конференции и составить проект оной. В половине декабря я составил такой проект и представил графу. Но делопроизводитель Первого департамента Приклонский составил в отмену моего проекта свой собственный. Директор Гартвиг вполне его одобрил и поддерживает! Министр также. Таким образом, два филолога (Приклонский и Гартвиг. — О. Ч.) вместе с бывшим воспитанником Пажеского корпуса Ламздорфом пришли к убеждению, что они лучше меня знают международное право и деятельность на международных конференциях. Я категорически отказался рассматривать новую программу и сказал, что они могут делать что и как хотят»³⁶.

Заключение о бесполезности предварительной переписки также нуждается в пояснении, ибо Мартенс сам отмечал в официальной записке к Ламздорфу: «... сообщение... программы всем державам, приглашенным на новую мирную Конференцию, было бы пока достаточно для определения главнейших вопросов, могущих подлежать обсуждению. ... В настоящее время мне думается только желательно вызвать предварительный обмен мыслей между Правительствами»³⁷. Однако впоследствии в личном дневнике он критиковал способ взаимодействия через переписку, настаивая на необходимости поездки в Западную Европу для проведения переговоров очного характера.

В ходе этой поездки Мартенс побывал в Нидерландах: «В Гааге... я жил у нашего посланника Н.В. Чарыкова»³⁸. Посетив Бельгию и Люксембург, где имел разговор с послом А.И. Нелидовым, Федор Федорович отметил: «Старик ужасно увлекается Гаагской конференцией, на которой должен председательствовать, но боюсь, что он много сделает

³³ Политика России 1905–1907 годов. Из дневника Ф.Ф. Мартенса // Международная жизнь. 1996. № 1. С. 106.

³⁴ Там же. 1997. № 4. С. 101.

³⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 4924. Л. 41.

³⁶ Политика России 1905–1907 годов. Из дневника Ф.Ф. Мартенса. 1996. № 4. С. 104.

³⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 4924. Л. 41–41 об.

³⁸ Политика России 1905–1907 годов. Из дневника Ф.Ф. Мартенса. 1997. № 4. С. 104.

глупостей. Он не хочет, чтобы Чарыков был русским уполномоченным. Очевидно он узнал его неимоверную глупость»³⁹.

Учтем, что сам Мартенс не смог получить должность первого уполномоченного, хотя весьма этого желал. В 1899 г. председателем был Е.Е. Стааль, а в 1907 г. А.И. Нелидов. Очевидно, что в основе неприязни и к Чарыкову лежат неудовлетворенные амбиции Мартенса. Ситуация усугублялась тем, что тот сначала получил равный с Мартенсом статус. Затем Чарыков был назначен посланником в Гаагу; на эту должность претендовал и Мартенс, мечтая выйти из атмосферы «министерских козней и интриг»⁴⁰. Федор Федорович считал, «что он справится лучше, чем граф Капнист, с представлением России на Берлинской конференции по Африке; что лучше, чем де Сталь, он мог председательствовать на Гаагской конференции 1899 г.; что он знал больше и был более опытен, чем князь Оболенский; что он имел большее знание и понимание международной жизни, чем Чарыков...». Вопрос был решен императором, который сделал выбор в пользу Чарыкова⁴¹.

Амбиции и обиды Мартенса были небеспочвенны. Так, пытаясь рассеять пессимизм Мартенса относительно перспектив конференции, Извольский сказал ему: «...если при Ваших талантах и Вашем имени Вам удастся свести все к благополучному концу, то великое Вам будет спасибо!»⁴².

Сказать, что Мартенс был в изоляции, как он это транслирует в дневнике, нельзя. Извольский держал его в курсе замыслов других членов делегации. В частности, Мартенс благодарил министра за предоставление частных (!) писем Чарыкова, которые убедили его в собственной правоте.

В этих письмах излагалась позиция Чарыкова по ряду вопросов, в том числе как использовать растущую агрессивность Японии в своих интересах. «Имея в виду заботливость Японии казаться цивилизованной державой и заручаться... почтением западного общественного мнения и тот факт, что собранию II конференции уже раз помешала война Японии с нами... японцы не решатся напасть на нас ни перед конференцией... ни сейчас же после»⁴³, — размышлял он и предлагал объявить о созыве конференции как можно быстрее, но дату назначить самую отдаленную, что позволит России выиграть время.

Касательно Германии Чарыков обращал внимание на то, что та настроена достаточно миролюбиво, но опасается оказаться на данной конференции в изоляции, и высказался за то, чтобы поддержать ее. Тогда конференция, в итогах которой российское правительство с точки зрения своих интересов сомневалось, «может принести и политическую пользу»⁴⁴.

Несмотря на благосклонность министра, сам Мартенс оценивал Извольского весьма негативно. Комментируя кадровую политику министра, он отметил: «...Извольский — это не министр иностранных дел, не государственный муж, а избалованная, капризная женщина, которая имеет полную возможность дать свободу своим нервам»⁴⁵.

Еще более язвительно Мартенс отзывался об Извольском в процессе подготовки второй Гаагской конференции, считая, что тот всецело находится под влиянием германского императора: «Все это удивительно глупо, и я должен сказать, что покойный Ламздорф был глуп — это несомненно, но при нем ни Германия, ни другая держава так не управляли русским министерством иностранных дел»⁴⁶.

В литературе отмечается, что именно в письме Чарыкова от 3 (16) мая 1906 г. была впервые сформулирована мысль о «пользе создания среди 46 участников конференции ...некоего внутреннего круга, который составил бы из главных европейских кабинетов... и который

³⁹ Там же.

⁴⁰ Рыбачёнок И.С. Заграничное турне профессора Ф.Ф. Мартенса. С. 105.

⁴¹ Pustogarov И.И. *Op. cit.* P. 238.

⁴² Политика России 1905–1907 годов. Из дневника Ф.Ф. Мартенса. 1997. № 4. С. 107.

⁴³ АВПРИ. Ф. Личный архив А.П. Извольского. Оп. 835. Д. 22. Л. 6 об.

⁴⁴ Там же. Л. 10–10 об.

⁴⁵ Политика России 1905–1907 годов. Из дневника Ф.Ф. Мартенса. 1997. № 4. С. 105.

⁴⁶ Там же. С. 106.

путем предварительного дружеского интимного взаимного соглашения дал бы тон и директиву всемирному съезду». Таким образом, «оригинальным в записке Ф.Ф. Мартенса было только обозначение места встречи — любимый им Париж»⁴⁷. Тем не менее в самой идее Чарыков и Мартенс были единомышленниками.

Во время проведения второй Гагской конференции недовольство Мартенса деятельностью других российских представителей нарастало: «Во II комиссии наш генерал Ермолов прочел удивительно бездарную и бессодержательную речь об объявлении войны. Сперва он прочел ее на совещании у Нелидова. Я пришел в ужас от нее. Но все другие, исключая Нелидова, рукоплескали. Потом я доказал Чарыкову всю глупость этой речи, от которой он сам был в восторге»⁴⁸.

Пиком раздражения Мартенса на Чарыкова стал момент, когда в ходе работы IV (Морской) комиссии тот предложил установить правило осуществления нейтральным государством его прав: действия нейтрального государства не должны рассматриваться как недружелюбный акт любой из воюющих сторон. Мартенс возразил, что такое условие было не нужно в силу того, что само соглашение составило совершенно новое регулирование. Чарыков полагал, что данным правилом нейтральные государства будут гарантированно защищены от критики и жалоб. «Кажется удачным, что статья 26⁴⁹ не была устранена» — подчеркивалось ее значение в периодической печати⁵⁰. В целом инициатива вызвала столь сильное негодование Мартенса, что он в своем дневнике назвал Чарыкова «дураком»⁵¹.

Чарыков имел свое мнение по вопросам о неприкосновенности частной собственности на море во время войны, об определении предметов военной контрабанды, о снабжении топливом кораблей воюющих держав в нейтральных портах⁵². Самовольные действия Чарыкова вызвали негативное отношение Мартенса. Это объяснялось еще и тем, что он создал эту особую комиссию, можно сказать, именно для себя: «Я устроил разделение конференции на четыре комиссии. Председателем IV-й комиссии был избран я. Это самая трудная комиссия, ибо в ней должны разбираться вопросы морской войны»⁵³.

Мартенс подавал себя как жертву интриг и несправедливого отношения, однако стоит отметить, что он был весьма выгодно женат. В 1879 г. Мартенс женился на Катарине-Марии-Луизе (Екатерине Николаевне) Тур — дочери сенатора, тайного советника Николая Андреевича Тура, что несомненно улучшило положение Федора Федоровича в обществе⁵⁴. Чарыков же женился на девушке из небогатой и сравнительно незнатной семьи⁵⁵, что вызывало язвительные оценки со стороны некоторых других дипломатов⁵⁶. К тому же Николай Валерьевич находился в достаточно прохладных отношениях с прогерманской придворной партией⁵⁷.

Оценка фигуры Мартенса в кругах высшей бюрократии Российской империи в целом не была однозначной. Министр Извольский, как отмечалось выше, благосклонно

⁴⁷ Рыбачёнок И.С. Заграничное турне профессора Ф.Ф. Мартенса. С. 111.

⁴⁸ Политика России 1905–1907 годов. Из дневника Ф.Ф. Мартенса. 1997. № 4. С. 109.

⁴⁹ Статья 26. Осуществление нейтральной державою прав, определенных настоящей Конвенцией, никогда не может быть сочтенным за действие недружелюбной тем или другим из воюющих, принявшим относящиеся к сему статьи. XIII Гагская конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны 1907 года. Вторая конференция мира, 1907. СПб., 1908. С. 293.

⁵⁰ The Hague Convention Respecting the Rights and Duties of Neutral Powers in Naval War // The American Journal of International Law. 1908. Vol. 2. № 3. P. 526.

⁵¹ Pustogarov V.V. Op. cit. P. 318.

⁵² Tcharykow N.V. Glimpses of High Politics. P. 257–259.

⁵³ Рыбачёнок И.С. Россия и вторая конференция мира 1907 года в Гааге. С. 137.

⁵⁴ Рыбачёнок И.С. Заграничное турне профессора Ф.Ф. Мартенса. С. 103.

⁵⁵ Сиверс А.А. Генеалогические разведки. Вып. 1. СПб., 1913. С. 68.

⁵⁶ Хевролина В.М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М., 2009. С. 159.

⁵⁷ Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920: в 2-х кн. Кн. 1. М., 1993. С. 209.

относился к нему, а, например, секретарь Российского исторического общества А.А. Половцов отметил в дневнике эпизод заседания: «Мартенс душит нас рассказом, достойным сельского школьного учителя, о сношениях России с Пруссией во время Отечественной войны. С трудом прерываю этот педантический, бездарный рассказ...»⁵⁸. Критически отзывался о Мартенсе и С.Ю. Витте: «Ф.Ф. Мартенс скучен, любимая тема его — воспоминания о тех международных конференциях, где он работал экспертом»⁵⁹. Заметим, что и к Чарыкову Витте относился весьма скептически⁶⁰.

Позиции Мартенса и Чарыкова различались в ряде вопросов на подготовительном этапе. Сохранившиеся источники не позволяют с точностью установить юридические нюансы, в которых расходились Мартенс и Чарыков непосредственно на конференции. Сложность проведения фронтального компаративного анализа состоит и в том, что Мартенс был признанным специалистом, теоретиком, экспертом в области международного права, автор фундаментальных трудов, в которых детальным образом излагалось множество проблем международного права и вариантов их решения. Чарыков был в большей степени международником-практиком, а не юристом-теоретиком высокого класса, он формулировал идеи, зачастую не прорабатывая их детально, возлагая эту функцию на юристов МИД. Именно это стало причиной крайнего раздражения и критики в адрес Н.В. Чарыкова со стороны ученика Ф.Ф. Мартенса и также весьма авторитетного ученого и специалиста в области международного права М.А. Таубе⁶¹.

Трудность выявления элементов конфликта заключается еще и в том, что Мартенс как в данном случае, так и во многих других ситуациях не выносил раздражение и недовольство в деловую документацию и публичные выступления, а демонстрировал свои чувства в личном дневнике. В документах делового характера нет свидетельств личного противостояния между Чарыковым и Мартенсом, а имеют место лишь иные подходы к решению некоторых вопросов, но никак не конфликт.

Противоречивые оценочные суждения содержатся и в бумагах Чарыкова. В деловой переписке 1906 г. он с тревогой пишет: «Возникает опасность создания “международного парламента” с изъятием упомянутой деятельности из-под контроля правительств, осуществляемого через их ответственных дипломатических представителей»⁶². В воспоминаниях, изданных в 1931 г., он характеризовал Гаагские конференции положительно и называл «Первым парламентом Человечества»⁶³.

Явное расхождение научно-дипломатического характера, нашедшее отражение в источниках, состоит в разном понимании отсутствия или же необходимости установления специальной юридически оформленной нормы в отношении прав нейтральных государств при военном конфликте двух стран. Норма, на которой настаивал Чарыков, вопреки мнению Мартенса, была в общем установлена. Ее значимость Чарыков аргументировал спустя время своим опытом: она позволила ему, будучи послом в Турции, добиться разрешения для прохода российских кораблей, шедших с грузом в порты Италии, через проливы Босфор и Дарданеллы, несмотря на итало-турецкую войну⁶⁴.

Достижения Мартенса на Гаагских конференциях, не считая огромной подготовительной, организационной и экспертной работы в целом, были воплощены в Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны⁶⁵.

⁵⁸ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: в 2-х т. Т. 1. М., 2005. С. 319.

⁵⁹ Ильин С.В. Витте. М., 2006. С. 287.

⁶⁰ Витте С.Ю. Воспоминания: в 3-х т. Т. 3. М., 1960. С. 525–526.

⁶¹ Таубе М.А. «Зарницы». Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России. (1900–1917). М., 2007. С. 110–112.

⁶² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 4906. Л. 3. Доверительная записка Д.С.С. Чарыкова. 31 мая 1906 г.

⁶³ Tcharykow N.V. Glimpses of High Politics. P. 260.

⁶⁴ Ibid. P. 259.

⁶⁵ Пустогаров В.В. «...С пальмовой ветвью мира». С. 268–269.

Применительно к разногласиям Чарыкова и Мартенса возникает вопрос: почему российские делегаты выступили с разными позициями непосредственно на конференции? Очевидно, что подобные инциденты должны исключаться еще на этапе подготовки через выстраивание персуазивности, если речь идет именно о дискуссии научно-дипломатического характера. Причины организационных проблем в деятельности российской делегации и координации действий ее участников, очевидно, нуждаются в дальнейшем исследовании. Тем более что конфликтом Чарыкова и Мартенса это не исчерпывается. Их противостояние очень показательно в силу наиболее высокого статуса в делегации, за исключением Нелидова.

На склоне лет Мартенс писал: «Горжусь, что помогал создавать по мере сил основы для общей жизни народов. Я спокойно могу закрыть свои глаза. Ни в России, ни во всем мире меня не забудут после моей смерти, и моя деятельность на пользу развития международного права не будет забыта»⁶⁶. В недочетах управления делегацией и конференцией Федор Федорович обвинял Нелидова, «который совсем не понимал своей роли председателя конференции и представителя России. Он был вообще очень слаб и непростительно равнодушен к моим стараниям»⁶⁷.

В отчете Морского министерства подчеркивалась выдающаяся роль Чарыкова, который «постепенно создал вокруг данного вопроса такую обстановку, что под конец конференции взгляды России стали находить все большее и большее число сторонников»⁶⁸. На закате своего жизненного пути, будучи в вынужденной эмиграции, Чарыков написал статью об относительности мирных договоров⁶⁹, а также оставил свое мнение о Гаагской конференции в воспоминаниях, где отметил и свой вклад в создание международного права⁷⁰.

Сравнение биографических линий Чарыкова и Мартенса приводит к выводу, что их судьбы во многом похожи, сходились они и во взглядах относительно международной безопасности — оба были за мирное урегулирование международных проблем. Расхождения заметны в практике и самооценке. С точки зрения Мартенса, он вел большую подготовительную работу, а Чарыков использовал ее результаты, высказывая свое мнение и занимая самостоятельную позицию в тактике переговоров вразрез с позицией Мартенса. Федор Федорович полагал, что именно он знает глубоко вопрос о Гаагской конференции, а Чарыков — поверхностно, поскольку не занимался его подготовкой. Действительно, можно признать, что Мартенс — более осведомленный теоретик, Чарыков в меньшей степени владел теоретическими тонкостями международного права, однако был компетентнее в дипломатической практике.

Свою роль играл и возрастной фактор. Мартенс был старше Чарыкова и считал, что гораздо более, чем тот, заслуживает наград и повышения. Чарыков ввиду своей более высокой должности полагал, что наделен исключительными политическими полномочиями. Причем в источниках нет информации, позволяющей установить, что он испытывал пренебрежение либо ответное негативное отношение к Мартенсу.

Отметим, что среди сотрудников российского МИД действительно была как гласная, так и негласная иерархия. Должности консулов и юристов-советников рассматривались как второстепенные. Назначения на них производились из менее привилегированных слоев. Послы и посланники были из потомственных дворян⁷¹. Прослеживается и неприязнь сотрудников МИД, имевших небольшие шансы на получение высоких должностей

⁶⁶ Пустогаров В.В. Ф.Ф. Мартенс — юрист, дипломат, публицист. С. 147.

⁶⁷ Политика России 1905—1907 годов. Из дневника Ф.Ф. Мартенса. 1997. № 4. С. 111.

⁶⁸ Рыбачёнок И.С. Россия и вторая конференция мира 1907 года в Гааге. С. 137.

⁶⁹ Чернов О.А. Мирные договоры и проблемы международной безопасности: концепция Н.В. Чарыкова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18. № 3. С. 290—294.

⁷⁰ Tcharykow N.V. Relativity in treaties of peace // The Contemporary Review. 1928. P. 191—194.

⁷¹ Григорьев Б.Н. Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. М., 2010. С. 347.

по причине недворянского происхождения, к дипломатам из дворян, занимавших высокие назначения, порой независимо от уровня образования и способностей.

Таким образом, применительно к конфликту Ф.Ф. Мартенса и Н.В. Чарыкова следует отметить его неявный характер. Важно, что речь идет не о расхождениях в мировоззрении и стратегии относительно проблем международной безопасности, а скорее о разном понимании задач. Разногласия в значительной степени были детерминированы такими факторами, как происхождение, возраст, образование и воспитание, и лежат в плоскости субъективной практики, конкуренции и межличностной борьбе, а также методах работы.

Библиография

- Витте С.Ю.* Воспоминания: в 3-х т. Т. 3. М., 1960.
- Вишняков Я.В.* Два взгляда на сербскую политику. Н.В. Чарыков и П.А. Капнист о внутривосточном положении Сербского королевства и Балкан начала XX века // Славяноведение. 2021. № 5. С. 5–15.
- Григорьев Б.Н.* Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. М., 2010.
- Ильин С.В.* Витте. М., 2006.
- Императорское Русское Историческое Общество. Пг., 1916.
- Кузьмичева Л.В.* Российские дипломаты Н.В. Чарыков и В.Н. Штрандтман о причинах неудачи российского плана создания Балканской федерации // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 1–2. С. 154–170.
- Матвеева А.Г.* Посольство Российской империи в Берлине о социалистическом движении в Германии в 1890–1898 годах. По материалам Архива внешней политики Российской империи // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 179–193.
- Михайловский Г.Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920: в 2-х кн. Кн. 1. М., 1993.
- Николаев Н.Ю.* Россия и Гагская мирная конференция 1899 года: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2001.
- Пахомова Л.Ю.* Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908). М., 2021.
- Политика России 1905–1907 годов. Из дневника Ф.Ф. Мартенса // Международная жизнь. 1996. № 1. С. 99–107; № 4. С. 104–112; 1997. № 4. С. 101–111.
- Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: в 2-х т. Т. 1. М., 2005.
- Почкаев Р.Ю.* Российский фактор правового развития Средней Азии: 1717–1917. Юридические аспекты фронтальной модернизации. М., 2020.
- Пустогаров В.В.* «...С пальмовой ветвью мира». Ф.Ф. Мартенс – юрист, дипломат, публицист. М., 1993.
- Пустогаров В.В.* Ф.Ф. Мартенс – юрист, дипломат, публицист // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 141–147.
- Рыбачёнок И.С.* Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М., 2005.
- Рыбачёнок И.С.* Заграничное турне профессора Ф.Ф. Мартенса // Вопросы истории. 2018. № 8. С. 100–122.
- Рыбачёнок И.С.* Россия и вторая конференция мира 1907 года в Гааге // Новая и новейшая история. 2019. № 1. С. 113–146.
- Рыбачёнок И.С.* Проекты усовершенствования деятельности Постоянной Палаты Третейского суда в Гааге в контексте подготовки Второй конференции мира 1907 г. // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Самара, 2019. С. 152–159.
- Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.
- Синдеев А.А.* Российское направление концерта держав в 1909 и 2019 гг. (подход Германии) // Весті БДПУ. Серія 2. Гісторія. Філософія. Палітологія. Сацьялогія. Экономіка. Культуралогія. 2020. № 4 (106). С. 79–83.
- Сиверс А.А.* Генеалогические разведки. Вып.1. СПб., 1913.
- Таубе М.А.* «Зарницы». Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М., 2007.
- Хевролина В.М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М., 2009.
- Чернов О.А.* Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н.В. Чарыкова. Самара, 2010.
- Чернов О.А.* Ранние годы российского дипломата и ученого Н.В. Чарыкова. По документам Центрального государственного архива Самарской области // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 292–299.

Чернов О.А. Мирные договоры и проблемы международной безопасности: концепция Н.В. Чарыкова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18. № 3. С. 290–294.

Чернов О.А. Эпоха и личность Петра I в исследованиях Николая Валерьевича Чарыкова // Вестник МГИМО-Университета. 2022. № 15 (5). С. 7–26.

Чарыков Н.В. Карл Осипович Хис. СПб., 1902.

Чарыков Н.В. Посольство в Англию дворянина Григория Микулина в 1600 и 1601 гг. СПб., 1876.

Pustogarov V.V. Our Martens. International Lawyer and Architect of Peace / ed. and transl. by W.E. Butler. London; The Hague; Boston, 2000.

Tcharykow N.V. Un voyage dans l'Ouzbekistan en 1670 // Труды Третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге. Т. I. СПб., 1879–80. P. 595–604.

Tcharykow N.V. Relativity in treaties of peace // The Contemporary Review. 1928. P. 191–194.

Tcharykow N.V. Glimpses of High Politics. London, 1931.

References

Charykov N.V. Karl Osipovich His [Karl Osipovich His]. Sankt-Peterburg, 1902. (In Russ.)

Charykov N.V. Posol'stvo v Angliju dvorjanina Grigorija Mikulina v 1600 i 1601 gg. [Embassy of the nobleman Grigory Mikulin to England in 1600 and 1601 gg.]. Sankt-Peterburg, 1876. (In Russ.)

Chernov O.A. Diplomaticheskaja dejatel'nost' i istoricheskie vzgljady N.V. Charykova [Diplomatic activity and historical views of N.V. Charykov]. Samara, 2009. (In Russ.)

Chernov O.A. Jepoha i lichnost' Petra I v issledovanijah Nikolaja Valer'evicha Charykova [The Epoch and Personality of Peter the Great in Nikolay Charykov's Research] // Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin of the Moscow State Institute of International Relations]. 2022. № 15 (5). S. 7–26. (In Russ.)

Chernov O.A. Mirnye dogovory i problemy mezhdunarodnoj bezopasnosti: koncepcija N.V. Charykova [Peace treaties and the problem of international security: the concept of N.V. Charykov] // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Istoriya. Mezhdunarodnye otnoshenija [News of Saratov University. A new series. Series: History. International relations]. 2018. T. 18. № 3. S. 290–294. (In Russ.)

Chernov O.A. Rannie gody rossijskogo diplomata i uchenogo N.V. Charykova. Po dokumentam Central'nogo gosudarstvennogo arhiva Samarskoj oblasti [Early years of the Russian diplomat and scientist N.V. Charykov. According to the documents of the Central State Archives of the Samara Region] // Vestnik arhivista [Archivist's Bulletin]. 2012. № 4. S. 292–299. (In Russ.)

Grigor'ev B.N. Povsednevnaia zhizn' carskih diplomatov v XIX veke [The daily life of royal diplomats in the 19th century]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Hevrolina V.M. Rossijskij diplomat graf Nikolaj Pavlovich Ignat'ev [Russian diplomat Count Nikolai Ignatieff]. Moskva, 2009. (In Russ.)

I'in S.V. Vitte [Vitte]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Imperatorskoe Russkoe Istoricheskoe Obshhestvo [Imperial Russian Historical Society]. Sankt-Peterburg, 1916. (In Russ.)

Kuz'micheva L.V. Rossijskie diplomaty N.V. Charykov i V.N. Shtrandtman o prichinah neudachi rossijskogo plana sozdanija Balkanskoj federacii [Russian diplomats N.V. Charykov and V.N. Strandtmann on the reasons for the failure of the Russian plan to create a Balkan Federation] // Slavjanskij mir v tret'em tysjachiletii [The Slavic World in the Third Millennium]. 2021. T. 16. № 1–2. S. 154–170. (In Russ.)

Matveeva A.G. Posol'stvo Rossijskoj imperii v Berline o socialisticheskom dvizhenii v Germanii v 1890–1898 godah. Po materialam Arhiva vneshnej politiki Rossijskoj imperii [Embassy of the Russian Empire in Berlin on the socialist movement in Germany in 1890–1898] // Novaya i Novejšaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 5. S. 179–193. (In Russ.)

Mihajlovskij G.N. Zapiski. Iz istorii rossijskogo vneshnepoliticheskogo vedomstva. 1914–1920 [Note. From the history of the Russian Foreign Ministry. 1914–1920]: v 2-kh kn. Kn. 1. Moskva, 1993. (In Russ.)

Nikolaev N.Ju. Rossija i Gaagskaja mirnaja konferencija 1899 goda [Russia and the Hague Peace Conference of 1899]: dis. ... kand. ist. nauk. Volgograd, 2001. (In Russ.)

Pahomova L.Ju. Balkanskij lakmus. Avstro-vengerskaja politika v Bosnii i Gercegovine i rossijskaja diplomatija (1878–1908) [Balkan litmus. Austro-hungarian policy in Bosnia and Herzegovina and Russian diplomacy, 1878–1908]. Moskva, 2021. (In Russ.)

Pochekaev R.Ju. Rossijskij faktor pravovogo razvitija Srednej Azii: 1717–1917. Juridicheskie aspekty frontirnoj modernizacii [The Russian Factor in the Legal Development of Central Asia: 1717–1917. Legal Aspects of Frontier Modernization]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Politika Rossii 1905–1907 godov. Iz dnevnika F.F. Martensa [Russian Policy of 1905–1907. From the diary of F.F. Martens] // Mezhdunarodnaja zhizn' [International affairs]. 1996. № 1. S. 99–107; № 4. S. 104–112; 1997. № 4. S. 101–111. (In Russ.)

- Polovtsov A.A.* Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya. [Diary of the Secretary of State]: v 2-kh t. T. 1. Moskva, 2005. (In Russ.)
- Pustogarov V.V.* "...S pal'movoj vetv'ju mira". F.F. Martens – jurist, diplomat, publicist ["... With the palm branch of the world". F.F. Martens – lawyer, diplomat, publicist]. Moskva, 1993. (In Russ.)
- Pustogarov V.V.* F.F. Martens – jurist, diplomat, publicist [F.F. Martens – lawyer, diplomat, publicist] // Voprosy istorii [Questions of history]. 1999. № 7. S. 141–147. (In Russ.)
- Rybachenok I.S.* Proekty usovershenstvovaniya dejatel'nosti Postojannoj Palaty Tretejskogo suda v Gaage v kontekste podgotovki Vtoroj konferencii mira 1907 g. [Projects of improving of the activities of the permanent court of arbitration in Hague in the context of the preparation for the Second peace conference of 1907] // Vneshnepoliticheskie interesy Rossii: istorija i sovremennost' [Foreign policy interests of Russia: history and modernity]. Samara, 2019. S. 152–159. (In Russ.)
- Rybachenok I.S.* Rossija i Pervaja konferencija mira 1899 goda v Gaage [Russia and the First World Conference of 1899 in The Hague]. Moskva, 2005. (In Russ.)
- Rybachenok I.S.* Rossija i vtoraja konferencija mira 1907 goda v Gaage [Russia and the Second Hague Conference 1907] // Novaya i Novejšhaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2019. № 1. S. 113–146. (In Russ.)
- Rybachenok I.S.* Zagranichnoe turne professora F.F. Martensa [Professor F.F. Martens' Overseas Tour] // Voprosy istorii [Questions of history]. 2018. № 8. S. 100–122. (In Russ.)
- Sergeev E.Ju.* Bol'shaja igra, 1856–1907: mify i realii rossijsko-britanskih otnoshenij v Central'noj i Vostochnoj Azii [The Great Game, 1856–1907: Myths and Realities of Russian-British Relations in Central and East Asia]. Moskva, 2012. (In Russ.)
- Sindeev A.A.* Rossijskoe napravlenie koncerta derzhav v 1909 i 2019 g. (podhod Germanii) [Russian direction of the concert of powers in 1909 and 2019 (Germany's approach)] // Vesci BDPU. Seryja 2. Gistoryja. Filosofija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Kul'turalogija [News of the Belarusian State Pedagogical University. Series 2. History. Philosophy. Political science. Sociology. Economy. Cultural studies]. 2020. № 4 (106). S. 79–83. (In Russ.)
- Sivers A.A.* Genealogicheskie razvedki [Genealogical intelligence]. Vyp. 1. Sankt-Peterburg, 1913. (In Russ.)
- Vishnjakov Ja.V.* Dva vzgljada na serbskiju politiku. N.V. Charykov i P.A. Kapnist o vnutripoliticheskom položenii Serbskogo koroľevstva i Balkan nachala XX veka [Two views on Serbian politics. N.V. Charykov and P.A. Kapnist about the internal political situation in the kingdom of Serbia and in the Balkans at the beginning of the 20th century] // Slavjanovedenie [Slavonic studies]. 2021. № 5. S. 5–15. (In Russ.)
- Vitte S.Yu.* Vospominaniya [Memories]: v 3-kh t. T. 3. Moskva, 1960. (In Russ.)
- Pustogarov V.V.* Our Martens. International Lawyer and Architect of Peace / ed. and transl. by W.E. Butler. London; The Hague; Boston, 2000.
- Tcharykow N.V.* Un voyage dans l'Ouzbekistan en 1670 // Trudy Tret'ego mezhdunarodnogo s'ezda orientalistov v S.-Peterburge [Proceedings of the Third International Congress of Orientalists in St. Petersburg]. T. I. Sankt-Peterburg, 1879–80. P. 595–604.
- Tcharykow N.V.* Relativity in treaties of peace // The Contemporary Review. 1928. P. 191–194.
- Tcharykow N.V.* Glimpses of High Politics. London, 1931.

DOI: 10.31857/S013038640025917-6

© 2023 г. Д.В. ЛИХАРЕВ

АРТУР ДЖЕЙКОБ МАРДЕР – ПЕВЕЦ БРИТАНСКОЙ МОРСКОЙ МОЩИ

Лихарев Дмитрий Витальевич – доктор исторических наук, профессор Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия).

E-mail: liharev.dv@dyfu.ru

Scopus Author ID: 57195531151; ORCID: 0000-0001-5404-4875; Researcher ID: AAE-2315-2020

Аннотация. В статье проводится анализ научной и творческой карьеры Артура Джейкоба Мардера (1910–1980) – крупнейшего исследователя морской политики Великобритании. Несмотря на диплом выпускника Гарвардского университета, в 1930-х годах Мардер столкнулся с серьезными трудностями в поисках работы по специальности по причине национальных предрассудков в некоторых американских университетах того времени. Своей научной специализацией Мардер избрал морскую политику Великобритании конца XIX – начала XX в. Ключевой темой в этой проблематике являются реформы адмирала Дж.А. Фишера, под руководством которого прошло преобразование британского военного флота накануне Первой мировой войны. Первая монография Мардера «Анатомия британской морской мощи» увидела свет в 1940 г. Столкнувшись с ограничениями, связанными с доступом к документам текущего архива Адмиралтейства, Мардер во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов занялся поиском и публикацией документов из личных архивов британских адмиралов. Его усилиями были изданы дневники Г. Ричмонда и трехтомная переписка Дж.А. Фишера. Венцом научного творчества А.Дж. Мардера явился пятитомный труд «От “Дредноута” до Скапа-Флоу». Мардер считается создателем классической концепции реформ Дж.А. Фишера. В статье рассматривается также полемика в современной историографии по поводу научного творчества Мардера; его критика, по мнению автора, далеко не всегда представляется обоснованной. Сохранение научной актуальности его трудов во многом предопределяется тем обстоятельством, что в его распоряжении имелись источники, современным историкам уже недоступные. Особый интерес представляют интервью, взятые Мардером у участников событий.

Ключевые слова: А.Дж. Мардер, историки, научные школы, Великобритания, военная история, военно-морская история, королевский флот, адмирал Дж.А. Фишер, историография, исторические источники, мемуары.

D.V. Likharev

Arthur Jacob Marder: A Glorifier of the British Sea Power

Dmitrii Likharev, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

E-mail: liharev.dv@dyfu.ru

Scopus Author ID: 57195531151; ORCID: 0000-0001-5404-4875; Researcher ID: AAE-2315-2020

Abstract. In this article the author analyses the academic career of Arthur Jacob Marder, a prominent student of British naval policy in the late nineteenth and early twentieth centuries. Even though he graduated from Harvard, Marder faced serious difficulties in obtaining a position at American universities because of the ethnic and religious prejudices prevalent in the 1930s. Marder chose British naval policy of the late nineteenth and early twentieth centuries as his field of research. A key issue in this vast area of study were the reforms put in place by Admiral John Fisher to prepare the British Navy for the Great War. His first monograph, “The Anatomy of British Sea Power”, was published in 1940. After encountering restrictions on access to British Admiralty documents in the 1940s and 1950s, Marder turned to private archives to locate sources for his study. He managed to publish both Sir Herbert Richmond’s diaries and the three-volume correspondence of Sir John Fisher. The five-volume treatise “From the Dreadnought to Scapa Flow” was the crowning achievement of Marder’s research. Marder is considered the founder of the classic concept of the so-called naval revolution of Sir John Fisher. Marder had the unique opportunity to study British naval documents, most of which no longer exist today and are forever lost to future generations of historians. This is the primary reason why Marder’s work retains its significance to this day.

Keywords: Arthur Marder, historians, academic schools, Great Britain, military history, naval history, Royal Navy, Admiral John Fisher, historiography, historical sources, memoirs.

Когда в 1894 г. известный американский военно-морской теоретик и историк Альфред Мэхен решил посетить Англию, его приняли с небывалыми почестями. Он удостоился аудиенции у королевы и главы кабинета и отобедал с ними. Ему были присуждены все мыслимые ученые звания Оксфордского и Кембриджского университетов. Мэхен также стал первым иностранцем, принятым в Королевский военно-морской клуб. Нигде учение Мэхена не имело такого ошеломляющего и безоговорочного успеха, как в Англии. Ведь в сущности его книги были о том, как Британия стала великой. При всей их глубине и основательности они оказались настолько занимательны и доступны, что даже неподготовленный читатель с ходу постигал принципы морской войны. У англичан «пророка в своем отечестве» не нашлось. Современник Мэхена, адмирал Филип Колумб, писавший, по сути дела, о том же, оказался не столь популярен на родине. Сухость и академичность стиля англичанина сделали его труды интересными только для специалистов.

Более чем полвека спустя история повторилась вновь. Американский исследователь Артур Мардер рассказал англичанам о «военно-морской революции», осуществленной адмиралом Дж.А. Фишером, которая позволила британскому флоту в последний раз отстоять господство на море в 1914–1918 гг. В 1970 г. *Times Literary Supplement* назвало А.Дж. Мардера «отцом-основателем современной военно-морской истории»¹, а англичане продолжают задаваться вопросом, почему величайшими историками британского флота стали американцы². Предлагаемый очерк творческого пути и научного наследия А.Дж. Мардера представляет собой попытку разобраться в этой коллизии.

Артур Джейкоб Мардер родился 8 марта 1910 г. в Бостоне. Он стал первым ребенком в семье Максвелла и Иды Мардер, незадолго пред тем уехавших из России в Америку в поисках лучшей жизни. В дальнейшем у Артура появились еще брат и три сестры³. Мардер-старший зарабатывал пошивом верхней одежды – костюмов и пальто. На паях с компаньоном он держал маленький магазин и ателье на западной окраине Бостона, близ Банкер-хилла, где произошло одно из первых боевых столкновений между восставшими поселенцами и английскими войсками во время Войны за независимость.

¹ *Times Literary Supplement*. 14.VIII.1970. P. 905.

² *Keegan J.* Why Are Britain’s Great Naval Historians Americans? // *Naval History*. 1987. Vol. 1. № 2. P. 7–11; *Seligman M.S.* A Great American Scholar? The Disputed Legacy of Arthur Marder Revisited // *The International History Review*. 2016. Vol. 38. № 5. P. 1040–1054.

³ *Gough B.* Historical Dreadnoughts. Arthur Marder, Stephen Roskill and Battles for Naval History. Barnsley, 2010. P. 24–25.

Несмотря на стесненность в средствах, Макс Мардер решил дать своему первенцу наилучшее образование. После семи лет учебы в обычной школе отец перевел Артура в престижную «Английскую старшую школу» — первое заведение подобного рода в США, основанное в 1821 г. Мардер-младший учился легко и с удовольствием. Он активно участвовал в школьных олимпиадах разного уровня, неизменно занимая первые места по английскому языку и истории. Школу он окончил с «медалью Вашингтона и Франклина» — высшая награда, какую мог получить ученик за успехи в учебе⁴.

Этот сертификат открывал ему двери в любой университет США. Мардер выбрал тот, что поближе к Бостону, Гарвардский — самый старый, самый престижный и самый дорогой университет Америки. Именно там давали лучшее историческое образование. Девять гарвардских профессоров, чьи лекции довелось слушать Мардеру, в дальнейшем поочередно возглавляли Американскую историческую ассоциацию. Для избрания на этот пост нужно было иметь общепризнанные заслуги на поприще исторических исследований.

Контингент студентов Гарвардского университета 1920–1930-х годов в большинстве своем состоял из так называемых «брахманов» — детей миллионеров и видных политиков. Мардер в это сообщество совершенно не вписывался. У него элементарно не было средств для членства в студенческих клубах и занятий в спортивных секциях. Все свое время он посвящал учебе, а то, что оставалось, — подработкам. Нельзя сказать, чтобы умные мальчики из еврейских семей со скудным достатком считались в этом почтенном заведении нежелательными. Их терпели. По меркам США 1930-х годов «Башня из слоновой кости», как элегантно поименовал Гарвард У.Л. Лэнджер в мемуарах⁵, могла считаться просто оплотом расовой толерантности. Вскоре Мардеру предстояло в этом убедитьсяся.

Студенчество Мардера пришлось на трудные годы. Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. нанес сокрушительный удар не только по банкам и промышленным предприятиям США, но и по университетам. Гарвард выстоял, как, впрочем, и лавка Мардера-старшего, что позволило Мардеру-младшему завершить полный курс университета и стать дипломированным историком.

Первые шаги в науку студент Мардер сделал под руководством Уильяма Леонарда Лэнджера — крупного специалиста в области истории международных отношений и создателя теории «превентивного империализма»⁶. Ранкеанская традиция, сформировавшая Лэнджера как ученого, требовала от исследователя учета всех источников по избранной теме и тщательнейшей их проработки. Такой же скрупулезности он добивался и от своих учеников. В качестве темы для выпускной работы, завершавшей четырехлетний бакалавриат, Лэнджер предложил Мардеру исследовать «миссию Холдена» 1912 г. Она стала последней и неудачной попыткой официального Лондона достичь компромисса с Германией и остановить гонку морских вооружений. Работа над предложенной темой пробудила у Мардера неподдельный интерес к истории британского военного флота. Он пришел к выводу, что изучение этой грандиозной военной машины в контексте внешней и внутренней политики Великобритании представляет актуальную научную задачу.

В конце 1935 — начале 1936 г. Мардер с группой студентов Гарварда впервые побывал в Англии. Большую часть времени он посвятил сбору материала для диссертации «Английский ультрамаринизм в 90-е годы XIX в.». Ему удалось взять интервью у первого биографа адмирала Дж.А. Фишера Реджинальда Бэкона, он побывал на похоронах двух знаменитых флотоводцев Первой мировой войны Дж.Р. Джеллико и Д. Битти.

После окончания университета Мардер, пытаясь найти работу по специальности, столкнулся с немалыми трудностями. Преподавательская деятельность в Орегонском университете закончилась через три недели после многообещающего начала. Руководство

⁴ Ibid. P. 25.

⁵ Langer W.L. In and Out of the Ivory Tower. New York, 1977.

⁶ Самый известный его труд, выдержавший три переиздания: Langer W.L. The Diplomacy of Imperialism. 1890–1902. Vol. 1–2. New York, 1935.

университета неожиданно аннулировало контракт с молодым ассистентом. Как пояснил Мардеру глава кафедры истории, «если бы я знал, что вы еврей, я бы вас никогда не нанял»⁷. Мардер вернулся в Гарвард. Там при содействии Лэнджера он устроился научным сотрудником лаборатории по исследованию международных отношений. Лэнджер посоветовал своему ученику не уходить далеко от темы докторской диссертации и, добрав материал, превратить ее в фундаментальную монографию.

Принадлежность к числу сотрудников Гарвардского университета позволила Мардеру получить очередной грант на поездку в Англию. В 1938 г. он вновь приехал в Лондон, где целые дни проводил в Британской библиотеке, собирая недостающий материал, брал интервью у отставных офицеров и военно-морских обозревателей, служивших во флоте и писавших о флоте в конце XIX — начале XX в. Личные впечатления очевидцев событий являются ценнейшим компонентом трудов А.Дж. Мардера.

Однако Мардеру хотелось поработать с главным массивом источников — документами военно-морского ведомства 1880—1905 гг. В то время их еще не передали в Public Records Office (ныне — The National Archives) и они хранились в текущем архиве Адмиралтейства. Это был закрытый архив, куда посторонние практически не допускались. Мардер как молодой историк, тем более иностранец, едва ли мог рассчитывать, что для него сделают исключение. Тем не менее он настойчиво добивался разрешения. В итоге благодаря своему везению и упорству он его получил.

В его распоряжении оставались всего четыре недели, но это было значительно больше, чем получали другие. Вопрос о том, какие именно источники удалось изучить Мардеру, остается открытым. Ему запретили делать ссылки на документы из архива Адмиралтейства, и его первый фундаментальный труд «Анатомия британской морской мощи» вышел без них. Впоследствии, уже в своем главном труде Мардеру пришлось ограничиться ссылкой Adm. Mss. без указания названия документа, описи и фонда. Папки в текущем архиве Адмиралтейства содержали не только источники, напрямую относящиеся к военно-морскому ведомству, но также документы министерства иностранных дел и кабинета министров. Чтобы получить разрешение на их цитирование, следовало обращаться специально в эти ведомства. Далеко не очевидно, что Мардер получил бы такое разрешение даже в середине 1950-х годов.

Результатом научных изысканий Мардера конца 1930-х годов стал 600-страничный труд «Анатомия британской морской мощи. 1880—1905»⁸. Работа вышла в свет летом 1940 г. в солидном нью-йоркском издательстве А.А. Кнопфа. К моменту ее появления Англия уже вступила во Вторую мировую войну, и это обстоятельство придало книге неожиданную актуальность. Год спустя лондонское издательство «Путнам» «продублировало» работу американского историка для английских читателей.

Мардер воссоздал впечатляющую картину морской мощи Британской империи на пике ее могущества. В отличие от историков в погонах, которые, как правило, сосредоточивались на технических аспектах морских вооружений, гарвардский исследователь продемонстрировал четвертьвековую эволюцию британских военно-морских сил в широком социальном и политическом контексте. Стремясь показать, что военный флот — это прежде всего не корабли, а люди, Мардер самое пристальное внимание уделил человеческому фактору. «Анатомия британской морской мощи» представляла собой фундаментальное исследование, построенное в целостной и логичной концепции и преподнесенное в талантливой литературной форме. Не случайно, что эта, казалось бы, сугубо специальная работа выдержала четыре переиздания в 1940, 1964, 1972 и 1977 гг. Книга принесла Мардеру заслуженный авторитет в кругах военно-морских историков.

⁷ Gough B. Op. cit. P. 33.

⁸ Marder A.J. The Anatomy of British Sea Power. A History of the British Naval Policy in the Pre-Dreadnought Era. 1880—1905. New York, 1940.

Приятные хлопоты по продвижению первой монографии в издательстве А.А. Кнопфа омрачились очередным отказом в получении преподавательской работы. Летом 1940 г. к Лэнджеру обратился директор департамента истории Университета Северной Дакоты Кларенс Перкинс, чтобы тот порекомендовал ему на преподавательскую должность молодого перспективного историка из недавних выпускников Гарварда. Лэнджер порекомендовал Мардера. Однако трудовая деятельность Мардера в Университете Северной Дакоты продлилась всего неделю. Перкинс разорвал с ним контракт и отчитал Лэнджера в очередном письме за то, что тот не сообщил о еврейском происхождении своего подопечного⁹.

Найти преподавательскую работу на постоянной основе Мардеру удалось только 10 лет спустя после окончания Гарвардского университета. В апреле 1944 г. он получил неожиданное предложение от Гавайского университета в Гонолулу. Гавайский период в научной и педагогической карьере Мардера продлился ровно 20 лет.

Гонолулу второй половины 1940-х годов представлял собой небольшой провинциальный городок, ничем не напоминавший курорт и развлекательный центр мирового уровня, в который он превратился полвека спустя. Громадных гостиничных корпусов на Вайкики в то время не было еще и в помине. Гавайский университет полностью соответствовал своей городской среде. Он был основан в 1907 г. как аграрный колледж. Постепенно расширяясь за счет новых факультетов и образовательных программ, это учебное заведение поднялось до статуса университета. Ко времени появления Мардера в Гонолулу в Гавайском университете уже функционировали факультет искусств и социальных наук, а также педагогический факультет. Историки Гавайского университета преподавали общие дисциплины. Практически никто из них не вел научных исследований и не имел значимых публикаций. Директор департамента истории представил Мардера коллегам как «восходящую звезду исторической науки», но особых привилегий ему не предоставил¹⁰.

Так, Мардер оказался в глубокой провинции. В этом имелись как отрицательные, так и положительные стороны. В Гонолулу он не испытывал такого прессинга жесткой конкуренции, как в престижных университетах континентальных США. На фоне большинства преподавателей-историков, работавших в то время в Гавайском университете, Мардер действительно выглядел «звездой». Руководство всегда шло ему навстречу, предоставляя возможности для длительных командировок в Англию. С другой стороны, гавайские пляжи и пальмы представляли огромный соблазн расслабиться и жить в свое удовольствие, не особо напрягаясь на научном поприще. Но этот путь Мардера не прельщал. Он не собирался останавливаться на достигнутом.

Он задумал грандиозный труд по истории британского флота в «эру адмирала Фишера» с 1905 по 1919 г., который охватывал бы предвоенные реформы и всю Первую мировую войну. Едва закончилась Вторая мировая война, как Мардер вновь появился в Лондоне в начале 1946 г. В британской столице его ожидал прохладный прием. Вклад американского исследователя в изучение истории английского флота не произвел должного впечатления на руководителей военно-морского ведомства. Мардер дважды обращался с просьбой вновь предоставить ему доступ к документам архива Адмиралтейства и оба раза получал отказ.

Ричард Пауэлл, в то время начальник архива Адмиралтейства, прокомментировал ситуацию следующим образом: «Достоинно сожаления, что профессору Мардеру был предоставлен доступ к документам за период с 1885 по 1905 г. в целях написания его предыдущей книги, в предисловии к которой он предал этот факт гласности. Я считаю, что мы должны твердо настоять на том, чтобы ему было отказано в получении информации сверх того, что он уже имеет. Нет сомнения, что документы за период с 1885 по 1905 г. уже могут быть обнародованы без всякого ущерба, но фонды за 1905–1919 гг. содержат столько взрывоопасного материала, что мы не можем допустить к ним первым иностранного

⁹ Gough B. Op. cit. P. 35–36.

¹⁰ Ibid. P. 57.

автора». За два года до этого Пауэлл писал: «Мы уже и так поставили себя в неудобное положение, предоставив мистеру Мардеру доступ в 1938 г. Если он получит доступ к документам Адмиралтейства за 1905–1919 гг., мы уже не сможем аргументированно отказать в таком же доступе другим историкам, и в результате вся наша секретная информация будет обнародована»¹¹.

Мардеру ничего не оставалось, как идти уже проторенным путем сбора интервью у участников и очевидцев событий, а также поиска личных архивов. Во время поездки в Англию в 1946 г. ему удалось познакомиться с Гербертом Ричмондом, которого Мардер считал одним из трех крупнейших военно-морских теоретиков и историков XX в. наряду с Альфредом Мэхоном и Джулианом Корбеттом. Большая часть военной карьеры Ричмонда пришлась на «эру Фишера». В течение нескольких лет, накануне и во время Первой мировой войны, Ричмонд служил офицером генерального морского штаба. Его взгляды оказали значительное влияние на формирование послевоенной морской политики Англии. В 1920–1940-х годах Ричмонд опубликовал несколько крупных трудов по истории и теории морской мощи¹². После выхода в отставку адмирал перешел на преподавательскую работу в Кембриджском университете.

Ричмонд внимательно изучил «Анатомию британской морской мощи» и написал благожелательную рецензию, которая была опубликована одновременно в *Naval Review* и в *Spectator*¹³. Данное обстоятельство облегчило личное знакомство. Мардер не без юмора вспоминал, как он «вынудил адмирала пригласить его в гости». Они провели в разговорах «пять или шесть интереснейших часов». Оглядывая книжные полки хозяина, американец заметил, что на одной из них «покоились семь или восемь общих тетрадей», корешки которых были помечены словом «дневник»¹⁴. Адмирал любезно позволил Мардеру взять тетради с собой для прочтения.

Это были дневниковые записи, которые Ричмонд скрупулезно вел с 1909 по 1920 г. По всей видимости, адмирал не планировал их публиковать даже после смерти. Дневник содержал весьма откровенные и нелюбезные характеристики высших военно-морских чинов Великобритании. Проблема заключалась в том, что многие из тех, чьи компетенции и умственные способности Ричмонд ставил под сомнение, в конце 1940-х годов были еще живы.

Мардер задержал у себя дневник на несколько месяцев. Он собрался уже возвратить рукопись автору, когда пришло известие, что 74-летний Ричмонд скончался от сердечного приступа. В результате в распоряжении американского историка оказался ценнейший источник личного характера. Заручившись предварительным согласием вдовы покойного, Мардер решил его издать. В 1952 г. дневник Ричмонда был опубликован в США в издательстве Гарвардского университета. Текст источника предварял пространный биографический очерк и сопровождался комментариями Мардера.

Публикация дневников Ричмонда вызвала возмущение чиновников военно-морского ведомства Великобритании. Обычно сдержанный на комментарии начальник библиотеки Адмиралтейства Д. Боннер-Смит в сердцах назвал Мардера «маленьким американским евреем»¹⁵. Недовольство военных было вполне объяснимо. Книга вызвала широкий общественный резонанс, подчас неоднозначного характера. Через дневниковые записи красной нитью проходит идея о том, что адмирал Фишер и его единомышленники, создавая громадный флот дорогостоящих дредноутов, совершенно не задумывались над вопросами тактики и стратегии, над тем, как надо рационально и эффективно использовать

¹¹ *Seligman M.S.* The Great American Scholar? P. 1050.

¹² *Richmond H.H.* National Policy and Naval Strength. London, 1928; *Idem.* Imperial Defence and Capture at Sea in War. London, 1932; *Idem.* Sea Power in the Modern World. London, 1934; *Idem.* Statesmen and Sea Power. London, 1947.

¹³ *Gough B.* Op. cit. P. 72–73.

¹⁴ *Marder A.J., Richmond H.* Portrait of an Admiral: The Life and Papers of Sir Herbert Richmond. Cambridge (Mass.), 1952. P. 9–11.

¹⁵ *Seligman M.S.* The Great American Scholar? P. 1051.

новейшее морское оружие. Только дневник Ричмонда появился на книжных прилавках в начале 1952 г., большинство английских газет откликнулись пространными рецензиями. Пожалуй, главную мысль по итогам публикации этой книги сформулировал военно-морской обозреватель М. Арнольд-Фостер: эта работа пробила брешь в «стене умолчания», скрывавшей действительное положение дел в Адмиралтействе в годы Первой мировой войны¹⁶.

Практически одновременно с работой над дневником Ричмонда Мардер занялся поиском и редактированием писем Дж.А. Фишера — «величайшего английского адмирала после Нельсона», реформатора британского флота начала XX в. и создателя знаменитого «Дредноута». Видя широкий резонанс, вызванный выходом в свет дневника Ричмонда, издатель Джонатан Кейп взялся за публикацию писем Фишера и активно поощрял Мардера в его работе. Приступая к этому делу, Мардер не предполагал, что письма Фишера займут три больших тома, а их издание растянется на целых семь лет¹⁷.

В настоящее время, когда реформы адмирала Фишера являются одной из самых обсуждаемых тем в англоязычной историографии, может показаться странным, что к началу 1950-х годов данный сюжет британской морской истории оказался почти забыт. Публикация писем Фишера сразу оживила интерес к его личности. При подготовке собрания к изданию Мардеру пришлось осуществлять весьма тщательный отбор. Эпистолярное наследие адмирала Фишера огромно. 20 лет спустя английский историк Р.Ф. Маккей составил полный каталог писем первого морского лорда, который насчитывал свыше 6 тыс. пунктов¹⁸. В трехтомное собрание, подготовленное Мардером, вошла примерно 1/10 часть от этого списка. Американскому историку пришлось отыскивать письма в частных коллекциях. Огромную помощь в этих поисках ему оказали люди, близко знавшие Фишера, которые в конце 1940-х — начале 1950-х годов были еще живы. Среди таковых следует назвать сына знаменитого адмирала Сесила Фишера (1868—1951) и последнюю любовь старого моряка герцогиню Нину Гамильтон (1878—1951), которая передала в распоряжение Мардера все адресованные ей послания.

Трехтомная переписка Фишера стала не только важнейшим историческим источником для исследователей морской политики Великобритании, письма адмирала сами по себе представляли весьма интересное чтение. Их отличал очень своеобразный стиль — живой, яркий, афористичный. Умело подобранные составителем и выстроенные в хронологическом порядке, они создавали впечатление, будто старый адмирал сам рассказывает читателю историю своей жизни. Не случайно, что публикация эпистолярного наследия Фишера стала не только научным, но и литературным событием.

Помимо выхода в свет собрания писем Фишера, в жизни А.Дж. Мардера в середине 1950-х годов произошли и другие важные события. Ему наконец-то удалось устроить свою личную жизнь. По выражению Барри Гафа, профессор Мардер был «невероятно одинок» и никак не мог найти свою «вторую половину»¹⁹. Во время поездки в Калифорнию однокурсники Мардера по Гарварду познакомили его с Ян Альтман — вдовой с двумя детьми. В 1955 г. Артур и Ян поженились. Таким образом, в возрасте 45 лет Мардер вступил в свой первый и единственный брак. Ян оставалась его верной подругой и единомышленницей до конца.

Казалось бы, теперь под шелестящими пальмами Гонолулу Мардер мог наслаждаться хвалебными рецензиями и вести размеренный образ жизни провинциального профессора. Однако такой путь был не в его характере. Он чувствовал, что главное дело жизни еще не сделано. Как это часто бывает, помог случай.

В мае 1955 г. Мардеру позвонил ректор Гавайского университета. В Пёрл-Харбор по приглашению командующего Тихоокеанским флотом США прибыл некий

¹⁶ The Manchester Guardian. 15.VII.1952.

¹⁷ Fisher J.A. Fear God and Dread Nought. The Correspondence of Admiral of the Fleet Lord Fisher of Kilverstone / ed. A.J. Marder. Vol. 1–3. London, 1952–1959.

¹⁸ Mackay R.F. Fisher of Kilverstone. London, 1973. P. V–X.

¹⁹ Gough B. Op. cit. P. 62.

высокопоставленный британский адмирал. Флотское командование решило познакомиться с профессором Мардером, тем более что его труды гость читал.

На следующий день Мардер провел два часа в приятной беседе с вице-адмиралом Джеффри Барнардом и его супругой. Прощаясь, адмирал сказал, что если у профессора появятся какие-то просьбы, он может к нему обратиться. Распростившись с гостем, Мардер вдруг вспомнил о своей давней мечте, догнал Барнарда и рассказал ему о многолетних мытарствах по добыванию допуска в архив Адмиралтейства. Год спустя, в июне 1956 г. Мардер получил телеграмму, что он может приступить к работе в архиве британского Адмиралтейства.

Мардер вновь с головой ушел в работу. Университетское начальство не возражало против его длительных поездок в Англию. Фонды Гугенхайма и Фулбрайта охотно предоставили ему гранты²⁰. Результатом десятилетней напряженной работы стала пятитомная монография «От “Дредноута” до Скапа-Флоу. Королевский флот в эру Фишера. 1905–1919»²¹. Выход в свет этого монументального труда растянулся на 10 лет. За его публикацию взялось издательство Оксфордского университета. Издатели предложили Мардеру щедрое вознаграждение – 12,5% от стоимости продажи первых 3500 экземпляров и 15% от продажи дополнительных тиражей²². Книга получила хорошую рекламу и продавалась весьма успешно.

Первый том «От “Дредноута” до Скапа-Флоу» вышел из печати в 1961 г. Он охватывал период реформ Дж.А. Фишера и подготовки британского флота к Мировой войне – 1905–1914 гг. Его отличали не только уникальная источниковая база, но и блестящий литературный стиль. Первый том разошелся очень быстро, и читатели с нетерпением ждали второго, который появился в 1965 г. В нем речь шла о военных действиях на море с августа 1914 до начала 1916 г.

Центральное место в книге занимает Ютландское сражение, которому посвящен весь третий том. Его выход в свет был специально приурочен к 1966 г. – полувековому юбилею грандиозной морской битвы. Издательство Оксфордского университета анонсировало официальную презентацию третьего тома на 26 мая 1966 г., которая прошла с большой помпой. Вечером 31 мая, в юбилейную дату, на телевизионном канале BBC прошла передача, посвященная Ютландскому сражению с участием Мардера. Передачу англичане посмотрели в записи, поскольку в тот момент Мардер уже выступал на «Независимом канале» в прямом эфире. 2 июня «Домашнее радио» BBC транслировало 60-минутную передачу опять же о Ютландском сражении. Мардер зачитывал выдержки из своего труда. От имени английских и германских адмиралов говорили известные театральные актеры. Издатели Оксфордского университета имели все основания быть довольными. Книга американского историка принесла доходы от продаж, неслыханные для многотомного научного труда.

Здесь следует заметить, что для историка, пишущего в расчете на англоязычную аудиторию, Ютландский бой даже полвека спустя оставался весьма щекотливой темой. Мардер тщательно избегал полемики по поводу действий Битти и Джеллика во время сражения, и ему это вполне удалось. Он акцентировал внимание на сходствах, а не на различиях в стиле командования двух адмиралов. Ютландское сражение Мардер объявил безоговорочной победой англичан, поскольку немцы в итоге отступили. Такие выводы английская аудитория восприняли с удовлетворением.

Популяризации Мардера и его трудов в Англии в немалой степени поспособствовал известный английский историк Алан Тэйлор. Великий мастер саморекламы, эрудит и непревзойденный рассказчик, Тэйлор первым инициировал исторические передачи на телевидении, которые принесли ему известность на всю страну. В своей рецензии на первый том «От “Дредноута” до Скапа-Флоу» Тэйлор не поскупился на похвалы автору²³.

²⁰ Ibid. P. 134–135.

²¹ *Marder A.J. From The Dreadnought to Scapa Flow. The Royal Navy in the Fisher Era. 1905–1919. Vol. 1–5. London, 1961–1970.*

²² *Gough B. Op. cit. P. 137.*

²³ *The New Statesman. 8.IX.1961.*

Английским адмиралам, заявил он однажды, сильно повезло, что для них нашелся такой историк, как Мардер²⁴.

Огромный успех Мардера в Великобритании не остался незамеченным в США. Ему стали поступать предложения о переходе в более престижные университеты. Б. Гаф утверждает, что Мардером заинтересовались такие почтенные заведения, как Йельский университет, Университет Дюка и даже из Гарварда стали поступать «какие-то неопределенные сигналы»²⁵. Представляется, что заинтересованность перечисленных университетов в сотрудничестве с Мардером несколько преувеличена. В середине 1960-х годов «событийная» военная история не занимала важного места в учебных планах ведущих американских университетов. Приветствовались этническая история, исследования по межрасовым отношениям, мультикультурализму. Даже в Гавайском университете Мардер никогда не предлагал студентам курсы по истории британского военного флота. Дисциплины, которые преподавал Мардер, были весьма далеки от сферы его научных интересов: история России, история Японии (в 1940-х годах он освоил японский язык), большой курс по всеобщей истории. Бывшие студенты запомнили Мардера как блестящего лектора — яркого, эмоционального, эрудированного.

Явную заинтересованность в том, чтобы заполучить Мардера, проявил Калифорнийский университет. Ходатаем за него выступил известный политолог и экономист Джон Гэлбрейт, который убедил ректора, что Калифорнийский университет может позволить себе пригласить такого яркого ученого. Ирвайн стал следующим местом жительства и работы Мардера.

В 1969 г. Мардер подписал к печати последний, пятый том «От “Дредноута” до Скапа-Флоу», который вышел в свет в 1970 г. В Англии Мардер продолжал пожинать лавры, которые принес ему этот фундаментальный труд. В октябре 1969 г. его избрали почетным профессором Оксфордского университета, одновременно в Фрицем Фишером — германским историком Первой мировой войны с мировой репутацией²⁶. В канун нового 1971 г. Мардера произвели в почетные кавалеры Ордена Британской империи. Лишь очень немногие американцы удостоивались такой награды, тем более историки. После этого коллеги в Ирвайне стали в шутку обращаться к Мардеру «сэр Артур» и интересоваться перспективами его избрания в палату лордов²⁷.

Вместе с тем последние годы преподавательской деятельности А.Дж. Мардера оказались для него не самыми счастливыми. Это было время увлечения молодых историков методологией и философией науки. Неокантианство, теория идеальных типов Макса Вебера стали предметами пристального интереса и активного обсуждения. Студенты и молодые преподаватели постепенно стали воспринимать профессора Мардера с его огромными эмпирическими трудами как осколок прошлого. Мардер пытался доказывать, что все эти философские построения являются лишь инструментарием историка и предназначены для осмысления фактического материала, без которого они представляют собой только игры разума. Но его не понимали.

Вторая половина 1960-х годов в университетах Европы и Америки ознаменовалась резким всплеском студенческой активности, «бунтом молодых». Не избежал этой тенденции и Калифорнийский университет. В Ирвайне одним из наиболее активных лидеров студенческого совета стал аспирант Мардера Рик Робертсон, с которым его научному руководителю пришлось пережить несколько неприятных столкновений. Во время частых и продолжительных поездок в Англию Мардер свел знакомства с многими знаменитыми английскими историками. Руководству университета он предложил пригласить прочитать курс лекций Ричарда Кобба, одного из крупнейших специалистов по истории

²⁴ Taylor A.J.P. Letters to Eva. 1969–1983 / ed. E.H. Taylor. London, 1991. P. 17–19.

²⁵ Gough B. Op. cit. P. 209–210.

²⁶ The Times. 20.X. 1969.

²⁷ Gough B. Op. cit. P. 228.

Французской революции, от которого уже получил предварительное согласие. Однако в дело вмешался студсовет во главе с Робертсоном: поскольку студенты платят за обучение, они должны участвовать в принятии решений, какие специалисты будут приглашаться на их деньги. Обсудив кандидатуру Кобба, студенческий совет пришел к выводу, что список его научных достижений недостаточен. В результате визит английского историка в Ирвайн так и не состоялся²⁸.

В 1977 г. Мардер решил попрощаться с университетом и выйти на покой. К этому событию его ученики приурочили публикацию сборника статей «Морские войны в XX столетии. 1900–1945. Очерки в честь Артура Мардера»²⁹. Он включал 12 очерков, написанных историками из Англии, Канады, США и Японии. К сожалению, наслаждаться заслуженным отдыхом А.Дж. Мардеру довелось недолго. 25 декабря 1980 г. он скончался от скоротечного рака поджелудочной железы.

Значение трудов А.Дж. Мардера и его вклад в исследования морской политики Великобритании конца XIX – первой половины XX в. наилучшим образом подчеркнула длительная дискуссия по поводу его научного наследия, которая имела место в англоязычной историографии 1990–2010-х годов.

Примерно десять лет спустя после смерти А.Дж. Мардера началась ревизия созданной им классической концепции реформ адмирала Фишера. Ее принято связывать с трудами Дж.Т. Сумиды и Э.Н. Ламберта³⁰. Ревизионисты солидарны с Мардером в том, что именно Фишер осуществил преобразования британского военного флота, но они оспаривали истоки, характер и цели этих преобразований. Отвергая тезис Мардера, что Фишер готовился парировать угрозу со стороны Германии, Сумида и Ламберт утверждали, будто Фишер планировал гораздо более амбициозную и всеобъемлющую программу преобразований, цель которой заключалась в отражении глобальной угрозы, исходившей от Франции и России. Согласно их версии, Фишер не связывал свои преобразования с «Дредноутом». Вместо строительства огромного дорогостоящего флота броненосных линкоров Фишер собирался обеспечить оборону Британских островов посредством многочисленных флотилий эсминцев и подводных лодок, которые могли предотвратить любое вражеское вторжение. Такая система обороны, в свою очередь, позволила бы высвободить линейные корабли, но уже в виде быстроходных и легко бронированных линейных крейсеров для защиты британских интересов в отдаленных водах. Как известно, первый в истории корабль такого типа – линейный крейсер «Инвинсибл» – также был создан Фишером и появился практически одновременно с «Дредноутом». Американский историк Фэрбенкс, еще один представитель ревизионистской школы, настаивал, что правильнее будет говорить не о «революции “Дредноута”», а о «несостоявшейся революции “Инвинсибла”»³¹.

Историки-ревизионисты продемонстрировали весьма критический настрой по отношению к «традиционной историографии». Они обвинили Мардера не только в методологической несостоятельности, но и в научной недобросовестности. Дж.Т. Сумида утверждал, что Мардер, несмотря на всю свою репутацию, являлся, по сути, историком «клея и ножниц», использовавшим «допотопные методы исторического исследования». В основе такой «методологической отсталости» лежало представление о том, что задача историка заключается в простом отыскании источников и выстраивании этих текстов в фактографический нарратив. Сумида имел в виду, что «изыскания Мардера не были подчинены априорной концепции», что он считал свидетельства источников объективной информацией в окончательном виде, которая не нуждается в дальнейшем творческом

²⁸ Ibid. P. 340–341.

²⁹ *Naval Warfare in the Twentieth Century. 1900–1945. Essays in Honor of Arthur Marder* / ed. G. Jordan. New York, 1977.

³⁰ *Sumida J.T. In Defence of Naval Supremacy: Financial Limitation, Technical Innovation and British Naval Policy 1889–1914*. London, 1989; *Lambert N.A. Sir John Fisher Naval Revolution*. Columbia, 1999.

³¹ *Fairbanks C.H. The Origins of the “Dreadnought” Revolution: A Historiographic Essay* // *International History Review*. 1991. Vol. 13. № 2. P. 246–272.

переосмыслении³². Обвинения весьма нетривиальные, если не сказать, наивные, поскольку Сумида требовал, чтобы Мардер поднялся над уровнем типичного историка-эмпирика своего времени и стал рассуждать как представитель эпохи постмодерна.

Ч. Фэрбенкс в весьма безапелляционном тоне поставил под сомнение научную добросовестность Мардера: «Мардер сознательно проигнорировал важнейшие документы, которые он цитировал и редактировал, он опустил целые фрагменты, в особенности те, где Фишер отдавал предпочтение броненосному крейсеру и линейному крейсеру перед линкором, поскольку они вступали в противоречие с его концепцией. Немало фактов, приводимых Мардером, не подтверждается документами; многие его выводы уязвимы для критики; он часто принимает на веру спорные или сомнительные суждения. Было бы слишком наивно рассматривать эти недостатки как следствие небрежности. Скорее всего, они являются результатом сознательного выбора, подхода, весьма характерного для историков времен Мардера, которые считали, что цель изучения прошлого определяется его актуальностью для современности»³³.

Четверть века спустя те же обвинения в адрес А.Дж. Мардера повторил Н.А. Ламберт³⁴. У Мардера, естественно, нашлись и защитники в лице К.М. Белла и М.С. Зелигмана³⁵. Дискуссия между этими историками выявила одно очень существенное обстоятельство, связанное с научным наследием А.Дж. Мардера. Как уже говорилось выше, Мардеру запретили делать ссылки на документы текущего архива Адмиралтейства, поэтому вопрос о том, какими именно архивными источниками он пользовался, до сих пор остается открытым. Если сравнить описи документов Адмиралтейства, имеющиеся в настоящее время в Национальном архиве Соединенного Королевства в Кью, с регистрационными книгами текущего архива Адмиралтейства первой половины XX в., картина получается удручающая. По подсчетам М.С. Зелигмана, до наших дней дошло не более 2%. 98% документальных свидетельств были утеряны, рассеяны по другим архивохранилищам или просто уничтожены³⁶.

Таким образом, создавая свои труды, А.Дж. Мардер имел возможность не только брать интервью у еще живых участников событий конца XIX – начала XX в. Через его руки прошло немалое количество архивных документов, увидеть которые современным историком уже не суждено. Именно поэтому его концепция будет неизбежно отличаться от тех, которые выдвигают современные историки. Добавим сюда незаурядные литературные достоинства его работ. Не случайно, что его главный труд «От “Дредноута” до Скапа-Флоу» в 2013–2014 гг. был во второй раз переиздан в полном объеме в роскошном полиграфическом исполнении. Это яркое свидетельство того, что он до сих пор востребован и вызывает интерес у современных читателей.

Библиография / References

Bell C.M. On Standards and Scholarship: A Response to Nicholas Lambert // *War in History*. 2013. Vol. 20. № 3. P. 381–409.

Fisher J.A. Fear God and Dread Nought. The Correspondence of Admiral of the Fleet Lord Fisher of Kilverstone / ed. A.J. Marder. Vol. 1–3. London, 1952–1959.

³² *Sumida J.T.* Demythologizing the Fisher Era: The Role of Change in Historical Methods // *Militärgeschichte Zeitschrift*. 2000. Bd. 59. № 1. P. 171–181.

³³ *Fairbanks C.H.* Op. cit. P. 263.

³⁴ *Lambert N.A.* Righting the Scholarship: The Battle Cruiser in History and Historiography // *Historical Journal*. 2015. Vol. 58. № 2. P. 275–307.

³⁵ *Bell C.M.* On Standards and Scholarship: A Response to Nicholas Lambert. // *War in History*. 2013. Vol. 20. № 3. P. 381–409; *Seligman M.C.* Naval History by Conspiracy Theory: The British Admiralty before the First World War and the Methodology of Revisionism // *Journal of Strategic Studies*. 2015. Vol. 38. № 7. P. 966–984.

³⁶ *Seligman M.S.* Naval History by Conspiracy Theory. P. 969.

- Gough B.* Historical Dreadnoughts: Arthur Marder, Stephen Roskill and Battles for Naval History. Barnsley, 2010.
- Keegan J.* Why Are Britain's Great Naval Historians Americans? // *Naval History*. 1987. Vol. 1. № 2. P. 7–11.
- Lambert A.N.* Sir John Fisher Naval Revolution. Columbia, 1999.
- Lambert A.N.* Righting the Scholarship: The Battle Cruiser in History and Historiography // *Historical Journal*. 2015. Vol. 58. № 2. P. 275–307.
- Langer W.L.* The Diplomacy of Imperialism. 1890–1902. Vol. 1–2. New York, 1935.
- Langer W.L.* In and Out of the Ivory Tower. New York, 1977.
- Mackay R.F.* Fisher of Kilverstone. London, 1973.
- Marder A.J.* The Anatomy of British Sea Power: A History of the British Naval Policy in the Pre-Dreadnought Era. 1880–1905. New York, 1940.
- Marder A.J., Richmond H.* Portrait of an Admiral: The Life and Papers of Sir Herbert Richmond. Cambridge (Mass.), 1952.
- Marder A.J.* From the “Dreadnought” to Scapa Flow. The Royal Navy in the Fisher Era. 1905–1919. Vol. 1–5. London, 1961–1970.
- Naval Warfare in the Twentieth Century. 1900–1945. Essays in Honor of Arthur Marder / ed. G. Jordan. New York, 1977.
- Richmond H.* National Policy and Naval Strength. London, 1928.
- Richmond H.* Imperial Defence and the Capture at Sea in War. London, 1932.
- Richmond H.* Sea Power in the Modern World. London, 1934.
- Richmond H.* Statesmen and Sea Power. Oxford, 1947.
- Seligman M.S.* Naval History by Conspiracy Theory: The British Admiralty before the First World War and the Methodology of Revisionism // *Journal of Strategic Studies*. 2015. Vol. 38. № 7. P. 966–984.
- Seligman M.S.* A Great American Scholar? The Disputed Legacy of Arthur Marder Revisited // *The International History Review*. 2016. Vol. 38. № 5. P. 1040–1054.
- Sumida J.T.* In Defence of Naval Supremacy: Financial Limitation, Technical Innovation and British Naval Policy. 1889–1914. London, 1989.
- Sumida J.T.* Demythologizing the Fisher Era: The Role of Change in Historical Method // *Militär-geschichte Zeitschrift*. 2000. Bd. 59. № 3. P. 171–187.
- Taylor A.J.P.* Letters to Eva. 1969–1983 / ed. E.H. Taylor. London, 1991.

DOI: 10.31857/S013038640024937-8

© 2023 г. А.Л. БЕГЛОВ, И.А. ФАДЕЕВ

АМЕРИКАНСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ В СССР И СУДЬБА СОВЕТСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ИЗ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ОТЦА ЛЕОПОЛЬДА БРАУНА 1941 года

Беглов Алексей Львович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: beglov.al@yandex.ru

Scopus Author ID: 55531443600; ORCID: 0000-0001-8656-1615; Researcher ID: ABH-1734-2020

Фадеев Иван Андреевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: fadeyev.ivan@yahoo.co.uk

Scopus Author ID: 57195421011; ORCID: 0000-0003-2202-2246; Researcher ID: AAO-9571-2020

Аннотация. В настоящей публикации вводятся в научный оборот четыре документа из архива Государственного секретариата Ватикана, в которых нашел отражение самый ранний этап американо-советских контактов периода Великой Отечественной войны, связанных с вопросом о религиозной свободе в СССР. Международный имидж Советского Союза как страны, где происходят целенаправленные гонения на религию, осенью 1941 г. стал для администрации президента Франклина Д. Рузвельта внутривнутриполитической проблемой, поскольку ее попытки подключить СССР к программе ленд-лиза встретили сопротивление со стороны влиятельных религиозных кругов и особенно со стороны американских католиков. Эти обстоятельства заставили администрацию США стремиться, с одной стороны, заручиться поддержкой Ватикана, а с другой — добиваться от советского руководства заявлений, которые бы подтвердили его приверженность принципу декларируемой в советском законодательстве религиозной свободы. При этом сам Рузвельт был убежден, что военный кризис заставит Советский Союз отказаться от прежней антирелигиозной политики. Эту точку зрения разделял и представитель Католической церкви в Москве американский ассумпционист о. Леопольд Браун. Как видно из публикуемых здесь писем, о. Браун был убежден, что американской администрации необходимо немедленно сделать самые энергичные шаги, чтобы добиться от советских лидеров гарантий религиозной свободы. Письма о. Брауна были направлены как в Вашингтон, так и в Ватикан и там прочитывались как подтверждение позиции американской стороны, призывавшей Святой Престол проявить гибкость по отношению к Советской России.

Ключевые слова: католическая церковь, Ватикан, Святой Престол, о. Леопольд Браун, дипломатическая корреспонденция, Пий XII, Франклин Д. Рузвельт, американо-советские отношения, СССР, религиозная политика, Вторая мировая война, США, внешняя политика, религиозная свобода, антигитлеровская коалиция, ленд-лиз, религиозная свобода.

A.L. Beglov, I.A. Fadeyev

American Representatives to the USSR and the Fate of Soviet Religious Policy at the Beginning of the Great Patriotic War: From Father Leopold Braun's Correspondence of 1941

Alexey Beglov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: beglov.al@yandex.ru

Scopus Author ID: 55531443600; ORCID: 0000-0001-8656-1615; Researcher ID: ABH-1734-2020

Ivan Fadeyev, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: fadeyev.ivan@yahoo.co.uk

Scopus Author ID: 57195421011; ORCID: 0000-0003-2202-2246; Researcher ID: AAO-9571-2020

Abstract. In this article, the authors analyse and comment upon four documents from the archives of the Vatican Secretariat of State which reflect the earliest phase of US-Soviet contacts during the Great Patriotic War relating to the question of religious freedom in the USSR. The international reputation of the Soviet Union as a country of deliberate persecution of religion became a domestic political problem for the administration of President Franklin D. Roosevelt in the autumn of 1941, as its attempts to include the USSR in the Lend-Lease programme met with resistance from influential religious circles, particularly American Catholics. These circumstances led the US administration to seek the support of the Vatican, on the one hand, and, on the other, to seek statements from the Soviet leadership that would confirm the latter's commitment to the principle of religious freedom declared in Soviet law. At the same time, Roosevelt himself was convinced that a military crisis would force the Soviet Union to abandon its previous anti-religious policy. This view was also shared by the representative of the Roman Catholic Church in Moscow, the American Assumptionist Fr Leopold Braun. As can be seen from the letters published here below, Fr Braun was convinced that the US administration should take immediate and vigorous steps to secure guarantees of religious freedom from the Soviet leaders. His letters were sent both to Washington and to the Vatican, where they were read as confirming the position of the American side in urging the Holy See to show flexibility towards Soviet Russia.

Keywords: Catholic Church, Vatican City, Holy See, Fr Leopold Braun, diplomatic correspondence, Pius XII, Franklin D. Roosevelt, American-Soviet relations, USSR, religious policy, World War II, USA, foreign policy, religious freedom, anti-Hitler coalition, Lend-Lease, religious freedom.

Вопрос о причинах и этапах изменения советской религиозной политики в ходе Второй мировой войны давно привлекает внимание исследователей¹. При этом он остается дискуссионным. Историки по-прежнему не сходятся как в вопросе о моменте начала изменений этой политики, так и в вопросе об их причинах. Это обстоятельство обусловлено в том числе и тем, что они располагают относительно ограниченным кругом источников, освещающих с точки зрения религиозной политики начальный период Второй мировой и Великой Отечественной войны, т.е. до 1943 г., когда с созданием Совета по делам Русской православной церкви, а затем и Совета по делам религиозных культов круг источников заметно расширился.

¹ *Васьильева О.Ю.* Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999; *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999; *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999; *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008; *Его же.* Международная деятельность Русской Православной Церкви в период «нового курса» в государственно-церковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2018. Т. 11. № 4. С. 104–129; *Одинцов М.И., Кочетова А.С.* Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2014; *Роккуччи А.* Сталин и патриарх: православная церковь и советская власть, 1917–1958. М., 2016.

В историографии высказывается мнение, что на начальном этапе мировой войны определенную роль в эволюции советской религиозной политики играла позиция союзников СССР по антигитлеровской коалиции², прежде всего США. Это мнение опирается на многочисленные свидетельства современников, которые, однако, не отличаются конкретностью³. Так, известный деятель советских спецслужб Павел Анатольевич Судоплатов писал в мемуарах: «Подготовленные нами материалы о патриотической позиции русской православной церкви, ее консолидирующей роли в набиравшем силу антифашистском движении славянских народов на Балканах и неофициальные зондажные просьбы Рузвельта улучшить политическое и правовое положение православной церкви, переданные через Гарримана⁴ Сталину, очевидно, убедили его пойти навстречу союзникам и вести по отношению к церкви менее жесткую политику. Сталин сделал неожиданный шаг: разрешил провести выборы патриарха русской православной церкви»⁵.

Что это были за зондажи? В чем они заключались? Какие именно мотивы двигали американским руководством? В литературе в целом утвердилось мнение, что эти зондажи осени 1941 г., т.е. самого раннего периода американо-советских контактов периода Великой Отечественной войны, были мотивированы теми внутривнутриполитическими осложнениями, которые возникли у администрации президента Франклина Д. Рузвельта в связи с ее попытками подключить СССР к программе ленд-лиза⁶. Первостепенную роль в отрицательном отношении американской общественности и законодателей к перспективам помощи Советскому Союзу играл его имидж последовательного гонителя религии. Причем особенно влиятельными критиками данных попыток администрации были представители католических кругов Соединенных Штатов, в том числе присутствовавшие в Конгрессе⁷.

Задача смягчить позицию американских католиков в отношении СССР могла быть решена двумя способами. С одной стороны, речь шла о воздействии на их мнение со стороны авторитетных прелатов, а лучше всего самого папы Римского. С другой стороны, американская администрация пыталась добиться хоть каких-то заявлений Москвы, которые свидетельствовали бы о смягчении ее позиции в религиозном вопросе.

² Васильева О.Ю. Указ. соч.; Беглов А.Л. Международная деятельность Русской Православной Церкви в период «нового курса» в государственно-церковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика право*. 2018. Т. 11. № 4. С. 104–129. URL: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-4-104-129> (дата обращения: 03.03.2023).

³ Например, подобные слухи были широко распространены среди населения СССР и многократно фиксировались как сообщениями госбезопасности, так и партийных органов. См.: *Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов / сост. О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. М., 2009. С. 205, 208, 214, 216–219, 221–222, 226, 234, 243, 381 и др.*

⁴ *Гарриман, Уильям Аверелл* (1891–1986) – американский бизнесмен и дипломат. Представлял президента США и на Первой (29 сентября – 1 октября 1941 г.), и на Второй московских конференциях (12–17 августа 1942 г.), был назначен Ф.Д. Рузвельтом пятым постом США в СССР (1943–1946). (*Mayers D. The Great Patriotic War, FDR's Embassy Moscow, and Soviet-US Relations // The International History Review*. 2011. № 33 (2). P. 313, 315–325). См.: Беглов А.Л., Фадеев И.А. Судьба католического храма св. Людовика в Москве в освещении американского ассумпциониста // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2021. Т. 12. Вып. 8 (106). URL: <https://history.jes.su/s207987840016675-1-1/> (дата обращения: 09.10.2022). DOI: 10.18254/S207987840016675-1

⁵ Судоплатов П. «Остаюсь единственным живым свидетелем...» // *Молодая гвардия*. 1995. № 5. С. 40.

⁶ Специальное внимание этой коллизии уделили американский исследователь С.М. Майнер и отечественный историк Б.А. Филиппов. Их описание американо-советских контактов осени 1941 г., связанных с религиозным вопросом, в силу не полностью пересекающейся источниковой базы дополняют друг друга. См.: *Майнер С.М.* Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941–1945. М., 2010. С. 289–303; *Филиппов Б.А.* Ф. Рузвельт, Пий XII, И. Сталин и проблема репутации СССР в годы Второй мировой войны // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви*. 2016. Вып. 4 (71). С. 84–102.

⁷ *Майнер С.М.* Указ. соч. С. 295.

В начале сентября 1941 г. в Ватикан прибыл личный представитель президента Рузвельта Майрон Тейлор⁸. С собой он привез письмо президента, адресованное папе Пию XII. С.М. Майнер отмечает, что «это было самое прямое и решительное вмешательство президента Рузвельта в религиозный вопрос в том, что касается СССР»⁹. В письме президент указывал, что он считает, что «существует реальная возможность того, что в результате нынешнего конфликта Россия может признать свободу религии... что выживание России породит меньшую опасность для религии и человечества в целом, чем выживание германской формы диктатуры»¹⁰. Если бы эти аргументы президента оставили папу равнодушным, М. Тейлор должен был указать на то, что американские католики слишком категорично толкуют папскую энциклику *Divini Redemptoris* (1937)¹¹, содержащую осуждение «безбожного коммунизма», и не видят разницы между помощью русскому народу и большевистскому правительству. Папа Пий XII отказался выступать с особым заявлением, но американским католическим епископам за подписью помощника государственного секретаря Ватикана Доменико Тардини было направлено специальное письмо от 20 сентября 1941 г., в котором указывалось, что «папа ничего не имеет против русского народа»¹², хотя и осуждает коммунизм. Это обращение позволило в определенной степени смягчить позицию американских католиков¹³.

Одновременно американское руководство поднимало этот вопрос в переговорах с советскими представителями, а затем и с высшими руководителями. 11–12 сентября Ф.Д. Рузвельт лично беседовал с советским послом К.А. Уманским¹⁴, среди прочего обратив его внимание на трудности, с которыми сталкивается его администрация из-за сопротивления католической общественности в вопросе об американской помощи СССР. Президент попросил – согласно записи беседы, сделанной его сотрудниками, – чтобы Москва «в течение нескольких ближайших дней прислала в Вашингтон какой-либо информационный материал о свободе религии» для создания «просветительского эффекта»¹⁵. Интересно, что в телеграмме советского посла в Москву этот момент его встречи с Рузвельтом описан в несколько иных выражениях. Уманский пишет, что президент попросил «в информации из СССР подчеркивать патриотическую позицию церкви в СССР»¹⁶.

Отметим, что западные лидеры уже не первый раз подталкивали советское руководство к пропагандистским демонстрациям, связанным с религией. Первый раз это произошло в 1930 г., когда лейбористское правительство Великобритании, по сути, подсказало советским лидерам идею организовать контрпропагандистскую кампанию, направленную против «крестового похода молитв» папы Пия XI. Ключевым элементом этой

⁸ Тейлор, Майрон Чарльз (1874–1959) – американский бизнесмен и дипломат. Являлся представителем США на Эвианской конференции (6–15 июля 1938 г. во Франции), а с 22 декабря 1939 по январь 1950 г. был личным представителем президентов Рузвельта и Трумэна при папе Пие XII.

⁹ Майнер С.М. Указ. соч. С. 296.

¹⁰ Там же.

¹¹ Пий IX. *Divini Redemptoris*. О безбожном коммунизме. URL: https://library.unavoce.ru/divini_redemptoris.html (дата обращения: 26.03.2023).

¹² Филиппов Б.А. Указ. соч. С. 91.

¹³ Майнер С.М. Указ. соч. С. 295–297; Филиппов Б.А. Ф. Указ. соч. С. 90–91.

¹⁴ Уманский, Константин Александрович (1902–1945) – полномочный представитель (1939–1941) и Чрезвычайный и Полномочный Посол (1941–1941) СССР в США. Погиб в авиакатастрофе 25 января 1945 г.

¹⁵ Цит. по: Майнер С.М. Указ. соч. С. 298. С аналогичными запросами еще в июле 1941 г. к советским представителям обращались и английские власти. (Там же.)

¹⁶ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Документы и материалы: в 2-х т. Т. 1. 1941–1943. М., 1984. С. 108. Обратим внимание, что выражения, использованные К.А. Уманским, во многом совпадают с соответствующим выражением из приведенной выше цитаты из мемуаров П.А. Судоплатова.

кампании стали заявления религиозных лидеров Советской России об отсутствии преследований на религиозной почве в СССР¹⁷.

Особенно остро необходимость некоего сигнала из Москвы, который улучшил бы имидж Советского Союза в религиозной сфере, в Вашингтоне почувствовали в начале октября 1941 г. 1 октября состоялась пресс-конференция Рузвельта. На ней, отвечая на вопрос о религиозной свободе в СССР, президент обратил внимание на права, декларированные в 124 статье советской Конституции (в ней говорилось о свободе «отправления религиозных культов») и антирелигиозной пропаганде). Американская общественность неоднозначно отреагировала на эту реплику; в адрес президента посыпались критические высказывания, его обвиняли в том, что он оправдывает Советский Союз и пытается скрыть правду о преследованиях религии в СССР. В этот момент в Москве находился представитель Ф.Д. Рузвельта А. Гарриман. Ему еще до отъезда из Америки было поручено добиться у советской стороны выступления, которое улучшило бы ее имидж и облегчило прохождение в Конгрессе законопроекта о военной помощи СССР. А. Гарриман, хотя и скептически смотрел на перспективы таких усилий, говорил об этом с И.В. Сталиным, В.М. Молотовым и К.А. Уманским¹⁸.

Ожидавшееся американской стороной выступление последовало 4 октября 1941 г., когда заместитель наркома иностранных дел и заместитель председателя Совинформбюро С.А. Лозовский напомнил журналистам, что религиозная свобода гарантирована советскими законами. В своем заявлении он упомянул пресс-конференцию президента Рузвельта от 1 октября. Последний, впрочем, считал этот демарш недостаточным¹⁹. И хотя 28 октября 1941 г. правительство США взяло на себя обязательства предоставить помощь СССР по ленд-лизу, религиозные преследования в СССР продолжали портить репутацию советской стороны в глазах союзников.

При этом во время описываемых событий в Москве находился человек, который — как мы понимаем сегодня — непосредственным образом был включен в советско-американские отношения по религиозному вопросу. Это был настоятель московской католической церкви св. Людовика, американский ассумпционист о. Леопольд Браун, А.А.²⁰ Его особый статус — представителя Святого Престола, члена американского дипломатического корпуса и человека, с 1934 г. воочию наблюдавшего особенности советской религиозной политики²¹, — позволял о. Брауну участвовать в выработке американской политики в отношении религиозного вопроса в СССР и оказывать определенное влияние на позицию Ватикана в этом вопросе. Публикуемые ниже документы из архива Государственного секретариата Ватикана проливают дополнительный свет именно на этот, самый ранний этап американо-советских контактов и на роль в них религиозного фактора.

Центральный документ этой подборки — письмо о. Брауна М. Тейлору. В самом начале этого документа о. Браун откликается на заявление президента на его пресс-конференции 1 октября. Католический священник интерпретирует высказывание Рузвельта таким образом, что это был необходимый демарш, призванный усыпить бдительность советской стороны, которая — в противном случае — могла воспринять зондажи о смягчении ее религиозной политики как неподобающее вмешательство в свои внутренние дела. Тем самым он оправдывает президента. Затем о. Браун подробно анализирует то, что, по его словам, «можно назвать советским религиозным кодексом», соглашаясь с тем,

¹⁷ Подробнее см.: *Беглов А.Л.* «Крестовый поход молитв» 1930 г. и реакция на него в СССР // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 4 (68). URL: <http://history.jes.su/s207987840002219-9-1> (дата обращения: 03.03.2023).

¹⁸ *Майнер С.М.* Указ. соч. С. 298–302.

¹⁹ Там же. С. 301–302.

²⁰ *Congregatio Augustinianorum ab Assumptione* (абр. А.А.) — Конгрегация августинцев Взятия в Небесную Славу Пресвятой Девы Марии, или ассумпционисты (от лат. *assumptio* — принятие, вознесение).

²¹ Об обстоятельствах назначения о. Брауна в Москву см.: *Беглов А.Л., Фадеев И.А.* Указ. соч.

что формально советские законы действительно гарантируют свободу совести. Однако затем он рисует масштабную картину имевших место в реальности преследований, направленных на все религиозные группы, выразившихся как в прямых репрессиях, так и в дискриминационном налогообложении, и в антирелигиозной пропаганде.

После этого он переходит к описанию ситуации, сложившейся после начала войны. О. Браун фиксирует начальный этап консультаций американских представителей в Москве и их советских визави, что имели место в сентябре и начале октября 1941 г., по поводу возможного заявления советских властей о свободе религии. Особый интерес в этом блоке его послания вызывает позиция о. Брауна относительно перспектив изменений советской антирелигиозной политики. Его позиция заметно выделяется на фоне аналогичных заявлений других представителей союзников. Так, еще в конце июля 1941 г. министерство информации Великобритании обратилось к английскому послу в Москве С. Криппсу с характерным запросом: «нет ли признаков народного религиозного возрождения?»²². Если ответ английского посла был очень сдержан и лишен оптимизма, то корреспонденция о. Брауна отличалась совсем иной интонацией. Он, как и посол, вспоминает о преследованиях, о которых знал и на собственном опыте, но также указывает, что «обращение к духовным ценностям» в условиях войны создает исключительно благоприятные условия для гарантированного изменения советской религиозной политики.

Примечательно, что о. Браун усматривает исток новых тенденций в политике советской власти, осознавшей необходимость поднять дух народа в ситуации кризиса. Он пишет: «Настойчивые призывы обращены к духовным ценностям!!! Мужество, стойкость, дух самопожертвования, упорство, патриотизм и другие подобные социальные добродетели проповедуются в попытке объединить дух решимости страны». Согласно его изложению, американские представители, прежде всего посол Л.А. Стейнхардт, только отреагировали на это замеченное ими изменение. О. Браун не обсуждает прагматических мотивов американской стороны. Для него как священника фиксация «нового курса» советской религиозной политики имеет самодовлеющую ценность. И хотя заявление заместителя наркома иностранных дел С.А. Лозовского скорее разочаровало о. Брауна, он был убежден, что наступил именно тот момент, когда союзники, прежде всего американцы, могут добиться от советского руководства изменения его прежней политики в отношении религии.

Нужно также иметь в виду, что внешнеполитическое ведомство США, которому о. Браун адресовал свои письма, побуждая его усилить нажим на руководство СССР с целью добиться от него гарантий религиозной свободы в Советской России, было не единственным адресатом этого послания. Предполагалось, что его письма станут известны и в Ватикане. Последний, несмотря на усилия президента Рузвельта, продолжал занимать осторожную, выжидательную позицию и не спешил менять свое отношение к СССР и религиозной политике его руководства. И в этом контексте письма о. Брауна должны были показать, что изменения советской религиозной политики возможны именно сейчас, они почти состоялись, необходимо лишь предпринять энергичные и согласованные усилия. Тем самым, оказавшись в Государственном секретариате Ватикана, письмо Брауна прочитывались как подкрепляющие точку зрения на эту проблему американского руководства. Заключительный блок послания о. Брауна, по сути, согласуется с одной из главных мыслей послания президента Рузвельта папе Пию XII: «Думаю, существует реальная возможность того, что в результате нынешнего конфликта Россия может признать свободу религии»²³. Впрочем, представители ватиканской дипломатии, как это видно из заключительного пассажа письма апостольского делегата в США А. Чиконьяни (№ 1), а также из проекта ответа ему (№ 4), продолжали занимать настороженную позицию.

²² Майнер С.М. Указ. соч. С. 114–115; 289.

²³ Цит. по: Там же. С. 296.

Ватикан ждал не заявлений советских представителей, а действий, которые указывали бы на реальное изменение политики советской стороны.

Четыре документа из архива Государственного секретариата Ватикана (Archivio Storico della Sezione per i Rapporti con gli Stati della Segreteria di Stato, Città del Vaticano. Fondo Affari Ecclesiastici Straordinari, далее – АА.ЕЕ.СС.), представленные ниже, публикуются впервые. Названия документов, а также все примечания к их текстам даны публикаторами.

№ 1. СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО АПОСТОЛЬСКОГО ДЕЛЕГАТА В США А. ЧИКОНЬЯНИ ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ ВАТИКАНА КАРДИНАЛУ Л. МАЛЬОНЕ С ИНФОРМАЦИЕЙ О КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ОТЦА Л. БРАУНА

Его Высокопреосвященству
господину кардиналу Луиджи Мальоне,
государственному секретарю
Святого Престола

3339 Массачусетс Авеню,
Вашингтон, округ Колумбия
11 ноября 1941

Ваше Высокопреосвященство!²⁴

В дополнение к моему почтительному донесению № 1038/41 от 27 октября, в котором я направил Вашему Высокопреосвященству копию письма преподобного отца Леопольда Брауна, А.А., капеллана американских католиков в Москве, адресованного Е[го] П[ревосходительству] г-ну Майрону Тейлору, имею честь передать Вашему Высокопреосвященству фотокопию другого письма, которое отец Браун сам направил г-ну Тейлору 5 октября. Он поручил мне сделать это, сообщив, что отправил копию Генеральному секретарю Государственного департамента почтенному Халлу²⁵ (Приложение).

Преподобный Браун рисует важную картину религиозной ситуации в Советской России.

Конституция СССР, обнародованная 5 декабря 1936 г., как заявил г-н Рузвельт, можно сказать, предоставляет свободу вероисповедания согласно статье 124²⁶, основанной на Декрете Народных Комиссаров СССР от 23 января 1918 г.; Конституция 1936 г., подтверждая предыдущее законодательство, также сделала законной антирелигиозную пропаганду, которая уже всячески практикуется.

Однако, если оставить в стороне законодательство, реальность совершенно иная. Культовые здания закрываются и используются для иных целей; служителей религии преследуют, заставляют платить непомерные налоги под страхом прекратить их служение;

²⁴ *Мальоне, Луиджи* (1877–1944) – куриальный кардинал, возведенный в кардинальное достоинство в 1935 г. Пием XI. В 1920 г. был рукоположен во епископа кардиналом Пьетро Гаспари (1852–1934), госсекретарем Святого Престола (1914–1930). Занимал пост апостольского нунция во Франции (1926–1938). В 1930 г. рукоположил во священники Ива Конгара (1904–1995) – доминиканца и участника подготовительной комиссии Второго Ватиканского собора (11 октября 1962 г. – 8 декабря 1965 г.). В 1938 г. был назначен префектом Священной конгрегации собора. Участвовал в конклаве 1939 г., избравшем кардинала Эудженио Пачелли папой Пием XII. Занимал пост государственного секретаря Святого Престола (1939–1944).

²⁵ *Халл, Корделл* (1871–1955) – американский политик и лауреат Нобелевской премии (1945) за его роль в создании ООН. Был государственным секретарем в администрации президента Ф.Д. Рузвельта, занимая эту должность 11 лет (1933–1944).

²⁶ Статья 124: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признаются за всеми гражданами».

таким образом их принуждают к бездействию, заключают в тюрьмы, ссылают; большинство из них умерло от тягот и лишений. Запрещены книги и предметы благочестия; больше нет Библии, Талмуда, Корана или любой другой книги, содержащей правила благочестия и религиозные наставления. В городах и сельской местности распространяются антирелигиозные, атеистические газеты, журналы, книги и пособия, а школьников заставляют подписываться на эти издания. Даже представителями правительства вышеупомянутая статья 124 трактуется в антирелигиозном ключе. С 1926 г. в России не было рукоположено ни одного католического священника. Перед лицом такой реальности совершенно неважно, есть ли тут или там несколько уцелевших служителей культа или несколько зданий, предназначенных для молитвы. Движение «безбожников» получило возможность свободно разрушать и всячески поощряется.

Германское вторжение, естественно, вызвало большую тревогу в СССР. Теперь звучит призыв к мужеству, стойкости, самопожертвованию; и признается, особенно после того, как г-н Рузвельт поднял этот вопрос, что религиозный элемент может принести немалую пользу внутри России и за ее пределами с государствами, которые сейчас помогают ей. Было допущено несколько упоминаний религии, а 5 октября в «Правде» появилось заявление комиссара Лозовского, которое воспроизводится в прилагаемом документе; в нем не так много сказано в пользу религии, но это немного вызвало много комментариев в России²⁷.

Специальный посол г-н Гарриман, направленный господином президентом к российскому правительству около двух месяцев назад — и теперь вернувшийся в Соединенные Штаты, — и посол Стейнхардт²⁸ (иудей), уже некоторое время представляющий Соединенные Штаты в Кремле, также обсудили вопрос религиозной свободы в России и вступили в тесный контакт с преподобным Брауном.

Преподобный Браун, признавая, что такое нововведение вдохновлено скорее оппортунизмом, нежели другими побуждениями, считает это благоприятной возможностью предпринять шаги и оказать давление на российское правительство в пользу свободы совести и свободного вероисповедания и рекомендует уведомить Святой Престол о своем письме, здесь прилагаемом.

Правительство США, несомненно, делает все возможное, чтобы помочь России в борьбе с нацистским вторжением; и оно также могло бы использовать свой престиж, особенно в это время, в интересах религиозной свободы. Однако я считаю, что одними лишь рекомендациями многого не добиться точно так же, как ничего не принесло упоминание религии Рузвельтом в 1933 г. в разговоре с тогдашним министром иностранных дел Максимом Литвиновым при восстановлении дипломатических отношений между Соединенными Штатами Америки и Россией. Литвинов также заявил, что в России существует свобода вероисповедания. В эти самые дни он возвращается в Вашингтон в качестве посла СССР в этой республике, и его выбор считают прекрасным для интересов России.

²⁷ Опуская приложение, приведем некоторые выдержки из него: «Общественность Советского Союза с большим интересом ознакомилась с заявлением господина президента Рузвельта на пресс-конференции относительно свободы отправления религиозного культа в СССР. Господин президент точно указал на основные принципы Конституции СССР в вопросе о свободе отправления религиозного культа советскими гражданами... В СССР существует свобода отправления религиозного культа. Это значит, что каждый советский гражданин может исповедывать любую религию. Это вопрос совести и мировоззрения каждого гражданина... Религия — частное дело советских граждан, в которое государство не вмешивается и не считает нужным такое вмешательство...

Законодательство Советского Союза не считает возможным заставлять граждан ни исповедывать, ни не исповедывать ту или иную религию. Это дело совести каждого советского гражданина». На очередной пресс-конференции иностранных корреспондентов. См.: Правда. 5.X.1941. С. 3.

²⁸ *Стейнхардт, Лоуренс Адольф* (1892–1950) — американский экономист, юрист и высокопоставленный дипломат Государственного департамента США, служивший послом в СССР в 1939–1941 гг.

В заключение я хотел бы выразить искреннюю благодарность за относящуюся ко мне информацию, которую я получаю регулярно и понимаю ее значение.

С поклоном лобзая Вашу мантию, повторно заверяю Вас в моем послушании и высочайшем почтении, в котором я с великим удовольствием укрепляюсь.

Вашего Высокопреосвященства
покорнейший, преданнейший, благодарнейший слуга,
 † Амлето Джованни Чиконьяни, А[постольский] Д[елегат]²⁹

AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Parte I (1939–1948). Russia. Pos. 691B. Libertà religiosa. 1941–1947. Ff. 171–174. Машинопись. Подлинник на бланке апостольского делегата в США, язык оригинала – итальянский. На бланке машинописью номер: «1092/41» и тема: «Lettera di P. Braun» («Письмо о. Брауна»). Подпись – автограф.

№ 2. ПИСЬМО О. Л. БРАУНА ЛИЧНОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ ПРЕЗИДЕНТА РУЗВЕЛЬТА В ВАТИКАНЕ М. ТЕЙЛОРУ О НЕОБХОДИМОСТИ ДОБИВАТЬСЯ ИЗМЕНЕНИЯ СОВЕТСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ

Москва, СССР
 5 октября 1941 г.

Достопочтенный Майрон Тейлор,
 Государственный департамент,
 Вашингтон, округ Колумбия

Уважаемый господин посол.

2 октября я имел честь обратиться к Вам через послов Стейнхардта и Гарримана по поводу религиозной ситуации в этой стране. Последние события побуждают меня обсудить этот вопрос более подробно и изложить в письменном виде детали, которых не было в моем письме к Вам от 2 октября.

Публичное заявление президента Рузвельта о религиозном статусе поляков в СССР и его последующее заявление, что советская Конституция предлагает религиозные гарантии, аналогичные тем, которые изложены в американской Конституции, стало мне известно при чтении «Правды» от 2 октября³⁰ всего через несколько минут после того,

²⁹ Чиконьяни, Амлето Джованни (1883–1973) – итальянский кардинал, возведенный в кардинальное достоинство в 1958 г. папой Иоанном XXIII. С 1933 по 1959 г. занимал пост апостольского делегата в США. Его брат Гаэтано Чиконьяни (1881–1962) был возведен в кардинальное достоинство в 1953 г. Прием XII и служил префектом Верховного Трибунала Апостольской Сигнатуры (высший суд в системе судопроизводства католической церкви) с 1954 по 1962 г. Так как каноническое право (канон 232, пар. 2, подпар. 3 Кодекса канонического права 1917 г.) запрещало возводить в кардинальское достоинство клириков, которые были родственниками живого кардинала первой или второй очереди, папе пришлось сделать для Амлето исключение. А. Чиконьяни занимал пост госсекретаря Святого Престола с 1961 по 1969 г., а также декана Коллегии кардиналов с 1972 г. и до смерти в 1973 г. О Кодексе канонического права 1917 г. см. подробнее: *Фадеев И.А., Аникеев И.И.* Кодекс канонического права 1917 года: кодификация и развитие канонического права Латинской церкви в первой половине XX века // Новая и новейшая история. 2021. № 4. С. 184–201. DOI: 10.31857/S013038640014890-7

³⁰ «Отвечая на вопросы представителей печати относительно положения поляков в Советском Союзе и, в частности, относительно предоставления им свободы отправления религиозного культа, Рузвельт заявил, что Советская Конституция гарантирует свободу вероисповедания наряду со свободой выступлений против религии. Гарантии Советской Конституции в отношении религии, заявил Рузвельт, аналогичны гарантиям, предоставляемым конституцией США. Рузвельт предложил корреспондентам ознакомиться со статьей 124 Советской Конституции». Выступление Рузвельта на пресс-конференции // Правда. 2.X.1941. С. 3.

как я имел честь обменяться мнениями именно на эту тему с послами Стейнхардтом и Гарриманом во время краткого пребывания последнего в Москве.

Если бы я не знал, что между нашим правительством и местными властями уже состоялись важные переговоры через посла Стейнхардта, то, несомненно, никто, кроме меня, не был бы более озадачен и буквально ошеломлен, прочитав такое огульное заявление, сделанное, особенно в это время, столь значительной фигурой, как наш президент. Еще до того, как я конфиденциально ознакомился с дипломатическими предпосылками, приведшими к этому высказыванию вселенского значения, я чувствовал, что, хотя при строгом рассмотрении фактов это заявление чрезвычайно усиливает юридическую истину, почти полностью подавленную и затертую до мертвой буквы практикой, у меня все же было ощущение, что это незаметно и очень ловко подготавливает путь к чему-то очень важному. Личные чувства всегда должны учитываться при взаимодействии с отдельными людьми, тем более при взаимодействии с группой людей, представляющих правительства, которые, в свою очередь, представляют целые нации! Поскольку к советскому правительству нужно было обратиться по религиозному вопросу, я предполагаю, что это заявление президента Рузвельта на пресс-конференции было использовано как шаг, нейтрализующий любое чувство восприимчивости со стороны СССР. В противном случае американское правительство можно было бы обвинить во вмешательстве во внутренние дела этой страны. Если это так, а я уверен, что это так, то большая часть шока, вызванного заявлением президента Рузвельта на пресс-конференции, поглощена подобными соображениями. Полагаю, господин посол, вы учитываете, что я живу в этой стране последние восемь лет.

Конституция СССР, на которую ссылался президент Рузвельт (ст. 124), была обнародована 5 декабря 1936 г. С 1918 г. и по настоящее время основы религиозного законодательства в СССР базируются на Декрете Совета Народных Комиссаров от 23 января 1918 г. Все законы религиозного характера, принятые с 1918 по 1929 г., были сведены в один Декрет (65 статей с многочисленными подпунктами) от 8 апреля 1929 г., утвержденный Всесоюзным Центральным Исполнительным Советом и Советом Народных Комиссаров. Кроме этих двух важных декретов, вспомогательные законы, инструкции, циркуляры с комментариями, касающиеся отделения церкви от государства и отделения школы от церкви, образуют то, что можно назвать советским религиозным кодексом (224 стр. 8-vo)³¹.

Крайне важно отметить, что Конституция СССР 1936 г. не внесла существенных изменений в ранее действовавшее законодательство. Позитивный аспект свободы совести (права на вероисповедание) изначально содержался и был четко оговорен в Декретах 1918–1929 гг. и последующих. Негативный аспект свободы совести (право на антирелигиозную пропаганду) был практически единственным новым элементом, юридически включенным в Конституцию 1936 г., поскольку до этого времени он нигде не существовал, хотя уже давно применялся.

Опираясь на юридические тексты, у любого человека есть основания полагать, что на самом деле в этой стране с 1918 г. предоставлялась большая позитивная религиозная свобода. В самом деле, когда президент Рузвельт подчеркнул некоторые моменты религиозной свободы во время своих переговоров с тогдашним министром иностранных дел Литвиновым (нояб. 1930 г. во время переговоров об установлении дипломатических

³¹ То есть 224 страницы формата In octavo.

отношений с Советской Россией)³², г-н Литвинов в качестве доказательства того, что все эти права предоставляются и поддерживаются советским законодательством, ссылаясь именно на Декрет от 8 апреля 1929 г., среди прочего.

Следовательно, любое честное и беспристрастное изучение таких правовых текстов, особенно сделанное на расстоянии, убедит любого, что советское законодательство действительно и искренне гарантировало свободу совести. На простом английском языке это означает, что верующим в Советском Союзе разрешено иметь свои церкви и свободно в них входить. Это означает, что верующие имеют право на духовное окормление, помощь и служение своего духовенства. Это значит, что ни один советский гражданин, желающий отправлять религиозные обряды, не может быть подвергнут наказанию, тюремному заключению или иному жестокому обращению за то, что у него есть Библия, молитвенник, святые образы, иконы и другие предметы, полезные для внешнего выражения его внутренних чувств. Все эти различные аспекты религиозного культа, взятые наугад, безусловно, гарантируются советским законодательством и Конституцией СССР.

Теперь необходимо изучить, в какой степени эти законы применяются на практике. На момент написания данного документа (окт. 5, 1941) все до единого представители католического духовенства в СССР были арестованы, заключены в тюрьму или высланы!!! Самые последние священники, чье присутствие некоторое время терпели, были арестованы в 1939 г. Тогда их оставалось всего десять или двенадцать. Все приходы (Кат[олические]) в Советском Союзе были расформированы и фактически закрыты к 1939 г., за исключением одной церкви в Ленинграде и одной в Москве. В стране не осталось ничего от четырех прежде существовавших католических епархий, в каждой из которых было

³² Речь идет о ряде писем, адресованных президентом США Ф.Д. Рузвельтом и народным комиссаром по иностранным делам СССР М.М. Литвиновым (1930–1939) друг другу 16 ноября 1933 г. В частности, в одном из них М.М. Литвинов подтверждает согласие правительства СССР «предоставлять гражданам Соединенных Штатов на территории Союза Советских Социалистических Республик следующие упомянутые Вами права:

1. Право «беспрепятственного осуществления свободы совести и отправления религиозных культов» и защиту «от каких бы то ни было ограничений в правах или преследований в связи с их религиозными убеждениями или отправлениями культов». [...]

2. Право «совершать без каких-либо помех или препятствий богослужение и религиозные обряды». [...]

3. «Право и возможность аренды, постройки или поддержания в надлежащих условиях» церквей, домов или иных строений, предназначенных для религиозных целей. [...]

4. «Право собирать со своих единоверцев... добровольные пожертвования на религиозные цели». [...]

5. «Право давать религиозное обучение своим детям как в одиночку, так и в группах, или право на то, чтобы подобное обучение совершалось лицами, которых они используют для этой цели». [...]

Далее Советское Правительство готово включить в консульскую конвенцию, подлежащую обсуждению немедленно после установления отношений между нашими обоими странами, постановление, в котором гражданам Соединенных Штатов в отношении свободы совести и свободного отправления религии будут предоставлены права, которые будут не менее благоприятны, чем те права, которыми пользуются в Союзе Советских Социалистических Республик граждане наиболее благоприятствуемой в этом отношении нации...

Далее я хотел бы отметить, что права, упомянутые в указанном пункте, будут предоставлены американским гражданам немедленно по установлении взаимоотношений между нашими обоими странами.

Наконец, я имею честь сообщить Вам, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик, оставляя за собой право отказа по персональным причинам в визах американцам, желающим отправиться в Союз Советских Социалистических Республик, не намеревается обосновывать подобные отказы тем, что подобные лица имеют духовное звание». (Письмо народного комиссара иностранных дел СССР президенту США Рузвельту. Вашингтон, 16 ноября 1933 года // Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1927–1933 / науч. ред. Г.Н. Севостьянов, Дж. Хэзлем. М., 2002. С. 716–719; оригинал: Mr. M. Litvinoff to President Roosevelt. Washington, November 16, 1933 // US Senate. Establishment of Diplomatic Relations with the Union of Soviet Socialist Republics (81st Congress. 1st Session. Document № 90). Washington, 1949. P. 8–10).

от трех до четырехсот священников, не считая закрытых семинарий. С 1926 г. в Советской России не было совершено ни одного рукоположения католических священников! Апостольский администратор Беларуси о. Петр Авгло³³ умер в тюрьме в Могилеве. Монсеньор Леонид Федоров³⁴, админ. российских католиков восточного обряда, умер в ссылке в Кировске [так в оригинале] (бывшая Вятка). Администратор армяно-католиков был также сослан³⁵, а все его священники и приходы на Кавказе и в Грузии были насильственно закрыты к 1938 г. Епископ Александр Фризон³⁶ был расстрелян в Крыму в 1937 г. Епископ Варфоломей³⁷ (Barthelemy) умер в тюрьме в Москве в 1935 г.

Против воли верующих и после уплаты непомерных налогов церкви насильственно закрывались и превращались в гаражи, склады, швейные мастерские, кинотеатры, рестораны и т.д.

Евангелическое духовенство (лютеранское) оказалось не в лучшем положении здесь, в столице, и особенно в Одесской области и Поволжье, где их многочисленные церкви были закрыты все до одной. В 1934 г. семь лютеранских пасторов были приговорены к смертной казни за то, что посылали имена нуждающихся семей в иностранные общества, официально обозначенные с местного разрешения как благотворительные центры. (Торгсин – и Красный Крест).

Синагоги оставались в основном нетронутыми до 1938 г., когда одна за другой, в основном в Белоруссии и в Украине, они были закрыты. Некоторые из них до сих пор открыты.

Атеистические агитаторы и пропагандисты, официально направленные и оплачиваемые советским правительством для убеждения дальневосточных мусульман в бесполезности молитвы Аллаху, подвергались жестокому обращению. Во многих случаях агитаторы, пытаясь добиться закрытия мечетей, подвергались насильственной смерти от рук разъяренных мусульман. Об этих событиях почти ничего не было опубликовано, но

³³ *Авгло, Петр* (Peter Awgło; 1861–1937) – католический священник. Арестован в 1923 г. по коллективному делу против католического духовенства во главе с архиепископом Яном Цепляком. В 1927 г. апостольский администратор Беларуси Болеслав Слоскан передал ему полномочия генерального викария. Расстрелян 27 августа 1937 г.

³⁴ *Федоров, Леонид* (1879–1935) – видный деятель Католической церкви первой половины XX в., глава Апостольского экзархата католиков византийского обряда в России (1921–1935). Получив образование в иезуитской понтификальной коллегии в городе Ананьи, а также в понтификальной коллегии при Конгрегации пропаганды веры, в 1911 г. о. Леонид был рукоположен в священники. Он сразу стал одним из сподвижников митрополита Андрея Шептицкого – епископа и предстоятеля Украинской Греко-католической церкви, созвавшего в 1917 г. Первый и учредительный собор Российской Греко-католической церкви. В 1921 г. Шептицкий назначил Федорова экзархом русских католиков византийского обряда на территории Советской России. С 1923 г. и до своей кончины в 1935 г. о. Леонид провел в тюрьмах, лагерях и ссылках. В 2001 г. папа Иоанн II причислил Федорова к лику блаженных Католической церкви. (*Фадеев И.А., Шебалин Д.Д.* «Правительство само регламентирует догматы Церкви так, как это ему кажется более выгодным...» Экзарх Л. Федоров о религиозной политике советской власти // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I. Богословие. Философия. Религиоведение.* 2021. Вып. 95. С. 110. DOI: 10.15382/sturI202195.109-122).

³⁵ Речь идет о преподобном монсеньоре Саркисе Тер-Абрамяне (1868–1952), католическом священнике, назначенном апостольским администратором еще в 1905 г. Из-за преследований советской власти покинул Советский Союз и переехал в Италию в 1933 г., где был рукоположен во епископа.

³⁶ *Фризон, Александр* (1875–1937) – католический епископ. 10 мая 1926 г. был тайно хиротонисан во епископа (вместе с другим священником Болеславом Слосканом) в церкви св. Людовика Французского (Москва) епископом Мишелем Д’Эрбиньи (1880–1957) и назначен апостольским администратором Одессы. Расстрелян в июне 1937 г.

³⁷ *Варфоломей (Ремов)* (1888–1935) – архиепископ Русской православной церкви, который, по некоторым данным, был тайно принят в общение Католической церкви и назначен викарием апостольского администратора в Москве для католиков восточного обряда; расстрелян в 1935 г. Вопрос о его переходе в Католическую церковь остается дискуссионным. См.: *Осипова И.И.* «В язвах своих сокрой меня...». М., 1996. С. 37–38; [Беглов А.] *Жизненный путь архиепископа Варфоломея // Альфа и Омега.* 1998. № 4 (18). С. 119–129.

Ярославский³⁸ (руководитель движения безбожников) сразу же предложил агитаторам изменить методы пропаганды.

В бесчисленных местах, где церкви были закрыты, верующие собирались для молитвы в частных домах или же, как это происходит и сейчас, на кладбищах для совместного богослужения. Этот метод использовался как христианами, так и иудеями (Israelites), и мусульманами. Здесь, в Москве, баптистам уже много лет не разрешают иметь официальное место для богослужений³⁹. Они вынуждены собираться в разных местах, никогда дважды в одном и том же, настолько хорошо применяется свобода, предоставленная Конституцией. Православная вера, конечно, пострадала в первую очередь и в неопишуемых масштабах. От ее многочисленной иерархии почти ничего не осталось: один митрополит в Ленинграде и один в Москве⁴⁰. Их любимый Патриарх Тихон погиб в руках ГПУ⁴¹. В Москве есть еще один митрополит, но он принадлежит к той, что официально называется Обновленческой православной церковью, в то время как истинные православные верующие обычно называют ее Красной церковью⁴², поскольку правительство оказывало ей определенную поддержку до тех пор, пока она могла вредить почтенному старому митрополиту, собор которого был взорван два года назад⁴³. Та часть православного вероисповедания, которая известна как старообрядцы, больше не существует самостоятельно, поскольку не так давно они объединились с Православными (Pravoslavni) (истинно православными)⁴⁴.

По аналогии с католическим духовенством православные священники облагались колоссальными подоходными налогами. Вскоре наступил момент, когда они уже не могли их платить. Конечно, они отказались в силу крайней необходимости. Их церкви были

³⁸ *Ярославский, Емельян Михайлович* (настоящее имя – Миней Израильевич Губельман; 1878–1943) – председатель «Союза воинствующих безбожников», существовавшего с 1925 по 1947 г., и Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б), функционировавшей с 1922 по 1929 г.

³⁹ У баптистов в Москве действительно не было ни одного зарегистрированного помещения начиная с 1935 г., когда был ликвидирован Союз баптистов и изъято последнее молитвенное помещение. См.: *Белякова Н.А., Клюева В.П.* «Квартирный вопрос только испортил их...»: о конфликте вокруг одного молитвенного помещения в Москве // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Вып. 9 (53). URL: <https://history.jes.ru/s207987840001855-9-1/> (дата обращения: 03.03.2023). DOI: 10.18254/S0001855-9-1

⁴⁰ К началу Второй мировой войны иерархия Российской православной церкви состояла из четырех архиепископов, занимавших свои кафедры: митрополитов Московского и Ленинградского и двух викарных архиепископов. На свободе оставались еще несколько епископов, которых власти не позволяли назначить на вакантные кафедры; они совершали богослужения как настоятели храмов. В 1939–1941 гг., после присоединения к СССР новых территорий, согласно пакту Молотова – Риббентропа, в состав Российской церкви вошел ряд православных иерархов новоприсоединенных территорий. См.: *Цытин В., протоиерей.* История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 254–262.

⁴¹ Патриарх Российской православной церкви Тихон (Белавин) (1865–1925, патриарх в 1917–1925 гг.) по официальной версии скончался от болезни сердца. Между тем после его кончины циркулировали устойчивые слухи о насильственном характере его смерти, которые и воспроизводит о. Браун. Определенным основанием для них были покушения на его жизнь, имевшие место в предшествующие годы.

⁴² Обновленческое движение в Русской церкви было инспирировано властями в 1922 г. с целью раскола патриаршей церкви. К 1941 г. официально именовалось – Православная церковь в СССР. Закончило свое существование во второй половине 1940-х годов.

⁴³ Имеются в виду патриарший местоблюститель Российской православной церкви митрополит Сергей (Страгородский) (1867–1944) и Богоявленский собор в Дорогомилове, взорванный в 1938 г. До своего разрушения этот храм был кафедральным собором патриаршей церкви.

⁴⁴ Не вполне ясно, что имеет в виду о. Браун. Возможно, в этой фразе отразились слухи о вступлении в 1925 г. в общине с белгородским старообрядческим согласием епископа Андрея (Ухтомского), которое стороны трактовали по-разному: епископ Андрей – как «воссоединение» когда-то разделившихся церквей, а старообрядцы – как его присоединение к их организации, и о присоединении в 1923 г. к тому же согласию обновленческого епископа Николая (Позднева). В любом случае речь о прекращении самостоятельного существования старообрядческих церквей не шла.

закрыты вскоре после этого из-за отсутствия «служителя культа», как здесь официально именуют священников. С момента обнародования и повсеместной огласки Конституции не менее двадцати церквей только в Москве были осквернены и закрыты против воли верующих. С 5 декабря 1936 г. было прочитано бесчисленное количество лекций по толкованию статьи 124 Конституции. Одна из них, специально прочитанная Крыленко⁴⁵, в то время генеральным прокурором, а затем «ликвидированным» по политическим причинам, не оставляла сомнений в том, как следует понимать статью 124. На лекции присутствовали два американца, которые слышали, как Крыленко сказал: «Какое дело советскому правительству до того, что верующие хотят хоронить своих умерших с соблюдением религиозных обрядов? Пусть они также хоронят картошку с соблюдением религиозных обрядов, если им так хочется». Обратите внимание, что это были слова официального представителя советского правительства.

Только прошлым летом в маленькой подмосковной деревушке местному священнику, почтенному и святому старцу, было предложено заплатить 54 000 (пятьдесят четыре тысячи) рублей подоходного налога! Конечно, бедняга не смог этого сделать и ушел по собственному желанию, чтобы не попасть в тюрьму. Естественно, церковь была быстро закрыта.

Все помнят слова Сталина, что дети не должны отвечать за преступления своих родителей⁴⁶. Эти слова прозвучали и после принятия Конституции. В Москве есть десятки священников, чьи сыновья и дочери не имеют никакого продвижения по службе, для них закрыта та или иная карьера только потому, что их отцы – *slouzhiteli koulta* («служители культа»). Это относится и к лютеранскому духовенству.

Независимо от всего этого, мало кто понимает, что служитель культа (клирик, священник, раввин, мулла и т.д.) по закону должен платить подоходный налог в размере 40% от своего фактического дохода или дохода, который государственный инспектор по подоходному налогу просто считает или произвольно устанавливает, что он должен получать⁴⁷. Это законодательство действовало до принятия Конституции и остается в силе.

Вскоре после начала войны была закрыта красивая и исторически важная церковь недалеко от Москвы, а прямо в столице церковь св. Филиппа⁴⁸, которую, хотя она и была большой и просторной, не могла вместить толпы прихожан, постигла та же участь только четыре недели назад. В обоих случаях очень ценные и достойные внимания иконы власти приказали сжечь. Никто из верующих не требовал закрытия этих церквей. Во многих случаях моральное давление, подкрепленное всевозможными угрозами, заставило членов церковных советов сложить свои полномочия. Когда не удавалось набрать необходимое по закону число, власти немедленно захватывали здание. С 1918 г. четыре православные духовные академии – Петроградская, Московская, Казанская и Киевская – были полностью подавлены и вынуждены прекратить свое существование. От Московской консистории, во главе которой ранее стоял митрополит Сергей, осталось только название, которое еще несколько месяцев назад было осмеяно и подло оклеветано в антирелигиозной газете *Bezbozhnik* («Атеист»), недавно подавленной-приостановленной или совсем

⁴⁵ *Крыленко, Николай Васильевич* (1885–1938) – советский государственный деятель, председатель Верховного суда СССР (1923–1924), прокурор РСФСР (1929–1931), народный комиссар юстиции РСФСР (1931–1936), народный комиссар СССР (1936–1938). Был государственным обвинителем по «Делу польских ксендзов». Незаконно репрессирован в 1938 г., расстрелян на полигоне «Коммунарка».

⁴⁶ Очевидно, о. Браун вспоминает реплику Сталина на Всесоюзном совещании передовых комбайнеров и комбайнерок 1 декабря 1935 г., когда в ответ на слова одного из делегатов, что он «сын кулака», но будет «честно бороться за дело рабочих и крестьян и за построение социализма», Сталин произнес: «Сын за отца не отвечает» (Правда. 2.XII.1935).

⁴⁷ Это предложение отчеркнуто на полях и к нему поставлен знак вопроса.

⁴⁸ Речь, возможно, о церкви свт. Филиппа, митрополита Московского, в Мещанской слободе, построенной в 1677 г. Закрыта советскими властями в 1939 г.

упраздненной (точно никто не знает) из-за «отсутствия бумаги», как официально объяснил Лозовский⁴⁹ на недавней пресс-конференции.

Антирелигиозные газеты, рецензии, памфлеты, книги и справочники, тщательно игнорируемые населением, были навязаны читательским клубам, школам и библиотекам. Поскольку никто не проявлял интереса, подписка стала обязательной. Школьников регулярно приводят на организованные лекции в антирелигиозные музеи не только в Москве и Ленинграде, но и повсюду в Советском Союзе, независимо от того, хотя бы они их посещать или нет. Юношей и девушек учат шпионить за своими товарищами, которые осязается пойти в церковь. Таким людям, посещающим церковь, приписываются особые черты под рубрикой: «социальные характеристики». Однако всегда стараются не наказывать студента открыто по религиозным причинам, поскольку в Советском Союзе нет преследований по религиозным мотивам.

Никаких публикаций религиозного характера в Советском Союзе не было уже много лет. Примерно в 1926 г. полностью прекратился выпуск агонизировавшего ежемесячного журнала православной церкви, сократившегося к тому времени до жалкого четырехстраничного бюллетеня⁵⁰. С 1918 г. в России нигде нельзя купить ни Библию, ни Талмуд, ни Коран, ни какую-либо религиозную книгу, за исключением, может быть, государственных антикварных магазинов, где такие книги можно купить по высокой цене как диковинные предметы. С другой стороны, базарные и уличные торговцы заворачивают свои товары, рыбу, овощи и мясо в листы, вырванные из религиозных фолиантов и даже рукописей!!!

Ныне страну постигло страшное бедствие. Настало время, когда ее лидеры должны обратиться не только к материальному энергопроизводству – интенсификации промышленности и освоению природных ресурсов. Все это совершенно необходимо, но настоятельные призывы обращены к духовным ценностям!!! Мужество, стойкость, дух самопожертвования, упорство, патриотизм и другие подобные социальные добродетели проповедуются в попытке объединить дух решимости страны.

Посол Стейнхардт быстро заметил этот психологический поворот. Он задолго до этого понял, насколько велико будет влияние религии, если внутренние духовные убеждения верующих получат, наконец, возможность проявляться нормально, без ограничений. Несколько признаков привели его к выводу, что настало время добиться от местного правительства какой-либо важной декларации, касающейся вопроса религии. Четыре месяца назад посол Стейнхардт высказал свое мнение, но тогда было мало надежд на то, что он удостоится хотя бы приемлемого слушания. Совсем недавно американской даме разрешили сделать фотографии исключительно церковного характера, что было совершенно неслыханно⁵¹. Более того, по предложению посла эти фотографии были переданы в мест-

⁴⁹ Речь, видимо, о Соломоне Абрамовиче Лозовском (1878–1952) – деятеле советского профсоюзного движения, заместителе (1939–1946) наркома иностранных дел, председателе Совинформбюро (1946–1947). Расстрелян в 1952 г.

⁵⁰ Сведения, которые приводит здесь о. Браун, не вполне точны. В 1920-е годы в РСФСР и УССР выходило несколько десятков церковных периодических изданий, выпускавшихся обновленческими группами. До 1931 г. выходил центральный орган обновленческой церкви «Вестник Священного синода Православных церквей в СССР» (до 1928 г. он именовался «Вестник Священного Синода Православной российской церкви»). В 1931–1935 гг. выходил официальный орган Российской православной церкви Московского патриархата «Журнал Московской патриархии», единственное церковное издание этого периода. Хотя журнал был заявлен как ежемесячный, он выходил с более редкой периодичностью. Его объем колебался от 8 до 14 страниц, включая печатавшийся здесь же церковный календарь на ближайшие месяцы. См.: *Полищук Е.С.* «Журнал Московской патриархии» // *Православная энциклопедия*. Т. 19. Ефесеянам послание – Зверев. М., 2008. С. 396–398.

⁵¹ Речь идет об известном американском фотографe-документалисте, корреспонденте журнала *Life* Маргарет Бурк-Уайт (1904–1971), ставшей первым иностранным фотографом, допущенным в Советский Союз для съемки объектов советской промышленности в период первой пятилетки. Свои впечатления от поездки 1930 г. она описала в книге *A Look at Russia* (1934). Несмотря на благожелательный тон в отношении Советского Союза, книга вызвала отрицательную реакцию у

ную цензуру с целью их дальнейшей отправки (в США. — *А.Б., И.Ф.*). После трехдневной задержки вся партия была пропущена и официально одобрена.

Позже в беседе с Лозовским посол Стейнхардт умело поднял вопрос об этих фотографиях и спросил, означает ли это, что правительство более благосклонно относится к религии в этой стране. Лозовский, конечно, не был готов выступить с официальным заявлением и не посмел бы высказать свое личное мнение, что посол и попросил его сделать. Очевидно, его застали врасплох. К счастью, этот первый подход в конечном счете быстро перерос в солидное предложение, и советское правительство заявило через своего глашатая, что оно готово рассмотреть этот вопрос. (Я просто обязан отметить здесь, насколько искренне посол желает сделать что-то важное в интересах религии. Он сказал мне, что особенно обязан католической церкви в лице покойного кардинала Хейса⁵², который очень помог послу в прошлом.)

Когда прибыл посол Гарриман, г-н Стейнхардт уже сумел расчистить поле для более прямых переговоров. Он рассказал Лозовскому, как дорог сердцу президента и всей американской нации вопрос о свободе вероисповедания. В Соединенных Штатах никто не сомневается в том, что Конституция что-то да значит. Впоследствии послы Стейнхардт и Гарриман обсуждали эту тему совместно и индивидуально с послом Уманским прямо в разгар конференции. Посол Стейнхардт рассчитывал, что благодаря тесным контактам г-на Уманского со Сталиным и Молотовым он сможет узнать от советского посла в Вашингтоне, что скажет сам Сталин по поводу официального правительственного заявления в пользу религии.

Именно в этот момент, 2 октября, меня срочно вызвали из церкви в 9.30 утра на встречу с послом Гарриманом. В тот день посол Стейнхардт сказал мне, что он убежден, что никогда не было более благоприятного времени, чем сейчас, чтобы попытаться прийти к какому-то соглашению с этим правительством. В ожидании разговора с г-ном Гарриманом посол Стейнхардт долго говорил со мной об этом вопросе, не раскрывая, однако, уже достигнутых продвинутых результатов. Я имел честь беседовать с г-ном Гарриманом в течение короткого времени, но успел убедительно объяснить ему, почему я сам считаю уместным поставить этот вопрос во время его присутствия здесь. Ясно, что я имел в виду предложение, посредством которого советское правительство могло бы прийти к соглашению с церковью в целом. Я упомянул о *modus vivendi*, но у меня не было времени рассказать мистеру Гарриману все, что я мог бы ему рассказать, если бы он не был так сильно ограничен во времени. В любом случае, я имел честь и исключительную возможность написать Вам, господин посол, и изложить суть моего предложения. Для связности изложения я позволяю себе присоединить к этому письму в форме меморандума содержание аргументов, которые я уже имел честь представить Вам.

советских властей, поскольку в ней, как и в фотоработах Уайт, слишком много внимания было уделено образам простых советских людей. Несмотря на это, в 1941 г. ей было разрешено снова приехать в СССР, куда она прибыла в начале мая 1941 г. и где оставалась до октября 1941 г. Уже после начала Великой Отечественной войны Бурк-Уайт встречалась с советскими верующими, общалась с ними и делала их фотографии. В ее объектив попали епископы и священники Русской православной церкви, представители обновленческого движения, евангелический пастор, рядовые верующие. Фотографии 1941 г. были опубликованы в журнале *Life*, а затем в книге *Shooting the Russian War* (1942). Эта книга заслужила положительную оценку со стороны советских органов за «правильное представление роли и значения советского народа». См.: *Майнер С.М.* Указ. соч. С. 376–380; *Johnson J. A* “Russianesque Camera Artist”: Margaret Bourke-White’s American-Soviet Photography // *Panorama*. 2020. 6 (2). URL: <https://journalpanorama.org/article/re-reading-american-photographs/russianesque-camera-artist/> (дата обращения: 26.03.2023).

⁵² *Хейс, Патрик Джозеф* (1867–1938) — пятый архиепископ Нью-Йорка (1919–1938), ставший кардиналом в 1934 г. по решению папы Пия XI. В 1920 г. основал в своей архиепархии организацию *Catholic Charities* («Католические благотворительные организации»). Поддерживал Демократическую партию США. Высказывался в поддержку Франсиско Франко во время Гражданской войны в Испании.

В субботу днем (окт. 4) посол Стейнхардт очень охотно обсудил со мной вопрос о соглашении между советским правительством и Ватиканом и изложил мне всю историю дискуссии, представленную в этом длинном отчете. Он добавил, что ожидает визита г-на Уманского в пять часов, когда ему расскажут, как сам Сталин относится к идее прокламации.

В следующее воскресенье я прочитал заявление Лозовского для прессы, английский перевод которого (мой — не официальный) вместе с русским текстом, опубликованным в «Правде», прилагается⁵³.

Честно говоря, господин посол, я ожидал чего-то более волнующего душу и более прямого. Я ожидал чего-то такого, что дошло бы прямо до сердец верующих всех вероисповеданий, присутствующих здесь, чтобы воодушевить их. И вдохновить их, и дать им то, чего они так страстно ждали! Я имею в виду определенное и абсолютно убедительное заявление, в котором не осталось бы ни малейшей почвы для подозрений, сомнений или колебаний. Неужели я ожидал слишком многого? Возможно, это произойдет позже, но нельзя терять времени, чтобы убедить лидеров страны в том, что в интересах этой страны надо сделать это сейчас.

Совершенно справедливо, что президент должен быть ознакомлен с этим оперативным обзором. Могу ли я обратиться к Вам, господин посол, как к личному представителю президента Рузвельта в Ватикане с просьбой передать Святому Престолу содержание этого доклада. В моем распоряжении нет других средств для связи с моим церковным начальством и передачи ему жизненно интересующей его информации. Выражая мою горячую благодарность, в ожидании этой драгоценной услуги, я покорно прошу Вас передать мои глубокие чувства уважения президенту и прошу считать меня,

искренне Вашим
Леопольд Браун, А.А.
 Капеллан американских католиков,
 Апостольский администратор

AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Parte I (1939—1948). Russia. Pos. 691B. Libertà religiosa. 1941—1947. Ff. 175—185. Машинопись. Подлинник, язык оригинала — английский. В верху первого листа рукописная помета по-итальянски: «Приложение к рапорту № 1092/41, 11 ноября 1941 года». Подпись — автограф.

№ 3. МЕМОРАНДУМ О. Л. БРАУНА М. ТЕЙЛОРУ О НЕОБХОДИМОСТИ ОБРАЩЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА США К ПРАВИТЕЛЬСТВУ СССР С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ О ЗАКЛЮЧЕНИИ СОГЛАШЕНИЯ, ГАРАНТИРУЮЩЕГО ПОДЛИННУЮ РЕЛИГИОЗНУЮ СВОБОДУ В СССР (2 октября 1941 г.)

МЕМОРАНДУМ

3 сентября «Правда» воспроизвела выдержки из выступления президента Рузвельта по радио и на этот раз позаботилась о том, чтобы не пропустить отрывок, где говорилось о религии. Это дало повод для многочисленных разговоров и комментариев. Несколько россиян сказали мне, что местное правительство чувствует себя крайне неловко, но в то же время оно видит необходимость воспроизведения этих слов, поскольку, когда вспыхнула война, открыто вспыхнула и вера этих жестко преследуемых верующих. Хотя оставшихся в Москве немногочисленных церковью скандально мало (24 — на все православное исповедание из прежних 454) для количества верующих, было очевидно, что Богу молятся с большим рвением и меньшим страхом, чем мы привыкли замечать до этого времени.

⁵³ Приложение опущено нами.

8 сентября, явно в ответ на слова президента Рузвельта, «Правда» дерзнула включить в свое воззвание ко всем женщинам мира заявление в пользу религии!!! Речь идет о следующем отрывке: «...Опьяненные кровью, орды фашистских варваров глумятся над религиозными чувствами женщин-католичек и протестанток, оскверняя храмы и грабя церковную утварь...»⁵⁴. Это именно то, что это правительство делало с 1918 г. в массовом и тщательно организованном масштабе. Это заявление появилось на первой странице «Правды». Оно было передано по радио и распространено по всей стране. Это было самое первое официальное заявление в пользу религии, сделанное этим правительством. Оно вызвало здесь огромный резонанс. Может ли быть так, что это прошло незамеченным дома? Далеко идущее значение такого заявления не должно остаться незамеченным. И президент, и Черчилль с уважением и с глубоким чувством, я уверен, божественного ходатайства упоминали благословенное имя Бога в своих различных высказываниях, чего никогда бы не подумали сделать руководители этого местного правительства. Именно поэтому, а также потому, что они чувствуют, что земля уходит у них из-под ног, они повторили эти настроения, прекрасно понимая, насколько больше сочувствия и решительной энергии можно получить от американского и английского народов, а также от их собственного, если они выступят в поддержку религии. Затем 29 сентября «Правда» вновь адресовала себя в очередном воззвании к молодежи всего мира: «...независимо от различия расы, имущественного положения, религии и политических взглядов...»⁵⁵.

Ради Бога, чего мы ждем, чтобы поймать этих людей на слове, невзирая на оппортунистические намерения и их жалкие дьявольские методы в прошлом, чтобы бить по железу, пока оно горячо и мягко, и получить от них то, что они были бы готовы рассмотреть и предоставить прямо в эту минуту, а именно: *modus vivendi* с церковью. Именно это я и хотел обсудить с послом Гарриманом. Возможно, когда он прибудет в Вашингтон, у него еще будет время представить это предложение для надлежащего изучения.

О прошлой истории религии здесь я мог бы писать, кажется, бесконечно. Сейчас для этого нет времени. Если бы американское правительство могло самостоятельно или совместно с другими державами обратиться к российскому правительству и добиться такого соглашения, какую огромную радость это вызвало бы во всем мире, не говоря уже о бесчисленных толпах верующих в этой подвергшейся суровым испытаниям стране!

Посол Стейнхардт, с которым я имел честь обсуждать этот вопрос в ожидании беседы с г-ном Гарриманом, придерживается того же мнения и справедливо заметил, что этот вопрос, будучи внутренним, должен рассматриваться с особой осторожностью и предосторожностью. Но способ есть, и сейчас самое время действовать.

Леопольд Браун, А.А.

Москва, 2 октября 1941 г.

Капеллан американских католиков,

Апостольский администратор

AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Parte I (1939–1948). Russia. Pos. 691B. Libertà religiosa. 1941–1947. Ff. 189–190. Машинопись. Подлинник, язык оригинала – английский. Подпись – автограф.

⁵⁴ Цит. по: К женщинам всего мира! // Правда. 8.IX.1941. С. 1.

⁵⁵ Цит. по: К молодежи всего мира // Правда. 29.IX.1941. С. 1.

№ 4. ПРОЕКТ ОТВЕТА ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ ВАТИКАНА КАРДИНАЛА Л. МАЛЬОНЕ АПОСТОЛЬСКОМУ ДЕЛЕГАТУ В США А. ЧИКОНЬЯНИ НА ЕГО КОРРЕСПОНДЕНЦИЮ С ПИСЬМАМИ О. Л. БРАУНА⁵⁶

ПРОЕКТ шифрованной депеши

Его Высокопреосвященству
Монсьёру Амлето Чиконьяни,
Апостольскому делегату
Вашингтон
15 февраля 1942⁵⁷

Только 5 числа этого месяца я получил уважаемый доклад Вашего Высокопреосвященства⁵⁸ от 11 ноября 1941 г. и прилагаемое к нему письмо от преподобного отца Леопольда Брауна⁵⁹.

Я изучил оба документа с большим интересом; как хорошо замечает Ваше Высокопреосвященство, отец Браун дает важную картину религиозной ситуации в Советской России. В свете того, что говорит сам священнослужитель о переговорах двух американских послов с русским правительством, становится еще более очевидным, насколько малозначительным является заявление, сделанное комиссаром Лозовским 5 октября 1941 г., и насколько такое заявление не несет ничего нового.

Присутствие очень значительного числа поляков в России⁶⁰ является хорошей возможностью для советского правительства продемонстрировать реальное изменение системы в отношении Религии; тем временем Святой Престол не может не придерживаться той линии поведения, о которой я говорил с Вами в ноябре прошлого года.

Пользуюсь...⁶¹

AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Parte I (1939—1948). Russia. Pos. 691B. Libertà religiosa. 1941—1947. F. 195. Машинописный черновик, язык оригинала — итальянский. На полях — помета от руки: «Достаточно поблагодарить и вернуться к тому, что было сообщено [неразб.] нашим шифрованным письмом»⁶².

⁵⁶ На листе 194 того же дела — рукописный черновик более позднего проекта того же документа, который отличается прежде всего заключительным абзацем. Ниже в сносках указаны разночтения между двумя вариантами этого проекта. На настоящий момент затруднительно сказать, какой из проектов был направлен адресату.

⁵⁷ На листе 194 указана дата «17 февраля 1942», затем исправленная на «19 февраля 1942».

⁵⁸ На листе 194 далее написано «за № 1092/41».

⁵⁹ Последующий текст на листе 194 читается так:

«Живо благодарю Ваше Высокопреосвященство за пересылку этого последнего документа и за соображения, которыми Вы его сопроводили. Что касается поставленного там вопроса, Ваше Преосвященство знает уже из сообщения, сделанного в прошлом ноябре, соображения Святого Престола.

Пользуюсь...»

⁶⁰ После начала Второй мировой войны на территории СССР находилось значительное число польских граждан — беженцев, интернированных военнотружущих польской армии и заключенных. Только на спецпоселениях в июле 1941 г. находилось около 400 тыс. человек. Из всех категорий польских граждан в июле—августе 1941 г. начала формироваться польская армия под командованием генерала В. Андерса, в судьбе которой активное участие принимали союзники СССР по антигитлеровской коалиции. Так польский фактор стал частью союзнической политики периода Великой Отечественной войны. См.: *Майнер С.М.* Указ. соч. С. 226—237.

⁶¹ Имеется в виду, «пользуюсь случаем выразить свое почтение...»

⁶² Авторы благодарят Е.С. Токареву за помощь с расшифровкой текста этого документа и уточнением перевода.

Библиография

- [Беглов А.] Жизненный путь архиепископа Варфоломея // Альфа и Омега. 1998. № 4 (18). С. 119–129.
- Беглов А.Л. «Крестовый поход молитв» 1930 г. и реакция на него в СССР // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 4 (68). URL: <http://history.jes.su/s207987840002219-9-1> (дата обращения: 03.03.2023). DOI: 10.18254/S0002219-9-1
- Беглов А.Л. Международная деятельность Русской Православной Церкви в период «нового курса» в государственно-церковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика право. 2018. Т. 11. № 4. С. 104–129. URL: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-4-104-129> (дата обращения: 03.03.2023).
- Беглов А.Л., Фадеев И.А. Судьба католического храма св. Людовика в Москве в освещении американского ассумпциониста // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 8 (106). URL: <https://history.jes.su/s207987840016675-1-1/> (дата обращения: 03.03.2023). DOI: 10.18254/S207987840016675-1
- Белякова Н.А., Клюева В.П. «Квартирный вопрос только испортил их...»: о конфликте вокруг одного молитвенного помещения в Москве // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Вып. 9 (53). URL: <https://history.jes.su/s207987840001855-9-1/> (дата обращения: 26.03.2023). DOI: 10.18254/S0001855-9-1
- Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999.
- Майнер С.М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941–1945. М., 2010.
- Одинцов М.И., Кочетова А.С. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2014.
- Пий IX. Divini Redemptoris. О безбожном коммунизме. URL: https://library.unavoce.ru/divini_redemptoris.html (дата обращения: 26.03.2023).
- Полицук Е.С. «Журнал Московской патриархии» // Православная энциклопедия. Т. 19. Ефесыан послание – Зверев. М., 2008. С. 396–398.
- Рокуччи А. Сталин и патриарх: православная церковь и советская власть, 1917–1958. М., 2016.
- Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Документы и материалы: в 2-х т. Т. 1. 1941–1943. Т. 2. 1944–1945. М., 1984.
- Судоплатов П. «Остаюсь единственным живым свидетелем...» // Молодая гвардия. 1995. № 5. С. 18–43.
- Фадеев И.А., Аникьев И.И. Кодекс канонического права 1917 года: кодификация и развитие канонического права Латинской церкви в первой половине XX века // Новая и новейшая история. 2021. № 4. С. 184–201. DOI: 10.31857/S013038640014890-7
- Фадеев И.А., Шебалин Д.Д. «Правительство само регламентирует догматы Церкви так, как это ему кажется более выгодным...» Экзарх Л. Федоров о религиозной политике советской власти // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I. Богословие. Философия. Религиоведение. 2021. Вып. 95. С. 109–122. DOI: 10.15382/stur1202195.109-122
- Филиппов Б.А. Ф. Рузвельт, Пий XII, И. Сталин и проблема репутации СССР в годы Второй мировой войны // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 4 (71). С. 84–102.
- Цыпин В., протоиерей. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997.
- Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999.
- Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999.
- Johnson J. A “Russianesque Camera Artist”: Margaret Bourke-White’s American-Soviet Photography // Panorama. 2020. 6 (2). URL: <https://journalpanorama.org/article/re-reading-american-photographs/russianesque-camera-artist/> (дата обращения: 26.03.2023).

References

- [Beglov A.] Zhiznenniy put' arkhiepiskopa Varfolomeia [The Life Journey of Archbishop Bartholomew] // Al'fa i Omega [Alpha and Omega]. 1998. № 4 (18). S. 119–129. (In Russ.)
- Beglov A.L. “Krestovyi pokhod molitv” 1930 g. i reaktsiia na nego v SSSR [“Prayers crusade” of 1930 and the reaction to it in the USSR] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational journal “History”]. 2018. T. 9. Vyp. 4 (68). URL: <http://history.jes.su/s207987840002219-9-1> (access date: 03.03.2023). (In Russ.) DOI: 10.18254/S0002219-9-1
- Beglov A.L. Mezhdunarodnaia deiatel'nost' Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v period “novogo kursa” v gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniakh. Osnovnye etapy i krizisnye iavleniia [International Activities

of the Russian Orthodox Church During the “New Course” in Church-State Relations. Main Phases and Crisis Phenomena] // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika pravo [The Outlines of a Global Transformation: Politics, Economics and Law]. 2018. T. 11. № 4. S. 104–129. URL: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-4-104-129> (access date: 03.03.2023).

Beglov A.L., Fadeyev I.A. Sud'ba katolicheskogo khrama sv. Liudovika v Moskve v osveshchenii amerikanskogo assumptionista [The fate of the Catholic Church of St. Louis of the French in Soviet Moscow: The perspective of an American assumptionist] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational journal “History”]. 2021. T. 12. Vyp. 8 (106). URL: <https://history.jes.su/s207987840016675-1-1/> (access date: 03.03.2023). (In Russ.) DOI: 10.18254/S207987840016675-1

Belyakova N.A., Kliueva V.P. “Kvartirnyi vopros tol'ko isportil ikh...”: o konflikte vokrug odnogo molitvennogo pomeshcheniia v Moskve [“The Housing Problem Only Spoiled Them...”: a Conflict Concerning a Religious Building in Moscow] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational journal “History”]. 2016. T. 7. Vyp. 9 (53). URL: <https://history.jes.su/s207987840001855-9-1/> (access date: 26.03.2023). (In Russ.) DOI: 10.18254/S0001855-9-1

Vasil'eva O.Iu. Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v politike Sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg. [The Russian Orthodox Church in the Policies of the Soviet State, 1943–1948]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Miner S.M. Stalinskaia sviashchennaia voina. Religii, natsionalizm i soiuznicheskaia politika. 1941–1945 [Stalin's Holy War: Religion, Nationalism, and Alliance Politics, 1941–1945]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Odintsov M.I., Kochetova A.S. Konfessional'naia politika v Sovetskom Soiuze v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. [Religious Policy in the Soviet Union During the Great Patriotic War, 1941–1945]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Pii IX. Divini Redemptoris. O bezbozhnom kommunizme [Divini Redemptoris. On Atheistic Communism] // URL: https://library.unavoce.ru/divini_redemptoris.html (access date: 26.03.2023). (In Russ.)

Polishchuk E.S. “Zhurnal Moskovskoi patriarkhii” [“Journal of the Moscow Patriarchate”] // Pravoslavnaia entsiklopediia [Orthodox Encyclopedia]. T. 19. Efesiansam poslanie [Ephesians mission] – Zverev. Moskva, 2008. S. 396–398. (In Russ.)

Rocucci A. Stalin i patriarkh: Pravoslavnaia tserkov' i sovskaia vlast', 1917–1958 [Stalin and the Patriarch: The Orthodox Church and Soviet Power, 1917–1958]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Sovetsko-amerikanskie otnosheniia vo vremia Velikoi Otechestvennoi voiny, 1941–1945. Dokumenty i materialy [Soviet-American Relations During the Great Patriotic War, 1941–1945. Documents and Materials]: v 2-kh t. T. 1. 1941–1943. T. 2. 1944–1945. Moskva, 1984. (In Russ.)

Sudoplatov P. “Ostaius' edinstvennym zhivym svidelem...” [“I remain the only living witness...”] // Molodaia gvardiia [The Young Guard]. 1995. № 5. S. 18–43. (In Russ.)

Fadeyev I.A., Anikyeu I.I. Kodeks kanonicheskogo prava 1917 goda: kodifikatsiia i razvitie kanonicheskogo prava Latinskoi tserkvi v pervoi polovine XX veka [The 1917 code of canon law: Codification and development of latin canon law in the first half of the 20th century] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 4. S. 184–201. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013038640014890-7

Fadeyev I.A., Shebalin D.D. “Pravitel'stvo samo reglamentiruet dogmaty Tserkvi tak, kak eto emu kazhetsia bolee vygodnym...” Ekzarkh L. Fedorov o religioznoi politike sovsckoi vlasti [Exarch L. Fedorov on the religious policy of Soviet authorities: “The government themselves regulate the dogmata of the church in a way that seems most beneficial...”] // Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta, Seria I. Bogoslovie, Filosofia, Religiovedenie [Bulletin of the Orthodox Holy-Tikhonov University for the Humanities. Series I. Theology. Philosophy. Religious studies]. 2021. Vyp. 95. S. 109–122. (In Russ.) DOI: 10.15382/stur1202195.109-122

Filippov B.A. F. Ruzvel't, Pii XII, I. Stalin i problema reputatsii SSSR v gody Vtoroi mirovoi voiny [Franklin Roosevelt, Pius XII, Joseph Stalin and the Problem of the USSR's Image and Reputation During the Second World War] // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo humanitarnogo universiteta. Seria II. Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi [Bulletin of the Orthodox Holy-Tikhonov University for the Humanities. Series II. History. The History of the Russian Orthodox Church]. 2016. Vyp. 4 (71). S. 84–102. (In Russ.)

Tsyplin V., protoierei. Istoriia Russkoi Tserkvi. 1917–1997 [A History of the Russian Church, 1917–1997]. Moskva, 1997. (In Russ.)

Chumachenko T.A. Gosudarstvo, pravoslavnaia tserkov', veruiushchie. 1941–1961 gg. [State, Orthodox Church, Faithful, 1941–1961]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Shkarovskii M.V. Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' pri Staline i Khrushcheve (gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniia v SSSR v 1939–1964 godakh) [The Russian Orthodox Church Under Stalin and Khrushchev: State-Church Relations in the USSR in 1939–1964]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Johnson J. A. “Russianesque Camera Artist”: Margaret Bourke-White's American-Soviet Photography // Panorama. 2020. 6 (2). URL: <https://journalpanorama.org/article/re-reading-american-photographs/russianesque-camera-artist/> (access date: 26.03.2023).

DOI: 10.31857/S013038640025919-8

© 2023 г. Ю.Ю. Иерусалимский, С.Ю. Иерусалимская

ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ
ГЕОПОЛИТИКИ ПЕТРА I: ПОЛИТИЧЕСКИЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Рец. на книгу: А.Ю. Петров. ПЕТРОВСКАЯ ЭПОХА И ОСВОЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА. Рязань: Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, 2022. 280 с.

Иерусалимский Юрий Юрьевич — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной средневековой и новой истории, научный руководитель лаборатории военной истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия).

E-mail: ierusl@uniyar.ac.ru

Researcher ID: AAT-7571-2020

Иерусалимская Светлана Юрьевна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Россия и Европа: сравнительное изучение доиндустриальных обществ» Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия).

E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Researcher ID: AAT-7640-2020

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01231.

Yu.Yu. Ierusalimskiy, S.Yu. Ierusalimskaya

HISTORICAL LESSONS OF THE NORTH-EASTERN GEOPOLITICS OF PETER
THE GREAT: POLITICAL, SOCIAL, AND SOCIO-CULTURAL ASPECTS

Rec. ad op.: A.Yu. Petrov. PETROVSKAYA AGE AND DEVELOPMENT OF THE NORTH-ERN PART OF THE PACIFIC OCEAN. Ryazan: Ryazan State University named after S.A. Yesenin, 2022. 280 p.

Yuri Ierusalimskiy, Yaroslavl State University P.G. Demidov (Yaroslavl, Russia).

E-mail: ierusl@uniyar.ac.ru

Researcher ID: AAT-7571-2020

Svetlana Ierusalimskaya, Yaroslavl State University. P.G. Demidov (Yaroslavl, Russia).

E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Researcher ID: AAT-7640-2020

The study was supported by the Russian Science Foundation grant № 22-28-01231.

Среди изданий последних лет, посвященных Петру I, выделяется фундаментальная монография, написанная видным специалистом по истории Русской Америки и российско-американским отношениям, главным научным сотрудником Института всеобщей истории РАН д.и.н. А.Ю. Петровым.

Во вступительном слове к монографии академик РАН А.О. Чубарьян отметил: «Петр Первый, занятый Северной войной, вернулся к вопросу о

том, “сошлась ли Америка с Азией”, только в 1724 г., отправив в Тихий океан Первую Камчатскую экспедицию. В ходе этой экспедиции был заявлен государственный интерес по включению новых земель в общее историко-культурное пространство России. В монографии всесторонне рассмотрено значение знаменитой инструкции капитану В. Берингу, в результате плаваний которого была открыта Америка со стороны России. Карта экспедиции

Беринга вскоре стала известна в Западной Европе, и ее сразу стали использовать в атласах и картах. Экспедиция смогла обогатить науку важнейшими сведениями точных географических координат азиатского тихоокеанского побережья» (с. 7).

В последнее время возрос интерес к истории освоения арктических и субарктических территорий у российских и зарубежных ученых. А.Ю. Петров подчеркнул значение трудов Т.В. Лабутиной, С.А. Мезина и О.В. Волосюк и др. исследователей по взаимодействию России с Великобританией, Францией и Испанией в XVIII в. для раскрытия темы «Русская Америка в петровскую эпоху»¹. В этой связи новая книга А.Ю. Петрова приобретает особую актуальность. Исследователь показал, как поморы и казаки, двигаясь через Охотское море далее на восток, достигли Алеутских и Курильских островов.

А.Ю. Петров справедливо указывает, что Восточное направление является наименее изученным в политике Петра I. Курс на восток, хотя и затрагивавший отдаленные окраины Российской империи, считается частью внутренней политики императора. Он связан с освоением Сибири, выходом к Тихому океану. Восточное направление являлось одним из немногих составляющих петровской эпохи, которое было сопряжено с осторожной дипломатией, проходило мирным путем, а его результаты имели далеко идущие последствия для России с точки зрения осознания ее идентичности.

Для большей аргументированности высказанных положений рассмотрим несколько подробнее восточное направление политики Петра Великого. В 1719 г. Пётр I направляет геодезистов Ф.Ф. Лужина и И.М. Евреинова для изучения пролива, который, по мысли царя, мог соединять Америку с Азией. Евреинов и Лужин ходили на Курильские острова, дошли до пятого острова. Пётр I благосклонно принял доклад геодезистов. Он получил от Евреинова карту с изображением Курильских островов, на которой была отмечена северная часть гряды. Для Петра было важно, что эта карта была составлена при помощи специальных чертежных и геодезических инструментов на основе математических расчетов². По сути, это была одна из первых карт нового времени, основанная на геодезических измерениях, а не на опросе населения, как это имело место с «Чертежной книгой Сибири» 1699–1701 гг. С.У. Ремезова.

В 1720 г. для изучения географии и быта народов Сибири была организована экспедиция под руководством Д. Мессершмидта. В результате не

удалось получить немало исторических и этнографических данных, которые легли в основу дальнейшего изучения Сибири и Дальнего Востока.

6 января 1725 г. Пётр I выдал капитану В. Берингу инструкцию, написанную собственноручно. В ней были определены цель и задачи Первой Камчатской экспедиции. Основной задачей считался поиск пролива между Азией и Америкой для дальнейшего усиления влияния России на мировые дела³. Первую Камчатскую экспедицию под руководством В. Беринга следует по праву считать кульминацией всех предшествующих экспедиций России, а ее результаты основывались на достижениях петровской эпохи. Вместе с этим она не могла бы состояться без походов служилых людей, казаков, поморов, сибирских крестьян, которые, нередко ценой своих жизней, проложили первые тропы к Тихому океану⁴.

А.Ю. Петров пришел к выводу о том, что в петровскую эпоху произошел переход от единичных экспедиций казаков и поморов к целенаправленной политике России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Инструкция Петра I Берингу способствовала масштабным географическим исследованиям России на Дальнем Востоке и в Тихом океане. Именно они в дальнейшем привели к открытию Россией Америки со стороны Азии и формированию русских территорий в Новом Свете. Если плавание С.И. Дежнёва, Ф.Ф. Лужина, И.М. Евреинова и др. стали выдающимися отечественными достижениями в деле открытия и описания территорий на тихоокеанском севере, то в ходе экспедиций В. Беринга был заявлен государственный интерес по включению новых земель в общее историко-культурное пространство России. Пётр I, отправляя экспедицию Беринга, опирался на отечественный и мировой опыт географических исследований, особенно Лейбница и Витсена.

Важно, что А.Ю. Петров уделил большое внимание социокультурной деятельности Русской православной церкви и раскрыл роль в этом Димитрия Ростовского, возглавлявшего Сибирскую, а позднее Ростово-Ярославскую кафедры (с. 93–105). Память о святителе Димитрии Ростовском бережно сохранялась в Ярославской епархии во второй половине XIX – начале XX в. и вплоть до наших дней. Исследователь справедливо отметил, что сформированная при поддержке Димитрия Ростовского и других церковных

³ Иерусалимский Ю.Ю., Давыдов В.В. Роль Петра Великого в освоении Русской Арктики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 2. С. 58–68; Они же. Роль Витуса Беринга в реализации геополитических планов Петра Великого // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 16. № 1. С. 9–17.

⁴ Петров А.Ю. Витус Беринг: у истоков историко-культурного наследия Русской Америки // Вопросы истории. 2018. № 7. С. 12–29.

¹ См.: Лабутина Т.В. Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013; Мезин С.А. Петр I во Франции. СПб., 2015; Немцы в России: Историко-документальное издание / отв. редактор Г.И. Смагина. СПб., 2004; Волосюк О.В. Испания и российская дипломатия в XVIII веке. М., 1997; и др.

² См.: Еватеев О.А. Первые русские геодезисты на Тихом океане. М., 1950. С. 39–91.

иерархов православная идентичность на Дальнем Востоке и в Сибири остается неизменной и в настоящее время (с. 105).

Мы согласны с размышлениями автора монографии, что петровская политика была направлена не на уничтожение и эксплуатацию коренного населения, а на включение его в орбиту влияния империи: «Во времена Петра I геополитический анализ еще не был известен. Но Петр I действовал по наитию или расчету как классический геополитик. Сообразно с геополитической теорией для достижения неуязвимости государства оно должно выйти по всем направлениям своего пространственного положения к морскому (океаническому) побережью. И Петр четко действовал сообразно с этой идеей»⁵. Стоит подчеркнуть, что «инициированной Петром I экспедиции Витуса Беринга вменялась задача исследования вопроса о существовании пролива между Азией и Америкой. Наличие такого пролива означало бы возможность прокладывания северного морского евразийского пути. И его значение для России осознается в полной мере уже в наше время. Существовало и дальневосточное направление политики Петра I, предполагавшее укрепление России на побережье морей Тихого океана. Именно при Петре I происходит фактическое присоединение к России Камчатки»⁶. Отметим, что ни один этнос, вошедший в состав России на северо-восточном направлении в петровскую и послепетровскую эпохи, не исчез.

Между тем к автору монографии, как и к любой заставляющей задуматься книге, есть определенные пожелания. Хотелось бы увидеть размышления А.Ю. Петрова о терминологии. Так, применительно к включению северо-восточных территорий в состав Российской империи в советской исторической литературе был принят термин «освоение». Н.Н. Болховитинов, подчеркивая важность рассмотрения социально-экономических аспектов при изучении истории Русской Америки, еще в 90-х годах XX в. указал на характерную тенденцию в отечественной историографии советского периода, заменяющую термин «колонизация» на термин «освоение». Вместе с тем термин «колонизация» не обязательно должен быть связан с термином «колония».

Книга А.Ю. Петрова была опубликована в год 350-летия Петра Великого. Вполне справедливо, что ее издание было включено в список основных мероприятий Правительству РФ по празднованию петровского юбилея. Монография была подготовлена в рамках проекта РФФИ «Петровская эпоха в истории России: современный научный взгляд»

и разослана во все ведущие библиотеки и университеты РФ. Также стоит отметить обсуждение книги А.Ю. Петрова с директором Института всеобщей истории (ИВИ) РАН, членом-корреспондентом РАН М.А. Липкиным на сайте ИВИ РАН⁷. Таким образом, книга доступна для изучения ученым и студентам, ее обсуждает научная общественность.

Несомненно, монография А.Ю. Петрова представляет интерес для исследователей отечественной и всемирной истории XVIII в., преподавателей высшей и средней школы, а также для широкого круга читателей и вносит достойный вклад в историографию темы. В заключение приведем слова академика А.О. Чубарьяна, подчеркнувшего, что поднимаемые А.Ю. Петровым вопросы «могут быть востребованы в СМИ и образовательных учреждениях, в частности при подготовке научно-популярных фильмов по истории географических открытий на основе достоверных и выверенных фактов» (с. 7).

Библиография

- Багдасарян В.Э., Иерусалимский Ю.Ю., архимандрит Сильвестр (Лукашенко), Реснянский С.И. Идеология Петра I: историческая развилка и выбор модели развития государства. Ярославль, 2022.
- Болховитинов Н.Н. Россия открывает Америку, 1732–1799. Т. 1–3. М., 1991–1999.
- Волосюк О.В. Испания и российская дипломатия в XVIII веке. М., 1997.
- Еетеев О.А. Первые русские геодезисты на Тихом океане. М., 1950.
- Иерусалимский Ю.Ю., Давыдов В.В. Роль Витуса Беринга в реализации геополитических планов Петра Великого // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 16. № 1. С. 9–17.
- Иерусалимский Ю.Ю., Давыдов В.В. Роль Петра Великого в освоении Русской Арктики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 2. С. 58–68.
- Лабутина Т.В. Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013.
- Мезин С.А. Петр I во Франции. СПб., 2015.
- Немцы в России: Историко-документальное издание / отв. редактор Г.И. Смагина. СПб., 2004.
- Петров А.Ю. Витус Беринг: истоков историко-культурного наследия Русской Америки // Вопросы истории. 2018. № 7. С. 12–29.
- Юркин И.Н. «Сие есть великая тайна...» (письмо Николая Витсена о «вольной» торговле и новых землях) // Архив истории науки и техники. Вып. 4 (13). М., 2010. С. 455–480.

References

- Bagdasaryan V.E., Jerusalemkiy Yu.Yu., archimandrite Sylvester (Lukashenko), Resnyanskiy S.I. Ideologiya Petra I: istoricheskaya razvilka i vybor modeli razvitiya gosudarstva [The ideology of Peter I: a historical fork in the road and the choice

⁵ Багдасарян В.Э., Иерусалимский Ю.Ю., архимандрит Сильвестр (Лукашенко), Реснянский С.И. Идеология Петра I: историческая развилка и выбор модели развития государства. Ярославль, 2022. С. 169.

⁶ Там же. С. 169–170.

⁷ URL: <https://podkasty-instituta-vseobschej-istorii-ran.podster.fm> (дата обращения: 05.01.2023).

of a model for the development of the state]. Yaroslavl, 2022. (In Russ.)

Bolkhovitinov N.N. Rossiya otkryvaet Ameriku, 1732–1799 [Russia discovers America, 1732–1799]. T. 1–3. Moskva, 1991–1999. (In Russ.)

Eyteev O.A. Pervye russkie geodezisty na Tihom okeane [The first Russian surveyors in the Pacific Ocean]. Moskva, 1950. (In Russ.)

Jerusalimskiy Yu.Yu., Davydov V.V. Rol' Vitusa Beringa v realizacii geopoliticheskikh planov Petra Velikogo [The role of Vitus Bering in the implementation of the geopolitical plans of Peter the Great] // Vestnik IarGU. Seriya: Gumanitarnye nauki [Bulletin of YarSU. Series: Humanities]. 2022. Vol. 16. № 1. S. 9–17. (In Russ.)

Jerusalimskiy Yu.Yu., Davydov V.V. Rol' Petra Velikogo v osvoenii Russkoj Arktiki [The role of Peter the Great in the development of the Russian Arctic] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriia i politicheskie nauki [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and political sciences]. 2022. № 2. S. 58–68. (In Russ.)

Labutina T.V. Britancy v Rossii v XVIII veke [The British in Russia in the 18th century]. Sankt-Peterburg, 2013. (In Russ.)

Mezin S.A. Petr I vo Francii [Peter I in France]. Sankt-Peterburg, 2015. (In Russ.)

Nemtsy v Rossii: Istoriko-dokumental'noe izdanie [Germans in Russia: Historical and documentary edition] / red. G.I. Smagina. Sankt-Peterburg, 2004. (In Russ.)

Petrov A.Yu. Vitus Bering: u istokov istoriko-kul'turnogo naslediya Russkoj Ameriki [Vitus Bering: at the origins of the historical and cultural heritage of Russian America] // Voprosy istorii [Problems of history]. 2018. № 7. S. 12–29. (In Russ.)

Volosyuk O.V. Ispaniya i rossijskaya diplomatiya v XVIII veke [Spanish and Russian diplomacy in the 18th century]. Moskva, 1997. (In Russ.)

Yurkin I. N. “Sie est' velikaya tajna...” (pis'mo Nikolaya Vitsena o “vol'noj” torgovle i novyh zemlyah) [“This is a great secret...” (letter from Nikolai Witsen about “free” trade and new lands)] // Arkhiv istorii nauki i tekhniki [Archive of the history of science and technology]. Iss. 4 (13). Moskva, 2010. S. 455–480. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640023364-8

© 2023 г. **А.М. Ипатов**

«ЧТО РУССКОМУ ХОРОШО, ТО НЕМЦУ – СМЕРТЬ?»

Рец. на книгу: **В.С. Дударев. БИСМАРК И РОССИЯ 1851–1871. СПб.: Алетейя, 2021. 580 с.**

Ипатов Алексей Михайлович – старший научный сотрудник Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»; доцент Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия).

E-mail: molot.tora@mail.ru

Researcher ID: AAX-3559-2020

A.M. Ipatov

“WHAT IS GOOD FOR A RUSSIAN, IS DEATH FOR A GERMAN?”

Rec. ad op.: **V.S. Dudarev. BISMARCK AND RUSSIA 1851–1871. Saint-Petersburg: Aleteia, 2021. 580 p.**

Alexey Ipatov, Military Training and Research Center of the Air Forces “Zhukovsky – Gagarin Air Force Academy”; Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russia).

E-mail: molot.tora@mail.ru

Researcher ID: AAX-3559-2020

На протяжении длительного времени в отечественной историографии уделялось самое пристальное внимание различным аспектам истории

объединения разрозненных германских государств под эгидой Пруссии в единую империю, а также отражению в российском общественном мнении

тех драматических событий¹. После публикации ряда биографических исследований², посвященных, пожалуй, главному творцу создания единой Германии XIX столетия — «железному канцлеру» Отто фон Бисмарку, интерес к данной проблематике в ученой среде заметно снизился, ибо возникло ощущение, что эта тема в научном отношении себя исчерпала. Однако на рубеже 2000—2010-х годов внимание к проблеме истории создания Германской империи, различным аспектам ее функционирования вновь заметно возросло. Среди ученых, которые вносят весомый вклад в изучение данного периода, наряду с Н.А. Власовым, А.С. Медяковым и другими историками, стоит отметить московского исследователя В.С. Дударева. Рецензируемое издание явилось плодом его многолетней кропотливой работы по подбору источников в российских и зарубежных архивах, а также изучения обширной историографической базы.

Монография состоит из вступления, обзора историографии и источниковой базы, семи глав, в которых в хронологической последовательности раскрывается эволюция представлений «железного канцлера» о роли и месте Российской империи в европейской политике и ее влиянии на происходящие процессы в германских государствах. В заключении автор подводит итоги исследования. Далее следуют обширные комментарии, значительно облегчающие работу с текстом. В этом отношении существенным плюсом являются также включенные в издание указатели имен и географических названий, а также сокращения. Впечатляет библиография, включающая источники из немецких и российских архивов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, а также отечественную и германскую прессу и опубликованные документы и материалы из собрания трудов О. фон Бисмарка, дневники и воспоминания современников, переписку. В монографии учтены последние достижения российской и немецкой историографии.

Во вступлении автор справедливо подчеркивает, что появившаяся в 1871 г. на карте Европы единая Германия оказала колоссальное влияние на ход мировой истории второй половины XIX — начала XX столетия. Бесспорно, что ее возникновение в значительной степени зависело от международ-

ной конъюнктуры, а также положения дел внутри стран, составивших в будущем единое целое, но ответственность за направление их развития и механизмы функционирования целиком и полностью в реалиях той эпохи лежала на политическом руководстве. Вопрос о движущих силах истории неоднократно вызывал и продолжает вызывать споры среди ученых, однако В.С. Дударев четко обозначил свою позицию, отметив, что «многое зависит от личности государственного деятеля, его прозорливости и готовности проводить реформы» (с. 8). Действительно, масштабы личности «железного канцлера» и его влияние на развитие не только Пруссии, а впоследствии единой Германии, но и в целом европейских международных отношений, поистине огромно. Убедительным свидетельством этого, несмотря на нередко появляющиеся критические оценки наследия Бисмарка, служат ежегодно публикуемые исследования в виде статей, монографий и сборников документов, позволяющие лучше понять уже известные сюжеты, либо проанализировать, казалось бы, уже не оставшиеся «белые пятна» в литературе о Бисмарке. Масштабы последней поистине колоссальны, как подчеркивает автор при анализе историографии. Резонным является замечание ученого, что максимально полное представление о том, какую роль в своих внешнеполитических построениях отводил Бисмарк России, возможно составить на основе комплексного анализа таких групп источников, как «актовые материалы, делопроизводственные материалы, периодическая печать и источники личного происхождения» (с. 65).

В первой главе автор обращается к анализу представлений Бисмарка в бытность прусским посланником при Франкфуртском союзном сейме, останавливается на источниках его знаний о России, уделяет внимание обстоятельствам знакомства и взаимоотношений Бисмарка с будущим российским коллегой / оппонентом А.М. Горчаковым. Для отечественного читателя, вероятно, наибольший интерес представляет позиция будущего германского канцлера в годы Крымской войны 1853—1856 гг. Думается, автор вполне убедительно демонстрирует, что она определялась не каким-то отвлеченным «русофильством», как об этом порой писали его соотечественники, а сейчас любят утверждать, не разобравшись в проблеме, отдельные публицисты, но была обусловлена следованием Бисмарком исключительно национальным интересам, которые, по его мнению, на тот момент определялись необходимостью иметь с Россией конструктивные отношения.

Во второй главе раскрывается дальнейшая эволюция представлений теперь уже прусского посланника в Санкт-Петербурге о России и русских. Так как В.С. Дударев ранее уже опубликовал монографию о дипломатической миссии Бисмарка в рос-

¹ Ротс Л.К. Шлезвиг-гольштейнский вопрос и политика европейских держав в 1863—1864 годах. Таллин, 1957; Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX века за объединение Германии «сверху». М., 1960; Шнейерсон Л.М. Франко-прусская война и Россия. Из истории русско-пруссских и русско-французских отношений в 1867—1871 гг. Минск, 1976; Оболенская С.В. Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977; и др.

² Ерусалимский А.С. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., 1968; Чубинский В.В. Бисмарк. Политическая биография. М., 1988.

сийской столице³, в данном случае он акцентирует внимание на узловых моментах. Любопытна точка зрения автора на вопрос, какое место должностного посланника в Петербурге занимала в прусской дипломатической иерархии. Думается, он вполне справедливо рассуждает о том, что бывшему представителю Пруссии в Союзном сейме за годы своего пребывания в России удалось вернуть первенствующую роль дипломатическому посту именно в Петербурге, утраченную в годы Крымской войны и в первые послевоенные годы в связи с переориентацией значительной части либеральной управленческой элиты в Берлине на сотрудничество с западными странами, прежде всего с Англией. Довольно смелым и дискуссионным является заявление В.С. Дударева, что Бисмарк в российской столице «окончательно пришел к пониманию необходимости реформирования Германского союза и объединения Германии под эгидой Пруссии» (с. 145). Отметим, что данный аспект является на протяжении многих десятилетий одним из наиболее спорных эпизодов в биографии «железного канцлера».

В третьей главе автор подверг анализу польский фактор в российско-германских отношениях в представлениях германского политика. На основе обширного материала он убедительно доказывает, что Бисмарку удалось успешно разыграть «польскую карту» не только в отношениях между Берлином и Петербургом через поддержку Российской империи в ходе польского восстания 1863 г., но и внутри прусской управленческой элиты. Он сумел убедить многих ее представителей в том, что именно от официальной позиции царя и его окружения зависит будущее единой Германии, если таковую мечтает под своей эгидой создать Пруссия, но не от стран Запада.

Хрестоматийным является вывод В.С. Дударева, что подобными действиями «железный канцлер» сумел обеспечить благожелательный нейтралитет России в ходе войн за объединение Германии. Впрочем, автор подчеркивает, что такое понимание ситуации упрощенно, на деле ситуация складывалась куда противоречивее. К тому же Россия воспользовалась военными конфликтами для восстановления статуса великой державы. Обо всем этом автор пишет в 4, 5 и 6 главах, посвященных собственно проблеме роли России во внешнеполитических построениях Бисмарка в ходе войн Пруссии с Данией, Австрией и Францией за объединение Германии. Ему удалось весьма убедительно продемонстрировать взаимовыгодность сотрудничества Берлина и Петербурга в 1864–1871 гг., опасения Бисмарка относительно направления внешней политики Александра II не только в ходе консолидации германских земель, но особенно после ее завершения, когда в России осознали, что по соседству по-

явилась могущественная империя. Обоснованным выглядит вывод В.С. Дударева относительно влияния объединения Германии и отмены нейтрализации Черного моря на разрушение Венской системы и начало новой фазы в истории международных отношений в Старом Свете (с. 494).

В заключении, озаглавленном «От Франкфурта до Франкфурта», автор подводит итоги внешнеполитической деятельности «железного канцлера» в 1851–1871 гг., подчеркивая колоссальную роль, которую последний в своих дипломатических построениях отводил могущественному восточному соседу. Кроме того, ставится важный вопрос: справедливо ли оценивать активно поощрявшееся Бисмарком движение на восток как агрессивное и милитаристское? Да и в целом В.С. Дударев размышляет об ответственности канцлера за направление и характер внешней политики Германской империи. Думается, его позиция является верной, ибо, несмотря на периоды конфронтации между Германией и Россией в годы нахождения Бисмарка у власти, последний никогда не порывал с ней окончательно, признавая значительное влияние Петербурга на расстановку сил в Европе и безопасность созданной им империи. Уже после вынужденной отставки «железного канцлера» его преемники и стремившийся проводить самостоятельную политику Вильгельм II целиком несут ответственность за те действия, которые Германия начала в рамках борьбы за «место под солнцем».

Библиография

- Дударев В.С.* Петербургская миссия Отто фон Бисмарка. 1859–1862. Дипломатическая ссылка или политический успех? СПб., 2013.
- Ерусалимский А.С.* Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., 1968.
- Нарочницкая Л.И.* Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX века за объединение Германии «сверху». М., 1960.
- Оболенская С.В.* Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977.
- Роотс Л.К.* Шлезвиг-гольштейнский вопрос и политика европейских держав в 1863–1864 годах. Таллин, 1957.
- Чубинский В.В.* Бисмарк. Политическая биография. М., 1988.
- Шнеерсон Л.М.* Франко-прусская война и Россия. Из истории русско-прусских и русско-французских отношений в 1867–1871 гг. Минск, 1976.

References

- Chubinskii V.V.* Bismark. Politicheskaia biografiia [Bismarck. Political biography]. Moskva, 1988. (In Russ.)
- Dudarev V.S.* Peterburgskaia missiia Otto fon Bismarka. 1859–1862. Diplomaticeskaiia ssylka ili politicheskii uspek? [The St. Petersburg Mission of Otto von Bismarck. 1859–1862. Diplomatic exile or political success]. Sankt-Peterburg, 2013. (In Russ.)
- Erusalimskii A.S.* Bismark. Diplomatiia i militarizm [Bismarck. Diplomacy and militarism]. Moskva, 1968. (In Russ.)
- Narochnitskaia L.I.* Rossiia i voiny Prussii v 60-kh godakh XIX veka za ob'edinenie Germanii "sverkh" [Russia and the

³ *Дударев В.С.* Петербургская миссия Отто фон Бисмарка. 1859–1862. Дипломатическая ссылка или политический успех? СПб., 2013.

Prussian wars in the 60s of the 19th century for the unification of Germany “from above”]. Moskva, 1960. (In Russ.)

Obolenskaia S. V. Franko-prusskaia voina i obshchestvennoe mnenie Germanii i Rossii [The Franco-Prussian War and public opinion of Germany and Russia]. Moskva, 1977. (In Russ.)

Roots L. K. Shlezvig-gol'shteinskii vopros i politika evropeiskikh derzhav v 1863–1864 godakh [The Schleswig-

Holstein question and the policy of the European Powers in 1863–1864]. Tallin, 1957. (In Russ.)

Shneerson L. M. Franko-prusskaia voina i Rossiia. Iz istorii russko-prusskikh i russko-frantsuzskikh otnoshenii v 1867–1871 gg. [The Franco-Prussian War and Russia. Russian Russian-Prussian and Russian-French relations in the years 1867–1871]. Minsk, 1976. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640022558-1

© 2023 г. А.А. Козлова

ИНДИЯ – ПУТЬ К НЕЗАВИСИМОСТИ И ДИАЛОГУ С РОССИЕЙ

Рец. на книгу: В.П. Кашин. ИНДИЯ. НЕЗАВИСИМОСТЬ, РАЗДЕЛ И ДИАЛОГ С РОССИЕЙ / отв. ред. Т.Л. Шаумян. М.: ИКАР, 2022. 196 с.

Козлова Александра Алексеевна – кандидат исторических наук, Институт востоковедения РАН (Москва, Россия).

E-mail: kaa-iaas@mail.ru

Scopus Author ID: 57352672800; ORCID: 0000-0003-3799-6086

A.A. Kozlova

INDIA – THE PATH TO INDEPENDENCE AND DIALOGUE WITH RUSSIA

Rec. ad op.: V.P. Kashin. INDIA. INDEPENDENCE, PARTITION AND DIALOGUE WITH RUSSIA / ed. T.L. Shaumyan. Moscow: ICARUS Publishing House, 2022. 196 p.

Alexandra Kozlova, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: kaa-iaas@mail.ru

Scopus Author ID: 57352672800; ORCID: 0000-0003-3799-6086

Монографическое исследование Валерия Петровича Кашина «Индия. Независимость, раздел и диалог с Россией» было подготовлено к 75-летию независимости Индии и установлению дипломатических отношений между Индией и Советским Союзом. В.П. Кашин – российский индолог, ведущий научный сотрудник Института востоковедения (ИВ) РАН и ученый секретарь Центра индийских исследований ИВ РАН, автор многочисленных публикаций в научных, познавательных и энциклопедических изданиях.

Знак «75 Azadi ka Amrit Mahotsav» на обложке книги разработан специально к празднованию 75-летия независимости страны и освещению истории ее народов, культуры и достижений при поддержке правительства Индии. Официальный старт торжеств пришелся на 12 марта 2021 г. С этой даты начался 75-недельный обратный отсчет до 75-летия независимости Индии. Завершатся мероприятия 15 августа 2023 г. В рамках фестиваля «Azadi ka Amrit

Mahotsav» рассматриваются пять тем: 1) борьба за свободу, 2) идеи и идеалы, сформировавшие современную Индию, 3) приверженность конкретным целям и задачам в формировании будущего страны, 4) действия, предпринимаемые для реализации политики и выполнения обязательств, 5) демонстрация достижений в различных сферах. Знак «75 Azadi ka Amrit Mahotsav» присуждается различным изданиям по решению индийского посольства.

Исследование В.П. Кашина посвящено одной из центральных тем истории Индии в новейшее время – достижению политической независимости в августе 1947 г., ставшее результатом многолетней борьбы народов Индии против британского колониального господства, а также следствием компромисса с участием британских властей и авторитетных индийских партий. Эти договоренности дорого обошлись индийской стороне и привели в итоге к разделу Британской Индии на Индийский Союз и Пакистан со статусом доминионов.

Монография написана живым и ярким авторским языком, хорошо структурирована; повествование последовательно и логично, идет в хронологическом порядке. В ходе работы автор собрал обширный фактический материал, исследование опирается на большое количество разнообразных источников, сведений индийской прессы, архивов.

Книга состоит из предисловия, двух глав, разбитых на логические части, что способствует легкому восприятию и усвоению текста, и заключения. Сноски, примечания, источники и тематическая литература размещены автором в конце каждого раздела. Печатное издание сопровождается рядом исторических фотографий. К сожалению, автор не указал источники, откуда были взяты изображения, только в аннотации книги на английском языке упомянуто, что фотографии были любезно предоставлены посольством Индии в Москве; на русском языке эти сведения отсутствуют.

В первой главе «Независимость Британской Индии и ее раздел», состоящей из шести подглав, автор, наряду с факторами, обусловившими победу освободительного движения в Индии, подробно анализирует подготовку, особенности, механизм и последствия раздела Британской Индии на Индию и Пакистан, осуществленного на основе принципа религиозно-общинной принадлежности провинций по «плану Маунтбэттена». Пакистан был образован из двух частей, разделенных территорией Индийского Союза и отстоящих друг от друга на 1,6 тыс. км. В монографии задействованы оригинальные документы; проблема раздела Ассам затронута в научной работе впервые, прежде вопрос о присоединении к Восточной Бенгалии округа Силхет замалчивался.

Раздел страны на два доминиона повлек за собой разрыв сложившихся экономических и торговых отношений и был отмечен кровопролитными и ожесточенными религиозно-общинными погромами, в ходе которых погибло более 1 млн человек, более 14 млн стали вынужденными беженцами. Ресурсы оказались распределены неравномерно и нелогично. Ломались судьбы людей, их жизни: трагедия переселенцев отражена в заметках о поездах смерти, а также в трогательном рассказе «Туфельски с позолоченными пряжками». Повествование о похищенной Зайнаб, героине самой известной и пронзительной истории индийских переселенцев периода раздела 1947 г., основано на свидетельствах реальных исторических персонажей. Существует несколько вариантов данной истории, В.П. Кашин выбрал версию Ларри Коллинса и Доминика Лапьерра¹.

Одновременно с решением острых внутриполитических задач правительство Индии делало первые шаги на международной арене. В 1946–1947 гг. Джавахарлал Неру выступил с инициативой по установлению дипломатических отноше-

ний с рядом ведущих зарубежных стран, включая Советский Союз. Символично, что дипломатические отношения между Индией и СССР/Россией были установлены 13 апреля 1947 г., т.е. за четыре месяца до официального провозглашения политической независимости Индии. О том, какое значение придавал Неру отношениям с СССР, свидетельствует назначение послом Индии в Москву видного индийского дипломата Виджай Лакшми Пандит. Во второй главе «Индия и диалог с Россией», состоящей также из шести подглав, автор подробно анализирует сближение двух стран и последующее укрепление связей между ними. В.П. Кашин также показывает, как воспринималась Россия глазами видных индийских деятелей: Махатмы Ганди, Рабиндраната Тагора, Джавахарлала Неру.

Из недостатков можно отметить наличие в разделе 2.3 «Джавахарлал Неру о России в период борьбы за независимость Индии» довольно обширного цитирования о месте России в мире из исторических писем-очерков Дж. Неру, опубликованных в 1934 г. в виде книги «Взгляд на всемирную историю». Таким образом акцент делается на России, а не Индии и ее борьбе за независимость.

Пристального внимания заслуживает раздел 2.4 «Установление дипломатических отношений между Индией и Советским Союзом», где описана деятельность первого индийского посла в СССР Виджай Лакшми Пандит и советского посла в Индии Кирилла Васильевича Новикова. В.П. Кашин, опираясь на архивные материалы, раскрывает ранее неизвестные инициативы К.В. Новикова, при непосредственном участии которого в 1948–1949 гг. были заключены первые торговые соглашения между СССР и Индией, создано торгпредство, организованы крупная советская промышленная выставка и выставка живописи, начался обмен культурными делегациями. Тот факт, что дипломатические отношения между Индийской Республикой и Советским Союзом были оформлены за несколько месяцев до официального провозглашения политической независимости Индии, указывает на весьма значимую, если не ведущую, роль СССР на международной арене после окончания Второй мировой войны.

В главе 2.6 отдельно рассматриваются вопросы особого и привилегированного стратегического партнерства Индии и России. Российско-индийские отношения имеют долгую и богатую историю, их современное состояние во многом базируется на фундаменте, заложенном советско-индийскими отношениями, как это справедливо отмечает автор исследования. Премьер-министр Республики Индия Нарендра Моди в своих выступлениях неоднократно подчеркивал особый характер отношений его страны с Россией, которую Индия всегда воспринимала как близкого друга. Многогранные российско-индийские связи проверены временем и охватывают различные области сотрудничества, включая политику, стратегическое планирование, экономику, энергетику, военную сферу и безопасность, науку и

¹ Collins L., Lapierre D. Freedom at Midnight. Delhi, 1976.

технологии, культуру и гуманитарное взаимодействие. В ходе саммита 6 декабря 2021 г. в Нью-Дели президент РФ В.В. Путин и премьер-министр Индии Нарендра Моди договорились продолжить совместную работу по продвижению взаимных расчетов в национальных валютах. Автор монографии уверен, что разрушить российско-индийские отношения и изменить их характер оказалось не под силу ни «пандемии 2019», ни давлению на Индию со стороны США и их союзников, начавшемуся с конца февраля 2022 г. (с. 182–184).

Тем не менее, несмотря на хороший стиль изложения, чувствуется поспешность в стремлении завершить работу над книгой. В связи с этим в издании присутствует некоторое количество недочетов и опечаток. Например, в разделе 1.6 «Трудной дорогой беженца» В.П. Кашин при перечислении мест, которые покидали мусульманские беженцы, использует название «Центральная провинция» вместо «Центральные провинции», что является грубой ошибкой (с. 99). В книге наблюдаются повторы цитат, сведений и описаний, кочующие из раздела в раздел в некоторых вариациях. Так, дублирование текста прослеживается на стр. 64 (1.4. «Раздел Панджаба») и стр. 90 (1.5. «Раздел Ассама») – повторяются сведения об итогах переговоров вице-короля с индийской политической элитой 3 июня 1947 г. и обнаружении заявления британского правительства о будущем статусе Индии, составленное в соответствии с рекомендациями Маунтбэттена и

при его непосредственном участии. Дублируются данные о деятельности Маунтбэттена и его отчете в Лондон от 9 апреля 1947 г.; сведения из биографии К.В. Новикова в разделах 2.4 и 2.5.

Важным недостатком работы представляется отсутствие в первой главе параграфа, посвященного разделу Бенгалии. Автор касается в книге данной темы, но дальнейшего развития она не получает. Видится логичным выделить особый подраздел, посвященный разделу Бенгалии и его последствиям, при переиздании монографии с привлечением нового материала.

Тем не менее с поставленной задачей В.П. Кашин справился. В свете активизации российско-индийского сотрудничества после 2014 г. и принятия курса на привилегированное стратегическое партнерство между Россией и Индией в некоторых сферах данная монография является актуальной и востребованной. «Индия. Независимость, раздел и диалог с Россией» будет полезна для широкого круга читателей, интересующихся как историей Индии, так и современными международными отношениями и политикой; для студентов и для специалистов разного профиля. Книга также может послужить отличной стартовой площадкой для последующих исследований близкой тематики.

DOI: 10.31857/S013038640023851-4

© 2023 г. А.А. Попов

МЕЖДУ ФРГ И СССР: ТОРГОВЛЯ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ В ГДР В 1950–1970-е годы

Рец. на книгу: Б.В. Яблочков. СССР И ГДР. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В УСЛОВИЯХ «НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ». М.: ГАУГН-Пресс, 2021. 154 с.

Попов Алексей Алексеевич – научный сотрудник Института советской и постсоветской истории Научного исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

E-mail: aa.popov@hse.ru

ORCID: 0000-0001-5737-4079

A.A. Popov

BETWEEN WEST GERMANY AND THE USSR: TRADE AS A FACTOR OF ECONOMIC REFORM IN THE GDR IN THE 1950s–1970s

Rec. ad op.: B.V. Yablokov. USSR AND GDR. ECONOMIC DIPLOMACY IN THE CONDITIONS OF THE “NEW ECONOMIC SYSTEM”. Moscow: GAUGN-Press, 2021. 154 c.

Aleksey Popov, Institute for Advanced Soviet and Post-Soviet Studies, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia).

E-mail: aa.popov@hse.ru

ORCID: 0000-0001-5737-4079

После Второй мировой войны Германия была разделена на два государства, но только одно из них продемонстрировало миру «экономическое чудо». Причины быстрого восстановления экономики и последующего устойчивого роста за счет развития высокотехнологичных отраслей Западной Германии во второй половине XX в. стали предметом пристального внимания экономистов, социологов, политологов и историков. В противовес ей Восточная Германия на большой дистанции «чудесных» темпов роста не показала и долгое время в исследованиях представляла главным образом в качестве иллюстрации превосходства капиталистического строя над социалистическим. Ситуацию усугубляло то, что ГДР была «витриной социализма» с одним из самых высоких уровней промышленного производства внутри и самым высоким уровнем жизни граждан во всем соцлагере. Опыт экономического развития Восточной Германии, таким образом, также иногда интерпретировался широко как пример провального развития всего «восточного блока», поскольку порождал закономерный вопрос: если самая богатая страна блока так уступает ФРГ, то на сколько же бедны остальные?

Однако, как и любая история экономического «отставания», эта не была предопределена с самого начала, развивалась постепенно и под влиянием множества факторов. И как во многих подобных случаях, сравнивая две экономики, исследователи нередко попадали в ловушку ретроспективно восприятия исторического процесса, оценивая «проигравшую сторону» по критериям «победителя». Наиболее ясно рискованность такого подхода показал К. Померанц, который использовал перекрестный анализ для пересмотра оценок начала расхождения Европы и Китая¹. Поэтому для понимания историками экономического роста Германии послевоенный опыт ГДР оказывается столь же важен, как и опыт ФРГ. Без его учета затруднительно оценить, когда и по каким причинам началось расхождение между двумя государствами.

Экономическая система Восточной Германии формировалась в первые послевоенные десятилетия. Именно в этот период сложились основные формы государственного управления экономикой, отношений с СССР и социалистическими странами и, разумеется, определились особенности торговли с ФРГ. Анализ именно этого периода посвящена рецензируемая монография.

Сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук и Института всеобщей истории РАН к.и.н. Б.В. Яблоков в книге попытался реконструировать процесс реформирования экономической системы ГДР в 1950–1960-е годы в контексте отношений с ФРГ и Советским Союзом. В книге прослеживается, как под влиянием политических и социально-экономических факторов внутри восточногерманской экономики накапливались противоречия и закреплялись менее эффективные институты.

Особенностью исследования является то, что экономическая история ГДР реконструируется главным образом через оптику советских государственных органов, чиновников и экспертов, поскольку львиную долю источниковой базы составляют материалы российских архивов (Секретная часть Госплана, фонд СЭВ, фонд Минвнешторга в Российском государственном архиве экономике, материалы референтуры по ГДР в Архиве внешней политики Российской Федерации, фонды Политбюро и отделов ЦК КПСС в Российском государственном архиве новейшей истории и другие). Естественно, в этих фондах имелись и документы, подготовленные при участии и от имени руководителей и экспертов ГДР, однако, адресованные в Москву, они так или иначе апеллировали к советской идеологизированной системе восприятия глобальных процессов и использовали для этого «советизированный» язык. Вероятно, из-за специфики набора источников в названии книги СССР вынесен на первое место, хотя само исследование обращается к темам, лежащим далеко за пределами вопросов отношений СССР и ГДР.

Монография состоит из восьми глав, в которых раскрываются три основных вопроса: как склады-

¹ *Померанц К. Великое расхождение. Китай, Европа и создание современной мировой экономики. М., 2017.*

валась система управления экономикой в ГДР в результате нескольких раундов реформ; какую роль в становлении этой системы играли экономические связи с ФРГ; как на процесс реформ влияла обстановка внутри соцлагеря, и прежде всего «фактор» Советского Союза.

В первой главе «Особенности развития восточногерманской экономики» автор показывает, как при участии советских экспертов формировалась система планового хозяйства в Восточной Германии. При этом подчеркивается, что уже к середине 1950-х годов германское руководство строило планы промышленного развития с расчетом на масштабные поставки ресурсов из СССР, ориентируясь одновременно на расширение и торговли, и конкуренции с ФРГ. Однако по мере усложнения экономики «существующая система планирования уже перестала обеспечивать высокий эффект хозяйственной деятельности» (с. 53), что стимулировало разработку масштабной экономической реформы.

Более детально особенности торговли между ГДР и ФРГ в 1950-е – начале 1960-х годов проанализированы во второй главе. Парадоксальным образом расширение «внутригерманской» торговли между двумя государствами воспринималось руководством ГДР одновременно и желанным, и чрезвычайно рискованным, поскольку Бонн использовал эти связи как инструмент политического давления. Советское руководство также стремилось снизить зависимость восточногерманской экономики от ФРГ, расширяя собственные поставки ресурсов, в результате чего «целые отрасли промышленности ГДР работали на советском сырье». Именно это, по мнению автора, обеспечило руководству СССР возможность «существенно сдерживать многие хозяйственные инициативы Восточного Берлина» (с. 60).

Стремление к сохранению и расширению автономии в вопросах экономического развития побуждало руководство ГДР во главе с В. Ульбрихтом искать возможности модернизации экономической системы таким образом, чтобы одновременно и расширять внешнюю торговлю, и снижать зависимость от основных импортеров.

Третья и четвертая главы книги посвящены двум этапам внедрения в ГДР так называемой «новой экономической системы» в 1963–1968 гг. Восточногерманское руководство предприняло попытку масштабного реформирования систем планирования и распределения, сделав акцент на показателях прибыли объединений народных предприятий, в том числе доходов от экспорта. Как показал Б.В. Яблоков, внедрение «новой экономической системы», хотя и было ориентировано прежде всего на расширение торговли с ФРГ, привело и к резкому росту торговых оборотов с социалистическими странами. Это произошло потому, что, с одной стороны, руководство ГДР внутри блока пыталось добиться «монополизации» торговых отношений с ФРГ, а с другой – по мере развития промышленности страна все больше нуждалась в импорте

сырья из Советского Союза и других социалистических стран. В результате «устойчивое развитие» экономики ГДР зависело от того, «насколько промышленность сможет обеспечить эффективность экспорта» (с. 82). Однако уже к 1968 г. хронический дефицит сырья, импортируемого из СССР, поставил под вопрос продолжение реформ.

Еще одной причиной свертыпания реформ стала Пражская весна 1968 г. и последовавшее за ней усиление давления со стороны советского руководства, этому посвящена отдельная глава книги. Хотя, как справедливо отмечает автор, в отличие от реформ в Чехословакии, которые затрагивали и политическую сферу, «восточногерманский проект преследовал преимущественно прагматические цели и решал задачи экономического порядка» (с. 99), сама идея реформ в значительной мере была дискредитирована. Этим воспользовались и оппоненты В. Ульбрихта внутри СЕПГ, в первую очередь Э. Хонеккер. Впрочем, и советское руководство, которое пыталось выстраивать в этот период собственную систему отношений с ФРГ, усилило нажим на партийное руководство ГДР, последнее болезненно реагировало на попытки решать «германские вопросы» за его спиной.

Шестая и седьмая главы посвящены тому, как происходило урегулирование отношений ГДР и ФРГ в конце 1960–1970-х годах, проанализирована обострившаяся на этом фоне борьба конкурирующих внутрипартийных групп в СЕПГ. Нормализация отношений с Западной Германией и нарастание недовольства граждан уровнем жизни привели к возвращению к «централизованной модели управления народным хозяйством» и отказу от ориентации производств на экспорт.

Последняя глава раскрывает, каким образом в начале 1970-х годов руководство ГДР получило возможность увеличить расходы на социальную сферу, не проводя масштабных реформ в экономике. Расширение сотрудничества социалистических стран, прежде всего за счет участия в проектах переработки и реэкспорта советской нефти, обеспечило приток валютных поступлений. При этом старые глубинные проблемы восточногерманской экономики были просто законсервированы и в полной мере проявились уже в конце десятилетия.

Таким образом, в монографии переход к «новой экономической системе» для руководства Восточной Германии описывается как вынужденная мера, «которая позволила бы сбалансировать экономику ГДР за счет интенсификации промышленного производства» (с. 138). Вместе с тем, рассматривая процесс реформирования в контексте международных экономических связей с ФРГ и СССР (а также в контексте попыток обновления экономических систем других социалистических стран), автор заключает, что успешная реализация реформ могла бы стать «необходимым фундаментом для проведения ГДР независимой внешнеэкономической политики» (с. 141). И это, пожалуй, главное противоречие исследования.

Автор процесс реформирования экономики Восточной Германии описывал через влияние внешних факторов (условий торговли с ФРГ, поставок из СССР, интеграционной динамики социалистического блока) не только в момент его запуска, но на всем протяжении. Более того, постепенный отказ от реформ также показан через влияние внешних факторов — в последних главах значительное внимание уделено политике канцлера ФРГ В. Брандта, действиям советских дипломатов и дискуссиям экспертов внутри Совета экономической взаимопомощи. В этот же период советское руководство активно искало стратегических партнеров среди западных стран, чему явно мешали попытки ГДР взять под контроль значительную часть торговли между ФРГ и соцлагерем². И поэтому не вполне ясно, каким образом процесс принятия решений, настолько сильно зависящий от экстерналий, смог бы трансформироваться в независимую внешнюю политику. Более вероятным представляется вариант, что и попытки создать «новую экономическую систему», и отказ от нее в значительной степени были реакцией восточногерманских элит на меняющиеся условия общеевропейской экономики. В той версии событий, которую излагает автор, создается впечатление, что именно заикленность восточногерманской экономической дипломатии на двух крупнейших соседях стала одной из тех причин, что не позволили руководству страны выстроить более прочный фундамент собственной экономической автономии. А то, что экономика ГДР оказалась одновременно зависимой как от субсидируемых поставок сырья из СССР, так от доступа к высокотехнологичным и потребительским товарам из ФРГ, стало ее главной слабостью.

Впрочем, сама постановка проблемы и подход автора, который предполагает анализ широкого контекста формирования «народно-хозяйственной системы» ГДР в системе меняющихся внешнеполитических и внешнеэкономических условий, представляют большой интерес как для специалистов, так и для всех интересующихся историей ГДР и социалистических стран, а также популярной в последние годы историей общеевропейской интеграции³. Автору удалось на богатом историческом материале показать, как развивался сложный исторический процесс, который, в конечном счете, сыграл значимую роль в расхождении двух Германий.

² Липкин М.А. Между ФРГ и Японией: СССР в поисках стратегического партнерства в середине 1950-х — первой половине 1970-х годов // Новый исторический вестник. 2015. № 46. С. 77–101.

³ European Socialist Regimes' Fateful Engagement with the West: National Strategies in the Long 1970s / eds A. Romano, F. Romero. Routledge, 2021.

Библиография

Померанци К. Великое расхождение. Китай, Европа и создание современной мировой экономики. М., 2017.

Липкин М.А. Между ФРГ и Японией: СССР в поисках стратегического партнерства в середине 1950-х — первой половине 1970-х годов // Новый исторический вестник. 2015. № 46. С. 77–101.

European Socialist Regimes' Fateful Engagement with the West: National Strategies in the Long 1970s / eds A. Romano, F. Romero. Routledge, 2021.

References

Pomerants K. Velikoe raskhozhdenie. Kitaj, Evropa i sozdanie sovremennoj mirovoj ehkonomiki [The Great Divergence. China, Europe and the creation of a modern world economy]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Lipkin M.A. Mezhdru FRG i Yaponiej: SSSR v poiskakh strategicheskogo partnerstva v seredine 1950-kh — pervoj polovine 1970-kh godov [Between Germany and Japan: the USSR in search of a strategic partnership in the mid-1950s — the first half of the 1970s] // Novyj istoricheskij vestnik [New Historical Bulletin]. 2015. № 46. S. 77–101. (In Russ.)

European Socialist Regimes' Fateful Engagement with the West: National Strategies in the Long 1970s / eds A. Romano, F. Romero. Routledge, 2021.

DOI: 10.31857/S013038640023024-4

© 2023 г. В.Н. Ерохин

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИМАГОЛОГИЯ И ПОНИМАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Рец. на книгу: «СВОИ» / «ДРУГИЕ» / «ЧУЖИЕ»: ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПРОТИВОБОРСТВА ЗАПАДА, ВОСТОКА И РОССИИ / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб.: Алетея, 2021. 596 с.

Ерохин Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук Северо-Восточного государственного университета (Магадан, Россия).

E-mail: erohin_vladimir@inbox.ru

Scopus Author ID: 57196034314; ORCID: 0000-0003-4237-5065; Researcher ID: R-5423-2019

V.N. Yerokhin

HISTORICAL IMAGOLGY AND UNDERSTANDING OF INTERCULTURAL COMMUNICATIONS

Rec. ad op.: “OWN” / “OTHERS” / “ALIEN”: FROM THE HISTORY OF INTERACTION AND CONFRONTATION BETWEEN THE WEST, THE EAST AND RUSSIA / ed. T.L. Labutina. Saint-Petersburg: Aletheia, 2021. 596 p.

Vladimir Yerokhin, North-Eastern State University (Magadan, Russia).

E-mail: erohin_vladimir@inbox.ru

Scopus Author ID: 57196034314; ORCID: 0000-0003-4237-5065; Researcher ID: R-5423-2019

Концепты «взаимодействие», «противоборство», «конфронтация» со времен Средневековья характеризовали уровни и формы взаимоотношений между Россией, Западом и Востоком. Именно в процессе межкультурных коммуникаций с Западом и Востоком, принимавших нередко форму военных столкновений, происходило осознание и осмысление россиянами собственной идентичности, а также формирование более глубокого представления о европейских и восточных странах и культурах.

В современном, становящемся все более динамичным мире развитие межкультурных коммуникаций происходит еще более активно и, несмотря на вторжение разного рода трудно предвидимых обстоятельств, вроде пандемии, есть основания предполагать, что глобализационные процессы уже приняли необратимый характер. Достаточно взглянуть на ежедневную информационную картину, чтобы увидеть, что проблемы взаимодействия Запады, Востока и России постоянно находятся в фокусе внимания, занимая значительный объем в новостной ленте. Это свидетельствует об актуальности рассматриваемой в монографии исследовательской повести как минимум на десятилетия вперед. У тематики данного исследовательского проекта о взаимном восприятии Запады, Востока и России сохраняются широчайшие перспективы.

В работе над анализом взаимоотношений между Западом, Востоком и Россией с использованием концептов «свой», «чужой», «другой» в течение нескольких прошедших лет по инициативе главного научного сотрудника Института всеобщей истории (ИВИ) РАН д.и.н., проф. Т.Л. Лабутиной сложился значительный по численности, при этом в заметной степени постоянный исследовательский коллектив. Рецензируемая коллективная монография является завершающим трудом целой серии, посвященной изучению проблем компаративистики и исторической имагологии¹.

Об актуальности изучения проблематики межкультурной коммуникации в соответствии с избранным ракурсом на основе имагологического подхода свидетельствует также широкий отклик, который данный проект получил в научно-историческом сообществе, что нашло свое выражение в организации и проведении двух представительных научных мероприятий, прошедших в ИВИ РАН: Международный научный гуманитарный форум:

¹ «Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запады и Востока / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2019; «Свои» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запады и России (к юбилею Виктора Леонидовича Малькова) / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2020.

от знания к действию (3–4 декабря 2019 г.) и Международная научная конференция «Россия между Западом и Востоком: традиции и перспективы диалога культур» (21–22 октября 2021 г.). Конференций могло быть проведено три, в соответствии с количеством коллективных монографий, если бы не вмешалась в научную жизнь сложная эпидемиологическая обстановка 2020 г.

В ведущих отечественных научно-исторических периодических изданиях опубликованы три рецензии на первые две монографии серии². Так что мы в течение нескольких лет наблюдаем развитие интересного и содержательного научного проекта, привлечшего внимание значительного круга отечественных и зарубежных исследователей, и в живом научном общении во время конференций, и в публикации значительных по объему коллективных монографий. Организаторы данного исследовательского проекта стали первопроходцами в масштабной разработке проблематики, которая несет в себе очевидную значимость не только в научно-академическом, но также и практическом отношении. В то же время проект проходит определенный рубеж в своем развитии, и можно подвести итоги активной трехлетней работы.

В методологической программе, предложенной организаторами проекта, удачно объединен познавательный потенциал двух эвристически продуктивных методологических подходов: историко-сравнительного (компаративного) метода и имагологии. Эти две познавательные традиции не сразу нашли друг друга. Историческая компаративистика как познавательный подход впервые заметно продемонстрировала свой потенциал в середине XIX – начале XX в. в трудах А. де Токвиля, К. Маркса, М. Вебера. Как убедительно и образно подчеркнул в свое время известный французский медиевист М. Блок, «в исторических исследованиях нет места автаркии. Изолировавшись, каждый из специалистов сможет что-либо постичь лишь наполовину, даже в собственной области: единственно подлинная история, возможная лишь при взаимопомощи, это всемирная история»³.

² Соколов А.С. В центре внимания – межкультурные коммуникации // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2020. Вып. 72. С. 418–421; Буллер А. Восприятие «другого»/«чужого» в культурном пространстве между Россией и Западом. Рец. на книгу: «Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и Востока / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2019 // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 246–250; Смирнова И.Ю. Современная проблематика исторической имагологии в контексте международных отношений. Рец. на книгу: «Свой» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России (к юбилею Виктора Леонидовича Малькова) / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2020 // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 231–235.

³ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 29.

Формирование имагологического подхода в истории европейской мысли, в свою очередь, при исследовании происхождения имагологии связывают с именем итало-французского гуманиста Жюль Сезара (Юлия Цезаря) Скалигера (1484–1558), к которому возводят начало постановки на систематическую основу практики связывания культурных различий с определенными этническими группами. Далее же идейное влияние философии романтизма в начале XIX в. привело к тому, что культурные различия между народами стали рассматриваться не только как дескриптивные по содержанию этнографические феномены, но и как антропологические характеристики, составляющие индивидуальность, идентичность каждого народа. Европейская мысль вышла в своем развитии к формулировке идеи и концепта национального характера⁴.

Трудности с определением национального характера в понятийной форме имели своим следствием то, что соответствующий дискурс строился прежде всего литературно-художественными средствами в рамках сравнительного литературоведения. Явное сближение разворачивавшихся в сравнительном литературоведении имагологических исследований с исторической наукой стало происходить только в последней четверти XX в., что связано также с влиянием постмодернизма и конструктивистского подхода к пониманию этноса и нации⁵. Понятия «этнос», «нация», «национальный характер» при таком подходе перестали рассматриваться как онтологические, эссенциалистские по статусу и стали пониматься как ментальные конструкции, формируемые в пространстве дискурса. Понятийный конструкт – это не обобщение реальности во всей ее необъятности и сложности, а элемент дискурсивной практики, которая разворачивается в соответствии с интенцией (намерением) говорящего и пишущего. Сам язык исторических источников несет в себе образы, риторические практики, а не овеществленную реальность прошлого во всей ее полноте.

Такое сближение имагологии с конструктивизмом представлено в научной деятельности бельгийского литературоведа-компаративиста Хуго Дизеринка (1927–2020) и его единомышленников на страницах основанного им ежегодника *Studia Imagologica. Amsterdam Studies of Cultural Identity*. Каждый номер этого ежегодника открывается декларированием на первой странице издания методологического кредо группирующихся вокруг него исследователей, которое действительно удачно излагает программу сближения имагологии с исторической наукой: «имагология – это изучение

⁴ Leerssen J. *Imagology: History and Method* // *Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey* / eds M. Beller, J. Leerssen. Amsterdam; New York, 2007. P. 17–18.

⁵ *The Invention of Tradition* / eds E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1983; *Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, 1983.

кросс-национальных восприятий и образов... В недавние годы и литературоведческие исследования, и изучение международных отношений (и в политической, и в культурной сферах) приобрели такой поворот, в результате которого имагология стала еще более актуальной, чем ранее. Все в большей и в большей мере подходы, стереотипы и предвзятости, которые определяют литературную деятельность, осознаются и как фактор, влияющий на международные отношения». Ежегодник *Studia Imagologica. Amsterdam Studies of Cultural Identity*, издаваемый с 1995 г., превратился в один из флагманов в развитии исторической имагологии.

Отечественные имагологические исследования первоначально тоже стали активно развиваться именно в области сравнительного литературоведения⁶. Образы «других» могут быть, как обращалось внимание, не только этническими, национальными, но также социальными, гендерными, религиозными и др. Рецепция методологических подходов имагологии развернулась также в области изучения PR-технологий, в культурологии, в исторической науке. В рамках истории имагология стала изучать эволюцию исторически обусловленных образов социально-культурных групп, формирующихся в общественном сознании, и представления участников культурного диалога друг о друге.

В развитии исторической имагологии важно то, какие выводы следуют из ее взаимодействия с конструктивистской методологией в понимании этноса, нации, пола/гендера. Вообще говоря, практически любое понятие является конструктом — это, видимо, доступный человеку способ помыслить о тех или иных социальных реалиях, на что среди отечественных историков обращал внимание, в частности, Н.Е. Копосов⁷. Конструирование не означает произвольности, но подчеркивает то, что конструирующий выводит на первый план. В результате в центре внимания оказываются те или иные компоненты в восприятии изучаемого народа и его культуры в зависимости от интенций (намерений) мыслителя, а попутно проявляются также мировоззренческие

и культурные характеристики той национальной, социально-культурной среды, к которой принадлежит сам. Поэтому те компоненты содержания в характеристике «другого», что акцентируются в тексте, несут уже определенную информацию о том, какие интересы преследует пишущий, а также характеризует ту культуру, к которой автор такого текста принадлежит.

Значение исторической имагологии связано еще с одним важным моментом в межкультурных коммуникациях. Историческое и социальное познание в целом, и в том числе в изучении народами друг друга, по большей части разворачивается не сенсуально, через органы чувств, а через системы понятий и образов, через уже сгенерированные культурой стереотипы, которые несут в себе сознание и мировоззрение участников межкультурной коммуникации, а также используемые исторические источники. В этом отношении следует иметь в виду рассуждения постмодернистов, что через содержание источников надо еще попытаться проврать к самой социальной реальности прошлого.

Анализируемый исследовательский проект, думается, выиграл бы, если в одной из трех монографий был бы помещен очерк, посвященный становлению методологических подходов исторической имагологии с характеристикой того, что представляет собой ее научно-методологический инструментарий к настоящему времени. При этом следует отметить, что многие важные вопросы в анализе методологии историко-имагологических исследований рассмотрены во второй монографии серии в главе «Дискуссионные проблемы в изучении кросс-культурной коммуникации», написанной Т.Л. Лабутиной (с. 42–64).

Основное внимание в рецензируемой третьей монографии серии уделено рассмотрению истории межкультурных коммуникаций России с Западом и Востоком с учетом методологических подходов исторической компаративистики и исторической имагологии. Структурно книга делится на два раздела. Первый посвящен изучению теоретических проблем компаративистики и имагологии. Второй раздел объединяет кросс-культурные исследования на материале истории взаимодействия и противоборства стран Запада (США, Латинской Америки, Великобритании, Франции, Италии, Германии), Востока (Китай, Ирана) и России с акцентом на проблеме противостояния культур. Хронологически монография охватывает длительный период от раннего Средневековья до современности.

Сосредоточившись на конкретных сюжетах в анализе межкультурных коммуникаций, авторы и составители монографии отдали должное вопросам теории, оправданно поместив их в первый раздел монографии «Теоретическое осмысление проблем компаративистики и имагологии».

В главе Е.Ю. Сергеева «Теоретико-методологические проблемы имагологии международных отношений» интересно его предложение ввести в

⁶ См., в частности: *Поляков О.Ю.* Имагология в междисциплинарном научном пространстве // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 4–2. С. 8–10; *Его же.* Образы и «миражи» Хуго Дезеринка (к программе Аахенской школы компаративистики) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 3 (1). С. 121–125; *Его же.* Становление и развитие категориального аппарата имагологии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 9. С. 125–134; *Его же.* Междисциплинарные стратегии исследования «другого» в современной науке (имагологический аспект) // Бытие — язык — история. Сборник научных статей. Киров, 2017. С. 132–136; *Поляков О.Ю., Полякова О.А.* Имагология: теоретико-методологические основы. Киров, 2013.

⁷ *Копосов Н.Е.* Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005. С. 141–156.

проблематику изучения истории международных отношений исследование образов и представлений народов друг о друге, чтобы имагологический анализ стал составной частью теоретико-методологического инструментария историков-международников, поскольку исторические корни современных международных конфликтов связаны не только с борьбой за политическое могущество, но представляют собой также состязание в формировании представлений об окружающей нас действительности (с. 32).

А. Буллер в главе «Чуждость как культурный феномен» вносит вклад в понимание того, на какой основе в сфере социальной жизни возникает чуждость («чуждость не является внешним качеством людей, предметов и явлений, а она есть, прежде всего, продукт субъективного восприятия, ибо никто нигде и никогда не делает себя “чужим”, а становится таковым в глазах другого») и обращает внимание на то, что самыми сложными и трудно преодолимыми различиями являются культурные различия (с. 34). Автор также высказывает предположение, что «в условиях экономического подъема и растущего благосостояния потребности поощрять распространение “фобий”, как правило, не возникает» (с. 37). При этом возникает вопрос, что же способствует усилению явно демонстрируемых современным Западом разнообразных фобий, сохраняющейся враждебности по отношению к России: это экономические трудности современных западных обществ или какие-то более глубоко укорененные причины культурного характера? Какие экономические причины вообще влияли на появление многочисленных стереотипов в западных культурах по отношению к России? Но этих вопросов автор не ставит и на них, соответственно, не отвечает.

В главе «В поисках компромисса: социальные науки на рубеже веков» С.Е. Федоров характеризует проведение междисциплинарных исследований в области фундаментальных свойств так называемых сложных адаптивных систем, которые в качестве модели используются при анализе явлений в функционировании рыночной экономики, но при этом не поясняет, какое отношение все эти вопросы имеют к проблематике межкультурной коммуникации.

Второй раздел коллективной монографии «История взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России в кросс-культурных исследованиях» состоит из 22 глав, по содержанию являющихся имагологическими очерками. В их числе 13 глав представляют собой размышления о взаимоотношениях и взаимном восприятии представителей русской и европейских культур, 3 главы-очерка рассматривают восприятие Востока русскими современниками XVIII — начала XX в., 2 главы посвящены анализу латиноамериканских культур в их реакции на политику двух крупнейших стран мира (США и СССР) и еще в 4 главах изло-

жены отдельные сюжеты, которые выстраиваются с учетом методологических подходов исторической имагологии (масонство: его идейное содержание и влияние в эпоху Просвещения; скопчество и его распространение на Востоке, Западе и в России; история «реального социализма» в ГДР; история России в парадигме эндизма).

В главе «Русская земля (Россия) в словесности скандинавских германцев IX–XIV вв.: от изустных сказаний к произведениям письменным» В.А. Антонов представил обобщенную характеристику результатов современных исследований: каким топонимом называли земли восточных славян в скандинавской словесности IX–XIV вв.

О.Ф. Кудрявцев в главе «Известия о русских землях на европейских картах XIV в.» рассмотрел сведения европейской картографии о Восточной Европе и русских землях, свидетельствующие, что об этих территориях в Западной Европе в XIV в. имели самое смутное представление, хотя при этом в Каталонском атласе 1375 г. содержится, видимо, одно из самых ранних упоминаний Сибири (под названием Sebuc) в истории европейской географической науки (с. 114).

В главе «Конфессиональная идентичность: стереотипы взаимовосприятия православных, католиков (на примере Руси и Франции, XIV–XVI вв.)» М.В. Кузьмина обсуждает интересный вопрос: являлось ли формирование религиозной идентичности одним из факторов формирования этнической идентичности.

Ответственный редактор издания Т.Л. Лабутина в главе «Русско-турецкая война 1735–1739 гг. в освещении британского посла Клавдия Рондо» показывает, что уже в ходе этого военного конфликта Россия впервые получила представление о ненадежности Австрийской империи как союзника в войне. Тем не менее русская дипломатия, по сути дела, не извлекла из этого должных уроков, и далее неоднократно сталкиваясь с ненадежностью и откровенным своекорыстием Австрии (в частности, в ходе наполеоновских войн, накануне Крымской войны 1853–1856 гг.). Англичан же в ходе этой русско-турецкой войны при характерном для них прагматизме, как показала Т.Л. Лабутина на примере оценок данных событий английским дипломатом, интересовало лишь, чтобы не возникло препятствий английской торговле.

В главе «Масонское братство в истории эпохи Просвещения» С.Е. Княсов характеризует масонство в его исходных принципах и обращает внимание, что до сих пор исследователями не было уделено должного внимания даже анализу базовых программных документов масонства (с. 174). Вместе с тем автор отмечает, что роль масонства велика в том, что влияние идей Просвещения в Европе быстро стало по-настоящему интернациональным (с. 179–180). Думается, что для более глубокого понимания влияния масонов на общественную жизнь следовало бы обратиться к изучению не только

программных документов, но и, в первую очередь, практики деятельности масонских лож в разных европейских странах, но как раз с источниковедческим обеспечением такой работы есть большие сложности.

О.А. Никонов в главе «Иран и иранцы глазами российских современников в первой половине XVIII в.» показал причины, почему Россия отказалась от продвижения своих интересов и экспансии на иранском направлении. В России, как пишет автор главы, мало знали о культуре Ирана, о психотипе, традициях и менталитете местных жителей (с. 204). Население Ирана жило в условиях произвола и самоуправства местных властей, особенно притеснявших национальные меньшинства (в первую очередь армян). Представители русской дипломатии никак не могли принять при ведении дел «старинный обычай преподносить бакшиш по поводу любого значимого события», поскольку шахская власть в своих действиях по управлению страной опиралась в значительной степени на выдвинутых из «подлых аульных людей, и потому ни чести, ни зазрения в том не знают» (с. 214), в такой степени, что среди российских дипломатов возобладало мнение о невозможности инкорпорировать территории Ирана в хозяйственную структуру и правовое поле Российской империи. В целом глава содержит немало интересных сведений и наблюдений, информативных для более глубокого понимания иранского общества.

В главе «Внешняя политика Екатерины II в оценке путешественника Э. Суинтона» М.А. Ковалев показал, что британский путешественник подчеркивал заметную роль англичан на русской военной службе, позиционировал Россию как форпост Европы в борьбе с Турцией и не сомневался в европейском пути развития России, но отмечал также в истории и культуре России ряд неевропейских черт, например использование в русской армии иррегулярных подразделений, состоявших из татар, башкир, киргизов без всякой униформы, «несчастливых существ, похожих на цыган» (с. 226), но при этом считал, что империя как форма государства способна эффективно противостоять врагу (с. 230).

Л.Л. Селиванова в главе «Древнее и новое скопчество на Востоке, Западе и в России» проследила возникновение скопчества в контексте истории России середины и второй половины XVIII в., считая, что при давности этого явления и его распространенности в разных культурах скопчество в истории страны было порождено внутренними российскими условиями (с. 256).

В главе «III Отделение: взгляд на Восток. Российская общественная мысль о Востоке по документам тайной полиции Николая I (1826–1840)» С.В. Сопленков показал, как совершался в этом ведомстве сбор информации о Востоке, основывавшийся на переписке с заинтересованными корреспондентами в восточных странах, надевавшихся на помощь России, а также на перлюстрации пере-

писки внутри страны и анализе всей информации о Востоке и выходах из восточных стран, оказавшихся в России.

А.А. Орлов в главе «“Английский джентльмен” и “русский барин”»: сравнительный анализ ментальных концептов» на основе анализа английской и русской философской, мемуарной и художественной литературы, изданной преимущественно в 1830–1840-е годы, рассматривает, как принадлежность к схожему (правящему) социальному слою могла влиять на взаимовосприятие и взаимодействие представителей английской и русской аристократии. Автор сделал обстоятельный обзор бытования понятия «джентльмен» в английском общественном сознании, а также показал, что социальные реалии русского общества с сохранявшимся крепостничеством формировали в русском дворянстве свой особый социальный тип, и в русском дворянстве также прослеживалось сознательное противодействие идейно-политическому и социально-культурному влиянию Запада.

В главе «Дискурс женской красоты в русских травелогах первой половины XIX в. как способ идентификации “другого”» А.Б. Соколов характеризует особенности работы с травелогами как историческими источниками, интерпретирует историю красоты как составную часть изучения истории тела и на основе дискурсивного анализа, опираясь на письменно выраженные впечатления русских путешественников, исследует положение женщин в европейских странах в первой половине XIX в. в рамках трех видов дискурса: гендерного, социального и национального. Автор приводит немало интересных наблюдений о женщинах целого ряда европейских стран и считает, что чертой националистического мышления в XIX в. являлось как ранжирование наций, так и выстраивание предпочтений по отношению к женщинам в том, как воспринимались физические и душевные качества, сексуальная привлекательность женщин из разных стран (с. 339).

И.Ю. Смирнова в главе «Британо-российское противостояние во второй половине XIX в.: миссионерский аспект» привлекает внимание к интересному моменту в церковно-миссионерской деятельности англиканской церкви на территории Османской империи, когда в условиях переговоров о сближении Русской православной церкви и Церкви Англии на Востоке представители последней стали упирать на сходство англиканства и православия, намекать на возможность сближения этих церквей, как оказалось, еще и для того, чтобы потеснить на Востоке влияние православия. Представители Церкви Англии также способствовали усилению антиславянских националистических настроений среди греков, распространяли идею объединения Греческой церкви и Церкви Англии как составную часть сближения православия и англиканства. Англиканские духовные лица также действовали среди несториан, пропагандируя идею «воссоединения»

Церкви Англии и Сиро-Яковитской церкви. Так что действия англичан даже в церковной сфере, как показывает автор, фактически были частью «Большой игры», развернувшейся между Великобританией и Российской империей.

В главе «1861 г. в судьбах народов Европы и России на страницах британских периодических изданий» Т.Н. Гелла представила анализ освещения в британской печати событий, происходивших в крупнейших европейских странах в течение этого насыщенного событиями года. Как показала автор, «жизнь итальянцев, немцев, австрийцев и россиян, важнейшие события, которые происходили в их государствах в рассматриваемый период, вызывали неподдельный интерес у жителей Британских островов», а журналисты не только освещали и комментировали происходившие события, но и давали советы жителям европейских стран (с. 376, 382), что дает возможность составить представление о том, как формировался образ «другого» в британском обществе.

Е.О. Науменкова в главе «Лондон и Санкт-Петербург в сочинениях российских и английских путешественников второй половины XIX в.» привлекла значительный объем сведений, характеризующих культурную жизнь двух крупных европейских столиц, а также повседневную, бытовую сторону жизни в этих городах. Автор приходит к выводу, что англичане в большинстве своем не были впечатлены Санкт-Петербургом и воспринимали его как чиновничий, бюрократический город, построенный напоказ иностранцам. В свою очередь, русские приезжали в Лондон учиться, перенимать опыт в различных сферах жизни. Но, посмотрев достопримечательности, восхитившись техническими новшествами, русские путешественники покидали Лондон и отправлялись в более уютные Берлин и Париж (с. 408).

Глава «“Канада восточного мира”: эволюция образа Сибири на страницах британской прессы и травелогов в конце XIX — начале XX в.», написанная О.И. Галкиной, свидетельствует, что британские периодические издания не только довольно внимательно следили за тем, что происходило в Европе, но и уделяли внимание отдельным регионам Российской империи. При этом британские журналисты давали оперативную информацию, которая могла быть полезна политическим деятелям или представителям бизнеса. Авторы же путевых заметок стремились представить читателю образ повседневной жизни в Сибири с колоритными подробностями. С началом строительства Транссибирской железной дороги в Великобритании, как показывает автор, стали осознавать инвестиционную привлекательность Сибири (с. 420—421).

Н.С. Иванов в главе «Антиамериканизм в России и Латинской Америке (конец XIX — начало XX в.)» отмечает, что уже во второй половине XIX в. многие представители русской общественной мысли и мыслители из латиноамериканских стран об-

ратили внимание на хищническую природу государственной политики Северо-Американских Соединенных Штатов, показывая, что эта политика ведет к планетарному саморуйствованию посредством истощения ресурсов, загрязнения окружающей среды, экономического и военного геноцида по отношению к народам мира, эксплуатации, коррупции, уничтожения большинства человечества во имя социального неодавинизма (с. 456—457).

В главе «Финансовая миссия американца У. Моргана Шустера в Иране глазами российских современников» А.Б. Ларин обращает внимание на то, что интересный и важный материал для имагологических исследований дают сведения, связанные с присутствием русских и британцев в Иране в XIX — начале XX в. На основе рассмотрения частного по характеру сюжета — деятельность в Иране в 1911 г. американского финансиста, приглашенного тегеранским правительством, — автор развернул интересный имагологический анализ, показывающий, что на борьбу за экономическое и политическое влияние в Иране между «великими державами» влияли сказывавшиеся на общении даже между дипломатами стереотипы, фобии и филии, присущие взаимному восприятию друг друга русскими, англичанами и американцами. Сочетание методики case-study с имагологическим подходом в данном случае дало возможность увидеть новые компоненты и смыслы в проанализированной автором истории.

Д.И. Портнягин и Н.А. Портнягина в главе «Они должны объединиться и поддерживать правительство в его усилиях выполнить задачу: британские дипломаты о политических партиях России (1905—1907)» отмечают, что британская дипломатия в революционные годы пристально следила за политической обстановкой в России. Обращает на себя внимание то, что, наряду с использованием научной литературы, авторы привлекли к исследованию значительный объем неопубликованных материалов из британских архивов. В главе показано, как британские дипломаты собирали информацию о динамике политической жизни в России, как они работали со своими информаторами: их круг общения был довольно широк, вплоть до встреч британского посла с председателем Совета министров П.А. Столыпиным.

В главе «“Другие”, но “Свои”»: Бельгия и Франция в зеркале российской печати военных лет (1914—1917)» И.Р. Чикалова представила результаты собственной работы по анализу весьма значительного объема публикаций военного времени, посвященных осуждению агрессии Германии против Бельгии и Франции и формировавших сочувственное отношение к народам обеих стран. Российские деятели культуры, акцентирует автор, создавали образ Бельгии и ее народа, проявившего силу и храбрость в неравном единоборстве, как символ мужества и сопротивления. Журналистские публикации способствовали и росту симпатий к Франции: «Это

было чувство людей, которые сопереживали французскому народу в связи с несчастьями, выпавшими на его долю из-за вторжения врага» (с. 525). Автор показывает и событийную сторону происходившего, особенно точно — реакции, настроения, эмоциональный фон в восприятии событий военных лет современниками, наполняя изложение колоритными подробностями и проницательными оценками. Тем самым она углубляет представления современной исторической науки о том, как в начале Первой мировой войны воспринималась трагедия Бельгии и Франции в сознании российского общества.

Н. С. Иванов еще в одной главе «Влияние Великой Победы советского народа на Латинскую Америку (1946—1948)» обратился к рассмотрению важного вопроса о влиянии победы СССР во Второй мировой войне на общественное сознание и политическую ситуацию в Латинской Америке. Анализ политической жизни и политических настроений в Латинской Америке с широко распространенным в этом регионе антиамериканизмом важен и актуален и в исторической ретроспективе, и для проведения внешней политики Российской Федерации на современном этапе. В складывающейся сегодня в некоторых странах Центральной и Южной Америки политической ситуации есть значительный потенциал для наращивания влияния российской дипломатии. По оценке автора, Великая Победа советского народа дала мощный импульс левому радикализму, прогрессивному национал-реформизму в Латинской Америке, способствовала возникновению там мощного антиимпериалистического движения в последующее время (с. 545).

В главе «История реального социализма в “цветах ГДР” в оценках историков и политологов» Б. В. Петелин обращается к анализу драмы крушения восточноевропейского социализма на примере ГДР и справедливо отмечает, что у социалистического восточногерманского государства был потенциал успешного развития, продемонстрированный в целом ряде экономических и социальных достижений. ГДР не превзошла по своим экономическим показателям экономику ФРГ. Но ведь следует иметь в виду, если смотреть на происходившее в более широкой исторической ретроспективе, что отставание Восточной Европы от Западной Европы, в том числе восточногерманских земель, стало проявляться уже в раннее Новое время в XVI—XVII вв. Так что 40-летнее существование социализма на восточногерманской земле, надо учитывать, не успело полностью преодолеть действие этого многовекового по продолжительности тренда. Между тем Запад стремился коллективными усилиями превратить ФРГ в витрину капиталистического образа жизни. В настоящее же время, как обращает внимание автор, у Запада вообще нет модели экономического развития, которую он мог бы предложить бедным странам (это даже вне повестки дня), и в самих восточноевропейских странах в общественную жизнь вернулись безработица и бедность (с. 550). Вспо-

миная слова руководителя восточногерманских коммунистов Эриха Хонеккера, автор выражает надежду, что коммунизм не умер, он лишь проиграл одну битву (с. 559).

Крупный отечественный историк, недавно ушедший из жизни, В. Л. Мальков (1930—2021) в главе «Россия в парадигме эндизма. Могло ли быть иначе?» обращается к рассмотрению остроактуальных проблем развития современного мира и России. Очень важно, по мнению автора, что в современной российской истории не реализовался сценарий эндизма и России не удалось выключить из цивилизационного потока и прервать дальнейшее суверенное развитие страны. В. Л. Мальков также убедительно критикует один из тенденциозных тезисов эндизма о том, что 70 лет советского «эксперимента» были «падением из истории» (с. 561—569). Он видит заметный потенциал в дальнейшем развитии российской экономики, науки и культуры, обобщив свою позицию тем, что озаглавил заключительную часть своей статьи подзаголовком «Точку ставить рано» (с. 570—580).

В целом знакомство с коллективной монографией убеждает, что в отечественной исторической науке продолжает идти процесс освоения методологических подходов исторической имагологии, приносящий заметные научные результаты.

Библиография

- Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М., 1986.
- Буллер А. Восприятие «другого»/«чужого» в культурном пространстве между Россией и Западом. Рец. на книгу: «Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и Востока / отв. ред. Т. Л. Лабутина. СПб., 2019 // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 246—250.
- Копосов Н. Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005.
- Поляков О. Ю. Имагология в междисциплинарном научном пространстве // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 4—2. С. 8—10.
- Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров, 2013.
- Поляков О. Ю. Междисциплинарные стратегии исследования «другого» в современной науке (имагологический аспект) // Бытие — язык — история. Сборник научных статей. Киров, 2017. С. 132—136.
- Поляков О. Ю. Образы и «миражи» Хуго Дизеринка (к программе Аахенской школы компаративистики) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 3 (1). С. 121—125.
- Поляков О. Ю. Становление и развитие категориального аппарата имагологии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 9. С. 125—134.
- «Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и Востока / отв. ред. Т. Л. Лабутина. СПб., 2019.
- «Свои» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России (к юбилею Виктора Леонидовича Малькова) / отв. ред. Т. Л. Лабутина. СПб., 2020.
- Смирнова И. Ю. Современная проблематика исторической имагологии в контексте международных отношений. Рец. на книгу: «Свои» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России (к юбилею Виктора Леонидовича Малькова) / отв. ред. Т. Л. Лабутина. СПб., 2020 // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 231—235.

Соколов А.С. В центре внимания – межкультурные коммуникации // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2020. Вып. 72. С. 418–421.

Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983.

Leerssen J. Imagology: History and Method // Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey / eds M. Beller, J. Leerssen. Studia Imagologica. Amsterdam Studies of Cultural Identity 13. Amsterdam; New York, 2007. P. 17–18.

The Invention of Tradition / eds E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1983.

References

Blok M. Apologiya istorii, ili remeslo istorika [The Apology of history, or the craft of a historian]. Moskva, 1986. (In Russ.)

Buller A. Vospriyatiye “drugogo” / “chuzhogo” v kul’turnom prostranstve mezhdru Rossiiye i Zapadom. Rets. na knigu: “Svoy” / “Chuzhoy” v kross-kul’turnykh kommunikatsiyakh stran Zapada i Vostoka [Perception of the “Other” / “Alien” in the cultural space between Russia and the West. Reference to the book: “Own” / “Alien” in cross-cultural communications of the countries of the West and East] / otv. red. T.L. Labutina. SPb., 2019 // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 1. S. 246–250. (In Russ.)

Koposov N. Ye. Khvatit ubivat’ koshek! Kritika sotsial’nykh nauk [Stop killing cats! Criticism of Social Sciences]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Polyakov O. Yu. Imagologiya v mezhdistsiplinarnom nauchnom prostranstve [Imagology in an interdisciplinary scientific space] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities]. 2008. № 4–2. S. 8–10. (In Russ.)

Polyakov O. Yu., Polyakova O. A. Imagologiya: teoretiko-metodologicheskiye osnovy [Imagology: theoretical and methodological foundations]. Kirov, 2013. (In Russ.)

Polyakov O. Yu. Mezhdistsiplinarnyye strategii issledovaniya “drugogo” v sovremennoy nauke (imagologicheskiy aspekt) [Interdisciplinary strategies for the study of the “other” in modern science (imagological aspect)] // Bytiye – yazyk – istoriya. Sbornik nauchnykh statey [Being – language – history. Collection of scientific articles]. Kirov, 2017. S. 132–136. (In Russ.)

Polyakov O. Yu. Obrazy i “mirazhi” Khugo Dizerinka (k programme Aakhenskoj shkoly komparativistiki) [Images and “mirages” by Hugo Dizerink (to the program of the Aachen

School of Comparative Studies)] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities]. 2013. № 3 (1). S. 121–125. (In Russ.)

Polyakov O. Yu. Stanovleniye i razvitiye kategorial’nogo apparata imagologii [Formation and development of the categorial apparatus of imagology] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities]. 2014. № 9. S. 125–134. (In Russ.)

“Svoy” / “Chuzhoy” v kross-kul’turnykh kommunikatsiyakh stran Zapada i Vostoka [“Own” / “Alien” in cross-cultural communications of the countries of the West and East] / otv. red. T.L. Labutina. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)

“Svoi” i “Drugie”. Vzaimodeystviye i vospriyatiye kul’tur Zapada i Rossii (k yubileyu Viktora Leonidovicha Mal’kova) [“Own” and “Others”. Interaction and perception of Western and Russian cultures (to the anniversary of Viktor Leonidovich Malkov)] / otv. red. T.L. Labutina. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)

Smirnova I. Yu. Sovremennaya problematika istoricheskoy imagologii v kontekste mezhdunarodnykh otnosheniy. Rets. na knigu: “Svoi” i “Drugie”. Vzaimodeystviye i vospriyatiyekul’tur Zapada i Rossii (k yubileyu Viktora Leonidovicha Mal’kova) [Modern problems of historical imagology in the context of international relations. Reference to the book: “Own” and “Others”. Interaction and perception of cultures of the West and Russia (to the anniversary of Viktor Leonidovich Malkov)] / otv. red. T.L. Labutina. SPb., 2020 // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 5. S. 231–235. (In Russ.)

Sokolov A. S. V tsentre vnimaniya – mezhkul’turnyye kommunikatsii [In the center of attention – intercultural communication] // Dialog so vremenem: Al’manakh intellektual’noy istorii [Dialogue with Time: An Almanac of Intellectual History]. 2020. Vyp. 72. S. 418–421. (In Russ.)

Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983.

Leerssen J. Imagology: History and Method // Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey / eds M. Beller, J. Leerssen. Studia Imagologica. Amsterdam Studies of Cultural Identity 13. Amsterdam; New York, 2007. P. 17–18.

The Invention of Tradition / eds E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1983.

DOI: 10.31857/S013038640023753-6

© 2023 г. А.А. Богдашкин, В.В. Теплухин

КОНФЕРЕНЦИЯ В ВОРОНЕЖЕ ПО ПРОБЛЕМАМ ФАШИЗМА И АНТИФАШИЗМА

Богдашкин Александр Андреевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (Воронеж, Россия).

E-mail: bogdashkin83@mail.ru

Researcher ID: AAY-8860-2020

Теплухин Вячеслав Владимирович — кандидат исторических наук, начальник научно-исследовательского отдела Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (Воронеж, Россия).

E-mail: v.v.teplukhin@mail.ru

Researcher ID: AAU-6979-2021

A.A. Bogdashkin, V.V. Teplukhin

CONFERENCE IN VORONEZH ON THE PROBLEMS OF FASCISM AND ANTI-FASCISM

Alexander Bogdashkin, Military Training and Research Center of the Air Forces “Zhukovsky – Gagarin Air Force Academy” (Voronezh, Russia).

E-mail: bogdashkin83@mail.ru

Researcher ID: AAY-8860-2020

Vyacheslav Teplukhin, Military Training and Research Center of the Air Forces “Zhukovsky – Gagarin Air Force Academy” (Voronezh, Russia).

E-mail: v.v.teplukhin@mail.ru

Researcher ID: AAU-6979-2021

В современной военно-политической обстановке изучение фашизма, нацизма и методов борьбы с ними приобретают первостепенное значение. Командование Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (ВУНЦ ВВС «ВВА»), дислоцированного в Воронеже, вот уже второй раз проводит в своих стенах конференцию, направленную на осмысление этих преступных феноменов, которые, к сожалению, не были уничтожены после Второй мировой войны, а носители этих идей вновь подняли голову.

14–15 сентября в стенах академии проходила работа Всероссийской научно-теоретической конференции «Фашизм и антифашизм: проблемы теории и практики», в ходе которой докладчики и присутствующие на ней профессорско-преподавательский состав, слушатели и курсанты старались обогатить свои знания об основных сущностных чертах фашизма и антифашизма, рассмотреть их проявления в различных уголках

Земного шара, выработать необходимые принципы борьбы с неофашизмом и неофашизмом на современном этапе. Конференция была посвящена памяти выдающегося советского и российского историка, социолога и политолога, участника Великой Отечественной войны, внесшего огромный вклад в осмысление фашизма, Александра Абрамовича Галкина. В последние годы жизни Александр Абрамович активно сотрудничал с Военно-воздушной академией. В 2015 г. в связи с 70-летием Великой Победы над фашизмом в изданном академией сборнике была опубликована его основательная статья о всемирно-историческом значении этого эпохального в истории человечества события. Основное внимание в ней он уделил историческим урокам, которые человечество должно было усвоить, чтобы не допустить повторение катастрофы, подобной Второй мировой войне. Однако, как справедливо отмечал исследователь, содержание преподанных человечеству исторических уроков, включавших потребность

в создании системы справедливого миропорядка, обеспечении равенства стран и народов мира, формировании стойкого антифашистского иммунитета, «было реализовано лишь частично»¹. Сегодня эти слова звучат как никогда актуально. К сожалению, в январе 2022 г. А.А. Галкин ушел из жизни, не дожив менее полугода до своего 100-летнего юбилея.

На конференции с докладами выступили научные сотрудники ВУНЦ ВВС «ВВА», ученые из Москвы, Воронежа и Ростова-на-Дону, представлявшие Институт всеобщей истории (ИВИ) РАН, Институт славяноведения (ИСл) РАН, Институт востоковедения (ИВ) РАН, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Московский государственный институт международных отношений – Университет (МГИМО-У) МИД России, Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ), Воронежский государственный институт искусств (ВГИИ), Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и Сети интернет.

С приветственным словом к присутствующим обратился заместитель начальника ВУНЦ ВВС «ВВА» по военно-политической работе полковник А.В. Еремин, который подчеркнул чрезвычайную актуальность темы в условиях проводимой Российской Федерацией специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины.

В ходе работы конференции, которую вели к.и.н. А.А. Богдашкин (ВУНЦ ВВС «ВВА») и д.и.н. А.С. Намазова (ИВИ РАН), были заслушаны доклады: А.А. Богдашкина «Вклад Александра Абрамовича Галкина в изучение феномена фашизма и актуальные проблемы современных исторической, политической и социологической наук»; д.и.н., проф. В.П. Любина (ИНИОН РАН) «Борис Рэмович Лопух и Александр Абрамович Галкин и значение их исследований для современного осмысления сущности фашизма и неофашизма»; д.и.н., проф. А.Ю. Плотникова (МГЛУ) «Провокация как инструмент развязывания войн фашистской Германией»; д.и.н., проф. Е.П. Серапионовой (ИСл РАН) «Фашизм, коллаборационизм и движение Соппротивления в оценках чешских и словацких историков»; д.и.н., проф. Г.Ф. Матвеева (МГУ) и к.и.н. Е.Ю. Матвеевой (ИНИОН РАН) «Польские коммунисты о классовой природе и сущности фашизма. 1923–1926 гг.»; к.филос.н. В.И. Дегтярева (ВУНЦ ВВС «ВВА») «Анализ процесса фашизации европейских государств на страницах журнала “Мировое хозяйство и мировая полити-

ка” (1926–1939)»; А.С. Намазовой «Антифашистское движение в Бельгии в 1919–1945 гг.»; к.и.н. Е.В. Коруновой (МГУ) «Фашизм и антифашизм в странах Скандинавии накануне и в годы Второй мировой войны»; к.и.н. Е.Б. Лопатиной (ИСл РАН) «Фашизм, коллаборационизм и антифашизм в Польше в годы Второй мировой войны»; к.и.н. Н.С. Пилько (ИСл РАН) «Фашизм и католическая церковь в Словении»; к.и.н. М.Ю. Копаева (ВУНЦ ВВС «ВВА») «Возможен ли фашизм в Азии? Типология правоавторитарных режимов в Азиатско-Тихоокеанском регионе»; к.и.н. Е.С. Полунина (ВУНЦ ВВС «ВВА») «Анализ германского фашизма в трудах Дж.В.Ф. Хальгартена»; д.и.н. М.Ц. Арзаканян (ИВИ РАН) «Французские кагуляры»; к.и.н. А.А. Комарова (ИВИ РАН) «Видкун Квислинг и “русский вопрос”»; д.и.н., проф. О.Е. Петруниной (МГУ) «Антифашистское движение в Греции после Второй мировой войны»; д.и.н. Е.С. Токаревой (ИВИ РАН) «Антифашизм католических организаций в Италии по полицейским донесениям середины 1930-х годов»; к.и.н. Е.А. Ледовских (ВУНЦ ВВС «ВВА») «Взаимоотношения христианских церквей с фашистскими режимами в оценках отечественных историков»; к.и.н. Н.С. Скоробогатых (ИВ РАН) «Деятельность фашистских организаций Австралии после Второй мировой войны»; к.и.н. В.В. Теплухина (ВУНЦ ВВС «ВВА») «Украинский фашизм в 1919–1939 гг. и его современное осмысление».

В рамках работы конференции был проведен круглый стол «Неофашизм и выработка мероприятий по противодействию ему», на котором с докладами выступили Чрезвычайный и Полномочный посланник Российской Федерации д.и.н., проф. А.Ю. Борисов (МГИМО-У МИД России) «Неофашизм: почему реинкорнация?»; руководитель сектора образовательных программ С.В. Венцель, (Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и Сети интернет) «О мерах по противодействию попыткам распространения неофашизма в молодежной среде»; проф. А.И. Сотников (ВГИИ) «Музыковедческие кенотафы современной России».

Работа конференции вызвала большой интерес у профессорско-преподавательского и научного коллектива академии, слушателей и курсантов. Участие в конференции приняли сотрудники других высших учебных заведений и общности Воронежа. Присутствующие выразили высокую оценку представленным докладам, отметив их основательность и фундированность.

Библиография

Галкин А.А. Память и опыт (к 70-й годовщине Великой Победы) // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 10–11 марта 2015 г.). Воронеж, 2015. С. 9–39.

¹ Галкин А.А. Память и опыт (к 70-й годовщине Великой Победы) // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 10–11 марта 2015 г.). Воронеж, 2015. С. 9–39.

References

Galkin A.A. Pamyat' i opyt (k 70-j godovshchine Velikoj Pobedy) [Memory and experience (to the 70th anniversary of the Great Victory)] // Aktual'nye problemy istorii Vtoroj mirovoj

i Velikoj Otechestvennoj vojn: po materialam raboty kruglogo stola (g. Voronezh, 10–11 marta 2015 g.) [Actual problems of the history of the Second World War and the Great Patriotic War: based on the materials of the round table (Voronezh, March 10–11, 2015)]. Voronezh, 2015. S. 9–39. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640025921-1

© 2023 г. Н.Э. Вашкау, Б.Л. Хавкин

**РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ В СУДЬБАХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ.
КОНФЕРЕНЦИЯ В ЛИПЕЦКЕ К 90-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А.И. БОРОЗНЯКА**

Вашкау Нина Эмильевна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Института истории, права и общественных наук Липецкого государственного университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, Россия).

E-mail: vashkau@mail.ru

Scopus Author ID: 57262592100; ORCID: 0000-0001-9181-4381

Хавкин Борис Львович — доктор исторических наук, профессор факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).

E-mail: novistor@mail.ru

Scopus Author ID: 57197713554; ORCID: 0000-0002-4419-3639; Researcher ID: ABC-4513-2020

N.E. Vashkau, B.L. Khavkin

**RUSSIA AND GERMANY IN THE FATES OF RUSSIAN HISTORIANS.
CONFERENCE IN LIPETSK MARKING THE 90TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH
OF ALEXANDER BOROZNYAK**

Nina Vashkau, Department of National and World History, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky (Lipetsk, Russia).

E-mail: vashkau@mail.ru

Scopus Author ID: 57262592100; ORCID: 0000-0001-9181-4381

Boris Khavkin, Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: novistor@mail.ru

Scopus Author ID: 57197713554; ORCID: 0000-0002-4419-3639; Researcher ID: ABC-4513-2020

3 февраля 2023 г. Центр германских исторических исследований Липецкого государственного педагогического университета (ЛГПУ) им. П.П. Семенова-Тян-Шанского провел Третью международную научную конференцию «Россия и Германия в судьбах российских историков», посвященную 90-летию со дня рождения профессора ЛГПУ Александра Ивановича Борозняка (1933–2015). В ней приняли участие специалисты из Бреста (Республика Беларусь), Вологды, Воронежа, Ельца, Иванова, Липецка, Москвы, Ярославля.

«Мосты между странами, городами, людьми» — так назвала свой доклад д.и.н., проф. Н.Э. Вашкау (ЛГПУ). Свою любовь к истории Германии, ее языку, культуре А.И. Борозняк пронес через всю жизнь. Отдав 50 лет преподаванию в Липецком педагогическом институте (университете), он стал ученым международного уровня. Энциклопедические знания, которыми он щедро делился со студентами и аспирантами, книги, международные конференции, «Копелевские чтения», публикации актуальных статей на острые темы в главных исторических журналах,

опонирование диссертаций — все это позволило А.И. Борозняку обрести в глазах коллег и учеников высокий научный и личный авторитет.

Расцвет научной деятельности А.И. Борозняка пришелся на конец XX — начало XXI в., когда ученый завоевал признание в исторической науке и искусстве ее преподавания. По его инициативе в университете проходили российско-германские встречи «Россия и Германия: диалог культур». А.И. Борозняк вместе с патриархом отечественной германистики Я.С. Драбкиным обсуждал проблемы тоталитаризма: это была новая тематика в советской/российской историографии. Благодаря энергии и обширным контактам ученого в них принимали участие известные российские и германские историки. А.И. Борозняк был постоянным участником международных коллоквиумов и конференций, посвященных «преодолению прошлого» и исторической памяти¹. В 2001 г., выступая в Москве на Международной научной конференции «Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков», Борозняк в программном докладе обозначил болевые точки, которые волновали историческое сообщество в начале XXI в., — «преодоление прошлого»: германский опыт, российская перспектива. Об этом вкладе ученого много раз упоминали другие докладчики.

Именно А.И. Борозняк ввел понятие «преодоление прошлого» в современный российский исторический дискурс. Под этим процессом ученый понимал «не только критическое дистанцирование от периода 1933–1945 гг., но и прежде всего — усвоение его глубинной сущности, извлечение уроков из истории нацистской Германии, формирование гарантий от повторения трагедии гитлеризма»².

¹ Борозняк А.И. Проблематика битвы на Волге в отечественной исторической науке 40–90-х гг. // Сталинград: чему русские и немцы научились за 60 лет: материалы Международной научной конференции. Волгоград, 3–5 апреля 2003 г. Волгоград, 2003. С. 15–23; *Его же*. «Преодоление истории»: образы германского Сопровитвления в историческом сознании ГДР и ФРГ // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы Международной научной конференции. М., 2008. С. 344–346. *Его же*. Нацистская агрессия против СССР в зеркале современной историографии ФРГ: новые ориентиры исследований // Новые подходы к изучению современной истории (к 40-летию ИВИ РАН). Материалы юбилейной научной конференции. М., 2011. С. 39–54.

² Борозняк А.И. Прошлое, которое не уходит. Очерки истории и историографии Германии XX века. Екатеринбург, 2004. С. 14.

Постулат о преодолении прошлого стал для «четырех поколений немцев знаком длительно-го, многопланового, внутренне противоречивого процесса общенационального извлечения уроков из истории Третьего рейха, призывом к моральному очищению, восприятию и осмыслению правды о фашизме и войне, выработке иммунитета по отношению к тоталитарной инфекции, любым формам расизма, экспансионизма, агрессивного милитаризма»³. Только человек, зашоренный «ритуализированным идеологическим фундаментализмом» (определение А.И. Борозняка), не пожелает увидеть, что современное величие и благополучие Германии связано с титанической работой всего германского общества по «преодолению тоталитарного прошлого».

К.и.н., доц. В.А. Талашова (Вологодский государственный университет) выступление «Времена не выбирают, в них живут... А.С. Бланк и его время» посвятила творческому пути А.С. Бланка, ученого военного поколения, который отдал много сил становлению германистики в Вологодском пединституте, одним из первых начал заниматься проблемами фашизма, антифашистского Сопротивления, создал Проблемное объединение по германской истории. В начале 1980-х годов в Вологде, а затем и в других городах — Волгограде, Москве, Челябинске — удалось провести ряд конференций историков-германистов. В.А. Талашова рассказала о работе комиссии историков ГДР — СССР, которая разворачивалась на ее глазах.

Логическим продолжением темы стал доклад ответственного секретаря российской части Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений к.и.н. В.В. Ищенко (Институт всеобщей истории РАН) «А.И. Борозняк и Российско-германская комиссия: годы плодотворной работы». В.В. Ищенко рассказал о 25 годах научного сотрудничества в рамках комиссии России и Германии, о многочисленных публикациях документов, о творческих международных коллективах, опубликовавших несколько фундаментальных тематических сборников по истории российско-германских отношений, учебников, о 10 выпусках «Сообщений» комиссии, в подготовке которых А.И. Борозняк принимал активное участие.

³ Борозняк А.И. Уроки Германии в России еще не востребованы // Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция. М., 2002. С. 72.

Д.и.н., проф. В.Л. Черноперов (Ивановский государственный университет) рассказал о своем учителе И.Я. Биске, который во время Великой Отечественной войны был военным переводчиком и пропагандистом, вел допросы пленных немецких офицеров. Учеба в Московском государственном университете у выдающихся преподавателей-историков послевоенной поры сформировали И.Я. Биска как ученого. Он стал признанным специалистом по истории Веймарской республики, воспитавшим не одно поколение учеников.

К.и.н., доц. О.Г. Некрылова (Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина) посвятила выступление своему учителю — профессору В.А. Артемову и его роли в становлении германистики и нового факультета международных отношений в Воронежском государственном университете.

Д.и.н., проф. Б.Л. Хавкин (Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета) выступил с докладом «К 90-летию событий 30 января 1933 г. в Германии». 30 января 1933 г. президент Веймарской республики Пауль фон Гинденбург подписал указ о назначении «фюрера» Национал-социалистической германской рабочей партии, бывшего ефрейтора Адольфа Гитлера, рейхсканцлером. Почему, спустя 90 лет после прихода Гитлера к власти, мы вновь говорим о фашизме и нацизме, в чем актуальность этой проблемы?

Фашизм и его германская разновидность национал-социализм (нацизм) осужден Международным военным трибуналом в Нюрнберге в 1945—1946 гг. и на 12 малых Нюрнбергских процессах в 1946—1949 гг. Казалось бы, под этим периодом истории подведена жирная черта. Но, к сожалению, идеология и преступная практика фашизма и нацизма оказалась намного более живучей, чем это представлялось ранее. Фашизм и его разновидности обладают удивительной способностью к мимикрии; они, подобно вирусам, мутируют, быстро приспосабливаются к изменяющейся обстановке. Фашизм и его национальные проявления существуют в виде индивидуального и группового сознания и поведения, идеологии, общественно-политического движения, политического режима вождистского типа, террористической диктатуры. Фашизм — это «не только кровавая и террористическая диктатура наиболее реакционных кругов монополистической буржуазии, не только террор и безудержная социальная демагогия, но и состояние массового и даже индивидуального сознания, уникальная по характеру система создания противоречащих интересам народа ложных “национальных единств”, особый

механизм формирования социально-психологических настроений, основывающихся на негативной, деструктивной базе», — писал в 80-е годы XX в. А.С. Бланк, который был учителем Б.Л. Хавкина и дело которого продолжает историк.

На проблемах формирования культуры исторической памяти остановился д.и.н., проф. М.В. Стрелец (Брестский государственный технический университет, Республика Беларусь). Проанализировав вклад А.И. Борозняка в создание нового направления в российской исторической науке — разработку проблемы преодоления тоталитарного прошлого в период до и после объединения Германии, — М.В. Стрелец отметил, что в наследии ученого заслуживает особого внимания рассмотрение тенденций развития германской историографии фашизма. А.И. Борозняк глубоко изучил историю и историографию «спора историков» ФРГ 1986—1987 гг.⁴

Доклад к.и.н. С.Г. Алленова (Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, Воронеж) был посвящен вопросу пропагандистского обеспечения нацистской агрессии против СССР и морально-психологическом состоянии немецкого тыла в июне — начале июля 1941 г. На основе сравнительного анализа нацистских пропагандистских материалов и секретных планов агрессии докладчик пришел к выводу, что основной целью геббельсовской пропаганды было не оправдание целей агрессии против СССР, но всемерное их сокрытие. Соответственно, главным пропагандистским козырем Германии в первые дни «блицкрига» стала не гитлеровская программа завоевания восточного «жизненного пространства», а тезис о вынужденном и превентивном характере нападения на СССР. В докладе был также показан процесс внедрения этого пропагандистского вымысла в массовое сознание немцев и выработки у них синдрома «защитной агрессии» как важнейшего фактора легитимации развязанной нацистами войны и совершенных ими преступлений.

К.и.н., доц. Н.П. Тимофеева (Научно-образовательный центр устной истории Воронежского института высоких технологий) в выступлении «Память о погибших в нацистской Германии в политике стран антигитлеровской коалиции (1941—1945)» осветила проблему судеб советских и немецких военнопленных и интернированных. Историк

⁴ Борозняк А.И. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М., 1999; *Его же*. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М., 2014.

подчеркнула, что процесс идентификации погибших в нацистской Германии советских граждан, снижение числа анонимных памятных досок на их могилах, содержание в уважительном порядке кладбищ, отдельных захоронений «восточных рабочих» и советских военнопленных требует активного взаимодействия российских и германских ученых, архивов, мемориальных комплексов и музеев. Сотрудничество в сфере памяти о советских жертвах Второй мировой войны не должно быть прервано.

К.и.н. Е.В. Образцова (Центр развития творчества детей и юношества «Спутник», Воронеж) посвятила доклад повседневному переживанию психотравмы рабочих принудительного труда. Семья как фактор ресоциализации работников принудительного труда после возвращения в СССР рассмотрена ею на источниках личного происхождения, в том числе нарративно-биографических интервью. Многие годы Е.В. Образцова работала в проектах, посвященных женщинам лагеря Равенсбрюк, исследовала индивидуальную и коллективную память о войне и оккупации в Воронеже и Воронежской области. Травматический опыт людей, прошедших через плен, принудительный труд на чужбине и возвращение на Родину, очень важен для понимания как зарубежной истории, так и истории СССР. Исследование этой темы приобретает ныне чрезвычайную важность в связи с естественным уходом поколения очевидцев.

Декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского д.и.н. А.М. Ермаков в докладе «Узники совести: католическое духовенство в концентрационном лагере Дахау» остановился на судьбах и формах антинацистского сопротивления священников. Используя многочисленные мемуары выживших узников Дахау, историк анализирует точки зрения на проблему выживания в нечеловеческих условиях концлагеря. Лагерная действительность ставила священников перед нравственным выбором. Как и другие узники, не все католики могли проявить негибкую волю и избежать соблазна выжить любой ценой. А.М. Ермаков выходит на широкую дискуссионную проблему информированности немецкого населения о нацистских преступлениях. Как и в случае с Холокостом, одни современники и историки утверждают, что «обыкновенные немцы» не имели возможности ничего узнать, другие восклицают: «Не верьте этому! Если

кто-то из немцев не знал, то только потому, что не желал знать»⁵.

Д.и.н. Д.А. Смирнов (Ивановский политехнический университет) подвел предварительный итог изучения в современной российской историографии архива и публикаций немецкого философа и историка Вальтера Беньямина (1892–1940). Изменению в оценках интеллектуального наследия Беньямина в отечественной историографии в 2010-е годы способствовало расширение источниковой базы. Российские исследователи при анализе исторических взглядов Беньямина используют сравнительный подход. Такая перспектива становится особенно привлекательной в отечественной историографии 2010-х годов как в анализе изменений в концепциях и понятиях, предложенных Беньямином, так и в раскрытии их особенностей через сравнение с близкими концепциями и понятиями его коллег.

Ученики А.И. Борозняка – кандидаты исторических наук, доценты Г.В. Уваров, Н.Д. Кленышева, А.М. Кожевникова, О.В. Воробьева рассказали о своем Учителе.

П.В. Тепловодская (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») выступила с докладом «Битва за Сталинград в судьбе немецких студентов-антифашистов». Истории студенческой антинацистской группы «Белая Роза» А.И. Борозняк посвятил ряд статей; символично, что эта тема продолжает развиваться в творчестве выпускников ЛГПУ.

А.В. Чиковский (ЛГПУ) посвятил выступление переводчикам на фронтах Великой Отечественной войны. На примере судьбы Л.З. Копелева он показал роль выпускников и студентов Московского института философии, литературы и истории в пропагандистской работе с немецкими военнопленными.

А.А. Лакизюк (Липецкий краеведческий музей) представил свою книгу «223 дня мужества. Воловский район в годы Великой Отечественной войны» (Липецк, 2023), которая пополнит ряд исследований по истории войны в Липецком крае и станет хорошим подспорьем для учителей истории.

Перед конференцией был издан сборник «Россия и Германия в судьбах российских историков. К 90-летию со дня рождения профессора ЛГПУ

⁵ Erbrich E. Ich hab' das Lachen nicht verlernt. Die Lebensgeschichte von Edith Erbrich aufgezeichnet von Peter Holle. Neu-Isenburg, 2014. S. 10.

Александра Ивановича Борозняка⁶, куда вошли статьи 34 авторов. На страницах сборника ученики воссоздали биографии германистов старшего поколения — Л.А. Безыменского, И.Я. Биска, А.С. Бланка, Я.С. Драбкина, И.С. Кремера и др.

Конференция и книга, посвященные 90-летию А.И. Борозняка, показывают, что свободу мысли, стремление к обсуждению острых тем и поиску ответов на непростые вопросы истории российско-германских отношений ученые старших поколений сумели передать своим ученикам и последователям.

Библиография

Борозняк А.И. Нацистская агрессия против СССР в зеркале современной историографии ФРГ: новые ориентиры исследований // Новые подходы к изучению современной истории (к 40-летию ИВИ РАН). Материалы юбилейной научной конференции. М., 2011. С. 39–54.

Борозняк А.И. «Присвоение истории»: образы германского Сопротивления в историческом сознании ГДР и ФРГ // Теория и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы Международной научной конференции. М., 2008. С. 344–346.

Борозняк А.И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М., 2014.

Борозняк А.И. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М., 1999.

Борозняк А.И. Проблематика битвы на Волге в отечественной исторической науке 40–90-х гг. // Сталинград: чему русские и немцы научились за 60 лет: материалы Международной научной конференции. Волгоград, 3–5 апреля 2003 г. Волгоград, 2003. С. 15–23.

Борозняк А.И. Прошлое, которое не уходит. Очерки истории и историографии Германии XX века. Екатеринбург, 2004.

Борозняк А.И. Уроки Германии в России еще не востребованы // Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция. М., 2002. С. 71–72.

Россия и Германия в судьбах российских историков. К 90-летию со дня рождения профессора ЛГПУ Александра Ивановича Борозняка: материалы Международной научной конференции. Липецк, 3 февраля 2023 г. Липецк, 2023.

Erbrich E. Ich hab' das Lachen nicht verlernt. Die Lebensgeschichte von Edith Erbrich aufgezeichnet von Peter Holle. Neu-Isenburg, 2014.

References

Borozniak A.I. "Prisvoenie istorii": obrazy germanskogo Soprotivleniia v istoricheskom soznanii GDR i FRG ["Appropriation

of history": Images of the German Resistance in the historical consciousness of the GDR and FRG] // Teorii i metody istoricheskoi nauki: shag v XXI vek. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Theories and methods of historical science: a step into the 21st century: materials of the International Scientific Conference]. Moskva, 2008. S. 344–346. (In Russ.)

Borozniak A.I. Iskuplenie. Nuzhen li Rossii germanskii opyt preodoleniia totalitarnogo proshlogo? [Redemption. Does Russia need the German experience of overcoming the totalitarian past?]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Borozniak A.I. Natsistskaia agresiiia protiv SSSR v zerkale sovremennoi istoriografii FRG: novye orientiry issledovaniia [Nazi aggression against the USSR in the mirror of modern historiography of Germany: new research guidelines] // Novye podkhody k izucheniiu sovremennoi istorii (k 40-letiiu IVI RAN). Materialy iubileinoi nauchnoi konferentsii [New approaches to the study of modern history (to the 40th anniversary of the IVI RAS). Materials of the jubilee scientific conference]. Moskva, 2011. S. 39–54. (In Russ.)

Borozniak A.I. Problematika bitvy na Volge v otechestvennoi istoricheskoi nauke 40–90-kh gg. [Problematics of the Battle on the Volga in the Russian historical science of the 40–90s] // Stalingrad: chemu russkie i nemtsy nauchilis' za 60 let: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Volgograd, 3–5 apreliia 2003 g. [Stalingrad: what Russians and Germans have learned in 60 years. Materials of the International Scientific Conference. Volgograd, April 3–5, 2003]. Volgograd, 2003. S. 15–23. (In Russ.)

Borozniak A.I. Proshloe, kotoroe ne ukhodit. Ocherki istorii i istoriografii Germanii XX veka [The past that does not go away. Essays on the history and historiography of 20th century Germany]. Ekaterinburg, 2004. (In Russ.)

Borozniak A.I. Uroki Germanii v Rossii eshche ne vostrebovany [The lessons of Germany in Russia are not yet in demand] // Preodolenie proshlogo i novye orientiry ego pereosmysleniia. Opyt Rossii i Germanii na rubezhe vekov. Mezhdunarodnaia konferentsiia [Overcoming the past and new guidelines for its rethinking. The experience of Russia and Germany at the turn of the century. International Conference]. Moskva, 2002. S. 71–72. (In Russ.)

Borozniak A.I. Zhestokaia pamiat'. Natsistskii reikh v vospriatii nemsev vtoroi poloviny XX i nachala XXI veka [Cruel memory. The Nazi Reich in the perception of the Germans of the second half of the 20th and the beginning of the 21st century]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Rossia i Germaniia v sud'bach rossiiskikh istorikov. K 90-letiiu so dnia rozhdeniia professora LGPU Aleksandra Ivanovicha Borozniaka: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Lipetsk, 3 fevralia 2023 g. [Russia and Germany in the fate of Russian historians. To the 90th anniversary of the birth of LSPU Professor Alexander Ivanovich Borozniak: Materials of the International Scientific Conference. Lipetsk, February 3, 2023]. Lipetsk, 2023. (In Russ.)

Erbrich E. Ich hab' das Lachen nicht verlernt. Die Lebensgeschichte von Edith Erbrich aufgezeichnet von Peter Holle. Neu-Isenburg, 2014.

⁶ Россия и Германия в судьбах российских историков. К 90-летию со дня рождения профессора ЛГПУ Александра Ивановича Борозняка: материалы Международной научной конференции. Липецк, 3 февраля 2023 г. Липецк, 2023.

ДЛЯ АВТОРОВ

Любая подаваемая для рецензирования и возможной публикации статья должна являться оригинальным исследованием автора, которое не было опубликовано ранее, полностью или частично, ни в печатном, ни в электронном виде и которое не находится на рассмотрении в другом журнале.

1. Авторы подают рукопись, оформленную по установленным правилам, в электронном виде через сайт журнала: <https://nni.jes.su> (требуется регистрация на сайте).
2. Все рукописи проходят процесс двойного слепого рецензирования.
3. Решение о принятии статьи к публикации принимается в течение трех месяцев с момента поступления рукописи в редакцию. Автор будет извещен о результатах рецензирования. Рецензии (в анонимном виде) могут быть направлены автору по запросу.
4. При положительном заключении рецензентов статья передается редактору для подготовки к печати. При принятии решения о доработке статьи замечания и комментарии рецензентов передаются автору. Автору дается 1 месяц на устранение замечаний. Если в течение этого срока автор не уведомил редакцию о планируемых действиях, статья снимается с очереди публикации.
5. Объем текста рукописи статьи не должен превышать 1,2 п.л. (до 50 тыс. знаков), включая аннотацию, ключевые слова, сноски и библиографию/references. Объем рецензии не должен превышать 0,4 п.л. (16 тыс. знаков). Текст рукописи должен быть сохранен в форматах doc, docx, rtf.
6. Рукописи, отредактированные автором, должны быть напечатаны шрифтом Times New Roman (размер шрифта – 14) через полтора интервала.
7. Нумерация страниц должна быть сквозной, номер страницы проставляется вверху, посередине страницы.
8. Аннотация (200–230 слов) и ключевые слова (до 5–9) должны быть представлены на английском и русском языках.
9. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и основные выводы автора.
10. Ключевые слова необходимы для индексирования статьи в библиографических базах данных и на сайтах библиотек, поэтому они должны соответствовать общепринятым историческим терминам и понятиям, рубрикам предметных каталогов ведущих российских и иностранных библиотек.
11. Журнал «Новая и новейшая история» осуществляет процесс двойного слепого рецензирования. Поэтому вся информация об авторе (ФИО автора, ученая степень и звание, место работы, электронный адрес автора, а также идентификационный номер автора (ID) в базах Web of Science и/или Scopus на русском и английском языках) должна располагаться на отдельном листе и высылаться отдельным файлом.
12. Текст статьи должен начинаться с ее названия, текст присылается в редакцию отдельным файлом. В названии файла, содержащего текст рукописи, не следует указывать имя и фамилию автора. Названия статей должны быть приведены на русском и английском языках.
13. Сноски, по возможности, не должны превышать 10–15% текста и быть постраничными.
14. Мы просим авторов не использовать графики, таблицы, карты, иллюстрации и т.п. без крайней необходимости.
15. Библиография и References помещаются в конце статьи и оформляются по общепринятым правилам.

Подробная информация по требованиям к авторам и примеры оформления статей размещены в разделе «авторам» на сайте журнала: <https://nni.jes.su>

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «**Мои публикации**» станет активной кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛОВ:

Г.Г. Акимова, А.В. Короленков, Ю.А. Рябчикова

Зав. редакцией *В.В. Лоскутова*

Подписано к печати 05.06.2023 г.
Дата выхода в свет: 19.05.2023 г.
Тираж 270 экз.

70•100¹/₁₆
Зак. 11/3а.

Уч.-изд. л. 23.4
Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

18+

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт Информационных технологий»
Свидетельство о регистрации в Министерстве печати и информации РФ № 0110133 от 04.02.1993
Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1